

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ

Сборник статей по материалам конференции,
проходившей в Библиотеке РАН
25–27 мая 2010 г.

Санкт-Петербург
2011

ББК 63.2
С 56

Ответственный редактор *И.М. Беляева*
Составитель *М.В. Корогодина*

С 56 **Современные проблемы археографии:** Сб. ст. по материалам конф., проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. / Отв. ред. И.М. Беляева; сост. М.В. Корогодина. — СПб.: БАН. — 2011. — 376 с.

ISBN 978-5-336-00131-0

В предлагаемом сборнике представлены статьи по самым широким аспектам современной археографии, охватывающим время с XI по XX вв. Их авторами являются в основном российские ученые, а также специалисты из Болгарии, Литвы, Украины, Сербии и США.

ББК 63.2

ISBN 978-5-336-00131-0

© Библиотека Российской академии наук, 2011
© Коллектив авторов, 2011

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научной конференции «Современные проблемы археографии», приуроченной к столетию издания В.И. Срезневским и Ф.И. Покровским первого тома фундаментального многотомного описания рукописей, хранящихся в Рукописном отделении Библиотеки Императорской академии наук (ныне Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук). Он включает статьи, в которых рассматривается широкий круг вопросов современной археографии, связанных, в первую очередь, с описанием и изучением рукописных и старопечатных древнерусских, южнославянских и греческих книг, хотя основное внимание уделено русскому средневековью. Хронологические рамки затронутых тем охватывают время с XI по XX вв.

В представленных работах исследуются различные методики описания рукописей: по собраниям, по мере их поступления, по коллекциям, принадлежащей той или другой местности. Большое внимание уделено такой важной теме, как судьба целостных средневековых собраний, рассеянных в настоящее время по различным хранилищам. Описываются методики их реконструкции, локализации и датировки. Целостностью средневекового собрания часто можно объяснить связи между различными книжными и культурными центрами, взаимное их влияние на историю создания и распространения новых книжных памятников, в том числе летописного и юридического характера. Реконструкция разрозненных библиотек приводит к пониманию не только культуры, но и политической истории определенного территориального образования.

Затронута интересная тема изучения отдельных памятников, списки которых находятся в различных хранилищах. В статьях, посвященных печатным каталогам рукописных сборников, рассматриваются проблемы их поиска и систематизации. Выявление этих изданий важно для специалистов, занимающихся изучением средневековых текстов, поскольку многие из них, небольшие по объему, остаются до настоящего времени неизвестными.

Несомненный интерес вызывает история формирования частных коллекций в XIX — первой половине XX вв. — археографическое собирательство и коллекционирование памятников старины, а также процесс пополнения фондов государственных архивохранилищ путем покупок и находок археографических экспедиций. В настоящее время большое количество редких изданий по-прежнему находятся в частных коллекциях и недоступны для исследователей. При этом многие российские государственные библиотеки и архивы из-за финансовых затруднений отказываются от приобретения книжных раритетов и организации экспедиций.

На необходимость дальнейшего изучения и описания рукописного наследия в своих работах указывают как отечественные, так и зарубежные ученые. Это позволит собрать сведения об уникальных, а также малоизвестных памятниках, датировать многие из них и локализовать.

Вопросы научного описания рукописных книг, в том числе создания вспомогательного аппарата — указателей, составление которых весьма трудоемко, но совершенно необходимо для читателей, а также проблемы, связанные с обеспечением сохранности и реставрации книжных памятников, сохранением культурного наследия, всегда будут находиться в поле зрения специалистов-книжников.

Несомненно, ведущая роль в решении тех задач, которые касаются изучения и описания славяно-русских книг, принадлежит российским ученым.

И.М. Беляева

Часть 1

НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ
РУКОПИСЕЙ
И СОЗДАНИЕ СВОДНЫХ КАТАЛОГОВ

И.М. Беляева

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ РУКОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ (на примере БАН)

Задачи обеспечения сохранности мирового культурного наследия никогда не утратят своей актуальности и остроты. Их решение напрямую касаются нас, хранителей рукописных и книжных фондов.

Истоки проблем сохранности восходят к глубокой древности, когда примерно в середине II тысячелетия до н. э. после возникновения письменности появились рукописи, соответственно первые библиотеки, где они хранились. И уже тогда перед хранителями встали вопросы, связанные с поиском путей сбережения созданных ими документальных памятников для будущих поколений.

Исторические факты свидетельствуют о том, что хранители вели не только учет, но и пытались защитить документы от неблагоприятных воздействий природы и человека. Постоянно шла работа по поиску эффективных методов их сохранения. Например, на берегах Нила папирусные свитки, разворачивали и сушили после каждого сезона дождей, проверяли, не смыл ли дождь надписи, сделанные красками. Для защиты от насекомых, влаги и пыли, египтяне, греки и римляне хранили папирусные документы в цилиндрических ящиках, сделанных из дерева или слоновой кости.

Соответственно со временем появляются документы, регламентирующие деятельность библиотек и библиотекарей, в том числе и по сохранности фондов. Так, в Уставе греческого Студийского монастыря, который в XI в. был введен и в русские монастыри, предписывалось иметь при монастыре библиотеку и книгохранителя, ответственного за ее деятельность и сохранность. В этот период книги изготавливались преимущественно из пергамента и тряпичной бумаги ручного производства. Они уже стали обладать довольно высокой прочностью. Кроме того, характерной чертой средневековой библиотековедческой мысли было понимание библиотеки как замкнутого собрания книг, которым пользовался узкий круг лиц. Поэтому использование фондов само по себе не вступало в противоречие с решением проблем их сохранения. Все это, по-видимому, и обусловило возможность того, что памятники древней письменности дошли до наших дней.

Учрежденная по указу Петра I «для использования и сохранения впредь» первая государственная библиотека — Библиотека Академии наук — в период всего своего существования выполняла свои функции не только по предоставлению читателям своих собраний, но и обеспечению их сохранности для потомков.

В настоящее время, с одной стороны, существует глубокое понимание непреходящей ценности дошедших до нас памятников истории и культуры, с другой, — продолжает возрастать опасность их разрушения из-за постоянно ухудшающейся экологической обстановки, экономической нестабильности,

случаев вандализма и небрежного отношения к документам, а также из-за нередко упрощенного доступа к ним.

Сегодня, как никогда, обеспечение сохранности фондов является важной и сложной проблемой, затрагивающей социальные, технологические, экономические и иные аспекты жизни библиотек.

Можно выделить пять основных факторов, влияющих на физическое состояние документов: атмосферные, волновой энергии, биологические, экстремальной ситуации и связанные с деятельностью человека в процессе организации и использования документов.

В БАН проблемы продления жизни документов решаются двумя способами, связанными друг с другом: первый — индивидуальная работа с конкретным объектом, т.е. стабилизация и реставрация документа; второй — система профилактических мероприятий, направленных на сохранение коллекций в целом, т.е. разработка превентивных программ.

Достаточно широко распространено мнение о том, что сохранить фонды можно в основном только за счет реставрации, однако оно явно ошибочное.

Реставрационный процесс можно сравнить со сложной медицинской операцией, которая может не только спасти, но и погубить. Поэтому часто перед хранителями встают нелегкие вопросы, какие конкретно памятники необходимо отреставрировать и каковы цели реставрации.

Крайне важно, чтобы воздействие на документ в процессе реставрации было очень осторожным и продуманным. В научно-исследовательском отделе консервации БАН используются лишь те материалы, пригодность которых подтверждена долгой практикой и лабораторными тестами. Работу эту могут осуществить только технически грамотные люди, профессионалы. Следовательно, реставрационные работы требуют наличия хорошо подготовленных кадров и больших затрат труда, поэтому они дорогостоящие и обычно проводятся только с теми документами, которые в этом нуждаются, а тогда и затраты будут вполне обоснованы и целесообразны.

Реставрационные работы рукописных памятников в Библиотеке проводятся высококвалифицированными специалистами.

С развитием системы различных грантов, оказанием спонсорской помощи отдельных меценатов и организаций стало возможным проводить крупные совместные реставрационные работы.

Приведу один пример.

Памятник собирательства Андрея Андреевича Вениуса — большой альбом со 171 рисунком и 138 гравюрами. Среди рисунков есть оригинальные произведения таких известных мастеров, как Я. Ливенс, Р. Саверей и Н. Кньюфер, а также работы самого Вениуса. Из-за интенсивного использования в течение трехсот лет альбом приобрел многочисленные повреждения, которые создавали угрозу быстрого разрушения. Чудом уцелевшим до наших дней художественным альбомом заинтересовались специалисты из Нидерландов. Амстердамский исторический музей обратился к Библиотеке Российской академии наук с предложением произвести реставрационные работы в Нидерландах. Библиотека приняла предложение, так как состояние альбома давно вызывало опасение. Альбом был восстановлен нашими и голландскими реставраторами в короткий

срок с минимальным вмешательством и уважением к уникальному памятнику, что сделало его доступным пользователям.

В последние годы в Библиотеке академии наук приоритеты отданы превентивным формам консервации, позволяющим максимально повысить сохранность возможно большего количества документов с минимальным вмешательством в структуру самих документов и, соответственно, достичь наиболее экономичной формы этой работы.

Наличие материально-технической базы и подготовленных кадров позволило разработать в БАН Программу фазовой консервации, включающей основные направления обеспечения сохранности редких документов, которым соответствуют следующие виды деятельности:

- изучение состава и физического состояния документов;
- систематическое обследование условий хранения фондов;
- разработка и создание информационной базы данных.
- организация технологического процесса фазовой консервации;
- физико-химическая и биологическая обработки документов;
- разработка методической и нормативно-технологической документации.

Суть ее заключается в том, что документы помещаются в специальные контейнеры — коробки из бескислотного картона или из инертного материала — и хранятся в них в любой фазе их существования, в любом состоянии, на любой стадии обработки. Подобная консервация повышает долговечность документа и его износостойкость вследствие ослабления влияния внешней среды (света, влаги, пыли, химических примесей в атмосфере, микроорганизмов) и уменьшения механических нагрузок при использовании документа. Одним из существенных положительных моментов фазовой консервации является то, что она может носить массовый характер.

Главные доводы в пользу фазовой консервации:

- механическое предохранение документа при его пользовании;
- защита документа от трения друг от друга на стеллажах;
- защита от светового излучения (как естественного, так и искусственного);
- предотвращение попадания пыли на документы;
- защита от пагубных изменений окружающей среды;
- сохранение документов при их транспортировке;
- предохранение от действия повреждающих факторов в чрезвычайных ситуациях (вода, огонь, дым, копоть и пр.);

Поставленные задачи успешно решаются при условии качественного информационного обеспечения. Была разработана структура записи, детально отражающая всю специфику фонда по составу и физическому состоянию с указанием необходимых мероприятий по его консервации. Для ввода в компьютер была создана информационная карта, в которую вносились все необходимые сведения не только о степени сохранности, но и об историко-культурной значимости документа.

Например, информационная карта, созданная для каждой из книг библиотеки Петра I, содержит 153 различные характеристики. По содержанию и форме все эти данные можно подразделить на пять крупных блоков:

- библиотечно-библиографические сведения;
- материалы и техника изготовления книг;

- сохранность переплета и блока. Идентификация повреждений;
- консервационные обработки: примененные, желательные, допустимые;
- рекомендации по сохранению и использованию на будущее.

Разработанная программа содержит полный механизм реализации всего комплекса мер превентивной консервации для каждой отдельно взятой коллекции.

Представляется важным и то обстоятельство, что в программе удалось соблюсти принцип наименьшего вмешательства в материальную основу документов и использовать методы максимальной осторожности в применении современных консервационных обработках.

Во многом этого удалось достигнуть тем, что с каждым документом проводится комплекс следующих процедур:

- экспертная оценка состояния;
- составление информационной карты;
- гигиеническая обработка;
- биологическое исследование;
- дезинфекционная обработка;
- физико-химическое исследование;
- стабилизация кожи и пергамена переплетов;
- замеры книг для кроя картона;
- изготовление из картона индивидуальных микроклиматических контейнеров;
- ввод данных о состоянии коллекции;
- размещение книг в индивидуальном микроклиматическом контейнере;
- биологический мониторинг в дальнейшем хранении.

Следует отметить, что в процессе внедрения фазовой консервации удастся также обеспечить наиболее легкую ее обратимость за счет применения микроклиматических контейнеров.

Выполненная программа исследований и реализация конкретных технологических приемов консервации стали качественно новым этапом в определении основных направлений политики обеспечения сохранности коллекций редких и ценных документов БАН.

В форму фазового хранения в фонде рукописей переведены более 4000 документов.

Еще одной положительной, на наш взгляд, отличительной особенностью этой программы является то, что при ее разработке и внедрении был сформирован единый язык общения хранителя и консерватора. Хранитель должен не только уметь диагностировать ситуацию, сложившуюся в книгохранилище, но и общаться с консерваторами и своими коллегами на одном профессиональном языке. В конечном счете ему, хранителю, принадлежит главная роль в поисках наиболее правильных, оптимальных путей и способов решения проблемы.

Перед хранителями всегда стояла главная задача — всеми возможными способами сберечь уникальные рукописные документы.

Необходимо разграничить понятия обеспечение сохранности документа как материального объекта (т. е. консервация материальной основы документа) и сохранение информации, зафиксированной в документе.

Научное описание рукописей не только основная форма раскрытия наших богатейших фондов, но и один из способов обеспечения сохранности. Издание научных описаний играет охранную роль, т. е. оберегает рукопись от излишнего использования.

Не буду останавливаться подробно на изданиях, которые увидели свет в последние годы, скажу только, что наши достижения стали возможны потому что в БАН сложился высококвалифицированный творческий коллектив специалистов — историков, филологов, искусствоведов.

Появились крупные исследовательские работы, капитальные каталоги, среди которых выделяются такие, например, как Книги из собрания Аптекарского приказа, Книги из библиотеки Виниуса, Описания рукописных книг из библиотеки Петра I. Книги из библиотеки Я. Брюса. В этих работах дается полное описание, включающее в себя максимум сведений, непосредственно относящихся к данному изданию (сведения, находящиеся на титульном листе, в содержании самой книги, подробная характеристика самого экземпляра, вспомогательные указатели). Очень важно, что перечисленные каталоги сопровождаются иллюстрациями.

Публикация крупного исследования — «Библиотеки Петра I. Описание рукописных книг» явилось значимым событием для научной общественности. Книжное собрание Петра Великого является важной составной частью первоначального фонда БАН и относится к числу старейших ее фондов.

Воссоздание библиотеки Петра было началом работы, основанной на многолетнем кропотливом изучении архивных материалов и книжных фондов.

Настоящее издание — это подробное научное описание первого раздела петровской библиотеки, 250 рукописных книг, принадлежавших самому Петру и его родным (отцу, старшему брату, сестрам), выполненное И.Н. Лебедевой, научным сотрудником, проработавшим в Отделе рукописей более 35 лет.

Другой, более действенной формой сохранения рукописных памятников несомненно являются факсимильные издания.

Остановлюсь на нескольких наиболее значимых памятниках.

В 1976 г. в издательстве «Эдицион Лейпциг» была опубликована факсимильно рукопись БАН, содержащая 254 энтомологических рисунка известной голландской художницы XVII в. Марии Сибиллы Мериан.

В 1994 г. увидело свет факсимильное издание древнейшей русской иллюстрированной летописи конца XV в. — Радзивилловской. Описание 206 миниатюр выполнено М.В. Кукушкиной.

В 2008 г. издательством «Актеон» завершен уникальный проект по изданию десяти томов Лицевого летописного свода, хранящихся в БАН, ГИМ и РНБ.

Вышло в свет репринтное издание Альбома Виниуса.

Подобные издания не только значительно расширяют доступ к памятникам, но и обеспечивают сохранность оригинала.

Сложность проблемы обеспечения сохранности фондов заключается в ее многоплановости и масштабности, и отсюда главной задачей является выбор приоритетных направлений для ее решения.

Вполне естественно, что выбор конкретных способов и приемов зависит не только от общего состояния научных знаний, применяемых для сбережения данного объекта, но и от уровня развития научных основ консервации в учреж-

дении — владельце коллекций, от его финансовых и материально-технических возможностей.

Любое собрание рукописных книг приобретает ценность, когда становится известным широкому кругу специалистов и читателей. В настоящее время возрастают требования к интеллектуальному и духовному развитию человека, поэтому так важна передача от поколения к поколению накопленных знаний. Перед хранителями всегда стояла главная задача — донести до потомков в первоизданном виде хотя бы частицу духовной культуры прошлого.

Н.Ю. Бубнов

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ОПИСАНИЯ РУКОПИСЕЙ В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК: ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ

Рукописный отдел БАН организован в 1900 г. Его первым заведующим стал выдающийся филолог и археограф Всеволод Измаилович Срезневский. Первейшей задачей сотрудников Отдела было выделение рукописного фонда в особое хранение и организация его научного описания. Предстояла непростая задача по выработке основополагающих принципов такого описания, учитывающих новейшие разработки отечественной и мировой археографии. Решению этой задачи было посвящено первое десятилетие существования Отдела, завершившееся основанием серии научного описания рукописей, первый том которого увидел свет в 1910 г.¹ В предисловии этого издания авторами Описания была изложена программа организации всей серии описаний по систематическому принципу². Эта программа, хотя и с некоторыми отступлениями, о которых мы будем говорить ниже, до сих пор осуществляется в БАН. За прошедшее столетие увидели свет 10 томов систематической серии в 14 выпусках и несколько вне серийных томов описаний.

Анализируя вопросы теории и практики научного описания исторических источников, Д.Н. Альшиц отмечает, что «в силу разнообразия состава собраний, делающих их рукописи предметами изучения разных наук... научное описание рукописей существует как некое межнаучное занятие, одинаково относящиеся к истории, литературе, языкознанию, юриспруденции, к библиотечно-библиографическим знаниям и соответственно не относящиеся в полной мере ни к одной из этих областей. В результате научное описание рукописных собраний живет самостоятельной и замкнутой методической жизнью, и современное состояние этой работы характеризуется крайней не современностью»³.

Вместе с тем, тот же автор, критикуя сложившуюся в БАН практику научных описаний, построенных по систематическому принципу, называет вышедшие описания «тематическими» и высказывает сомнения в том, что весь обширный комплекс хранящихся в БАН рукописей можно «исчерпать тема за темой» в сколько-нибудь обозримое время⁴. В отзывах других оппонентов звучит также упрек в том, что за рассматриваемый период в БАН «не было описано ни одно рукописное собрание»⁵ из числящихся ныне 84-х собраний, имеющих отдельные рукописные описи.

Не отвергая полностью критических замечаний в адрес программы работы Отдела, нам хотелось бы остановиться на некоторых аспектах рассматриваемой темы, объясняющих избранный описателями БАН столетие назад «единственный в своем роде подход» к научному описанию хранимого рукописного фонда.

Прежде всего, необходимо указать, что к началу XX века в Рукописном отделе БАН хранилось всего примерно 2000–2500 рукописей древнерусской

и югославянской традиции⁶, составлявших единое, исторически сложившееся собрание, в основе которого лежала личная библиотека Петра I и его родственников. В состав этого собрания, «растворенного» в дальнейшем в позднейших поступлениях, входило около 250 рукописей⁷. В XVIII столетии рукописный фонд БАН пополнялся достаточно медленно. Каталог Соколова (в двух выпусках), составленный в 1818 г., отразил в краткой форме 460 рукописных книг⁸. Заметим, что уже в этом каталоге была сделана попытка систематизации рукописей, разделенных на два раздела: 1) книги по истории и географии России; 2) книги церковные. Таким образом, систематическое описание древнерусских рукописей, задуманное В.И. Срезневским и Ф.И. Покровским, было вполне реальным и достижимым в обозримый исторический период.

Не следует забывать, однако, что организаторы нового Рукописного отдела ставили перед собой, помимо задуманного научного описания, еще одну грандиозную задачу: постоянно пополнять рукописный фонд Академической библиотеки за счет активной собирательской деятельности в форме археографических экспедиций в районы проживания русских старообрядцев — хранителей древних книг и рукописей. Эта деятельность вдохновлялась необычайными успехами частных собирателей и книготорговцев Москвы и Санкт-Петербурга и сведениями о составлении многими частными лицами обширных рукописных коллекций. Археографические экспедиции В.И. Срезневского по Северу России, осуществлявшиеся в 1901—1905 гг., были первыми государственными официальными археографическими экспедициями, предусматривающими приобретение рукописей и книг у населения империи для научных нужд. Результаты этих экспедиций публиковались в академических изданиях, а методика их проведения отработывалась в ходе публичных обсуждений. Необычайный успех экспедиций (за 5 лет было найдено и приобретено для БАН свыше 2000 рукописей) поставил перед Рукописным отделом новую задачу о необходимости их скорейшего научного описания и введения в научный оборот. Так появились серия из 5 научных описаний вновь приобретенных БАН рукописей: «Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Библиотеку АН»⁹. Одним из итогов этой работы стал том, в котором получили максимально подробное описание рукописи и книги, собранные В.И. Срезневским в Олонецком крае¹⁰. Это было первое в отечественной науке подробное описание «территориальной коллекции», отражающей специфику книжной культуры определенного региона.

Работа В.И. Срезневского над новоприобретенными рукописями явилась своеобразным полигоном для классификации рукописей по систематическому принципу, осуществленной внутри томов описаний. В последнем выпуске «Сведений», а также при описании Олонецкого собрания, им была разработана систематизация, включающая 16 разделов: 1. Книги священного писания; 2. Творения отцов и учителей церкви; 3. Сочинения догматические и полемические; 4. Сочинения учительные; 5. Книги богослужебные; 6. Право церковное; 7. Материалы историко-юридические; 8. История церковная и гражданская; 9. Жития святых; 10. Материалы историко-литературные; 11. Литература; 12. Путешествия и описания местностей и зданий; 13. Языкознание; 14. Медицина; 15. Математика; 16. Сборники. Эта классификация, претерпев некоторую модификацию, была применена авторами в двух

первых томах систематической серии, в состав которых были включены описания 884 рукописей из первых пяти разделов классификации: 1. Книги Священного писания; 2. Книги богослужебные¹¹; 3. Творения отцов и учителей церкви; 4. Богословие догматическое и полемическое; 5. Богословие учительное¹².

Можно предполагать, что у описателей БАН были в рассматриваемый период и определенные трудности. Главная из них заключалась в том, что работа с каждым рукописным собранием (и не только в БАН) предполагает некий предварительный этап, заключающийся в формировании тематики или основополагающей «идеи» каждого такого собрания. Формируя свои коллекции, частные собиратели приобретали, в основном, рукописи «по интересам», выбирая из всего книжного многообразия то, что их более интересовало. При этом «случайные» и непрофильные рукописи продавались или обменивались на нужные. Славистов интересовали древние кодексы, или даже их фрагменты, интересные с точки зрения языковых изводов и палеографических особенностей, любителей искусства — лицевые рукописи, любителей пения — рукописи с линейной или крюковой нотацией и т. п. Иногда и внутри этих собраний рукописи группировались по разделам знаний¹³. В то же время, крупные «старые» рукописные собрания формировались стихийно по «расстановочному» принципу. Такой способ «организации» фонда никак нельзя назвать «классификацией», как это делает Д.Н. Альшиц, говоря, в частности, об Основном собрании РНБ¹⁴. Для нас не подлежит сомнению, что классификация такого рода собрания или коллекции по избранной системе — необходимый этап, предшествующий описанию. Причем такая классификация может быть как физической (с перешифровкой рукописей, если они еще не вошли в научный оборот), так и виртуальной.

Рукописные собрания, сформировавшиеся в русских средневековых монастырях, довольно типичны по своему содержанию и включают хотя и довольно обширный, но, в общем, ограниченный круг книжности, доступный для освоения одним средневековым эрудитом. Пример такого собрания — Архангельское собрание БАН, сформированное в Архангельске из рукописей упраздненных в разное время северных монастырей. Рукописи такого рода собраний, в которых много сборников, трудно поддаются внутренней систематизации и могут описываться в порядке расстановки внутри собрания¹⁵.

Особым типом рукописных собраний стали территориальные собрания, сформированные в различных древлехранилищах уже в XX в. на базе археографических экспедиций в определенные районы страны. Здесь археографы собирали, в общем, все доступные им образцы книжной продукции, соотнося находки с изучением книжной и иных форм письменной культуры. Одной из особенностей находимых здесь книг старообрядческого и до-старообрядческого бытования — это очевидное преобладание сборников смешанного состава. Каждый из таких сборников — часто целая небольшая крестьянская библиотека, куда хозяин иногда сам переписывал полюбившиеся ему жития, сказания, стихи и притчи. В сборниках XVIII—XX вв. значительное место занимают и новые старообрядческие сочинения, как правило, небольшого объема. Примером научного описания такого рода собрания, помимо вышеназванного Олонецкого собрания, описанного В.И. Срезневским, может служить недавно

увидевшее свет описание Пинежского собрания Пушкинского Дома, снабженное прекрасными указателями¹⁶.

Работа над описанием крупных рукописных собраний, сложившихся за длительный период в государственных древлехранилищах, представляет для описателей особую сложность. Комплектование этих собраний происходило стихийно, с ними работали разные люди с различными интересами и приоритетами. Такие собрания имеют по преимуществу «крепостную» систему расстановки книг по формату. В Основном собрании БАН «крепостная», «шкафная» расстановка была введена с середины XIX в. и закреплена в качестве шифра¹⁷. При такой системе хранения и шифровки описывать рукописи «подряд», по номерам: 1, 2, 3..., было просто невозможно. В таком описании «подряд по номерам», рукописи XIV и XX вв., к тому же совершенно различного содержания, в описании бы сплошь и рядом чередовались. Таким образом, построение многотомного описания Основного собрания БАН по систематическому принципу для описателей начала XX в. не имело альтернативы. Первым опытом такого построения описания было создание «Охранной описи Рукописного собрания БАН», 1-й выпуск которой увидел свет в 1905 г.¹⁸ В Охранной описи получили подробное научное описание книги Священного писания, а именно Евангелия, Апостолы и Псалтыри, с приложением публикаций интересных и важных текстов и палеографических снимков. Характерной особенностью этого издания стала попытка В.И. Срезневского новой перешифровки рукописей и, по-видимому, новой их расстановки в соответствии с новыми шифрами. Однако, как мы можем заключить, от столь радикального замысла организации фонда по систематическому принципу пришлось отказаться как невыполнимого.

Одной из причин отказа от задуманной кардинальной реформы организации и описания фонда БАН стала еще одна «беда», общая в эти годы для многих древлехранилищ. С возникновением Рукописного отдела в начале XX в. в него как из рога изобилия стали поступать новые рукописные собрания. Особенно этот процесс усилился после революционных событий 1917 г. В Рукописный отдел БАН поступили десятки собраний собирателей рукописей: профессоров университетов, купцов-старообрядцев, уехавших за рубеж аристократов и т. д. Общий объем рукописей хранилища за счет этих собраний увеличился втрое. Возобновившиеся в конце 50-х годов археографические экспедиции добавили в фонды БАН еще до 4-х тысяч новых рукописей. Создалась ситуация, когда небольшой коллектив Отдела не успевал даже кратко описывать вновь поступившие коллекции, а процент рукописей, получавших полноценное научное описание, не возрастал, как хотелось бы, а неуклонно снижался. Этого книжного «цунами» новая система не выдержала, так как требовались все новые и новые добавления в уже завершенные описанием и шифровкой новые систематические разделы, к тому же «разрушать» сформировавшиеся тематические частные коллекции было явно нецелесообразно.

Однако следование описателей БАН систематическому принципу описания постепенно приносило и свои плоды. Так, в 1-м выпуске 3-го тома «Исторические рукописи» были описаны все хранящиеся в различных собраниях Отдела летописи, хронографы, разрядные книги, изучение которых особенно важно для отечественной исторической науки. С выходом в свет первого выпуска

«Лицевых старообрядческих рукописей XVIII — первой половины XX вв.» можно говорить о полном охвате описанием изобразительного материала старообрядческих рукописей поздней традиции, а в несерийном томе «Пергаменные рукописи БАН XI–XVI вв.» получили описания все рукописи хранилища, написанные на пергамене.

Систематический принцип был применен и при описании рукописей БАН, содержащих сочинения писателей-старообрядцев. Постановка этой темы была продиктована тем, что не имело научного описания одно из крупнейших собраний такого рода — собрание В.Г. Дружинина, поступившее в БАН в 1918 г. и составляющее более 1100 ед. хранения. Почти все рукописи этого собрания — сборники, содержащие тысячи оригинальных сочинений. Описать такое собрание — задача непосильная для одного сотрудника. К тому же другие рукописные собрания БАН, содержат (все вместе) почти столько же списков сочинений старообрядческих писателей, что и Дружининское собрание. Таким образом, при отборе материала для описания не следовало ограничиваться только описанием «дружининских» списков, было целесообразно включать в планируемое «Описание» и рукописи с аналогичными текстами из других собраний¹⁹. В результате успешной реализации такого плана, сегодня можно сказать, что БАН является единственным крупным отечественным древлехранителем, где описаны все списки сочинений протопопа Аввакума и его сподвижников, все списки сочинений писателей Выговской литературной школы первой половины XVIII в.

Наш главный уважаемый критик Д.Н. Альшиц считает, что отличительной чертой принципа описаний, «который установился в БАН с 1910 г.», заключается в «заранее заданном» содержании данного раздела систематизации, т. е. данного тома описания, «а потом под заданную тему из всех собраний и коллекций выбирается материал для описания». При этом автор справедливо отмечает, что «описания такого рода не есть описания собраний или фондов»²⁰. Здесь следует учитывать различную специфику РНБ (где работал Даниил Натанович) и БАН. Если Рукописный отдел РНБ всегда являлся относительно самостоятельной структурой, своего рода «вещью в себе», многие годы самостоятельно планируя первоочередность научных описаний своих коллекций, то БАН — ведомственное учреждение, удовлетворяющее в первую очередь запросы научных институтов Академии наук. Система описаний выборочных тематических комплексов позволила БАН актуализировать практику описаний, оптимально соотнося её с научными планами академических институтов — основных потребителей новой информации. Эта система позволяет оперативно реагировать на складывающийся общественный заказ, учитывая многие факторы, и тем самым преодолевать «замкнутость» и «несовременность» некоторых научных описаний ряда рукописных собраний, отмечаемую критиками.

Другой идеей, развиваемой Д.Н. Альшицом, является утверждение, что мы классифицируем «не рукописи, а заключенные в них произведения», пытаемся «осуществить группирование произведений путем группирования рукописей, в которых они находятся»²¹. В этом замечании есть резон, хотя опыт работы с рукописями обычно выявляет тесную связь произведений почти в любом сборнике. Часто такая рукопись в значительной мере отражает круг интересов ее читателя и интересна именно этим. Так, хранящийся в БАН Кучепалдский

сборник XVIII в. был составлен жителем Каргополья, который посетил Выговскую старообрядческую пустынь и ее библиотеку и сделал выписки на интересующие его темы из десятков рукописных книг. Затем составленный им сборник стал одной из книг «общественной библиотеки» деревни Кучепалда, где кочевал из дома в дом и был в 1965 г. найден и приобретен участниками археографической экспедиции.

Планируя тематические описания, наиболее актуальные для текущего момента, оперативно реагируя на запросы академических научных институтов и учебных заведений, Рукописный отдел БАН издал три выпуска 3-го «исторического» тома (1959, 1965, 1971 гг.), работа над которыми совпала с периодом актуализации изучения древнерусского летописания в российских академических институтах и университетах, явилась основой для ряда исторических исследований; два выпуска 4-го тома (1951, 1980) отразили становление и развитие петербургской филологической школы в Пушкинском Доме и СПбГУ, были использованы в работах многих исследователей; появление 2-х выпусков «старообрядческой» серии (т. 7: 1984, 2001) было обусловлено возрождением и развитием в стране полевой археографии как самостоятельной научной дисциплины и возросшим интересом к духовному наследию старообрядцев как носителей традиционной национальной культуры. Этот список примеров можно было бы продолжить.

Немаловажным фактором в «выборе» первоочередных направлений для описания средневековых рукописей, является профессиональная подготовка специалистов. Такой специалист должен обладать кругом знаний, охватывающим почти весь спектр интересов книжника XV–XVII в. и значительный объем гуманитарных знаний человека XVIII–XIX вв. Эти знания приобретаются не только в университетах, но и при практической работе с рукописями. Необходимы также знания древних языков (древнегреческого и латинского, а также югославянских), древнерусской крюковой и линейной нотации, древнерусского искусства. Наличие специалистов, владеющих этими знаниями, позволило Рукописному отделу БАН полностью описать фонд греческих рукописей²² и фонд латинских рукописей по XVII в. включительно²³. Музыковед Ф.В. Панченко успешно начала описание обширной коллекции музыкальных рукописей БАН²⁴. Коллектив авторов, при участии специалиста-искусствоведа Е.К. Братчиковой, описал обширный фонд лицевых старообрядческих рукописей поздней традиции, где впервые в мировой практике подробно отображены сюжеты и художественные особенности около 5 тысяч миниатюр²⁵.

Тем не менее мы не считаем, что избранная БАН система научных описаний является универсальной. Так, представляется крайне желательным создание научных описаний некоторых территориальных собраний БАН, привлекающих исследователей ярко выраженной спецификой входящих в их состав рукописей. Таковы, например, Каргопольское и Вятское собрания, рукописи Белокриницкой старообрядческой митрополии и Рижской Гребеншиковской общины.

Некоторые собрания БАН уже получили прекрасные научные описания. Таково вновь сформированное Собрание рукописей Петра I, описанное И.Н. Лебедевой²⁶. Это описание — итог проделанной сотрудниками БАН реконструкции «растворенного» в фондах БАН первоначального ядра Академической библиотеки. Вышел первый выпуск 8-го тома описаний БАН:

«Рукописи Архангельского собрания»²⁷. Это собрание, хотя и было составлено еще в XIX веке из рукописей ряда северных монастырей, представляет собой несомненно некую общность, отразившую круг знаний и представлений книжников Русского Севера XIV–XVIII вв. Интересно, в частности, что в собрании имеются списки «Поморских ответов», которые мы определили как «миссионерские». Такие списки, из которых были удалены наиболее «неудобные» ответы, использовались миссионерами в полемике со старообрядцами.

Особое место в системе научных описаний БАН занимает Описание пергаменных рукописей, также «не вписывающееся» в систематическую серию²⁸. Это описание, инициированное Археографической комиссией Академии наук, начавшей готовить Сводный каталог русских и славянских рукописей, явилось также в советские годы своеобразным «обходным маневром» для продолжения работы с древними богослужебными и богословскими текстами, долгие годы «не укладывающимися» в рекомендуемую тематику научных исследований. Выход «Описания», где представлены почти все рукописи БАН XI–XIV вв. и часть рукописей XV в., вызвал большой интерес в стране и за рубежом. В настоящее время описание рукописей XIV–XV вв., написанных на бумаге, продолжено А.Г. Сергеевым, и публикация тома, посвященного рукописям XIV в., близится к завершению. В Отделе начата работа по описанию рукописей церковно-канонического права, готовится к изданию «Каталог старообрядческих гектографированных изданий».

На ближайшие годы, на наш взгляд, следовало бы запланировать как первоочередные следующие тома систематической серии: 1) Исторические сочинения (отечественные и переводные); 2) Жития святых (русских, славянских и греческих) и сказания об иконах; 3) Древнерусские «хождения по святым местам», описания путешествий и экспедиций. Эта тематика ярко представлена в фондах БАН и является наиболее актуальной.

¹ Описание Рукописного отдела Библиотеки имп. Академии наук. Т. 1. I. Книги Священного писания; II. Книги богослужебные // Сост.: В.И. Срезневский и Ф. И. Покровский. СПб., 1910.

² Там же. С. X.

³ Альшиц Д.Н. Вопросы теории и практики научного описания исторических источников // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 36.

⁴ Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории Дюпетровской Руси. СПб., 2009. С. 474.

⁵ Там же. С. 475.

⁶ В Рукописном отделе БАН хранились также обширные архивы писателей, историков и филологов. Эти материалы, а также значительный фонд литературных сочинений XVIII–XIX вв. были переданы в различные академические учреждения в ходе академической реформы 1930–1931 гг.

⁷ Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. Автор-составитель И.Н. Лебедева. СПб., 2003.

⁸ Каталог обстоятельный российским рукописным книгам Священного писания, поучительным, служебным и до церковной истории касающимся... вновь сделанный ст. сов. Соколовым. СПб., 1918; Каталог обстоятельный российским рукописным книгам к российской истории и географии принадлежащим... вновь сделанный ст. сов. Соколовым. СПб., 1918.

⁹ Первый выпуск был напечатан в «Известиях Академии наук...», т. XVI, № 2, 1902 г., затем отдельным оттиском в 1902 г.; второй выпуск т. XIX, 1903 г., третий выпуск — т. XX, 1904 г., и отдельно в том же 1904 г.; четвертый выпуск т. XXII–XXIII, 1905; т. XXIV, 1906; т. XXV, 1907.

¹⁰ Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

¹¹ Описание Рукописного отдела Библиотеки имп. Академии наук. Т. I. сост.: *В.И. Срезневский* и *Ф.И. Покровский*. СПб., 1910.

¹² Описание Рукописного отдела Библиотеки имп. Академии наук. Т. II. Сост.: *В.И. Срезневский* и *Ф.И. Покровский*. СПб., 1915.

¹³ Специфику преимущественно небольших рукописных собраний БАН можно почувствовать, прочтя обзоры этих собраний в книге: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век. М.; Л., 1956; Вып. II. XIX–XX века. М.; Л., 1958; [Вып. III]. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.; Л., 1961.

¹⁴ *Альшиц Д.Н.* Вопросы теории и практики... С. 37.

¹⁵ Рукописи Архангельского собрания // Описания Рукописного отдела Библиотеки академии наук. Т. 8, вып. 1. Сост.: *А.А. Амосов, Л.Б. Белова, М.В. Кукушкина*. Л., 1989.

¹⁶ *Савельева Н.В.* Пинежская книжно-рукописная традиция XVI–XX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 1 и 2. СПб., 2003.

¹⁷ Впоследствии она еще более осложнилась в ходе академической реформы 1930 г., когда целые шкафы и полки с книгами были «вырваны» из расстановки и переданы в другие архивохранилища, а возникшие «пустоты» были заполнены вновь поступившими рукописями, в результате чего была нарушена «история комплектования фонда».

¹⁸ Охранная опись Рукописного отделения имп. Академии наук. I. Книги Священного писания. С приложением четырех таблиц снимков. Сост. [*В. Срезневский*]. СПб., 1905.

¹⁹ Сочинения писателей-старообрядцев XVII века // Описание Рукописного отдела БАН. Т. 7. Вып. 1 / Сост.: *Н.Ю. Бубнов*. Л., 1984; Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века // Описание Рукописного отдела БАН. Т. 7. Вып. 2 / Сост.: *Н.Ю. Бубнов*. СПб., 2001.

²⁰ *Альшиц Д.Н.* От легенд к фактам... С. 474–475.

²¹ *Альшиц Д.Н.* Вопросы теории и практики... С. 37.

²² Греческие рукописи // Описание Рукописного отдела БАН. Т. V. Сост. *И.Н. Лебедева*. Л., 1973.

²³ Латинские рукописи БАН // Описание рукописей латинского алфавита X–XV вв. Сост. *Л.И. Киселева*. Л., 1978; Рукописи латинского алфавита XVI–XVII вв. // Описание Рукописного отдела БАН. Т. VII. Сост. *И.Н. Лебедева*. Л., 1979.

²⁴ Певческие книги выголексинского письма // Описание Рукописного отдела БАН. Т. 9. Вып. 1. Сост.: *Ф.В. Панченко*. СПб., 2001.

²⁵ Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX веков // Описание Рукописного отдела БАН. Т. 10. Вып. 1. Авторы-сост.: *Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова*. СПб., 2010.

²⁶ Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. Автор-сост. *И.Н. Лебедева*. СПб., 2003.

²⁷ Рукописи Архангельского собрания // Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 8, вып. 1 / Сост.: *А.А. Амосов, Л.Б. Белова, М.В. Кукушкина*. Л., 1989.

²⁸ Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / Сост.: *Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская*. Л., 1976.

Э.Н. Добрынина

О ДВУХ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ X в.
(РНБ, СПбДА Б I 5 и Греч. 89):
МАТЕРИАЛ ДЛЯ СВОДНОГО КАТАЛОГА
ГРЕЧЕСКИХ ИЛЛЮМИНИРОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ
В РОССИЙСКИХ ХРАНИЛИЩАХ*

Работа над Сводным каталогом греческих иллюминированных рукописей, хранящихся на территории России, началась в 1995 г. В настоящее время подготовлено два тома, которые содержат описания и исследования рукописей IX–X вв. из собраний Государственного Исторического музея, Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки и Библиотеки Российской Академии наук. Несколько рукописей этого периода хранятся также в Российском государственном архиве древних актов, Санкт-Петербургском филиале института истории РАН, Научной библиотеке МГУ, Смоленском краеведческом музее.

В процессе работы над каталогом получены новые данные, касающиеся разных аспектов исследования греческих манускриптов: их состава и содержания, палеографии, художественного оформления и технологии изготовления. Результаты исследований кратко излагаются в соответствующих разделах фактологического описания и с более подробной аргументацией — в сопровождающих их статьях. Ниже публикуется материал по двум греческим рукописям X в. — РНБ, СПбДА, Б I 5 и Греч. 89, — который позволяет уточнить их датировку и стилистическую характеристику декоративного убранства.

1. РНБ, СПбДА, Б I 5. Евангельские чтения, происходящие из собрания Санкт-Петербургской Духовной Академии (РНБ, СПбДА, Б I 5) широко известны в научной литературе (рис. 1). Во всех изданиях эта рукопись приводится с датой 985 г.¹ и рассматривается как памятник искусства этого периода². Датировка рукописи основана на следующей записи писца Михаила на л. 303: «Ἐτελειώθη ἡ ἱερὰ βίβλος αὐτ(η) μηνι ἰουλίῳ κζ' ἡ γραφείσα δια χειρὸς Μιχαήλ μο(να)χ(οῦ) ἐκ προστροπῆς Βασιλείου μο(να)χ(οῦ) πρε(σ)βυτ(έρου) ἡγουμένου τοῦ ἐν αἰίοις π(α)τρ(ὸ)ς ἡμῶν Βασιλείου ἐπι τ(ῆ)ς βασιλείας τῶν εὐσεβεστάτων ἡμῶν βασιλέων Βασιλείου καὶ Κωνσταντ(ίνου) τῶν πορφυρογεννήτων ἔτους ἀπο κτίσεως κόσμου(ου) ϚυϚγ' ινδ(ικτίωνος) ιγ'. Παντες δε οἱ ἀναγινόμεοντες(ες) τὴν ἱερὰν ταυτ(ην) δελτ(ον) ευχ(ην) υπ(έρ) ἐμοῦ τοῦ προσενέγκαντ(ος)»³, что означает: «Закончена сия святая книга 27 июля: написана рукой монаха Михаила по просьбе монаха Василия, пресвитера и игумена [монастыря] во святых отца нашего Василия, в царствование благочестивейших императоров Василия и Константина Порфирородных, в лето от Сотворения мира 6493 индикта 13. Все читающие эту святую книгу да вознесут за меня молитву».

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-04-00400 а.

Рис. 1. Евангельские чтения. Первая половина X в. Писец I. РНБ, СПбДА, Б I 5, л. 46 об.—47

Рукопись украшена орнаментальными заставками, инициалами и концовками, написанными яркими красками, с преобладанием красной, синей и зеленой. Первая заставка представляет собой многочастную композицию без рамки (л. 1), остальные имеют форму «П», символизирующую врата, — это полуциркульные арки или прямоугольные балки на опорах (л. 47, 119 об., 207 об.).⁴ В заставках разнообразные мотивы плетенки и жгута сочетаются с растительными формами, среди которых преобладает мотив листа, показанный в профиль. Такие листообразные формы часто располагаются попарно, обрамляя с двух сторон какой-либо элемент конструкции, опоры заставок или инициалов. Обращают на себя внимание и пальметты причудливых очертаний, которые образуют концовку на л. 46 об. В инициалах интересны редкие мотивы двух рыбок, подвешенных к перекладине (л. 47 об., 52, 89 об. и др.), и пятнистой змеи, обхватившей ствол буквы (л. 136 об., 141, 143 и др.) (рис. 2 а, б). Подобные мотивы побудили К. Вайцмана отнести рукопись СПбДА, Б I 5 к каппадокийской группе, наряду с Евангельскими чтениями из монастыря Иоанна Богослова на Патмосе, cod. 70⁵. По мнению И. Хуттер, орнаментика и форма инициалов в рукописи СПбДА, Б I 5 обнаруживают определенное сходство с декорацией рукописей второй половины X в. из Бодлеанской библиотеки в Оксфорде, Varocci 242 (вместе с фрагментом New College 84) и Varocci 238⁶.

С упомянутыми мнениями можно было бы согласиться, если предположить, что рукопись была создана в отдаленной провинции, чьих пределов новые тенденции книжного искусства достигали с интервалом в половину столетия.

Однако, живость творческой фантазии, которая проявлена в энергичном оформлении этого манускрипта, не позволяет увидеть в нем вторичный вариант растиражированного и архаизирующего искусства. Бурлящее многообразие форм и их сочетаний, несомненно, является продуктом оригинального творческого акта и принадлежит эпохе более древней, нежели последняя четверть X столетия, определенная датой 985 г.

Иными словами, декоративное оформление рукописи, весьма обильное, не содержит признаков, характерных для византийского книжного искусства последней четверти X в., но лежит в русле основных художественных тенденций первой половины столетия. То же относится и к особенностям почерка основного писца книги, который по совокупности признаков принадлежит к первой, а не ко второй половине X столетия.

Однако этот вывод не согласуется с датой, указанной в записи писца на л. 303. Разрешить это противоречие помогает почерковедческий анализ кодекса. В литературе упоминается, что рукопись создана тремя писцами⁷. В действительности над ней работало два писца: писец I (л. 1–292 об.) и писец II — монах Михаил (л. 292 об.—303). Ж. Иригуэн отнес почерк основного писца к *écriture bouletée*. Этот тип письма, отличающийся высокой каллиграфией, возник в первой четверти X в. и использовался преимущественно в рукописях столичного круга⁸. Но писцы не были современниками, точнее сотрудниками. Первый писец скопировал большую часть рукописи, но по какой-то причине не смог ее закончить. Его работа оборвалась внезапно — на середине слова *ἔμπρῶθεν* в восьмой строке снизу на л. 292 об. Этот лист и последние две тетради были дописаны другим писцом — тем самым монахом Михаилом, который оставил запись о завершении работы над *всей* книгой в 985 г. (рис. 3). В действительности эта дата означала время написания последних двух тетрадей, а не всей рукописи. Первый писец не успел написать рубрики и экфонетические знаки красными чернилами на л. 291–292 об., эту работу за него также выполнил писец Михаил, но уже темно-розовой краской, как и на остальных «своих» листах.

Не исключено, что из-за внезапного прекращения работы первого писца могло пройти время, причем значительное, прежде чем к ее завершению был привлечен другой писец. Книгой даже могли пользоваться, поскольку остались ненаписанными лишь некоторые чтения на особые случаи в конце лекционария. Этому выводу не противоречит и формулировка писцовой записи, в которой употреблен глагол «*ἔτελειώθη*», буквально означающий «закончил», т. е. «довел до конца». В этом отношении интересны и другие упомянутые в записи сведения. В ней говорится о том, что работа по завершению рукописи была выполнена по просьбе игумена монастыря Св. Василия. Монастырь во имя св. Василия Великого был основан в Константинополе Василием, незаконным сыном Романа I Лакапина, которому императоры Василий II и Константин VIII Порфирородные доводились внучатыми племянниками и который занимал при дворе должность *parakoionomenos*⁹. Михаил Пселл упоминает, что «монастырь был воздвигнут с огромным трудом и необычайной роскошью, в котором пышность сочеталась с красотой и где благодаря нескудным дарениям всего было больше, чем нужно»¹⁰. В библиотеку монастыря, возможно, в числе прочих «дарений» и был передан древний список Евангельских чтений, трудами писца Михаила

завершенный в 985 г., в тот краткий период этого года, когда Константин VIII еще не удалился от власти, Василий II не начал править самостоятельно, а паракимомен Василий пока не был отправлен в ссылку.

Упомянутые обстоятельства в истории рукописи находят подтверждение и в косвенных данных. В месяцесловную часть Евангельских чтений СПбДА Б I 5 включена память 31 августа — двух Положений (τὰ καταθέσια) честного пояса Пресвятой Богородицы в Халкопратиях, второе из которых произошло при императоре Льве VI (889–912). При этом не упоминаются события, произошедшие при Константине VII Порфирородном: 16 августа — перенесение Нерукотворного образа из Эдессы (944 г.) и мощей св. Григория Богослова (950 г.) в Константинополь. Если бы вся рукопись была создана в 985 г. в монастыре, столь связанном с императорским двором, то отсутствие подобных сведений было бы трудно объяснить.

Другое соображение касается художественного оформления книги. В столичном искусстве последней трети X в. наблюдалось бурное развитие книжного дела, которое сопровождалось утверждением лепесткового стиля в орнаментальной декорации рукописей. Известна группа манускриптов, связанная с именем Василия Лакапина, а также Никиты, его подчиненного, служившего в ранге *koitonites*¹¹. Принципы художественной декорации и типология орнаментальных мотивов в рукописи СПбДА Б I 5 весьма далеки от характера живописного убранства в кодексах данной группы, несмотря на ее тесную связь с тем же кругом исторических лиц. Художественные вкусы создателей этой книги отражают совсем иную, более древнюю эпоху и лежат в русле развития византийского книжного искусства первой половины — столетия. Таким образом, время создания Евангельских чтений СПбДА, Б I 5 следует относить к двум периодам — первой половине X в. для основного корпуса книги и 985 г. — для ее заключительной части.

2. РНБ, Греч. 89. Фрагмент Минеи на 1–10 декабря¹² (рис. 4).

Рукопись интересна прежде всего тем, что содержит несколько неопубликованных канонов различным святым, которые не упоминаются в справочниках по византийской гимнографии¹³:

- 1) канон св. Варваре на 4 декабря (л. 9 об.—11)
(Inc. Νύμφης ἀγλαομόρφου Ἰησοῦ καὶ παναγώμου Βαρβάρας);
- 2) канон святителю Николаю на 6 декабря (л. 5 об.)
(Inc. Τῆς ἐκκλησίας τὸν πρόμαχον τὸν ἱερωσύνη μυρίζοντα);
- 3) канон празднику Зачатия Анны на 9 декабря (л. 26 об.—27)
(Inc. Ἀγνὴν παρθένον θεόπαιδα Μητέρα ἔσομένην τοῦ κτίσαντος).

Из упомянутых канонов только канон св. Варваре имеет в богородичных тропарях акростих: Ἰωάννου, остальные — анонимные. Ранее рукопись ошибочно относилась к IX в.¹⁴, что могло повлиять на неверную атрибуцию неизвестных канонов.

Характер почерка побуждает изменить эту датировку и отнести рукопись ко второй половине X в. А орнамент единственной полихромной заставки на л. 1 позволяет еще более ограничить время создания петербургской Минеи. Этот тип орнамента принадлежит к ранней стадии *stile blu*, впервые описанного Л. Перриа, и находит аналогии в рукописях третьей четверти X столетия¹⁵.

Оформление заставки отвечает всем принципам *stile blu*: она имеет форму «П», ее поле разделено на прямоугольные, а затем на треугольные секции,

Рис. 5 с. Par. gr. 639. F. 1

орнаментальные мотивы восходят к лобзиковому стилю (*Laubsägestil*) и написаны краской блеклого серо-голубого цвета по незакрашенному пергамену. Характерной деталью заставок этого стиля являются и украшения на углах и выносных линиях в виде геометризованного стебля или листа, показанного в профиль. Аналогичные приемы оформления заставок встречаются в большинстве рукописей начальной стадии *stile blu*, например, в Сборнике гомилий Иоанна Златоуста из Исторического музея в Москве, Син. греч. 90 (Влад. 79), л. 7¹⁶. Наиболее близким образцом орнамента этого типа служит заставка в Сборнике гомилий Иоанна Златоуста Vat. Urb. gr. 21, f. 10, которая датируется К. Вайцманом и Э. Фольери второй половиной X в., Л. Перриа — рубежом X—XI вв.¹⁷ (рис. 5 а). В эту очень узкую группу входит еще один список Гомилий Иоанна Златоуста Par. gr. 639, который Л. Перриа широко датировала X в.¹⁸ Заставки парижской рукописи оформлены по сходному принципу: их поле разделено на прямоугольники, а затем — на треугольники, в которые вписан мелкий лобзиковый мотив парного листа (рис. 5 б, с). На л. 1 заставка в форме

«П» с наугольными украшениями и мотивом листа в профиль на карнизах идентична заставке в Минее РНБ, Греч. 89. Небольшое отличие заключается лишь в вариации лобзикового мотива: в одном случае парный лист опирается на крошечную лилию, в другом — на простое соединение в виде части стебля.

Как нам кажется, подобный мотив восходит к рукописям, которые были оформлены в зарождающемся *stile blu*, например, к Сборнику гомилий Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея середины X в. ГИМ, Син. греч. 76 (Влад. 67)¹⁹. Орнамент заставки в Минее РНБ, Греч. 89 содержит лишь одну отличительную деталь: крошечные квадрифолии оранжево-красного цвета, которые оживляют монотонную монохромную гамму. Активные вкрапления ярко-оранжевого цвета впоследствии станут отличительной чертой рукописей этого стиля, созданных на рубеже X–XI вв. или в начале XI в. Такой вариант стиля был определен И. Хуттер как *bunte Laubsägeornamentik* применительно к кодексу Oxford, Bodleian Library, Roe 24²⁰ и дополнен рукописями ГИМ, Син. греч. 123 (Влад. 36), Par. gr. 670 и Athens, cod. 324²¹. Минейя из Санкт-Петербурга стоит в самом начале процесса нарушения монохромной гаммы этого стиля. Ее следует рассматривать как образец ранней стадии *stile blu* и датировать третьей четвертью X в.

¹ Родосский А. Греческое рукописное пергаменное евангелие X в. // Библиографические записки. 1892. № 7. С. 481–485; Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance [Zentralblatt für Bibliothekswesen, Beiheft 33]. Leipzig, 1909 (repr.: Hildesheim 1966). S. 323; Соболевский А.И., Цепелев Г.Ф. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX–X веков. СПб., 1913. Табл. IV; Lefort L. T., Cochez J. Album palaeographicum codicum Graecorum minusculis litteris saec. IX et X certo tempore scriptorum. Accedunt quaedam exempla codicum saec. XI–XVI. Leuven, 1932. Pl. 55; Lake K., Lake S. Dated Greek Minuskule Manuscripts to the Year 1200. Boston, 1934–1939. Vol. VI. Pl. 421–424; Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2 // ВВ. Т. XVIII. М., 1961. С. 255–256, № 118; Aland K., Welte M., Köster B., Junack K. Kurzgefasste Liste der griechischen Handschriften des Neues Testaments. Berlin; New York, 1994. Ind. I 1552.

² Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts (Archäologisches Institute des Deutschen Reiches, Abteilung Istanbul). Berlin, 1935 (repr.: mit Addenda und Appendix. Wien, 1996). S. 69. Abb. 461–453. Addenda. S. 61; Hutter I. Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften. Bd 3 / 1–2: Oxford, Bodleian Library. Stuttgart, 1982. S. 32, 96, 196.

³ Опул.: Гранстрем Е.Э. Каталог... Вып. 2. С. 255, а также частично в изд.: Evangelatou-Notara F. Σημειώματα ἑλληνικῶν κωδίκων ὡς πηγὴ διὰ τὴν ἔρευναν τοῦ οἰκονομικοῦ καὶ κοινωνικοῦ βίου τοῦ Βυζαντίου ἀπὸ τοῦ 9ου αἰῶνος μέχρι τοῦ 1204. Athina, 1978. P. 137, no. 76.

⁴ Аналогичное несистематическое чередование заставок в виде «П», полос, кивориев и проч. встречаются в рукописях середины X в., например, ГИМ, Син. греч. 108 (Влад. 104) (см.: Agati M.L., La minuscola «bouletée» / Prefazione di P. Canart [Scuola Vaticana di Paleografia, Diplomatica e Archivistica, Lettera Antiqua, 9/1–2]. Vol. I–II. Città del Vaticano, 1992. P. 52, 54–55, 312. Fig. 5 a, 5 d (1)) и последней четверти X в.: ГИМ, Син. греч. 134 (Влад. 164), ГИМ, Син. греч. 232 (Влад. 165).

⁵ Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei... S. 69. Abb. 461–453.

⁶ Hutter I. Corpus... S. 32.

⁷ Lake K., Lake S. Dated Greek Minuskule Manuscripts... Т. VI. P. 13. Возможно, под работой третьего писца имеются в виду переплетные листы I–II нач. об., I–I конечн. об., написанные унциалом середины X в.

⁸ Agati M.L. La minuscola «bouletée» / Prefazione di P. Canart [Scuola Vaticana di Paleografia, Diplomatica e Archivistica, Lettera Antiqua, 9/1–2]. Vol. I–II. Città del Vaticano, 1992. P. 64, n. 103–104.

⁹ Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. III: Les églises et les monastères. 2-e éd. Paris, 1969. P. 58–60; Volk O. Die byzantinischen Klosterbibliotheken von Konstantinopel, Thessalonike und Kleinasien. München, 1954 [Diss.]. S. 20–21. Паракимомен Василий имел большое влияние

при дворах Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976), а также при юных соправителях Василии и Константине. В 985 г., когда Василий II начал править самостоятельно, он отправил паракимомена Василия в ссылку.

¹⁰ *Михаил Пселл*. Хронография / Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978. Гл. XX. С. 11–12.

¹¹ Особо выделяются четыре кодекса, вышедшие из одного скриптория. Это Библия Никиты ок. 1000 г., ныне хранящаяся в трех собраниях (Turin, B. I. 2; Florence, Laur. cod. Plut. V. 9; Copenhagen, cod. Naup. GKS 6) и Катены на книги Ветхого Завета первой половины XI в. из Национальной библиотеки Австрии (Vind. Theol. gr. 11). Об этом см.: *Belting H., Cavallo G.* Die Bibel des Niketas: Ein Werk der höfischen Buchkunst in Byzanz und sein antikes Vorbild. Wiesbaden, 1979. Сведения о Никите содержатся в эпиграммах, предворяющих Книгу Исаяи в Библии Florenz, Laur. V. 9 и Книгу пророков Turin, B. I. 2. К этой группе следует отнести и Лекционарий РНБ, Греч. 55.

¹² 1 столбец, площадь текста — 178 × 135, 30 строк, интервал между строками — 6 мм; система разлиновки — 1, тип разлиновки — 24С1.

¹³ *Follieri E.* Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae. Vol. I–V/1–2. Città del Vaticano, 1960–1966. P. 260–262; *Analecta Hymnica Graeca. Vol. VII.* Roma, 1971; *Szövérfy J.* A Guide to Byzantine Hymnography. A Classified Bibliography of Texts and Studies [Medieval Classics: Texts and Studies, 12]. Vol. II. Brookline, 1979; Ταμείον ἀνεκδότων βυζαντινῶν κανόνων seu analecta hymnica graeca e codicibus eruta orientis christiani / Ὑπότ.Ε. Παπαρηλιοπούλου-Φωτοπούλου. Τ. I. Κανόνες Μηναιῶν. Ἀθήναι, 1996.

¹⁴ Датировка Е.Э. Гранстрем (*Гранстрем Е.Э.* Каталог... Вып. 1. С. 240, № 99). Здесь также упомянута принадлежащая В.Н. Бенешевичу датировка рукописи X в.

¹⁵ *Perria L.* Manoscritti miniati in «stile blu» nei secoli X–XI // RSBN. 24. 1987. P. 85–124.

¹⁶ *Dobrynina E.* Unknown «stile blu» Manuscripts of the Tenth and Eleventh Centuries in Russian Collections // Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque (Drama, 21–27 septembre 2003) / Eds. V. Atsalos, N. Tsironi. Athènes, 2008. P. 481–488. Fig. 6. Русский вариант статьи: *Добрынина Э.Н.* Неизвестные рукописи «stile blu» в российских хранилищах // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э.Н. Смирновой. М., 2007. С. 119–142.

¹⁷ *Weitzmann K.* Die byzantinische Buchmalerei... S. 22; *Follieri E.* La minuscola libraria dei secoli IX e X // La paléographie grecque et byzantine. Paris, 12–25 octobre 1974 [Colloques intern. du Centre Nationale de la Recherche Scientifique, 559]. Paris, 1977. P. 147, n. 42; *Perria L.* Manoscritti miniati in «stile blu»... P. 89.

¹⁸ Л. Перриа отождествила с писцом Par. gr. 639 письмо Гомилий Иоанна Златоуста Par. gr. 611, отметив несходство декоративного оформления и более позднее происхождение манускрипта (X–XI вв.) (*Perria L.* Manoscritti miniati in «stile blu»... P. 106).

¹⁹ *Dobrynina E.* Unknown «stile blu»... Fig. 1.

²⁰ *Hutter I.* Corpus... Kat. 26. S. 40–42, Abb. 102–106; *Perria L.* Manoscritti miniati in «stile blu»... P. 100–105.

²¹ Об отождествлении почерка афинской рукописи с кодексом Oxford, Bodlean Library, Roe 24 см.: *Dobrynina E.* Unknown «stile blu»... P. 485.

И.В. Поздеева

МОСКОВСКАЯ ПЕЧАТНАЯ КНИГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
В РОСТОВО-ЯРОСЛАВСКОМ РЕГИОНЕ

Расцвет полевой археографии в последней четверти XX в., а также интенсивные исследования Архива приказа книгопечатного дела¹, управлявшего Московским печатным двором, привели фактически к новому уровню знаний о социально-исторической роли печатной книги в первой половине XVII в. Параллельное исследование издательского репертуара московской типографии, количества и направлений развоза по стране, распространения с 1632 г. новой печатной продукции через торговую лавку и записей на многих сотнях сохранившихся экземпляров этих изданий позволили расширить известный репертуар Московского печатного двора на 12–15% прежде всего за счет изданий для обучения вере и грамоте. Удалось установить, что первые издания Азбук были подготовлены Ф. Бурцовым, когда он был подьячим «азбучного дела» на Печатном дворе, и вышли до издания Азбуки в типографии самого Бурцова. Всего удалось установить пять изданий Азбук, отпечатанных не менее, чем в 11500 экземплярах. С 1615 по 1652 гг. книги для обучения (в том числе Учебный часовник и Учебная псалтырь) издавались 70 раз (из 283 изданий) и вышли общим количеством 105294 экземпляра. Анализ репертуара и записей показали, что уже на рубеже первой и второй трети XVII в. все основные направления церковной, политической и государственной жизни общества обслуживались именно печатной книгой, вышедшей со станов московской типографии. Удалось установить также не гипотетические, а точные тиражи (в 1615–1631 гг. обычный тираж составлял 1000 экземпляров, причем книги учебные выходили двумя и тремя тиражами; с 1632 г. тиражи варьировались от 1120 до 1150 экземпляров, а с 1636 года все издания выходили стандартным тиражом 1200 экземпляров, при этом учебные книги издавались двумя-пятью тиражами). В 1615–1652 гг., по минимальным подсчетам (документы целого ряда лет не сохранились) общий тираж изданий составляет 350 000 экземпляров². Проведенное, параллельное изучение и сопоставление данных Архива о распространении печатных изданий и многих сотен записей на сохранившихся экземплярах этих изданий доказали, что уже в 30–40-х гг. XVII в. московская печатная книга проникала фактически во все даже самые отдаленные земли государства Российского³. Отношение к печатной книге руководителей церкви и государства показывает политика цен на книги Печатного двора, которые до 30-х гг. назначались «по чем в деле книги стали», а позднее наценка на книги, особенно на издания для обучения, была не велика. Как показало исследование Архива, чуть более трети всех вышедших экземпляров печатной книги первой половины XVII в. являлись книгами для обучения, около 35% приходилось на издания литургические, остальные книги представляли собой учительную, полемическую и справочную литературу.

В первое десятилетие полевая археография развивалась в основном представителями отделов рукописей крупнейших российских библиотек, которыми в эти годы были спасены сотни важнейших памятников, но которые не собирали и даже не ставили на учет книги печатные. Более поздние полевые работы одинаково внимательно выявляли все виды книжных памятников, а затем и собирали их. То, что в 70-х гг. XX в. начались комплексные археографические исследования, позволило представить книжную культуру старообрядчества достаточно полно и показать, что со второй половины XVII и до XX вв. большинство старообрядческих общин во всех сферах своей жизнедеятельности опиралось именно на печатную, прежде всего, московскую дониконовскую книгу, которая была в эти годы тщательно и адекватно зафиксирована в ряде старообрядческих регионов, например, в так называемом *Верхокамье*⁴. Выше-сказанное, очевидно, и позволяет достаточно убедительно представить книжную культуру общества первой половины XVII в. и с точки зрения репертуара богослужебной и учительной книги, и с точки зрения социальных и географических аспектов ее распространения, а также пересмотреть концепцию, отрицающую историко-культурное значение ранних кириллических изданий с точки зрения их содержания и распространения.

Совершенно иное положение сложилось в изучении кириллической печатной книги второй половины XVII в., которая оказалась много хуже представлена в библиотеках страны, к тому же, для второй половины века мы не имели столь значительного источника, каким являлась книжность старообрядчества для изучения печати первой половины века. Пришлось начинать все сначала. В 2001 г. изданием книги «Московский печатный двор: факт и фактор русской культуры 1618–1652 гг.» были подведены итоги изучения Архива печатного двора первой половины века, и основной задачей стало исследование материалов Архива послениконовского времени, которые содержали сенсационные данные, прежде всего, об издании книг для обучения вере и грамоте. Если для первой половины XVII в. Архив позволил расширить известный репертуар изданий на 12–15%, то для второй половины века несохранившихся, а значит и неучтенных в библиографии изданий было выявлено около 30% всего репертуара. Документы Архива позволили установить, что во второй половине века на Печатном дворе вышло 51 издание Азбук в 258 тыс. экземпляров (215 тиражей, наиболее значительные составляли 24 тыс. экземпляров). Букварь в эти годы вышел 20 раз, учебный Часовник 35 раз (132 тыс. экземпляров), столько же было изданий и учебной Псалтыри (93 600 экземпляра). Все семь типов учебной книги были изданы в эти годы 143 раза общим количеством 536 420 экземпляров. Всего же на Печатном дворе во второй половине века зафиксировано 410 изданий общим тиражом 1012 430 экземпляров⁵.

Структура репертуара московских изданий второй половины XVII в. показывает те существенные изменения, которые диктовали сложнейшие события раскола Русской Православной Церкви, ожесточенной борьбы со сторонниками и последователями воззрений Аввакума и его соратников. Печатная книга становится остро актуальной, оперативной (актуальные издания выходят всего через несколько месяцев после описываемых в них событий), рассчитанной не только на круги черного и белого духовенства и церковного клира, но и на широкие слои населения. Это потребовало изменения языка книги, значи-

тельно более близкого русскому и даже русскому разговорному, новых форм и типов изданий: так называемые издания «на листу», издания отдельных служб, справочных книг и т. д. Поэтому издания Московского печатного двора действительно стали актуальным и оперативным инструментом полемики и борьбы со сторонниками так называемой «старой веры».

Но для того, чтобы они могли стать таковыми для значительной части населения России, на Печатном дворе все эти годы систематически издавались именно книги для обучения, как правило, дешевые и в таких количествах, которые действительно были достаточны для обучения русского общества грамоте.

Однако сами по себе вышеизложенные факты не доказывают, насколько широко печатные книги были распространены и какую роль они играли в духовной и социальной жизни общества предпетровского времени. Чтобы ответить на эти вопросы, был необходим источник, который реально позволял бы проанализировать распространение книги в эти годы, социальный состав ее владельцев и читателей. Поскольку полевая археография в этом отношении помочь не могла, пришлось подумать о другом источнике. Таковыми могли стать фонды местных государственных хранилищ, в которых книжные памятники не только XVII в., но и более раннего времени, как правило, находились многие десятки лет неопределенными и неописанными. Сложная и очень часто трагическая история памятников православной духовной культуры, особенно в XX столетии, не позволяла нам надеяться на высокую сохранность даже в местных хранилищах памятников региональной книжной культуры, но представлялось, что ответы на поставленные выше вопросы можно получить при сопоставлении книг, выявленных в хранилищах разных регионов. Прежде, чем начать такую форму «полевой археографии», необходимо было не просто заручиться поддержкой учреждений и хранителей на местах, но подготовить в этих регионах кадры местных археографов. Например, в Пермской и Тверской областях вообще не было ни одного специалиста, который мог бы профессионально работать с рукописными и печатными памятниками. Так возникла идея проведения школ повышения квалификации сотрудников библиотек, музеев и архивов, работающих с кириллическими памятниками. В 2006 г. была проведена на базе музея-заповедника Ростовский Кремль уже шестая такая школа. К работе школ привлекались крупнейшие специалисты в области изучения рукописной печатной книги Москвы и Петербурга (А.А. Амосов, А.А. Гусева, О.П. Лихачева, А.А. Турилов, И. Яцунок и др.); каждая школа была посвящена рукописным и печатным кириллическим книгам, начиная с XV и кончая XVIII вв. Кроме лекций по истории книги и книгопечатания, методике описания каждая школа сопровождалась практическими занятиями по датировке, определению и описанию памятников. Каждая школа собирала представителей от 25 до 40 городов России всех типов ведомственных хранилищ, которые в эти годы еще были принципиально разделены; именно на базе этой работы удалось подготовить специалистов, которые и стали инициаторами сплошного описания региональных кириллических фондов.

Нами были выбраны три крупных исторически сложившихся региона, которые отличались историей и судьбами древнего книжного наследия в XX в. Поскольку речь пойдет о результатах многолетней работы, придется ограничиться

только общими цифрами. В Тверской, Ростово-Ярославской и Пермской землях *de visu* изучены фонды 35 государственных хранилищ 24 городов; выявлено, изучено и описано на уровне источниковедческого описания экземпляра почти 3000 печатных книг XV–XVIII вв., из которых XV в. — 1 издание в 1 экземпляре; XVI в. — 31 издание в 88 экземплярах; XVII — 445 изданий в 2045 экземплярах; XVIII — 455 изданий в 839 экземплярах. Результаты этой работы опубликованы в 5 фундаментальных каталогах (более 200 печатных листов)⁶, в которых информация многих тысяч записей структурирована в 10–11 аннотированных указателях. Эти указатели, как показывает ряд уже вышедших исследований, сами по себе могут служить уникальными информативными источниками о многих социальных, экономических, культурных и политических событиях и тенденциях общерусской и региональной истории. Естественно, такой объем исследований можно было выполнить только объединенными усилиями ученых Московского университета и сотрудников местных хранилищ; в работе в той или иной степени участвовали 28 человек, из которых 11 непосредственно работавших с книгой — подготовленные сотрудники местных хранилищ, ставшие в процессе этой работы профессиональными археографами и нашими коллегами. Если говорить о выявленных в Пермском крае и Тверской области кириллических книгах, то они не представляют собой полноту функционировавших здесь в XVII–XVIII вв. изданий. В Тверской области в начале XX в. древняя книжность была абсолютно механически перераспределена и в значительной степени погибла⁷; еще в худшем состоянии оказалась древняя книжность Пермского края, в государственных хранилищах которого в основном хранятся кириллические памятники, собранные уже в послевоенные годы, в то время как богатейшие фонды церквей и монастырей, епархиальной и семинарских библиотек, конфискованные в 20–30-е гг. фактически погибли. Достаточно представительна сохранилась только древняя книжность Соликамского и Чердынского районов, которая в значительной части представлена в местных музеях. Совершенно иной характер имеет печатаная книга XVII в., выявленная в 10 хранилищах шести городов Ростово-Ярославской земли. Здесь было обнаружено, определено, изучено и опубликовано в двух каталогах 1600 экземпляров 430 кириллических изданий XVII в., из которых 843 экземпляра представляют 230 кириллических изданий 1652–1700 гг. Такие результаты превзошли все наши самые оптимистические ожидания и, пожалуй, это единственная сегодня известная коллекция печатных книг предпетровского времени, которая оказалась достаточно репрезентативной относительно истории распространения и функционирования московской печатной книги данного периода.

Именно с этих позиций и было необходимо проанализировать выявленную ростово-ярославскую книжность. Поскольку такая задача ранее в науке не ставилась, да и ставиться фактически не могла, было необходимо разработать методику исследования этого книжного комплекса как источника по истории книжной культуры данного региона, причем хронология исследования была ограничена именно второй половиной XVII в. Основной задачей исследования стало определение историко-культурного значения изданий московского Печатного двора в духовной жизни второй половины XVII в., и прежде всего предпетровского времени. Для этого было необходимо установить: во-первых, насколько полно в сохранившейся ростово-ярославской книжности представ-

лен репертуар кириллических изданий Московского печатного двора. Во-вторых, насколько анализируемая книжность отражает общерусские социально-культурные тенденции и события этого времени. В-третьих, проанализировать, насколько сохранившиеся книги отражают региональную историю и культуру, и наконец, в-четвертых, если исследование первых трех проблем даст положительные результаты, то необходимо понять, в чем причины столь уникальной сохранности древней книги в Ростово-Ярославском регионе.

Прежде всего, приведем результаты анализа выявленной книжности с точки зрения наличия в ней изданий Печатного двора. В регионе выявлено 177 московских изданий интересующего нас времени из 251 учтенного в каталоге А.С. Зерновой, в том числе в ростово-ярославских хранилищах представлены все 100% московских изданий книг Писания, 94% изданий учительной и полемической литературы второй половины века, 87% (72 из 83) изданий литургических книг и более 90% отпечатанных справочных изданий. Хуже всего, как и во всех остальных регионах, сохранились в Ростово-Ярославской земле книги для обучения вере и грамоте, однако именно здесь найден первый экземпляр Малой азбуки, которой, напомним, в эти годы было напечатано 258 тыс. Ранее этот первый учебник грамоты, по которому учились до конца XVII в. и царский сын, и сын крестьянина, был известен всего в 2–3 экземплярах в зарубежных библиотеках⁸. В фондах Ярославского музея-заповедника обнаружена Азбучка в издании сентября 1686 г.⁹ Можно упомянуть, что популярными в этих краях были не только издания Московского печатного двора, но и Верхней типографии Симеона Полоцкого, которые представлены здесь 40 экземплярами всех изданий этой типографии. Результаты анализа московской книги не могут быть случайными, так как 177 московских изданий представлены 695 экземплярами, то есть в среднем, четырьмя экземплярами каждого сохранившегося издания. Сразу оговоримся, что на большинстве этих книг имеются записи, подтверждающие их бытование в регионе. Таким образом, в ростово-ярославских пределах фактически были представлены все или почти все издания Московского печатного двора второй половины XVII в., и поступали они сюда в значительном количестве экземпляров. Однако, чтобы понять реальное значение многих изданий, актуальных именно во время их выхода, попробуем установить систематичность поступления книг в регион; для этого сравним по десятилетиям процентное отношение вышедших на Московском печатном дворе изданий по отношению ко всему количеству второй половины XVII в. и процентное соотношение, также по десятилетиям, сохранившихся в регионе книг относительно всех найденных здесь 177 московских изданий¹⁰. Фактически выявленные цифры совпадают: в 50-х гг. в Москве напечатано 49 изданий, то есть 19,5% всего репертуара второй половины века, в Ростово-Ярославской земле из них сохранилось 34 издания, что составляет 19,3% сохранившихся 177 московских изданий; соответственно, в 60-х гг. XVII в. вышло 17% всей продукции интересующего нас времени, сохранилось 17,6% всех обнаруженных здесь московских книг; в 70-х гг. вышло 11,5 % изданий, сохранилось 10,8%; в 90-х гг. напечатано 70 изданий, то есть 28% всей продукции этого времени, сохранилось 50 изданий, то есть 28,4% выявленных в регионе. Эти цифры позволяют утверждать, что в Ростово-Ярославскую землю не только поступали все вышедшие в Москве новые книги, но и поступали они систематически,

что было возможным только при условии быстрой и полной информации о предстоящем или недавнем выходе книги.

Еще более поразительные факты выявил анализ состава 148 экземпляров 47 немосковских кириллических изданий второй половины XVII в.: 29 изданий вышли в Киеве, 5 — в Чернигове, отдельными изданиями представлены типографии Львова, Унева, Кутейна, Могилева, Иверского монастыря и Амстердама. Среди 47 немосковских изданий только два (!) издания книг, которые в это время выходили и в Москве, остальные 45 изданий, сохранившихся в регионе — это книги, в Москве не вышедшие. Случайными эти цифры быть едва ли могут, так как в среднем каждое немосковское издание также представлено тремя экземплярами. Почти все эти книги учительные и полемические, среди них одно издание Писания — киевский Новый завет 1658 г., книги Иоаникия Голятовского («Ключ разумения», «Казаня приданыи» и «Месиа правдивый»), Патерик (4 экземпляра), «Меч духовный» Лазаря Барановича (11 экземпляров), «Трубы на дни нарочитыя праздников», а также труды Иннокентия Гизеля, два издания Синописа и «Мир с Богом человеку», вышедший в 1669 г. Несмотря на то, что последнюю книгу патриарх Иоаким объявил чтением вредным для православных верующих, в Ростово-Ярославских землях обнаружено пять экземпляров этого издания, которые, судя по записям, были широко востребованы и постоянно переходили от одного читателя к другому. Сохранились в Ярославле и первое киевское издание Житий святых Димитрия Ростовского (14 экземпляров) и четыре черниговских издания «Руно орошенное» того же автора (1683–1696 гг.). Среди немосковских изданий есть несколько очень редких, например, киевское Житие великого князя Владимира, Службы явлению Казанской иконы и Нерукотворному образу, Благовестие или добрая весть о житии Иоанна Кушника, Сказание о обретении мощей княжны Юлианы, «Сказание учителя церковнаго» Иеронима Стридонского и другие. Таким образом, в Ростово-Ярославский регион не только поступали все московские издания, но уже существовали устойчивые систематические связи с основными центрами кириллического книгопечатания, что позволяло вполне сознательно и грамотно приобретать книги, которые не издавались в других типографиях. Если проанализировать сохранившиеся в регионе киевские издания второй половины XVII в., создается впечатление, что приобреталось большинство «уникальных» изданий этого времени.

Ответы на остальные вопросы, которые показывают (скорее доказывают) репрезентативность выявленного книжного комплекса, мы получаем из информации многих сотен записей на книгах самого разнообразного характера. Об их количестве говорит то, что на 843 книгах 780 датированных записей, 25% которых сделаны в изучаемые годы. Вся основная информация записей структурирована в пяти указателях: именном, географическом, записей датированных и с указанием цен, а также в указателе коллективных владельцев.

Географический указатель (составлен А.В. Киселевым) включает около 600 названий населенных пунктов, административных и географических понятий, при этом указывается время записи и отношение книги к данному месту: покупка, вклад, владение и т. п. Кроме того в Указателе коллективных владельцев (составители Т.И. Гулина, А.В. Киселев) названы 89 монастырей и 244 церкви, Ярославский архиерейский дом, который владел, судя по записям, 123 кни-

гами. Поэтому даже сами указатели — прекрасный источник для решения проблемы широты распространения новых изданий. Записи доказывают, что издания второй половины XVII в. находились уже в ближайшие годы в самых отдаленных местах епархии, например, названы села, деревни, 4 монастыря и 16 церквей Пошехонского уезда; 21 населенный пункт, 19 церквей г. Углича и его уезда; в Ярославском уезде в записях на книгах указаны пять монастырей и 48 церквей. А.В. Киселев подсчитал, что «на «ростовских» экземплярах упомянуто 78 коллективных пользователей книг: по городу — 6 монастырей и 24 церкви, по уезду — 4 монастыря и 44 церкви... всех станов Ростовского уезда, в том числе и самых отдаленных»¹¹. Если говорить о социальной принадлежности и владельцев нововышедших изданий жителей Ростовской земли, то в той же работе А.В. Киселева приведен (по 118 записям) социальный состав вкладчиков. Он достаточно показателен и для остальных уездов: 38,1% вкладов сделали представители Церкви, 28,8% — светские власти, 10,2% — посадские люди и 7,6% — крестьяне (!) (15,3% приходится на вкладчиков, чья социальная принадлежность неизвестна).

В именном указателе зафиксировано среди полутора тысяч имен 400 лиц, живших во второй половине XVII в., покупавших книги в Москве и Ярославле, вкладывавших их, даривших, продававших и т. д. Среди них представители всех социальных стратов общества. Обращает внимание, во-первых, количество грамотных крестьян и посадских, сделавших на книгах собственноручные записи; и, во-вторых, как правило, увеличивающиеся сроки между выходом книги и ее вкладом — т. е. книги сначала приобретаются «про свой обиход» и вкладываются позднее. Например, московскую Триодь цветную 1670 г. в 1678 г. (!) вложил ростовский посадский человек Сидор Трофимов Зыков, о чем сообщает подробнейшая запись с перечислением всех властей от царя, его семьи и митрополита до священника церкви, в которую сделан вклад. В марте 1686 г. посадские люди — тот же Сидор Трофимов да Симеон Григорьев Пастухов с сыном Михаилом вкладывают в ту же ростовскую церковь Благовещения «в Ростове на посаде в Чюцком конце» вторую половину московского Пролога 1685 г. Обе записи сделаны вкладчиками. На книге «Службы и житие Николая Чудотворца» 1679 г. издания — собственноручные подписи двух крестьян.

Синописис Иннокентия Гизеля в 1722 купил в ярославской лавке Ильи Лыханина ярославский же «таможенный подъячий» Стефан Дмитриев. Таких записей достаточно много и обращает на себя внимание то, что многие книги постоянно переходят в регионе из рук в руки, что подтверждает высокий спрос на печатные книги.

Те же записи показывают, насколько владельцы книг — жители Ростово-Ярославского региона были включены во все общерусские события второй половины XVII в., т. к. в записях отразились и раскол Русской церкви и кризис 60-х гг., эпидемии («чумное поветрие», в этом регионе уничтожившее целые семьи) и многое другое. По записям и судьбам книг можно проследить и основные общерусские культурные тенденции: значительное расширение (и в географическом и в социальном отношении) распространения книг, увеличение количества женщин, самостоятельно приобретающих и вкладывавших книги, принципиально новое, личностное, отношение к книге и печатному слову. Кроме прочувствованных вкладных записей изредка появляются трогательные

дарственные, назидательные, оценочные и даже юмористические. Приведем только один пример, сразу характеризующий и личность дарителя, и его отношение к книге, и, очевидно, можно предполагать не меньшую любовь к книге и того, кому эта книга предназначалась: поп Матфей на книге Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку» написал, что ею «даровал я друга и брата своего священника Терентия Павловича для его милостивого приятства и для братства о Христе и засвидетельствовал своею рукою» (Кат. № 324).

Если поставить вопрос, насколько в выявленном комплексе отразилась культура и события региона, то мы получаем буквально необозримую и самую разнообразную информацию. Прежде всего сам состав печатной книги говорит об особенном богатстве этого торгового региона с его знаменитыми купеческими фамилиями, общерусскими почитаемыми святынями. Достаточно сказать, что обнаружены все 12 изданий московских Евангелий второй половины XVII в. (представлены в 126 экземплярах, в том числе самыми роскошными дорогими, и ныне очень редкими изданиями, в драгоценных высокохудожественных переплетах). Например, Евангелие 1677 г., изданное на александрийской бумаге, стоило 6 р. (размер экземпляра и сегодня 390 × 235, 399 × 240 мм), на обычной — 2 р. 50 коп. Учтен 21 экземпляр издания. Евангелие 1681 г., напечатанное на александрийской бумаге трех размеров, стоило соответственно 8 р. 24 коп., на средний — 6 р., и на меньше — 3 р. Сохранившиеся в регионе 17 экземпляров отпечатаны на «большой» и «средней» бумаге.

В 1689 г. на Печатном дворе было издано 150 экземпляров уникального роскошно орнаментированного Евангелия «на целом александрийском листу» всего по 16 строк на полосе (шрифт — то есть высота 10 строк — составляла 254 и 173 мм). Пять экземпляров этого чрезвычайно дорогого и редкого издания обнаружено в Ростово-Ярославских хранилищах. Богатству города — важнейшего торгового и ремесленного центра на великом Волжском пути и на сухопутных путях из Москвы в Архангельск и в заморские страны вполне соответствовало количество и художественное мастерство драгоценных окладов на книгах¹². В изучаемое время Ярославль, Ростов, Углич были знамениты мастерами, писавшими иконы и фрески, певчими дьяками, многие из которых многократно вызывались для работы в Москву. Они также оставили свой след в региональном книжном комплексе. Судя по записям, сохранившиеся книги принадлежали Григорию Афанасьеву — иконописцу из Углича, великоустюжскому живописцу Кузьме Березину¹³, «изографу» и «клирику» ростовской церкви Покрова Богородицы Ивану Иванову, Петру и Василию, Карабановым; «государеву певчому дьяку» Димитрию Иванову. Для вечного поминовения «священника Никифора Семенова, бывшего книг печатного дела справщика» в знаменитую ныне ярославскую церковь Ильи Пророка был положен Октоих 1666 г. Древние ростово-ярославские обители почитались во всей России. Сохранились десятки книг, вложенных царями, членами их семей, иерархами и представителями знатнейших родов.

Записи на книгах подтверждают славу этой земли как центра высокой книжной культуры. Достаточно вспомнить Иосифа, архимандрита Спасо-Преображенского монастыря, страстного собирателя книг, поэта, автора поучений, благодаря которому столь полно сохранилась монастырская библиотека¹⁴. Отношение к книге читателей передает запись на сборнике переводов Елифания

Славинецкого 1665 г., автор которой советует «Читать сию книгу с прилежанием и со всяким усердием тихо и не борсяся, высматривать всякую речь» (Каталог № 231).

Информация записей о событиях и людях региона необозрима и необыкновенно разнообразна; в большинстве записей написавшие их люди не ограничиваются обычной «схемой» вкладной или купчей записи, сообщая также об источниках средств на покупку книги, о судьбах людей, за которых необходимо молиться; о событиях, побудивших сделать вклад или покупку и т. п.

Особенно много уникальной информации о многих аспектах отношения читателей к тексту дают маргиналии — т. е. записи, связанные с прочитанным. Как и в более раннее время это дополнения, связанные с уставом богослужения, полемика с прочитанным, указания на иные книги, но на книгах второй половины XVII в. появляются эмоциональные оценки, неожиданные сравнения и т. д. Именно эти, достаточно многочисленные маргиналии, чаще всего искренние, не рассчитанные на иных людей, позволяют, очевидно, в дальнейшем перейти от проблемы «Книги и общество» к важнейшей в истории книжности теме «Человек и Книга» в России предпетровского времени.

Ростово-Ярославский комплекс отвечает на вопросы о наиболее читаемых и наиболее авторитетных изданиях, об особенно интересующих людей темах, показывает рожденные прочитанным ассоциации и многое иное.

Однако необходимо ответить на вопрос — что же обеспечило столь высокую сохранность кириллической книги в этом регионе. Первая, внутренняя, причина — высокие непрерывные традиции глубокого уважения к священной книге, ибо «ум без книг, яко птица опешена, и хочет взлететь, да не может», которые воспитывались здесь с древности до XIX в. правящими архиереями, а в XIX в. их укрепляли знаменитые библиографы — собиратели, и создание одного из самых ранних и богатых музеев — «Белая палата» в Ростовском Кремле. Даже в 30-х гг. XX в. местное «Общество воинствующих безбожников» древние церковнославянские книги не уничтожало, а собирало. Важнейшую роль сыграло и то, что изъятые из библиотек и церквей в 50–60-х гг. XVIII в. дониконовские печатные книги и ряд более поздних изданий поступили в библиотеку епархии, а затем — в фонды Ярославского музея-заповедника.

Таким образом, всесторонний анализ ростово-ярославского собрания кириллической печати второй половины XVII в. достаточно убедительно доказывает его репрезентативность как адекватного источника по истории книжности и книжной культуры региона, обслуживающей все направления духовной жизни всех слоев общества, даже в самых дальних его населенных пунктах. Именно печатная книга отвечала на актуальные для каждого вопросы о пути спасения души, освещала проблемы полемики, предлагала идеал для подражания, правила богоугодной жизни, прославляла Москву и Россию — Третий Рим христианства. Книга стала важнейшим инструментом подготовки грамотной и активной части российского общества — социальной опоры реформ Нового времени.

¹ В документах употребляется также «Приказ книгопечатного дела», но реже.

² Подробнее см. *Поздеева И.В.* Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII в. № 335. С. 9–47.

³ Пушков В.П. Деятельность Московского печатного двора по распространению духовной литературы в 1715 (1636–1637 гг.) // Московский печатный двор... С. 74–116.

⁴ Поздеева И.В. Книжность современного старообрядчества как инструмент сохранности и воспроизведения традиции: социально-культурные функции и структура // Культура русских-липован (русских старообрядцев) в национальном и международном контексте: Первый международный семинар. Тульча (1–4 октября 1993 г.): Сб. научных сообщений. Бухарест, 1996. С. 178–188.

⁵ Поздеева И.В. Издания Московского печатного двора для обучения вере и грамоте. 1652–1700 г. // Федоровские чтения 2007. М., 2007. С. 201–219.

⁶ Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В. Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век — 1725 год): Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Тверь, 2002; Кириллические издания XVI–XVII вв. в государственных хранилищах Пермской области. Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Пермь, 2003; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1493–1652). Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль, 2004; Кириллические издания XVIII века в хранилищах Пермского края: Каталог // Под ред. И.В. Поздеевой. Пермь, 2008; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652–1700 годы: Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль-Ростов, 2009.

⁷ Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В. Кириллические... С. 4.

⁸ Например, см. Cyrillic books printed before 1701 in British and Irish Collections. A union Catalogue. The British Library. 2000. № 145. P. 134–135.

⁹ Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652–1700 годы... № 586.

¹⁰ Учитываются только издания Московского печатного двора.

¹¹ Киселев А.В. К истории книжной культуры в Ростовском уезде: географические и социальные аспекты бытования печатных книг в конце XVI–XVII века // История и культура Ростовской земли 2008. Ростов, 2009. С. 61–72. Цит. С. 63.

¹² Грязнова Н.А. Сокровища ярославской ризницы: Проспект. Ярославль. 2005. № 8, 19. См., например, Евангелие 1657 г. (№ 93 по Каталогу), Евангелие 1677 г. (№ 439, 440, 441), Евангелие 1681 г. (№ 512, 515), и Евангелие 1689 г. (№ 616), Евангелие 1698 г. (№ 789, 790) и многие другие. А также см. Указатель книг с цельнометаллическими окладами и элементами окладов. Составлен Т.И. Гулиной.

¹³ См. Словарь русских иконописцев XI–XVII века / Редактор-составитель И.А. Кочетков. М., 2003. С. 93.

¹⁴ Белоброва О.А. Иосиф // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 105–107; Поздеева И.В. Архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иосиф: его библиотека и творчество // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2004. С. 219–231; Она же. Гимн книге: книжная культура российских монастырей на рубеже «нового времени» // Федоровские чтения 2005. М., 2005. С. 342–356; Она же. Книжная культура российских монастырей: новое об архимандрите Спасо-Ярославского монастыря Иосифе // V International Hilandar Conference: Love of learning and devotion to God in orthodox monasteries. Selected proceedings. Belgrad; Columbus, 2006. С. 229–243; Соломин И.И. Экземпляр кирилловой книги с автографом-завещанием архимандрита ярославского Спасо-Преображенского монастыря Иосифа // Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652–1700... С. 685–692.

Ф.В. Панченко

СВОДНЫЙ КАТАЛОГ СЛАВЯНО-РУССКИХ НОТИРОВАННЫХ ПЕВЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

Наука о древнерусском певческом искусстве в России зарождалась и развивалась в русле становления отечественной археографии. Ученые и собиратели российских древностей XIX в. в равной мере открывали книжную, художественную и музыкальную культуру Древней Руси. У истоков изучения древнерусской музыки стояли еп. Евгений Болховитинов, И.П. Сахаров, В.М. Ундольский, В.В. Стасов, В.Ф. Одоевский. От Д.В. Разумовского — первого профессионального исследователя, историка церковно-певческого искусства, через его последователей С.В. Смоленского и А.В. Преображенского, и ученика последнего — М.В. Бражникова, начался путь к возвращению из векового забвения древней традиции церковного пения. В наши дни церковно-певческое искусство активно изучается во многих отечественных учебных и исследовательских центрах. Ежегодный симпозиум «Бражниковские чтения», проводимый уже на протяжении 36 лет кафедрой Древнерусского певческого искусства Петербургской консерватории, собирает до 70 ученых разных поколений, посвятивших себя музыкальной медиевистике. Но главное то, что древнее церковное пение востребовано современным обществом: оно звучит и в современных православных храмах и на концертных площадках.

Очевидный расцвет науки о Древнерусском певческом искусстве, который мы сейчас наблюдаем, обусловлен неперенным источниковедческим подходом всех проводимых исследований. Поиск и выявление списков, их атрибуция и описание — обязательный этап в изучении памятников средневекового творчества. Для многих исследователей важной является и собственно археографическая деятельность: собирание, описание и изучение нотированных рукописей.

Средневековые музыкальные рукописи являются неотъемлемой частью древнерусской книжности. Уже с XVIII в. нотированные рукописи как памятники средневековой письменности разыскивались для крупнейших общественных библиотек: императорской академии наук и публичной, для многочисленных научных историко-археологических обществ. Многие сотни древних нотных рукописей были собраны учеными-археографами, библиофилами, любителями русской старины, старообрядческими книжниками. В XIX в. были заложены традиции собирания коллекций средневековых музыкальных рукописей для решения научных и практических задач. Ученые целенаправленно подбирали

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Краткий каталог русских нотированных церковно-певческих рукописей XII–XX вв., хранящихся в собраниях Отделов рукописей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, РНБ, БАН»), проект №11-04-00195а.

материалы для изучения древнерусского церковного пения (личные коллекции Д.В. Разумовского и В.Ф. Одоевского, рукописи, собранные С.В. Смоленским для музыкального отдела ОЛДП). Собирались нотные рукописи и для специализированных учреждений: Санкт-Петербургской императорской придворной певческой капеллы и Московского Синодального училища певчих.

Тогда же началась практика научных описаний певческих рукописей. Все исследователи-музыканты на протяжении своей научной деятельности занимались описанием нотированных рукописей, опираясь на достижения современной им отечественной археографии. Однако история распорядилась так, что практически ничего, что в этой области было сделано учеными, не было издано. Так, в архиве Д.В. Разумовского в рукописном виде сохранились краткие описания коллекций и отдельных нотированных рукописей разных собраний, а также собственной коллекции рукописей¹, на материалах которой ученым фактически была выстроена историческая и теоретическая концепции русской церковной музыки от ее истоков до середины XIX в. Опубликованными уже после смерти Д.В. Разумовского оказались только выполненные им краткие описания нотированных рукописей из собрания графа Уварова².

Семейография древнейших нотированных рукописей³ и история домонгольского периода русского церковно-певческого искусства была магистральной темой научных изысканий протоиерея Василия Металлова. Однако в его книги вошли лишь краткие описания ряда пергаменных рукописей⁴.

Беспрецедентную по своему объему, научной и культурной значимости работу осуществил С.В. Смоленский: им было создано описание 216 певческих рукописей из собрания библиотеки Соловецкого монастыря⁵; он собрал для Синодального певческого училища 1500 нотированных рукописей и 1000 из них описал⁶; он собрал также коллекцию фотокопий греческих нотированных рукописей афонских монастырей⁷, — и ни одно из выполненных им описаний не было опубликовано⁸!

Первое научное описание музыкальных рукописей было осуществлено лишь в 1960 г. коллективом авторов под редакцией И.М. Кудрявцева: были описаны рукописные собрания Д.В. Разумовского и В.Ф. Одоевского⁹. Музыкальные атрибуции и характеристики рукописей были выполнены М.В. Бражниковым¹⁰. М.В. Бражников всю свою жизнь изучал и описывал фонды ГПБ, ИРЛИ, ГБЛ, в его личном фонде сохранилось много картотек и рабочих описаний. Однако ученый не ставил перед собой задачи публиковать каталоги описаний: его научная деятельность была сосредоточена на решении проблемных вопросов, в первую очередь теоретических аспектов древнерусской музыки. Следует учесть, что после смерти своего учителя А.В. Преображенского в 1929 г. Бражников многие годы оставался единственным специалистом-палеографом в области древнерусской музыки вплоть до начала 70-х гг. XX в., когда в консерваторский класс к нему пришло сразу несколько аспирантов, которые и подхватили эстафету учителя, ушедшего в 1973 г.

Во второй половине XX в. в СССР активно развивается полевая археография. За 40 лет археографической деятельности значительно пополнились фонды главных хранилищ страны, сформировались новые архивы (Древлехранилище ИРЛИ, коллекции Университетских библиотек Москвы, Екатеринбурга (Лаборатория УрГУ), Новосибирска, Сыктывкара, Нижнего Новгорода и др. регионов.

Во многих экспедициях принимали участие музыковеды-археографы: в Новосибирске — А.Н. Кручинина и Б.В. Шиндин, Т.Г. Казанцева (Федоренко), И.В. Полозова и др., в Москве — Т.Ф. Владышевская, М.П. Рахманова, М.В. Богомолова, Н.Г. Денисов, Л.А. Игошев, М.В. Макаровская и др., в Екатеринбурге — М.Г. Казанцева, Н.В. Коняхина, Н.Е. Денисова, в Челябинске — Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева, в Петербурге — С.В. Фролов, И.Ф. Безуглова, И.Е. Бурилина, Ф.В. Панченко, Т.З. Сквирская.

Благодаря формированию новых фондов приоритетным стало изучение региональных старообрядческих певческих традиций: Урала, Забайкалья, Алтая, Бессарабии, Ветки и Стародубья, Костромской области, Верхокамья, Вятки (Кировская область), Саратовской области и др. Активно изучаются многочисленные собрания рукописей, возникшие в ходе археографических экспедиций. Региональные программы, как правило, поддерживались российскими научными фондами, что позволяло на протяжении многих лет планомерно обследовать культурные традиции местного населения, собирать артефакты и их последовательно обрабатывать. Поэтому новые фонды учреждений, как правило, описаны, выпущены электронные или печатные каталоги¹¹.

Иначе дело обстоит с обработкой старых «исторических» фондов. В подавляющем большинстве они остаются в том же состоянии, что и при первичной архивной обработке: имеют краткие описи, а в значительной части лишь передаточные описи¹². Конечно, подобные документы не только не отражают специфику певческих рукописей, их музыкальные или содержательные особенности. Не редко в них совсем отсутствует указание на нотацию, что практически делает рукопись совершенно невостребованной. При этом обстоятельстве все фундаментальные исследования средневековых певческих традиций проводятся в первую очередь на материалах рукописных собраний главных архивохранилищ страны РНБ, РГБ, ГИМ, БАН, ИРЛИ. Единственными проводниками к фондам становятся опубликованные исследовательские работы, в которых указываются шифры использованных рукописей, и по ним, очередной исследователь вновь и вновь заказывает одни и те же рукописи, что приводит к их быстрому ветшанию. Эту картину может наблюдать каждый хранитель. Другой путь исследователей — тотальный просмотр всех собраний. Надо ли говорить, насколько он долгов и не продуктивен, и как это сказывается на сохранности фондов! К сожалению, следует признать, так обстоят дела в большинстве хранилищ. И эта проблема возникла много лет назад, сначала, попросту, не было специалистов, способных вести эту работу, а позднее — замораживание, а то и сокращение штатов работников хранилищ не позволяли привлекать к обработке и изучению нотированных рукописей музыковедов. Единственным учреждением, в котором уже на протяжении сорока лет работают музыканты-медиевисты, остается РНБ. Несмотря на то, что главной их обязанностью является хранение авторских музыкальных архивов, и со средневековыми рукописями они работают лишь в дополнении к ней, за эти годы было сделано немало по исследованию древнерусских фондов¹³.

В 1970-х гг. в ИРЛИ работал С.В. Фролов, где он продолжил обработку певческих рукописей, начатую М.В. Бражниковым, и выпустил ряд статей, в которых были охарактеризованы фонды, отдельные выдающиеся памятники и рукописи из собрания Древлехранилища Пушкинского Дома¹⁴.

В 1990 г. по ходатайству администрации Библиотеки РАН, а также лично академика Д.С. Лихачева Президиум АН выделил дополнительные штатные единицы для укомплектования Рукописного отдела БАН специалистами разных профилей: историков, искусствоведов, музыковедов. С этого времени в БАН ведется целенаправленная работа по исследованию певческих рукописей: выявлены все музыкальные нотированные рукописи (имеется рабочая картотека), опубликованы научные описания 300 рукописей, постоянно публикуются материалы по фондам БАН¹⁵.

Очевидно, что за последние 20 лет ситуация с профессиональными кадрами существенно изменилась. Санкт-Петербургская, Московская, Новосибирская, Екатеринбургская консерватории, Музыкальная академия им. Гнесиных, Свято-Тихоновский институт за эти годы выпустили достаточно специалистов, подготовленных к работе с певческими рукописями, но лишь единицы были востребованы хранилищами. Несколько лет назад в рукописный отдел РГБ была принята на работу выпускница кафедры Древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории, которая начала освоение музыкальных фондов крупнейшей библиотеки России. Еще одна выпускница кафедры работает в Санкт-Петербургской Духовной академии и занимается описанием коллекции нотных рукописей академической библиотеки.

С приходом в рукописные отделы библиотек специалистов начались публикации научных описаний нотированных рукописей. В этой связи отметим каталоги А.Г. Хачаянц¹⁶ (Научная библиотека Саратовского государственного университета) и Т.Г. Казанцевой¹⁷ (Новосибирск, ОРК ГПНТБ). Однако, следует признать, что даже изменившаяся в лучшую сторону ситуация со специалистами, работающими с фондами библиотек еще далека от нормы. Современное состояние поискового аппарата рукописных отделов не может удовлетворить все возрастающий интерес исследователей к русскому средневековому музыкальному наследию. Эта проблема требует специального решения. И решение это видится в создании *сводного каталога нотированных славяно-русских рукописей*.

Создание сводного каталога позволит составить представление о реальном фонде нотированных певческих книг: их объеме, составе, хронологии. М.В. Бражников еще полвека назад, оценивая перспективы архивной работы с певческими рукописями, указывал на цифру в 10 тысяч нотированных книг, сохранившихся в государственных хранилищах¹⁸. С тех пор фонды существенно увеличились, в первую очередь за счет привозов из археографических экспедиций. Примерное количественное распределение рукописей по главным хранилищам может выглядеть следующим образом: в БАН хранится около 1000 рукописей, более 1500 — в РНБ, около 2000 тысяч — в ГИМ, в РГБ не менее 1500, в ИРЛИ около 1000 рукописей. Кроме того, имеются сводные данные по рукописям Уральских собраний — 438 рукописей, 141 рукопись хранится в Саратовском государственном Университете, 26 певческих рукописей находятся в собраниях Карелии. Не одну сотню рукописей хранят университетские и академические библиотеки, архивы и музеи, при этом состав рукописей в хранилищах различный. Большинство рукописей, по-видимому, будет относиться к старообрядческому периоду, однако сохранилось большое число и рукописей XVI и XVII вв.

Создание сводного каталога в значительной степени решит проблемы сохранности фондов и доступности информации. Благодаря совместной работе появится возможность сведения в единые комплексы бывших коллекций и собраний, оказавшихся в разных хранилищах. Это — монастырские библиотеки (например, Соловецкого, Антониево-Сийского, Николо-Корельского др. северных монастырей, имеющих в фондах РНБ, БАН и ГИМ); старообрядческие общины и духовные центры (например, бывшее книжное собрание Волковского молитвенного дома хранится в двух библиотеках — РНБ и БАН); собрания коллекционеров-книжников (например, собрания Н.Я. Колобова в БАН и РНБ, Ф.А. Каликина в БАН, ИРЛИ и ГРМ и др.); рукописи крупнейших книгописных старообрядческих центров — выговские, гуслицкие, иргизские и др., разошедшиеся по разным регионам еще в период бытования их в старообрядческой среде; и, наконец, рукописи, поступившие в государственные книгохранилища в результате археографических экспедиций, предпринятых в одни и те же районы разными учреждениями (например: нижегородские рукописи имеются в Древлехранилище ИРЛИ, в Университете и Институте Книги в Нижнем Новгороде, в Библиотеке Московского университета, рукописи прибалтийских староверов хранятся в БАН и ИРЛИ, рукописи Вятского региона в БАН и УрГУ, Ветковско-Стародубские книги в Московском университете, Древлехранилище ИРЛИ и др.)

Таким образом, необходимо объединить усилия многих специалистов, работающих как в библиотеках и архивах, так и в музыкальных вузах и научных учреждениях. На одном из заседаний международного научно-творческого симпозиума Бражниковские Чтения-2010 обсуждался вопрос создания сводного каталога нотированных славяно-русских рукописей. В ходе обсуждения выяснилось, что планомерное описание рукописей монастырских собраний уже началось в РНБ (А.Н. Кручинина, Н.В. Рамазанова) и Синодального собрания в ГИМ (И.Е. Лозовая, Ю.В. Артамонова, Н.В. Заболотная). Понимая острейшую необходимость в создании сводного каталога, все ведущие специалисты Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов России высказали свою готовность участвовать в совместной программе по составлению *предварительного списка*. Это, пожалуй, самый сложный этап, поскольку требует от специалистов и хранителей полного взаимопонимания и взаимопомощи. Без участия хранителей фондов — эта работа невыполнима. Поэтому важно, чтобы руководители библиотек и рукописных отделов способствовали выполнению этого проекта.

К настоящему времени достаточно хорошо разработана методологическая база по описанию нотированных рукописей. Еще в 1960–1970-е гг., в связи с работой над Сводным каталогом Славяно-русских книг, М.В. Бражниковым был написан целый ряд важнейших методологических работ, в которых он уже тогда ставил вопрос о создании сводного каталога нотированных рукописей¹⁹. На протяжении последних десятилетий появились фундаментальные исследования в области древнерусской певческой книжности. Певческие книги разных исторических периодов изучены Н.В. Заболотной, И.Е. Лозовой, Е.В. Плетневой, С.Н. Тутолминой, Н.С. Серegiной, З.М. Гусейновой, Н.Б. Захарьиной и др. Существенно разработана типология всех основных певческих книг. Результаты отражены в диссертационных исследованиях, в монографиях и в отдельных статьях методологического характера Т.Ф. Владышевской, Н.С. Серegiной,

М.Г. Казанцевой, Т.Г. Казанцевой, Ф.В. Панченко, И.В. Полозовой и др.

В российских библиотеках накоплен богатый опыт по составлению сводных каталогов, в том числе и рукописей. При этом очевидно, возникает необходимость в создании центра, который координировал бы работу специалистов и хранителей разных регионов. Такой центр может быть создан в ведущем академическом учреждении, осуществляющем фундаментальные исследования в области источниковедения и текстологии — ИРЛИ РАН. В Пушкинском Доме имеется большой архивный фонд рукописей (Древлехранилище), богатейшие археографические традиции и опытные специалисты. Большие надежды возлагаются, также, на помощь Археографической комиссии РАН, чья многолетняя деятельность по созданию сводного каталога славяно-русских рукописей может стать примером для работы с певческими рукописями.

¹ РГБ. Ф. 380.

² Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. В четырех частях / Сост. архим. Леонид. М., 1893. Ч. 2, отд. 11. Нотные церковные книги и синодики. С. 185–214. См. примечание составителя на с. 183: «Почти все нотные рукописи сего отдела описаны известным знатоком древнего русского церковного пения московским протоиереем о. Димитрием Вас. Разумовским».

³ *Металлов В.М.* Русская Симиография: Из области церковно-певческой археологии и палеографии. М.: Издание императорского Московского археологического института имени императора Николая II, 1912.

⁴ *Металлов В.М.* Богослужбное пение русской церкви в период домонгольской: По историческим, археологическим и палеографическим данным. Ч. I, II / Записки императорского Московского археологического института имени императора Николая II. Т. 26. М., 1912.

⁵ Описание нотированных рукописей Соловецкой библиотеки, хранившейся в Казанской духовной академии, Смоленский завершил в 1887 г. К тексту описаний было подготовлено приложение, состоящее из 300 палеографических снимков с рукописей. Издание не было осуществлено, и авторская рукопись была утрачена. Единственная машинописная копия описания дошла до нас в составе фонда М.В. Бражникова (ОР РНБ ф. 1147, № 838). Об истории работы над описанием см.: Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. Степан Васильевич Смоленский. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург/ Гос. Центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки / Подгот. текста, вступит. ст., коммент. Н.И. Кабановой; науч. ред. М.П. Рахманова. М., 2002. С. 212–215, 538–539.

⁶ *Смоленский С.В.* О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения // РМГ. 1899. № 13. Протоиерей В. Металлов продолжил описания Синодальных рукописей. В настоящее время коллекция и описания хранятся в ОР ГИМ.

⁷ *Борисовец Е.А.* Научное значение афонской экспедиции С.В. Смоленского // Греко-русские певческие параллели: К 100-летию афонской экспедиции С.В. Смоленского. Сб. науч. тр. по материалам Бражниковских чтений. М.; СПб., 2008. С. 26–38.

⁸ Особо следует указать на публикацию свящ. А. Игнатъева (*Игнатъев А.А.* Краткий обзор крюковых и нотолинейных певчих рукописей Соловецкой библиотеки. Приложение к описанию Соловецких рукописей. Казань. 1910.) Данная работа представляет собой компиляцию изданной работы С.В. Смоленского «Общий очерк истории и музыкального значения певчих рукописей Соловецкой библиотеки и азбуки певчей А. Мезенца» (Православный собеседник, 1887. Т. I, февраль. С. 235–251) с публикацией сокращенных описаний, выполненных Смоленским в 1880-х гг. По-видимому, экземпляр подготовленного для издания описания Соловецких рукописей Смоленского хранился в Казанской духовной академии после его переезда в Москву и оказался доступным А. Игнатъеву. Издание А. Игнатъева вышло уже после смерти С.В. Смоленского без каких-либо упоминаний о работе ученого.

⁹ Собрания Д.В. Разумовского и В.Ф. Одоевского. Архив Д.В. Разумовского: Описания / Под ред. И.М. Кудрявцева. М., 1960.

¹⁰ Там же. *Бражников М.В.* Певческие рукописи собраний Д.В. Разумовского и В.Ф. Одоевского. С. 6–22.

¹¹ См., например: *Кручинина А.Н.* Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970–1971 гг. // Вопросы истории книжной культуры / Отв. ред. Н.С. Карташов. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 215–237; *Парфентьев Н.П.* Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI–XX вв.). Челябинск, 1994; *Рукописи старообрядцев Бессарабии и Белой Криницы: Из собр. Науч. б-ки Моск. ун-та: Каталог. Ч. 2: Певческие рукописи Бессарабского собрания МГУ / Сост.: Н.Г. Денисов, Е.Б. Смилянская. М., 2000; Богомолова М.В., Кобяк Н.А.* Описание певческих рукописей XVII–XX вв. Ветковско-Стародубского собрания МГУ // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1982 гг.). М., 1982. С. 162–227; *Духовная среда России: Певческие книги и иконы XVII — начала XX веков / Сост. М.П. Рахманова, М.М. Красилин. М., 1996.*

¹² Подробные описи имеются для большинства фондов Древлехранилища ИРЛИ и ОР БАН, для некоторых фондов ОР РГБ и РНБ.

¹³ *Кручинина А.Н.* Певческие рукописи из библиотеки Новгородского Софийского собора // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Сб. науч. тр. / Ред. И.Н. Курбатова, М.И. Тарасова. ГПБ. Л., 1979. С. 120–131; *Безуглова И.Ф.* Маргиналии в рукописных книгах Кирилло-Белозерского монастыря как источник по истории русской музыкальной культуры // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1988. С. 51–57; *Безуглова И.Ф.* Музыкальная деятельность Соловецких иноков (по певческим рукописям Соловецкого собрания) // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1990. С. 39–50; *Рамазанова Н.В.* Рукописные книги собрания Придворной певческой капеллы: Каталог. СПб., 1994; *Рамазанова Н.В.* Книги певческие: [Каталог] // Опись стороений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.: коммент. изд. / Сост. З.В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. РНБ. СПб., 1998. С. 315–331 и др.

¹⁴ *Фролов С.В.* Певческие рукописи Древлехранилища Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 76–80; Он же. Старейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 384–386; Он же. Певческие рукописи Карельского собрания Древлехранилища им. В.И. Малышева (в контексте истории русской музыки) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 430–443.

¹⁵ *Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII вв. / Сост. Л.А. Петрова, Н.С. Серегина. Л., 1988; Певческие рукописи в собрании Библиотеки Академии наук: Каталог выставки / Сост. Ф.В. Панченко. СПб., 1994; Панченко Ф.В.* Русские музыкальные рукописи в собрании Библиотеки Академии наук: Обзор фондов // Петербургский музыкальный архив. Сборник статей и материалов. СПб., 1997. Вып. 1. С. 27–33; Она же. Рукописные памятники старообрядческой певческой культуры в собрании М.И. Чуванова // Петербургский музыкальный архив. Сборник статей и материалов. СПб., 1998. Вып. 2. С. 43–54; Описание рукописного отдела Библиотеки РАН. Т. 9, вып. 1. Певческие рукописи выголексинского письма: XVIII — первая половина XIX в. / Сост. Ф.В. Панченко. СПб., 2001; Она же. Стихирарь конца XVI в. из собрания С.Г. Строганова // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2006. С. 206–305 и др.

¹⁶ *Певческие рукописи XVII–XIX веков: Каталог / Сост. А.Г. Хачаянц; отв. ред.: Н.А. Попкова, А.В. Зюзин. Саратов, 2000. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ; вып. 19); Певческие рукописи XVII–XIX веков: Каталог / автор-сост. А.Г. Хачаянц; отв. ред.: А.В. Зюзин, Н.А. Попкова. Саратов, 2001. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ; вып. 20).*

¹⁷ *Казанцева Т.Г.* Певческие рукописи Забайкальского территориального собрания ГПНТБ СО РАН: Каталог / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; науч. ред. А.Ю. Бородин. Новосибирск, 2009. (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока: Книжные памятники и книжные собрания).

¹⁸ *Бражников М.В.* Архивная обработка певческих рукописей // Вопросы архивоведения. М., 1965. № 2. (Статья переиздана в сб.: *Бражников М.В.* Статьи о древнерусской музыке. Л., 1975. С. 78–97).

¹⁹ *Бражников М.В.* Архивная обработка певческих рукописей; Она же. Русские певческие рукописи и русская палеография // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 429–454; Она же. Краткие методические указания и схемы по описанию древнерусских певческих рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР / Отв. ред. Л.П. Жуковская. М., 1973. Вып. 1. С. 132–168; Она же. Русская певческая палеография. СПб., 2002.

Е.В. Белякова

О ЗАДАЧАХ СОСТАВЛЕНИЯ СВОДНОГО КАТАЛОГА КАНОНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В последнее время можно отметить возрастание интереса исследователей к славянским каноническим памятникам. К одним и тем же каноническим сборникам обращаются исследователи Болгарии, Сербии, Македонии, России. Когда работа над статьей была завершена, стало известно, что и болгарские исследователи начали труд по составлению сводного каталога болгарских юридических памятников (см. статью Д. Найденовой) — это еще одно свидетельство о том, что задача составления такого каталога назрела.

К сожалению, изучение славянских памятников канонического права значительно отстает от изучения произведений славянской литературы. Как известно, даже Словарь книжников и книжности Древней Руси не включил в себя памятники канонического права, хотя далеко не всегда можно провести границу между гомилетическими и каноническими памятниками. При современном интересе к антропологической истории, к истории повседневности, памятники, которые определяли быт и воздействовали непосредственно на понимание достоинства человека, закономерно привлекают внимание историков.

Последняя методическая статья по археографическому описанию канонических памятников принадлежит Я.Н. Шапову и вышла в 1973 г. в первом выпуске «Методических пособий по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР»¹.

За прошедшее время с момента публикации этой статьи были выявлены как новые редакции канонических памятников, так исследованы и изучены новые канонические тексты.

Однако все исследователи, которые обращаются к каноническим памятникам, встречаются с одними и теми же проблемами:

1. Невозможность изучения этих текстов в рамках одной славянской страны.
2. Отсутствие единой терминологии в описании сборников канонических текстов.
3. Наличие как устойчивых рукописных канонических собраний с постоянным составом, так и обилие сборников, где совмещаются статьи из разных канонических собраний.
4. Неизученность греческой рукописной традиции канонических сборников (последними являются исследования В.Н. Бенешевича, который изучал греческие рукописи во многих библиотеках мира), отсутствие классификации греческих канонических сборников.
5. Отсутствие лингвистических исследований, позволяющих судить о месте перевода.

В настоящее время требование привлечения всех списков для издания канонических памятников практически неосуществимо. Тем важнее выработать типы публикации канонических текстов, которые давали бы возможность их

постатейного изучения и сопоставления с другими собраниями канонов. Возможно, что публикации текстов должна предшествовать или сопутствовать работа по их постатейному описанию. Так, в Болгарии издан фототипически один из списков сборника «Зинар»² (он же «Зонара», «Псевдо-Зонара», «Номоканон Котельера») по рукописи XIV в.³ Исследователи назвали свое издание «Архивски Номоканон». Отсутствие деления собрания на главы значительно затрудняет возможность сопоставления состава с другими рукописями. Просмотренные мною рукописные «Зинары» показывают, что в сборниках, как правило, имеются пропуски значительных фрагментов или отдельных статей, которые часто переставлены местами.

Хотя болгарским исследователям и была известна более ранняя болгарская рукопись из собрания Хлудова (ГИМ. Хлуд 76)⁴, однако они не идентифицировали ее как «Зинар», а назвали в описании «епитимийным номоканоном».

Название «Номоканон» в русских описаниях XIX и XX вв. означает, как правило, что состав данного собрания канонов не идентичен известным устойчивым составам Кормчих. Под Кормчими же составители описаний понимали канонические сборники, содержащие правила вселенских и поместных соборов, а также определенный набор правил отцов. Как определял Я.Н. Шапов, название «Номоканон применительно к славянским рукописям относят к каноническим сборникам другого характера, а именно к собранию епитимийных и церковно-служебных правил, служивших главным образом нуждам священников в их учительной, а отчасти литургической деятельности»⁵.

Определенную классификацию для греческих Сборников в XIV титулах выработал В.Н. Бенешевич. Исследователь дал названия в зависимости от состава и порядка расположения текстов канонов: **Синтагма** (только правила без законов), **Синагога** (правила расположены в порядке указателя), **Номоканон** (совмещение канонов и законов)⁶. Этой же классификации он придерживался и для Сборника в 50 титулах Иоанна Схоластика⁷. Однако эта классификация не получила дальнейшего применения, а работы В.Н. Бенешевича, хотя и были переизданы в Германии, остаются малодоступны славянским исследователям⁸.

Таким образом, в этой классификации понятие «Номоканон» получило принципиально иное значение. Надо отметить, что в славянской традиции подобные Номоканоны появляются лишь с переводом в XVII в. Сборника в XIV титулов с толкованиями Федора Вальсамона. «Следом» греческого Номоканона является собрание «От титл»⁹, появившееся в Кормчих Сербской редакции и представляющее собой выборку законов из Номоканона, но сделана была эта выборка еще на греческом языке¹⁰, а славянский переводчик воспользовался уже готовым кратким собранием.

Если исходить из классификации В.Н. Бенешевича, то так называемый «Номоканон Мефодия» является сокращенной Синагогой. Для этого же собрания существует в литературе и название «Устюжская Кормчая» и «Иоасафская Кормчая», которые Я.Н. Шапов предлагал заменить на «церковно-юридический сборник».

Исследование рукописей позволяет, на наш взгляд, говорить о существовании разных типов сокращенных сводов как по типу Синагоги, так и Синтагмы.

Так, сокращенной Синагогой является помимо «Номоканона Мефодия» Мазуринская Кормчая¹¹.

Сокращенной Синтагмой, сделанной на основе Сербской редакции, является второе собрание правил в уже упомянутом Хлудовском сборнике XIV в.¹² Сокращенной Синтагмой является и исследованная Я.Н. Шаповым Уваровская Кормчая, сделанная на основе текста полных правил без толкований («Древнеславянская редакция»)¹³.

Другой тип Сокращенной Синтагмы — сокращенное собрание правил с толкованиями Иоанна Зонары. В это собрание входят почти целиком апостольские правила, правила Василия Великого и около 40 соборных правил. Это собрание особенно широко представлено в сербских рукописях, хотя известны и восточнославянские списки¹⁴, в указателе Д. Богдановича оно получило название «Номоканон сокращенный Зонариной редакции»¹⁵, однако ряд списков этой редакции попал в данный Указатель под названием «Номоканон», а в описании Львовских рукописей назван Кормчей сербской редакции¹⁶.

Особенностью данного собрания является наличие устойчивого блока антилатинских статей, который может встречаться и вне этого собрания.

Для археографов, а еще в большей степени для историков, не занимающихся специально каноническими памятниками, сложность составляет то, что собрание с названием «Зонара» и собрание правил с толкованиями Иоанна Зонары не имеют общего — это два разных по содержанию собрания. (Сам термин «Зонара» в славянской письменности все-таки нуждается в объяснении. Именно так назвал отправленный на Русь сборник и болгарский деспот Иаков-Святослав, послание которого включено в состав восточно-славянских списков сербской редакции Кормчей.)

Единственное, что объединяет «Зинар» («Зонару» или «Псевдо-Зонару») и Собрание правил с толкованиями Иоанна Зонары — это то, что они могут входить в состав Требников. И здесь мы встречаемся с той проблемой, что в состав большинства Требников включены собрания правил. Они являются составляющей частью, относящейся к исповеди. Их состав, как правило, не отражен в описаниях. Очень часто их фиксируют как «Требник с епитимийными правилами». Для составления сводного каталога необходимо практически просмотреть все славянские Требники, что требует коллективной работы исследователей. В свою очередь, часть статей, включенных в состав Кормчих, как например, гл. 53 Сербской редакции — «Чин рекше молитвы очищению и примирению кающихся» происходит из Требника.

Монографического описания удостоился только один тип «Номоканона», связанный с Требниками, который был напечатан в Киеве в 1620, 1624, 1629 гг., в Москве в 1639, 1651, 1658 гг.¹⁷ Этот номоканон называется еще в современной науке «Павловым» по имени его исследователя¹⁸. Между тем известный канонист не ставил задачей изучение рукописной традиции сборника — ему важно было определить состав памятника, происхождение каждой статьи. Поэтому можно утверждать, что рукописная традиция памятника остается по-прежнему не исследованной, а списки не выявленными.

В настоящее время наметился значительный прорыв в исследовании восточнославянских списков Кормчих. Здесь после исследований Я.Н. Шапова появились работы Л.В. Мошковой, Е.В. Беляковой, М.В. Корогодичной (к сожалению, многие из них уже несколько лет, как «сданы в печать» и остаются ждать милости издателей Археографического ежегодника, Рели-

гий мира и проч., так как на финансирование этих изданий РАН не имеет средств!).

Остается нерешенным вопрос о месте перевода Кормчей Древнеславянской редакции, который требует серьезных лингвистических изысканий.

В настоящее время можно отметить тенденцию у сербских исследователей к отказу от термина Кормчая, среди отечественных исследователей ее придерживается К.А. Максимович.

Современный сербский исследователь М. Петрович посвятил целую главу «Од Крмчије до Законоправила» доказательству того, что термин «Кормчая св. Саввы» неправилен и что необходимо вернуться к названию «Законоправило»¹⁹. С этим уточнением названия можно было бы согласиться, но тогда возникает вопрос и о переименовании восточнославянских списков «Сербской редакции». На наш взгляд название «Кормчая», как оно употреблялось в научной литературе XIX–XX вв., отражает генетическую связь между тремя редакциями: Древнеславянской, Сербской и Русской. Статьи из Древнеславянской редакции перешли в Сербскую (гл. 52 — два сказания патриарха Антиохийского Анастасия), а перевода ряда глав, как например, Соборания в 87 главах имеет целый ряд совпадений²⁰.

Отказавшись от термина «Кормчая», сербские исследователи отказались и от выяснения славянских источников сербского канонического свода и от попыток отыскать следы более ранних собраний канонов, чем представленных в Иловицком списке. Вне внимания исследователей остаются и термины родства, имеющиеся в канонических памятниках и позволяющие судить о месте перевода отдельных частей соборания.

Разумеется, один и тот же текст может иметь разные названия и задача сводного каталога не унифицировать, а учесть возможные расхождения в названиях.

К числу канонических собраний, которые необходимо включить в сводный каталог, должны быть отнесены и произведения Никона Черногорца, оказавшие значительное влияние на славянскую каноническую традицию вплоть до издания Печатной Кормчей. Неисследованной остается и рукописная традиция Синтагмы Мафтея Властаря и ее сокращенной редакции. Изучение восточнославянских списков этого памятника невозможно без изучения сербских.

Парадокс с памятниками канонического права состоит в том, что внимание современных исследователей и в первую очередь лингвистов привлекают по-прежнему исключительно «древние» памятники. «Массовые» тексты, перешедшие из рукописной традиции в печатные не в качестве «памятников», а в качестве живого законодательства не удостоиваются внимания исследователей.

Неизученным остается и Номоканон Иоанна Постника в его не литургической, а канонической части. Исследование этого памятника представляет значительные сложности в силу его разнообразия.

При создании сводного каталога можно пойти по линии А.В. Горского и К.И. Невоструева, которые не повторяли описаний для сборников аналогичного состава, а давали отсылку к уже имевшемуся описанию, но при этом всегда указывали на имеющиеся отклонения в составе.

Одновременно предполагается создание Указателей статей, входящих в канонические сборники, что должно значительно облегчить работу при описании и изучении рукописей.

К сожалению, ограничения в объеме статьи не дают нам возможности представить роспись статей собрания «Зинар», который мы предполагали дать в приложении как материал для обсуждения.

¹ Шапов Я.Н. Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII–XV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. С. 261–273.

² Наименование «Зинар» было предложено Археографической комиссией — см. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. С. 272.

³ Архивскон. Номоканон. Български ръкопис от XIV век. Фототипно издание / Изд. подг. Ангел Кръстев и Цветанка Янакиева. Шумен, 2007. Выражаю благодарность А.А. Турилову, благодаря которому мне стала доступна данная публикация.

⁴ Белякова Е.В. О составе Хлудовского Номоканона (К истории сборника «Зинар») // Старобългарска Литература. Кн. 37–38 / Българска Академия на Науките. Институт за литература. София, 2007. С. 114–131.

⁵ Шапов Я.Н. Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII–XV вв. С. 268.

⁶ Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905.

⁷ Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914.

⁸ Так об этой классификации не упоминает Душице Грбич в своей статье, где рассматриваются разные типы славянских Номоканонов — Грбић Д. О Номоканонима // Грбић Д., Шкорић К, Станковић Р. Номоканони Епитимијни / Ђирилске рукописне књиге Библиотеке Матице Српске. Књига XIV. Нови Сад, 2009. С. 77–104.

⁹ Законоправило или Номоканон светога Саве. Иловички препис 1262. Година. Приредило и приложи Миодраг М. Петровић. Дејче Новине. Горњи Милановац, 1991.

¹⁰ Греческий источник этого собрания был указан Л. Бургманом — *Burgmann L. Der Codex Vaticanus graecus 1167 und der serbische Nomocanon* // *Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines*. Beograd, 1995. P. 91–106. Прделанное нами сопоставление греческого и славянского текста этой главы подтвердило предположение Бургмана о том, что греческий текст является источником для славянской главы.

¹¹ Мазуринская Кормчая — памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. / Белякова Е.В., Князевская О.А., Старостина И.П., Соколова Е.В., Шапов Я.Н. М., 2002. В настоящее время М.В. Корогодиной выявлен список этой редакции в составе БАН (ранее рукопись считалась утраченной), а также рукописи в РГБ, содержащие фрагменты данной редакции. Автор выражает благодарность М.В. Корогодиной за указанные рукописи.

¹² Белякова Е.В. О составе Хлудовского Номоканона (К истории сборника «Зинар»). С. 128.

¹³ Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

¹⁴ Белякова Е.В. О неисследованном переводе правил с толкованиями Иоанна Зонары // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2009. № 3 (37). С. 13–14. Она же. О сербском переводе правил с толкованиями Иоанна Зонары // Црквене студије. Годишњак Центра за црквене студије. Бр. 6. Ниш., 2010. С. 235–242.

¹⁵ Богдановић Д. Интвентар ћирилских рукописа у Југословија XI–XVII в. Београд, 1982. № 253, 255, 1576, № 1620.

¹⁶ Кирилични рукописни книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України. Каталог. Т. I. XI–XVI ст. Львів, 2007. — № 43. «Кормча сербської редакції. Друга ч. XV ст. АСП 55». С. 40–44.

¹⁷ Павлов А.С. Номоканон при Большом Требнике. М., 1897.

¹⁸ Грбић Д. О Номоканонима // Грбић Д., Шкорић К, Станковић Р. Номоканони Епитимијни / Ђирилске рукописне књиге Библиотеке Матице Српске... С. 81.

¹⁹ Петровић М. О законоправило или Номоканону светога Саве. Београд, 1990.

²⁰ Белякова Е.В., Шапов Я.Н. Новеллы императора Юстиниана в русской письменной традиции (К истории рецепции римского права в России). М., 2005.

Д. Найденова

О РАБОТЕ НАД КАТАЛОГОМ СЛАВЯНСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ИЗ СОБРАНИЙ БОЛГАРСКИХ БИБЛИОТЕК*

Цель настоящей статьи представить работу по составлению каталога канонически-правовых текстов, которые содержатся в славянских рукописях, сохранившихся в болгарских библиотеках. Эта задача ставит множество вопросов, придающих возможным решениям скорее дискуссионный, чем окончательный характер. Одна часть затруднений связана с тем, что отсутствует единая система или методическое указание для описания подобного типа рукописей¹, а другая — с характером самих пенитенциальных компиляций, включенных в состав требников, богослужебных и канонических сборников, в которых смешиваются разные редакции, опускаются и добавляются правила.

Хороший пример в этом отношении — так называемый Номоканон Котельера, известный еще как Псевдозонар. На нем я остановлюсь подробно в своем изложении дальше. Этот сборник выбран по нескольким причинам. Во-первых, в процессе предварительной работы с каталогом я успела идентифицировать несколько рукописей, содержащие полный текст Номоканона, представленный в двух редакциях, а также рукописи, в которых размещены его отдельные части. Таким образом, по разнообразию и количеству списков Номоканон Котельера — канонически-правовой текст, наилучшим образом отраженный в рукописях, хранившихся в Болгарии. Во-вторых, несмотря на то, что существование как греческого, так и славянского текста известно в науке еще с XIX в.; несмотря на его исключительную популярность в славянском мире и активное переписывание до XVIII в.; наконец, несмотря на то, что это единственный канонически-правовой сборник, чей перевод можно связать с Вторым болгарским царством и один из самых ранних его списков хранится в Болгарии, до сих пор текст Номоканона мало исследован, а интерес к нему возрос лишь в последнее время. С одной стороны, отсутствие данных о составе греческого протографа и текстологического исследования славянских списков вызывает множество вопросов при включении Номоканона и его частей в будущий каталог; с другой стороны — делает исключительно ценным каждое новое сведение о Номоканоне с точки зрения целостности исследования языка и истории текста Номоканона.

Работа по составлению Каталога правовых текстов, которые сохранились в рукописях, находящихся в Болгарии, началась три года назад как часть проекта «Славянские правовые тексты эпохи Средневековья», который собрал ученых из Кирилло-Мефодиевского научного центра, Института болгарского языка и Института истории Болгарской АН. Слабая изученность этого типа текстов и отсутствие описаний некоторых собраний предопределила постанов-

* Статья написана при поддержке гранта ДО 02-150/16.12.2008.

ку разнонаправленных задач, отвечающих интересам участников коллектива, специалистов из разных научных областей: с одной стороны — собирание и классификация видов правовых текстов и каталогизация рукописей, в которых они сохранились; с другой стороны — уточнение времени и места их создания и их связь с общественной деятельностью и культурной политикой болгарских владельцев. Одна из задач была связана с собиранием списков, которые восходят к рукописи № 76 из собрания Алексея Хлудова в Государственном историческом музее в Москве, в связи с подготовкой будущего издания содержащегося в нем текста Номоканона Котельера. Собранные мной данные при просмотре имеющихся описей и при непосредственной работе с рукописями вошли в предварительный список канонических правовых текстов, включающий рукописи болгарских книгохранилищ². При его составлении определился ряд основных вопросов: как составить список, и каким образом представить памятники. В сущности, единственная попытка создать репертуар славянских юридических рукописей принадлежит Раду КонстантINESКУ³. Его репертуар построен по типологическому принципу. Памятники (и, соответственно, содержащие их рукописи) объединены в несколько больших групп: Пенитенциалы, Сербский систематический номоканон, Малый систематический номоканон (под которым подразумеваются канонических правовые сборники, как, например, Номоканон Котельера), Кормчая книга и Синтагма Матфея Властаря. Некоторые группы, представляющие собой более мелкие компиляции, которые размещаются в сборниках с разнообразным содержанием, введены с самостоятельными обозначениями (например, пенитенциалы *P*). Отдельные тексты, относящиеся к данной группе, обозначены арабскими цифрами (например, Правила святых отцов по заповеди св. Василия Великого — *PI*). Далее при описании содержания данной рукописи напротив определенных текстов указываются соответствующие сиглы (например, л. 51–62 *Seria PI*). Таким образом, составленная КонстантINESКУ система довольно сложна и ведет к известной путанице относительно состава редакции и входящих в нее правил. Намного удобнее для использования, и в научном отношении более корректными являются принципы, введенные при описании греческих юридических рукописей, как это сделано в *Repertorium*'е, составленном группой Л. Бургмана во Франкфурте⁴; в Каталоге Центра славяно-византийских исследований им. Ив. Дуйчева⁵; и в предварительном описании греческих юридических рукописей в Российской национальной библиотеке, составленном Лорой Герд⁶. В них каждая единица текста введена с отдельной нумерацией и идентифицируется посредством существующего издания. При отсутствии такого издания приводится *incipit*.

Единственная проблема состоит в том, что описываемые здесь рукописи — это большие канонические сборники, в то время как материал, который предлагают славянские рукописи, сохранившиеся в Болгарии, другого характера. В них с намного большей частотностью присутствуют канонические правовые сочинения в составе сборников со смешанным составом. Вот почему при каталогизации рукописей был выбран компромиссный вариант. Канонические правовые тексты представлены тематически. Для большей наглядности они обособлены в две основные группы — церковно-юридические сборники и пенитенциалы, обозначенные римскими цифрами. Арабскими цифрами

обозначаются отдельные сочинения (например, I.1). Правила об исповеди и Степени родства выделены в самостоятельные группы (соответственно III и IV), причем отмечаются редакции, в которых они представлены. В определенных случаях принимается дополнительное деление: когда данный текст не воспроизведен полностью и части из него попадают в другие компиляции, когда одно произведение встречается в разных редакциях и т. п. Инципиты приводятся только тогда, когда текст не опубликован и не введен в научный оборот. Указание на издание текста является доказательством его идентификации. Также перечисляются рукописи, в которых помещается соответствующий канонически-правовой материал. В случаях, когда известен греческий оригинал текста, отмечается его публикация; наконец указывается литература⁷. Хотя и с известными недостатками, эта схема была удовлетворительной, чтобы достичь первоначальные цели — уточнить число, состав и вид памятников, содержащих канонические правовые тексты. По примеру описаний греческих юридических рукописей, предстоит изучение и идентификация отдельных текстов, составляющих канонические правовые компендиумы.

Однако примененная в предварительном списке система работает только в тех случаях, когда описываемые тексты имеют хорошо изученную традицию. Это можно видеть на примере описания неизвестной до сих пор церковно-юридической части рукописи № 624 из собрания Национальной библиотеки им. св. Кирилла и Мефодия в Софии (НБКМ) — требник и месяцеслов, писанный в городе Ниш в 1737 г.⁸ (см. Приложение № 1)⁹. Совсем другую картину представляют собой списки упомянутого уже выше Номоканона Котельера. В болгарских книгохранилищах хранятся восемь полных его южнославянских списков; еще в девяти хранилищах находятся разные части Номоканона¹⁰. При составлении предварительного списка мне попался фрагмент из трех листов, с самостоятельной сигнатурой (НБКМ 1410), определенный как Номоканон¹¹. В сущности, текст является частью другой рукописи — НБКМ 280¹², и его следует читать в такой последовательности — лист 3, 1, 2. Эта идентификация не вызывает никакого сомнения, поскольку обе части написаны одной рукой с очень характерным почерком. Намного труднее оказалось дать представление о содержании памятника. Мои предварительные исследования показали, что это неизвестная до сих пор каноническо-правовая компиляция, которая содержит правила из славянского перевода Номоканона Котельера, сгруппированные по темам. Та же компиляция имеется еще в нескольких рукописях — требниках и сборниках: рукопись № 1, собр. Музея Сербской православной церкви (МСПЦ), Требник, XV–XVI вв., л. 180 об.–208¹³; рукопись № 2617, собр. Окружного исторического музея (ОИМ) в Шумене, Номоканон, сер. XVI в., л. 1 об.–45 об.¹⁴; рукопись № 84, собр. Национальной библиотеки им. Ивана Вазова в Пловдиве (НБИВ), Требник, 1592 г., л. 36–63 об.¹⁵; МСПЦ (Груић 86), Требник, XVI в., л. 218–260¹⁶; Cod. Кор. 26, собр. Копитара в Любляне, Номоканон, третья четверть XVI в., л. 1–41¹⁷; ХАЗУ-Загреб Ша 34 (Kukuljević. br. 187), Требник, XVI в., л. 9–44¹⁸; рукопись Рс. 650, собр. Национальной библиотеки в Белграде, Сборник, XVII в., л. 99–141 об.¹⁹; рукопись № 55, собр. Церковно-исторического музея в Софии (ЦИАИ), Требник, 1717 г., л. 156–179 об.²⁰; НБКМ 1061, Сборник «Маргарит», 1762 г., л. 290 об.–301²¹.

Согласно указанной выше схеме, следовало бы расписать все правила, указать издание славянского и греческого текста (см. Приложение № 2 и Приложение № 3). При описании отдельные группы правил пронумерованы арабскими цифрами; если есть, дан заголовок. Листы указаны по имеющемуся фототипическому изданию славянского текста Номоканона по рукописи ЦИАИ 1160²², а найденные совпадения с греческим текстом — по изданию Котельера²³.

Представленное таким образом содержание редакции, однако, получается не очень ясным и точным. Одна из первых проблем — как обозначать правила: указывать ли начало первого и последнего правила в случаях, когда они формируют группу (тогда теряются правила между ними), и передавать ли правила полностью или отмечать начало и конец в случаях, когда эти правила единичны. Остается открытым и вопрос, до какой степени вообще имеющееся издание славянского текста можно принять за эталон и можно ли при описании использовать его как идентифицирующую метку. До сих пор не проводилась текстология славянских списков Номоканона, и несмотря на то, что в течение последних лет отдельные списки Номоканона Котельера были рассмотрены в работах Цветанки Янакиевой²⁴, Марии Райковой²⁵, Елены Беляковой²⁶, Анатолия Турилова²⁷ и Марьяны Цибранской²⁸, все еще нельзя точно определить ни время появления сборника, ни его состав, ни греческий прототип. Известно, что в основе славянской версии находится анонимный греческий епитимийный номоканон, изданный по более позднему списку Жаном Батистом Котельером. Время составления греческого текста определяется не раньше первой половины XII в. и не позже конца XIV в., а славянский перевод по всей вероятности возник в болгарской языковой среде не позже начала XIV в. В ЦИАИ 1160 текст Номоканона начинается на л. 34 об. и продолжается до конца рукописи. Из моей первоначальной работы со списками (их перечень приводится в Приложении № 4) видно, что большая часть текста, начиная с л. 98 и до л. 159, которая включает часть Номоканона Иоанна Постника, правила Трулльского собора, Послание Василия Великого к Амфилохию, вопросы и ответы Тимофея Александрийского и др., не находится ни в известных мне южнославянских, ни в молдавских списках, и, по всей вероятности, не является частью архетипа сборника. Неясно также, какая группа текстов формирует так называемые дополнительные статьи, которые несомненно были в Номоканоне, если судить по совпадающим в отдельных списках текстам Символа веры, Заповеди Василия Великого и др.

Дополнительную проблему создает и сам характер рассматриваемого канонично-правового материала, представленного во фрагменте из НБКМ 1410. В текстологическом отношении он восходит к группе рукописей, в которых правила расположены тематически и обособлены в отдельных главах с самостоятельной нумерацией (всего 274 главы)²⁹. Языковые и текстовые совпадения показывают, что по всей вероятности компиляция из НБКМ 1410 возникла на основе этой редакции, из которой были заимствованы отдельные, уже систематизированные правила. Это ясно видно из Приложений № 2 и 3, в которых указаны номера глав по рукописи 1/20 из собрания Рильского монастыря. Использование этой нумерации на данном этапе, однако, внесло бы, скорее всего, путаницу. В целом в ранних списках, относящихся к XIV в., правила

не пронумерованы. По всей вероятности, нумерация была внесена на более позднем этапе, в XVI–XVII вв. При этом не применялась тематическая систематизация, а вводилось разделение по главам. В отдельных рукописях, однако, существует различная система нумерации, а сами главы, со своей стороны, содержат неодинаковое число правил; часто одни и те же главы имеют разные номера. Елена Белякова сообщает, что в известных ей южнославянских списках число глав достигает 149 или 151, а в русских — до 200³⁰. В молдавских списках число глав доходит до 151. Список, который хранится в Шуменском музее, как и список из собрания Погодина, содержит 209 глав.

Не менее сложной является проблема использования греческого текста в качестве средства идентификации. Еще А. Павлов отметил, что нет полного совпадения между изданным Котельером списком и славянскими рукописями. Греческую редакцию можно охарактеризовать как несовершенную, неупорядоченную, полную повторений и противоречий. Несмотря на это, однако, она составляет основную часть славянской компиляции, и буквальное совпадения между ними несомненны³¹. Это подтверждается и на известных нам примерах (см. Приложение № 3). Для некоторых правил нельзя найти совпадения в греческом тексте, а часто если есть совпадение, относящееся к группе правил, оно не всегда полное и точное. Иногда наблюдается расхождение в правилах, или опущена часть правила, или правило передано в самых общих чертах, причем санкции в славянском и греческом тексте неодинаковы. Отдельным, но не последним по важности остается вопрос, как при описании редакции представить и показать ее особенности в отдельных рукописях.

* * *

Над этой редакцией я работаю уже полтора года, но еще осталось много вопросов. Этот факт, только подтверждает сказанное более века тому назад, что славянские юридические рукописи и канонические правовые тексты являются исключительно сложными по своему составу и трудны для описания. В то же время они исключительно интересны, богаты новым материалом и ждут своего исследователя.

¹ Единственная попытка внести некоторую ясность в типологию правовых текстов — статья Я. Н. Шапова (Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII–XV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 261–273).

² *Найденова Д.* Канонично-правни текстове в състава на славянски ръкописи, съхранявани в български книгохранилища (предварителен списък) // *Palaeobulgarica*, XXXII (2008), 4. С. 53–69.

³ *Vechiul drept românesc scris. Repertoriul izvoarelor. 1340–1640. Intocmit de R. Constantinescu. București, 1984.*

⁴ *Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts. Teil I. Die Handschriften des weltlichen Rechts. Frankfurt am Main, 1995 (= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Bd. 20).*

⁵ *Getov D., Katoapós B., Palaostáētis X.* Κατάλογος των ελληνικών νομικών χειρογράφων των αποκεμένων στο Κέντρο Σλαβο-βυζαντινών Σπονδών Ivan Duǰev του Πανεπιστημίου “Sv. Kliment Ohridski” της Σόφιας. Θεσσαλονίκη, 1994.

⁶ *Герд Л.А.* Предварительное описание поствизантийских юридических рукописей Российской национальной библиотеки // *Византийский временник*. 68 (93). 2009. С. 300–339.

⁷ *Найденова Д.* Канонично-правни текстове...

⁸ *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. II. София, 1923. С. 138–142.

- ⁹ *Найденова Д.* Методически проблеми при описанието на славянски правни текстове. Ръкопис № 624 от сборката на Народната библиотека «Св. Кирил и Методий» // *Пялници мало Георгию*. Сборник в част на 65-годишнината на проф. Георги Попов. София, 2010, С. 436–449.
- ¹⁰ *Найденова Д.* Канонично-правни текстове...
- ¹¹ *Христова Б., Караджова Д., Вутова Н.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. V. София, 1996. С. 117–118.
- ¹² Конволют, XV–XVI вв. См.: Цонев Б. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. Т. I. София, 1910. С. 182.
- ¹³ *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији. Београд, 1982. С. 110, № 1589.
- ¹⁴ *Караджова Д., Узунова Е.* Славянски ръкописи в Историческия музей на Шумен // *Старобългарска литература*. Кн. 23–24. София, 1990. С. 135–137.
- ¹⁵ Славянски ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в Пловдив. Разгледа и опис Б. Цонев. София, 1920. С. 52–53.
- ¹⁶ *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских... С. 112, № 1631.
- ¹⁷ *Mošin V.* Kопитарјева zbirka slovenskih rokopisov in zoisov cirilski fragment iz narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani. Ljubljana, 1971. S. 101–104.
- ¹⁸ *Mošin V.* Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. Dio I. Opis rukopisa. Zagreb, 1955. S. 54–56.
- ¹⁹ Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Књ. I. Београд, 1986. С. 350–354, № 166.
- ²⁰ *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на Българската църква в София. София, 1900. С. 88–90.
- ²¹ *Стоянов М., Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. III. София, 1964. С. 314–315.
- ²² *Кръстев А., Янакиева Цв.* Архивски номоканон. Български ръкопис от XIV в. Фототипно издание. Шумен, 2007.
- ²³ *Cotelerius J.-B.* Ecclesiae Graecae Monumenta. Vol. I. Luteciae Parisiorum, 1677.
- ²⁴ *Янакиева Цв.* 1) Лингвистично определение на славянски ръкопис № 2617 от Историческия музей в Шумен // *Преславска книжовна школа*. Т. 3. Шумен, 1998. С. 211–217; 2) Среднобългарска рукопись № 1160 из ЦИАМ как вероятный протограф епитимийного номоканона Славия Ортодокса // *Русский язык и русская литература в современном обществе*. Шумен, 1999. С. 216–222; 3) Разночтения славянских списков епитимийного номоканона XIV–XVI вв. и языковая картина мира православных славян // *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*. Вып. I. Шумен, 2002. С. 130–140.
- ²⁵ *Райкова М.* 1) Един югозападнобългарски номоканон от втората половина на XV век // *Македонски преглед*. XX, 1997, № 1. С. 69–92; 2) За един югозападнобългарски паметник от XV в. // *Македонски преглед*, XXXI, 2008, № 3. С. 29–46.
- ²⁶ *Белякова Е.В.* О составе Хлудовского номоканона (к истории сборника «Зинар») // *Старобългарска литература*, Кн. 37–38. София, 2007. С. 114–131.
- ²⁷ *Турилов А.А.* К истории Тырновского «царского» скриптория XIV в. // *Старобългарска литература*. Кн. 33–34. София, 2005. С. 305–325.
- ²⁸ *Цибранска-Костова М.* Славянският Псевдозонар // *Palaeobulgarica*, XXXII, (2008), 4. С. 25–52.
- ²⁹ НМРМ 1/20 (48); Cod. Кор. 26; Cod. slav. 125; JAZU III a 38 (Kukuljević. br. 709).
- ³⁰ *Белякова Е.В.* О составе Хлудовского номоканона...
- ³¹ *Павлов А.С.* Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. М., 1897. С. 42–43.

Приложение № 1

Описание состава правово-канонической части НБКМ 624.

л. 305 об.–332 об. Правово-канонический сборник (νομοκάνωνον πάνυ ωφέλιμον καί πλουσιώτατον).

Номоканон при Большом Требнике (Номоканонъ срѣчь законоправльннкъ, нмѣн правна по сокращенію стѣхъ Аплъ, Велнкагѣ Васнліа н стѣхъ соборѣвъ). Ed. Павлов 1897: 83–439.

а̄. 3; в̄. 4; г̄. 5; д̄. 7; е̄. 8; з̄. 9; ̄. 10; н̄. 11; ф̄. 12; т̄. 13; д̄т̄. 14; в̄т̄. 14 w чарованіи; г̄т̄. 14 w отравѣхъ; д̄т̄. 14 w порицаніи; е̄т̄. 14 w волхованіи; е̄т̄ (sic) 15 [з̄т̄]. 16; н̄т̄. 17; ф̄т̄. 18; к̄. 19; м̄ (sic). 20; к̄в̄. 21; к̄г̄. 22; к̄д̄. 23a; к̄е̄. 28a; к̄с̄. 28б; [к̄з̄] 29; к̄н̄. 30; к̄ф̄. 31; л̄. 32; л̄а̄. 33; л̄в̄. 34; л̄г̄. 35; л̄д̄. 36; л̄е̄. 37; л̄с̄. 38; л̄з̄. 39; л̄н̄. 40; л̄ф̄. 41; м̄. 42; м̄а̄. 43; м̄в̄. 44; м̄г̄. 45; м̄д̄. 46; м̄е̄. 47; м̄с̄. 48; м̄з̄. 49; м̄н̄. 50; м̄ф̄. 51; н̄. 52; н̄а̄. 53; н̄в̄. 54; н̄г̄. 55; н̄д̄. 56; н̄е̄. 57; н̄с̄. 58; н̄з̄. 59; н̄н̄. 60; н̄ф̄. 61; ̄. 63; ̄д̄. 64; ̄в̄. 65; ̄г̄. 67; ̄д̄. 68; ̄е̄. 69; ̄с̄. 70; ̄з̄. 71; ̄н̄. 72; ̄ф̄. 73; ̄. 74; ̄а̄. 75; ̄в̄. 76; ̄г̄. 114; без номер 119; ̄д̄. 120; ̄с̄. 123; ̄з̄. 124; ̄н̄. 125; ̄ф̄. 126; [п̄]. 127; п̄а̄. 128; п̄в̄. 129; п̄г̄. 130; [п̄д̄]. 131; п̄е̄. 132; п̄с̄. 133; п̄з̄. 134; [п̄н̄]. 135; п̄ф̄. 136; ч̄. 137; ч̄а̄. 139; ч̄в̄. 140; ч̄г̄. 141; ч̄д̄. 142; ч̄е̄. 143; ч̄с̄. 144. 1–5; ч̄з̄. 144. 5–9; ч̄н̄. 145; ч̄ф̄. 151; р̄. 152; р̄а̄. 153; р̄в̄. 154; р̄г̄. 157; р̄д̄. 158; р̄е̄. 162; р̄с̄. 166; р̄з̄. 175; р̄н̄. 178; р̄ф̄. 179; р̄т̄. 180; р̄д̄т̄. 181; р̄в̄т̄. 182; р̄г̄т̄. 188; р̄д̄т̄. 189; р̄е̄т̄. 190; р̄с̄т̄. 191; р̄з̄т̄. 192.

Приложение № 2

Состав редакции НБКМ 280 + НБКМ 1410 (первая и последняя группа правил).

1. Правѣла ст̄гы ап̄лз̄ н ст̄гы .з̄. с̄зворь пр̄п̄внынх̄ н б̄гоноснынх̄ ѡц̄з̄ наш̄н̄: о еп̄нскоп̄х̄ н о мн̄нхох̄ н о їереех̄ н о люд̄ѣ м̄нрскы̄ заповѣдн̄ в̄зсѣкыа̄ и повченіа̄. (ЦИАИ 1160: л. 34 об–36 об).

Нач.: Лз̄ь петр̄з̄ и павел̄з̄ ап̄лн̄ х̄в̄н̄. заповѣдоуем̄ь р̄ав̄о х̄в̄ѣм̄ь о д̄ѣланнх̄ чл̄чьскых̄. еже д̄ѣлатн̄ .с̄. д̄ннн̄...

Кон.: ... ндеже бо їерен̄ н не кад̄н̄ нн̄ мл̄твы̄ твор̄н̄ въ оунынн̄ н въ скврън̄ѣ с̄ѣ в̄зсѣкд̄а:

Грц.: Cotelerius 1677: 68–69 (α'–δ').

НМРМ 1/20: а̄ — е̄

17. — (ЦИАИ 1160: л. 41)

Нач.: Пнс̄ах̄ѡ бо мы̄ іако̄ жена̄ не нма̄ властн̄ над̄з̄ т̄ѣл̄ѡ скон̄, нѣ м̄ѣж̄ѣ еѣ̄ влад̄е̄ на т̄ѣл̄ѡ еѣ̄... :-

Кон.: ...Вьсѣк̄ь бо гр̄ѣ̄ кром̄ѣ т̄ѣла̄ їе̄, а вл̄ѣд̄ан̄ въ свое т̄ѣло̄ с̄згр̄ѣш̄ае̄. сн̄р̄ѣ̄ скврън̄н̄ н т̄ѣло̄ с̄зпр̄ѣга̄ свое̄ :-

Грц.: Cotelerius 1677: 74 (λγ').

НМРМ 1/20: Нумерация отсутствует.

Приложение № 3

Редакция НБКМ 280 + НБКМ 1410 (Начало группы правил о женщинах)

НМРМ 1/20: ске̄ — сн̄г̄

15.1. —

Нач.: жена̄ вл̄з̄х̄воӯщїа̄ нлн̄ м̄ѣж̄ь да пр̄ѣстанеть̄ н да̄ поклет̄ с̄а̄...

Кон.: ...жена̄ маванстр̄ѣ̄ нлн̄ м̄ѣж̄ь да̄ поклет̄ с̄а̄ л̄ѣ̄ .г̄. аще̄ лн̄ мн̄н̄ нлн̄ мн̄ншїца̄ в̄д̄ѣе̄, л̄ѣ̄ е̄. да̄ поклет̄ с̄а̄:-

Издание: Кръстев, Янакиева 2007 (ЦИАИ 1160): 63–64.

Грц.: cf. Cotelerius 1677: 110–111 (σμε', σμθ', σν').

15.2. —

Нач.: жена̄ повел̄ѣвае̄ нсповѣдоватӣ ѡ̄ въ̄ проӯст̄ѣ̄ ц̄рковн̄е̄...

Издание: Кръстев, Янакиева 2007 (ЦИАИ 1160): 44.

Грц.: Cotelerius 1677: 75 (μ' – μβ').

15.3. —

Нач.: малакѣа же двѣ разлчѣ нма...

Издание: Кръстев, Янакиева 2007 (ЦИАИ 1160): 65 об.

Грц.: —

15.4. —

Нач.: жена аще роднѣ въ велнкын по да постнѣ са днѣн .м. н да прнчстнѣ са ~

Издание: Кръстев, Янакиева 2007 (ЦИАИ 1160): л. 71.

Грц.: Cotelerius 1677: 126 (μ' – μβ').

Приложение 4

Номоканон Cotelerii (Псевдозонар)

Южнославянские списки

XIV в.

ГИМ Хлуд. 76. Номоканон, л. 1–90 (Николова, С., М. Йовчева, Т. Попова, Л. Тасева. Българското средновековно културно наследство в сбирката на Алексей Хлудов в Държавния исторически музей в Москва. Каталог. София, 1999. С. 82, № 75).

РГБ Музейное собр. (ф. 178), № 3169. Номоканон (Музейное собрание. Описание рукописей. Т. II (№ 3006–4500). М., 1997. С. 62).

ЦИАИ-София 1160. Номоканон.

РНБ Q.П.90. Номоканон. (Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской национальной библиотеке. СПб.; София, 2009. С. 110–113, № 51).

XV в.

БАН-София 53. Требник и Номоканон, л. 101–215 об. (*Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на БАН. София, 1969. С. 95–97).

НБКМ-София 1117. Номоканон (*Стоянов М., Кодов Хр.* Опис на славянските... Т. III. С. 455–456).

ЦИАИ-София 177. Молитвослов, л. 80–117 (*Гошев Ив.* Стари записки и надписи // Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски», Богословски факултет. 4, 1927, № 1. С. 346–347, № VII).

XVI в.

НБКМ-София 1170. Номоканон (*Стоянов М., Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. IV. София, 1971. С. 26).

НБИВ-Пловдив 101 (36). Сборник, л. 20–126. (Цонев Б. Славянски ръкописи... С. 69–84).

НМРМ 1/20 (48). Законник (*Спространов Е.* Опис на ръкописите в Библиотеката при Рилския манастир. София, 1902. С. 21–22).

ОИМ-Шумен 2617. Номоканон.

М 106/16 из Библиотеки Дебреценского Университета, Номоканон. (*Янакиева Цв., Пандур Ю.* Палеографические и графикалингвистическое описание рукописи М 106/16 из Библиотеки Дебреценского Университета имени Лайоша Кошута // *Palaeobulgarica*, XI (1987), № 1. С. 86–94).

Cod. Кор. 26. Номоканон.

Cod. slav. 125. (Австрийская национальная библиотека в Виене). Сборник, л. 1–162 об. (*Birkfellner G.* *Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich.* Wien, 1975. II/81, 220–224).

Quart. Eccl. Slav. 6 (Национальная библиотека «Сечени» в Будареше). Номоканон (Catalogue of the Slavonic Cyrillic manuscripts of the National Széchényi Library. Ed. by R. Cleminson, Moussakova E., Vutova N. Budapest, 2006. № 39. 97–98).

XVII в.

РНБ Погод. 257. Номоканон (Иванова Кл. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. № 54. С. 244–247).

ХАЗУ-Загреб, III а 38 (Kukuljević 709). Законник.

Молдавские списки в Бухаресте

Румынская АН Букуреш 148. Сборник, конец XV в., л. 111–118 об. (*Panaiteșcu P. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei R. P. R. Vol. I. București, 1959. 188–191*).

Румынская АН Букуреш 162. Сборник, XVI в., л. 31–90 об. (*Panaiteșcu P. Manuscrisele slave... Vol. I. 244*).

Румынская АН Букуреш 636. Сборник, 1557 г. (*Vechiul drept românesc... 111–114*).

Румынская АН Букуреш 661. Молитвеник, 1499 г. (*Vechiul drept românesc... 53–54*).

Румынская АН Букуреш 685. Сборник, XVI в.

Румынская АН Букуреш 692. Сборник, 1581 г. (*Vechiul drept românesc... 115–117*).

Румынская АН Букуреш 726. Сборник, 1618 г. (*Vechiul drept românesc... 117–118*).

О.Н. Бахтина

ТОМСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСЕЙ НА БЕРЕСТЕ (проблемы реконструкции, изучения и описания)*

Томская коллекция рукописей на бересте, находящаяся ныне в нескольких государственных хранилищах¹, представляет собой уникальный исследовательский объект. Рукописи XX в. на бересте — известное², но малоизученное явление. Закономерен вопрос о значении рукописей на бересте XX в. как историческом и социокультурном источнике.

Подобный вопрос возникал и после открытия новгородских берестяных грамот. В этом случае ответ мы находим и в многочисленных публикациях самих текстов грамот³, и в специальной монографии Л.В. Черепнина «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (1969), где был дан историографический обзор работ о новгородских берестяных грамотах. Автор монографии отмечал тот факт, что А.В. Арциховский явился первым исследователем берестяных текстов как исторического источника, который и наметил основные принципы работы с этими вновь открытыми древними памятниками письменности: сопоставление с документами, написанными на пергамене и бумаге, сходными по тематике, раскрытие значений ряда терминов, объяснение личных имен и географических названий, перевод грамот на современный русский язык. Вскоре появились работы, посвященные языку, палеографии, терминологии новгородских писем на бересте. Л.П. Жуковская сделала первую попытку классифицировать содержание берестяных грамот⁴. Она выделила такие группы текстов: частные письма, записи, официальные документы, фольклорные произведения, определила социальный состав авторов и адресатов, разделила состав грамот по полу и возрасту, ввела понятия «язык берестяных грамот» и «палеография берестяных грамот». Большая роль в изучении и популяризации материалов берестяных грамот принадлежит В.Л. Янину⁵, который, по словам Д.С. Лихачева, начал разработку «новой науки — берестологии». Л.В. Черепнин дает в своем исследовании на основе изучения 405 текстов более подробную классификацию берестяных грамот. Он выделяет духовные (завещания), купчие, судные списки, послания, личные письма, служебные донесения, челобитные людей разного социального статуса. Таким образом, можно говорить о том, что уже существует определенная методика работы с памятниками письменности, написанными на бересте. Но это материал древний, а что представляют собой берестяные рукописи XX в. Томской коллекции, в связи с чем, когда и где возник этот значительный массив кириллических текстов?

Как правило, появление рукописей на бересте в XX в. связано с определенной социокультурной и бытовой ситуацией. В нашем случае основой для исследования стали берестяные рукописи из таежных поселений на речке Елтыревой

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-04-00087 а.

Колпашевского района Томской области. По собранным данным⁶ в верховьях речки Елтыревой (приток Кети) проживало более 10 семей: Е.Ф. Бочкарева, Г. Коновалова (Гаврилушки), Ф.И. Коновалова, С.И. Коновалова (с сыновьями Антоном и Лукьяном), некоего Григория (с сыновьями), И.К. Хохлова, некой Феклы Ивановны (с мужем), М.П. Пастухова (с женой Антониной — заимка называлась по ее имени — Тонюшкино «помесье»), некоего Миши (Мишино «помесье»), Воробьевых, Тиуновых. «Помесья», так называли жители свои заимки, располагались на расстоянии 2–10 км друг от друга. Первые «помесья» на р. Елтыревой появились, видимо, в конце XIX в. Заново осваивать эти места начала семья Гаврилушки Коновалова, поселившаяся на заимке Жегаловской (от «жегало» — горелое место). Г. Коновалов приехал сюда в 20-е гг. XX в., он был уже в зрелом возрасте, имел сына Степана и сестер Марию и Елену, умерших здесь в глубокой старости в конце 60 — начале 70-х годов XX в.

Поселенцы вели типично крестьянский образ жизни: распахивали участки земли, сеяли хлеб (рожь, ячмень), выращивали овощи, добывали орех, ловили зверя и рыбу. Некоторые строго соблюдали старую веру, имели книги, читали их и переписывали, в том числе и на бересте.

Наследником Г. Коновалова стал его племянник Федор Иванович Коновалов, который поселился на Елтыревой в 1927 г., придя с р. Кёнги Бакчарского района Томской области. Будучи старообрядческим наставником, он имел много книг, обучил грамоте дочь Наталью. По свидетельству В.И. Тиуновой, она писала книги, в том числе и на бересте. Умерла Н.Ф. Коновалова в преклонном возрасте в 1982 г. В ее «помесье» еще в 1979 г., после смерти мужа Федора Ивановича Тиунова, перебралась Васса Ивановна Тиунова, ставшая последней обитательницей поселений на р. Елтыревой. Вскоре мать вывез на вертолете сын Петр Федорович Тиунов и книги продал в Томский областной краеведческий музей. Таким образом можно сказать, что «коллекция Тиунова» представляет собой общинную библиотеку (точнее ее остатки) обитателей «поместий» на р. Елтыревой. Это была библиотека «живого» обращения. Основу ее составляют выписки необходимых или чем-то понравившихся произведений, молитвы, бытовые записи, рисунки, записки и даже два «дневника» — Островной летописец за 1923–1929 гг.⁷ Видимо, его вел Г. Коновалов, умерший в 1929 г. или Григорий, живший на Березовом острове и построивший упомянутый в летописце ветряк. Своего рода продолжением «местной летописи» является «Книга Пасхальная», которую писала на бересте Наталья Коновалова в 1956–1975 гг.⁸ Несомненно, в этих текстах просматриваются древнерусские летописные повествовательные традиции⁹. Таким образом рукописи на бересте должны быть рассмотрены в контексте сохранившейся некогда в прошлом живой крестьянской библиотеки. Охранная опись этой библиотеки была сделана после ее поступления в фонды Томского областного краеведческого музея¹⁰ и составляет 75 единиц хранения. Это рукописные книги XVI–XX вв., среди них: Евангелие тетр (От Луки и от Иоанна), Пролог, Слова постнические Исаака Сирина, Псалтирь толковая, Псалтирь с воследованием, Апокалипсис, Азбука певческая, Месяцеслов, Житие Иоанна Златоуста и др., сборники выписок из патериков, из Толкового евангелия, из книги бесед Иоанна Златоуста, из Жития Василия Великого, фрагменты рукописей, выписки, записки и рисунки, в том числе и на бересте. Сохранился архив Н.Ф. Коноваловой (ТОКМ, Ф. 12676), в кото-

ром есть: записки о количестве снесенных курочками (приводятся их клички) яйцах, песни, частушки, рисунки, записки к Н.Ф. Коноваловой и ее собственные записки и «дневниковые» записи, молитвы и т. д.

Берестяные книжечки, записки и рисунки, хранящиеся в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки ТГУ, были в основном приобретены позднее (в 1990 г.) в д. Волково Колпашевского района у Марии Павловны Тиуновой, жены Петра Федоровича Тиунова сотрудниками библиотеки. Одна берестяная рукопись (В-11.185) «Поучение в неделю всех святых» поступила в фонд от Старостиной Ирины Борисовны в 1994 г. из Колпашевского района Томской области. Вторая (В-17.094) «Поучение на Рождество Христово и в неделю после Рождества» поступила в отдел в 1995 г. от Велингера Ф.Ф. из Томской области¹¹.

Рукописи на бересте из коллекции редких книг и рукописей Института истории СО РАН также по происхождению связаны с таежными поселениями на речке Елтыревой в Томской области¹².

Отвечая на вопрос, почему таежные насельники писали на бересте (они писали и на бумаге), вероятно, следует прежде всего указать бытовую ситуацию отсутствия бумаги. Например, в одном письме на бумаге, адресованном Наталье Коноваловой, содержится просьба написать ответ, а для этого, как сообщает корреспондентка, «кладу лесток бумаги для писма» (ТОКМ, ф. 12676/18)¹³. Видимо, в скиту бумаги не было.

Конечно, возможна ситуация, когда берестяная копия уставного или четьего произведения заменяла отсутствующий в данной библиотеке экземпляр книги и была сделана с целью восполнить этот пробел. Возможно, рукописи на бересте при отсутствии бумаги становились своего рода множительным аппаратом для передачи необходимых конфессиональных текстов в пользование соседям. Об этом свидетельствуют такие записки, как Записка Наталье Коноваловой: «Книга свитых слов...и многа слов Ефрема С(и)рина, слово Авраама и Исаака // Иосифа многа слов но все ни пирипишишь» (ТОКМ, ф. 12676/31) и вторая записка: «...я бы и вчера пришла но я читала тибе (твою) книгу, апрастала, благодарю за книгу... Благодарю за то что ты мне другу дала но я не прочитала» (ТОКМ, ф. 12676/21).

Берестяные рукописи могут многое дать для понимания повседневной жизни таежного поселения в Сибири через внимательное прочтение «летописцев» и «дневников» в сопоставлении с найденными частными записками, письмами и хозяйственными заметками.

В то же время, очевидно, что всестороннее исследование Томской коллекции рукописей на бересте позволит приблизиться к пониманию форм и механизмов существования культурной памяти¹⁴ православия в условиях добровольной или вынужденной изоляции социальной группы от христианской ойкумены. Этот материал позволит, на наш взгляд, объяснить, каким образом традиция рукописания (конфессионального и бытового), в том числе и на бересте, становилась средством складывания и поддержания единства изолированного от внешнего мира коллектива и осмысления окружающей действительности русским крестьянином XX в., оказавшимся в Сибири. Человек, переписывая и перечитывая книги, сохранял таким образом конфессиональный текст, где были зафиксированы жизненно важные для него смыслы, а затем апеллируя

к этому тексту, он пытался упорядочить свою жизнь. Именно конфессиональный текст позволял провести границу с иноверным миром и реконструировать собственную этноконфессиональную идентичность. Таким образом значение таежных берестяных рукописей неизмеримо возрастает.

При описании рукописей на бересте, на наш взгляд, следует обратить внимание на существенные особенности берестяного материала для письма¹⁵, какой слой бересты использовался, на какой стороне, внешней или внутренней, был нанесен текст и чем (в нашем случае имеются рукописи на бересте, написанные простым карандашом, чернилами и процарапанные острым предметом, шилом или иглой).

В связи с этим, возникает вопрос об особенностях начертания букв, поскольку общепринятое определение «поздний или небрежный полуустав» мало что разъясняет в данном случае. Л.П. Жуковская, размышляя о палеографии рукописей на бересте, специально подчеркивала, что «написания на бересте имеют свои специфические особенности»¹⁶. В случае «процарапывания» букв на бересте можно увидеть как бы «завихрения» крошечных отслоившихся кусочков бересты, в случае «надавливания» тонкого, но не слишком острого предмета береста деформируется — прогибается (вдавливается), но не выкрашивается. Все это приводит к «неточным начертаниям». Далее исследовательница отмечает неразличение при письме на бересте толстых и тонких линий, так как толщина линий зависит не от силы нажима, а от «ширины надавливающей поверхности орудия письма». Овалы и дуги либо отсутствуют вообще, их заменяют треугольники, четырехугольники и многоугольники, либо, если береста была достаточно эластичной, могут присутствовать, но быть менее точными, чем при написании пером и чернилами. Это обстоятельство затрудняет датировку новгородских берестяных грамот, это затрудняет и определение почерка в «берестяных грамотах» XX в.

Следующий важный элемент описания рукописей на бересте — это язык памятников. Все исследователи новгородских берестяных грамот отмечают, что перед нами запись живого разговорного языка древних русичей XII—XIV вв. Г.Н. Старикова сделала предварительный анализ сибирских рукописей на бересте¹⁷ в основном третьей группы¹⁸ (дневниковые записи, хозяйственные заметки, рисунки и подписи к ним, записки) с точки зрения языковых особенностей. В частности, она отмечает восстановление *и/ы* на месте былых слабых редуцированных или между согласными, чаще — перед плавными, делает предварительные наблюдения относительно произношения и образования некоторых грамматических форм, а также о морфологической стороне речи таежных поселенцев. Все названные черты, как считает исследовательница, «характерны для большинства акающих среднерусских, а также уральских и сибирских говоров, вторичных по своему образованию»¹⁹.

Определенный интерес представляют и «украшения» берестяных рукописей. Во многих рукописях можно наблюдать использование красных чернил или туши для заголовков и инициалов, есть пример рукописи на бересте с имитацией заставки и концовки²⁰. Все это свидетельствует о стремлении писца сохранить традицию создания рукописной кириллической книги.

Наблюдения подобного рода можно продолжить и далее, но ясно одно: уникальность «коллекции Тиуновых» требует увеличения числа необходимых

параметров в описании²¹ прежде всего берестяных рукописей, а также реконструкцию «культурных кодов», представляющих разные формы самоидентификации конкретного коллектива-изолята²². В противном случае такой интересный и необычный историко-культурный источник, как рукописи на бересте, многое теряет из своего информационного потенциала.

Появление их в Сибири в ходе освоения русским этносом таежных районов позволяет проанализировать сакральные и социальные (в том числе коммуникативные) аспекты бытования богослужебных, уставных, четых и бытовых текстов на бересте в новое и новейшее время и разработать соответствующую схему описания этого типа кириллических памятников. Очевидно, что сегодня перед научным сообществом, занимающимся археографическим описанием, стоят и другие задачи, а именно переход от формализованного описания кириллической книги (при сохранении его основных параметров) к археографическому дискурсу, поскольку такой ракурс исследования позволяет уловить специфическую онтологическую традицию, объединяющую жизнь книги, социума и конкретного человека²³. Исследование томских рукописей на бересте как части общинной библиотеки таёжных поселений в контексте социокультурной истории дает возможность определить их роль в организации конфессиональной и социальной жизни русских насельников северных районов Сибири в XX столетии. Рассмотренная в контексте истории возникновения и существования автономных поселений (скитов) в сибирской тайге Томская коллекция рукописей на бересте становится основой для постановки ряда вопросов: во-первых, о функциях христианской кириллической книги в формировании взаимодействий: человек — конфессиональный текст, человек — общество, человек — природа; во-вторых, о реальных способах конструирования русскими переселенцами в Сибирь собственной этноконфессиональной идентичности; в-третьих, о репертуаре традиционной крестьянской библиотеки; в-четвертых, о введении в научный оборот таких своеобразных письменных источников, как рукописи на бересте (письмо на бересте, содержание берестяных рукописей, их язык). Решение этих вопросов позволит понять, как сохранялся русский этнос в чужеродной природной и социальной среде.

¹ В настоящее время выявлено 39 единиц хранения в Томском областном краеведческом музее, затем 11 экземпляров в Институте Истории СО РАН и 13 в Научной библиотеке Томского гос. университета. Предположительно, 1–2 берестяные книжечки есть в Краеведческом музее г. Колпашево и одна в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ г. Новосибирска. Три берестяные рукописи XVIII–XX вв. хранятся в Библиотеке РАН.

² См., например, описания берестяных рукописей: *Бахтина О.Н.* Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Государственные и частные библиотеки. Русская книга в дореволюционной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 139–161; *Рукописи из коллекции Института истории СО РАН / Сост. А.И. Мальцев, Т.В. Панич, Л.В. Титова.* Новосибирск, 1998. С. 217, 222, 231 и др.; публикации текстов: *Покровский Н.Н.* Рукопись сибирских старообрядцев на бересте // Живая старина, 1995, № 1. С. 28–39; *Титова Л.В.* Духовные стихи в берестяной книге Афанасия Герасимова // Там же. С. 40–41; *Мальцев А.И.* «Книга пасхальная» — берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX в. Новосибирск, 1997. С. 264–272; и первые опыты изучения сибирской крестьянской библиотеки, содержащей берестяные рукописи: *Бахтина О.Н.* «Берестяные грамоты» в Сибири XX века // Сибирский текст в русской культуре. Вып. 2. Томск, 2007. С. 131–138; *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Старикова Г.Н.* Берестяные книги в фонде редких книг Томского областного краеведческого музея // II Ремезовские чтения

2005. Провинция в русской культуре. Сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп и В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2008. С. 111–121.

³ См., например, *Арциховский А.В.* Археологические открытия в Новгороде // Вестник Академии наук СССР, 1951, № 12. С. 60–69 и др. публикации новонайденных грамот из ежегодных раскопок в одном из древнейших русских городов. А также: *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.) М., 1953; *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953–1954 гг.) М., 1958; Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955; *Жуковская Л.П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959 и др.

⁴ *Жуковская Л.П.* Указ. соч.

⁵ *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965 и др.

⁶ В сборе материала о поселениях на речках: Елтыревой, Пайдугиной, Жегаловой кроме сотрудников археографической лаборатории ТГУ принимали участие доцент ТГУ Э.Л. Львова и директор ТОКМ в 1986–1996 гг. Н.Я. Сергеева.

⁷ См. публикацию текста и комментарий: *Приль Л.Н.* Островной летописец // Труды ТОКМ, 1995. № 8. С. 183–221.

⁸ См. публикацию текста и комментарий: *Мальцев А.И.* Указ. соч.

⁹ См. об этом: *Бахтина О.Н.* Старообрядческая библиотека XX века. Функциональный аспект // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2003. С. 258–261.

¹⁰ См.: *Бахтина О.Н.* Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления... С. 139–161.

¹¹ Благодарю В.А. Есипову за предоставленную возможность познакомиться с машинописным описанием этой коллекции.

¹² Рукописи на бересте описаны. См.: Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН... № № 1/91, 2/91, 3/91, 2/92, 3/92 и др.

¹³ Благодарю Л.Н. Приль за предоставленную возможность познакомиться с текстами записок.

¹⁴ Понятие «культурная память» уже имеет определенную исследовательскую традицию. См., например, *Арнаутова Ю.Е.* От мемуар к «истории памяти» // Одиссей — 2003. М., 2003. С. 170–198; История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006 и др. Теорию культурной памяти разрабатывает Я. Ассманн. См., например, Ассманн Я. Культурная память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. В самом общем виде под культурной памятью понимается некоторая форма трансляции и актуализации культурных смыслов и в этом плане она отличается от коммуникативной памяти, основанной на передачи обыденного опыта от поколения к поколению. Культурная память связана с социальными группами и имеет «реконструктивный характер», поскольку транслируемое ею «прошлое знание» связано с актуальной в настоящее время ситуацией в жизни группы.

¹⁵ Более подробно см. об этом: *Есипова В.А., Куклина Т.Э., Данченко А.М.* Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1(13). С. 121–127.

¹⁶ *Жуковская Л.П.* Палеография // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 14.

¹⁷ См. об этом: *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Старикова Г.Н.* Указ. соч. С. 119–121.

¹⁸ Более подробно классификацию сибирских «берестяных грамот» XX века см. там же.

¹⁹ Там же. С. 121.

²⁰ См. подробнее об этом: *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Старикова Г.Н.* Указ. соч. С. 118.

²¹ См.: *Альшиц Д.Н.* Вопросы теории и практики научного описания исторических источников // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 46–53.

²² Подробнее см. об этом: *Приль Л.Н.* Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в XIX — 80-х гг. XX вв. (Опыт реконструкции жизнедеятельности). Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Томск, 2002.

²³ См. об этом подробнее: *Бахтина О.Н., Керов В.В., Дутчак Е.Е.* «Егда чем, Господь к нам беседует»: к вопросу об институализации социальной археографии // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 73–85.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СИБИРСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КНИГИ
(по материалам ОРКП НБ ТГУ)

Коллекция рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ) начала складываться одновременно с фондом библиотеки, основанной в 1880 г. Поступившие в этот период рукописи происходили в основном из частных книжных собраний, подаренных НБ или приобретенных университетом (библиотеки Строгановых, В.А. Жуковского, А.В. Никитенко и др.¹). В 1920-е гг., после установления советской власти в Сибири в библиотеку поступил ряд конфискованных книжных собраний, в составе которых имелось значительное количество кириллических рукописей, в том числе и созданных на территории Сибири (например, собрания Томской духовной семинарии, Томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря, часть книг Тобольского церковного древлехранилища и т. д.). В основном эти книги были помещены в резервно-дублетный фонд библиотеки. В 1945 г. было создано специальное структурное подразделение — отдел редких книг и рукописей (ныне ОРКП), который возглавила Л.А. Панова. В 1960-е гг. состоялось известное «археографическое открытие Сибири»; в это же время был начат разбор и описание рукописей резервно-дублетного фонда НБ ТГУ. Археографическая работа на территории Томской области силами местных ученых началась в 1970-е гг. В это же время в ОРКП работала Е.К. Ромодановская, ею было опубликовано первое научное описание 100 рукописей, хранящихся в НБ ТГУ². Ряд рабочих описаний рукописей ОРКП был выполнен Л.А. Пановой, В.В. Лобановым, Г.И. Колосовой. В настоящее время фонд отдела насчитывает порядка 100 тыс. ед. хранения, а коллекция рукописей — 1047 ед. Сейчас опубликовано уже два тома описаний славяно-русских рукописей ОРКП НБ ТГУ³.

В результате проведенной работы по описанию коллекции рукописей был накоплен обширный материал, позволяющий судить о том, имели ли рукописи, созданные на территории Сибири какую-либо специфику, в отличие от рукописей, созданных в европейской части России. В настоящей статье рассматриваются палеографические особенности сибирских старообрядческих рукописей XVIII — первой половины XIX в. Под сибирской рукописью в данном случае понимается рукопись, созданная на территории Сибири. Также следует оговориться, что данные по первой половине XIX в. носят предварительный характер, поскольку работа над описанием рукописей этого периода еще не закончена. Для рассмотрения были выбраны экземпляры из коллекции рукописей НБ ТГУ, относящиеся к XVIII — первой половине XIX в.; всего к этому периоду относится 307 ед., из них могут быть признаны сибирскими по происхождению 17 ед. Признаками сибирского происхождения считались:

— писцовые и владельческие записи. Экземпляров с владельческими записями немного: по одной рукописи XVIII в. и первой половины XIX в.⁴;

— с довольно большой долей вероятности можно считать созданными в Сибири рукописи, написанные на сибирской бумаге⁵. Таких рукописей несколько больше: 12 ед. XVIII в. и 2 ед. первой половины XIX в.⁶ При этом рукопись В-777 может быть расценена как сибирская по происхождению на основании обеих приведенных критериев: и писцовых записей, и использования сибирской бумаги. Уменьшение количества рукописей с сибирской бумагой в XIX в. объясняется тем фактом, что к середине столетия тобольская бумажная мануфактура перешла на производство чайной и оберточной бумаги; не такая крупная Туринская мануфактура существовала до середины XIX в. (ее деятельность документально прослеживается до 1859 г.), а что касается Ачинской мануфактуры, до сих пор неизвестно, какие филигранные использовали ее владельцы. Таким образом, пока невозможно сколько-нибудь основательно утверждать, что в Сибири после середины XIX в. существовало производство писчей бумаги, и тем более нет оснований для выводов о том, как она использовалась в рукописях;

— отдельные рукописи можно отнести к сибирским на основании их содержания с известной долей вероятности. Это, например, рукопись В-5636 («Цветник» Ипата Иванова, определенный А.И. Мальцевым как странническое сочинение⁷). Рукопись имеет самоназвание («Повесть о сибирском страннике»); представленный в ней текст уже публиковался⁸.

Для отобранных рукописей были рассмотрены все палеографические признаки, которые традиционно отмечаются при описании: формат, бумага, конструкция тетрадей, почерки, рубрикация, орнаментика, переплет. После обработки полученных данных получились следующие результаты.

Форматы рукописей — преимущественно 4° и 8°, большие форматы встречаются редко. Наличие сибирской бумаги отмечено для рукописей последней трети XVIII в. Из других видов бумаги представлены: в начале XVIII в. — «голова шута» и герб Амстердама⁹, к концу столетия — бумага мануфактур М. Переяславцева (Углич)¹⁰, Турунтаевского (Вологда)¹¹, Ф. Рязанцева (Вятка)¹², С. Яковлева (Ярославская губерния)¹³, А. Гончарова (Полотняный завод)¹⁴. В XIX в. (перв. пол.) представлена бумага Вятских и Ярославских мануфактур¹⁵. Кроме того, имеются и рукописи, написанные только на сибирской бумаге, но их немного¹⁶.

Что касается конструкции тетрадей, характерно неравное количество листов в тетрадах в пределах одного блока, нередко дополнительные листы¹⁷. Относительно ровный состав тетрадей наблюдается в основном в рукописях, включающих одно произведение (иногда с дополнениями)¹⁸, в этом случае оно писалось обычно одним писцом и в одно время, тетради, видимо, изготавливались специально для нужд данной переписки. В сборниках тетради состоят из разного количества листов, нередко случаи, когда одна (две) тетради включают одно произведение, которое потом подшивается к блоку, дополняя его¹⁹. Очевидно, это не только сибирская особенность, а традиция создания своеобразной «библиотеки в одном переплете», неоднократно отмеченная исследователями; она хорошо прослеживается и в каталогах рукописных собраний²⁰. Как видно, она была усвоена и сибирскими старообрядцами.

Относительно почерков в настоящее время возможны в основном обобщенные наблюдения: подробное описание рукописной коллекции начато сравнительно недавно, еще нет возможности провести детальную классификацию

почерков, определить писцовые школы и т. д. Поэтому в целом можно сказать следующее. Среди отмеченных почерков преобладает поздний полуустав, иногда с элементами скорописи, часто небрежный или неумелый. Рукописей, полностью написанных скорописью, практически нет²¹. Встречаются как рукописи, написанные одним почерком, так и несколькими. Нередко одним почерком написаны рукописи, состоящие из одного произведения²², часть из них — это те же рукописи, для которых характерно наличие одинакового количества листов в тетрадах²³, но эти признаки не связаны жестко: встречаются и рукописи, написанные одним почерком, но состоящие из тетрадей с разным количеством листов²⁴. В рукописях, написанных разными писцами, количество почерков колеблется в основном в пределах 2–4 почерка²⁵. Встречаются и рукописи с количеством почерков около 10 и более²⁶, но это нечастое явление.

Что касается таких справочно-вспомогательных элементов текста, как пагинация, сигнатуры и колонтитулы, отмечаются следующие тенденции. Пагинация, современная рукописи, встречается далеко не во всех случаях. Так, пагинация отсутствует в 6 рукописях²⁷, представлена только в части блока в 3 рукописях²⁸. Имеются рукописи со сквозными сигнатурами²⁹, с отдельными сигнатурами³⁰, с частично обрезанными или не везде проставленными³¹ или вообще без сигнатур³². Колонтитулы представлены тоже не везде. Так, нет колонтитулов в 4 рукописях³³, имеются колонтитулы в 5 рукописях³⁴; есть экземпляры, где колонтитулами снабжена лишь часть рукописи³⁵.

Такой разброс может говорить о том, что для местных сибирских писцов, особенно не профессиональных, понятие о рубрикации книги было весьма расплывчатым, неустоявшимся. Если иметь в виду, какой период рассматривается, можно предположить, что традиция рубрикации древнерусской книги постепенно размывалась. Не следует также забывать вариант составления сборников из написанных ранее как отдельные рукописи частей.

Орнаментика поздних старообрядческих рукописей, созданных в регионах, только начинает изучаться³⁶. Не касаясь здесь стиля орнаментального оформления, рассмотрим виды орнамента и методы украшения рукописи, которые наиболее часто применялись: письмо в две краски, заголовки вязью или полувязью, наличие заставок и концовок, игра текстом, страницы в линейных рамках, а также миниатюры; при этом принимался во внимание только сам факт использования того или иного вида орнамента или метода оформления. В результате получилось следующее:

— почти все рукописи XVIII в. писаны в две краски³⁷; ближе к концу столетия этот прием все чаще становится единственным видом украшения книги (при том, что это еще и один из способов рубрикации). В XIX в. также встречается часто³⁸;

— заголовки вязью и полувязью в рукописях XVIII в. редки³⁹, а в XIX в. не встречаются вообще;

— наличие заставок и/или концовок отмечено почти во всех рассмотренных рукописях XVIII в.⁴⁰, при этом может иметься лишь одна заставка или концовка на всю рукопись. В XIX в. этот вид орнамента продолжает использоваться⁴¹;

— такой сравнительно редкий прием оформления, как игра текстом наблюдается в некоторых рукописях XVIII в.⁴² и в одной рукописи XIX в.⁴³;

– редко встречаются и страницы в линейных рамках: в данной выборке они отмечены только в одной рукописи XVIII в.⁴⁴, в рукописях XIX в. их нет;

– миниатюры встретились только в двух рукописях XVIII в.⁴⁵, в рукописях XIX в. миниатюр нет.

В целом к концу XVIII–XIX в. система украшения рукописей упрощается; основным средством украшения становится письмо в две краски, меньше количество рукописей с заставками и концовками, с применением игры текстом, рукописей с миниатюрами в просмотренной выборке XIX в. нет, так же, как и рукописей с заголовками вязью.

Что касается переплета, для первой половины — середины XVIII в. характерны переплеты, находящиеся полностью в русле древнерусской переплетной традиции: доски, кожа, слепое тиснение разной степени профессионального мастерства, застезки (одна или две), встречается крашенный обрез. Таких переплетов в этот период большинство⁴⁶. Встречаются и такие образцы, как крашенный обрез с тиснением⁴⁷. Ближе к концу XVIII в. появляются переплеты, поволоченные не кожей, а холстом, иногда крашеным⁴⁸, а также переплеты, крышки которых выполнены не из досок, а из картона, поволочены холстом⁴⁹, а также из бумаги, оклеенной кожей⁵⁰; встречаются и образцы типичного светского полукожаного переплета⁵¹.

В XIX в. продолжают встречаться традиционные переплеты, выполненные в древнерусских традициях⁵², но их уже меньше; зато появляются и другие варианты⁵³, где доски поволочены холстом, верхняя крышка оклеена поверх холста бумагой, нижняя — синей сатиновой тканью, имеются завязки вместо застезек. Переплет одной из рукописей⁵⁴ представляет собой кожу, оклеенную синей тканью, на крышках имеется слепое тиснение, а в качестве форзацев использованы листы рукописи того же периода. Переплет другой рукописи⁵⁵ представляет собой крышки, выполненные из склеенной в несколько слоев обойной бумаги, корешок кожаный; а еще один переплет⁵⁶ выполнен из картона и холста. Отмечены и случаи, когда переплет отсутствует, а его роль выполняет обложка, порой выполненная их фрагментов делопроизводственных документов.

Общая тенденция выглядит следующим образом: происходит постепенное уменьшение количества переплетов с крышками из досок, они заменяются крышками из картона, склеенной в несколько слоев бумаги или даже кожи. В целом направление эволюции сопоставимо с эволюцией светского переплета, описанной С.А. Клепиковым⁵⁷.

При описании рукописей первой половины XIX в. была выявлена еще одна особенность внешнего вида некоторых экземпляров, не закладывавшаяся изначально в конструкцию книги, а появившаяся в процессе бытования. Рассмотрение рукописи В-5360 (Цветник, судя по писцовым записям, написанный на территории Бийского уезда в 1834–1835 гг.) показало, что практически на всех листах рукописи, где просматривается белая дата и литерное сопровождение филигрانی (с гербом Вяткой губернии), эти элементы были вырезаны, что не позволило с точностью идентифицировать филигрань. О такой особенности старообрядческих сибирских рукописей уже была публикация⁵⁸, однако там в качестве примера приводились рукописи XVIII и XX в.⁵⁹ Теперь с этой точки зрения были рассмотрены рукописи первой половины XIX в. из коллекции

ОРКП НБ ТГУ; на настоящий момент обнаружено 5 ед. рукописей с аналогичными повреждениями⁶⁰. Таким образом, традиция вырезать на бумаге белую дату (позже — штемпель), уничтожая таким образом «печать Антихриста», появляется в последней трети XVIII в. и в XIX в. распространяется шире (судя по возрастанию количества рукописей с таким повреждением). Следует отметить, что часть рукописей так и была оставлена владельцами с вырезанными фрагментами страниц, часть же была заклеена. Кроме того, возможно, при описании исследователь не всегда обращает внимание на повреждения такого рода, поскольку отсутствующий фрагмент страницы может производить впечатление физического дефекта. Это затрудняет идентификацию повреждений такого рода на основании каталогов.

В целом палеографические характеристики рассмотренных старообрядческих рукописей свидетельствуют о том, что мы имеем дело с крестьянской книгой, созданной, вероятнее всего, для собственного употребления, а не на продажу. Это именно тот тип рукописей, который при описании Архангельского собрания БАН был охарактеризован следующим образом: «...сборники... по внешнему оформлению носят чисто ремесленный характер... малоценная с точки зрения книжного искусства, возможности установления определенной школы письма, рукопись интересна как факт культуры, а главное — своим содержанием»⁶¹.

Роскошных экземпляров, выполненных в Сибири в рассматриваемый хронологический промежуток, среди просмотренных рукописей не встретилось. Появление в регионе таких экземпляров (по материалам ОРКП НБ ТГУ) отмечено лишь во второй половине XIX в.⁶² Разумеется, в Сибири бытовали и бытуют до сих пор превосходно оформленные рукописи с большим количеством миниатюр, но говорить об их сибирском происхождении не всегда представляется возможным, а для ряда из них очевидно происхождение из других регионов.

Закономерен вопрос о причинах наблюдаемого явления. По этому поводу можно сформулировать следующие гипотезы:

- в Сибири не имелось достаточного количества квалифицированных мастеров, которые могли бы изготавливать роскошные экземпляры;
- в качестве причины можно рассматривать и специфику расселения согласий в регионе; различный репертуар книги, очевидно, диктовал и различные особенности оформления рукописей.

¹ Составить представление о рукописях этой части коллекции можно, в частности, по статье: Милютин А.И. Библиотека гр. Строганова в Томском университете // Русский библиофил. 1914. № 2. С. 13–16 (описано 9 рукописей на франц. яз.).

² К сожалению, был опубликован лишь краткий вариант описания: Ромодановская Е.К. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского университета // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 344–348. Машинописный вариант полного текста описания, выполненный Е.К. Ромодановской, хранится в ОРКП НБ ТГУ.

³ Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог / Сост. В.А. Есипова. Под. Ред. Г.И. Колосовой. Томск, 2007. Вып. 1: XV–XVII вв. (описано 32 ед.); Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог / Сост. В.А. Есипова. Томск, 2009. Вып. 2: XVIII в., ил. (описано 113 ед. и 2 фрагмента).

⁴ ОРКП НБ ТГУ. В-777, В-5360.

⁵ Эта проблема была подробно обсуждена в статье: *Есипова В.А.* Бумага сибирского производства XVIII в. в рукописях НБ ТГУ // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 101–106.

⁶ ОРКП НБ ТГУ. XVIII в.: В-5539, В-5890, В-5524, В-5610, В-5459, В-5408, В-24.638, В-5406, В-5465, В-5503, В-820, В-5380; XIX в.: В-5414, В-5497.

⁷ *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. С. 239–240. № 30.

⁸ *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 122–144 (по списку ИРЛИ).

⁹ ОРКП НБ ТГУ. В-5539.

¹⁰ ОРКП НБ ТГУ. В-5890.

¹¹ ОРКП НБ ТГУ. В-777, В-5408, В-820, В-26.671.

¹² ОРКП НБ ТГУ. В-777, В-5459.

¹³ ОРКП НБ ТГУ. В-777, В-5524, В-5408, В-24.638, В-26.671.

¹⁴ ОРКП НБ ТГУ. В-24.638.

¹⁵ ОРКП НБ ТГУ. В-5414, В-5497.

¹⁶ ОРКП НБ ТГУ. В-5380.

¹⁷ Листовая формула рукописи В-5539 (Сборник старообрядческий о принятии приходящих от ересей): $1^{2+1}, 2^{9+1}, 3^8-8^8, 9^6, 10^8-25^8, 26^{6+1}, 27^8-31^8, 32^1 = 242$. Листовая формула рукописи В-5408 (Сборник старообрядческий молитв и канонов): $1^6, 2^{6+1}, 3^4, 4^6, 5^{10}, 6^6, 7^2, 8^{6+1}, 9^6, 10^8-12^8, 13^4, 14^8, 15^4, 16^{10}, 17^2, 18^8-19^8, 20^2 = 124$. В данном случае использовался подсчет листов по методике, обычно применяемой в описании изданий кириллического шрифта; она была использована здесь для фиксирования описанных в статье особенностей конструкции блока.

¹⁸ Например, рукопись В-5459 (Месяцеслов с Пасхалией) имеет следующую листовую формулу: $1^8-11^8, 12^{4+1} = 93$.

¹⁹ Как, например, в уже упоминавшейся В-5408.

²⁰ В качестве примера можно привести: Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII в. / Сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2001. С. 90–92, 108–109 и др.

²¹ ОРКП НБ ТГУ. В-820.

²² Например, ОРКП НБ ТГУ. В-5524 (Псалтирь), В-5610 (Псалтирь с дополнительными статьями), В-5459 (Месяцеслов с Пасхалией).

²³ Например, ОРКП НБ ТГУ. В-5459.

²⁴ ОРКП НБ ТГУ. В-5890, В-5610, В-26.671.

²⁵ ОРКП НБ ТГУ. В-5539, В-777, В-5503, В-820 (XVIII в.); В-5414, В-5360 (XIX в.).

²⁶ ОРКП НБ ТГУ. В-5408, В-5406.

²⁷ ОРКП НБ ТГУ. В-5539, В-5890, В-5524, В-5408, В-5465, В-5503.

²⁸ ОРКП НБ ТГУ. В-777, В-24.638, В-5406.

²⁹ ОРКП НБ ТГУ. В-5890.

³⁰ ОРКП НБ ТГУ. В-5539.

³¹ ОРКП НБ ТГУ. В-777, В-5408.

³² ОРКП НБ ТГУ. В-5524, В-5459, В-24.638, В-5406, В-5465, В-5503.

³³ ОРКП НБ ТГУ. В-5539, В-5459, В-5406, В-5503.

³⁴ ОРКП НБ ТГУ. В-5890, В-5524, В-5524, В-5408, В-5465.

³⁵ ОРКП НБ ТГУ. В-24.638.

³⁶ См., например: *Мухина Н.В.* Проблемы изучения книжной орнаментики геометрического типа (на примере кириллических рукописей Южного Урала и Зауралья XVIII — нач. XX вв.) // Тезисы IX конференции молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» (к 75-летию Отдела древнерусской литературы). 29.09-2.10.2008. СПб., 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=7853> (дата обращения: 1.12.2009).

³⁷ ОРКП НБ ТГУ. В-5539, В-5890, В-777, В-5524, В-5610, В-5459, В-5408, В-24.638, В-5406, В-5465, В-5503, В-5380.

³⁸ ОРКП НБ ТГУ. В-5414, В-5497, В-5360.

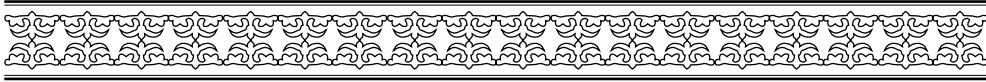
³⁹ ОРКП НБ ТГУ. В-5539, В-5524.

⁴⁰ ОРКП НБ ТГУ. В-5539, В-5890, В-777, В-5524, В-5610, В-5459, В-5408, В-24.638, В-5406, В-5465, В-820.

⁴¹ ОРКП НБ ТГУ. В-5414, В-5497, В-5360.

⁴² ОРКП НБ ТГУ. В-5890, В-5406.

- ⁴³ ОРКП НБ ТГУ. В-5360.
- ⁴⁴ ОРКП НБ ТГУ. В-820.
- ⁴⁵ ОРКП НБ ТГУ. В-777 (изображения городов), В-5524 (Псалтирь с традиционной миниатюрой с изображением царя Давида).
- ⁴⁶ ОРКП НБ ТГУ. В-5539, В-5890, В-5459, В-5408, В-5406, 5465, В-5380, В-5690, В-5612.
- ⁴⁷ ОРКП НБ ТГУ. В-5610.
- ⁴⁸ ОРКП НБ ТГУ. В-777.
- ⁴⁹ ОРКП НБ ТГУ. В-24.638.
- ⁵⁰ ОРКП НБ ТГУ. В-5503.
- ⁵¹ ОРКП НБ ТГУ. В-820.
- ⁵² ОРКП НБ ТГУ. В-5360.
- ⁵³ ОРКП НБ ТГУ. В-5414.
- ⁵⁴ ОРКП НБ ТГУ. В-5305.
- ⁵⁵ ОРКП НБ ТГУ. В-5497.
- ⁵⁶ ОРКП НБ ТГУ. В-5499.
- ⁵⁷ *Клепиков С.А.* Из истории русского художественного переплета // Книга. Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959. С. 98–166.
- ⁵⁸ *Esipova V.* A watermark as «a mark of Antikhrist»: a viewpoint of Siberian old believers // IPH Congressbook. Vol. 16. 2006. Barselona, IPH edition, 2009. P. 173–176.
- ⁵⁹ ОРКП НБ ТГУ. В-5690, В-5545, В-5612.
- ⁶⁰ Помимо упомянутого выше В-5360, это В-5305, В-5499, В-5400, В-5413.
- ⁶¹ Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 8. Вып. 1. Рукописи Архангельского собрания. Л., 1989. С. 8.
- ⁶² Отметим среди них, например, Октоих (ОРКП НБ ТГУ. В-4762), написанный в Томске в 1894–1895 гг.

М. В. Иванова

СОБРАНИЯ МИКРОФИЛЬМОВ И ФОТОКОПИЙ РУКОПИСЕЙ — ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО СОХРАНЕНИЯ И ОПИСАНИЯ*

В Научном архиве Болгарской академии наук находится интересное собрание (Собрание V) микрофильмов и фотокопий. Его создание датируется началом XX в., а его главной целью было предоставить болгарским ученым-медиевистам возможность пользоваться микрофильмами и фотокопиями средневековых рукописей (в большинстве случаев речь идет только о фрагментах) из национальных и зарубежных архивов¹. Однако с течением времени в Собрании V были зарегистрированы и новые материалы: редкие для Болгарии печатные научные издания (обычно только их части), оригинальные или переснятые фотографии разных объектов — преимущественно исторических личностей, зданий, реже — предметов. Всего в Собрании насчитывается 3100 инвентарных номеров (на сегодня имеется только инвентарная опись). В связи с его будущим описанием и хранением возникают самые разные вопросы, в том числе и связанные с неоднородностью представленных в нем материалов.

Медиевистические материалы составляют около двух третей от общего объема Собрания. Преобладают копии славянских памятников, но есть также и небольшое количество фотографий греческих и латинских памятников (например, Пространное и Краткое жития Климента Охридского; *Vita Clementis*).

Именно эти материалы привлекли наше внимание и являются объектом исследования в рамках проекта «Кирилло-Мефодиевское культурное наследие и его болгарские и европейские нормы». Целью проекта является создание в течение трех лет (2009–2011) электронного хранилища, которое облегчило бы доступ к кирилло-мефодиевским материалам, хранящимся в Научном архиве Болгарской АН².

В первую очередь надо было на основе инвентарной описи³ выяснить, какие средневековые произведения находятся в Собрании V (в виде фотокопий и микрофильмов) и из них выбрать только те материалы, которые классифицированы как кирилло-мефодиевские. В связи с созданием подобной схемы было необходимо опереться на исследования, объясняющие терминологические понятия «источник», «традиция», «оригинальное произведение», «обработка» и др.⁴, а также на кирилло-мефодиевскую библиографию⁵ и на заранее подготовленные перечни кирилло-мефодиевских источников⁶. Последующей задачей был выбор тематических кругов, чтобы после этого приступить к оцифровке уже подобранного материала. Надо подчеркнуть, что работа была бы легче, если бы у нас была опись Собрания V.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Кирило-методиевското културно наследство е неговите български и европейски измерения» (№ 02/150), финансируемого фондом «Научные исследования» при Министерстве образования и наук Болгарии.

Вот как выглядит ситуация к настоящему моменту:

I. Жития первоучителей Кирилла и Мефодия:

Пространное житие Константина-Кирилла и Пространное житие Мефодия до сих пор являются самыми важными источниками о жизни и деятельности славянских первоучителей.

1. *Пространное житие Константина-Кирилла*. Это первое агиографическое произведение в средневековой болгарской литературе, созданное анонимным автором (предполагается, что его автором является Климент Охридский) в 80-е годы IX в. В Научном архиве Болгарской академии наук сохраняется 41⁷ копия списков этого произведения. Их активно собирали до 1973 г., затем в Болгарии был издан третий том сочинений Климента Охридского⁸. В археографической справке, опубликованной в издании, указано 48 полных кириллических списков Пространного Жития, а это означает, что в Собрании V не хватает только небольшой их части⁹.

2. *Пространное житие Мефодия*. Это произведение также является анонимным. В соответствии с двумя наиболее распространенными гипотезами об его авторстве (Климент Охридский, Константин Преславский), это житие могло быть создано или в конце IX или в самом начале X в. Сохранилось 15 списков, и большая их часть имеет копии в Научном архиве Болгарской АН.

3. *Проложное житие Кирилла и Мефодия*. Анонимное произведение, не имеющее точной датировки и локализации.

4. *Проложное житие Кирилла*. Анонимное произведение из Пролога, также не имеющее точной датировки (предположительно конца XI или XII в.) и локализации.

5. *Проложное житие Мефодия*. То же самое можно сказать и об этом произведении — однако не выяснено, есть ли прямая связь между двумя проложными текстами (речь идет о *Проложном житии Кирилла*) в отношении места и времени создания.

6. *Успение Кирилла*. Короткое, проложного типа, житие Константина-Кирилла, анонимное. Высказывались различные гипотезы о времени его создания, наиболее убедительная из них указывает на XIII в., так как произведение вписывается в идеологические и литературные тенденции эпохи восстановления Второго болгарского царства.

7. *Корсунская легенда*. Считается, что в основу этого произведения положено краткое описание и похвальное слово, созданные на греческом языке самим Константином-Кириллом Философом в честь обнаружения мощей Климента Римского в Херсонесе. Однако, когда была составлена славянская компиляция, нельзя сказать с точностью, учитывая тот факт, что наиболее ранний список датирован XVI в.

8. *Солунская легенда*. Это произведение имеет апокрифический характер и принадлежит скорее к кирилло-мефодиевским традициям, чем к источникам. И об этом анонимном произведении существует множество гипотез о времени его возникновения, самая правдоподобная из них относит произведение к концу XII — началу XIII в.

II. Жития других святых, учеников Кирилла и Мефодия:

1. *Житие Климента Охридского, автор Феофилакт Охридский*. Греческое пространное житие Климента Охридского архиепископа Феофилакта, созданное в XII в., известно еще как *Болгарская легенда*.

2. *Житие Климента Охридского*, автор *Дмитрий Хоматиан*. Это короткое греческое житие датируется началом XIII в. Оно известно еще как *Охридская легенда* и представляет собой выдержку из Пространного жития святого, написанного Феофилактом Охридским.

3. *Vita Clementis*, или *Итальянская легенда*. Это произведение на латинском языке об обнаружении мощей Климента Римского в Херсонесе и об их торжественном перенесении в Рим. Важным моментом в повествовании является своеобразный рассказ о Констанине-Кирилле как славянском первоучителе. Существует предположение, что произведение создано до 882 г., после славянского *Пространного жития Константина-Кирилла*.

III. Произведения (поучительные и похвальные слова) Климента Охридского.

Не будем перечислять все их названия. Наличие фотокопий и микрофильмов разных их списков корреспондирует с активной собирательской деятельностью и с подготовкой к изданию сочинений Климента в Болгарии¹⁰. И в этом случае, однако, есть очень много работы для специалистов-филологов. При описании материалов надо аккуратно проверить, отвечает ли инвентарная информация наличным фотокопиям, и сделать идентификацию инвентарных номеров, соотнося их с оригинальными текстовыми носителями.

IV. Произведения древнеболгарских авторов кирилло-мефодиевской эпохи (от последней четверти IX приблизительно до конца XII вв.):

1. *Константин Преславский*. Это один из самых продуктивных древнеболгарских книжников — переводчик, составитель и автор ряда гимнографических произведений.

2. *Иоанн Экзарх*. Один из самых известных писателей, имеющих отношение к Преславской литературной школе времен царя Симеона. Он перевел «Богословие» Иоанна Дамаскина, известное в древнеболгарской книжности как «Небеса»; является автором компилятивного сочинения «Шестоднев» и ряда праздничных слов.

3. *Черноризец Храбр*. Автор Симеоновской эпохи, имя которого ассоциируется с его единственным произведением — трактатом «О письменах».

V. Произведения анонимных авторов и некоторые переводные сочинения той же эпохи.

Следует подчеркнуть, что сохраненные в Собрании V материалы дают возможность увидеть, что в разные годы была актуальна разнородная по типу проблематика. Кирилло-мефодиевские источники являлись актуальными на протяжении долгого времени, на практике — постоянной темой, но это не исключало интерес к другим историческим периодам и книжному наследию других авторов. Поэтому в других разделах можно осветить произведения Евфимия Тырновского — его жития и слова присутствуют в Собрании в копиях разных списков. То же самое относится и к такому автору, как Григорий Цамблак. В определенный период времени был засвидетельствован интерес к Виссариону Дебарскому — книжнику XVI в. Это только отдельные примеры. В связи с ограниченной (что касается тематики) целью проекта эти произведения остались вне нашего интереса.

В Собрании V хранятся фотокопии и микрофильмы полных рукописей Собрания X из Научного архива Болгарской АН, о котором уже шла речь в начале статьи. Копии не являются объектом оцифровки по понятным причинам.

Зато мы проявили специальный интерес к хранящимся в Собрании копиям важных, но часто труднодоступных в Болгарии иностранных научных трудов, посвященных исследованию средневекового периода. И для них характерно то, что были скопированы только отдельные публикации и очень редко — целые тома периодических изданий. Например, в инвентарном номере 1302 микрофильмированы только отдельные части ЧОИДР, 1885, 1 (январь—март), с. 3—11 и вся книга 3 ЧОИДР, 1889 г.

После сделанного тематического подбора мы приступили к оцифровке материалов, и теперь у нас есть в общей сложности 12 873 кадра из 546 документов (фотографические копии и микрофильмы) Собрания V. Их качество не одинаково хорошо, так как в большинстве случаев они довольно старые — как я уже отметила, активно они копировались где-то до середины 70-х годов XX в. По этой причине некоторые важные материалы, относящиеся к теме, к сожалению, остались вне числа предварительно запланированных для оцифровки. Наша цель была поместить в электронное хранилище только те изображения, которые отличаются достаточно высоким качеством, чтобы с ними можно было работать. Для сравнения только скажу, что при копировании оригинальных рукописей из Собрания X такой проблемы у нас не возникало. Несмотря на разный вид рукописей (размер, материал, способ переплета, тип чернил), решающим фактором хорошего электронного изображения был профессионализм фотографа. После сделанного отбора часть кирилло-мефодиевских материалов осталась для электронной обработки на следующем этапе нашей проектной работы.

Собрания типа этого, составленные только из сфотографированных материалов, имеют разные специфические проблемы. Упомяну только некоторые из них:

1. Произведения из одного и того же средневекового кодекса были скопированы по отдельности или, как случается очень часто, в разное время и зарегистрированы под разными инвентарными номерами (например, два произведения из Минеиного панегирика в Патриаршеской библиотеке Сербии в Белграде: *Пространное житие Константина-Кирилла* под инвентарным номером 3-3, а *Похвальное слово Кириллу и Мефодию*, которое следует за Житием, — под инвентарным номером 1-1). Эта практика, наверное, будет использоваться и в будущем;

2. Под одним инвентарным номером зарегистрированы фотографии из двух, трех и более произведений. Здесь может быть два варианта: а) произведения принадлежат к разным кодексам и их механически объединили при инвентаризации, и б) произведения принадлежат одному кодексу, но не соблюдена их последовательность (это зависит от специалиста, который занимался подбором, от его интересов и возможностей на тот момент). Во время нашей работы вариант «б» потребовал от нас принять принципиальное решение: если под одним инвентарным номером числится кирилло-мефодиевский текст и текст более позднего средневекового автора, то в качестве исключения делается оцифровка всего инвентарного номера;

3. Один и тот же список был сфотографирован два раза — в разное время, различными техническими средствами, и часто копии получались разного качества. В подобных случаях мы выбирали лучшую (более четкую) из копий;

4. Самым важным для Собрания V остается вопрос об идентификации материала, которая требует повторного сравнения с оригиналами во всех тех случаях, когда по тому или иному поводу появляется сомнение. Как уже неоднократно упоминалось, кодексы очень редко сфотографированы полностью, обычно сняты только отдельные произведения (или даже части из них, иногда 1 или 2 листа из списка). В современной инвентарной описи Собрания V есть отдельные ошибки; правда, их немного, но они все-таки создают прецедент. Поэтому надо быть осторожным и не слишком полагаться на инвентаризацию, так как это может привести к ошибочным выводам на следующих уровнях исследований.

Но основная и самая важная проблема состоит в том, что материалы Собрания V не обработаны согласно методам архивистики. Это затрудняет как подготовку кратких справок, так и более длительную и углубленную работу с материалами. В нашем случае это сказалось на уточнении и профессиональной регистрации метаданных, которые будут размещены параллельно с изображениями в электронном хранилище.

Ниже я представила один из вариантов информации, которая будет приложена к каждому из объектов Собрания V, введенных нами в электронное хранилище. Подбор сделан в соответствии с наличным материалом и одновременно ставит своей целью дать корректную, хотя в большинстве случаев и минимальную информацию об оригинальной рукописи. Целью в этом случае не является описание оригинала, а только представление координат, с помощью которых его можно идентифицировать, искать или цитировать, в зависимости от задач потребителя.

Актуальной задачей в отдаленной перспективе становится создание более тщательной описи, сообразно со спецификой Собрания V. В нем должны участвовать специалисты-археографы и медиевисты. В процессе подготовки электронного описания необходимо выработать систему ссылок, методология создания которых хорошо известна из словарной и энциклопедической практики в бумажном или электронном формате.

С помощью оцифровки наш проект решает (по отношению к Собранию V пока лишь частично) и важный с современной точки зрения вопрос о сохранении фотоматериалов. Поскольку фотокопии и микрофильмы, хоть и не являются в буквальном смысле слова средневековыми артефактами, — важные носители информации, их дигитализация облегчает работу с рукописями, находящимися в разных библиотеках и хранилищах по всему миру.

Здесь я коротко перечислю информацию, которая сопутствует каждому инвентарному номеру (копии рукописи), зарегистрированному в электронном хранилище с помощью указанных ниже метаданных:

1. Название, под которым будет проводиться поиск соответствующего инвентарного номера.

2. Тип. Эта информация является постоянной для всех зарегистрированных инвентарных номеров: копия рукописи (независимо от того, фотографическая это копия или микрофильм).

3. Сигнатура, с помощью которой оцифрованный материал можно найти в электронном хранилище. Она состоит из постоянной величины: NABAN_5_инвентарный номер_F(M). Последний индекс обозначает, как сделана оцифрованная копия — из фотографической копии или из микрофильма.

4. Документ (текущий). В этом поле снова вводится название. Регистрация индивидуальных метаданных делается именно через активирование этого поля.

Ниже рассматриваются обязательные для каждого инвентарного номера данные (копии рукописи):

5. Коллекция. Эта информация тоже является постоянной и касается всех инвентарных номеров: Научный архив Болгарской АН, Собрание V.

6. Инвентарный номер (из инвентарной описи).

7. Название рукописи. Здесь отмечается вид кодекса (Минейя, Минейя-четья, Панегирик, Изборник и т. д.).

8. Датировка. Указывается век или точный год, если он упомянут (отмечен в приписке или указан другим способом).

9. Объем. Указано общее число листов рукописи. Потом указываются листы фрагмента (или фрагментов).

10. Тип письма: устав, полуустав или скоропись.

11. Орнаментака. Если есть, описываются кратко ее особенности.

12. Отметки. Если есть такие, описываются кратко.

13. Содержание. Так как в большинстве случаев речь идет об отдельных фрагментах рукописи, это отмечается здесь, причем указываются уже оцифрованные произведения с заглавиями, под которыми они известны в науке.

Следующая рубрика «Добавь новую референцию» имеет цель ввести более специфическую для инвентарного номера информацию:

14. Орфография. Описываются кратко ее особенности.

15. Приобретение инвентарной единицы (или копии). Отмечается дата, когда зарегистрирована копия в инвентарной описи. Если у нас нет достаточных сведений, отмечается год или приблизительная дата, если в инвентарной описи не указан даже год приобретения. Также указывается, у кого приобретена копия.

16. Пагинация. Рукопись может иметь или не иметь пагинацию. Если пагинация есть, то отмечается какого она типа (по тетрадам, фолиация или пагинация), какими знаками обозначена (буквами или цифрами) и как расположена на листе.

17. Библиография. В этом поле отмечаются описания, издания или отдельные исследования рукописи или фрагмента.

18. Фрагмент. Поле активируется, если речь идет о части рукописи.

19. Связь с другими материалами в электронном хранилище. Важно иметь в виду связь с другими произведениями того же кодекса (той же рукописи) через ссылку на соответствующий инвентарный номер с пояснением.

20. Книгохранилище оригинала. Указывается точное название библиотеки или книгохранилища, государство и город. Сведения о старых местах пребывания рукописи здесь не отмечаются.

21. Оригинальная сигнатура. Указывается оригинальная библиотечная сигнатура. Сведения о прежних сигнатурах здесь не отмечаются.

22. Дополнительные заметки. Это единственное необязательное поле, куда можно вводить заметки любого типа, касающиеся оригинальной рукописи или копии, представленной визуалью в электронном хранилище.

Электронное хранилище создано таким образом, чтобы данные могли обновляться или дополняться, если это необходимо. Конечно, это не относится

к установленным уже характеристикам рукописи (таким как язык, тип письма, содержание). Описание фотографических печатных материалов Собрания V осуществляется по другой схеме.

В Приложении в виде таблицы можно увидеть вариант ввода метаданных, которые появляются на экране вместе с изображением инвентарного номера (копии рукописи). Каждый кадр можно увеличить и рассмотреть в отдельности.

Метаданные	Вариант ввода данных
1. Название	NABAN_5_1-1F
2. Тип	Копия рукописи
3. Сигнатура	BAN_5_COPY
4. Документ (текущий)	NABAN_5_1-1F
5. Коллекция	Научный архив Болгарской АН, Собрание 5
6. Инвентарный номер	1-1
7. Название рукописи	Панегирик минейный
8. Датировка	1589 г.
9. Объем	416 л., здесь засняты только лл. 331 об.—338
10. Тип письма	Полуустав
11. Орнаментака	Нет
12. Отметки	Есть приписки переписчика
13. Содержание	Рукопись не оцифрована полностью, а только <i>Похвальное слово Кириллу и Мефодию</i> (14 февраля) и начало <i>Мучения Феодора Тирона</i> (16 февраля).
14. Орфография	сербская
15. Приобретение копии	1 октября 1947 г. через Васила Златарского и Йордана Иванова
16. Пагинация	Фолиация находится наверху, в середине каждого листа арабскими цифрами. Есть и алфавитная пагинация тетрадей.
17. Библиография	<i>Стојановић Љуб.</i> Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. Прво одељење. Споменици на српском језику. Књига 1. Београд, 1902. Стари српски записи и натписи. Књига 1. Београд, 1902, с. 239; Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 1. София, 1970 / Обработили: Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. № 3. С. 476; <i>Богдановић Д.</i> Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII века). Београд, 1982; <i>Иванова Кл.</i> Неизвестни преписи от творби на Климент Охридски в книгохранилищата на Југославия // <i>Palaeobulgarica</i> , XIII (1989), № 4. С. 51–67.
18. Фрагмент	Отмечается × при положительном ответе
19. Связи с другими материалами из электронного хранилища	С NABAN_5_3-3F
20. Книгохранилище оригинала	Патриаршеская библиотека Сербии в Белграде
21. Оригинальная сигнатура	ПБС 282

Метаданные	Вариант ввода данных
22. Дополнительные заметки	Рукопись написана в храме «Св. Николы» при монастыре, названном Узрен, книжником Тимофеем Глухим. Позднее она хранилась в монастыре Хопово на Фружкой горе — отсюда появилось и ее старое наименование Хоповский список (Хоп. 98). У разных исследователей наблюдается разное прочтение датировки: Стоянович и Кл. Иванова датируют 1589 г.; Б. Ст. Ангелов и Хр. Кодов — 1598 г.; Д. Богданович — 1509 г.

¹ Большая часть первоначального корпуса Собрания уже оформлена и является результатом научной деятельности, осуществленной за несколько десятилетий до фактического создания Собрания болгарскими исследователями-медиевистами. Среди них такие ученые, как Александр Теодоров-Балан, Беню Цонев, Васил Златарски, Стоян Аргиров, Йордан Иванов, Стоян Романски, Кирилл Мирчев. Еще в начале 1914 г. была создана так называемая «Климентовская комиссия», которая просуществовала до 1944 г. (См.: *Златарски В., Иванов Й.* Доклад от В.Н. Златарски и Йордан Иванов за научната обиколка в Русия през 1914 г. // *Летопис на Българската академия на науките*, III за 1914 г. София, 1916. С. 99, 105–106). В 1934 г. создана «Комиссия по изданию источников о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия» (См.: *Попруженко М., Романски Ст.* Библиографски преглед на славянските кирилски източници за живота и дейността на Кирила и Методий. София, 1935. С. 1–16; *Попруженко М., Романски Ст.* Кирилометодиевска библиография за 1934–1940 г. София, 1942. С. IV; *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973. С. 27–28). В 1947 г. основан Архивный отдел Библиотеки Българской Академии наук. В 1961 г. под названием «Кирилло-Мефодиевская комиссия» была восстановлена прежняя «Климентовская комиссия» (См.: *Иванова М.* Фотоконии и микрофильмы от преписите на Пространното житие на св. Константин-Кирил в Научния архив на БАН в София // *Palaeobulgarica*, XXIV (2002), № 2. С. 34–37). В определенный период времени каждая из этих структур выполняла функцию организатора работы по собиранию средневековых болгарских памятников и их многочисленных списков. Конкретно с Собранием V связывают имена Христо Кодова, Куйо Кужева, Боню Ангелова, а после них и Клементины Ивановой, Светлины Николовой, Или Тодорова, Константина Мечева.

² Одной из основных задач, которая уже выполнена, была оцифровка целого собрания, состоящего из средневековых рукописей (Собрание X), общий объем которого составляет 118 рукописей. Сейчас фотографии находятся в процессе обработки, и в специально созданном электронном хранилище регистрируются краткие информационные данные (метаданные) о каждой рукописи. Эта задача облегчается наличием печатной описи Собрания X, см.: *Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969.

³ «Книга поступлений и инвентарная опись Собрания V (фотоматериалы)»: книга 1 (1 февраля 1961 — 19 сентября 1967 г.) содержит 195 лл. и 1013 инвентарных номеров; книга 2 (27 сентября 1967 — 28 ноября 1975 г.) содержит 195 лл. и 1164 инвентарных номеров (1014–2178 инвентарные номера); книга 3 (1976 — до сих пор) содержит 889 инвентарных номеров (2179–3068 инвентарные номера).

⁴ См. по этой теме: *Николова Св.* Проблемът за пълното издание на кирило-методиевските извори // *Кирило-Методиевски студии*. Кн. 3. София, 1986. С. 9–17.

⁵ *Ильинский Г.* Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934; *Попруженко М., Романски Ст.* Библиографски преглед на славянските кирилски източници за живота и дейността на Кирила и Методия. София, 1935; *Попруженко М., Романски Ст.* Кирило-Методиевска библиография за 1934–1940 год. София, 1942; *Можяева И.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике, 1945–1974. Москва, 1980; *Дуйчев Ив., Кирмагава А., Паунова А.* Кирило-Методиевска библиография. 1940–1980. София, 1983; *Желязкова В., Зафирова Н.* Кирило-Методиевска библиография. 1843–1934 // Кирило-методиевска библиография. 1516–1934 (под общата редакция на Св. Николова). София, 2003. С. 419–685. *Желязкова В., Зафирова Н.* Българска кирило-методиевска библиография. 1935–1944 // Кирило-методиевска библиография. 1934–1944 (под общата редакция на Светлина Николова). София, 2010. С. 203–390. В последние

годы в КМНЦ, Болгарской АН началась автоматизация кирилло-мефодиевской библиографии, для этого использовался базовый программный продукт CDS/ISIS.

⁶ Мирчева Б., Сл. Бърлиева. Предварителен списък на кирило-методиевските извори // Кирило-Методиевски студии. Кн. 4. София, 1987. С. 486–515. В настоящее время Б. Мирчева из КМНЦ Болгарской АН занимается дополнением и уточнением перечня кирилло-мефодиевских источников.

⁷ В это число не входят копии кириллических фрагментов жития. Они рассматриваются отдельно.

⁸ С того времени найдено и отмечено в текстологических исследованиях еще много списков *Пространного жития Константина-Кирилла*. К сожалению, из-за того что не хватает поставленной конкретной институциональной цели (какой была подготовка академического издания климентовых сочинений), а также по ряду других причин, копии вновь найденных списков произведений не поступали.

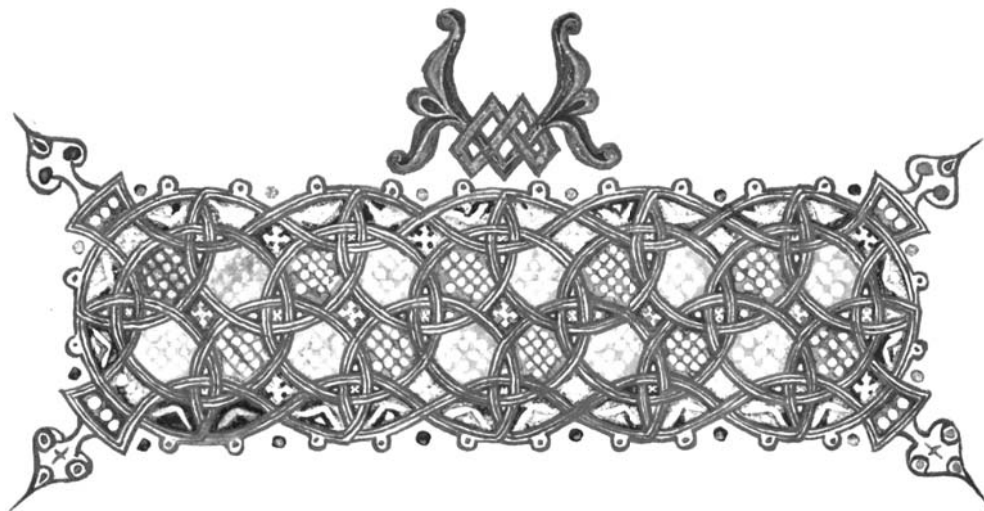
⁹ См.: Иванова М. Фотокопията и микрофилмите на Пространното житие на св. Константин-Кирил Философ в Научния архив на БАН // *Palaeobulgaria*, XXVI (2002), № 2. С. 34–61. Во время подготовки оцифровки фотографических материалов Собрания V мне удалось сделать некоторые дополнительные уточнения на основе материалов, которые ранее были мне недоступны.

¹⁰ *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Т. 1. София, 1970 / Обработали: Б.Ст. Ангелов, К.М. Куев, Хр. Кодов; Т. 2. София, 1977 / Обработали: Б.Ст. Ангелов, К.М. Куев, Хр. Кодов, Кл. Иванова.

Часть 2

**ИЗУЧЕНИЕ
РАЗРОЗНЕННЫХ СОБРАНИЙ
И РЕКОНСТРУКЦИЯ БИБЛИОТЕК**

А.Г. Сергеев, М.А. Шибает

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ПИСЕЦ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV В. МАРТИРИЙ

Предлагаемой публикации предшествовала многолетняя дискуссия между соавторами, вызванная статьей А.Г. Сергеева, посвященной интересному древнерусскому сборнику первой четверти XV века РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря (далее — Кир-Бел) № 116/241¹. Основной писец этой рукописи оставил на ее полях многочисленные записи, в некоторых из них он называет свое имя — Мартирий. Одним из сюжетов статьи стало сравнение почерка Мартирия из Кир-Бел 116/241 и соименного писца (также оставившего экспрессивные записи на полях) служебной минеи из собрания Олонецкой духовной семинарии. А.Г. Сергеев пришел к выводу, что различия почерков не позволяют отождествить писцов, с чем с самого начала не был согласен М.А. Шибает. Наши позиции и сейчас не вполне совпадают, но мы сочли, что данная публикация будет небесполезной, поскольку за прошедшие годы были выявлены новые материалы, а некоторые положения статьи 1999 г. могут быть скорректированы.

Начнем с краткой характеристики рукописи, послужившей точкой отсчета для нашего исследования — Кир-Бел 116/241. Рукопись представляет собой относительно небольшой (4°, 284 л.), написанный на бумаге сборник гомилий и торжественных слов. В кодексе представлены 8 почерков, основной писец — инок Мартирий переписал текст на л. 2–128, 132–139, 148–155 об., 170–185, 186–217 об.² Анализ водяных знаков, а также графико-орфографических систем почерков Кир-Бел 116/241 позволил датировать рукопись концом 1400-х — началом 1410-х годов³. Место ее создания точно установить не удастся, но есть серьезные основания полагать, что это Кирилло-Белозерский монастырь. Как удалось установить, почерком Мартирия написан также небольшой (л. 175 об.—176, 177–183) фрагмент текста одного из келейных сборников св. Кирилла Белозерского — собрание Кирилло-Белозерского монастыря № XV (см. рис. 1, 2), кроме того, у этих рукописей совпадает (тождественна) одна из филигранных⁴. Уже в статье 1999 г. было также высказано предположение (с опорой на описание Г.М. Прохорова и Н.Н. Розова), что та же бумага использовалась при написании еще одной рукописи, принадлежавшей св. Кириллу — Кирилловский историко-художественный музей заповедник № 403. Недавно М.А. Шибаету удалось подтвердить это в результате непосредственного изучения кодекса. Кир-Бел 116/241 в конце XV в. уже находилась в Кирилловской библиотеке, поскольку ее описание есть в «Германовом сборнике» конца XV в.⁵, а совпадение отдельных ее кодикологических элементов с рукописями келейной библиотеки св. Кирилла (Кир-Бел XV и КИХМ 403), заставляет предполагать их общее происхождение. Писца, почерк которого представлен в Кир-Бел 116/241 и Кир-Бел XV, пока условно назовем «ранним Мартирием».

Сохранилась еще одна древнерусская рукопись, также переписанная писцом по имени Мартирий и близкая по времени к кирилло-белозерским сборникам. Это служебная минея на октябрь — РГБ, собрание Олонецкой духовной семинарии № 36, датирующаяся 20-ми годами XV в. Писцов рукописей Олонецк. 36 и Кир-Бел 116/241 объединяет не только имя, но и сходные по стилю эмоциональные записи на полях. Все записи Мартирия из кирилло-белозерской рукописи приведены в статье 1999 г., здесь мы ограничимся теми, которые наиболее сопоставимы с олонецкой: л. 53 — горе, горе, оувы; л. 54 об. — егда снѣ писѣ арсение приде паки сѣмо. изъ сѣргиева монастыря възвѣсти ми хѣфоръ; л. 60 — тако ми вра принесе брань брань на страницю сѣю яко распотити ми сѣ.

Записей в Олонецк. 36 немного, но они весьма характерны: л. 80 об. — оувы мнѣ комары съдолѣвают ми. горе тѣвѣ мартирїе не стѣжавшемъ терпѣнїа; л. 85 об. — оувы оувы ѿ. комарова прѣщенїа не можеша трѣпѣти, горѣ тѣвѣ; л. 128 — полъвторѣ дни вра традѣтсѣ, скотѣ травѣ сѣкѣще.

Необходимо отметить, что минея Олонецк. 36 не могла быть написана в Кирилло-Белозерском монастыре, поскольку она, как следует из записи писца на л. 231 об., предназначалась для какой-то никольской церкви (ѿ прѣты ѿче николае прїими наше грѣвое потроуженїе, еже произволихѣ начертати сїе сѣмоу твоемоу храму...), а храмов с таким посвящением в монастыре не было⁶. Главным же препятствием к отождествлению писцов рассматриваемых рукописей служит довольно значительная разница почерков (см. рис. 3). Она не настолько велика, чтобы можно было говорить о двух принципиально разных манерах письма, которыми одновременно мог владеть писец, как например современник Мартирия Гавриил Урик, или, если искать параллели в более поздней кирилло-белозерской книгописной традиции, Гурий Тушин. В то же время отличий много, и если бы не совпадение имен и сходство записей, попытка атрибуции почерков одному писцу скорее всего даже не предпринималась бы.

Возможность постановки вопроса о совпадении писцов дает то обстоятельство, что рукопись Олонецк. 36 примерно на 10–15 лет моложе кирилло-белозерской, поэтому разницу почерков можно попытаться объяснить эволюцией почерка. Графика более поздней рукописи отличается, прежде всего, бѣльшим числом южнославянских по происхождению элементов, так что изменение почерка в этом направлении для рукописей эпохи «второго южнославянского влияния» представляется вполне правдоподобным⁷. К сожалению, средневековые славянские рукописи практически не дают нам материала, позволяющего говорить об изменении почерка писца на протяжении его жизни. Противоположных же примеров, когда почерк, выработанный, очевидно, еще при обучении письму, остается совершенно стабильным на протяжении нескольких десятилетий, немало⁸. Поэтому, единственно возможный путь для подкрепления гипотезы о тождестве двух писцов Мартириев состоит в отыскании «промежуточных звеньев», показывающих, как менялся его почерк.

Поиск в этом направлении выявил три рукописи, связанные с Кирилло-Белозерским монастырем, в которых, на наш взгляд, присутствует почерк Мартирия. Это Лествица с дополнениями 1416–1418 гг. — РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря № 34/159, знаменитый келейный сборник св. Кирилла Белозерского из того же собрания № XII и сборник агиографический — РНБ, Софийское собрание № 1366⁹.

Лествица Кир-Бел. 34/159 (1416–1418 гг., 4°, 377 листов) имеет важное значение для нашей темы. Вся рукопись написана одним писцом, но с вариативностью почерка¹⁰. Почерк первых листов рукописи имеет большое сходство (хотя и не совпадает вполне, наиболее отличается написание «омеги») с почерком Мартирия в Кир-Бел 116/241 (рис. 5)¹¹. Затем почерк меняется, появляется написание высоких *з*, *т*, *ѣ*. Заметно, что писец экспериментировал с графикой, постепенно вводя новые начертания, которые некоторое время сосуществуют со старыми, а затем вытесняют их (это хорошо видно на примере *р* и *w*). На л. 297 об. (здесь и далее по чернильной фолиации) почерк меняется значительно (рис. 6), помимо изменения самого почерка начинается употребление «юса большого», постепенно наряду со старым написанием «ч» появляется несимметричный, типично южнославянский вариант (эта разновидность почерка уже весьма близко подходит к почерку Мартирия из Олонецк. 36). В то же время, говорить о смене писца, нельзя, элементы преемственности остаются, более того, ближе к концу рукописи почерк постепенно возвращается к старым формам.

Есть основания полагать, что вариативность почерка может быть связана с тем, что рукопись писалась на протяжении длительного периода времени и велась эта работа с большими перерывами. Последнее следует из сопоставления записей и помет писца. На л. 374 находится выходная запись: *в лѣто ѡцѣкъ конца достижѣ книга сѣа мѣца марта въ ии, на палиа стѣго ѡца кѣрила иерлиьскаго. того мѣтвани хѣ вѣжѣ помилѣи на аминѣ.* Начало работы над рукописью определяется записью на нижнем поле л. 5: *зачало сътворѣи о хѣт книстѣ си авгоуѣ въ ии.* В то же время на других листах находятся несколько помет, которые, очевидно, указывают на время переписывания разных частей рукописи¹²: л. 119 — *апри въ а*; л. 223 — *юна въ вѣ*; л. 294 — *юна въ вѣ*; л. 297 об. *гѣ въ а вѣ*.

Сопоставление календарных указаний помет показывает, что работа над рукописью должна была начаться не в августе 6925 года, а на год ранее и, соответственно, датировать ее нужно 1416–1418 годами. Получает объяснение значительное изменение почерка на л. 297 об. — писец продолжил работу после полугодового перерыва.

Наличие помет, указывающих время работы над рукописью, является дополнительным аргументом для отождествления писцов Кир-Бел 34/159 и Олонецк. 36, поскольку в олонецкой рукописи есть аналогичные пометы с датами: л. 3 — *маа въ вѣ*; л. 50 об. — *юу вѣ*; л. 223 — *сѣ аи*; л. 231 об. — *сѣ ги въ ча дни*.

Кроме того, такая же помета есть в Софийск. 1366 (л. 129 — *юѡ въ і. въ ии ча*), в части, переписанной писцом отождествляемым нами с Мартирием. Перейдем теперь к этой рукописи, которую целесообразно рассматривать вместе с Кир-Бел XII.

Кир-Бел XII — пожалуй, самый известный из сборников св. Кирилла, имеющий монографическое издание с подробным палеографическим и кодикологическим описанием рукописи¹³. Г.М. Прохоров, возглавлявший коллектив исследователей, подготовивших издание сборника, предположил, исходя из большого разброса датировок филиграней и следов отдельного бытования частей кодекса, что некоторые его блоки писались в Москве еще до ухода св. Кирилла на Белоозеро. Затем эти тетради переместились (причем, по мнению Г.М. Прохорова, Москву покинула и часть создавших их писцов) в новооснованный монастырь, где были дополнены новыми материалами и

рукопись приобрела современный состав¹⁴. На наш взгляд, датировка части кодекса XIV веком неоправданно его удревяет. Просмотр альбомов и привлечение электронных баз данных по филиграням, как нам кажется, позволяет ограничить датировку рукописи первой четвертью XV в., и предположить, что вся она создавалась в Кирилло-Белозерском монастыре¹⁵.

Рассмотрим состав бумаги рукописи: 1) Голова мавра — *Мошин*, № 4786 (1398 г.), *Брике* №№ 15592, 15593 (1379–1404 гг.); тожд. *Пиккар Архив*, № 20424 (1422 г.). 2) Голова оленя — *Мошин*, № 2237–2239 (1365–1396 гг.); подобен *Пиккар Архив*, № 82246 (1409 г.). 3) Литера «G» или «D» — *Мошин*, № 5275–5280 (1388–1396 гг.), подобно *Пиккар Архив*, № 29003 (1417 г.). 4) Ножницы — *Мошин*, № 2629 (1339 г.), *Брике* №№ 3657, 3663 (1411–1423, 1444–1453 гг.). 5) Цветок (Звезда) — *Брике* № 6544 (1419–1420), подобен *Лихачев*, № 895–896 (ок. 1425 г.). 6) Лилия (1 вар.) — *Мошин*, № 793 (1399 г.), *Брике* № 7271 (1407–1427 гг.), подобно *Пиккар Архив*, № 127896 (1434 г.). 7) Единорог — *Мошин*, № 6047 (1394 г.). 8) Меч — *Брике*, № 5131 (1315–1421 гг.); м. б. тожд. WZMA, № AT5000-468_213 (1416 г.). 9) Литера «M» — *Брике*, № 8348 (1406–1414 гг.), подобен *Пиккар Архив*, № 28853 (1406 г.), 28869 (1419 г.). 10) Собака — *Брике* № 3644 (1407–1426 гг.). 11) Три горы — подобен *Лихачев*, № 945–946 (1429 г.). л. 96–111. 12) Лев — *Мошин*, № 6140 (1385–1395 гг.); подобен *Пиккар Архив* № 85293 (1420 г.). 13) Литера «A» под крестом — *Брике*, № 7952 (1415–1425 гг.), тожд. *Пиккар Архив*, № 26506 (1421–1422 гг.). 14) Лилия (2 вар.) — подобен *Лихачев*, № 2389 (1395 г.) *Шварц*, № 471, подобен *Пиккар Архив*, № 127612 (1418–1419 гг.), № 127688 (1410 г.).

Шесть филиграней Кир-Бел. XII (№№ 2–5, 12, 14), обнаруживаются также среди знаков Софийск. 1366 (совпадение на уровне тождества): 1) Литера «G» или «D» под крестом, лл. 1–14, 23–29, = **Кир-Бел XII (3)**. 2) Колокол (1 вар.), лл. 19–22, 43, 45, 51–53 — подобен *Брике*, № 4034 (1397–1418 гг.). 3) Ножницы (2 вар.), лл. 33, 41, 44, = **Кир-Бел XII (4)**. 4) Лев, лл. 35–36, = **Кир-Бел XII (12)**. 5) Голова оленя, лл. 37, 228–243, = **Кир-Бел XII (2)**. 6) Ножницы (1 вар.), лл. 50, 54–61 — подобен *Лихачев*, № 891 (1426 г.). 7) Колокол (2 вар.), лл. 62–69, 79–80, 83, 86, 92 — подобен *Брике*, № 3971 (1396–1397 гг.). 8) Колокол (3 вар.), лл. 70–77, 84, 87, 89 — подобен *Брике*, № 3976 (1403–1404 гг.). 9) Лилия, лл. 93–102, = **Кир-Бел XII (14)**. 10) Три горы под крестом в круге, лл. 103–134, 188–195, 208, 209 — подобен *Брике*, № 11873 (1421–1426 гг.); близок *Пиккар Архив*, № 153277, 153278 (1421 г.). 11) Арбалет, лл. 135–138а — подобен *Брике*, № 795 (1428 гг.). 12) Цветок (Звезда), л. 144 = **Кир-Бел XII (5)**. 13) Леопард (2 вар.), лл. 142–143, 150–169, 187, 306–352 — подобен *Лихачев*, № 2447–2449 (I четв. XV в.), тожд. (?) *Пиккар Архив*, № 85158–85159 (1419–1422 гг.), 85166 (1429 г.). 14) Леопард (3 вар.), л. 145 — не отождествлен. 15) Колокол (4 вар.), лл. 170–185, 187а, 288 — подобен *Брике*, № 4081 (1415 г.). 16) Собака, лл. 196–203, 210, 212–243 — подобен *Брике*, № 3614 (1409 г.), подобен *Пиккар Архив*, № 86470 (1417–1418 гг.), тожд. (?) *Пиккар Архив*, № 86483–86484 (1417–1418 гг.). 17) Леопард (4 вар.), л. 204 — не отождествлен. 18) Дельфин (2 вар.), лл. 244–251, 256, 259, 266 — подобен *Пиккар Архив*, № 44377 (1405 г.), 44378 (1429 г.). 19) Дельфин (1 вар.), лл. 260, 262, 264, 268–275 — подобен *Брике*, № 5817 (1415 г.); подобен *Пиккар Архив* № 44386 (1422 г.). 20) Леопард (1 вар.), лл. 276, 277, 283, 285, 289, 291–305, 353/361, 369 — подобен *Лихачев*, № 2447–2449 (I четв. XV в.), тожд. (?) *Пиккар Архив*, № 85172 (1424 г.). 21) Гусь, лл. 278–279 — подобен *Лихачев*,

№ 945–946 (1429 г.). 22) Корона, л. 354–360 — не отождествлен. 23) Лук со стрелой, л. 365 — подобен *Брике*, № 803 (1419 г.), тожд. (?) *Пиккар Архив*, № 123628 (1414–1415 гг.).

Совпадение целого блока водяных знаков Кир-Бел XII и Софийск. 1366 важно для определения места создания последней. Вкладная запись XVI века на л. 367 софийской рукописи — сѣи соворнѣ дѣ в домѣ прочѣна вѣци чѣна ея ѡспеніа и прѣвнаго ѡца нше чю творца крѣила. черне арка^а по своѣ дше грешно и по своѣ родителѣ^ѣ¹⁶. свидетельствует, что кодекс попал в Кириллов только в XVI в. Но нам кажется, что здесь мы имеем дело с возвращением в монастырскую библиотеку рукописи, по каким-то причинам ранее ее покинувшей.

В написании обеих рассматриваемых рукописей принимали участие несколько писцов — в Кир-Бел XII его издатели выделяют до 15 почерков¹⁷, в Софийск. 1366 их шесть. В первой рукописи интересующим нас почерком переписана только одна тетрадь, лл. 416–423, но при этом он представлен двумя (по мнению издателей — тремя) разновидностями — см. рис. 7, 8 и воспроизведение в издании¹⁸. Этот почерк весьма близок почерку в Олонецк. 36, но его вариант на л. 416 имеет некоторые более архаические написания, в частности «ч» расщепом. В Софийск. 1366 атрибутируемый Мартирию почерк находится на лл. 103 — 129, 200 об. — 201 об., 202, 226 об., 242 об. — 271 (см. рис. 9). Он наиболее близок почерку в Кир-Бел XII.

Подводя итоги проведенного сравнения можно констатировать, что в рукописях Кир-Бел XII и Софийск. 1366 представлены почерки, которые можно атрибутировать Мартирию писцу Олонецк. 36, а в Лествице 34/159 почерк, который можно охарактеризовать как переходный от письма Кир-Бел. 116/241 к Олонецк. 36. Появляется возможность связать последнюю с кирилло-белозерской книжной традицией.

Вернемся к сделанному выше наблюдению о том, что Олонецк. 36 была написана не в Кирилло-Белозерском монастыре, и попробуем определить место ее создания, или, по крайней мере, раннего бытования. Занимаясь другой темой, один из соавторов неожиданно обнаружил, что минея Олонецк. 36 послужила непосредственным протографом для рукописи РНБ, Софийское собрание № 257 — октябрьского тома одного из комплектов новгородских служебных миней XV в., выделенных Е.М. Шварц¹⁹. Писец этой рукописи вместе с основным текстом добросовестно скопировал две из трех приписок своего предшественника Мартирия (л. 112 — копия записи с листа 85 об. Олонецк. 36, л. 176 копия записи с листа 128 об.). Тома интересующего нас комплекта не содержат выходных или владельческих записей, поэтому Е.М. Шварц обозначила его как комплект «X». Его новгородское происхождение определялось исследовательницей на основании совпадения некоторых кодикологических элементов с комплектом Гостинопольского монастыря. С другой стороны, основная филигрань большинства томов комплекта «X» — Голова быка под 8-лепестковой розеткой, тождественна одному из знаков Тактикона, написанного в Кирилло-Белозерском монастыре в 1475 г. (РНБ, Кир-Бел № 1432)²⁰. Сравнение распределения бумаги в рукописях обнаруживает существенное отличие между томами комплекта и Тактиконом. В частности, сентябрьский, октябрьский, майский и июньский тома (Софийск. 242, 257, 340 и 352) в основном написаны на бумаге с филигранью «голова быка», в конце же рукописи имеют от нескольких листов

до нескольких тетрадей с филигранью «три горы под крестом». Бумага с теми же знаками и точно таким их распределением выявлена в списке Маргарита РНБ, Кирилло-Белозерское собрание № 113/238, относящемся к традиции, связанной с новгородским Вяжищским монастырем²¹. В Тактиконе же, напротив, знак «Голова быка под 8-лепестковой розеткой», систематически чередуется в нескольких тетрадах с двумя другими видами Головы быка (т. е. в каждой тетради по три разных сюжета — случай чрезвычайно редкий, если не уникальный):

Филиграни Тетради	Голова быка под розеткой, под мордой треугольник	Голова быка под крестом с 8-лепестковой розеткой	Голова быка под розеткой, со штрихом на стержне
11 (78–85)	85	83	81, 84
12 (86–93)	91, 93	92	90
13 (94–101)	100	101	98, 99
14 (102–109)	106, 108	109	107
15 (110–117)	117	112	113, 116
16 (118–125)	124, 125	123	122
17 (126–133)	130	132	131, 133
18 (134–141)	139, 141	140	138
19 (142–149)	147, 149	148	146
20 (150–157)	–	155, 157	154, 156
21 (158–165)	165	163, 164	162
22 (166–173)	173	170	171, 172
23 (174–181)	180, 181	179	178
24 (182–189)	189	186	187, 188
25 (190–197)	197	196	194, 195
26 (198–205)	204, 205	202	203
27 (206–213)	212	211	210, 213
28 (214–221)	221	218, 220	219

Очевидно, что такое правильное чередование знаков не может случайно сложиться в месте потребления бумаги, а значит мы имеем дело с особой торговой партией, отражающей скорее всего совместное использование соответствующих форм на бумажной мельнице.

Таким образом, у нас нет оснований сомневаться в новгородском происхождении комплекта «Х», а значит, по крайней мере, в 70-е годы XV в. минея Олонекк. 36 находилась в Новгороде. Вполне возможно, именно в Новгороде она и была написана. В этом нет ничего удивительно, учитывая что в 20-х годах XV в. (после морового поветрия) многие кирилло-белозерские иноки покинули свой монастырь.

Нельзя не отметить, еще один случай возможной работы Мартирия вне Кириллова монастыря. Речь идет о приписке-вставке на нижнем поле л. 143 рукописи, содержащей творения Петра Дамаскина и антилатинские сочинения — РГБ (ф. 304.1) Основное собрание Троице-Сергиевой лавры № 760

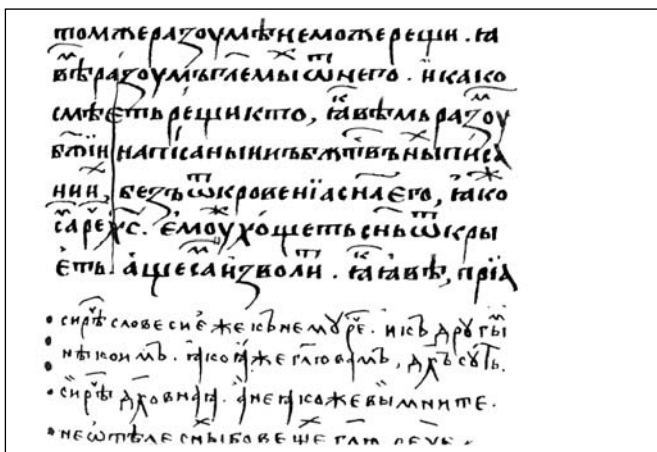

Рис. 10. РГБ, ф. 304.I (Основное собр. Троице-Сергиевой лавры) № 760 л. 143

(рис. 10). Сопоставительный материал невелик — всего четыре строки, но нам кажется, что эту приписку можно атрибутировать Мартирию.

Если наши наблюдения в области атрибуции почерков верны, и рассмотренные выше рукописи действительно созданы одним книжником Мартирием, то он входит в число наиболее плодовитых (по крайней мере, по количеству рукописей, в написании которых участвовал) русских писцов раннего XV в.

¹ Сергеев А.Г. Наблюдения над сборником гомилий РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 116/241 // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. Археография. Палеография. Кодикология. СПб., 1999. С. 100–135. Поскольку в статье 1999 года представлен большой фактический материал, прежде всего подробное описание Кир-Бел 116/241, мы будем далее с целью экономии места отсылать к тексту этой работы.

² Перу Мартирия принадлежат первый и третий (л. 132–139, 148–155 об.) почерки.

³ Сергеев А.Г. Наблюдения. С. 100–101, 104–106.

⁴ Сергеев А.Г. Наблюдения. С. 123–126. В статье, при констатации очевидной близости почерков, про их принадлежность одному писцу сказано осторожно, в настоящее время оба соавтора уверены в этом отождествлении.

⁵ Сергеев А.Г. Наблюдения. С. 122–123.

⁶ При этом очевидно, что рукопись писалась для монастыря, а не приходской церкви, это следует из записи на л. 2 об. — *молю оубо ва възлюбленіи молю, да не похочутиє. аще комъ ѿ настоящего вѣрѣчитєа книга сіа кананахѣ. да не просто коснетєа еи, ниже нередивѣ. но любодѣиѣ да потрѣжаетєа просматрати...* В записи на л. 231 писец называет себя «шестни ком» т. е. пришлым человеком — сїе потрѣженіє гроукоє потрѣжєє грѣшноиока мр^т а шестника.

⁷ Небольшим шагом в сторону почерка Олонецк. 36 можно считать второй (мелкий) вариант почерка Мартирия в Кир-Бел 116/241 с его обилием вертикально вытянутых элементов и совсем другим написанием «земли» (ср. вариант в 12-й и 21 — строках) — рис. 4.

⁸ Рукописи упоминавшегося выше знаменитого молдавского писца Гавриила Урика показывают, что обе его весьма непохожие манеры письма оставались неизменными на протяжении 40 лет его писцовой карьеры.

⁹ Рукопись в 2°, 369 л. Описание — *Абрамович Д.И.* Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. 2. СПб., 1907. С. 274–277. Рукопись обозначена как Патерик скитский, в то время как статьи из этого патерика составляют только часть рукописи.

¹⁰ В статье 1999 года эта рукопись вскользь упоминалась в связи с проблемой эволюции почерков. А.Г. Сергеев предположил тогда, что в рукописи два почерка, первый на лл. 4–297, второй

на лл. 297 об.—374 (по чернильной фолиации) и констатировал большую близость второго почерка к почерку Олонецк. 36. — Сергеев А.Г. Наблюдения. С. 130.

¹¹ Воспроизведение хорошего качества двух листов с заставками в начале рукописи — *Смирнова Э.С.* Искусство книги в средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011. С. 36–37.

¹² Из этих помет только последняя может быть истолкована как уставное указание на время чтения текста, поскольку на л. 297 об. начинается «слово о постничестве и како подобает украсену быти иноку» св. Василия Великого. В то же время нет ничего невероятного в предположении, что писец начал переписывать произведение Василия Великого в день памяти святителя.

¹³ Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского Российская Национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII. СПб., 2003.

¹⁴ Энциклопедия русского игумена. С. 8, 13–19.

¹⁵ Помимо того, что существуют более поздние датировки видов филиграней, представленных в сборнике, следует иметь в виду, что для русских бумажных рукописей позднего XIV — первой четверти XV века, отставание от западноевропейских (и южнославянских) рукописей по времени использования бумаги в 2–3 десятилетия — нередкое явление.

¹⁶ Инок Аркадий в середине XVI века дал вкладом в Кирилло-Белозерский монастырь несколько рукописей разного времени — см.: *Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года.* СПб., 1998. С. 287, 304.

¹⁷ Энциклопедия русского игумена. С. 14–15.

¹⁸ Энциклопедия русского игумена. С. 18, 444–446, образец почерка также использован при оформлении переплета издания. Г.М. Прохоров атрибутирует этот почерк самому Кириллу Белозерскому.

¹⁹ *Шварц Е.М.* Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания ГПБ. М.; Л., 1989. С. 45–48.

²⁰ Филигранные рукописи опубликованы Н.П. Лихачевым №№ 1142–1145.

²¹ См.: *Сергеев А.Г.* Рукописи XV века из библиотеки новгородского Вяжищского монастыря // *Хризограф.* М., 2009. Вып. 3. С. 301–308. В Кирилло-Белозерский монастырь рукопись попала не ранее XVII века.

Э.С. Смирнова

КНИЖНЫЕ МАСТЕРА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА
ВРЕМЕНИ АРХИЕПИСКОПА ГЕННАДИЯ (1484–1504).
НОВОЕ В РАБОТЕ МИНИАТЮРИСТОВ И ОРНАМЕНТАТОРОВ
(По материалам новых атрибуций)

Для изучения книжного искусства Новгорода конца XV в. большую роль сыграли появившиеся в последние десятилетия публикации палеографов и кодикологов, в частности Н.А. Охотиной-Линд¹ и А.А. Турилова². Это позволило уточнить состав и хронологию памятников, по сравнению с предлагавшимися в книге 1994 г.³ Благодаря замечательной работе палеографов мы можем датировать дошедшие до нас рукописи относительно точно, по десятилетиям, главным образом на основании филиграней. Совсем особое значение имеет выявление индивидуальности выдающихся новгородских писцов, привлекавшихся для переписки значительных рукописей. (Среди писцов иллюстрированных рукописей выделяются «Яковишко» и «Закхейко».) О такой персонализации ещё недавно даже и подумать было невозможно.

Книжное искусство занимало исключительно важное место в художественной культуре Новгорода последней четверти XV в. После 1478 г. — присоединения Новгорода к Московскому государству — в Новгороде практически прекращается каменное строительство, возобновляясь лишь в начале XVI в. Соответственно, не осуществляется фресковая роспись храмов. Что касается иконописцев, то на территории самого Новгорода их крупные работы неизвестны (за исключением Софийских таблеток — миниатюрных по размеру, но многочисленных). Однако мы знаем, что талантливые новгородские мастера работали за пределами Новгорода, например, в составе сборной артели, создававшей большую иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, построенного в 1497 г. Переписке же и украшению книг — искусству относительно камерному — в Новгороде в это время уделялось большое внимание.

Речь пойдёт о новгородских иллюстрированных («лицевых») рукописях 1480–1490-х гг., т. е. созданных в период владычества новгородского архиепископа Геннадия (1484–1504). Об одной из них — знаменитой Геннадьевской Библии, ГИМ, Син. 915, — известно, что она создана непосредственно при дворе архиепископа. О другой — Евангелии 1495 г., БАН, 24.4.26, — что она, напротив, переписана не в Новгороде, а в Валаамском монастыре, на Ладог. Место изготовления остальных неизвестно. Однако все привлекаемые нами рукописи так или иначе создавались под протекторатом архиепископского двора и отражают важнейшие тенденции не только новгородской, но и всей русской культуры конца XV в.

Рассмотрим две рукописи, созданные в 1480-х гг. и две — в конце 1480-х и в 1490-х гг.

Первые два манускрипта — это так называемое Першинское Евангелие в Древлехранилище ИРЛИ, Перш. № 1⁴, и Чертковский Апостол, ГИМ, собра-

ние Черткова, № 167⁵. В их декоре — много общих черт, в которых отразились новшества наступившей эпохи (рис. 1). Это, прежде всего, новая организация книжного листа: вместо расположения текста в два столбца теперь даётся всего один, с относительно длинной строкой. Инициал становится более крупным, активнее привлекает внимание (иногда даже напоминая большие инициалы русских домонгольских рукописей) и сильнее вдвинут в поле текста (совсем или почти совсем). В Першинском Евангелии инициалы особенные, декорированные исключительно красивой золотой сеточкой.

Примечательны заставки. Это по-прежнему, как и во многих рукописях первой половины — середины XV в., геометрический плетёный орнамент, так называемая «балканская плетёнка». В первой заставке Першинского Евангелия (л. 18) использован популярный в прежнее время мотив: «восьмёрка», положенная горизонтально, с двумя дополнительными дугами (одна концами вниз, другая — концами вверх). Но появляются новшества. Основной мотив остаётся крупным, а сопровождающие (узорчики, жемчужинки) — по контрасту, очень мелкими. В колорите усиливается роль смешанных, разнообразных оттенков. И главное: вне рамки — наверху и по углам располагаются дополнительные мотивы, исполненные в другом цвете, другом ритме, и привлекающие к себе внимание своей повышенной экспрессивностью. В данном случае над центром изображён павлин, который напоминает мотивы византийских и ранних русских рукописей и безусловно сохраняет своё символическое значение павлина как образа Рая. По углам — листья с цветами или плодиками, словно развевающиеся под порывами ветра и оживляющие строгую композицию.

Две другие заставки в том же Першинском Евангелии (лл. 120, 296) повторяют прежний принцип: строгая орнаментальная сетка заставки и свободная экспрессия ярких форм за пределами рамки. Над центром заставки в одном случае — крест, в другом — лилия или тюльпан в разрезе, также ассоциирующиеся с образом рая, а у верхних или нижних углов — крупные, подвижные пальметты и формы, напоминающие рог изобилия.

В Чертковском Апостоле ГИМ, также 1480-х гг., повторяется тот же тип заставок (рис. 2) — строгая сетка самих заставок, переливчатые смешанные краски, мелкая разделка «жемчужинками», яркие акценты по углам и над центром, а именно разные формы креста или цветок в разрезе (лл. 108, 129). Основной декор обеих рукописей явно выполнен в одной мастерской (если даже не одним мастером-орнаментатором).

Для интерпретации этих новых форм следует принять во внимание политическую и культурную ситуацию, сложившуюся не только в Новгороде, но в Русском государстве в целом. Как известно, новая роль России — единственного в то время, после падения Византии (1453 г.), крупного независимого государства в православном мире, требовала своего отражения в визуальных формах культуры. Отсюда, с одной стороны, ориентация русского искусства на древние образы местной святости, а с другой — использование новых приёмов и мотивов, с привлечением зарубежных мастеров. В монументальном искусстве примером таких процессов служит строительство Успенского собора Московского Кремля, 1475–1479 гг.

В орнаменте новгородских рукописей, в этом искусстве «малых форм», отразились большие процессы в истории русской культуры: создание торжественного,

величественного, триумфального образа, с трансформацией старых местных мотивов «балканского» орнамента, утвердившегося в русской книжности в первой половине XV в., и привлечением новых форм (в данном случае — частично из европейского готического декора) в качестве экспрессивных акцентов.

По-другому решаются новые задачи в двух Евангелиях апракос, оба в БАН. Одно — с шифром 13.I.26, создано в 1480-х или начале 1490-х гг.⁶ Другое — знаменитое Валаамское Евангелие 1495 г.⁷ Обе рукописи переписаны знаменитым новгородским писцом и монастырским деятелем Закхеем. Они родственны и в другом отношении — по декоративному оформлению. В этой группе рукописей, которые бесспорно были связаны с элитарными слоями Новгорода, появляется совсем новый для местной культуры орнаментальный декор (рис. 3, 4). Это подражание византийскому книжному орнаменту, известному ещё в X–XI вв. и жившему там, с несколько меняющимися формами, также и в палеологовский период. Такой византийский растительный орнамент (его иногда называют также «эмалевым», «эмальерным»), как известно, был хорошо знаком и русской книжности XI–XII вв., потом почти исчез и вновь появился, с некоторыми изменениями, в московских рукописях конца XIV — начала XV в. из кремлёвских придворных мастерских, например, в Евангелии Хитрово. В конце XV в. в русских рукописях появляется совсем новый вариант византийского растительного орнамента, причём сохранившиеся произведения Новгорода и Москвы, где он впервые встречается, приблизительно одновременны: конец 1480-х — 1490-е гг. Принято считать, и это, надо думать, справедливо, что такой орнамент сначала появился в Москве, а уже оттуда пришёл в Новгород. Скорее всего это осуществилось благодаря московским связям архиепископа Геннадия, пришедшего в Новгород из Москвы.

Этот орнамент принято называть «неовизантийским», поскольку его отличия от классического византийского орнамента велики. В заставках с таким декором — очень плотные композиции, совсем без интервалов между формами. Кроме того, изменились краски: они стали сгущёнными и плотными (вишнёвый вместо красного, тёмно-зелёный вместо светлого и т. д.). В результате эти орнаментальные композиции стали напоминать не столько византийское произведение, сколько восточный ковёр. По некоторым признакам (например, по композиции с аркой, которая вписана в прямоугольник), «неовизантийский» орнамент в русской книжности конца XV в. опирается не на самые старые византийские образцы, а на произведения палеологовские, XIV в.

Орнамент в Валаамском Евангелии отличается исключительно высоким качеством и красотой колорита. Это относится и к двум заставкам (лл. 70, 141), с крупными цветами в медальонах, где композиция вызывает ассоциации с пергородчатыми эмалями и особо запоминается розовыми оттенками красок. В той же мастерской выполнен декор Евангелия БАН, 13.I.26, но там использованы более резкие цветовые оттенки, в частности, бирюзовые и оранжевые.

Значение нового декора в русских рукописях трудно переоценить: это яркое отражение новой политической концепции, теории «Москва — Третий Рим», идеи наследования великой византийской традиции русским государством и русской культурой. Разумеется, здесь присутствует и мотив наследования новым Русским государством русской домонгольской культуры, в которой звучала византийская традиция.

Не только орнаментаторы, но и миниатюристы в 1480–1490-х гг. выходят на новые пути, хотя не каждый из них, и не всегда решительно. В Першинском Евангелии фигуры евангелистов повторяют старую местную иконографию (позы), но при этом выглядят малоподвижными, а их лица, сохраняя ласковое выражение, не свидетельствуют о глубокой одухотворённости образов. В отличие от этого миниатюриста, три художника, работавших над шестью композициями в Чертковском Апостоле, уже создают новые образы, хотя и в несколько провинциальном стиле. Первый мастер, исполнивший изображения св. Луки и Иакова (по старинной традиции — на синих фонах), привержен относительно ранним приёмам, передавая глубину пространства, объём мебели и построек, пластику фигур и рельеф драпировок.

Второй художник, создавший миниатюры с апостолами Петром и Иудой (рис. 5), любит светлые, сияющие краски, особенно жёлтый и ярко-алый цвета, использует округлые, плавные очертания, черты ликов у его апостолов — мелкие и тонкие. Его миниатюры немного родственны искусству Москвы, хотя и обладают уплотнённой композицией и чисто новгородской энергией.

Третий миниатюрист, автор композиций с апостолами Иоанном Богословом и Павлом (рис. 6), предпочитает относительно тёмные, плотные оттенки. У него контуры фигур отличаются чрезмерными, утрированными изгибами: слишком округлые плечи, слишком выпуклые лбы.

Все три миниатюриста Чертковского Апостола возрождают, каждый со своими стилистическими нюансами, тип величественных, могучих образов, погружённых в сосредоточенное размышление, — тип, характерный для православного искусства позднепалеологовского периода, т. е. второй половины — конца XIV в. Показательны композиционные пропорции: фигуры даны «крупным планом», чем подчёркивается их монументальность. Однако вкусы конца XV в. сказываются в очень удлинённых пропорциях фигур, узких скошенных плечах, обобщении контуров, орнаментальности некоторых очертаний, узорных фестонах драпировок. Эти признаки говорят об отходе от классических принципов византийского времени, об использовании приёмов декоративной стилизации форм. Следует с осторожностью предположить, что мы имеем дело с очередным обращением православного искусства к «богатырским» образам византийской живописи, т. е. с явлением, какое не раз наблюдалось в истории православной культуры. Однако в данном случае воспроизводится мужественная интонация образов, тогда как приёмы византийского классицизма, антикизирующие пропорции фигур остаются за пределами внимания художников, работавших уже в «поствизантийское» время.

Новаторскими являются и миниатюры обоих Евангелий апракос из БАН: 13.1.26, конца 1489–1490-х гг., и Валаамского, 1495 г. Главное в них — вновь обречённое величавое спокойствие, крупность форм, сосредоточенное молитвенное состояние. В Евангелии БАН, 13.1.26 (рис. 7) этот факт выглядит особенно значительным, если учесть, что его миниатюры — это копии старого новгородского прототипа. Копируется та самая иконография, которая представлена иллюстрациями Евангелия РГБ, ф. 247, Рогожск., № 138, первой трети XV в., со знаменитым изображением евангелиста Луки-иконописца, пишущего икону Богородицы. В ранних миниатюрах Рогожского Евангелия, послужившего оригиналом, мы видим очарование внутренней подвижности, мягкости, тонкости⁸, а в поздних репликах — величественную торжественность.

Другой миниатюрист, исполнивший композиции в Валаамском Евангелии 1495 г., также создавал монументальные, торжественные образы, но его композиции отличаются большей внутренней энергией, силой, вдохновенностью (рис. 8). Если в первом Евангелии, с персонификациями Божественной Премудрости, преобладает холодноватая величавость, то в Валаамском — больше активности, действенности, яркой одухотворённости.

На первый взгляд, может показаться, что новгородские миниатюры конца XV в. не имеют никаких аналогий в искусстве Москвы, поскольку там ведущая роль в это время принадлежала творчеству Дионисия. Но в московском искусстве существовали и другие, параллельные стилистические течения, с объёмными, крупными формами и энергией внутренней характеристики. Достаточно вспомнить миниатюры Книги 16 пророков, 1489 г., РНБ, ф. 173, МДА, № 20⁹; одни из них были исполнены мастерами, ориентирующимися на изысканное искусство круга Дионисия (таково известное изображение пророка Захарии Серповидца), а другие художники предпочитали традицию мужественных и величественных образов.

Несколько слов о рукописях конца XV в. с тонким, мелким декором и лирической интонацией. Среди них на первом месте стоит Геннадьевская Библия 1499 г., ГИМ, Син. 915, с единственной заставкой перед книгами Ветхого Завета, где представлен пророк Моисей, пишущий Пятикнижие¹⁰ (рис. 9). Помимо замечательной иконографии и тонкой живописи, эта миниатюра ясно показывает, что миниатюры и иконы (а также и фрески) писали одни и те же художники. В данном случае нет сомнения, что миниатюры Геннадьевской Библии писал тот же художник, который исполнил композицию «О Тебе радуется» из знаменитой серии Софийских таблеток, которая была заказана архиепископом Геннадием¹¹ (рис. 10). Это особенно важно потому, что в последнее время распространилось мнение, будто Софийские таблетки являются подделкой начала XX в. Сходство таблетки с миниатюрой, которая бесспорно является подлинной, опровергает эту концепцию.

¹ Охотина-Линд Н.А. Книгописец и игумен Закхей в новгородской литературе конца XV — начала XVI в. // Книга в меняющемся мире. Седьмая научная конференция по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. М., 1992. С. 22–24; Она же. Рукописное наследие Валаамского монастыря XV — начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 440–470; Она же. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996.

² Турилов А.А. Мастер Яковишко — малоизвестный новгородский книгописец середины XV в. // Хризограф. [Т. 1]. Сборник статей к юбилею Г.З. Быковой. М., 2003. С. 165–182; Она же. Давид [новгородский книгописец] // ПЭ. Т. XIII («Григорий Палама» — «Даниэль-Ропс»). М., 2006. С. 563; Она же. Закхей // ПЭ. Т. XIX («Ефессянам послание» — «Зверев»). М., 2008. С. 576–578; Она же. Иаков [Яковишко] // ПЭ. Т. XX («Зверин в честь Покрова Пресвятой Богородицы женский монастырь» — «Иверия»). М., 2009. С. 503.

³ Смирнова Э.С. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 1994. В предполагающееся новое издание книги внесены соответствующие изменения. См.: Смирнова Э.С. Искусство книги в Древней Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011.

⁴ Звегинцева О.В. Новый памятник книжного искусства XV в. в собрании Дрeвлехранилища Пушкинского дома // Древнерусская книжность: По материалам Пушкин. дома: Сб. науч. тр. / Под ред. А.М. Панченко. Л., 1985. С. 201–219; Смирнова Э.С. Лицевые рукописи... Кат. 11; Орлова М.А. Орнамент в монументальной живописи Древней Руси. Конец XIII — начало XVI в. М., 2004. Ч. 1. 285. Илл. 236 (с. 286). Здесь и далее библиография приводится выборочно.

⁵ Описание рукописей собрания Черткова / Сост. М.М. Черниловская, Э.В. Шульгина. Новосибирск, 1986. С. 38; *Смирнова Э.С.* Лицевые рукописи... Кат. 12; Zwischen Himmel und Erde. Moskauer Ikonen und Buchmalerei des 14. bis 16. Jahrhunderts [Schirn Kunsthalle, Frankfurt am Main] / Hrsg. Bettina-Martine Wolter. Ostfildern-Ruit, 1997. Kat. 49. S. 223, Taf. S. 224, 225 (автор каталожного описания — Г.И. Вздорнов, по необъяснённым причинам отнёсший рукопись к московскому искусству; английский вариант каталога см.: The Art of Holy Russia. Icons from Moscow, 1400–1660. London, 1998. P. 223. Ill. P. 224–225); Иконы Твери, Новгорода, Пскова, 2000. С. 231; *Сорокатый В.М.* Новгородская миниатюра начала XVI в. из собрания Музея им. Андрея Рублёва // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 392; *Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С.* История древнерусской живописи М., 2007. С. 555, 557. Илл. 530.

⁶ *Розанова Н. В.* К вопросу об изображении художника в древнерусском искусстве // Государственная Третьяковская галерея: Материалы и исслед. Л., 1983. С. 22, 24. Илл. с. 23; *Смирнова Э.С.* Лицевые рукописи... С. 148, 164, 179, 227, 231–232, 441–442. Илл. с. 226, 228, 229, 382–384; *Смирнова Э.С.* Новгородские миниатюры первой четверти XVI в. с персонификациями Премудрости Божией и св. Лукой-иконописцем // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 420; *Сорокатый В.М.* Новгородская миниатюра начала XVI в. ... С. 395; *Смирнова Э.С.* «Смотря на образ древних живописцев...». Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М., 2007. С. 122. Илл. с. 117;

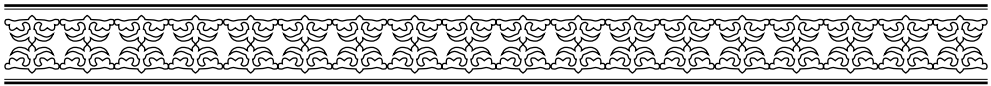
⁷ *Свирин А.Н.* Древнерусская миниатюра. М., 1950. С. 51, 54; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: XIX–XX века. Вып. II. М.; Л., 1958. С. 119, 122, 123. Рис. 17, 18; *Розанова Н.В.* Памятники миниатюры московского круга первой половины XVI века // ДРИ. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 268–271. Илл. на с. 270, 271; *Popova O.* Les miniatures russes du XIe au XVe siècles. Leningrad, 1975. P. 154. Ill. 87; *Лазарев В.Н.* Страницы истории новгородской живописи: Двусторонние таблечки из собора св. Софии в Новгороде. М., 1977. С. 59. Примеч. 37; *Попова О.С.* Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 9–74. С. 70; *Смирнова Э.С.* Лицевые рукописи... Кат. 14; *Орлова М.А.* Орнамент в монументальной живописи... Ч. 1. С. 303; *Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С.* История древнерусской живописи ... С. 557. Илл. 531.

⁸ *Смирнова Э.С.* «Смотря на образ древних живописцев...». Илл. с. 112, 114.

⁹ *Кучкин В.А., Попов Г.В.* Государев дьяк Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 года // ДРИ. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 107–144 (переизд. в кн.: *Попов Г.В.* Рукописная книга Москвы. Миниатюра и орнамент второй половины XV–XVI столетия. М., 2009. С. 95–126); Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. С иллюстрациями. Т. 9. М., 1999. Табл. 286, 296, 310, 328, 333, 335, 338, 342, 352, 357, 360, 367, 370, 376.

¹⁰ *Смирнова Э.С.* Лицевые рукописи... Кат. 15 (с библ.); *Лёвочкин И.В.* Кодикологическая характеристика Геннадиевской Библии // Фёдоровские чтения. 1981. М., 1985. С. 90–96. *Ромодановская В.А.* Геннадиевская Библия // ПЭ. Т. X («Второзаконие» — «Георгий»). М., 2005. С. 584–588.

¹¹ *Вздорнов Г.И.* Иконы-таблечки Великого Новгорода. Софийские святцы. М., 2007. Табл. XXV; *Лелекова О.В., Наумова М.М.* Технологическое исследование новгородских таблечек XV века / Приложение к кн.: *Вздорнов Г.И.* Иконы-таблечки Великого Новгорода... С. 202; Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М., 2008. Илл. с. 391.

М.В. Корогодина

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МЕРИЛА ПРАВЕДНОГО*

Церковно-юридический сборник, известный под названием Мерила праведного, не раз привлекал внимание исследователей, однако до сих пор не решен вопрос о времени и обстоятельствах его происхождения¹. Мерило праведное содержит поучения о суде и судьях и канонические и юридические статьи об отправлении суда как русского происхождения, так и переводного характера. Очевидно, что Мерило праведное, содержащее тематические подборки о княжеском и епископском суде, а также полные тексты всех известных на то время «судебников»: Закона судного людем, Прохирона, новелл Юстиниана, Эклоги, Правды Русской, Устава кн. Владимира, носило информативный характер и предназначалось для знакомства князя с византийским и древнерусским законодательством. Об этом говорит и предисловие к Мерилу, открывающее сборник и обращенное от епископа к великому князю. Этот интереснейший сборник дошел до нас в пяти списках², в том числе в списке второй половины XIV в. (РГБ, ф. 304, собр. Троице-Сергиева монастыря, № 15, далее — ТСЛ 15), что устанавливает достаточно раннюю временную границу его появления.

До сих пор исследователи пытались разгадать, какие княжеские имена стояли в Предисловии к Мерилу первоначально, но эти попытки ни к чему не привели. Во всех списках имена князей либо разнятся, либо отсутствуют, и доказать, что первоначальное имя сохранил старший список, а не один из младших, невозможно. Вероятно, следует подойти к вопросу об обстоятельствах создания Мерила праведного с другого конца: со стороны его источников. Действительно, при создании Мерила праведного, помимо целого комплекса четых книг (Пчелы, Шестоднева и др., о времени появления которых известно крайне мало, а об обстоятельствах бытования списков в кон. XIII — первой половине XIV в. не известно ничего), было использовано, по крайней мере, две редакции кормчих книг: Сербская редакция и русская редакция митр. Кирилла II³. Это показывает, что Мерило праведное было создано не раньше кон. XIII в., причем в руках у его составителя был редкий по тем временам набор канонических и четых книг. Где же в кон. XIII — первой половине XIV в. могла быть такая обширная подборка книг?

Кормчая книга Сербской редакции появилась на Руси в 1262 г., когда болгарский деспот прислал ее по просьбе Киевского митр. Кирилла II; присланная рукопись не сохранилась. Самый ранний дошедший до нас список был написан в 1284 г. по заказу Рязанского епископа Иосифа; вероятно, он был списан с присланной болгарской рукописи, причем малограмотный писец допустил в тексте массу ошибок. Учитывая характерные особенности и ошибки Рязанского списка, можно утверждать, что он не использовался при создании

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-01-00184а «Развитие канонического права в России в XIV — первой половине XVII вв.».

Мерила праведного. Кормчая книга русской редакции составлялась на протяжении 1270-х гг. по инициативе того же Киевского митр. Кирилла II. Однако сделанный для митрополита список также до нас не дошел. Известен список 1280-х гг., написанный по просьбе Новгородского архиеп. Климента (ГИМ, Синод. 132), по всей видимости, копировавший кормчую митр. Кирилла; этот список постоянно находился в Новгороде. Наконец, необходимо упомянуть еще один список: так называемую Воскресенскую кормчую (ГИМ, Синод. 131, кон. XIII — нач. XIV в.)⁴. Рукопись делится на две части: отрывок кормчей русской редакции (оборванный при переписке, а не из-за утраты листов, на середине фразы) и выписки о ересь из кормчей Сербской редакции (конец утрачен). Даже этот обрывок кормчей бережно хранился, что косвенно свидетельствует о том, насколько большей редкостью были списки кормчих книг. В Воскресенской кормчей, как и в Мериле праведном, мы сталкиваемся с одновременным использованием двух редакций кормчей: Сербской и русской конца XIII в.

На рубеже XIII–XIV вв. кормчие книги были редкостью; между тем в руках составителя Мерила праведного были сразу две редакции кормчих. Очевидно, обе недавно появившиеся на Руси редакции должны были быть у митрополита: и список Сербской редакции кормчей, присланный из Болгарии, и список новой русской редакции, созданный при митр. Кирилле II.

Окончательное формирование Мерила праведного чаще всего связывается исследователями с Тверью времен Михаила Ярославича. Аргументами в пользу тверского происхождения сборника служит присутствие в первой части Мерила праведного Наказания еп. Тверского Симеона⁵, а также сходство выходной миниатюры Мерила с миниатюрой Хроники Георгия Амартола, написанной по заказу кн. Михаила Тверского⁶. Действительно, кн. Михаил Ярославич — одна из самых значительных фигур в первой половине XIV в.; время его княжения характеризуется активным участием тверичей в церковных спорах того времени. При нем была сделана попытка свести с митрополичьего стола митр. Петра, выходца из Волыни; тверской монах Акиндин был отправлен в посольство в Константинополь к патриарху с обвинением в симонии митр. Петра и состоялся церковный собор против митрополита, собранный в Переславле Залесском. Тверичи потерпели неудачу: им не удалось свести митр. Петра, и они навсегда потеряли его поддержку. Однако нас в связи с этими событиями привлекает послание Акиндина, обращенное к великому князю Михаилу Ярославичу и посвященное фактически той же теме, что и Мерило праведное — обязанности великого князя участвовать в управлении церковью и следить за соблюдением церковных правил. Такая близость в тематике не может не бросаться в глаза; более того — Акиндин цитирует то же первое правило Шестого вселенского собора, которым открывается Мерило праведное.

Впрочем, на этом сходство заканчивается. В.А. Кучкин подробно рассмотрел источники послания Акиндина и указал, что среди них имелась кормчая русской редакции кон. XIII в.⁷ Цитата из правила Шестого собора у Акиндина значительно более пространная, чем в Мериле праведном, поэтому мы вынуждены признать, что Акиндин выписал ее из кормчей, а не из Мерила. Вообще, мы не находим в послании Акиндина ни одного заимствования из Мерила праведного, несмотря на его любовь цитировать самые разнообразные канонические и неканонические тексты. Если бы Мерило праведное было создано

в Твери ранее послания Акиндина, то последний обязательно цитировал его, поскольку этот сборник иллюстрирует именно те идеи, которые стремился выразить и Акиндин. Отсутствие заимствований из Мерила праведного говорит не в пользу тверского происхождения Мерила праведного.

Не столь очевидной кажется параллель между миниатюрой Мерила праведного и миниатюрой Хроники Георгия Амартола. По наблюдениям А.В. Сиренова, миниатюра из Мерила праведного отличается еще большим сходством с рельефом на Дмитриевском соборе г. Владимира, изображающим царя Давида, сидящего на престоле⁸. Поза сидящего, манера изображения престола и орнамент, украшающий престол, разведенные и поднятые вверх руки — все очень похоже на обоих изображениях. На рельефе отсутствуют весы, которые держит судья на миниатюре Мерила праведного; но А.В. Сиренов отмечает, что весы на этом изображении — самая неудачная деталь, они явно пририсованы после того, как основное изображение было выполнено, так что верхняя переключина весов некрасивой полосой перечеркивает голову сидящего. Во всяком случае, сравнение с рельефом на Дмитриевском соборе показывает, что миниатюра в Хронике Георгия Амартола — отнюдь не единственная иконографическая параллель, бывшая перед глазами создателей Мерила праведного.

Не меньше сомнений вызывает другой аргумент в пользу тверского происхождения Мерила — присутствие в нем Наказания Семена Тверского Полоцкому князю Константину Безрукому. Удивительно, что несмотря на неизменный интерес, который вызывает этот текст, никто из исследователей не обратил внимания на предшествующую статью: «Наказание княземъ, иже дають волость и судъ не богобоинымъ и лукавымъ мужемъ». Этот текст, несомненно, русского происхождения, поскольку в нем упоминаются тиуны и цитируются русские поговорки («недобрь позоръ лисица в курехъ»), является настоящим поучением к князьям, приближающим к себе жестоких управителей и отстраняющимся от злых дел, совершаемых этими управителями. Наказание же Семена Тверского служит лишь историческим анекдотом, иллюстрацией к предшествующему пространному поучению. Очевидно, оба Наказания писаны одним человеком: они одинаково называются «Наказанием», говорят об одном и том же, используют одни и те же слова и сравнения: «богобоиньи», «суда не разумеющее», «напустивъ злаго судию на люди» («аки бешена человека пустилъ на люди» во втором Наказании). Приписывать первое Наказание Семену Тверскому у нас нет никаких оснований, возможно, второе Наказание с именем Семена Тверского могло быть записано спустя значительное время после смерти его героя, как иллюстрация к первому, основному Наказанию. В этом случае показательным является анахронизм, допущенный во втором Наказании: Семен здесь назван Тверским епископом, хотя рассказ ведется о событиях в Полоцком княжестве, предшествующих его поставлению в Тверь⁹. Таким образом, вероятно, Наказание Семена Тверского не является сочинением самого Семена.

Все же, несмотря на сомнения в обоснованности аргументов в пользу тверского происхождения Мерила праведного, можно предположить, что его создание косвенно связано с Тверью.

Как неоднократно указывалось исследователями, Предисловие к Мерилу написано митрополитом для великого князя. Вероятно, книга вместе с Предисловием готовилась для князя, только вступающего на великокняжеский

престол, для которого поучение об образе правления и свод различных законов и судебных книг был намного нужнее, чем человеку опытному, уже выработавшему свою линию правления. Как показано А.И. Филошкиным, титул «великий князь» (в отличие от почетного определения) устойчиво применяется лишь с рубежа XII–XIII в. (для великого князя Владимирского) и с первой трети XIV в. (для великого князя Смоленского); с конца 30-х — начала 40-х гг. XIV в. появляются титулы великих князей Тверских и Нижегородских¹⁰. Это является еще одним аргументом в пользу создания Предисловия к Мерилу праведному не ранее XIII в. Очевидно, в Мериле праведном имеется в виду великий князь Владимирский.

После великого князя Андрея Александровича, занявшего великокняжеский стол в 1294 г. уже во второй раз, великим князем в 1305 г. стал Михаил Ярославич, Тверской князь, не уступавший в борьбе за великое княжение московским князьям вплоть до своей гибели в Орде в 1318 г. Лишь после него великое княжество Владимирское перешло к московскому князю Юрию Даниловичу, но не надолго — в 1322 г. великим князем вновь стал Тверской князь Дмитрий Михайлович, сын Михаила Ярославича, а затем его брат — Александр Михайлович. После восстания против ордынцев в Твери великое княжение Владимирское переходит к московским князьям: Ивану Даниловичу Калите (1328–1340 гг.), а потом к его сыну — Симеону Ивановичу Гордому (1340–1353 гг.).

Михаил Ярославич Тверской был посажен на великое княжение митр. Максимом, переселившимся из разоренного Киева во Владимир в 1299 г. и удерживавшим Московского кн. Юрия Даниловича от борьбы за великое княжение Московское. Это было одним из последних деяний митр. Максима перед смертью; поддержки следующего митрополита, — Петра, — вел. кн. Михаил Ярославич лишился. Митр. Петр, стоявший во главе Русской церкви с 1308 по 1326 гг., неизменно поддерживал Московского кн. Юрия Даниловича, и окончательно переселился в Москву из Владимира в 1322 г., когда великое княжество Владимирское вновь на короткое время перешло к Тверским князьям. Ему не довелось увидеть на великокняжеском столе следующего Московского князя — Ивана Даниловича, поставление которого фактически совпало с приходом на Русь нового митрополита — Феогноста. Митр. Феогност остался жить в Москве при вел. кн. Иване Калите, а потом и при его сыне — Симеоне Гордом.

Кто же из этих лиц мог быть автором и адресатом Мерила праведного? По всей видимости, мы должны отвергнуть митр. Петра. Первые 10 лет его пастырской деятельности пришлось на великое княжение Михаила Ярославича; учитывая их тяжелые отношения и долгие попытки тверичей свести митр. Петра с кафедры, маловероятно, чтобы митр. Петр обращался с похвалами и наставлениями к Тверскому князю. Можно было бы полагать, что митр. Петр адресовал поучение Юрию Даниловичу, добившемуся наконец победы над Михаилом Ярославичем — ведь Юрию Даниловичу митр. Петр явно симпатизировал. Однако это кажется сомнительным: от митр. Петра дошло немало учительных посланий, и его сочинения, написанные простым языком, изобилующие ласковыми обращениями к «чадам», разительно отличаются от поражающего ученостью и обилием цитат предисловия к Мерилу праведному.

Столь же маловероятной фигурой представляется нам митр. Феогност. Он прибыл из Константинополя незадолго до получения титула великого князя

Иваном Даниловичем и, конечно, просто не мог бы успеть составить столь объемный труд на основе древнерусских источников, как Мерило праведное. После поставления на великокняжеский стол Симеона Гордого, в 1340–1343 гг., митр. Феогност и великий князь находились в постоянных разъездах, добываясь верности от окрестных земель не только словом, но и мечом.

Наиболее вероятной кандидатурой представляется нам митр. Максим, который прожил во Владимире последние несколько лет своей жизни и открыто поддерживал Михаила Ярославича в его стремлении занять освободившийся в 1304 г. Владимирский великокняжеский стол. Переезжая в 1299 г. во Владимир «со всем своим житьем», митр. Максим, вероятно, вывез из Киева митрополичью казну и книги. В пользу этого предположения говорит использование в Мериле праведном источников, датирующихся временем не позже конца XIII в. Неудивительно, что в предназначенный для Тверского князя (хотя и не написанный в Твери!) сборник митрополит вводит рассказ о тверском персонаже — еп. Симеоне, называя его Тверским, хотя речь идет о событиях при дворе Константина Безрукого. Правда, в Мериле праведном отсутствует Правило митр. Максима; но оно посвящено постам и повседневной жизни мирян и не пересекается тематически с Мерилом праведным.

Наше предположение, как кажется, снимает многие вопросы: использование составителем Мерила праведного широкого круга книг, редких и только начинавших появляться в конце XIII — начала XIV в.; обращение к фрескам Владимирского Дмитриевского собора как к иконографическому источнику в сочетании с «тверскими мотивами» в Мериле праведном. Составленный при участии митрополита для Тверского князя, новый сборник должен был храниться в княжеской казне и мог быть недоступен тверскому епископу и близким к нему людям. Это может объяснить, почему монах Акиндин не знал ни Мерила праведного, ни его источников, даже если само Мерило находилось у Тверского князя. Напротив, если бы Мерило праведное составлялось в Твери при епископской кафедре, было бы невозможно объяснить полное незнакомство с Мерилом тверской литературы первой половины XIV в.

¹ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М., 1941. С. 88–99; Милов Л.В. Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мериала Праведного) // Исследования по истории памятников средневекового права. Сб. ст. Л.В. Милова. М., 2009. С. 212–232.

² РГБ, Троице-Серг. 15 (XIV в.); РГБ, МДА 187 (кон. XV в.); ГИМ, Синод. 524 (1587 г.) и Синод. 525 (кон. XV в.); РНБ, Кир.-Бел. 145/1222 (сер. XVI в.). Кроме того, список XIX в. находится в РНБ, собр. Титова 412. Также Е.Н. Опочинин упоминает в своих воспоминаниях о списке Мерила праведного нач. XV в., который во второй половине XIX в. хранился в общине бегунов в Поволжье — см.: Опочинин Е.Н. Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины: Из наблюдений и воспоминаний // Наше наследие. IV (16), 1990. С. 114. Несомненно, датировка рукописи здесь весьма относительна; по всей видимости, она была бумажной, поскольку можно полагать, что пергаменную рукопись Опочинин отметил бы особо. Однако эту рукопись нельзя отождествить ни с одним известным списком Мерила праведного, так как их местонахождение во второй половине XIX в. легко устанавливается. Таким образом, мы должны признать существование еще одного раннего списка Мерила, ныне утраченного.

³ Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

⁴ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002. С. 620–621.

⁵ Кучкин В.А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение: Сб. ст. / Отв. ред. В.Ф. Дубровина. М., 1969. С. 243–251.

⁶ Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси — начала XV веков. М., 1980. С. 56.

⁷ Кучкин В.А. Источники «Написания» мниха Акиндина // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 60–68.

⁸ Сиренов А.В. О возможном источнике миниатюры «Мерила праведного» // Русские древности. Сб. науч. ст. к 75-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 290–298.

⁹ В.А. Кучкин полагал, что «Наказание» было написано Семеном, когда он уже был Тверским епископом, между 1268 и 1271 гг. — см. Кучкин В.А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 243–245. А.В. Кузьмин считает, что адресат «Наказания» — Константин Безрукий — был не Полоцким, а Витебским князем. — См.: Кузьмин А.В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. Вып. 3 (29). М., 2007. С. 37–40.

¹⁰ Филошкин А.И. Титулы русских государей. М., 2006. С. 24–48.

С.Ю. Темчин

**ДРЕВНЕЙШИЕ РУКОПИСИ
СУПРАСЛЬСКОГО БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
(1500–1532 гг.): НОВЫЕ ДАННЫЕ***

Супрасльский Благовещенский монастырь, основанный в 1498 г. будущим маршалком Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) Александром Ивановичем Ходкевичем в Подляшье (восточная часть современной Польши), на протяжении веков играл исключительно важную роль в духовной жизни православного, униатского и старообрядческого населения ВКЛ и Польского королевства¹. Первым настоятелем монастыря был игумен Пафнутий Сегень (1500–1510), выходец из соседнего г. Бельска, вторым — Каллист (1510–1512), третьим — Иона (1512–1532), четвертым — архимандрит Сергей Кимбар (1532–1565)².

Во все времена эта православная (в 1614–1839 гг. — униатская) обитель славилась своими книжными богатствами. История библиотеки Супрасльского монастыря³, в том числе ее рукописного собрания, довольно хорошо известна благодаря книжным описям, составленным в 1557, 1645, 1668 (дословно повторена в 1674 г.), 1764 (известна в извлечениях), 1819 (описаны лишь хоровые, т. е. клиросные книги), 1830 и 1836 гг.⁴ Состояние монастырского рукописного собрания на 1824 г. кратко охарактеризовано И.Н. Даниловичем⁵.

Основная часть богатого рукописного собрания Супрасльского монастыря поступила в Виленскую публичную библиотеку в 1877 г. и хранится теперь (наряду с церковнославянскими рукописями иного происхождения) в фонде № 19 Отдела рукописей Библиотеки им. Врублевских АН Литвы, подробно описанном Ф.Н. Добрянским⁶. Недавно Н.А. Морозовой были заново датированы (по филиграммам) все бумажные церковнославянские рукописи, хранящиеся в Вильнюсе, в том числе кодексы, происходящие из Супрасльского монастыря⁷.

Новые датировки позволили начать реконструкцию библиотеки Супрасльского монастыря, состав которой отражен в сохранившихся описях. Первую опись обители и ее рукописного собрания составил в 1557 г. Сергей Кимбар. Полный текст документа дважды (в 1867 и 1870 гг.) издавался археографами Северо-Западной Руси⁸; последняя публикация полностью воспроизведена Николаем (Далматовым)⁹ и частично (лишь описание монастырских книг) Ф.Н. Добрянским¹⁰ и М.С. Грушевским¹¹. Перепечатка Ф.Н. Добрянского вторично перепечатывалась в наши дни¹². Настоящее местонахождение оригинала описи, долгое время хранившегося в самой обители, неизвестно.

* Данная работа выполнена в рамках проекта «Литуаника: Письменное наследие этноконфессиональных меньшинств Великого княжества Литовского II» (№ LIT-1-39), поддержанного Научным советом Литвы (Lietuvos mokslo taryba).

В супрасльской описи 1557 г. все книги разделены на три группы: сначала перечислены имевшиеся в монастыре списки Евангелия, после чего описаны книги, приобретенные монастырем еще до вступления Сергия в сан архимандрита, т. е. при его предшественниках Пафнутии Сегене, Каллисте и Ионе (в 1500–1532 гг.), а затем — при самом Сергии Кимбаре (в 1532–1557 гг.). Такое хронологическое разделение позволило архимандриту Сергию максимально наглядно представить свой личный вклад в развитие монастыря, что и было основной целью создания описи 1557 г. Вторую группу рукописей мы будем называть *ионинским собранием* (сокр. Ион.), поскольку оно сложилось к концу игуменства Ионы, а третью — *кимбаровским собранием* (сокр. Кимб.). Для облегчения ориентировки в этих собраниях ниже будут указываться введенные Ф.Н. Добрянским номера позиций книжной описи 1557 г., отдельные для обоих собраний.

В описи Сергия Кимбара сказано, что за первые 34 года своего существования (к 1532 г.) Супрасльский монастырь приобрел 129 книг, в том числе 5 печатных. Ф.Н. Добрянский, пронумеровав указанные в описи экземпляры первой и второй групп (перечисленные перед книгами, приобретенными уже при Кимбаре), насчитал в ней 131 позицию¹³.

Данное расхождение объясняется гетерогенностью представленной в начале книжной описи 1557 г. группы евангельских списков: два из шести экземпляров Евангелия (Ион. № 2, Ион. № 4 или 6) были приобретены Супрасльским монастырем уже при Сергии Кимбаре и потому относятся не к ионинскому, а уже к кимбаровскому собранию, формировавшемуся после 1532 г. Один из этих двух экземпляров (Ион. № 2) заменил собою те два списка Евангелия, которые поступили в Супрасльскую обитель от Григория Жабы, но впоследствии были изъяты из нее киевским митрополитом. Эти два Евангелия также оказались в Супрасле уже при Сергии Кимбаре, поскольку в описи 1557 г. жабинскими названы некоторые книги именно кимбаровского собрания¹⁴.

Таким образом, в 1557 г. в Супрасльском монастыре насчитывалось 129 книг, приобретенных при игуменах Пафнутии, Каллисте и Ионе в 1500–1532 гг.: из насчитанной Ф.Н. Добрянским 131 книги ионинского собрания следует вычесть два списка Евангелия, приобретенных уже при Сергии Кимбаре.

Несколько лет назад были опубликованы результаты предварительной реконструкции сохранившейся до наших дней части древнейшего (ионинского) рукописного собрания Супрасльского монастыря¹⁵, основанной на соотношении содержания соответствующего раздела описи 1557 г. с известными ныне супрасльскими рукописями, хранящимися в архивах разных стран. В результате из 129 рукописных книг, имевшихся в монастыре к 1532 г., было отождествлено 34 кодекса, т. е. четвертая часть библиотеки.

Недавно произведена реконструкция кимбаровского собрания Супрасльского монастыря¹⁶, в результате которой из 80 (а с учетом списков Евангелия — 84) рукописей, приобретенных обителью при Сергии Кимбаре в 1532–1557 гг., выявлено 27 кодексов, что составляет почти треть собрания.

Накопленные к настоящему времени новые сведения по истории двух древнейших собраний Супрасльского монастыря позволяют исправить, уточнить и дополнить опубликованный ранее перечень супрасльских рукописей

ионинского собрания (1500–1532 гг.), сохранившихся до наших дней в составе разных библиотек.

Исправление реконструкции ионинского собрания:

Патерик скитский с прибавлениями, в двух списках, вторая треть XVI в., 1° (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских АН Литвы, ф. 19, № 87 и 88). Обе рукописи, идентичные по содержанию, открываются Житием Паисия Великого. В предыдущей реконструкции они были ошибочно отождествлены с двумя патериками ионинского собрания (Ион. № 47–48: «Книги 2 Отечники»)¹⁷, но в действительности соотносятся с двумя позициями кимбаровского собрания, Кимб. № 12–13: «Книги 2 Отечники и 3 Паисиевым житием, новописанные»¹⁸. Допущенная ошибка в отождествлении была спровоцирована датировкой обеих рукописей (по филиграммам) первой третью XVI в.¹⁹, создававшей впечатление, что рукописи написаны ранее 1532 г. Новое отождествление, учитывающее указанную в описи 1557 г. особенность их содержания («з Паисиевым житием»), позволяет предположить создание обеих рукописей (при некоторой залежности бумаги) после 1532 г. (т. е. уже в кимбаровское время) и датировать их второй третью XVI века. Предстоящее сравнение почерков этих книг с иными супрасльскими рукописями кимбаровского собрания должно подтвердить или опровергнуть данное предположение.

Уточнение к реконструкции ионинского собрания:

Виленский хронограф, перв. треть XVI в., 1° (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских АН Литвы, ф. 19, № 109). Содержит несколько слов из *Иудейской войны* Иосифа Флавия о пленении Иерусалима (л. 609 об., 626, 652 об., 679, 707 об.). Ранее отождествлен с Ион. № 76: «Книга съ пленениемъ Иерусалимскимъ»²⁰. При последней реставрации советского времени единый некогда том был разбит на три части (л. 1–241; л. 242–496; л. 497–737). Основываясь на распределении в рукописи не до конца исписанных листов, И.В. Лемешкин предположил, что Хронограф изначально состоял из трех отдельных томов, впоследствии переплетенных вместе (а в советское время вновь разделенных)²¹. После просмотра рукописи на этот счет оказалось, что данное предположение имеет рациональное зерно, но кодекс первоначально состоял, по-видимому, не из трех, а из двух неравновеликих томов: л. 1–458; л. 459–737. Если это действительно так, то первый том (содержащий, среди прочего, библейские книги Царств) может быть отождествлен с *царственником* в составе Ион. № 67: «Книга Царственникъ зъ лѣтописц(емъ)»²², а второй том (со словами из *Иудейской войны* Иосифа Флавия) — с Ион. № 76: «Книга съ пленениемъ Иерусалимскимъ».

Дополнения к реконструкции ионинского собрания:

1. Четвероевангелие Мемнона-книгописца, перв. треть XV в., 4°, пергамен, 191 л. (Санкт-Петербург, Библиотека АН, собр. П. Доброхотова, № 26)²³. Рукопись, долгое время считавшаяся болгарской, является довольно точной восточнославянской копией среднеболгарского оригинала, выполненной предположительно московским писцом²⁴. Ее принадлежность Супрасльскому монастырю определяется на основании тождественности ее нового переплета, выполненного в XIX в., переплету иного заведомо супрасльского кодекса — Библейского сборника 1502–1507 гг. Матфея Десятого²⁵. Обе рукописи, оказавшиеся в руках иеромонаха Павла (Доброхотова) в конце 1848 г. (Евангелие) и 18 апреля 1854 г. (Библейский сборник), числятся в каталоге библио-

теки Супрасльского монастыря 1836 г. среди книг библейского содержания *in folio*: № 1070 «Св. Евангелие на пергаменте писаное» и № 1072 «Книги 16-ти Пророк и прочия ветхаго Завета; Новаго же 4 Евангелия, Деяния и Послания Апостольския» (в отдельной графе указано, что обе книги без переплета)²⁶. В первой половине XIX в. Евангелие Мемнона-книгописца, форматом в большую четверку, вполне могло быть вписано в супрасльский каталог как книга в лист, поскольку такое колебание в определении формата данной рукописи наблюдается даже у современных археографов (в каталоге пергаменных рукописей БАН он определен как 4°, а в каталоге рукописей собрания П. Доброхотова — как F^o)²⁷. Предыдущий супрасльский каталог 1830 г. описывает данное Евангелие точнее: «Книги четверть Евангелистов (bez rozcatku, na pergaminie) — fol. — 1»²⁸. В Евангелии Мемнона-книгописца действительно утрачены некоторые пергаменные листы, в частности, с началом Евангелия от Матфея, которое начинается на л. 4 в середине стиха Мф 1.17 (хотя перечень глав данного Евангелия сохранился, л. 1–2 об.). Кодекс отождествляется с Ион. № 1: «Евангелие паркамменное старое, новоокованное сребромъ, съ позолотою со всихъ сторонъ».

2. Азбучно-Иерусалимский патерик со словами Ефрема Сирина, перв. треть XV в., 1°, 266 л. (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских АН Литвы, ф. 19, № 85). Поскольку данный тип патерика состоит из двух частей, которые могли восприниматься как самостоятельные произведения (Азбучный и Иерусалимский патерики), эту рукопись можно отождествить с Ион. № 47–48: «Книги 2 Отченики». Кроме того, слова Ефрема Сирина (л. 195–266) писаны иным почерком на особых тетрадах, что позволяет их считать частью конволюта и отождествить с Ион. № 46, т. е. со вторым экземпляром Ион. № 45–46: «Книги Ефремовы 2» (первый экземпляр был отождествлен ранее)²⁹.

3. Пролог стихшной на сентябрьскую половину года из комплекта 1496 г., 1° (Москва, Государственный исторический музей, собрание А.С. Уварова, № 56–1°, 546 л.)³⁰, написанного по заказу бельского наместника Солтана Солтановича, вероятно, неподалеку от Супрасльской обители. В рукописи на вставных листах середины XVI в. читается единственный известный на сегодняшний день список проложного жития мученика Антония Супрасльского (4 февраля)³¹, что послужило основанием для предположения о ее происхождении именно из этого монастыря³². Ранее кодекс датировался 1470-ми гг.³³, но водяной знак бумаги — *Голова быка под цветком* — идентичен Piccard, № 786 (1494 г.)³⁴, тогда как вставные листы с Житием Антония Супрасльского содержат знак *Кабан*, подобный Piccard, № 98 (1541 г.)³⁵. Данный том составляет годовой комплект с Прологом стихшным на мартовскую половину года (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских АН Литвы, № 100), написанным в 1496 г. (у Ф.Н. Добрянского опечатка: 1406 г.)³⁶. Палеографически оба тома очень похожи: идентичный формат (в лист), бумага с теми же водяными знаками (в том числе на вставных листах)³⁷, текст на листе расположен в один столбец по 30 строк, художественное оформление сходное (тонкие киноварные инициалы), почерки обеих рукописей стилистически весьма близки, но не тождественны. Двухтомный годовой комплект Пролога находился в ионинском собрании (Ион. № 18–19 «А въ шестомъ и въ семомъ [прологе — С.Т.] — цѣлый годъ»)³⁸. Сентябрьский шестимесячный том представляет собой его первую половину, т. е. Ион. № 18.

4. Пандекты Антиоха Черноризца с Житием Иоанна Богослова, начала XVI в. (Москва, Российская государственная библиотека, собрание Е.Е. Егорова (ф. 98), № 35). В рукописи присутствует замазанная чернилами запись «Из книг Супрасльского монастыря»³⁹. Кодекс отождествляется с Ион. № 62: «Книга Антиохъ и зъ житіемъ Богословимъ».

5. Сборник 1519 г., содержащий Супрасльскую летопись 1446 г., древнерусский перевод Вислицкого статута Казимира Великого и Киево-Печерский патерик, 176 л., 4° (Архив Санкт-Петербургского института истории Российской АН, ф. 115, № 143). Рукопись отождествлена с Ион. № 70: «Книжка Патерикъ Печерскій»⁴⁰.

В заключение укажем соответствия пронумерованных Ф.Н. Добрянским позиций описи 1557 г., относящихся к древнейшему (ионинскому) собранию, современным сигнатурам вновь выявленных супрасльских рукописей.

Ион. № 1 = Санкт-Петербург, Библиотека АН, собр. П. Доброхотова, № 26.

№ 18 = Москва, Государственный исторический музей, собрание А.С. Уварова, № 56–1°.

№ 46 = Вильнюс, Библиотека им. Врублевских АН Литвы, ф. 19, № 85 (вторая часть конволюта).

№ 47–48 = Вильнюс, Библиотека им. Врублевских АН Литвы, ф. 19, № 85 (первая часть конволюта).

№ 62 = Москва, Российская государственная библиотека, собрание Е.Е. Егорова (ф. 98), № 35.

№ 70 = Санкт-Петербург, Архив Санкт-Петербургского института истории Российской АН, ф. 115, № 143.

Итак, к настоящему времени отождествлено 39 (из 129) позиций ионинского собрания, т.е. почти третья его часть: Ион. № 1, 9, 12–20, 22–25, 27–29, 32–36, 43, 45–48, 53, 60, 62, 65, 67–68, 70, 76, 97, 110, 128.

¹ Об истории обители см.: *Модест (Стрельбицкий)*. Супрасльский Благовещенский монастырь // Вестник Западной России. Вильна, 1867. Кн. 2. С. 70–81; Кн. 3. С. 83–117; Кн. 4. С. 1–44; Кн. 5. С. 75–104; Кн. 6. С. 121–140; Кн. 7. С. 1–40 (все номера страниц — второй пагинации); Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 9. Вильна, 1870; Николай (Далматов). Супрасльский Благовещенский монастырь: Историко-статистическое описание. СПб., 1892; *Рогов А.И.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.И. Пичеты / Ред. Л.В. Черепнин. М., 1978. С. 321–334; *Hajduk M.* Sanctuarium nad Supraślą // *Slavia Orientalis*. Т. 38, № 3–4. 1989. P. 511–536; *Charkiewicz J.*, ed. *Z dziejów monasteru supraskiego: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej «Supraski monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa»* (Supraśl–Białystok, 10–11 czerwca 2005 г.). Białystok, 2005; Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. 2 / Рэд. Г.П. Пашкоў. 2-е выданне. Мінск, 2007. С. 642–646; *Mironowicz A.* Summariusz dokumentów do dóbr supraskich. Białystok, 2009.

² Николай (Далматов). Супрасльский Благовещенский монастырь. С. 610.

³ О ней см.: *Щавинская Л.Л.* Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998.

⁴ Большинство этих книжных описей опубликовано, см.: Археографический сборник документов... С. 49–55 (1557 г.), 185–205 (1645 г.), 229–243 (1668 г.), 461–462 (фрагмент описи 1830 г.); *Щавинская Л.Л.* Литературная культура белорусов... С. 149–162 (реестры книг 1830 и 1836 гг.); *Dobrowolski R.* Opat supraski biskup Leon Ludwik Jaworowski. Supraśl, 2003. S. 280 (хоровые книги

1819 г.). Об описи книг 1764 г. см.: *Николай (Далматов)*. Супрасльский Благовещенский монастырь. С. 551, 562–563, 572–573.

⁵ *Daniłowicz I.* Latopisiec Litwy i kronika ruska z rękopisu słowiańskiego przepisane. Wilno, 1927. S. 326–327.

⁶ *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882.

⁷ *Морозова Н. А.* Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог. Вильнюс, 2008.

⁸ Вестник Западной России. 1867. Т. 3. Кн. 8, отд. 1. С. 49–62; Археографический сборник документов... С. 49–55 (№ 20).

⁹ *Николай (Далматов)*. Супрасльский Благовещенский монастырь. С. 54–61.

¹⁰ *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. С. XXVII–XXXIII.

¹¹ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 6: Житє економічне, культурне, національне XIV–XVII віків. 2 виданне. Київ–Львів, 1907. С. 338–340 (прим. 3).

¹² *Запартыка Г.* Страчаныя скарбы манастырскіх бібліятэк // 480 год беларускага кнігадрукавання: Матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытаньняў / Рэд. А. Мальдзіс. Мінск, 1998. С. 200–202.

¹³ *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. С. XXX.

¹⁴ Подробнее см.: *Темчин С. Ю.* Сколько книг было в Супрасльском Благовещенском монастыре в 1532 году // *Здабыткі*. Вып. 12. Мінск, 2010. С. 68–75.

¹⁵ *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.) // *Z dziejów monasteru supraskiego...* S. 117–140.

¹⁶ *Темчин С. Ю.* Рукописи кимбаровского собрания Супрасльского Благовещенского монастыря (1532–1557 гг.) // *Кнуготуга*. Т. 54. Vilnius, 2010. P. 173–185.

¹⁷ *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря. С. 132 (№ 28–29).

¹⁸ *Темчин С. Ю.* Рукописи кимбаровского собрания... С. 178–179 (№ 12–13).

¹⁹ *Морозова Н. А.* Кириллические рукописные книги... С. 33–34.

²⁰ *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря. С. 131–132 (№ 26).

²¹ *Lemeškin I.* Sovijaus sakmė ir 1262 metų Chronografas: Pagal Archyvinį, Varšuvos, Vilniaus ir I.J. Zabelino nuorašus. Vilnius, 2009. P. 57.

²² Этот летописец отождествлен со Сборником 1515–1530 гг., содержащим Волынскую краткую летопись, 1°, 75 л. (Москва, Российский государственный архив древних актов, ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 21/26), см.: *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря. С. 130 (№ 17).

²³ *Бубнов Н. Ю., Лихачева О. П., Покровская В. Ф.* Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков. Ленинград, 1976. С. 96–97; *Ульяновський В. І.* Колекція та архів єпископа Павла Доброхотова. Київ, 1992. С. 49–50.

²⁴ *Турилов А. А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия Мемнона-книгописца (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Вып. 26. М., 1992. С. 15–46.

²⁵ Ср.: «Цвет и качество кожи, орнамент тиснения, шрифт, которым на корешке вытеснено: «Евангелие», совершенно одинаковы, что дает право думать, что оба переплета были сделаны в одной мастерской», см.: *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР* / Под ред. М. В. Кукушкиной. Л., 1978. С. 57, прим. 14.

²⁶ *Шавинская Л. Л.* Литературная культура белорусов. С. 155.

²⁷ См. прим. 23.

²⁸ *Шавинская Л. Л.* Литературная культура белорусов. С. 150.

²⁹ *Морозова Н. А., Темчин С. Ю.* Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря. С. 131 (№ 23).

³⁰ *Леонид (Кавелин)*. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. 2. М., 1893. С. 320 (№ 1023).

³¹ См.: *Турилов А. А.* Антоний Супрасльский // *Православная энциклопедия*. Т. 2. М., 2001. С. 680.

³² Чистякова М.В. Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь—ноябрь. Вильнюс, 2008. С. 85.

³³ Турилов А.А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV—первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 255.

³⁴ Piccard G. Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bd. 1—17. Stuttgart, 1961—1997.

³⁵ От всей души благодарю Е.В. Уханову и Е.Е. Иванову (Муратову), сотрудниц Отдела рукописей Государственного исторического музея (Москва), любезно сообщивших мне сведения о водяных знаках данной рукописи.

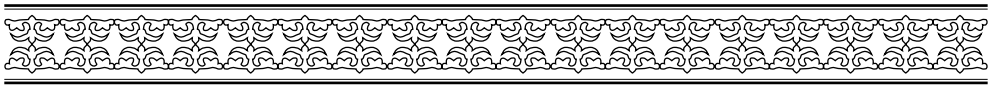
³⁶ Эта опечатка уже исправлялась, см., напр.: Шавинская Л.Л. Литературная культура белорусов. С. 107—108, прим. 11; Турилов А.А. Южнославянские памятники... С. 276, прим. 83.

³⁷ Из трех водяных знаков вильнюсского тома один совпадает с тем, что обнаружен в московском томе — *Голова быка с 5-листным цветком, со щитком под подбородком*, почти идентичен Piccard, № 786 (1494 г.); кроме того, в вильнюсском томе также есть вставной лист (л. 173) с водяным знаком *Кабан*, почти идентичен Лауцявичюс, № 3650 (1542 г.), см.: Морозова Н.А. Кириллические рукописные книги... С. 38; Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. T. 1—2. Vilnius, 1967.

³⁸ Морозова Н.А., Темчин С.Ю. Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря. С. 127—128 (№ 4).

³⁹ Анисимова Т.В. О некоторых рукописях Супрасльского Благовещенского монастыря в книжных собраниях Москвы, Новгорода и Санкт-Петербурга // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rašties tradicijos / Red. S. Temčinas et al. Vilnius, 2009. P. 285, 287.

⁴⁰ Темчин С.Ю. О времени появления Супрасльской летописи (списка 1519 г.) в Супрасльском монастыре // Ruthenica. T. 5. Київ, 2006. С. 151—161.

Е.А. Полетаева

БИБЛИОТЕКА КОЖЕОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ (вопросы реконструкции)

Изучение монастырских библиотек Русского Севера XVI–XVII вв., как показывают изыскания в данной области, дает богатый материал для исследования рукописной традиции, книжного бытования, деятельности выдающихся и малоизвестных книжников¹. Пустынь Святого Богоявления Господня на Кожеозере вблизи «Студенаго моря-окияна», основанная в 50-х гг. XVI в. старцами Нифонтом и Серапионом, к середине XVII в. становится одним из духовно значимых центров Русского Севера с немалой библиотекой, обеспечивавшей насельников обители обязательным богослужебным и четым кругом памятников.

Книжно-рукописная традиция и состав библиотеки Кожеозерского монастыря неразрывно связаны как с историей обители, так и с общими для Московии тенденциями развития книжного дела. Самые ранние рукописи, упоминаемые в литературе² — Торжественник и Правила соборов святых отцов XV в., Пролог и Диоптра Филиппа пустынноика XVI в. находились в пустыни на Кожеозере, возможно, уже при ее основателях. Вероятно, еще старцем Нифонтом были заведены Синодик³ и Вкладная книга, куда вписывались имена вкладчиков и их пожертвования. Так, заглавие дошедшей до нас Вкладной книги⁴ XVII–XVIII вв. (далее: ВК) зафиксировало дату появления первоисточника: «Книга святаго Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Кожеозерския пустыни лѣта 7073 (1564/65) году». Сведения о старых вкладыах из Вкладной книги, начатой в 1564/65 г., в середине XVII в. были упорядочены (по территориям и датам) и внесены⁵ в новую книгу. Кроме богатейших сведений по истории обители, Вкладная книга XVII–XVIII вв. содержит уникальный материал по источникам формирования библиотеки Кожеозерского монастыря.

Монастырские библиотеки, как известно, способствовали быстрому и успешному развитию рукописной традиции обителей. При первом игумене Кожеозерской Богоявленской обители, старце Аврааме (1608–1634 гг.), создается сказание «О зачалѣ святаго мѣста Кожеозерския пустыни и о житии предивнаго старца Серапиона» — небольшое по объему агиографическое повествование об основателях Кожеозерской пустыни. Первая редакция «О зачалѣ», дошедшая в списке Антониево-Сийского монастыря начала XVIII в.⁶, была составлена, как явствует из текста, неизвестным иноком, пришедшем в обитель спустя два года после смерти старца Серапиона (ум. 1611 г.). В основу Сказания автором были положены воспоминания некоего сподвижника старца Серапиона, прожившего с ним *«многа лѣта ... на семъ островѣ и о зачалѣ мѣста купно с нимъ нехудѣ подвигшийся»*⁷.

В XVII в. появляется и Летопись Кожеозерского монастыря, о существовании которой мы узнаем из более поздней — Второй редакции «Сказания о зачале», представленной списком Соловецкого монастыря 1741 г.⁸ Редактор

несколько раз ссылается на «некую» монастырскую Летопись, в которой он пытался отыскать имя составителя Сказания — «кто же убо таковыя званиемъ, инокъ или мирянинъ <...> у нас в лѣтописи имя его не воспоминается»⁹. Оказались безуспешными и его попытки найти в Летописи какие-либо сведения о смерти старца Нифонта — «ради какой потребы» ему «случися <...> отити в царствующий град Москву <...> что же ему случися в Москвѣ или на пути, или како преставися — того нам подлинно неизвестно, и в летописи о том не пишет»¹⁰.

Еще один памятник, составленный в стенах Кожеозерской обители — «Житие и подвизи, и отчасти чудесь сказание преподобнаго отца нашего Никодима, Хозьюскаго пустынника, Кожеезерскаго чуд[о]творца»¹¹, дошедшее до нас в нескольких редакциях, повествует об отшельнике авве Никодиме (постриженнике Чудова монастыря, келейнике преосвященного Пафнутия, Крутицкого митрополита), пришедшем в Кожеозерскую обитель еще «до Московского разорения». Пробыв в обители около полутора лет, старец Никодим уходит в «дальчайшую пустыню» — на реку Хозьюгу, отстоящую от обители «на запад за десять поприщ»¹². После своего 36-летнего уединения пустынножитель Никодим возвращается в Кожеозерский монастырь, где и умирает 3 июля 1639 г. при игумене Ионе. Святые мощи старца погребаются под спудом в приделе святителя Николая собора святого Богоявления. Монастырская братия после кончины Хозьюгского пустынножителя начинает тщательно собирать сведения о жизни и чудесах старца.

Само появление на Кожеозере Летописи, нескольких редакций «Сказания о зачале обители» и «Жития преп. Никодима» свидетельствуют о наличии в обители образованных и талантливых книжников, способных к писательскому труду, хорошо знающих агиографическую традицию. Работа над житием Хозьюгского отшельника велась на протяжении всего времени существования монастыря¹³. Надо думать, что пожары (в их числе три крупных — в 1634, 1692 и 1730 гг.) нанесли немалый урон как библиотеке обители, так и складывающейся книжно-рукописной традиции монастыря. Косвенным подтверждением данного тезиса может служить тот факт, что все дошедшие до нас списки «Жития преп. Никодима Кожеозерского» и «Сказания о зачале обители», хотя и были составлены на Кожеозере¹⁴, сохранились в библиотеках других монастырей: Антониево-Сийском и Соловецком¹⁵.

Составителем первоначальной Краткой редакции Жития преп. Никодима был известный книжник — Борис Васильевич Львов, постриженник Кожеозерского монастыря, в иноках — Боголеп (1639–1675 гг.). До приезда на Кожеозеро Борис подвизался на Соловецком острове, где имел «книгописное» послушание. Известно, в частности, что он в 1637 г. своей рукой переписал на Соловках «Синтагму Матфея Властаря»¹⁶. Не оставляет Боголеп свою любовь к «книжному писанию» и на Кожеозере. Так, рукопись «Слова преподобнаго Симеона Новаго Богослова» была составлена иноком Боголепом в Кожеозерском монастыре¹⁷. Возможно, что старец Боголеп являлся инициатором переписки Вкладной книги. По нашему предварительному наблюдению, сопоставление автографа старца Боголепа Львова¹⁸ с почерками ВК, показало близость одного из основных почерков (по классификации А.С. Косцовой — № 1)¹⁹ к «Боголеповой руке». Однако для полной идентификации почерка Боголепа во Вкладной книге следует произвести более тщательный почерковедческий

анализ. Интересно, что в записях ВК, сделанных этим почерком, как и в других известных автографах Боголепа на книжных вклады, встречается одна и та же формула — «вечнаго ради поминания и будущаго ради покоя»²⁰.

Схимонах Боголеп сыграл огромную роль в становлении библиотеки, книжно-рукописной традиции и иконописной культуры Кожеозерского монастыря. При нем из Москвы на Кожеозеро шли «самые богатые и разнообразные вклады, приносившие вместе с прочими дарами много печатных и рукописных книг»²¹. «Влиятельный старец» Боголеп, как уже стало принятым называть его в литературе, был чрезвычайно щедрым вкладчиком, как никто другой заботился о благолепии «дома Божия» и не жалел средств на «благоукрашение» Богоявленской обители книгами, иконами и различной церковной утварью. За 26 лет своей жизни в Кожеозерском монастыре он внес «всего вкладу <...> святыми иконами и книгами и денгами, и иными вещми на осмь сот на тридцать четыре рубля с полтиною», не считая «пяти иконъ, что жемчюгомъ обложены», которые «писаны без цены»²².

Во время игуменства Никона, будущего патриарха всея Руси, в 1644/45 г. иноком Боголепом была вложена в монастырскую библиотеку печатная Псалтырь с воследованием. Спустя три года (1647/48 г.) во ВК записывается²³ вклад Боголепа по «по брате своем родном блаженныя памяти по доумном дьяке, по Григорье Васильевиче Лвове, во иноцех Герасиме, и по своих родителях» (вклад был сделан по распоряжению душеприказчика думного дьяка Григория — боярина Бориса Ивановича Морозова). Книжное пожертвование насчитывало 23 кодекса: двенадцать служебных миней «печати московской в десь в переплете последняго выходу», книг преп. Ефрема Сирина «печати московской в десь» и преп. Иоанна Лествичника «печатной в десь в переплете», Житие преп. Сергия Радонежского «в десь в переплете», два экземпляра печатных святцев «с тропари и кондаки, и с летописью в полдеств в переплете», четыре часовника «в переплете», и два «Евангелия в полдеств в переплете»²⁴. В 1652/53 г. старец Боголеп «по брате своем, Иоанне Лвове» вкладывает два служебника «московской печати в переплете»²⁵. Известны книжные вклады старца и за своих учеников. В 1662/63 г. им вложено 8 книг за иеродиакона Иоасафа (две печатных Триоди — Постную и Цветную «в десь», Книгу о вере «печатную в десь», Псалтырь «в десь печатную, болшие слова», Служебник «с потребами» печатный «в полдеств», Кормчую «в десь писмяную», два сборника «в десь писмяныя»). В 1666 г. за другого ученика — иеродиакона Иосифа, Боголеп жертвует «напрестолное» Евангелие («в середине распятие Господа нашего Иисуса Христа, да четыре евангелисты, все сребряное, позолочено, рѣзное дѣло, да наугольники и застешки сребряные, оболочено бархатом черным») ²⁶. Всего инок Боголеп за время проживания на Кожеозере вложил в монастырскую казну 35 книг.

Перед смертью, как отмечено в ВК под 1675 г., Боголеп Львов «приказал» свою келейную библиотеку «взять в казну». В собрании насчитывалось десять «дестовых» рукописных книг (Псалтырь Толковая «римских толковников», книга «Никонския послания», книга «Матфиевские правила», «книга Дионисия Ареопагита», «книга Иосифа Волоцкаго на новгородския еретики», «Патерик отеческой», Хронограф, «книга Иякова евреина», Лавсаик, «книга Максима Грека»), девять «полудестовых» манускриптов («книга Иоасафа Царевича»,

Катехизис, Шестоднев Василия Великого, Стоглав, «Сошная выкладка по цифирю», книга «Риторика и диалектика», «скорописный» Патерик Египетский, Небеса «киевского писма, в ней же и Диалектика», «Книжица о Крестном монастыре»), пять «четвертных книг и в шестинку» («книга Осмочастная»²⁷, Сын церковный, Тропник, Ихнилат, Обиходник «Кирилова монастыря») и две «книжицы писмяные в восьмую долю листа» («Повести святых отец» и Святцы, «в них подлинник, как святых лица и ризы писать»). Кроме рукописей в библиотеке Боголепа насчитывалось восемь «дестовых» печатных книг («Беседы Евангельские ... в трех книгах переплетены», два Требника киевской²⁸ и московской печати, Часослов, Соборное уложение 1648/49 г., Сборник «от недели мытаря и фарисея»), восемь «полудестовых» («киевской печати»: Номоканон, книга «о Иверской Богородице», Лексикон, Цветник духовный, Служебник, Вертоград духовный; «московской печати»: Грамматика, Скрижали), и две, означенные среди кодексов «четвертных ... и в шестинку» — «Зерцало мирозрителное с плачи, киевской печати в шестинку» и книга «О опросах и ответах»²⁹. Учитывая предыдущие книжные вклады в обитель на Кожеозере³⁰ старца Боголепа, его библиотека (включая книги, находящиеся в ней на правах временного хранения) насчитывала не менее 80-ти томов.

Другое книжное собрание, состоящее более чем из двух десятков книг, перешло в казну Кожеозерского монастыря из келейной библиотеки игумена Павла после его смерти в 1682 г. В келье игумена из печатных «дестовых» книг значились: Толковое Евангелие воскресное «в переплете», Евангелие всенедельное толковое «четыре евангелиста в одной книге в переплете», Апостол «новосправной в тетратех», Деяния апостольские в одном переплете с Толковым Апокалипсисом, Сборник «от мытаря и фарисея до недели всех святых в переплете», «Прологи целой год в тетратех», Лествица «в переплете». Из «печатных» книг «полудестовых» имелись: книга «О священстве в тетратех», «Цветник духовной» «в переплете», «двой святцы ... с тропари и кондаки, одне в переплете, другие в тетратех», Канонник «в переплете». Печатных книг меньшего формата — в четверть листа, было только две — «Цветословие» «в тетратех» и Канонник «в переплете»³¹. Чрезвычайно интересна по составу коллекция рукописей игуменской библиотеки. Из «полудестовых» манускриптов отмечены: книга Патерик, «новая в переплете — первая повесть о Евлогии — каменносечце, а в ней 82 тетрати», Житие Саввы Сербскаго «в тетратех», «тетрати писмяные — Жития препп. Онуфрия Великаго, Иоанна Дамаскина, Феодора Едесскаго и иных святых»³², «тетрати писмянные — Мучение св. вмч Артемия», «тетрати ж писмянные, патеричные, числом 52 тетрати». Из «четвертных» рукописей в библиотеке «преставившегося» игумена значились: «Соборничекъ писмяной, 32 тетрати» и «различные повести в тетратех»³³. Кроме этих книг ВК фиксирует другие вклады игумена Павла. Надо отметить, что книжно-образованный, обладавший, судя по составу келейной библиотеки, утонченным читательским вкусом, о. Павел был известен книжными вкладыми в родную обитель и до своего игуменства, в те поры, когда он еще «был во дияконех». Так, в 1650/51 г., он вложил «в поминание по родителех» три рукописных сборника: «книгу — в начале ея — Поучение старческое, писмяную, в четверть в дватцать строк, тетрадей четьредесять пять», «Патерик по алфавиту, в четверть же», «Патерик же, а в нем повести и жития святых отец, тридесять осемь слов, в ней же и Житие

преподобного отца Онуфрея Великого ... тетрадей в той книге семьдесят девять тетрадей»³⁴. Такое изобилие рукописных агиографических памятников (в том числе и в переплетенных сборниках, с указанием точного количества строк и тетрадей) позволяет думать, что игумен Павел не только сам компилировал сборники, но время от времени занимался книжным письмом.

Заметим, что случаи вложений в монастырскую казну крупных келейных библиотек старца Боголепа и игумена Павла — исключения. Обычно же кожеозерскими иноками делались весьма скромные книжные вклады. Имена донаторов, как правило, заносились в монастырский Синодик, о чем свидетельствуют обиходные пометы во Вкладной книге: «роду его в Синодик написано». Так, первым официальным кожеозерским «игуменом» Авраамием (1602/03—1634 г.) были вложены в казну печатная книга св. Василия Кессарийского, «две книги св. Григория Богослова» и Часовник. В 1635/36 г. «старцем» Герасимом, «москвитинном», пожертвовано «Евангелие толковое литовские печати». Кожеозерские «старцы», Лаврентий и Захарий, так же дали (не позднее 1655 г.) в родную обитель книги. Первый вложил Канонник и Псалтирь «в четверть», а второй — «книгу Лествицу в десть». В 1665 г. иеромонах Феофиол пожертвовал «Псалтырь в полдест» печати Киевской «в переплете», а в 1697 г., уже «по отшествии сего света, отказал в казну», в числе своего келейного имущества книги: «Псалтирь со воследованием», «Псалтирь наверхшая» (обе новые, «московской печати») и печатную книгу преп. Ефрема Сирина. Кожеозерский келарь Филофей (в схиме Феодосий), «отходя от сего света, дал по души своей» новую «справную» Псалтирь, «Беседы» и Библию. В 1692/93 г. монах Макарий дал вкладом «Октаи восьми гласов, печать московская, новосправные, новые в дву книгах, дестовые в переплете». Из библиотеки почившего в 1699 г. игумена Анании в монастырскую казну перешла «Псалтирь со следованием в десть, новоисправная, подержана». Постриженником Кожеозерского монастыря, монахом Гавриилом (в схиме — Гурием), в 1710 г. была вложена «книга преп. Григория Нанзианского московской печати»³⁵.

Несколько отличались вклады лиц, исполняющих клиросное послушание. Так, например, монах Арсений, ученик старца Боголепа, в 1679 г. делает вклад в «книгохранительную казну к церкви» новыми певческими книгами, которые для него, как для уставщика, были в первую очередь необходимы: Книги певчие «в четверть — Ирмосы да Октай, да Обиход, новосправной». На следующий год он же вкладывает «Ирмологий московской новосправной печати со Святцами и с пасхалиею»³⁶, «Ирмосы, Праздники дванадесятные и Октай, все те статьи полные, большие, да и Обиход, полной же, да в ней же и Святцы с указом и указ Октоиха»³⁷, за вклад ему «роду его против той дачи в Синодик написано»³⁸. В 1687 г. «он же, монах Арсеней», вкладывает Псалтирь «печатную новосправную в переплете, малоподержана в полдесть», а чуть позже жертвует небольшую — в четвертую долю листа — рукописную книгу «О жительстве от святых писаний, списание отца Нила Сорского» «в переплете»³⁹.

«Крилошанин» старец Никифор, Кожеозерского монастыря постриженник, тоже вкладывает книги, связанные с богослужебным уставом и пением: «книгу Стихараль певчую, в ней же написаны и святцы указные»⁴⁰, «четыре часословца в четверть, новоисправные, московския печати мелкими словами», «Псалтырь со воследованием и с летописцем, а летописец мелкими словами, и с преди-

словием, издадеса в лето 7188-е», «книга о преподобном отцѣ Варлаамѣ пустынножителѣ, Иоасафѣ царѣ индийстем, издадеса в лето 7189-е», Минею общую с «Господскими праздници, печатную в переплете». Уставщик, иеродиакон Афанасий, в 1685 г. вкладывает Псалтирь «со возледованием новоисправную первых выходов в десть печати московской в переплетѣ» и Ирмологий «в полдесть в переплетѣ московской печати», а так же четьи книги: преп. Ефрема Сирина и авву Дорофея «московской печати в десть в одном переплетѣ», преп. Иоанна, «писателя Лествицы», «московской печати в переплете большой бумаги», «скорописную» книгу «Алфавит с осмочастием ... в полдесть переплетена в тетратех», «книгу писмянную Миротворной круг в переплетѣ в десть»; «книгу никоновскую Заповѣди в тетратех — сорок четьре тетрати, писана книжным письмом»⁴¹.

Семнадцатое столетие характеризуется и книжными вкладами в Кожеозерскую пустынь иноков других монастырей. Приведем таблицу, составленную нами по данным Вкладной книги:

Дата вклада	Имя вкладчика	Название книг
20 февраля 7116 (1608)г.	иеродиакон Серапион, «постриженник Троецкой з Бѣлых песков»	«книгу стихараль за два рубли»
7123 (1614/15) г.	священноинок Феодосий,	«две книги Исаака Сирина да Ивана Ексарха»
11 октября 7128 (1619) г.	священноинок Пимин, «псковитин»	Псалтирь
б/д (не ранее 1620-х гг., не позднее 1634 г.)	«старец» Александр Булатников, «келарь Пресвятыя Троицы Сергиева монастыря»	«книгу Апостол печатной да книгу Соборник в польдесть, да Псалтирь писменная с следованием в польдесть», Псалтирь «с следованием» печатную «в десть», Службную Минею за февраль, Деяния Апостольские
7146 (1637/38) г.	«Соловецкого монастыря старец» Ефрем Квашнин	«Евангелие престольное печатное московские печати в десть, да Апостол печатной в десть, да две книги Триоди, да Шестоднев печатныя в десть»
б/д (между 1643/44 г. и 1656/57 г.)	священноинок Зосима «анзерской»	Евангелие «в десть», Апостол «в десть же — печати московской»
7158 (1649/50) г.	бывший дворовый человек боярина князя Семена Васильевича Прозоровского, Василий Данилов, «москвитин», «во иноцех старец Васьян»	«книгу преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина в десть печатную ... да книгу преподобнаго отца нашего Иоанна Лествичника»
б/д (до 1655 г.)	«Клопскаго монастыря постриженник» старец Флавиан «соловецкой»	Лествица Толковая
б/д (до 1655 г.)	старец Тихон, «Соловецкаго монастыря постриженник»	Евангелие напрестольное
б/д (до 1655 г.)	«старец Васьян, Анзерския пустыни»	«Псалтирь печатную да Часовник печатной»

Современные проблемы археографии

Дата вклада	Имя вкладчика	Название книг
б/д (до 1655 г.)	священноинок Константин, «москвитин», «Соловецкого монастыря постриженник»	«Триодь Цветную печатную в десть»
б/д (до 1655 г.)	священноинок Антоний, «Соловецкого монастыря постриженник»	Псалтирь «в польдесть»
Февраль 7181 (1673) г.	Троицы Сергиева монастыря священноинок Досифей	«Прологов ⁴² год в четырех книгах, новосправные печати, в переплете ... да книгу Библию, да Ефрем з Дорофеем, обои в переплете»
б/д (между февралем 1673 г. и 9 февраля 1693 г.)	он же	Евангелие и Служебник — «обои в полдесть новосправные печати и в переплете»
7190 (1681/82) г.	«Кирилова монастыря соборной старец Никифор, а постриженник Сырьенского монастыря»	«книгу печатную новую в десть Обед духовной ... московской печати»
7 января 7208 (1700) г.	«Соловецкого монастыря соборной схимонах Иона»	Евангелие «в переплете под вишневым сафьяном, по обрезу золочена», и Апостол — «те книги печатные новосправные»

С 40-х гг. XVII в. книжные вклады начинают активно поступать из Москвы. Кожеозерский монастырь имел давние и крепкие связи с жителями столицы: основатель пустыни, старец Нифонт, неоднократно ходил для сбора милостыни в Москву; «строитель» обители на Кожеозере, старец Серапион⁴³, до принятия монашества проживал в Москве в доме боярина Захара Ивановича Плещеева; в обители провел последние годы своей жизни опальный князь Иван Васильевич Сицкий (ум. 1608 г.). Монастырь на Коже стал хорошо известен москвичам и благодаря патриарху Никону, бывшему игумену Кожеозерской Богоявленской обители. Кроме того, в столице были наслышаны о чудесах аввы Никодима, постриженника московского Чудова монастыря. Неслучайно то, что среди иноков обители встречается немало уроженцев «первопрестольной»: Боголеп Львов, бывший «денежной мастер» инок Герасим, инок Гедеон (в миру — «Григорей Васильев») и др.

Самые разные по социальному положению лица при посредничестве инока Боголепа передавали свои вклады в Кожеозерскую обитель⁴⁴. Среди вкладчиков ВК записаны: цари — Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Иоанн и Петр Алексеевичи; царевны — Татьяна Михайловна, Марфа Алексеевна; патриархи — Филарет, Иоасаф, Никон; «великая старица» Марфа Ивановна (бывшая жена боярина Федора Никитича Романова, ставшего патриархом Филаретом), патриарший священнодиакон Филофей; царский духовник, священноинок Степан Вонифатьев; казначей патриарха Иоакима — монах Паисий; бояре — Иван Никитич и Никита Иванович Романовы, боярин и дворецкий — князь Алексей Михайлович Львов; боярин — князь Иван Борисович Черкасский; боярин — князь Семен Васильевич Прозоровский; боярин — Борис Иванович Морозов; окольничий — Федор Яковлевич Милославский; стольник — князь

Иван Семенович Прозоровский; думный дьяк — Иван Афанасьевич Гавренев; думный дьяк — Григорий Васильевич Львов (в иночестве Герасим); дьяк Большого прихода — Иван Дмитриев; дьяк — Михаил Ерофеев; торговый человек Серебряного ряда — Андрей Осипов; торговый человек Калачного ряда — Константин Иванов и др. Среди московских вкладов значительное место занимают книги, изданные Московским печатным двором. Зачастую это были новейшие издания типографии (год выхода их из печати нередко совпадал с годом вклада книги).

Начало XVIII в. обозначено более тесными контактами Кожеозерской обители с Новгородом Великим и Антониево-Сийским монастырем. С 1704 г. по 1709 г. митрополит Великого Новгорода и Великих Лук Иов делает большие денежные пожертвования на строительство на Кожеозерском полуострове церкви Ильи пророка и, кроме прочих вложений, вкладывает (в 1705–1706 гг.) в «новостроенную церковь» книги: «Евангелие на престолное, поволочено бархатом красным», Служебник и Минею общую⁴⁵. Примерно в это же время Сийский иеродиакон Афанасий, составитель виршевого Жития преп. Никодима, передает для Кожеозерской библиотеки книги: «о знамени пришествия Антихристова» (вклад 1706 г.), «Евангелие учебное по вся дни, да книгу Минею четью четвертую часть» (вклад 1711 г.), «Евангелие Толковое четырех евангелистов справную» (вклад 1713 г.) и «Симеона Новаго Богослова в польдесть писменн[ую]» (вклад 1714 г.)⁴⁶.

В отношении культурных связей с Сийским монастырем представляет большой интерес «Иконописный подлинник» посл. трети XVII в. из библиотеки архимандрита Антониево-Сийского монастыря Никодима (БАН, Арх. С. 205). Сборник содержит иконные прориси, сочинение о временах года, месяцеслов, гравированные Антониево-Сийские святцы и проч. В начале сборника под изображением Господа Вседержителя, сидящего на престоле, с предстоящими — св. Иоанном Предтечей и Пресвятой Богородицей, находится любопытная запись в стихах: «с греческаго сняты / схимонаха Богольна Лвова / Кожеозерскаго монастыря строителя, / московскаго прежде жителя, / славных родителей был сын, / тогова моление / ко Всетворцу усердие»⁴⁷. Интересно, что в упомянутом нами выше списке книг, оставшихся после смерти старца Боголепа, значатся святцы, а в «них же подлинникъ какъ святыхъ лица и ризы писать»⁴⁸. Известно, что Сийский Иконописный подлинник долгое время находился в виде отдельных тетрадей — «бумажных переводов с разных икон <...> принадлежавшие разным лицам»⁴⁹, и систематизировал этот обширный иконографический материал знаток иконописного дела — Никодим, первый Сийский архимандрит (1692–1721 гг.). В 1714 г. он подарил библиотеке Сийского монастыря этот рукописный подлинник (БАН, Арх. С. 205)⁵⁰. Мы можем предположить, что греческие «прориси», сделанные Боголепом (как об этом говорит стихотворная запись), были взяты (или скопированы) для Сийской рукописи из Боголеповского «подлинника», возможно, самим архимандритом Никодимом⁵¹ или экономом Свято-Антониевой обители, иеродиаконом Афанасием. Следует отметить, что подписи под изображениями Господа Вседержителя (БАН, Арх. С. 205, л. 4 об.) и образа преп. Никодима Кожеозерского в другом Сийском иконописном подлиннике из библиотеки архимандрита (РНБ, ОЛДП, F 88)⁵² сделаны скорописью одной руки. Близок этот почерк

и к I почерку — скорописи Антониево-Сийского списка Жития Никодима (БАН, Арх. Д. 405).

После закрытия обители в 1764 г.⁵³ библиотека Кожеозерского монастыря была распределена по Спасо-Каргопольскому и Александро-Свирскому монастырям. В Описи 1765 г., составленной после закрытия обители, значилось чуть более 54-х книг (см. Приложение I). Сложные вопросы реконструкции библиотеки Кожеозерского монастыря во многом помогают решить кроме Вкладной книги⁵⁴, также описания рукописных старопечатных книг из государственных и частных собраний, научные изыскания исследователей (работы М. В. Кукушкиной, Н.В. Поньрко, А.В. Пигина, О.В. Панченко, Л.И. Киселевой, Е.А. Рыжовой, А.С. Косцовой и др.). В настоящее время по опубликованным описаниям нами выявлено 13 рукописей и 6 старопечатных книг (см. Приложение II).

Таким образом, богатая история одного из самых заметных на Русском Севере монастырей отразилась в памятниках письменности, созданных в Богоявленской обители на Кож-озере, рукописной традиции и ее библиотеке. Несмотря на удаленность Кожеозерского монастыря, окруженного непроходимыми лесами и болотами, до него быстро (как правило, в тот же год) доходили самые последние издания Московского печатного двора. Зафиксированные в обители вклады, в том числе и книжные, тесно связаны с миром человеческих отношений, культурными связями обители. Книжные пополнения библиотеки помогали обеспечивать литургическую жизнь монастыря, поддерживать духовную стабильность иноческой общины.

Приложение I Известные по Описи 1765 г. печатные книги Кожеозерской обители

Название	Количество, ед.
Евангелие всedневное толковое	2
Апостол	2
Псалтирь с воследованием	6
Четьи-Минеи (декабрь- сентябрь)	10
Минеи служebные	11
Требники («в дeсьть», «в полдeсть», «в чeтвeрть»)	3
Кормчая книга	1
Евангeльские бесeды (Иоанна Златоуста) ⁵⁵	1
Обед духовный	1
Меч духовный	1
Книга Григория Назианзина	1
Иоанн Лествичник	1
Маргарит	2
Пролог	1

Название	Количество, ед.
Скрижаль	1
Вертоград	1
О ектениях	1
Зерцало Великое	1
Лимонарь	2
Грамматика	2
Букварь	1
Книга о антихристе	1
Требник Петра Могилы	1
Певческие книги	не указано

Приложение II

1. Рукописи Кожеозерского монастыря по современным шифрам:

1. ОИРК ГЭ, ЭРБ-40. Книга по сошному письму. Скоропись. XVII в., 4⁰, 165 л. Полистная запись: «Лета 7183-го (1674/75) в день отказал сию книгу в Кожеозерский монастырь вкладом того же монастыря постриженник, старец Боголеп Лвов»⁵⁶.

2. ОИРК ГЭ, ЭРБ-62. Вкладная книга Кожеозерской пустыни. Скоропись и полуустав. Середина XVII–XVIII в., 1⁰, 360 л. На л. 1 заглавие киноварной вязью: «Книга Святого Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Кожеозерской пустыни, лета 7073 году (1564/65)», заставка золотом, красками и пером. Основной текст писан в середине XVII в.⁵⁷

3. ОР РНБ. Собр. Тиханова, № 473. «Служба преподобному отцу нашему Никодиму, Хозьюгскому пустыннику, Кожеозерскому новому чудотворцу. Аще во обители его, идеже его храм или изволит настоятель творим Всенощное бдение». 2-я пол. XVIII в. 4⁰. 47 л.

2. Рукописные книги Кожеозерского монастыря, указанные А. Е. Викторovým:

4. Собр. Алекс.-Свир. монастыря, № 43 (62). Торжественник за целый год. Полуустав. XV в., 1⁰, в два столбца, 165 л. Рукопись содержит слова св. Иоанна Златоустаго на различные праздники, Житие Симеона Столпника, Сказание Афродитиана о бывшем чуде в Персидстей земли, мучение 40 мучеников, Житие св. Алексия, человека Божия, Мучение св. вмч. Георгия, Пренесение святых мощей святителя Николая, Память святого благоверного царя Константина и матери его Елены. Имеется полистная запись: «Книга Кожеозерского монастыря»⁵⁸.

5. Собр. Алекс.-Свир. монастыря, № 17 (78). Правила соборов и святых отцов. Полуустав. XV в., 4⁰, 161 л. На переплетном листе запись: «Книга, глаголемая Правила, Кожеозерского монастыря»⁵⁹.

6. Собр. Алекс.-Свир. мон., № 24 (73). Диоптра Филиппа философа. Полуустав. XVI в. 4⁰. 435 л. «Книга, рекомая Зерцало, Кожеозерского монастыря».

7. Арх. С. 171 (1206). Пролог с сентября по февраль, XVI в., 1⁰, 400 л. По листам запись: «Книга Кожеозерского монастыря»⁶⁰.

8. Собр. Алекс.-Свир. мон., № 23 (59). Симеона Нового Богослова слова и главизны об иноческой жизни. Полуустав. 1614 г., 4⁰, 220 л. В конце рукописи приписка: «начата бысть писана сия богодухновенная книга лета 122-го (1614) апреля 25 числа, а совершена того же лета октября в 12 день»; полистная владельческая запись: «Сия книга Кожеозерского Богоявленского монастыря»⁶¹.

9. Собр. Алекс.-Свир. мон., № 31 (66). Житие Феодора Едесского, поучения и послания аввы Дорофея. Полуустав. 1619 г. 4⁰. 198 л. В конце рукописи послесловие переписчика: «Лета 7127-го (1618/19) написана быша сия книга преподобных отец Феодора, епископа Едесского, и аввы Дорофея, близ окияна моря, в новосозданныя Кожеозерския пустыне недостойным именоватися священническим именем, иноком Ануфрием». На переплетном листе запись: «Сия книга Кожеозерского монастыря. Подписал Иван Афанасьев своею рукою 1709 г. марта 1»⁶².

10. Собр. Алекс.-Свир. мон., № 50 (60). Иоанн Дамаскин. Грамматика и философия в переводе и с предисловием Иоанна Екзарха. Слово Кирилла философа о мытарствах. Полуустав. XVII в., 8⁰, 103 л. Имеется полистная вкладная запись: «Лета 7183-го (1675) иуния 2 день свягаго Богоявления Господня Кожеозерского монастыря постриженник, монах Боголеп Львов, отказал сию книгу осьмичастную в Кожеозерской [монастырь] вечнаго ради своего памяновения и будущаго ради покоя»⁶³.

11. Собр. Алекс.-Свир. мон., № 41 (70). Агиографический сборник с житиями свв. Онуфрия Великаго, Феодора Едесского, Иоанна Колодезника, папы Климента Римского, Иоанна Дамаскина и Саввы Освященного без конца. Полуустав. Конец XVII в. 4⁰, 350 л.⁶⁴ [Возможно, рукопись из личной библиотеки Кожеозерского игумена Павла].

Рукопись из описания Н.И. Петрова:

12. ИР НБУ, собр. Киево-Софийского собора, № 224⁶⁵. Кормчая. 1⁰. 17+372 л. Имеется запись на передней доске: «Сия святая книга, глаголемая Кормччия старца Боголепа Лвова келейная 5 рублев, 5 алтын»⁶⁶.

Печатные книги:

13. ОРК БАН. 326 сп. Триодь Цветная. М., Печ. двор. 6. 01. 1660. 2⁰ (Зернова, 283). Полистная вкладная запись: «Лета 170-го (1662) году июня 5 день книга сия, глаголемая Треоть цветная, отдана вкладу по родителех от боярыне Анны Ильиничны ... в Каргопольской уезд в пустыни Кожозерской монастырь. А хто те книги ис тово монастыря никуда не уносит, будет, покамест свет стоит, а подписал тое книгу человек ее, Семен Черкасов»⁶⁷.

14. ОРК Петрозаводского государственного университета. НБ № РК 8734. Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. Часть 1 (Беседы 1-45). М., Печ. двор. 1664. 2⁰ (Зернова, 309). Полистная вкладная запись: «... и Спаса нашего Исуса Христа в Кожеозерский монастырь, отходя сего света при смерти своей, отказал сию, глаголемую книгу Беседы евангелския, того же Кожеозерского монастыря постриженник, монах Боголеп Львов, вечнаго ради своего помяновения и будущаго ради покоя»⁶⁸.

15. ОРК БАН. 681 сп. Иоанн Златоуст. Маргарит. М., Печ. двор. XII. 1698. 2⁰ (Зернова, 484). Полистная вкладная запись: «Лета 7220-го (1712) году апреля в 11 день Соловецкаго монастыря постриженник иеродиакон Гавриил, родом Бажанин, положил сию книгу вкладом в дом Свягаго Богоявления Господня

в Кожеозерской монастырь и обители же тоя, да никто же да дерзнет сию книгу продати, доколе благоволит Бог обители в состоянии быти»⁶⁹.

16. ОРК БАН. 309 сп. Пролог, первая половина [сентябрь—февраль]. М., Печ. двор. 17. VIII. 1661. 2⁰ (Зернова, 290). Полистная вкладная запись: «Лѣта 7191-го (1682/83) году сию книгу дал вкладом пролог месяц сентебрий, октобрий, ноембрий в Кожеозерскую пятину Троицкого монастыря черной поп, Досифей Парской, вечного ради своего поминания и будущего покоя, хто сию книгу продаст или заложит, или даром отдаст, и того властелина судит Бог»⁷⁰.

17. ОРК БАН. 1385 сп. Ирмологий с месяцесловом. М., Печ. двор. VIII. 1673. 4⁰ (Зернова, 337). Полистная вкладная запись: «Лѣта 7188-го (1680)-го мая в 26 день сию книгу, Ирмологий, дал вкладом [в дом] Святаго Богоявления Господа и Спаса нашего Иисуса Христа в Кожеозерский монастырь клирик, монах Арсений, по своих родителей вечного ради поминания и будущаго ради покоя». На внутренней стороне верхней крышки переплета: «Лета 7188-го (1680) мая в 26 день сию книгу, глаголемую Ирмологий, дал вкладом в дом Святаго Богоявления Господа и Спаса нашего Иисуса Христа в Кожеозерский монастырь клирик монах Арсений по своих родителей вечного ради поминания и будущего покоя»⁷¹.

18. ОРК РГБ. Собр. Чуванова, № 149. Святцы. М., Печ. двор. 6. XII. 1646. 4⁰ (Зернова, 193). Полистная вкладная запись: «Лета 7156-го (1647/48) сию книгу дал вкладом в дом святаго Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в Кожеозерской монастырь старец Боголеп Львов по брате своем родном, по иноке Герасиме, вечнаго ради поминания и будущаго ради покоя»; далее другим почерком, скорописью: «Сию же книгу з братцкога совета продал игумен Анания того ж Кожеозерскаго монастыря княженину Стефану Денисову, взято двадцат шесть алтын, четыре денги, подписал своею рукою 204-го (1695/96) году»⁷².

¹ См.: *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. СПб., 1912; *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977; *Рыжова Е.А.* Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000 и др.

² *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890.

³ В Кожеозерском монастыре долгое время хранился Синодик с именами государей, патриархов, донаторов обители различных социальных слоев, иноков обители и их родственников. Из краткого описания Синодика, сделанного свящ. Н. Таушевым в 1884 г., известно, что «со времени основания Кожеозерского монастыря и до его упразднения в 1764 г. перебивало в нем 346 иноков». К сожалению, Синодик со всеми ценными сведениями о вкладчиках, иноках монастыря и их родах сгорел в монастырском пожаре 1884 г. уже в восстановленной обители (см.: *Никандр, епископ.* О синодиках Кожеозерского монастыря. Архангельск, 1895).

⁴ См.: ОИРК ГЭ: инв. № ЭРБ-62, середина XVII в., л. 1. Рукопись была приобретена Эрмитажем у выдающегося реставратора живописи, собирателя памятников старины, старообрядца Ф.А. Каликина (1876—1971 гг.) (см.: *Косцова А.С.* Каликинский экземпляр первопечатного Апостола в собрании Эрмитажа // Книжный знак. Владельческий символ и произведение искусства. Материалы докладов научной конференции. СПб., 2004. С. 40). Книга вкладов Кожеозерского монастыря была издана в факсимиле (см.: *Вкладная книга Кожеозерского монастыря* / Подг. А.С. Косцовой. В 2-х кн. СПб., 2008).

⁵ Об этом говорят вкладные записи, не всегда выстроенные в порядке хронологии, отсутствие информации о вкладах ранее 1596/97 г. и др. По мнению А.С. Косцовой, в монастыре «работа по редактированию и упорядочению старых вкладов была завершена к 1654 г.» (см.: Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 2. С. 23).

⁶ БАН, Арх. Д. 405, л. 1–9.

⁷ Там же, л. 1.

⁸ Полное название списка Второй редакции — «Сказание о зачатъ места святяя обители Кожеозерскаго монастыря и о житии блаженныхъ создателей и предивныхъ строителей пустыни сея, священноинока Нифонта и инока Серапиона» (см.: РНБ. Соловецкое собр., № 182/182, л. 20).

⁹ Там же, л. 21 об.

¹⁰ Там же, л. 19.

¹¹ БАН, Арх. Д. 405, л. 58.

¹² Там же, л. 8.

¹³ Начиная с В.О. Ключевского, исследователи выделяли две редакции памятника (см.: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. СПб., 1871. С. 334–335; *Никодим, иеромонах (Кононов)*. Преподобный Никодим, пустынножитель Хозьюгский, чудотворец Кожеозерский. СПб., 1900; *Соколова Л.В.* Житие Никодима Кожеозерского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 374–377). В настоящее время известно три кратких редакции Жития преп. Никодима — Первоначальная, Проложная и Виршевая (см.: *Поляева Е.А.* Краткая редакция Жития Никодима Кожеозерского в книжно-рукописной традиции XVII в. // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 241–255; *Рыжова Е.А.* Виршевые редакции севернорусских житий // *Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика*. СПб., 2005. С. 211–216, 233–234), две Пространных редакции и Особая. При возобновлении в конце XIX в. соловецкими монахами Кожеозерской обители, ее пострижник, инок Феодосий, будущий игумен Веркольской пустыни, составляет еще одну редакцию жития: ГААО (Государственный Архив Архангельской области), 20 р Ц (542), около 1858 г., л. 8–44 об. (см.: *Поляева Е.А.* Житие Никодима Кожеозерского в древнерусской агиографической традиции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 12–19).

¹⁴ В конце Соловецкого списка имеется писцовая запись: «*написанъ 1741-го года декабря 21 дня тициемъ и труды тмѣвъ в Кожеозерком монастыре*» (см.: РНБ, Соловецкое собр., № 182 / 182, л. 85). Литеры *тмѣвъ*, под которыми скрывается имя писца, пока нам не удалось расшифровать. Что касается сборника Антониево-Сийского монастыря (БАН, Арх. Д. 405), он, возможно, был составлен иеродьяконом Афанасием Сийским — автором Виршевой редакции Жития преп. Никодима. Не исключено, что рукопись была написана иеродьяконом Сийским во время его пребывания в Кожеозерском монастыре с 1706 по 1716 гг. по делу строительства придела в честь преп. Антония Сийского (см.: Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 168).

¹⁵ БАН, Арх. Д. 405, л. 58–145; РНБ, Соловецкое собр., № 182/182, л. 24 об.—85.

¹⁶ РНБ. Соловецкое собр., № 686/744, л. 519 (см.: *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки. С. 80; *Панченко О.В.* Книжники Соловецкого монастыря XVII в. // *ТОДРЛ*. Т. 57. СПб., 2006. С. 782).

¹⁷ «Книга Симеона Новаго Богослова». 4°. Полуустав (писец — инок Боголеп (Львов)). 1-я половина XVII в. 207 л. Из библиотеки святителя Димитрия Ростовского (Синод собр. II, № 168) (см.: *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.). С. 128; *Поньрко Н.В.* Боголеп (в миру — Борис Васильевич Львов) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 141; *Панченко О.В.* Книжники Соловецкого монастыря XVII в. С. 783).

¹⁸ Здесь имеется в виду автограф старца Боголепа (Львова) 1648 г. на Евангелии (см.: ИРЛИ, оп. 36, № 36), вложенном им в Сырьинский монастырь по своим родителям, опубликованный О.В. Панченко (см.: *Панченко О.В.* Книжники Соловецкого монастыря XVII в. // *ТОДРЛ*. Т. 57. С. 783).

¹⁹ Образцы почерков ВК приведены в издании Косцовой А.С. (см.: Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 2, С. 19). По утверждению А.С. Косцовой, «вплоть до 1653/54 г. все датированные статьи вписаны основным почерком» (см.: Там же. С. 19).

²⁰ Там же. Кн. 1, л. 25.

²¹ *Спасский И.Г.* Московская математическая книга середины XVII в. и ее владелец // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 70.

- ²² Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 29.
- ²³ Вклады старца Боголепа (кроме посмертного и за учеников Арсения и Иоасафа) записаны основным почерком (№ 1), то есть, по нашему предположению, им самим.
- ²⁴ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 22–23.
- ²⁵ Там же, л. 25.
- ²⁶ Там же, л. 140 об., 143 об.
- ²⁷ По всей видимости, это — рукописный сборник, указанный А. Е. Викторovým из собрания Алекс.-Свирс. монастыря, № 50 (60) (см.: Приложение II, № 10). Обратим внимание, что в записи вкладчика книга так же называется «осьмичастной» (см.: *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. С. 182).
- ²⁸ Возможно, что «киевский» Требник есть тот самый Требник Петра Могилы (Киев, 1646 г.) с вкладной записью Боголепа 1672 г., обозначенный А.В. Пигиным в описи книг Олонецкого губернского церковно-исторического музея (НА РК, ф. 1046, оп. 1, д. 3, л. 164 об.—165). Местонахождение этого Требника на сей день не известно (см.: *Пигин А.В.* Памятники книжной старины из Каргополя в хранилищах Петрозаводска // «Рябининские чтения». Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 427–431).
- ²⁹ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 25–27.
- ³⁰ Известны книжные вклады Боголепа и в другие монастыри, например, Евангелие. М., Печ. двор, 1644 г. (ИРЛИ, оп. 36, № 36), вложенное им в 1648 г. «по себе, и по своих родителей» в Сырьинский монастырь (см.: *Панченко О.В.* Книжники Соловецкого монастыря XVII в. // ТОДРЛ. Т. 57. С. 783).
- ³¹ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 145 об.
- ³² Возможно, что указанная рукопись и есть агиографический сборник из собр. Алекс.-Свир. монастыря, № 41 (70), указанный А.Е. Викторovým (см.: *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. С. 184). Хотя рукопись не имеет записи о принадлежности Кожеозерскому монастырю, но по своему составу совпадает с упоминаемым сборником (см.: Приложение II, № 11).
- ³³ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 145 об.
- ³⁴ Там же. Кн. 1, л. 145.
- ³⁵ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, лл. 72 об., 113, 134–134 об., 136 об., 144, 148, 149–149 об., 152.
- ³⁶ Эта книга сохранилась до нашего времени — ОРК БАН. 1385 сп (см.: Приложение II, № 17).
- ³⁷ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 144 об.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 146.
- ⁴¹ Там же, л. 146, 151 об.
- ⁴² Один из указанных Прологов ныне находится в БАН — ОРК БАН. 309 сп (см.: Приложение II, № 16).
- ⁴³ Татарский царевич (Туртас хан Гавирович), привезенный в Москву в числе пленных, захваченных во время похода Ивана Грозного на Казань (1552 г.), был крещен под именем Сергей. Около 1566 г. Сергей принимает постриг с именем Серапион в пустыне на Кожеозере, находясь под руководством старца иеромонаха Нифонта (см.: *Макарий, архим. (Веретенников).* Преподобный Серапион Кожеозерский // Альфа и Омега. 1996. № 2 (9). С. 5–14).
- ⁴⁴ Старец Боголеп неоднократно посещал столицу. Так, в «Приходной книге продавца книжной лавки Московского Печатного двора Володимира Борзово» под 11 января 1650 г. зафиксирована продажа двух книг Уложения «Кожеозерского монастыря старцу Богольпу по цене два рубли» (см.: Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / Публикация документов и исследование С.П. Луппова. Л., 1983. С. 68).
- ⁴⁵ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 105–105 об.
- ⁴⁶ Там же, л. 168.
- ⁴⁷ БАН. Арх. С. 205, л. 4 об.
- ⁴⁸ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 27.
- ⁴⁹ *Бармин С.П.* Русские иконописные подлинники // Вестник Новгородского государственного университета. 2003, № 24. С. 71.
- ⁵⁰ *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 166.

⁵¹ Возможно, Сийский архимандрит Никодим сам посетил Кожеозерский монастырь в период с 1711 по 1714 гг., так как ВК фиксирует денежные вложения в строение церкви Благовещения «с трапезою» и Богоявления (см. Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 163).

⁵² Прорись образа преп. Никодима Кожеозерского из Сийского лицевого иконописного подлинника (РНБ, ОЛДП, F 88) опубликована (см.: Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 2. С. 6).

⁵³ Опись имущества опубликована В. Челмогорским (см.: Арханг. Епарх. Вед. 1901. № 23. С. 646–656).

⁵⁴ По нашим предварительным данным, Вкладная книга Кожеозерской обители фиксирует 235 книг, вложенных в монастырскую казну разными лицами.

⁵⁵ По всей видимости, книга из коллекции В. П. Ершова (см.: Приложение II, № 1).

⁵⁶ См.: *Спасский И.Г.* Московская математическая книга середины XVII в. и ее первый владелец // АЕ за 1979 г. М., 1981. С. 56–74.

⁵⁷ Книга описана (см.: Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 2. С. 13–23).

⁵⁸ *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. С. 184–185.

⁵⁹ Там же. С. 177–178.

⁶⁰ Там же. С. 36.

⁶¹ Там же. С. 181.

⁶² Там же. С. 182.

⁶³ Там же. С. 187–188.

⁶⁴ Там же. С. 184.

⁶⁵ В исследовании О.В. Панченко указано собрание «Киево-Печерского собора» (см.: *Панченко О.В.* Книжники Соловецкого монастыря XVII в. С. 785).

⁶⁶ *Петров Н.И.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Библиотека Киево-Софийского собора. М., 1904. С. Вып. III. С. 74

⁶⁷ См.: Корпус записей на старопечатных книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. / Сост. Л.И. Киселева. СПб., 1992. Вып. I. С. 105. Нам думается, что упомянутая в записи боярыня Анна Ильинична это — вторая жена влиятельного политического деятеля середины XVII в., боярина Бориса Ивановича Морозова, Анна Ильинична Милославская (по ней Морозов приходился «свояком» царю Алексею Михайловичу). В пользу данного утверждения говорит тот факт, что Б.И. Морозов был известен как активный вкладчик Кожеозерского монастыря. В частности, в 1649/50 и 1650/51 гг. он пожертвовал обители крупные денежные суммы (100 и 50 рублей) с указанием огородить на эти деньги монастырь деревянной стеной — «велел поставить около монастыря ограду древяною» (см.: Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Кн. 1, л. 9 об.). Данная печатная книга Анной Ильиничной была «отдана вкладу» на Кожеозере уже после смерти мужа (ум. 1 ноября 1661 г.) и за пять лет до своей собственной кончины (ум. 25 сентября 1667 г.).

⁶⁸ А.В. Пигин считает, что этот экземпляр Бесед Иоанна Златоуста «содержит собственноручную запись Боголепа» (см.: *Пигин А.В.* Памятники книжной старины из Каргополья в хранилищах Петрозаводска // «Рябининские чтения». Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 427–431).

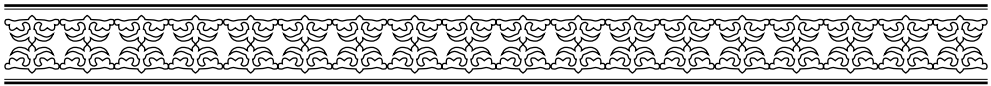
⁶⁹ Корпус записей на старопечатных книгах. С. 63.

⁷⁰ Там же. С. 109.

⁷¹ Там же. С. 131.

⁷² Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова. Каталог / Сост. И.В. Поздеева. М., 1981. С. 103–104.

Н.А. Мудрова

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ В БИБЛИОТЕКАХ СТРОГАНОВЫХ XVI — НАЧАЛА XVIII вв.

Исследование русских личных библиотек, начатое трудами С.А. Белокурова, Н.Н. Зарубина, Н.Н. Розова, С.П. Луппова, М.И. Слуховского и др. получило в последние десятилетия дальнейшее развитие. В объекты исследования включаются неизвестные ранее книжные собрания, ведется более углубленное изучение их состава, отдельных экземпляров и т. д. Одной из библиотек, к исследованию которых оказался причастен целый круг ученых, является библиотека крупнейших предпринимателей и государственных деятелей Строгановых. Проблемам реконструкции книжных собраний Строгановых XVI—XX вв. посвящено немало работ, включающих публикацию источников, каталогов выявленных книг, исследования отдельных библиотек¹, о них же говорилось на многих научных конференциях. В октябре 2008 г. в рамках Международной научной конференции «История библиотек сквозь века», организованной Российской национальной библиотекой, состоялось заседание секции по исследованию и реконструкции библиотек Строгановых XVI—XX вв.

Среди задач, стоящих перед исследователями этой уникальной библиотеки, наряду с выявлением, атрибуцией книг, публикацией источников и пр., актуальной является подготовка полного научного описания рукописных книг ранних строгановских библиотек. В настоящее время нами выявлено по опубликованным источникам и литературе, архивным описям 72 рукописные книги XIV — начала XVIII вв., принадлежавшие Строгановым во второй половине XVI — начале XVIII в. К этому числу можно добавить еще 10—11 выявленных Т.В. Анисимовой рукописных книг писцов братьев Басовых².

Больше всего рукописных книг, принадлежавших Строгановым во второй половине XVI — начале XVIII в., находится в РГБ (27 ед.)³, РНБ (23), ГИМ (12), БАН (5), РГАДА (4+ 1)⁴. Ряд книгохранилищ имеет по несколько строгановских рукописей: НБ МГУ (3), ИРЛИ (2), СПБНИИ РАН (2), РГИА (2), ПГХГ (1), НБ Казанского университета (1).

Более или менее полное опубликованное научное описание имеют приблизительно 30% выявленных книг. Важно объединить усилия исследователей-археографов и подготовить полное научное описание строгановских рукописей, которое может составить 1-й том большого исследования по реконструкции книжных собраний Строгановых.

В крупнейших книгохранилищах страны — РГБ и РНБ — хранятся пергаменные рукописи XIV вв., принадлежавшие Строгановым, ставшие вкладками в храмы. Это Апостол конца XIV в. с записью о продаже книги в 1616 г. «вдовым попом Матфеем Осиповым Никите Григорьевичу Строганову за 6 алтын 4 денги»⁵, Постнические слова Василия Кесарийского XIV в.⁶ и Паремийник

XIV в.⁷ с записями о вкладах Никиты Григорьевича Строганова в Пыскорский монастырь, Служебник XIV в., написанный новгородским писцом Федором — вклад Якова, Григория и Семена Аникиевичей Строгановых в Сольвычегодский Благовещенский собор⁸, Псалтырь XIV в., вклад тех же братьев в Пыскорский монастырь⁹.

Две части пергаменного Пролога (сентябрь—февраль и март—август) из собрания Рогожского кладбища кон. XIV (?) — нач. XV в.¹⁰ также были пожалованы в Пыскорский Девиный монастырь Никитой Строгановым.

Из рукописей XV в. весьма примечательна книга «Житие Иоанна Богослова и Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского» из собрания Рогожского кладбища РГБ¹¹, написанная, судя по языковым особенностям, вероятно, в Новгороде. На л. 1 имеется запись скорописью начала XVII в.: «Никиты Григорьева сына Строганова Апоколебписис (так! — Н.М.) Очи имети доле, а душу горе. Кому есть чести, внимати и разумети, сердечными ушима тоже разумети». Выскажем здесь предположение, что, возможно, данная запись написана рукой самого Никиты Григорьевича — крупнейшего библиофила начала XVII в., владельца большой библиотеки и активного вкладчика книг, икон и церковной утвари в церкви и монастыри не только в своих вотчинах, но и за их пределами. На л. 2–14 — запись (другим почерком) о вкладе рукописи Никитой Строгановым в соборную церковь Благовещения Сольвычегодска. Интересно, что эта запись сделана на месте более ранней, частично стертой (на л. 1–29) записи. С л. 30 по 96 можно видеть продолжение этой стертой записи: «...С Тихоном первое Часовник печатной в полдесть, второе Часословец ветчань в четверть, третее Псалтыр[ь] со псалмы избранныма литовская в полдесть, четвертое Шестодневце печатной литовской, пятое Минея общая в четверть, шестое Трефолой на вес[ь] год в десть, седмое Треод[ь] постная печати литовские с Синоксарем в десть, осмое Треод[ь], Постригалник в полдесть, девятое цветная¹² со всею поповскою розправою в четверть, десятое ся книга Апокалипсис и Богослов Иван в десть, первое а на десят[ь] Псалтыр[ь] со псалмы избранными руская в полдесть, вторая на десят[ь] Василей новой в полдесть, 13 на десят[ь] Евангел[ь]е [толковое?] печатное в десть, 14 на десят[ь] Часословец писмо руское в полдести»¹³. Можно предположить, что эти 14 книг были куплены и привезены неким Тихоном и впоследствии были вложены в Благовещенский собор Строгановыми. Многие из перечисленных названий встречаются в описи этого собора, датируемой не ранее 1592–1631 гг.¹⁴

Строгановым принадлежал Крестининский список Кормчей конца XV — начала XVI в., хранящийся в Государственном историческом музее. В книге имеется следующая запись: «Сия книга Правила святых апостол и святых отец церковной на посаде домовая Благовещения Богородицы ... (стерто. — Н.М.) и у пределов ея и святого святителя Николы и святых чудотворец безсребренник Козмы и Дамяна, положение Семена Аникеева сына да Максима Яковлева сына да Никиты Григорьева сына Строгановых»¹⁵. Данная Кормчая содержит текст Пространной редакции Русской Правды, напечатанной В. Крестининым¹⁶, а впоследствии вошедшей в академическое издание и отнесенный к Синодально-Троицкой группе, Розенкамповскому виду¹⁷.

Изучение сохранившихся до нашего времени рукописей из книжных собраний Строгановых, а также их домовых церквей, показывает, что во второй половине XVI — начале XVII в., в период наиболее активного освоения новых земель на Урале и строительства церквей солепромышленники закупами книги и заказывали их переписку писцам Сольвычегодска, Вологды, в скрипториях Москвы и, вероятно, в других местах.

В 60–70-х гг. XVI в. по заказам Строгановых переписывал книги вологодский дьякон Лука прозвищем Русин. Одна из этих книг — Маргарит, написанный крупным красивым полууставом¹⁸. Позднее этот Маргарит был дан вкладом в домовую церковь Благовещения в Сольвычегодске Яковом и его родными братьями Григорием и Семеном, о чем свидетельствует запись на полях книги¹⁹. В 1570 г. тот же Лука Русин переписал для Якова Аникиевича Строганова Патерик скитский, хранящийся ныне в собрании графа Румянцева в РГБ²⁰.

Весьма ценные для нашей темы исследования были проведены Т.В. Анисимовой. Она выявила целый комплекс рукописей, которые в конце XVI — первой четверти XVII в. переписывали писцы братья Басовы (выходцы из Твери) для представителей высшей духовной и светской власти, в том числе именитых людей Строгановых²¹. Причем, «главным заказчиком Стефана и Федора Басовых на протяжении многих лет оставался, очевидно, Никита Григорьевич Строганов»²².

Об уровне мастерства книгописного искусства Басовых свидетельствует установленный Т.В. Анисимовой факт, что «старопечатный» орнамент их книг предвосхищает орнамент печатных книг А.Т. Невежи, И.А. Невежина и А.М. Радишевского, и, вероятно, кто-то из Басовых, скорее всего, Федор, принимал участие в разработке инициалов и заставок для их печатных изданий²³.

Работы исследователей Строгановской школы иконописания показывают, что Строгановы делали заказы именно тем столичным иконописцам, чей стиль соответствовал их вкусам²⁴. Так и в случае с мастерами книги: они (главным образом, Никита Григорьевич) заказывали рукописи Басовым, славившимся особым мастерством в изготовлении нарядных книг с обилием украшений старопечатного орнамента, «фряжских» букв, декоративных деревьев и т. п.

Т.В. Анисимова предполагает, что Басовы работали в книгописной мастерской Чудова монастыря²⁵. Косвенным подтверждением этого факта является запись на переплетном листе Минеи (сентябрь–ноябрь), написанной Федором Басовым и принадлежавшей Андрею Семеновичу Строганову: «Зделана сии Минея лета 7100 (1592) июня 9 дн[я] МЯКЛИ»²⁶. Ключ к расшифровке подписи «МЯКЛИ» может быть найден при сравнении с другими рукописями скриптория Чудова монастыря. Приведем выдержку из статьи О.Л. Новиковой и А.В. Сиринова: «О том, что в Чудове в последней четверти XVI в. велись переплетные работы, говорят несколько записей самих переплетчиков, например, в рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 237 помету о переплете сделал мастер, скрывший свое имя тайнописью МАКЛИ...»²⁷.

Недавние разыскания Т.В. Анисимовой сообщают также о работе книгописцев Басовых в Троице-Сергиевом монастыре²⁸.

Не исключено, что в годы Смуты начала XVII в. Басовы (или кто-то один из них) находились в Сольвычегодске по приглашению Строгановых. В начале XVII в., не позднее 1604 г., для Никиты Григорьевича Строганова был написан Книгописный подлинник — свод образцов письма для будущих рукописей и клейм бытовых предметов. Это настоящий шедевр книгописного искусства, в котором представлены выполненные чернилами, различными красками и золотом образцы заглавных и строчных букв, заставок, вязи, скорописного и полууставного письма, разноцветной плетенки, монограмм, декоративных дерев — жезлов и т. п.²⁹ Подписи в образцах монограмм указывают на заказчика — Никиту Григорьевича Строганова. Как известно, подлинник был написан Федором Сергеевым сыном Басовым. Небольшая часть (73 строки прописные большие) написана неким Варлуком (местным жителем Сольвычегодска или служащим Н.Г. Строганова?). Запись о выполнении работы Варлуком была сделана 17 ноября 1604 г. в Сольвычегодске человеком Никиты Григорьевича Строганова Ларионом Петровым. Вероятно, Варлуком написана тетрадь, вставленная в Подлинник позднее. Инициалы в этой тетради выполнены менее профессионально, другими красками и на другой, более грубой бумаге³⁰.

Можно предположить, что рукопись, заказанная Н.Г. Строгановым писцу Федору Басову, была написана мастером в Москве или Сольвычегодске, и в работе участвовал местный сольвычегодский писец Варлук, вероятно, ученик Федора Басова.

В одной из строгановских библиотек — библиотеке Даниила Ивановича Строганова (1622–1668) находилось купленное в Москве у сотника Стрелецкой сотни Максимки Филиппова лицевое Житие святого Николая 1570-х гг.³¹ Рукопись была написана в 70-х гг. XVI в. в царской книгописной мастерской, где создавался Лицевой летописный свод, теми же писцами, которые участвовали и в написании Лицевого свода. Об этом говорит сходство бумаги, почерка, работа рисунков³². К Житию Николы чудотворца приплетено 14 листов с фрагментами книги Бытия из Хронографа ГИМ, Муз. № 358, первого тома Лицевого свода.

Особый интерес представляют певческие рукописи из библиотек Строгановых. Важное значение для нашей темы имеют работы музыковедов В.В. Протопопова³³, Н.С. Серegiной³⁴, Н.П. и Н.В. Парфентьевых³⁵, посвященные исследованию певческого искусства и певческих рукописей Строгановых, а также Н.В. Рамазановой³⁶ и Ф.В. Панченко³⁷, которые рассматривают процесс создания образцовых певческих рукописей в русском государстве в XVI–XVII вв. и касаются спорного вопроса о книгописных мастерских Строгановых в Сольвычегодске во второй половине XVI в. Споры ведутся относительно места и инициаторов создания наиболее полных по своему составу певческих рукописей конца XVI — начала XVII в. — ГИМ, Единовечерское собр., 37; БАН, собр. Строганова, 44; РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 586/843; ИРЛИ, Гемп, 70; и РНБ, собр. Погодина, 380.

Ряд исследователей (Н.С. Серегина, Н.П. и Н.В. Парфентьевы) полагают, что уже с 80-х гг. XVI в. у Строгановых существовали книгописные мастерские (горницы), в которых были созданы наиболее полные по своему составу певческие рукописи. Другие (Н.В. Рамазанова, Ф.В. Панченко) считают, что во второй половине XVI в. у Строгановых еще не было книгописной мастер-

ской, а создание наиболее полных («образцовых») певческих рукописей отражало общую политику централизации, проводимую правительством Ивана Грозного и Русской Церковью, и такие рукописи могли быть созданы только в столице — в Москве или ее окрестностях.

В одной из своих недавних работ Н.П. Парфентьев, приводя целый комплекс прямых и косвенных аргументов, обосновывает высказанное им ранее мнение о том, что книгописные горницы у Строгановых существовали уже во второй половине XVI в. Книги для них могли переписывать и в Сольвычегодске, и в Москве, где у Строгановых были свои дома. Он считает, что создание указанных выше «образцовых» певческих рукописей «с наибольшей степенью вероятности» можно отнести к строгановской вотчинной книгописной мастерской³⁸.

К сожалению, нам пока известно не так много рукописей, сохранивших имена строгановских писцов. Но выявленные рукописные книги первой половины XVII в. строгановских библиотек свидетельствуют о высоком уровне книгописного искусства у Строгановых.

В первой четверти XVII в. в центре их владений в Сольвычегодске составлялись Синодики и Родительские летописцы, Строгановская летопись, различные сборники.

Одним из наиболее интересных книжных памятников библиотеки Строгановых является историко-литературный сборник, составленный писцами их канцелярии в первой четверти XVII в.³⁹ Подробное исследование его состава, времени и характера создания, а также почерков, осуществлено Е.Н. Кушевой⁴⁰. Изучение документов строгановского архива и почерков сборника подтверждает высказанное Е.Н. Кушевой мнение, что одним из переписчиков и составителем сборника являлся строгановский канцелярист Ждан Семенов сын Воронин. Таким образом, архивист («дьячок у письменных дел») в то же время был составителем историко-литературного сборника.

Повести эпохи Смуты, включенные в состав сборника, достаточно изучены литературоведами. Значительную ценность имеют различные грамоты, тщательно переписанные строгановскими канцеляристами. Тексты грамот и отписок, направлявшихся Строгановым в Сольвычегодск, дают массу исторических сведений. Так, в копии грамоты Смутного времени за 1607 г. упоминается сольвычегодский «соборный благовещенский протопоп Лука»⁴¹. Вопрос о представителях причта Сольвычегодского Благовещенского собора важно исследовать более подробно, так как почерки составителя упоминавшейся выше описи собора и редактора «образцовых» певческих рукописей, вероятно, принадлежат одному человеку⁴².

В другом документе этого сборника называется нижегородский приказчик Никиты Григорьевича Строганова Кайбыш Карамышев⁴³. Личность Кайбыша представляет интерес в связи с поиском сведений о переводчике Лечебника строгановых лекарств. Сохранились рукописи XVIII в., в которых упоминается строгановский Лечебник⁴⁴. В одном Лечебнике упоминается имя переводчика: «Строгановых лекарство от лихие, Кайбышев перевод»⁴⁵.

Владельческая запись 1634 г. в замечательном по своему художественному оформлению певческом сборнике РГБ, собр. Овчинникова, 665 сообщает

о принадлежности рукописи Андрею и его сыну Дмитрию Андреевичу Строгановым и называет имена писцов: «... а письмо сия книга человека их, Григория Никифорова сына Базыкина, а знамя Василья Иванова сына протопопова Козлова»⁴⁶.

Григорий Никифоров сын Базыкин — дворовый человек (служащий, холоп?) Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых. Второй писец — Василий Иванов сын протопопов Козлов — не отмечен как «человек» Строгановых. В «Записной книге» Сольвычегодского Борисоглебского монастыря под 1645 г. упоминается протопоп Иоанн Козлов⁴⁷. Можно предположить, что Василий Иванов — его сын.

Две другие рукописи (ГИМ, собр. Уварова, 16 и 17), датируемые первой четвертью XVII в., представляют собой части 12-томного свода стихир, продолжающие традицию полных Стихирарей. Рукописи из собрания Уварова можно также отнести к строгановской мастерской. Это подтверждают имеющиеся в них миниатюры, изображающие святых, выполненные в традициях строгановской иконописной школы и декоративные рамки миниатюр в стиле усольского эмальерного искусства⁴⁸.

По мнению Н.С. Серegiной, все три книги написаны одними писцами, упомянутыми в сборнике Овчинникова, 665. Это подтверждает и сравнительный анализ почерков рукописей.

В первой половине XVII в., не позднее 1642 г., для Дмитрия Андреевича Строганова был написан Круг Великий миротворный «его людьми» Петром Архиповым и Панкратием Горловым⁴⁹. В 40-е гг. XVII в., не позднее 1648 г., также для Дмитрия Андреевича Панкратий Горлов переписал уменьшенную копию Круга миротворного — Святцы с пасхалией⁵⁰. Петр Архипов был одним из писарей-канцеляристов Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых. Он, в частности, являлся одним из переписчиков «Раздельных книг между именитыми людьми Андреем и Петром Семеновичами и Иваном Максимовичем Строгановыми» 1629–1642 гг.⁵¹

Сохранилось много принадлежавших Строгановым богослужебных и четьих рукописей, переписывавшихся как одним, так и целой группой писцов. Подробное их описание позволит, возможно, определить место создания этих рукописей.

Приведем примеры коллективной переписки рукописей. Канонник 1600(?)–1601 г. из собрания Мазурина в РГАДА⁵² написан полууставом нескольких почерков, а редактировал рукопись (писал оглавление, добавления и пометы, возможно, сплошную нумерацию тетрадей) писец, составлявший с середины 90-х гг. XVI в. по начало XVII в. опись Сольвычегодского Благовещенского собора⁵³. А.А. Турилов отождествил Канонник с одной из книг, учтенных в этой описи⁵⁴.

Коллективно переписывалась рукопись «Службы святым» конца XVI в. — вклад Никиты Григорьевича Строганова 1592 г. в тот же собор⁵⁵. Н.С. Серegiной эта книга названа Минеей, совпадающей по месяцеслову с полными строгановскими стихирарями и изобилующей сведениями исторического характера, действительно почерпнутыми из летописей⁵⁶. Рукопись написана на однотипной бумаге конца XVI в. К сожалению, не удалось рассмотреть водяные знаки бумаги, т. к. по большей части они уходят в переплет. На не-

которых листах видна нижняя часть филиграни «Кувшинчик». В рукописи можно выделить девять или десять почерков, хотя, возможно, писцов было меньше, а почерки менялись вследствие ускорения скорости письма или смены пера и чернил.

Отметим Торжественник конца XVI в., принадлежавший также Никите Григорьевичу и вложенный им в тот же домовый Благовещенский собор в 1611 г.⁵⁷, о чем свидетельствует запись по л. 1–13, 37–40. Вероятно, эту рукопись можно отождествить с книгой, отмеченной в описи Благовещенского собора: «Соборник (Цамблак⁵⁸) Слова торжественные на праздники Владычни и великим святым, а глав в ней 18, в полдесть, положение Никиты Строганова»⁵⁹. Торжественник переписан несколькими чередующимися полууставными почерками. Больше всего листов переписано 1-м, 2-м и 3-м почерками. Каждый писец начинал с новой главы и писал на особой бумаге⁶⁰. Последний лист или его оборот в тетради, которую заканчивал переписывать каждый из писцов, зачастую оставался чистым. К сожалению, не все филиграни Торжественника удалось идентифицировать, поэтому можно говорить лишь о приблизительной датировке рукописи. Исходя из исследования водяных знаков бумаги, частой смены почерков и характера рукописи, можно заключить, что основной блок Торжественника переписывался приблизительно в одно время четырьмя писцами в 80–90-е гг. XVI в. Окончательно оформлен сборник был, вероятно, в начале XVII в. При формировании кодекса в него вошел фрагмент либо из старой рукописи, либо написанный 1-м писцом на старой бумаге (л. 307–317, с филигранью «Голова быка»). В XVIII или XIX в. Торжественник заново переплетался, и тогда, вероятно, были переставлены некоторые тексты и вставлено Слово похвальное Иоанна Златоуста об Андрее Первозванном (л. 98 об.–104 об.).

Итак, вторая половина XVI — начало XVII в. — переходный этап, период становления собственного книгописания в сольвычегодских вотчинах Строгановых. В это время рукописи ими приобретаются, и заказывается их переписка как в сольвычегодской «провинции», так и в столице. На этом этапе значительную роль играла ориентация Строгановых на книгописные мастерские Москвы и опыт мастеров, трудившихся в Москве. Возможно также, что в годы Смутного времени некоторые книгописцы из Москвы (например, мастера тверского происхождения Стефан и Федор Басовы) были приглашены Строгановыми в Сольвычегодск и работали какое-то время там, подобно тому, как в период Смуты некоторые московские иконописцы много писали по заказу Строгановых в Сольвычегодске и сотрудничали со строгановскими художниками.

Что касается дальнейшего развития книгописания в первой половине XVII в., то источники свидетельствуют о наличии у Строгановых в это время собственных мастеровых (крестьян, дворовых людей), создававших историко-литературные сборники и другие книги, в том числе замечательные орнаментированные рукописи с миниатюрами, выполненными в традициях Строгановской иконописной школы.

Из более поздних рукописей строгановских библиотек отметим «Муסיкийскую грамматику» («Идея грамматики муסיкийской») 1679 г., составленную и переведенную на славянский язык композитором Николаем Дилецким,

и поднесенную автором именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову⁶¹. На последнем листе книги — автографы автора и переписчика: «Николай Дилецкий творец, Василий Резанец писец»⁶².

По заказу того же Григория Дмитриевича был написан роскошный Синодик 1703 г., украшенный фронтисписами и заставками растительно-цветочного орнамента («московское барокко» с переходными элементами к поморскому орнаменту), выполненные разноцветными красками и золотом⁶³.

Особо хотелось бы упомянуть об уникальном сборнике поучений «Статир», составленном в центре строгановских вотчин Орле-городке в 1684 г., предположительно, священником Потапом Прокопьевым Игольнишниковым⁶⁴. Рукопись, возможно, и не принадлежала библиотеке Г.Д. Строганова, но написана была автором, им приглашенным в свою резиденцию вести службу и читать проповеди в соборной церкви Похвалы Богородицы. Имя благодетеля — «зельного благочестия рачителя», «вселюбезнейшего церковнокрасителя», «благохотного строителя» и «боголюбивого господина» Григория Дмитриевича Строганова автор запечатлел в своем предисловии к книге. В настоящее время ведется работа по подготовке «Статира» к изданию.

Выявлены пока не все сохранившиеся книги многочисленных строгановских библиотек. Известны, главным образом, рукописи, имеющие вкладные записи. Книги же, находившиеся в их личных собраниях, по большей части пока скрыты в фондах библиотек, музеев и архивов. И обнаруживаются они благодаря исследованиям специалистов, работающих по своим темам. Так были найдены строгановские певческие рукописи музыковедом Н.С. Серegiной, а Т.В. Анисимовой были обнаружены книги, написанные Басовыми для Никиты Григорьевича Строганова. Работа по полному научному описанию рукописных собраний наших книгохранилищ позволит отыскать и другие рукописные шедевры из библиотек уникального рода Строгановых.

Книги именитых людей могут находиться в зарубежных книгохранилищах и частных коллекциях. Так, например, в Папском восточном институте в Риме хранится Устав Иерусалимский, датируемый не позднее 1577 г., с записью о вкладе книги в Сольвычегодский Благовещенский собор Яковом, Григорием и Семеном Строгановыми⁶⁵.

Таким образом, краткий обзор некоторых рукописных памятников, принадлежавших именитым людям, свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования библиотек Строгановых, полного научного описания принадлежавших им книг, изучения почерков рукописей, а также выявления неизвестных ранее книг и документов, которые помогут представить более полную картину книгописания в вотчинах Строгановых.

¹ Подробно см.: *Мудрова Н.А.* Библиотеки Строгановых XVI–XX вв. (к организации межрегионального научно-исследовательского проекта) // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Сборник материалов Второй Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции / Науч. ред. Н.П. Парфентьев. Челябинск, 2005. С. 76–89.

² *Анисимова Т.В.* 1) Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI — начала XVII века) // От Средневековья к Новому времени. Сб. ст. в честь О.А. Белобровой. М.,

2006. С. 587–608; 2) О новонайденных рукописях строгановских писцов Басовых // История библиотек: Исследования, материалы, документы. Сб. науч. ст. / РНБ. СПб., 2010. Вып. 8. С. 264–277.

³ Из этих 27 рукописей 18 имеют следы принадлежности Строгановым, а 9 можно отнести к их библиотеке на основании исследований Т.В. Анисимовой.

⁴ К четырем уже известным ранее рукописям Строгановых из собраний РГАДА можно отнести еще Торжественник триодный (РГАДА. Ф 187. № 80), принадлежавший Благовещенской Каргопольской пустыни; но, предположительно, написанный Басовыми для Н. Г. Строганова (см.: *Анисимова Т.В.* Рукописи московских писцов Басовых... С. 594, 600–601).

⁵ РНБ. ОСРК. Q.п.1.5. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. М., 1984. № 427 (описание и библиография); *Мудрова Н.А.* Каталог сохранившихся книг именитых людей Строгановых // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. Екатеринбург, 1994. № 1. Прежняя датировка рукописи XIII в. уточнена А.А. Туриловым, см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская) / Отв. ред. А.А. Турилов. М., 2002. Приложения I. С. 587.

⁶ РНБ. ОСРК. F.п.1.40. *Гранстрем Е.Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л., 1953. С. 38; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 2.

⁷ РНБ. ОСРК. Q.п.1.14. *Строев П.[М.]*. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке ... графа Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 432; *Гранстрем Е.Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей... С. 50; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 3.

⁸ РНБ. ОСРК. Q.п.1.7. *Строев П.[М.]*. Указ. соч. С. 437; *Гранстрем Е.Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей... С. 54; *Вздорнов Г.И.* Рукописи новгородского писца Федора (1400 г.) // ПКНО, 1974. М., 1975. С. 256–257; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 5.

⁹ РГБ. Ф. 205 (собр. ОИДР). №№ 167. *Строев П.[М.]*. Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 59–60; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 4.

¹⁰ РГБ. Ф. 247 (собр. Рогожского кладбища). №№ 510 и 511; *Шеламанова Н.Б.* Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 264 (№ 1371, 1369); Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2 (1917–1947). С. 50; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 6, 7.

¹¹ РГБ. Ф. 247 (собр. Рогожского кладбища). №№ 1. Перв. четв. XV в. Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции: каталог выставки. М., 1995. С. 31, 40–42.

¹² Пропущенное слово «Треод[ъ]» находится в записи перед словом «Постригалник»; очевидно, это результат перестановки листов при переплетении книги.

¹³ См. также: Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции: каталог выставки. С. 31, 40–42. В данном описании две записи — о вкладе Н.Г. Строганова и более ранняя, частично стертая, прочитаны как одна.

¹⁴ РНБ. Собр. Рус. Археологического об-ва. № 26. *Савваитов П.И.* Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них // ПДПИ. СПб., 1886. Т. 61. С. 5–108. Датировка описи уточнена А.В. Силкиным, см.: *Силкин А.В.* Строгановское лицевое шитье. СПб., 2002. С. 137–152.

¹⁵ ГИМ. Музейское собр. № 798. Л. 2–10, 16, 17; Правда русская. М.; Л., 1940. Вып. 1. С. 208–209.

¹⁶ Выпись из рукописной книги Кормчии, старинного вычегодского списка, сообщенная от корреспондента Академии наук, Василия Крестинина // Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1788. Ч. 3. С. 1–47; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 9.

¹⁷ Правда русская... Вып. 1. С. 208–209.

¹⁸ РНБ. ОСРК. F.I.213. Л. 500 об.; *Строев П.М.* обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке... Ф.А. Толстого... С. 26; *Стасов В.* Славянский восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887. С. 33.

¹⁹ РНБ. ОСРК. F.I.213. Л. 2–16.

²⁰ РГБ. Ф. 256 (собр. Румянцева). № 307; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 24.

²¹ См.: *Анисимова Т.В.* 1) Рукописи московских писцов братьев Басовых... С. 587–608; 2) О новонайденных рукописях строгановских писцов братьев Басовых С. 264–277.

- ²² *Анисимова Т.В.* Рукописи московских писцов братьев Басовых... С. 607.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: *Гра Е.А.* Иконопись сольвычегодских «иконных горниц» Строгановых // Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков (По материалам реставрационных работ ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря): Каталог-альбом / Сост. М.С. Трубачева. М., 2003. С. 297.
- ²⁵ *Анисимова Т.В.* Рукописи московских писцов братьев Басовых... С. 602.
- ²⁶ ГИМ. Собр. Уварова. № 15 (8^я). В аббревиатуре «МЯКЛИ» каждая буква находится под титлом.
- ²⁷ *Новикова О.Л., Сиренов А.В.* Сделано в Чудове // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 450.
- ²⁸ *Анисимова Т.В.* О новонайденных рукописях строгановских писцов братьев Басовых С. 268–275.
- ²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 160. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 182, 454, 455; *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М, 1962. С. 186, 214; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 58; *Маркелов Г.В.* Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 684–699; *Анисимова Т.В.* Рукописи московских писцов братьев Басовых... С. 603–605; *Парфентьев Н.П.* О деятельности строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Челябинск, 2007. Вып. 5. С. 118–119.
- ³⁰ См.: *Анисимова Т.В.* Рукописи московских писцов братьев Басовых ... С. 604.
- ³¹ РГБ. Ф. 37 (собр. Большакова). № 15. Л. 4–28; Описание рукописи см.: *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков: В 3-х ч. СПб., 1899. Ч. 1. С. 317–318; *Георгиевский Г.П.* Рукописи Т.Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915. С. 9; Литографическое изд.: Житие Николая Чудотворца. Издание Общества любителей древней письменности. № 281, 40. СПб., 1878–1882; *Султанов В.* Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях: Исследование по рукописи XVI века: «Житие Николая Чудотворца» с 16-ю таблицами рисунков // ПДП. 1881. Вып. 8 (171). С. 1–2; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 25.
- ³² *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописцы XVI–XVII веков. М., 1980. С. 204, 206, 215–220, 239–240; *Амосов А.А.* К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 6–36; Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н.Н. Зарубин; подгот. к печ., примеч. и доп. А.А. Амосова. Л., 1982. С. 102–104; *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 15–16; *Богданов А.П., Пентковский А.М.* Житие Николы в Лицевом летописном своде // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 92–108; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. — Я. Л., 1989. С. 31–32; *Морозов В.В.* 1) О методике изучения филиграней Лицевого летописного свода // Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. Л., 1990. С. 87–96; 2) Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 12, 80; *Неволин Ю.А.* Житие Николая Чудотворца // Лики летописи: К 70-летию доктора исторических наук В.В. Морозова. М., 2010. С. 63–73.
- ³³ *Протопопов В.В.* 1) Николай Дилецкий и его «Музыкальная грамматика» // Памятники русского музыкального искусства. М., 1979. Вып. 7. С. 509–610; 2) Нотная библиотека Строгановых в Сольвычегодске 1627 г. // ПКНО, 1981: Ежегодник. Л., 1983. С. 182–186.
- ³⁴ *Серегина Н.С.* Певческие рукописи из книгописной мастерской Строгановых конца XVI — первой половины XVII в. // ПКНО. 1986: Ежегодник. Л., 1987. С. 202–209.
- ³⁵ *Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В.* Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII веков. Челябинск, 1993; *Парфентьев Н.П.* О деятельности Строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Челябинск, 2007. Вып. 5. С. 100–141.
- ³⁶ *Рамазанова Н.В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве. СПб., 2004.
- ³⁷ *Панченко Ф.В.* Стихирарь конца XVI в. из собрания С.Г. Строганова // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2006. С. 206–305.
- ³⁸ См.: *Парфентьев Н.П.* О деятельности Строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. С. 138.
- ³⁹ РНБ. ОСРК. О.IV.17.

⁴⁰ Кушева Е.Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, 1926. Т. 5, вып. 2. С. 21–39. См. также: *Введенский А.А.* 1) Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924. С. 23–29; 2) Библиотека и архив Строгановых в XVI–XVII вв. // Север. Вологда, 1923. Кн. 3–4. С. 72–73, 102–104; 3) Дом Строгановых в XVI–XVII веках. С. 10–11.

⁴¹ См.: Кушева. Указ. соч. С. 29.

⁴² Данное предположение высказано в нашей статье: *Мудрова Н.А.* Провинциальные и столичные тенденции в книгописании у Строгановых во второй половине XVI — первой половине XVII в. (сдана в печать в сб. материалов Международной научной конференции III Ремезовские чтения, состоявшейся 27 мая — 1 июня 2007 г. в Тобольске).

⁴³ РНБ. ОСРК. О.IV.17. Л. 540 об.—541; см. также: *Шишонко В.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Второй период с 1613–1645 г. Пермь, 1882. С. 62.

⁴⁴ См.: *Змеев Л.Ф.* Русские врачевники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1896. С. 2, 3, 77–79.

⁴⁵ Там же. С. 172–173; в настоящее время хранится в РНБ. ОСРК. Q.VI.26. См. также: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 458–459.*

⁴⁶ *Серегина Н.С.* Певческие рукописи из книгописной мастерской Строгановых... С. 204–207, 209. Украшения — заставки, рамки, киноварные инициалы, красочная миниатюра в заставке, изображающая мытаря и фарисея (л. 348); миниатюры в красках, изображающие учителя (Иоанна Дамаскина) и учеников (л. 1 об., 189 об.); декоративное дерево с подписью о принадлежности рукописи Дмитрию Андреевичу Строганову и зашифрованным в таблице именем писца (л. 78 об.).

⁴⁷ ОРКП НБ ТГУ. № В-24.779. Л. 40 об.; «Записная книга» Сольвычегодского Борисоглебского монастыря / Сост. В.А. Есипова, Н.А. Мудрова. Екатеринбург, 2009. С. 47.

⁴⁸ См.: *Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В.* Усольская (Строгановская) школа... С. 58.

⁴⁹ РНБ. ОСРК. F.I.321. Строев П. [М]. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей ... графа Ф. А. Толстого. С. 35–36; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 64.

⁵⁰ РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова). № 573. *Сметанина С.И.* Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е.Е. Егорова // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 379; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 65.

⁵¹ РНБ. Ф. 116 (Бутурлины и Строгановы). № 2. См., например, л. 101–101 об.

⁵² РГАДА. Ф. 196 (Рукописное собр. Ф.Ф. Мазурина). Оп. 1. № 651; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 47; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1. Апостол — Кормчая. М., 2005. № 74, с. 217–225.

⁵³ Это подтверждает А.А. Турилов, см. описание Канонника: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1. С. 224.

⁵⁴ См. там же.

⁵⁵ ГИМ. Собр. Уварова. № 681 (4⁰); Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. М., 1893–1894. Ч. 2. С. 150–153.

⁵⁶ *Серегина Н.С.* Певческие рукописи из книгописной мастерской Строгановых... С. 209.

⁵⁷ БАН. 21.4.4 (Нов. 928). *Черторицкая Т.В.* Об эволюции древнерусского минейного Торжественника в XVI — начале XVII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 15–24; *Мудрова Н.А.* Каталог... № 43.

⁵⁸ Испр., в описи Цыблук.

⁵⁹ См.: *Савваитов П.И.* Строгановские вклады... С. 46.

⁶⁰ Благодарю А.Г. Сергеева за помощь в исследовании филиграней рукописи.

⁶¹ РГБ. Ф. 173 (собр. МДА фонд.). № 107; *Строев П.М.* Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. С. 51; *Протопопов В.В.* Николай Дилецкий и его «Музыкальная грамматика». С. 509–610.

⁶² РГБ. Ф. 173 (собр. МДА фонд.). № 107. С. 233. Не принадлежал ли Василий Рязанец к известной плеяде (или семье) царских живописцев? Известны имена Степана Рязанца и Тимофея Рязанца, которые, в частности, рисовали для царских детей красочные книги. См.: *Богданов А.П.* Учеба царских детей XVII в. и издания государевых типографий // Федоровские чтения. 2003. М., 2003. С. 233–234.

⁶³ ПГХГ. № 1394 р. Выписка из этого Синодика опубли.: *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Пермь, 1895. Вып. 6: Первые годы после Ермака и Смутное время. С. 184–186; описание руко-

писи: *Волгирева Г.П.* Строгановский Синодик // *Искусство пермских вотчин Строгановых* / Сост. Н.В. Казаринова, Н.В. Скоморовская. Пермь, 2007. С. 201–211.

⁶⁴ РГБ. Ф. 256. (собр. Румянцева). № 411. Библиографию см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П–С. СПб., 1998. С. 271–272; Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. С. 782–783. Библиографические списки можно дополнить: *Мудрова Н.А.* Уникальный памятник культуры // *Усолье — мозаика времен*: В 2 ч. Пермь, 2004. Ч. 1. С. 121–156; *Соболева Л.С.* Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерк второй. Рукописная традиция Строгановского региона. Екатеринбург, 2005. С. 17–54.

⁶⁵ См.: *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме / Вступительная статья проф. В. Поджи. Roma, 1997 (= *Orientalia Christiana Analecta*. Vol. 255). № 3. См. рецензию А.А. Турилова на описание рукописи в журнале: *Славяноведение*. 2002. № 4. С. 119–120.

Д.Н. Рамазанова

**«ШКОЛА ПИСЬМА» ЛУКИ БОЗЕУ:
ВЫЯВЛЕНИЕ, ОПИСАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ РУКОПИСЕЙ,
ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ОДНОЙ ПИСЦОВОЙ ШКОЛЕ
(по рукописям РНБ и БАН)**

Эта работа продолжает изучение рукописей, принадлежавших «школе письма» Луки Бозеу. Первые результаты этого исследования были представлены на конференции «Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона»¹. В настоящую статью вошли результаты работы двух последних лет.

Лука Бозеу происходил с острова Кипр, однако основная его деятельность приходится на регион Дунайских княжеств, где он обосновался в 1571 г.; спустя 10 лет Лука становится епископом Бозеу, а в 1603 г. — митрополитом Угровалахии (до 1629 г.). Он известен активной деятельностью как на территории своей епископии и затем митрополии, так и в других, соседних, землях. Важным в палеографическом отношении культурным наследием Луки Бозеу, а также его друзей-каллиграфов, учеников и последователей являются написанные ими рукописи и документы, современное местонахождение которых, по большей части, связано с теми территориями, на которых действовал сам Лука Бозеу, а также писцы его «круга», то есть Христианский Восток, Балканский регион, Россия и Малороссия.

На протяжении последних лет основным был вопрос выявления рукописей этой школы письма, поскольку, с одной стороны, благодаря исследованиям Л. Политиса² и М.-Д. Зумбули³, можно было бы думать, что тема исследована исчерпывающе, но, с другой стороны, недавние работы открывают перспективы изучения распространения и бытования этого типа письма.

Тип письма, принадлежавший Луке Бозеу и его «школе», является одним из видов литургического минускула. Литургический минускул возник спустя несколько столетий после появления самого минускула как типа книжного письма, в XI в., и затем продолжал существовать, видоизменяясь, приобретая новые формы и элементы.

Одним из первых, кто обратил внимание на литургическое письмо Луки Бозеу, выявил круг рукописей и писцов, владевших этим стилем, и очертил круг проблем, связанных с его изучением, был выдающийся греческий палеограф Линос Политис⁴. Именно он вводит активно используемое в настоящее время понятие «школы письма» Луки Бозеу, объединяя всех писцов, владеющих каллиграфией Луки. Несмотря на то, что жизнь Луки Бозеу была в большей степени связана с дунайским регионом, его письмо нельзя назвать молдавоязычным, и Л. Политис отметил, что тип письма Луки Бозеу связан с традицией византийского литургического минускула, которым владел писец Феодор Агиопетритис (конец XIII в.). Исследователь противопоставлял этот стиль письма другому типу литургического минускула, существовавшему в XIV в. и относящемуся к писцовой школе монастыря Одигон⁵. Основными особенностями для со-

поставления Л. Политис считал округлость, элегантность изучаемого письма, а также склонность к крупным элементам⁶.

Начатая Л. Политисом работа была продолжена спустя почти два десятилетия греческой исследовательницей Зумбули⁷, которая посвятила отдельное исследование письму Луки Бозеу и писцов его круга; большая часть ее работы относится к изучению особенностей как отдельных элементов, так и в целом стилю каллиграфии самого Луки Бозеу и его последователей.

Также следует отметить несколько работ В.Г. Ченцовой⁸, вышедших в последнее время, где она выявляет круг документов, письмо которых успешно отождествляет с почерками «школы» Бозеу. Обнаруженные В.Г. Ченцовой грамоты позволяют расширить круг источников, связанных с деятельностью писцов этого круга, и наши представления об их деятельности.

Таким образом, исследования показывают перспективы изучения данной темы, демонстрируя необходимость ее разработки в направлениях, которые уже были нами сформулированы: они связаны, во-первых, с дальнейшим выявлением новых автографов Луки Бозеу посредством отождествления неизвестных ранее рукописей с его письмом; во-вторых, — с выявлением неизвестных до сих пор писцов, владевших каллиграфией Луки; в-третьих, — с определением новых рукописей, написанных письмом типа Луки Бозеу; наконец, — с более полным изучением кодикологических особенностей, свойственных интересующей нас школе. На этих вопросах и было сосредоточено в последнее время наше внимание.

Очертим круг рукописей школы Луки Бозеу, находящихся в хранилищах России и Украины. Зумбули, приводя все известные ей рукописи этого типа письма, указывает три кодекса, находящихся в собраниях России и Украины⁹. Однако, по нашему мнению, только два из них в полной мере можно отнести к каллиграфии Луки Бозеу: Акт об основании Московского патриархата (ГИМ, Син. греч. 339. Влад. 189) и Архиератикон БАН (БАН, РАИК. № 189)¹⁰ (рис. 1). Эти списки содержат автограф Луки Бозеу. Третья рукопись, упоминаемая Зумбули, — киевская Псалтирь (ИР НБУ, ф. 301. 1п)¹¹, написанная другом Луки Матфеем Миреоном, владевшим каллиграфией Луки Бозеу, но выполненная в данном случае его собственным письмом, не имеющим отношения к «типу» письма Луки Бозеу. В предыдущем исследовании нами указывались еще два выявленных манускрипта, принадлежащих этой школе, — одесский список Литургикона (ОННБ. 2/4)¹² (рис. 2) и кодекс из собрания РНБ (Греч. 189), не упоминавшиеся ранее среди рукописей, принадлежавших «школе» Луки Бозеу¹³.

Исследования показали, что указанными манускриптами не ограничивается круг рукописей, связанных с каллиграфией Луки Бозеу; имеются возможности для выявления новых кодексов, принадлежащих этому «типу» письма, в том числе в российских собраниях: Российской Национальной библиотеке и Библиотеке Академии наук.

Рукописи из собрания РНБ, относящиеся к «школе» письма Луки Бозеу, сохранились как полностью, так и в отрывках.

Первая рукопись Греч. 704 (рис. 3) представляет собой Литургикон, содержащий Литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого, Преждеосвященных даров и Тактикон. Подобное содержание рукописей обычно с точки зрения

применения литургического минускула, использовавшегося прежде всего для создания литургических сборников.

Вся рукопись написана одним писцом, почерк которого явно следует отнести к каллиграфии Луки Бозеу. Имя писца — иеромонах Леонтий, что следует из записи на последнем листе кодекса (л. 107).

Обращает на себя внимание прежде всего особый парадный вид кодекса с характерными для рукописей этой школы элементами украшения. Начало манускрипта и каждая глава начинаются заставкой; имеются также многочисленные средние и малые инициалы, выполненные в стиле этой школы письма; для них используются, в том числе, золотая и серебряная краски. Текст написан черными чернилами.

Интерес кодексу придают три типичных для манускриптов этого круга декорированных инициалов с растительными, зооморфными и антропоморфными элементами. Высота двух инициалов (τ (л. 24) (рис. 3), μ (л. 25 об.)) в половину листа, а третьего (τ (л. 59 об.)) — почти во весь лист. В инициалы вписаны короткие фразы с упоминанием имен, что является важным элементом, характерным для оформления рукописей, принадлежащих «школе» Луки Бозеу. Первая из записей упоминает имена иеромонахов Леонтия и Христодула: «Μνήσθητι κ(ύρι)ε Λεοντίου ιερομο(νάχου), κ(ύρι)ε Χριστοδούλου ιερομονάχου» (л. 24), в двух других указан только Христодул: «Μνή(σθη)τι κ(ύρι)ε τοῦ δούλου σου Χριστοδούλου ιερομονάχου» (л. 25 об.), «Μνή(σθη)τι κύριε τοῦ δούλου σου Χριστοδούλου ιερομοναχου καὶ τῶν γεννητορων αὐτοῦ» (л. 59 об.). В первой записи имя Леонтия вписано, по-видимому, той же рукой, что и текст кодекса, часть же записи, относящаяся к имени Христодула, и две других записи выполнены обычным скорописным греческим письмом XVII в., не связанным с каллиграфией этой школы, либо тем же писцом, но использовавшим свое обычное письмо, либо другим человеком. Декорирование рукописей этой школы письма могло предполагать, что в инициалы вписывались имена писцов кодексов¹⁴, однако этот манускрипт, помимо инициалов, содержит и колофон писца. Кем же был Христодул, если на протяжении всего кодекса наблюдается один и тот же почерк? По всей видимости, в случае с Христодулом речь идет об изографе, оформившем кодекс.

Запись писца на л. 107: «Ἐτελείωθη ἡ παροῦσα λειτουργία δια χειρὸς τοῦ ἐν ιερομονάχοις ἐλάχιστος Λεόντιος ὁ καὶ Μακεδονεὸς ετελείωθει δὲ κατὰ μῆναν ἰουνίου 26ῆ ἡμέρα τρίτη ἐνέτει 1035 ἰν(δικτιών)ος 8^{ης}» («Закончена сия литургия рукой ничтожного в иеромонахах Леонтия Македонца, закончена месяца июня 26, во вторник, в 1[6]35 году индикта 8») имеет точную развернутую датировку, однако присутствует явная ошибка в указании года. Следует предположить, что имеется в виду 1635 год, однако остальные элементы датировки не соответствуют этой дате. Так, 1635 г. не соответствует указанный 8 индикт, а также 26 июня не было вторником в этот год. Такие несоответствия не позволяют с полной уверенностью говорить о 1635 г., как о точной дате кодекса и требуют дальнейшего исследования хронологических указаний — только после них будет возможно говорить о дате написания кодекса.

Важной частью исследования рукописей «школы» Луки Бозеу является изучение кодикологии кодексов. В настоящее время еще нельзя сделать вывод о существовании каких-либо общих кодикологических элементов, свойственных рукописям этой «школы». Рассматриваемый манускрипт состоит

из 14 тетрадей по 6, 8 и 10 листов, но большая часть тетрадей — кватернионы (тетради I, III—XI — по 8 л., XII — 10 л., II, XIII — 6 л.). В рукописи присутствуют два ряда сигнатур: 1) сигнатуры первого ряда выполнены той же рукой и теми же чернилами, что и основной текст кодекса, греческой буквенной цифирью и помещены на нижнем поле последнего листа тетради и первого листа следующей тетради; 2) второй ряд сигнатур просматривается с л. 15 и до л. 97, они выполнены арабскими цифрами и расположены на верхнем поле у внутренней стороны переплета; как и в случае с первыми сигнатурами, один и тот же номер указан на последнем листе текущей тетради и на первом листе следующей тетради.

Кодекс происходит из собрания А.И. Пападопуло-Керамевса, деятельность которого была связана с теми территориями, где могли иметь хождение рукописи «школы» Луки Бозеу.

Вторая рукопись из собрания РНБ, принадлежащая «школе» Луки Бозеу, — Греч. 236 (рис. 4). Кодекс в восьмую долю листа. Вся рукопись написана одним писцом, имя которого известно из его колофона в конце книги на л. 112 об.: «Μνήσθητί τοῦ γράψαντος Θεοδοσίου Μηδείας ταπεινοῦ τοῦ μητροπολίτου 1633 ἰούνιου 21 ἡμέρα 6, ἰνδικτιόνοσ 1» («Помяни (Господи) писавшего Феодосия Мидийского, смиренного митрополита, 1633 года, 21 июня, день шестой, индикта 1»). Запись сообщает о писце кодекса митрополите Феодосии Мидийском, бывшем митрополитом с 1623—1636 гг., с точным указанием даты — 21 июня 1633 г. пятница, индикт 1.

Кодекс выполнен черными чернилами. Инициалы, а также различные заглавия, надписания, отдельные буквы выполнены красными чернилами. Элементы декора свойственны рукописям этой школы, однако не столь роскошны, как в предыдущем кодексе. Началам глав предшествуют малые и средние заставки так называемого балканского стиля.

Сигнатуры тетрадей отсутствуют.

Кодекс происходит из собрания Порфирия Успенского. Переплет сделан уже в XIX в.: картон, бумага, корешок и углы крышек переплета — кожа. На корешке золотым тиснением: «ΛΕΙΤΥΡΓΙΑ», внизу: «Α. PORFIRIOS».

Эта рукопись также имеет запись писца на л. 112 об., где упоминается Феодосий, написавший рукопись в 1633 г. 21 июня, в субботу, индикта 1.

Третий выявленный кодекс собрания РНБ, относящийся к типу письма Луки Бозеу, Греч. 424 (Рис. 5), представляет собой отрывок (2 л.) из собрания Порфирия Успенского. Это, по свидетельству самого Порфирия, «Отрывок из Литургии, писанной Синайским монахом в келлии Дамаскина в Лавре Саввы освященного в 1606 г. по Р.Х. Из верхней библиотеки сей Лавры. Лета от создания мира 7114-го». Этот заголовок помещен на картонной обложке¹⁵.

Размеры кодекса небольшие: 20,6 × 15,0 см. Филиграней на этих листах нет.

Другие выявленные рукописи, относящиеся к «школе» письма Луки Бозеу, находятся в собрании Отдела рукописей БАН.

Первая из них — кодекс из собрания А.А. Дмитриевского № 15¹⁶ (рис. 6) — представляет собой литургический сборник. Декор рукописи традиционен для этой школы: заставки и многочисленные средние и малые инициалы. Рукопись интересна тем, что частично сохранились сигнатуры тетрадей, находящиеся

на нижнем поле под началом текста; часть сигнатур срезана при переплете. Возможно, и на других рукописях, не сохранивших сигнатуры, они были расположены в тех же местах. Судя по филиграням, рукопись относится к началу XVII в. Сохранился молдовалашский переплет кодекса, вероятно, того же времени. Кроме того, на л. 50 находится владельческая помета XVII в., свидетельствующая о том, что сборник принадлежал митрополиту Филипп и Драмы Софронию (митрополит — 1651–1653).

Вторая рукопись происходит из собрания Русского археологического института в Константинополе, № 24 (рис. 7). Это — литургический сборник, содержащий литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных даров¹⁷. Особенностью рукописи является то, что текст помещен в рамку. Оформление рукописи традиционно, но преобладают элементы зооморфного и растительного орнамента.

Третья рукопись — РАИК 135 и 23. Это также Литургикон¹⁸. Рукопись имеет запись писца, где указывается его имя и дата. Писец — Меркурий, дата — 1660 г. Рукопись, содержащая столь позднюю датировку, важна для представления о продолжительности сохранения почерковой традиции литургического минускула «школы» Луки Бозеу. Следует отметить, что если почерк продолжает держаться, то украшения, судя по рукописи, к этому времени становятся более простыми, с использованием красных, синих, зеленых цветов. Чернила светло-коричневые.

И, наконец, последняя выявленная к настоящему времени рукопись в собрании БАН — это РАИК 103¹⁹ (рис. 8), сборник канонического и литургического содержания. Этот кодекс, в отличие от остальных указанных рукописей, является сборником, в котором присутствуют почерки, относящиеся к разным стилям письма. Каллиграфией «школы» Луки Бозеу выполнена только часть рукописи — л. 102–127, 128–150, 151–182.

Таким образом, в хранилищах РНБ и БАН было выявлено еще 7 кодексов, принадлежащих школе письма Луки Бозеу, 3 — в РНБ, и 4 — в БАН. Почти все эти кодексы являются литургическими сборниками. В ходе исследования просмотрены литургические сборники этого периода, а также близкие по содержанию кодексы. Некоторые из них, как, например, БАН, Дмитр. 22 или РНБ, Греч. 422, Греч. 415, написаны также литургическим минускулом, но относятся к другой «школе» письма, не связанной с каллиграфией Луки Бозеу.

Что касается выявленных кодексов школы Бозеу, то они расширяют наши представления, во-первых, о писцах, владевших каллиграфией Луки Бозеу (писцы Меркурий (РАИК 135 и 23), Феодосий (РНБ. Греч. 236), Леонтий (РНБ. Греч. 704)); во-вторых, о географии распространения этой «школы» литургического минускула (в отдельных кодексах есть упоминания о месте их написания: например, Греч. 424 — в Лавре св. Саввы под Иерусалимом); в третьих, о продолжительности использования этого типа письма литургического минускула: одна из поздних рукописей датируется 1660 г., то есть еще на протяжении более чем тридцати лет после смерти Луки имел распространение его тип письма. Изучение рукописей показало, что каллиграфия Луки Бозеу не осталась лишь одним из типов письма поствизантийского периода, но стала крупным явлением греческой книжной культуры конца XVI–XVII в.

¹ Рамазанова Д.Н. Греческая каллиграфия Балкан конца XVI — первой половины XVII в. («Школа» Луки Бозеу) // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 14–16 мая 2008 г. М., 2008. С. 149–157.

² Politis L. Persistances byzantines dans l'écriture liturgique du XVIIe siècle // La Paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 372–376.

³ Zoubouli M.-D. Luc de Buzau et les centres de copie de manuscrits grecs en Moldovalachie (XVIe–XVIIe siècles). Athènes, 1995.

⁴ Politis L. Persistances byzantines... P. 374–376.

⁵ Politis L. Persistances byzantines... P. 373.

⁶ Ibidem.

⁷ Zoubouli M.-D. Luc de Buzau ...

⁸ Tshentsova V.G. Les documents grecs du XVIIe siècle : pièces authentiques et pièces fausses. 2. Le monastère d'Hosios Loukas de Stiris en Phocide et le monastère de Saint-Nicolas à Galatz dans les années 50 du XVIIe siècle // Orientalia Christiana Periodica. 2005. Vol. 71. № 1. P. 121–184; Ченцова В.Г. Челобитная палеопатрского митрополита Феофана 1645 г. об организации греческого книгопечатания и греческой школы в Москве // Palaeoslavica. XIV. 2006. P. 77–151.

⁹ Zoubouli M.-D. Luc de Buzau... P. 259, 263, 264.

¹⁰ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5. Греческие рукописи / Сост. И.Н. Лебедева. Л., 1973. С. 117–118.

¹¹ Грецькі рукописи у зібраннях Києва. Каталог / Сост. Чернухин Е.К. Київ; Вашингтон, 2000. С. 94–95.

¹² Фонкич Б.Л. Греческие рукописи Одессы // Византийский временник. Вып. 40. М., 1979. С. 178–179.

¹³ Рамазанова Д.Н. Греческая каллиграфия Балкан конца XVI — первой половины XVII в. («Школа» Луки Бозеу)... С. 150–157.

¹⁴ Рамазанова Д.Н. Греческая каллиграфия Балкан конца XVI — первой половины XVII в. («Школа» Луки Бозеу)... С. 155.

¹⁵ Описание кодекса см.: Παπαδόπουλος-Κραμεύς Α. Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη. Τ. 2. Ἐν Πετρούπολει, 1894. № 585. Σ. 106.

¹⁶ Описание рукописи см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5. Греческие рукописи / Сост. И.Н. Лебедева. Л., 1973. С. 104.

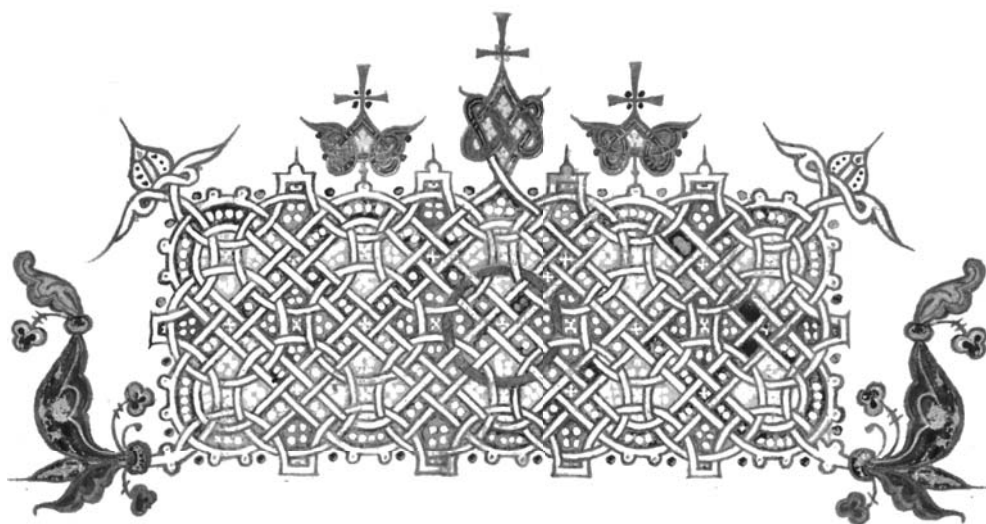
¹⁷ Описание см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. С. 135–136.

¹⁸ Описание см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. С. 132.

¹⁹ Описание см.: Там же. С. 101–102.

Часть 3

ИЗУЧЕНИЕ
РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

А.Л. Лифшиц

О ДАТЕ НАПИСАНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ ИЗ СОБРАНИЯ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ

Рукопись Архангельского Евангелия, приобретенная Московским Румянцевским музеем в 1877 г.¹ и считающаяся четвертой по старшинству точно датированной русской книгой, является одним из тех немногочисленных памятников письменности, опираясь на которые мы выстраиваем свои представления о языке Древней Руси. Нередко на эту рукопись ссылаются исследователи как на объективное свидетельство древности изучаемых явлений², что, разумеется, вполне объяснимо, поскольку точно датированных русских рукописных памятников «пергаменного» периода немного, тем более относящихся к столь раннему времени.

Общепринятая дата рукописи была освящена именами уважаемых исследователей прошлого и казалась настолько незыблемой, что за последние сто лет никто не проверял, на чем основывается уверенность в том, что рукопись была написана именно в 1092 г. Такая дата доставляла некоторое неудобство добросовестным исследователям, которые были вынуждены отмечать, например, что «во втором почерке Архангельского Евангелия 1092 года ... процесс адаптации по интересующему нас признаку продвинулся весьма далеко, дальше, чем в большинстве рукописей рубежа XI–XII вв.»³.

Но поскольку у нас крайне немного письменных источников конца XI столетия, а дата 1092 г. последовательно принималась всеми на веру и вошла во все существующие перечни древнерусских рукописей, начиная со второго издания «Древних памятников» И.И. Срезневского⁴ и заканчивая «Сводным каталогом XI–XIII вв.»⁵, то исследователям приходилось мириться со странностями этого замечательного кодекса. Следует сказать, что в данном случае филологи не были одиноки: схожие затруднения с соотношением особенностей памятника и его даты возникали и у искусствоведов⁶. Впрочем, в начале бытования рукописи как объекта научного интереса ее датировка не была столь точной и однозначной.

Книга была явлена научной общественности в 1876 г., когда, по словам комиссионера московского Румянцевского музея С.Т. Большакова, некий крестьянин привез ее из Архангельской губернии⁷. Поскольку музей колебался, следует ли платить за нее запрашиваемую сумму, то С.Т. Большаков предлагал купить рукопись еще и Императорской Публичной библиотеке, для чего послал рукопись в Санкт-Петербург. Таким образом, разные исследователи уже в 1876–1877 гг. имели возможность высказывать о ней свои суждения.

В Румянцевском музее рукопись рассматривали профессор Московского университета славист А.Л. Дювернуа, украинский публицист П.А. Кулиш и знаменитый собиратель, а в недавнем прошлом хранитель рукописей Румянцевского музея Е.В. Барсов и, по их мнению, рукопись следовало датировать 1192 г.⁸

Усердный исследователь славянской письменности архимандрит Амфилохий (Сергиевский) хитростью сумел получить рукопись на дом для исследования, изучал ее одиннадцать дней, результатом чего стала публикация описания рукописи с приложением цветных таблиц, а сама рукопись получила дату 1092 г.⁹, поскольку такая дата была прочтена архимандритом Амфилохием на л. 177 рукописи. В вышедшем издании архимандрит Амфилохий отметил существование иного мнения о времени написания рукописи: «Более меня знающие и палеографию, и филологию пусть высказывают свои мнения и суждения о ней и относят ее к гораздо позднему времени; но я, с своей стороны, заподозривать запись с годом SX не имею никакого основания»¹⁰.

Помимо названных А.Л. Дювернуа, П.А. Кулиша и Е.В. Барсова, сомнения в ранней датировке рукописи были и у других людей. Из опубликованной переписки хранителя рукописей Румянцевского музея А.Е. Викторова с И.И. Срезневским и хранителем рукописей Императорской Публичной библиотеки А.Ф. Бычковым видно, что ни один из них не был согласен с предложенной ученым архимандритом датой.

В январе 1877 г. И.И. Срезневский пишет А.Е. Викторову: «...остаюсь при домысле, что Большаковская рукопись писана в начале XIII в., может быть, в конце XII века»¹¹. На рубеже 1876–1877 гг. А.Ф. Бычков читает в Публичной библиотеке доклад о вновь найденной рукописи и датирует ее концом XII века¹². В письме к А.Е. Викторову он выражает сомнения в том, что запись относится ко всей рукописи, и добавляет: «Что касается языка рукописи, то ... следует обратиться к скромным Евангелиям XII–XIII века, где встречаются многие его особенности»¹³.

Но кириллическая цифирь на л. 177 рукописи Архангельского Евангелия читается довольно отчетливо¹⁴, а лист входит в состав тетради кодекса¹⁵. Примириться же с тем, что рукопись следует отнести к концу XI века, не могут ни А.Ф. Бычков, ни И.И. Срезневский.

Практически сразу было выяснено, что кодекс распадается на две части, написанные разными писцами в разной манере. Это дает возможность названным знатокам древнерусской письменности говорить о разном времени написания частей рукописи. Так, по опубликованному мнению А.Ф. Бычкова, первая часть рукописи была написана «в конце XII, если не в XIII веке», а вторая — в конце XI столетия¹⁶. То же мнение можно найти и в работе И.И. Срезневского¹⁷. То есть оба ученых *пытались не датировать* 1092 г. хотя бы часть кодекса. Отнесение рукописного текста к более позднему времени казалось им оправданным, и ни А.Ф. Бычков, ни И.И. Срезневский не видели существенного повода отказываться от своей датировки. Замечательно, конечно, что к более позднему времени они относят часть рукописи более архаичную по письму¹⁸, а во многом — и по языку¹⁹.

В дальнейшем о разновременности частей рукописи писали многие. Такого мнения придерживался, в частности, исследователь перевода евангельского текста на Руси Григорий Воскресенский²⁰. Существенно позже Н.Н. Дурново в рецензии на факсимильное издание рукописи, вышедшее в 1912 г., также датирует первый почерк памятника временем более поздним, чем второй, но (в соответствии с представлениями об истории русского языка) уже «не позже первой половины XII века»²¹.

Особняком стоит мнение А.И. Соболевского, который без каких-либо объяснений перечисляет Архангельское Евангелие вместе с памятниками русского книгописания XII столетия: «...рукописи XII–XIII в., которые не имеют в своем правописании ни новгородских, ни галицко-волынских особенностей, каковы между прочим Евангелия Архангельское, Мстиславово, Юрьевское...»²².

В первой половине 1920-х гг. Н.Н. Дурново кратко обосновывает мнение об одновременности написания двух больших частей Архангельского Евангелия²³. Несколькоми годами позже М.А. Соколова, посвятившая кодексу пространную работу, повторяет чуть более ранние по времени суждения Н.Н. Дурново²⁴. В кратком пересказе суть ее наблюдений такова: две большие части рукописи написаны одновременно, а поскольку никто не сомневается в том, что текст, выполненный четвертым писцом на л. 177, современен второй большей части, то и всю рукопись следует считать написанной в 1092 г.

Аргументацию М.А. Соколовой дополнил Н.Б. Тихомиров, опубликовавший краткое описание рукописи и пространный комментарий к этому описанию²⁵. И, по его мнению, в написании кодекса, кроме подшитого к нему листа 178²⁶, принимали участие три писца, а рукопись целиком следует датировать одним временем. Тем, которое указано в записи.

Как видно из сказанного, запись в рукописи Архангельского Евангелия в глазах исследователей оказывается значимее, чем другие данные, содержащиеся в этом замечательном письменном источнике. Те же, кто писал об Архангельском Евангелии в XX веке, в дате не сомневались и подверстывали к ней все свои построения. Так поступал, в том числе, и Н.Н. Дурново, не доверяя своим же выводам, основанным на анализе языка памятника. При этом, похоже, не будь в рукописи Архангельского Евангелия даты, ее на основании графико-орфографических, языковых, кодикологических особенностей, особенностей орнаментики²⁷ отнесли бы к первой половине — середине XII столетия.

* * *

В недавнем издании текста рукописи, которое готовила Л.П. Жуковская²⁸, запись на л. 177 приведена следующим образом, мало отличающимся от того, как ее читал архимандрит Амфилохий²⁹:

Коньча(х) азъ пе(т) томиі въ лѣ(т) ѣх [6600] презвут. грѣш(н)

Поскольку за прошедшие много лет никто этого не сделал³⁰, мы берем на себя труд по комментированию этого странного текста. Вот что надежно видно в записи сегодня³¹:

коньча(х) . [з. . (.)] . т[. . м]иі([.]) . въ лѣ(т) . ѣх°. презвут([р]) . грѣшь(н)

Начнем с того, что запись явно отличается от привычного вида подобного рода выходных записей с датами в славянских рукописных книгах по многим параметрам. Запись (или то, что считается записью) располагается на лицевой стороне 177 листа рукописи и представляет собой одну, самую последнюю на листе, строчку, которая ничем и никак не отделяется от предыдущего текста. Ей предшествует заголовок 11-го воскресного утреннего евангельского чтения и отсылка к соответствующему тексту в книге:

«еуа(г) . аї̣. ѡ(т) іѡана [пис]а(н̣) соу(б̣). Н̣»³².

Это довольно странно для рукописи, в которой нет проблем с рубрикацией и которая содержит в себе почти двести разнообразных инициалов, большую

заставку, множество киноварных заголовков, малые заставки-разделители. Заметим, что существующая в Архангельском Евангелии запись второго писца рукописи (на л. 174 об.—175), помещенная после месяцеслова, очень хорошо отличима от основного текста: она отделена орнаментальной заставкой и написана более мелким почерком.

Запись на л. 177 даже приблизительно не соответствует привычным формулярам выходных записей на рукописных книгах и едва ли может быть признана похожей на любую из известных. И самое важное: запись из Архангельского Евангелия имеет весьма странное грамматическое устройство.

Фазовый глагол в *кончахъ*, как правило, не начинает, а продолжает запись, которая может начинаться глаголом *почахъ* или синонимичным ему. В большинстве известных записей глаголу *кончахъ* предшествует рассказ о начале действия, и он употребляется во второй части фразы, после противительного союза *а*. В подобных записях также всегда есть инфинитив, обозначающий действие, фазы которого отражены в записи, обычно глагол *писати*, и прямое дополнение, как правило, *книгы* или *книжькы*. В единственной известной записи, начинающейся с глагола *кончахъ*, за глаголом как раз следует прямое дополнение³³, которое, вероятно, следует предположить и в записи из Архангельского Евангелия.

Между тем после глагола *кончахъ* всеми публикаторами читается личное местоимение первого лица единственного числа *азъ*. Ни факсимильное издание, ни оригинал не позволяют уверенно читать именно это слово³⁴, а наши знания о том, как употребляется местоимение первого лица в древнерусских текстах, делает принятое чтение весьма экзотическим.

Не так редки записи переписчиков рукописей, начинающиеся с местоимения *аз*, за которым немедленно следует имя писавшего. Но едва ли мы найдем текст, в котором бы местоимение оказывалось после глагола³⁵. Такая инверсия видится нам бессмысленной, и можно только фантазировать, зачем переписчику приходится *так* настаивать на своем участии в завершении работы над книгой.

Следующие за предполагаемым местоимением первого лица неясные слова никем никогда внятно не были объяснены. Как мы сказали, после местоимения ожидалось бы увидеть имя. А.Ф. Бычков³⁶ предлагал читать *нон Томии*, Е.Ф. Карским³⁷ предлагалось *Петр Томиин*. Но имени *Петр* там не видно, а прозвище *Томии* или *Томиин* все так же остается непонятным. Прочие варианты, вроде слова *потомный*, предложенного Л.В. Столяровой, которое должно означать «писавший после остальных»³⁸, еще менее вразумительны.

Дата, поставленная после глагола, обозначающего завершение процесса, — нормальное явление. Но в этом случае мы должны предполагать, что была и дата, относящаяся к его началу. То есть, если соглашаться с публикаторами и видеть в записи из Архангельского Евангелия именно то, что обычно видят, то придется предположить, что мы имеем дело со странной второй половиной более или менее стандартной записи, которая полностью могла бы выглядеть так: **В лето такое-то начах писати книгы сии такой-то, а кончах аз, такой-то, в лето 6600...*

То есть в лучшем случае придется нам считать, что переписчик по какой-то причине скопировал вторую часть записи протографа, приняв ее за продолже-

ние текста Евангелия. Такое предположение сняло бы вопрос о том, относится ли запись именно к Архангельскому Евангелию, но и в этом случае останется не ясно, почему *грешный пресвитер*, предположительно, согласованный с местоимением первого лица *аз*, так далеко отстоит от него, да еще между ними вставлена дата. Тот же Е.Ф. Карский, приводя запись, меняет ее части местами (*аз, грешный пресвитер, в лето...*), жертвуя научной корректностью в пользу хоть какого-то смысла³⁹.

Наконец, совсем не ясно, есть ли у записи продолжение. Текст на обороте листа 177 смыт и по смытому тексту написан иной (вероятно, XIII в.), содержащий чтение на четверг 18 недели по Пятидесятнице (Лк., зачало 23, VI, 12–19). Смытый текст никем никогда не был прочитан, видимых следов его нет. Собственно, ни рукопись целиком, ни ее части или плохо читаемые записи никогда не подвергались специальному исследованию⁴⁰.

Итак, к сожалению, очевидно, что существующие прочтения и интерпретации записи исходят из уверенности, что в древнем тексте слова и их формы ведут себя как попало, лишь бы их можно было сложить в какой-нибудь устраивающий нас смысл. Становится понятно, что дата «1092 год», по крайней мере, остается недоказанной. «А из сомнительной даты не следует извлекать никаких научных выводов», — писал в свое время В.Н. Щепкин⁴¹, и, к сожалению, повторять эту его фразу приходится нередко.

Между тем у нас есть достаточно материала для того, чтобы датировать рукопись «Архангельского Евангелия». Это особенности почерка и орфографии памятника, его орнаментика, кодикологические особенности, текстология, наконец, которая едва ли допускает возможность появления новой редакции текста в заурядной рукописи до того, как этот текст появился в репрезентативных списках. И на основании всех имеющихся данных рукопись окажется датированной первой половиной-серединой XII столетия.

Надеемся, что наша публикация послужит поводом для нового обращения к рукописи Архангельского Евангелия. Возможно, удастся прочесть испорченные части записи и последняя строчка на л. 177 обретет смысл.

¹ Рукопись хранится в Музейном собрании РГБ (ф. 178) под номером 1666. Об истории приобретения рукописи см.: *Бутина К.И.* К истории приобретения и первоначального изучения Архангельского Евангелия (Из переписки И.И. Срезневского, А.Е. Викторова и А.Ф. Бычкова) // Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Т. 25. М., 1962 (далее: *Бутина*).

² В качестве характерного примера приведем цитату из статьи Л.П. Жуковской, предваряющей публикацию текста рукописи: «Можно лишь утверждать, что Арх2 [вторая часть Архангельского Евангелия, написанная писцом Мичком, — *А.Л.*] по составу представляет полный апракос и что, следовательно, в конце XI в. на Руси полный апракос был уже известен» (Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997. С. 32).

³ *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 182–183.

⁴ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882. Стб. 32–33.

⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 43–46.

⁶ Собственно, побудительной причиной предпринятого нами небольшого разыскания стала беседа с доктором искусствоведения М.А. Орловой (Государственный институт искусствознания, Москва) об особенностях орнаментики Архангельского Евангелия.

⁷ Эти сведения невозможно проверить, но за Евангелием закрепилось название «Архангельское».

⁸ Бутина. С. 409 (письмо А.Е. Викторова И.И. Срезневскому). Вероятно, названные лица читали дату как «СҮ» 6700/1192 г., хотя «пси» там можно увидеть только при очень большом желании.

⁹ Амфилохий (Сергиевский), архим. Описание Евангелия 1092 г. М., 1877.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Бутина. С. 416. Следует обратить внимание на то, что И.И. Срезневский не ссылается на запись и, следовательно, основывает свои выводы на особенностях рукописного памятника.

¹² Там же.

¹³ Бутина. С. 417.

¹⁴ И в оригинале, и в факсимильном издании 1912 г. (Архангельское евангелие 1092 г. Издание Публичного и Румянцевского музея. М., 1912) хорошо видно графему Х и титло.

¹⁵ Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ч. I (XI в.) // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. Т. 25. М., 1962. С. 149 (далее: Тихомиров).

¹⁶ Бычков А.Ф. О вновь найденном пергаменном списке Евангелия // Сборник ОРЯС. Т. 17. СПб., 1877. С. XXXV, XLI (далее: Бычков).

¹⁷ Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882. Стб. 32–33.

¹⁸ При этом первая часть рукописи, написанная более архаичным почерком, украшена инициалами, которые исполнены рукой хорошо освоившейся с византийским орнаментом и уже адаптировавшей его к своему обиходу.

¹⁹ Так, именно в первой части рукописи встречаются асигматические аористы.

²⁰ Воскресенский Г.А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. Сергиев-Посад, 1894. С. 15.

²¹ Дурново Н.Н. Архангельское Евангелие 1092 года. Издание Румянцевского Музея. Москва 1912 / Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 705.

²² Соболевский А.И. Источники для знакомства с древне-киевским говором // ЖМНП. 1885. Ч. ССXXXVII. Февраль. С. 356.

²³ Дурново Н.Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка / Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 400–401.

²⁴ Соколова М.А. К истории русского языка в XI веке (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666) // АН СССР. Известия по русскому языку и литературе. Т. III. Л., 1930.

²⁵ Тихомиров. С. 149–152, 165–175.

²⁶ Лист 178 на самом деле входит в состав последней тетради кодекса.

²⁷ Архимандрит Амфилохий первый указал на сходство инициалов Архангельского Евангелия с инициалами Евангелия Юрьевского 1119–1128 гг. (ГИМ, Син. 1003); см.: Амфилохий. С. 5. В настоящее время более близкую аналогию специалисты видят в инициалах Добрилова Евангелия 1164 г. (РГБ, ф. 256, собр. Н.П. Румянцева, № 103).

²⁸ Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.

²⁹ Удивительно, что современные публикаторы не увидели надстрочного знака Е или Р над словом *презвут*, отмеченного их предшественниками; еще удивительнее отсутствие буквы редуцированного после Ш в слове *грѣш(н)*.

³⁰ Считать комментарием публикацию Л.В. Столяровой (Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 37–38) мы не считаем возможным.

³¹ Укажем на неотмеченный нашими предшественниками факт: между частями записи стоят точки, которые обозначают границы слов; подобным образом в русских рукописях бывают устроены, как правило, разнообразны заголовки, отсылки или уставные указания.

³² В издании 1997 г. вместо N (=50) дано K (=20). Между тем текст 11 утреннего воскресного евангелия (Ин. XXI, 15–25) читается именно в субботу перед Пятидесятницей (см.: л. 21–22 Архангельского Евангелия).

³³ Фраза из записи Изборника 1076 г. («Кончах книжки сия в лето 6584 при Святославе князи Русьскы земля, аминь»), возможно, все же не первая. Даже если согласиться с У. Федером, что

начало записи из Изборника принадлежит протографу, то и в этом случае приведенный фрагмент по смыслу продолжает запись писца Иоанна (см.: *Уильям Р. Федер*. Хиляда Години Като един ден. Живот и текстовете в православното славянство. София, 2005. С. 120–121).

³⁴ Буква после видимой графемы З не похожа на Ъ, который в это время имеет общий наклон к концу строки. С равным успехом здесь можно увидеть букву Ы.

³⁵ Кроме того, значение первого лица уже выражено самой глагольной формой и постановка местоимения — очевидная избыточность.

³⁶ *Бычков*. С. XLII.

³⁷ *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1979. С. 303.

³⁸ *Столярова*. С. 37. Это слово «Словарем русского языка XI–XVII веков», на который ссылается исследовательница, засвидетельствовано в памятниках не ранее второй половины XVI века.

³⁹ *Карский*. Там же. Тексты, подобные тексту берестяной грамоты № 607/562 («*Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць новгородьске смърде...*») все же не могут быть признаны нормальными для книжности.

⁴⁰ Разве что архимандрит Амфилохий для прочтения угасшего текста поливал оборот последнего листа рукописи (л. 178 об.) синей жидкостью из флакона, оставленного ему И.И. Срезневским, в чем сам же простодушно и признавался.

⁴¹ *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 156.

ЛАТИНСКИЕ ПОМЕТЫ
В СПИСКЕ БЕСЕД ИОАННА ЗЛАТОУСТА
НА АПОСТОЛЬСКИЕ ДЕЯНИЯ БАН, РАИК 112

Краткие научные описания рукописи РАИК 112, содержащей неполностью сохранившийся комплект Бесед Иоанна Златоуста на Деяния апостолов (42 гомилии из 55), вошли в V том серийного «Описания рукописного отдела БАН» и во второй выпуск сводного «Каталога греческих рукописей ленинградских хранилищ»¹. Минускульная греческая рукопись X–XI вв. (тип письма — Perlschrift) сохранила большое число латинских помет, выполненных полукурсивным почерком конца XIII — начала XIV в., отдельные черты которого напоминают работу средневековых итальянских нотариев². Часть помет расположена на полях рукописи, но основная их масса присутствует между строк, придавая, таким образом, тексту характер интерлинейрного. Пометы содержат переводы фрагментов греческого текста, переводы отдельных слов, а зачастую даже — конкретных словоформ. Записи тянутся до л. 133 об. (всего в сборнике сохранилось 174 л.), с 4 по 34 гомилию включительно³. От 3-й Беседы, открывающей ныне сборник, сохранилось лишь окончание, в котором пометы отсутствуют, что вполне соответствует общей схеме распределения помет во *всех* гомилиях: их всегда больше в начале текста и меньше в конце. Дело в том, что подавляющее большинство латинских глосс относится к цитируемому Златоустом тексту Священного Писания (книги Деяний апостолов и др. книг) и лишь немногие сопровождают основной текст проповедей. Чаще всего в этом случае глоссатор «по инерции» переводит несколько слов или фраз Иоанна, следующих непосредственно за разбираемой перикопой. Если авторские ремарки разрывают цитату, они также *могут* переводиться полностью или частично. Наконец, изредка пометы стоят над отдельными словами святителя, не относящимися к Писанию.

Таким образом, распределение помет на протяжении каждой гомилии почти целиком объясняется общей внутренней структурой Бесед Иоанна Златоуста: многократное, с подробным толкованием, цитирование текста Библии обычно заканчивается у него к середине (или к началу последней трети) проповеди, после чего следует морализаторский вывод и «актуализация» рассмотренного отрывка из книги Деяний применительно ко времени и месту произнесения речи⁴. Есть основания полагать, что латиноязычный читатель рукописи начал оставлять свои записи с самой первой гомилии, когда сборник был цел, но что-то заставило его прервать свою работу на 34-м Слове, и последние 40 (ущеловших) листов рукописи остались без записей. Сохранность рукописи на тот момент, очевидно, не препятствовала продолжению чтения.

Мелкий ровный почерк глосс выдает руку опытного писца. Шрифт легко читается, однако изобилует выносными буквами, суспенсиями, контракциями и лигатурами. По виду это относительно упорядоченный готический полукурс-

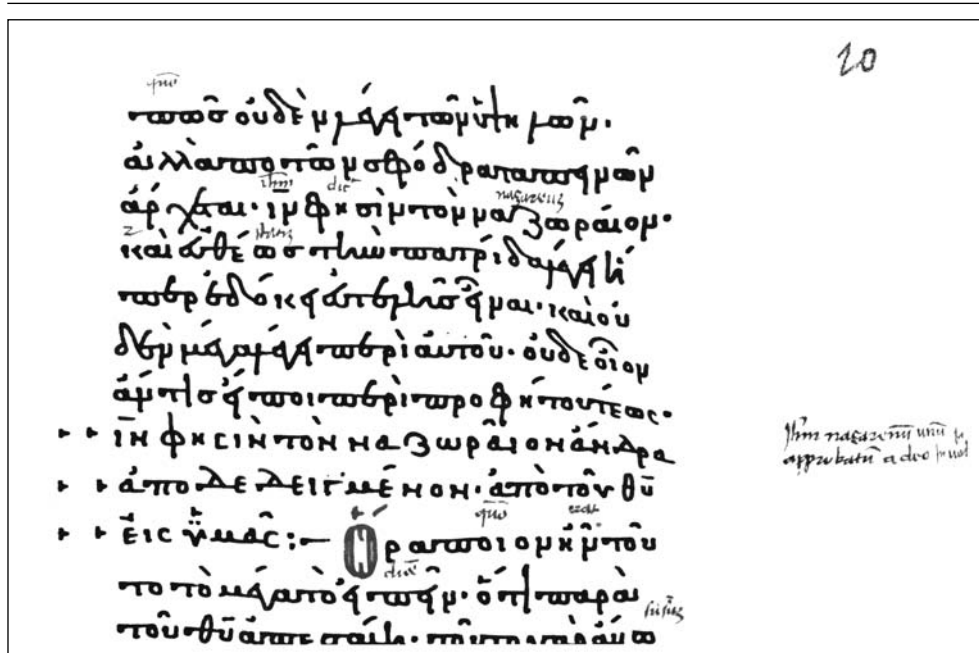

Рис. 1. Высота латинских букв чуть более 1 мм, длина выносных элементов — 2 мм, расстояние между строками (в тех случаях, когда на полях выписаны протяженные отрывки) превышает два корпуса буквы, словораздел — 1 корпус

сив XIII–XIV вв., близкий к каролингскому минускулу, но со словоразделом (в тех случаях, когда фраза выписана на поле), с нерегулярно появляющейся точкой над *i*, что говорит о сравнительно позднем, по отношению к готике, происхождении помет, но и с низкой, не поднимающейся над строкой «мачтой» *t*, что не позволяет датировать записи временем развитого гуманистического письма. Кроме того, о до-гуманистическом происхождении помет говорят многочисленные написания типа *scribe* (= *scribae*), *penitemini* (= *roenitemini*). Скорее всего, данный почерк представляет собой какую-то служебную, сильно сжатую разновидность *scripturae communis* («обычного письма»), появлявшегося в глоссах и маргиналиях книг в переходную от Средневековья к Возрождению эпоху, начиная с XII в.⁵ На «итальянский след» в происхождении помет указывают небольшие точечные утолщения на концах верхних выносных элементов *b d h l f* и «долгого» *s*, впоследствии (к концу XIV в.) превратившиеся в важный элемент каллиграфии городских и княжеских канцелярий Италии — *testegiatta*⁶. Возможно, наиболее точным названием для этого типа почерка будет термин французской писцовой номенклатуры — *lettre de note*, «письмо примечаний». Одни и те же слова, и даже в одной и той же библейской цитате, повторенной дважды и трижды⁷, могут писаться при помощи разных приемов сокращения или же целиком. Такие заметки в особо важных местах грамотный читатель греческой рукописи, скорее всего, мог оставлять для своего личного пользования или же в педагогических, наставнических целях — для ученика или подчиненного ему младшего переводчика.

Что касается содержания записей, то со всей определенностью можно утверждать, что в случае РАИК 112 мы имеем дело со следами работы человека, хорошо знавшего греческий язык и сведущего в латинской рукописной традиции Библии. Первое сравнение текста глосс с двумя широко распространенными в Средневековье латинскими версиями Библии — т. н. Вульгатой (Vulgata Nova) св. Иеронима Стридонского и его последователей (IV–V вв.) и группой более ранних (II–III вв.) переводов, объединенных под общим названием *Vetus Latina* (*Vetus Italica*, *Itala*, *Versio Antiqua* etc.), — показывает, что совпадения с названными типами текста носят лишь общий типологический характер и не являются следствием прямого копирования выдержек из Священного Писания с каких-либо имевшихся в распоряжении книжника латинских рукописей⁸. Местами читатель надписывает готовые латинские цитаты (на полях или же прямо между строк греческого текста), но чаще разбирает свой оригинал «по составу», т. е. переводит его пословно, обращая внимание не только на лексическое наполнение фраз, но и на грамматические категории греческого языка. По всей видимости, перед нами пометы образованного средневекового филолога.

Значительно меньшее количество глосс к словам и выражениям, не входящим в цитаты из Писания, а также их преимущественно случайный и зависимый характер (см. выше) свидетельствуют о том, что эта часть текста проповедей св. Иоанна интересовала книжника в меньшей степени. Хотя эти же «небиблейские» пометы говорят о сплошном чтении (или даже о подготовке перевода) сочинений Златоуста, в которых Слово Божье обычно выделено специальным знаком на полях, напоминающим наши открывающие «кавычки»⁹. Святитель, как известно, свободно манипулировал библейским литературным материалом, очень живо смешивая свои и чужие слова или же *слегка* видоизменяя цитаты в нужном ему направлении¹⁰, поэтому отрывки из Писания могли присутствовать у него в скрытом виде. И латинский книжник внимательно, «с карандашом в руке» читал Златоуста подряд, находя, по большей части, библейские цитаты и аллюзии даже там, где они пропущены (не отмечены) греческими писцами¹¹.

* * *

На данный момент (май 2010 г.) мною расшифрованы глоссы в трех первых гомилиях сборника (№ 4, 5, 6), примеры из которых представлены ниже. Интерпретация тех или иных случаев перевода, разумеется, не бесспорна и не окончательна, что подтвердила дискуссия, развернувшаяся в ходе обсуждения данного доклада на конференции «Современные проблемы археографии», проходившей в БАН 25–27 мая 2010 г.¹².

1. Лист 11, пометы между строк (подчеркивание и *курсив* мой: курсивом выделены слова Златоуста — А.К.):

	Греческий текст РАИК 112	Латинские схолии
11d, 4–7	<p>τοῦτον Ι(ησοῦ)ν ἀνέστησεν ὁ θε(εὸ)ς <i>ὅρα πῶς οὐ καλεῖ αὐτὸν ἐτέρως</i> οὐδ (= οὐδ!) παντες ἡμεῖς ἐσμεν μάρ τυρες</p>	<p>īh̄m (=Jesum) r(e)suscitauit deus loq(uitur) cui(us) no(n) om(ne)s nos erim(us) testes</p>

Если принять данный латинский перевод за окончательный («Иисуса воскресил Бог [...] *говорит он* [...] свидетелями чего не все мы будем»), то он будет

существенно различия с тем, что сказано в греческом протографе: «Сего Иисуса Бог воскресил, — *заметь, что он [Петр] не называет Его иначе!* — чему мы все свидетели» (ср. Деян. 2:32). На новое, «эсхатологическое» значение фразы, помимо появившегося отрицания *non*, наталкивает, казалось бы, будущее время латинского глагола «быть» — *erimus*. Подобного чтения не знает ни греческая, ни латинская Библия:

	Novum Testamentum Graecum	Versio Antiqua (Vetus Latina)	Vulgata Nova
A 2:32	τοῦτον τὸν Ἰησοῦν ἀνέστησεν ὁ θεός, οὗ πάντες ἡμεῖς ἐσμεν μάρτυρες.	Hunc ergo Jesum suscitavit Deus, cujus omnes nos sumus testes ¹³ .	Hunc Jesum resuscitavit Deus, cujus omnes nos testes sumus ¹⁴ .

Все же более вероятным кажется то, что здесь мы имеем дело с «двойным» переводом греческой формы *ou*, над которой в тексте стоят два знака диакритики: обложенное ударение и, ошибочно, *легкое* придыхание на месте густого, утраченного в произношении: *oû* вм. *oû̄*¹⁵. Поэтому, вероятно, читатель оставляет «на всякий случай» оба возможных варианта перевода: *cuius* (= *oû*) «чего, которого; чей» и *non* (= *oû*) «не, нет». Из получившегося подстрочника ему предстоит выбрать что-то одно¹⁶.

2. В отрывке 10с, 1–18 цитируются, с комментарием Златоуста, два стиха из 2-й главы Деяний: «Мужи Израильские! послушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знаменами, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, / Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили» (Деян. 2:22–23). Сокращаю греческий текст, ради экономии места, до одной строки; глоссы расположены над строкой:

10с, 6	καθὼς καὶ αὐτοὶ οἴδατε	sicut (et) ip(s)i uidetis (ve)l scitis
--------	------------------------	--

Над вводным предложением *καθὼς καὶ αὐτοὶ οἴδατε* («как и сами знаете») отчетливо читается двойной перевод: *sicut et ipsi uidetis vel scitis*, «как и сами видите *или* знаете». В чем тут дело? Очевидно, книжник усомнился в новозаветной форме *perf.-praes. oîdate*, в позднем произношении [*ídate*], заменившей классическую форму *2 pl. ind. ἴστε*, «узнали, знаете». Он чувствует или знает наверняка связь между глаголами *ὄρω* (*aor. εἶδον [ídon]*, «я увидел», *2 pl. εἴδετε [ídete]*) и *οἶδα [ída]*, «я узнал, знаю»¹⁷, поэтому, вероятно, и переводит форму [*ídate*] дважды, и оба раза, по-своему, «правильно». В латинской традиции форма *videtis* для этого места не зафиксирована¹⁸.

3. В следующем примере можно вновь наблюдать, как глоссатор выбирает между двумя вариантами, оставляя на пергамене оба:

12а, 14–15	οὗτος ὑμᾶς, φη σίν, βαπτίσει ἐν πνεύματι ἁγίῳ	ip(s)e nos uos baptizabit i(n) sp(irit)u s(an)cto
------------	--	--

Греческий текст, казалось бы, не дает повода для сомнений: следует читать так, как написано — *ὑμᾶς* (ср. «Он будет крестить *вас* Духом Святым [и огнем]» Мф. 3:11). Однако писец сохраняет, наряду с *uos (vos)*, параллельный вариант перевода *nos* (~*ἡμᾶς*, «нас»), памятуя, вероятно, об ошибках итацизма в грече-

ском, когда слова типа ὄμας и ἥμας, в позднем произношении [imás], не различимы на слух и часто путаются на письме. Пример, как кажется, свидетельствует об осторожности и опытности латинского книжника.

Итацизм и неустойчивая система диакритики рукописи способны были поколебать уверенность читателя в том, какой из лексических или грамматических вариантов имелся в виду. При оценке качества маргиналий 700-летней давности следует учитывать принципиально иную форму существования текста до изобретения книгопечатания. Современные издания греческих текстов (в частности, библейских) выбирают из множества имеющихся вариантов один и создают впечатление полной определенности прочтения. Конкретная греческая рукопись кажется нам грамотной, если совпадает с современным научным изданием текста. Но при отсутствии такого критерия читатель должен был сам думать о разных возможностях прочтения. Таким образом, маргиналии, сохранившиеся в РАИК 112, можно охарактеризовать как очень грамотные. Весьма вероятно, что они были оставлены кем-то, кто получил высшее богословское и(ли) филологическое образование (библиотекарь, университетский дидаскал, переводчик и т. п.).

4. Лист 10, пометы между строк:

10d, 10–11	λύσας τὰς ὠδῖνας τοῦ θανάτου (ср. «расторгнув узы смерти» Деян. 2: 24)	solutis dolorib(us) mo(r)tis (ve)li(n)f(er)ni досл. «когда были прекращены муки смерти или ада»
------------	---	--

На первый взгляд, простой пример подбора более подходящей лексемы из двух равноценных (mors, infernum). Текстологии греческого Нового Завета известно чтение ὠδῖνας τοῦ ἄδου (кодекс D — т. н. «кодекс Безы», V в., западный тип текста), перешедшее в Пешитту, бохайрские и оксиринхские («среднеегипетские») коптские рукописи и в своем латинском варианте dolores inferni («муки ада») представленное во всех veteribus testimoniis Latinis, а также в некоторых изданиях Вульгаты¹⁹ и в раннем переводе сочинений Ириней Лионского²⁰. Это «древнее», «западное» чтение, по-видимому, было хорошо знакомо читателю РАИК 112. Но в то же время он воспроизводит и первое, прямое латинское соответствие греческой словоформе θανάτου — mortis, подтвержденное, кстати, большинством списков Вульгаты. В строении фразы глоссатор следует за «литературным» иеронимовым переводом, содержащим латинский книжный оборот *ablativus absolutus*, а не за греческим текстом, синтаксис которого копирует *Vetus Latina*. Сравним:

	Textus Graecus	Vetus Latina	Vulgata Nova
A 2:24	ὃν ὁ θεὸς ἀνέστησεν, λύσας τὰς ὠδῖνας τοῦ θανάτου	quem Deus suscitavit, solvens per ipsum dolores inferni	quem Deus suscitavit, solutis doloribus mortis

Пометы надписаны над соответствующими греческими словами (λύσας — solutis, ὠδῖνας — doloribus), но не копируют, как легко заметить, их грамматическую форму.

В данном случае вновь очевидно «ученое» отношение латинского книжника к лежащему перед ним тексту. При сохранении в глоссах основного лексического состава и формального строения фразы из новой версии латинской Библии (Vulgata; независимый причастный оборот), наш читатель приводит вариант,

зафиксированный в древней западной традиции (*inferni*). Отличие его работы от современного подведения различий при публикации текстов — лишь в отсутствии ссылки на источник или указания соответствующего греческого варианта (ἄδου). Трудно сказать, знал ли он чтение ἄδου по каким-нибудь греческим рукописям, но чтение *inferni* ему совершенно точно было известно. Так, он продолжает новозаветную цитату, ориентируясь уже только на вариант *infernus*, счастливым образом совпадающий в роде с θάνατος (оба *m.*):

10d, 11–12 A 2:24	καθότι οὐκ ἦν δυνα τόν κρατεῖσθαι αὐτὸν ὑπ' αὐτοῦ (sc. θανάτου)	iux(ta) q(uo)d no(n) imp(ossibi)le erat teneri illu(m) ab eo (sc. inferno vs. morte, f.)
----------------------	---	--

Поэтому, как мне кажется, нашего читателя можно, в хорошем смысле слова, назвать «схоластиком», т. е. ученым комментатором в рамках школы, традиции, — подразумевая при этом латинскую книжную традицию²¹. Склонность к буквализму, столь характерная для схоластиков, привела, в частности, к появлению «невозможного» перевода: οὐκ ἦν δυνατόν — *non impossibile erat*.

5. Интересны случаи разной передачи одной и той же библейской цитаты, когда наряду с традиционным латинским чтением возникает некое новое, не зафиксированное в источниках. Так, пророчество Иоила об «излиянии от Духа Святого» (греч. 3:2, лат. 2:29) встречается у Златоуста в двух соседних гомилиях в разной форме. В 5-м Слове, при первом толковании стиха Деян. 2:18, оно во всем подобно латинской Библии. В 6-м Слове, при вторичном воспроизведении, оно появляется в видоизмененной форме:

	РАИК 112	6с, 39–40	11d, 41 – 12a 1–2
Деян. 2:18 = Ιωήλ 3:2 (греч., слав.) = Joel 2:29 (лат.)	ἐπὶ τοὺς δούλους μου καὶ ἐπὶ τὰς δούλας μου [...] ἐκχεῶ ἀπὸ τοῦ πνεύματός μου	sup(er) s(er)uos meos [et] ancillas [meas ... effundam de spiritu meo] (=vg., latt.)	effunda(m) de sp(irit)u meo sup(er) s(er)uos m(e)os [et] s(er)uas [meas] ²²

(в обоих случаях глоссы расположены над строкой).

«И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, [и будут пророчествовать]». Издания Вульгаты и издание *Veteris Latinae* Пьера Сабатье не дают для этого места различий к *ancillas*, поэтому вариант *servas* вполне можно считать самостоятельным — что, впрочем, до конца не отрицает возможность знакомства книжника с подобным чтением по каким-либо «маргинальным» текстам²³. Латинский читатель мог чувствовать себя свободнее от письменного текста латинской Библии при повторном цитировании и потому более стремился уяснить смысл сказанного, нежели «букву». С точки зрения внутренней формы слов, второй вариант (*servus, serva*) копирует греческий текст точнее.

6. Иногда в тексте помет встречаются типичные «книжные ошибки». На правом поле л. 7 читаем целую латинскую фразу:

7b, 3–4	ἀκούομεν λαλοῦν των αὐτῶν ταῖς ἡμετέραις γλώ σσαις μεγαλεῖα τοῦ υ(εο)υ	audivim(us) loq(ue)ntib(us) illis mat(er)nas linguas mag(na)lia dei
---------	--	---

Очевидно, вместо *genetivus duplex*, зависящего от глагола ἀκούω, переводчик выделил в греческой фразе независимый причастный оборот *genetivus absolutus*

(λαλοῦντων αὐτῶν), который и передал «адекватно» на латыни оборотом *ablativus absolutus* (loquentibus illis). И наоборот, вместо отложительного падежа обстоятельства, зависящего от причастия loquentes (maternis linguis; греч. ταῖς ἡμετέρας γλώσσαις), в своем латинском тексте употребил аккузатив (maternas linguas), что допустимо, с точки зрения синтаксиса этого языка, но не очень хорошо в данном контексте, если рассматривать получившийся отрезок как связный перевод. Как филологическое истолкование цитаты такое распределение падежей вполне допустимо.

Итак, фраза в целом изменила смысл: «когда они говорили (букв. называли, произносили) на [наших] родных языках, мы слышали о великих делах (magnalia) Бога». Общепринятый текст Вульгаты дает чтение с аккузативом сложного дополнения и аблативом обстоятельства: *audivimus illos loquentes nostris linguis magnalia Dei* (ср. *Синод. перевод* «слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих», Деян. 2:11). Иероним точно воспроизводит строение фразы, учитывая разницу в управлении греческого и латинского глаголов восприятия: ἀκούω + *род.* или *вин. надеж.*, audio + *вин. надеж.* То же, но с еще более «греческим» порядком слов (*audivimus loquentes eos...*), имеем в *Vetus Latina*:

	Vulgata Nova	Vetus Latina
A 2:11	audivimus illos loquentes nostris linguis magnalia Dei	audivimus loquentes eos nostris linguis magnalia Dei

Однако, заметим, что в целом более органичной для латыни была бы на этом месте конструкция *accusativus cum infinitivo*: *audivimus eos loqui nostris linguis magnalia Dei*²⁴.

Переводчик РАИК 112, формально копируя составляющие греческой фразы, отметил возможность другой синтаксической интерпретации текста, хотя отправной точкой для него остается текст Италы-Вульгаты (что вполне естественно в XIII–XIV в.). Из традиционного латинского текста Деяний заимствована, кстати, и форма *perfekt'a* глагола *audio*, не соответствующая буквально греческому *praesens'y*. Здесь, возможно, вновь сочетаются «вспоминание» устоявшегося текста и непосредственный разбор синтаксических отношений в греческой фразе (схоластический подход?).

7. Лист 2, пометы между строк:

2d, 3–7	συνεχύθη γάρ φη- σιν τὸ πλῆθος ἐταράχθησαν ἐθαύμασαν ὅτι ἤκουον εἰς ἕκαστος αὐτῶν τῆ ἰδίᾳ δι αλέκτω λαλοῦντων αὐτῶν	[multitudo] me(n)t(e) (con)fusa (est) admi(r)aba(n)t(ur) audiebat un(us)q(ui)s(que) eor(um) s(u)am [*linguam?] loq(ue)ntium.
---------	---	---

* реконструируемая форма.

«Народ пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием» (Деян. 2:6).

Приведем для этого места обе латинские версии:

	Vetus Latina	Vulgata Nova
A 2:6	[congregata est] multitudo, et confusa est, quia audiebant unusquisque sua lingua lo- quentes illos	[convenit multitudo] et confusa est, quoniam audiebat unusquisque lingua sua illos loquentes

Каждая латинская глосса РАИК 112, надписана над соответствующим греческим словом, за исключением фразы *mente confusa est*, стоящей на поле справа от авторского примечания *ἐταράχθησαν*, но относящейся к *συνεχύθη* текста Деяний (строкой выше). Можно заметить, что каждая глосса передает отдельно взятую словоформу, но никак не текст в целом:

συνεχύθη γάρ φη	mente confusa est
σιν τὸ πλῆθος ἐταράχθησαν,	
admirabantur audiebat	
ἐθαύμασαν ὅτι ἤκουον	
unusquisque eorum suam	
εἰς ἕκαστος αὐτῶν τῇ ἰδίᾳ δι	
loquentium	
αλέκτω λαλούντων αὐτῶν.	

Одинаково возможные синтаксические «объединения» *ἤκουον εἰς ἕκαστος αὐτῶν* — *audiebat unusquisque eorum*, или *ἤκουον...αὐτῶν...λαλούντων* — *audiebat... eorum... loquentium* трудно назвать «переводами», или даже «ошибочными переводами». Это просто синтаксические кальки *in situ*, не считающиеся с грамматикой принимающего языка: местоимение *unusquisque* не нуждается в дополнении *eorum* (которому нет соответствия и в греческом тексте по изданию Nestle-Aland²⁵), а латинский глагол *audio* в норме не может управлять *родительным падежом* (*loquentium*)²⁶.

В то же время обращает на себя внимание перевод *τῇ ἰδίᾳ* (*διάλέκτω*) — *suam* (*acc.*), вм. корректного *abl. sua* или калькирующего *dat. suae*. Аккузатив зависимого местоимения (*suam*) дает возможность восстановить и пропущенный перевод главного слова *διάλέκτω* в форме **linguam* (*τῇ ἰδίᾳ διάλέκτω* — *suam linguam*). Похожая мена отложительного падежа на винительный имела место и в предыдущем случае²⁷, эта особенность может составлять элемент индивидуального стиля переводчика и должна проверяться в дальнейшем. Кроме того, аккузатив *suam* мог появиться над словоформой *ἰδίᾳ*, воспринятой в отрыве от артикля *τῇ* как *acc. pluralis*, — ведь в минускульном шрифте рукописи РАИК 112 «йота подписная» везде отсутствует!²⁸

8. Схожий пример калькирования греческой конструкции с глаголом восприятия ἀκούω:

10b, 15–16	ἄκουε γὰρ Ἰωάννου λέγον τοσ « <i>итак, слушай, что говорит Ио- анн</i> [Креститель]»*	audi (i)g(itur) Iohan(n)is dice(n)tis
------------	---	---------------------------------------

* авторская ремарка Златоуста.

Полное копирование греческого синтаксиса даже превышает отступления от норм Иеронима и переводчиков старой латинской Библии (см. пример 6). Надстрочные глоссы вновь передают отдельные словоформы.

Кроме того, обращает на себя внимание диалектная латинская черта: письменная фиксация «германизированной» формы имени *Iohannis* (*род. падеж*) с интервокальным *h*.

9. Примеры калькирования с греческого на полях и между строк РАИК 112 разнообразны и многочисленны. Вот только некоторые из них, взятые из первых трех гомилий сборника и относящиеся в основном к авторским словам св. Иоанна:

7a, 30	τὴν Ἰουδαίαν κατοικοῦντας	Iudea(m) h(ab)itantes (cf. PG 60,51: qui in Iudea habitabant ²⁹)
8a, 4	μετὰ βίου ἀρίστου	[cum vita] virtutis (<i>gen.</i>) (cf. PG 60,52: cum optima vita)
7d, 38–39	ἀπὸ τοῦ ἔργου ἕκαστος δέικνυται	in su(a) op(er)is (<i>gen. vs. abl. *opere</i>) un(us)q(ui)s(que) de(mon)stratus [est] (cf. PG 60,52: opus commendat artificem)
10b, 12–13	τοῦτο γὰρ ἄνω καὶ κάτω καὶ αὐτὸς ἐσπούδαζεν (sc. Χριστός)	su(r)su(m) deorsu(m) (cf. PG 60, 55: hoc enim semper et ubique Joannes et apostoli ostendere curabant)
10c, 20–24	κάκεϊνος ἔλεγε πρὸς τοὺς ἀδελφούς μὴ ὀργίζεσθε ἐν τῇ ὁδῷ πρὸς ἀλλήλους ὁ θεὸς με ἀ πέστειλεν ἐνταῦθα (≈Gen 45:5, пересказ)	(et) iste d(ixit) ad fr(atr)es (cf. PG 60, 57: fratres suos alloquutus est): nolite rid(er)e (?) i(n) uia ad i(n)vice (<i>vs. *invicem</i>); d(eu)s misit me <i>in hoc</i> (<i>vs. *huc</i>)
12b, 10–11	ἐνταῦθα καὶ φόβον ἐπέστησεν μέγαν	in h(oc) (et) timore(m) posuit magnum ³⁰ (cf. PG 60,59: hic metum magnum incutit)
11a, 30–31 A 2:30	προφήτης οὖν ἔ πάρχων	p(rophet)a (i)g(itur) ex(siste)ns (cf. <i>vg.</i> , <i>latt.</i> : propheta igitur cum esset)
11d, 11	ἀλλ' οἶδεν ὅσον τοῦτο ἐστίν «но он знал, насколько это важно»	q(uan)tus [=quantum!] h(o)c est (cf. PG 60, 58–59: sed scit quanti momenti sit illud)

Особенно привлекает внимание перевод греческой идиомы ἄνω καὶ κάτω (ἐσπούδαζεν), «всегда и везде, тогда и сейчас, так или иначе (старался, заботился и т. п.)» (10b, 12–13). В классической латыни устойчивое выражение sursum (et) deorsum, номинально состоящее из наречий с теми же «директивными» первыми лексическими значениями «вверх» и «вниз», «туда» и «сюда», что и ἄνω καὶ κάτω, не образует в сумме производного значения, отвечающего данному контексту: «ведь и сам [Христос] об этом *всегда и везде* заботился»³¹. Однако в латыни средневековой подобное соответствие встречается³².

* * *

Таким образом, в академическом списке гомилий Златоуста на Деяния свв. апостолов конца X — начала XI в. содержится несколько тысяч помет латинского книжника конца XIII — начала XIV в. Пометы носят чисто филологический характер и не связаны с богословским или фактологическим истолкованием текста Писания. Впрочем, общий характер работы нашего книжника может стать ясным после сбора и обработки всего материала.

Возможно, рукопись, приобретенная РАИК в Стамбуле в самом начале XX в. никогда не покидала пределы Византии и пометы в ней появились в образован-

ной латиноязычной среде Константинополя эпохи Палеологов. Кто-то читал Златоуста в оригинале и обращал особое внимание на библейский текст св. отца. Сами Беседы на книгу Деяний не принадлежит к числу выдающихся произведений церковного автора, — это было отмечено уже издателями-гуманистами, а затем повторено исследователями Нового времени³³, — однако были известны на Западе и переводились на латынь издавна, начиная, по крайней мере с VI в.³⁴ Наш книжник мог использовать список *нелучших* гомилий Златоуста как своего рода «рабочую тетрадь» при рассмотрении особенностей греческого синтаксиса, словоупотребления, правописания и т. п.

С другой стороны, остается вероятность того, что пометы в рукописи РАИК 112 отражают какой-то подготовительный этап перевода на латынь, — возможно, перевода, так и не увидевшего свет. В любом случае они представляют значительный интерес для истории гуманитарных знаний в Средние века.

¹ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5. Греческие рукописи / Сост. И.Н. Лебедева. Л., 1973. С. 26–27; Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2. Рукописи X в. // Византийский Временник. Т. XVIII. 1961. С. 272. № 177.

² Приношу свою глубокую благодарность ведущему сотруднику Отдела рукописей РНБ Л.И. Киселевой, любезно согласившейся дать мне консультацию по вопросам латинской палеографии рукописи. По мнению Киселевой, пометы следует отнести, скорее, к началу XIV в. В описаниях Лебедевой и Гранстрем они датируются XIII в.

³ Рукопись, приобретенная в Константинополе Русским Археологическим институтом в 1901 г., вероятно, долгое время пребывала без переплета и утратила начальные и конечные листы (2 тетради в начале и около 8 тетрадей, по моим подсчетам, в конце). См.: Известия РАИК. Т. VIII. 1902. С. 337.

⁴ 55 Бесед на Деяния апостолов созданы св. Иоанном в Константинополе ок. 400 г., «в третье лето» его патриаршества. См.: *Smothers E.R. Toward a critical text of the Homilies on Acts of St. John Chrysostom // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Bd. 63. Berlin, 1957. (=Studia patristica. I.)*. S. 53.

⁵ Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969. С. 107–109.

⁶ «Итальянскими» же можно считать и отдельные факты передачи орфографии греческих заимствований: например, не всегда уместное, по нашим меркам, использование графемы «i gresco» (ydiotam 4b, 8) или отсутствие начального h на месте древнего густого придыхания (yperbole 12a, 38–39). (Ср. *совр. итал. iperbole.*)

⁷ Об особенностях трансформации библейского текста у Иоанна Златоуста при двух- и трехкратном цитировании см.: *Gignac F. T. The text of Acts in Chrysostomos homilies // Traditio. Studies in ancient and medieval history, thought and religion. Vol. XXVI. N.Y., 1970. P. 308–315.*

⁸ По крайней мере, подобное списывание не было единственным методом его работы. Большинство помет надписаны над словами греческого текста и образуют перевод-подстрочник (на деле — «надстрочник»), зачастую далекий от связности. Если же над строкой идет «классический» перевод Иеронима (например, заимствуется синтаксическое строение стиха Вульгаты), то к отдельным лексемам могут быть подведены разночтения, переведенные непосредственно с греческого или же взятые из других латинских источников. Фразы, выписанные на поле, содержащие целые библейские стихи или их законченные фрагменты, также далеко не всегда согласуются в деталях с текстом новой (иеронимовой) или древней латинской Библии. Возможно, в ряде случаев они приведены по памяти. Данный вопрос требует дальнейшего уточнения.

⁹ Подобное оформление цитат практиковалось еще совсем недавно, в печатных изданиях XIX–XX в.

¹⁰ Ф.Т. Жиньяк, исследовавший особенности многократного цитирования Св. Писания в Беседах Златоуста, заметил, что «частота, с которой более древнее чтение появляется в первой цитате, по сравнению со второй, говорит о вполне вероятной возможности того, что первая цитата происходит из написанного текста, который Хризостом имеет перед глазами, а вторая цитата,

в процессе экзегезы, отражает, скорее, тот текст, с которым автор был более знаком и который мог им цитироваться по памяти». (*Gignac F. T. The text of Acts in Chrysostom homilies...* S. 314–315.)

¹¹ Если все же допустить, что ранний патристический текст мог быть заново переведен в XIII–XIV в. и что перед нами как раз следы такого перевода, то столь неравномерное распределение помет РАИК 112 можно попытаться объяснить различным отношением нашего читателя-переводчика к слову человеческому и Слову Божию. Известно, что традиция подстрочных переводов Священного Писания на латынь бытовала в Западной Европе еще долго после появления Вульгаты, вплоть до XIII в., и существовали стойкие приверженцы *буквальных* переводов Писания. Общий обзор средневековых теорий перевода, применявшихся к мирским и священным текстам, см. в статье: *Thomson F.J. Sensus or Proprietas verborum. Mediaeval theories of translation as exemplified by translations from greek into latin and slavonic / Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985.) zum Gedenken an den 1100 Todestag des hl. Method. Hrsg. von K. Trost, E. Völkl, E. Wedel. Neuried, 1988. (=Selecta slavica, 13.) S. 675–691.*

¹² Особую благодарность за ряд важных замечаний мне хочется выразить В.А. Ромодановской (Институт русской литературы РАН) и Б.Л. Фонкичу (Институт всеобщей истории РАН). Благодаря им яснее стала историко-филологическая значимость материала, содержащегося в нашей рукописи.

¹³ Цитирую по доступному мне изданию: *Bibliorum sacrorum latinae versiones antiquae, seu Vetus Italica, et Caeterae quaeque in Codicibus Manuscriptis et antiquorum libris reperiri poterunt: Quae cum Vulgata Latina, et cum Textu Graeco comparantur... Opera et studio D. Petri Sabatier... Tomus tertius. Remis, 1743. P. 505.* Латинское *ergo* соответствует *οὖν* в одном из греческих списков (*vid. comm. ad v. 32*, p. 505 *op. cit.*); порядок слов, как можно заметить, тот же, что в греческом тексте.

¹⁴ *Nestle-Alland Novum Testamentum Graece et Latine. 32. — 41. Tausend. Stuttgart, 1991. P. 325.*

¹⁵ Знаки густого и легкого придыхания часто смешиваются в тексте греческой рукописи, например, ниже в том же столбце, строка 16: *τοῦ ἀγίου* — *вм. τοῦ ἀγίου*.

¹⁶ Почему же он изменил время глагола? Возможно, так он пытался переосмыслить вновь полученную фразу с *scius* и *pop* одновременно, или же ошибочно принял настоящее время греческого глагола «быть» (*ἔσμεν*) за будущее (*ἔσομεθα*). У *εἰμί* в эллинистическую и средневековую эпоху появлялись разнообразные новые формы, преимущественно отложительные (е. г. *imperfectum* *ἦμην*, *ἦμεθα* и подобн.), но легко могла быть допущена и обратная «ошибка». Латинскую глагольную форму не удастся прочитать и как *imprf. egamus*, «мы были», что, однако, не исключает возможность случайной описки.

¹⁷ Корень **Feid-*/*Foid-*/*Feid-*, тот же, что в часто смешиваемых формах от глаголов *вѣсти*, *вѣдѣти* (*знать*) — и *видети*.

¹⁸ Здесь нельзя до конца отрицать и возможность нетвердого «припоминания» (или «гармонизации») текста. Например, в следующей главе Деяний находится очень похожее место: *ἀνδρα...δὺν θεωρεῖτε καὶ οἴδατε* (Деян. 3:16); над глагольными формами читаем: *videtis nostis* (19d, 11–12).

¹⁹ В том числе в «оксфордской» Библии (Вордсворт-Уайт-Спаркс, 1889–1954) и в «Vulgata Stuttgartensis» (Фишер–Грибомон–Спаркс–Тиль, 1975).

²⁰ У последнего — в более корректной форме *inferiorum*. (См.: *Nestle-Alland Novum Testamentum Graece et Latine...* P. 324. *apparatus*.)

²¹ Веком позже Лоренцо Валла будет вести свое «сравнение» (*collationem*) Евангелия иначе, отталкиваясь от греческого текста Нового Завета, считая один из его вариантов истинным, а прочие — искаженными. (См. *Valla Lorenzo. Collatio Novi Testamenti. Redazione inedita a cura di Alessandro Perosa. Firenze, 1970. (=Istituto Nazionale di Studi sul Rinascimento. Studi e testi. I.) pp. 146–180.* Наш комментатор сопоставляет равнозначные варианты через союз *vel*.)

Интересно, что полностью «буквалистичное», с опорой на западный греческий текст, прочтение данного места можно найти в древности, у Беды Достопочтенного: *quem Deus suscitavit tertia die, solvens per ipsum dolores mortis* и т. д. (См.: *Bibliorum sacrorum latinae versiones antiquae...*, *comm. ad v. 24*, p. 504.) Нетрудно заметить, что Беда, как и переводчик(-и) *Vetus Latina*, следует греческому оригиналу в синтаксическом отношении.

²² При повторном цитировании части предложения переставлены Златоустом.

²³ Примеры того, как одну и ту же библейскую цитату переводчик РАИК 112 мог «вспоминать» по-разному, вообще, не редки.

²⁴ Синодальный перевод «слышим их... говорящих...», безусловно, тоже представляет собой кальку с греческого.

²⁵ Однако Ж.-П. Минь включает первое местоимение αὐτῶν в состав цитаты (PG 60:43, 4-я строка снизу). В обеих латинских версиях оно отсутствует (см. таблицу), однако эта же «стилистическая ошибка» встречается у Августина Блаженного в «Книге о единстве Церкви»: quia audiebat unusquisque eorum sua lingua loquentes eos (Bibliorum sacrorum latinae versiones antiquae... comm. ad v. 6, p. 502).

²⁶ Более того, западный тип греческого текста Деяний по списку Безы содержит более близкое к латыни чтение с аккузативом дополнения: ὅτι ἤκουον εἰς ἕκαστος λαλοῦντας (!) ταῖς γλώσσαις αὐτῶν.

²⁷ *audivimus loquentibus illis maternas linguas* — *вм. audivimus illos loquentes maternis linguis*

²⁸ Наконец, нужно принять во внимание общее развитие латинского языка, и в том числе управления глаголов, в Средние века. У Беды Достопочтенного (VIII в.) в комментарии на это место читаем: «quoniam audiebat unusquisque linguam suam loquentes».

²⁹ Ж.-П. Минь воспроизводит перевод гомилий из греко-латинского издания Фронтон Дучея — братьев Фредерика и Клода Морей (Париж, 1636).

³⁰ Тот же принцип поморфемного перевода: ἐν-ταῦθα — in-hoc, что и в предыдущем примере.

³¹ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1986. С. 236, 753.

³² Например, у Бургундио из Пизы, посещавшего в XII в. Константинополь, в переводе 50-й гомилии Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (Ин 7:29 и след.): Ὁρῶς πῶς ἄνω καὶ κάτω κατασκευάζει τὸ, Ἄπ' ἐμαυτοῦ οὐκ ἐλήλυθα, καὶ, Ὁ πέμψας με ἀληθής ἐστι... — *Vides qualiter sursum et deorsum* construit hoc, idest <*a me ipso non veni*> et <*qui misit me verax est*>... (*Classen Peter. Burgundio von Pisa. Richter — Gesandter — Übersetzer. Heidelberg, 1974. P. 87. comm. 11. Сравни то же место у Миня PG 59, 280: Viden' quo pacto hoc ubique probet, A me ipso non veni, et, Qui misit me verus est?*).

³³ См., например, предисловие Генри Сэвила к 12-томному изданию сочинений Иоанна Златоуста (Итон, 1613), перепечатанное и дополненное Ж.-П. Минем в *Patrologia Graeca (Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. T. 60 (S. Chrysostomus 9). Col. 5–12, на латинском языке)*, а также статью *Smothers E. R. Toward a critical text of the Homilies on Acts of St. John Chrysostom // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Bd. 63. Berlin, 1957. (=Studia patristica. I.). S. 53–57. По мнению Смотерс, сочинение Златоуста дошло до нас в двух редакциях, более ранней «черновой» (rough) и более поздней «литературной» (smooth). Все существующие издания содержат смесь двух редакций, «неприемлемую для научного использования» (Ibid. S. 55–56.).*

³⁴ «Считается, что первый, кто упомянул данный труд Златоуста, был Кассиодор, говорящий во II томе [Institutiones Divinarum et humanarum lectionum] <...> так: “Приобрели мы также комментарий на «Деяния апостолов» св. Иоанна, епископа Константинопольского, на греческом языке, каковой друзья наши (amici nostri), с помощью Божьей, перевели — 2 тома, 55 гомилий”» (*Migne J.-P. Op. cit. col. 5–6.*).

ПОКАЯННЫЕ ГЛАВЫ
В ПОСТВИЗАНТИЙСКИХ НОМОКАНОНАХ
(некоторые предварительные замечания)

После завоевания Византийской империи турками православное население было лишено права участвовать в общественной жизни Османской империи, служить в войске, занимать государственные должности. При этом Церковь во главе с Константинопольским патриархом получила права автономии в мусульманском государстве. Патриарх отвечал перед султаном за законопослушность христианских подданных и фактически стал их главой не только духовным, но и гражданским¹. Начиная с XV в. все дела, касающиеся имущественных споров между христианами, брака, развода, наследства решались на митрополичьем или патриаршем суде. Судопроизводство совершалось по законам византийского времени, зафиксированным в сборниках-номоканах, в которых по традиции содержались как гражданские законы, так и церковные правила. Основным сводом гражданских законов для греческих юристов поствизантийского времени стало Шестикнижие Константина Арменопула, составленное в XIV в.², а также алфавитная синтагма Матфея Властаря, византийского юриста XIV в.³ С одной стороны, греческое население продолжало жить по нормам византийского права изолированно от окружающего мусульманского мира, а с другой стороны, эти нормы, особенно в гражданской своей части, в значительной степени перестали работать и стали анахронизмом. Вследствие этого греческие юристы османского времени уделяют особое внимание нормам канонического права и вопросам частного права. В эпоху туркократии происходит осмысление византийского правового наследия в новых исторических условиях и приспособление старых законов к этим условиям. Вместе с тем консервативность, характерная для правового сознания греков как византийского, так и более позднего времени, приводила к тому, что в поствизантийских сборниках на протяжении нескольких столетий, наряду с действующими, продолжали воспроизводиться давно вышедшие из употребления законы. Номоканоны XVI–XVIII вв. представляют собой по большей части компилятивные сборники, в которые переписывались статьи канонического и гражданского права, а также главы самого разнообразного содержания — географические, медицинские и другие; зачастую они служили своего рода энциклопедией для юристов и священников. Рассмотрим состав покаянных глав в некоторых наиболее распространенных номоканах османского времени — Πάνυ ὠφέλιμον καὶ πλουσιώτατον (XV в.)⁴, Мануила Малаксы (XVI в.)⁵, Георгия Трапезундского (1730 г.)⁶, Михаила Фотинопула (1765–1777)⁷, Иакова из Янины (XVII в.)⁸. Прежде чем обратиться к конкретным текстам, необходимо определить, главы какого содержания следует относить к пенитарный (покаянному) разделу. В первую очередь, это параграфы, касающиеся преступлений, грехов и наказаний за них — преступления уголовного характера (убийство, воровство,

гробокопательство, рукоприкладство, а также взяточничество, подкуп, лжесвидетельство и проч.), грехи плотские, нарушающие правила семейной, брачной жизни, обязанностей священнослужителей и монашеских обетов; и, наконец, грехи духовные — святотатство, ереси, прегрешения против веры. В зависимости от объема сборника и той аудитории, которой он адресован, в номоканоне могут преобладать нормы, касающиеся мирян или священнослужителей.

Одним из первых поствизантийских номоканонов стал так называемый «Номоканон πάνυ ὠφέλιον καὶ πλουσιώτατον», созданный в начале XV в. В течение трех столетий он употреблялся в греческой церкви как лучшее руководство для духовнической практики; о широком распространении текста свидетельствует большое количество сохранившихся списков⁹. Источниками Номоканона являются правила вселенских и поместных соборов, отцов Церкви (Василия Великого, Григория Нисского, Тимофея Александрийского), гражданские законы, отрывки из Евхологиона, а также два епитимийных сборника — так называемые Номоканон Иоанна Постника и анонимный Номоканон Котельера¹⁰. Текст номоканона неоднократно перерабатывался и расширялся, что дало повод некоторым исследователям говорить о существовании отдельного, независимого от первоначальной редакции памятника¹¹. Номоканон πάνυ ὠφέλιον был переведен на славянский язык и имел большую рукописную традицию. Первая часть его содержит чинопоследование исповеди и наставление духовнику о наложении епитимий¹². Номоканон в свое время вызвал полемику в среде русских канонистов, связанную с так называемым Номоканоном Иоанна Постника¹³. Широкое распространение славянских переводов номоканона в разных его редакциях и дальнейшее бытование как на южнославянской, так и древнерусской почве в последние годы привлекает к нему внимание исследователей¹⁴. Вторая часть номоканона, по определению А.С. Павлова, «чисто-каноническая», по своей структуре родственна большинству поздних юридических сборников подобного рода¹⁵. Она состоит из глав, касающихся наказаний за убийство, рукоприкладство, волхование, плотские грехи (блуд, прелюбодеяние, мужеложство и проч.), гробокопательство, воровство, святотатство, нарушение постов. Дальнейшее исследование обеих частей номоканона зависит от исследования греческой рукописной традиции текста и подготовки критических изданий, прежде всего, современного научного издания непосредственных источников номоканона. Следует отметить, что в настоящее время по-прежнему отсутствуют такие издания как номоканона Постника, так и номоканона Котельера.

Если номоканоны Πάνυ ὠφέλιον καὶ πλουσιώτατον и Котельера имеют большую славянскую рукописную традицию, то основная часть поздних греческих юридических сборников никогда не переводилась на славянский язык. Одним из наиболее распространенных в греческом мире османского времени был номоканон Мануила Малаксы (XVI в.)¹⁶. Мануил Малакса, греческий писец и канонист XVI в., происходил из известной священнической семьи в Навплионе. В 1540-е годы он уехал в Италию и был писцом в Ватиканской библиотеке; в начале 1560х годов возвращается на родину и становится нотарием Фивской митрополии. В 1570-е годы Малакса продолжает переписывать книги уже в Константинополе, где, кроме того, занимается реставрацией рукописей. Умер он в 1581 г.¹⁷ 30 апреля 1561 г., будучи уже нотарием в Фивах, Малакса

заканчивает первоначальный вариант номоканона — на древнегреческом языке. В 1562—1563 гг. он сам перевел его на новогреческий, о чем говорится в предисловии к произведению. Цель создания Номоканона выражена самим автором: древние правила Вселенских и Поместных соборов, св. Отцов, императорские постановления пришли в забвение, что побудило его расположить их по порядку, а затем перевести на новогреческий язык «ввиду всеобщей необразованности». Делится Номоканон на традиционные части: о священниках; о священных облачениях; о богослужении; о помолвке; о степенях родства как препятствии к браку; о разводе и поводах к нему; о наследственном праве; о договорах; темы, касающиеся покаянной дисциплины и духовничества; о постах; о соборах; о подчинении епископий и митрополий; формуляры грамот; главы медицинского и географического содержания. Источниками Номоканона послужил традиционный канонический корпус восточной церкви: правила вселенских поместных соборов с толкованиями Вальсамона и Зонары, Синтагма Матфея Властаря, Номоканон Иоанна Постника, Симеон Фессалоникийский, Шестикнижие Арменупула, канонические ответы, императорские новеллы. Количество глав в разных рукописях Номоканона колеблется от 200 с небольшим до 694; наиболее часто встречается набор из 200—250 глав.

Номоканон Мануила Малаксы уже неоднократно привлекал внимание исследователей¹⁸. Для исследования памятника наибольшее значение имеет издание Д. Гиниса и Н. Пантазопулоса, которое, не будучи критическим в традиционном смысле слова и не отражая полную картину рукописной традиции, все-таки служит неким ориентиром в том море рукописей, которые содержат новогреческий текст памятника¹⁹. В петербургских хранилищах мы располагаем 11-ю списками Номоканона, из которых один (РНБ, Греч. 600, 1582 г.) содержит наиболее полную редакцию текста, а остальные (XVI—XVIII вв.), хранящиеся в РНБ и БАН, представляют сокращенную его версию. Покаянный раздел представлен следующими разделами (число глав варьируется в разных рукописях в зависимости от перераспределения текста): об обязанностях священника и проверке подлинности обвинений против священнослужителей; об отлучении; о внешнем виде покойников и останков умерших грешников; о плотских грехах священников; о согрешениях мирян; о грехах монахов. При этом покаянные главы не собраны в одном месте, а распределены по тематическим разделам номоканона. Рассмотрим некоторые из них. Поскольку в начале памятника идут главы об архиереях и священниках, то первая из них посвящена симонии — о том, когда кто-либо принимает архиерейство, или священство, или церковный чин за деньги или по протекции властителей. Изданный у Гиниса-Пантазопулоса пространный текст, скомбинированный из трех рукописей²⁰, представлен в наших списках лишь в первых двух частях, основанных на 29 и 30 правилах св. Апостолов, Василии Великом и выдержке из комментария Зонары. Последний параграф, присутствующий в издании (περὶ τοῦ Πεζῆ) в петербургских списках отсутствует, зато Греч. 600 приводит выдержку из 23 правила Шестого вселенского собора, которой нет у Гиниса-Пантазопулоса. Следующая глава — о священниках, которые впали в блуд, воровство или приносят ложные клятвы — представлена двумя приблизительно сходными по содержанию текстами, из которых первый, содержащийся в большинстве рукописей, есть в печатном издании²¹; рукопись Греч. 600 опять-таки

дает свой вариант, отличающийся главным образом стилистически. Глава, касающаяся запрета неженатым священникам держать в своем доме женщину, даже в качестве прислуги, в целом совпадает по содержанию с текстом издания (в наших рукописях опущен только параграф, заимствованный из пятого правила Шестого Вселенского собора о запрете монахам находиться в одном доме с женщинами)²². Большинство глав в целом дают совпадение текста с незначительными отклонениями стилистического и языкового характера (таковы главы об обвинении архиерея, о свидетелях — они не могут быть еретиками, домочадцами, об их числе и др.). Нередко рукопись РНБ, Греч. 600 приводит параграфы, не вошедшие в издание. Так, в главе о том, что решение патриарха не подлежит обжалованию, мы имеем дополнение из закона имп. Василия, Льва и Константина о том, что царское решение также не подлежит обжалованию (л. 39 об.). Кроме того, в разных рукописях мы сталкиваемся с различным перераспределением текста: так главы 63 (о епископах и иереях, не поминающих своих митрополитов), 64 (о тех, кто недостойно получил архиерейство) и 65 (о том, что прегрешения иереев наказываются архиереем) по печатному изданию представлены в краткой редакции (РНБ, Греч. 597) только главой 64, а в пространной (РНБ, Греч. 600) все три главы объединены в одну, причем текст расположен в другом порядке. Большой интерес представляют главы, касающиеся исследования внешнего вида покойника через какое-то время после его погребения. Традиция определения греховности, или, наоборот, святости человека по виду его останков в номоканоне Малаксы имеет явно фольклорные истоки, которые сочетались с каноническими нормами и богослужебной практикой. Для дальнейшего успешного исследования текста Номоканона необходима подготовка его критического издания. Для этого следует, во-первых, составить сравнительные таблицы расположения текстов в различных редакциях, во-вторых, выявить группы рукописей со сходным набором глав и порядком следования параграфов, и только после этого целесообразно проводить текстологическую сверку с составлением критического аппарата. Отдельную работу следует проделать по выявлению источников текста и определению точности ссылок и цитирования.

Номоканон архимандрита Иакова из Янины (1645 г., рукопись БАН, РАИК 141) представляет собой алфавитную синтагму и составлен по образцу Синтагмы Матфея Властаря²³. Текст номоканона предваряется несколькими предисловиями: первое из них (лл. 31—31 об.) обращено к патриарху Парфению II, которому автор преподносит свой труд. Второе (лл. 31 об.—33 об.) обращено ко всем архиереям (πρὸς πάντους τοὺς ἀρχιερεῖς πάντων τῶν πόλεων), для которых предназначен номоканон; в нем Иаков дает название своему номоканону «Посох архиерейский» (Ваκτήρια ἀρχιερέων) и сообщает, что составил его по распоряжению Вселенского патриарха Парфения. Здесь же он говорит об источниках своего труда: книга канонов апостолов Петра и Павла, написанная Климентом; постановления вселенских и поместных соборов; книги Дионисия и Петра Александрийского, Григория чудотворца, Афанасия Великого, Григория Нисского, Тимофея, Феофила, Кирилла Александрийского, Григория Богослова, Амфилохия Иконийского, патриархов Константинопольских Геннадия и Германа, Епифания Кипрского, патриархов Тарасия, Фотия и Никифора, Георгия Ксифилина, Анастасия Антиохийского, Феодора Вальсамона, Матфея

Властара, Константина Арменопула и новеллы византийских императоров (лл. 31 об.—32). Далее автор приводит подробные инструкции, как пользоваться номоканонем и объясняет преимущества алфавитного размещения материала. Затем следуют предисловия, в которых обосновывается польза номоканона в борьбе с еретиками (лл. 33 об.—37), традиционное предисловие о происхождении законов и законодателях (лл. 37 об.—39), о составлении сборника на основании канонов (лл. 39—41) и далее о вселенских и поместных соборах (лл. 41 об.—46 об.), краткие сведения о патриархах (л. 47) и глава богословского характера о православной вере (Ἀπόδειξις συνοπτικὴ περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, καὶ εὐλογίας τῶν χριστιανῶν) (лл. 47—49). Из-за алфавитного расположения материала покаянные главы в номоканоне Иакова распределены по всему тексту и объединяются тематически, но несколько иным образом, чем в большинстве сборников. Так, например, под словом «ересь» автор уделяет большое внимание перечислению ересей, вслед за которым приводит чины отречения от них и принятия мирян и клириков, отрекшихся от веры по разным обстоятельствам. Под словом «иерей» говорится о некоторых согрешениях, в которые могут впасть священники: «о священнике, который стыдится причащать свою жену», «о священнике, который женится второй раз», «о священнике недостойном, который совершает литургию». Под словом «монах» речь идет о монахах, впадших в грехи, оставивших свое одеяние и поступивших в войско, о том, что нельзя брать деньги за монашеский постриг, о женах, постригшихся против воли своего мужа, о послушниках и рясофорах, которые оставили монастырь и вступили в брак. Под словом «дерзость» присутствуют статьи о дерзости в отношении царя, клирика, мирянина, с применением физического насилия и без оного. Некоторые главы явно свидетельствуют об авторской работе над текстом и стремлении приспособить его к нуждам времени (например, глава 160 о харадже, Περὶ χαράτζίου).

Номоканоны, возникшие на молдавлахийской почве в XVIII в., представляют собой особый пласт юридической культуры греков османского времени. Некоторые из них в целом следуют плану более ранних сборников и предназначались для практического использования, другие носили преимущественно ученый характер. Так или иначе, в них соседствуют статьи, актуальные для времени их создания, с главами, представляющими собой явный анахронизм. Номоканон Михаила Фотинопула (1765—1777 гг.) сохранился в 15-ти списках, хранящихся в Бухаресте, Яссах, Париже и Одессе. Издание П. Зепоса-В. Георгеску 1982 г. основано на предыдущем издании 1959 г.²⁴ и рукописи Парижской национальной библиотеки Suppl. Gr. 1323. Михаил Фотинопулос (Михаил Фотинос) родился на о. Хиос ранее 1730 г., окончил Великую национальную школу в Константинополе. Около 1764 г. переехал в Бухарест, и в 1780 г. был судьей в Бухаресте, где и скончался после 1781 г. Как отмечает в своем предисловии П.И. Зепос, автор, будучи воспитан в византийском духе, который нашел отражение в первой редакции текста 1765 и 1766 г. и только позднее воспринял валашские «местные обычаи», представленные в рукописи 1777 г. (№ 1195 Румынской академии)²⁵.

Номоканон начинается с предисловия, дающего общий взгляд на понятие гражданских законов, далее следуют главы о православной вере, о справедливости, законе и обычае, о правителях, судьях, свидетелях. Второй раздел каса-

ется помолвки и предбрачных даров, брака и его расторжения, о завещаниях и наследственном праве, об опекунстве и сиротах, а также внебрачных детях. Пенитарный раздел номоканона представляет достаточно полный набор глав о наказаниях, заимствованных из византийского права. Наряду с многочисленными главами, дающими подробные указания касательно воровства (№ 45, 67, 68), убийства (№ 44), разбоя (№ 46), умышленного поджигательства (№ 49), похищения девушек и женщин (№ 56), фальсификации грамот (№ 55), рукоприкладства (№ 69, 71), взяточничества (№ 70), присутствуют параграфы о святотатстве (№ 47), гробокопательстве (№ 48), богохульстве (№ 62) и сравнительно небольшой раздел о плотских грехах (№ 72–76)²⁶. Нормы византийского права (новелл Юстиниана, Василик, Синтагмы Матфея Властаря) приводятся здесь почти без комментария и изменений; многие из них уже давно не действовали. Так, вряд ли можно предположить, что в Османской империи XVIII в. человек, ночью вошедший в церковь с целью похищения церковной утвари, карался смертной казнью мечом, вошедший днем — бичевался и изгонялся²⁷, а тот, кто богохульствует — подлежал казни согласно 77 новелле Юстиниана²⁸. Некоторые статьи прошли редакторскую правку и приспособлены к современным составителям условиям; в них изменению подверглась и лексика византийских законов (таковы, например, некоторые параграфы статьи о блуде)²⁹. В целом следует отметить, что в этом номоканоне статьи гражданского права явно преобладают над статьями права церковного.

Несколько иной характер носит номоканон Георгия Трапезундского, написанный по поручению князя Николая Маврокордато в Бухаресте в 1730 г. Указанное выше издание Х.К. Папастатиса осуществлено по одной рукописи (Ms. Gr. 696(297)) Румынской Академии. В ОР БАН хранится еще один список текста, РАИК № 140, также датированный 1730 г.³⁰ Как и другие номоканоны молдавляхийского происхождения, этот текст компилятивный и содержит явные анахронизмы (например, перечень ересей первых веков христианства), что навело исследователей на мысль о чисто академическом, ученом предназначении памятника. Однако знакомство с текстом номоканона говорит об авторской творческой работе над ним. Так, пятая книга открывается главой «О мучениках», в которой рекомендуется помогать тем, кто претерпевает наказания за Христа, — глава, явно актуальная для христиан османского времени³¹. Номоканон состоит из восьми книг, которые делятся на темы весьма условно — об архиереях, вдовах, сиротах, еретиках и др. Пенитарные главы здесь также не сосредоточены в одном месте, а распределяются среди параграфов разного содержания. Так, во втором разделе, посвященном епископам, священникам и диаконам, содержатся следующие главы, касающиеся покаянной дисциплины: «О том, что священник не должен пренебрегать грехами и налагать легкие наказания» (№ 15), «О покаянии, как оно должно совершаться» (№ 16); «О том, как следует принимать кающегося, как нужно его направлять и как отстранять от Церкви» (№ 41). Строение номоканона отличается от других канонических сборников тем, что в нем не приводятся наказания за конкретные нарушения, а даются общие советы, как следует поступать и как не следует. Повествовательный характер памятника усугубляется многочисленными отступлениями и ссылками на библейские тексты. Поэтому даже в тех разделах, которые с полным правом можно причислить к покаянным

(о ересях, о колдовстве) мы не встретим наказаний ни из гражданских законов, ни из церковных канонов.

Долгое время среди исследователей византийского права бытовало мнение о неперспективности изучения поздних номоканонов, что мотивировалось их компилятивным характером, вторичностью использованных источников по испорченным спискам. Этим отчасти объясняется малая изученность данного пласта греческой юридической литературы. Другое препятствие к их серьезному исследованию заключается в большом объеме памятников и отсутствии стабильных текстов. Поэтому встречается мало попыток осуществления традиционных критических изданий номоканонов. Вместе с тем текстологическое исследование разных редакций этих памятников позволит не только восстановить развитие поствизантийского права на каждом из этапов его эволюции, но и установить, какими именно редакциями своих источников пользовались составители номоканонов в XVI, XVII и XVIII столетиях, а подготовка и осуществление в будущем критических изданий заполнит большую лауну в нашем знании о юридической культуре греческого мира эпохи туркокрации.

¹ Соколов И. И. Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904.

² Κωνσταντίνου Αρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμον ἢ Ἐξάβιβλος / Ἐπιμέλεια Κ. Γ. Πιτσάκης. Ἀθήνα, 1971.

³ Ράλλης Γ., Ποτλῆς Μ. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήνα, 1859. Τ. VI.

⁴ Павлов А. С. Номоканон при Большом требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. М., 1897.

⁵ Σιφωνίου-Καράπα Α., Τουρτόγλου Μ. Α., Τρωιάνου Σ. Ν. Μανουήλ Μαλαξοῦ Νομοκάνων. Ἀθήνα, 1972 [=Ἐπετηρὶς κέντρου ἐρευνας τῆς ἱστορίας τοῦ Ἑλληνικοῦ δικαίου. 1969–1970. Τ. 16–17] (издание глав о помолвке по четырем спискам древнегреческой редакции текста); Γκίνης Δ. Σ., Πανταζόπουλος Ν. Ι. Νομοκάνων Μανουήλ Νοταρίου τοῦ Μαλαξοῦ τοῦ ἐκ Ναυπλίου τῆς Πελοποννήσου μετενεχθεὶς εἰς λέξιν ἀπλὴν διὰ τὴν τῶν πολλῶν ὠφέλειαν. Κριτικὴ ἐκδόσις. Θεσσαλονίκη, 1985 [=Νόμος. Ἐπιστημονικὴ Ἐπιτηρίδα τοῦ τμήματος Νομικῆς τῆς Σχολῆς Νομικῶν καὶ Οἰκονομικῶν ἐπιστημῶν τοῦ Ἀριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1982. Τ. 1] (издание части глав по 69 спискам новогреческой редакции текста).

⁶ Παπαστάθη Χ. Κ. Νομοκάνων Γεωργίου Τραπεζούντιου. Ἀθήνα, 1985.

⁷ Νομικόν Πρόχειρον συνταχθέν ὑπο Μιχαήλ Φωτεινοπούλου εἰς Βουκουρέστιον / Ἐκδ. Ζέλου Π. Ι., Georgescu V. Α., Σιφωνίου-Καράπα Α. Ἀθήνα, 1982.

⁸ Один из списков этого номоканона (Вактѣρια ἀρχιερέων, 1645 г.) хранится в ОР БАН, шифр РАИК 141. Лебедева И. Н. Описание рукописного отдела БАН СССР. Вып. 5. Греческие рукописи. Л., 1973. С. 126–127.

⁹ Так, в ОР БАН хранится несколько его списков XVI–XVII в.: Собр. Дмитриевского № 21 (XVI в. Лебедева И. Н. Описание рукописного отдела БАН. С. 83–84); РАИК № 134 (XVI в. Там же. С. 101); РАИК № 138 (XVII в. Там же. С. 143).

¹⁰ Павлов А. С. Номоканон при Большом требнике. С. 1–52. О номоканоне и его рукописной традиции см. также: Τρωιάνος Σπ. Ν. Νομοκάνων «πάνυ ὠφέλιμον καὶ πλουσιώτατον». Ο ὑπ' αριθμὸν 8 κώδιξ τῆς Λίνδου // Ἀρχεῖο Ἐκκλησιαστικῶν καὶ Κανονικῶν Δικαίου. 1969. Τ. 23. Σ. 38–53, 97–118, 162–176. Τ. 24. Σ. 34–55. Τσάγκάρη Α. Α. Νομοκάνων «πάνυ ὠφέλιμον καὶ πλουσιώτατον». Η παρουσίαση ἐνός μεταβυζαντινοῦ Ἐξομολογηταρίου // Ἀρμενόπουλος. Ἐπιστημονικὴ Ἐπιτηρίδα. Τ. 24. Σ. 95–122. Μανάφη Κ. Νέον χειρόγραφον νομοκάνονος τοῦ τύπου: πάνυ ὠφέλιμον καὶ πλουσιώτατον // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1969–1970. Τ. 37. Σ. 466–472.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Эта часть текста издана (параллельный греческий и славянский тексты): Павлов А. С. Номоканон при Большом требнике. С. 83–110 и впервые тщательно исследована А.И. Алмазовым: Алмазов А.И. Тайная исповедь в православной Восточной Церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Одесса, 1894. Т. 1–3.

¹³ См. литературу по этому вопросу в кн.: *Κορογοδινα Μ. Β.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006. С. 19.

¹⁴ Там же; *Наϊδενова Δ. Τ.* Правните паметници в Първото българско царство // Историческо бъдеше. 2005. Т. IX. № 1–2. С. 136–163; *Οна же.* Каноничноправни текстове в състава на славянски ръкописи, съхранявани в български книгохранилища // *Palaeobulgarica*. XXXII (2008), № 4. С. 53–69.

¹⁵ *Παυлов Α. С.* Номоканон при Большом требнике. С. 115–439.

¹⁶ *Γκίνης Δ. Σ., Πανταζόπουλος Ν. Ι.* Νομοκάνων Μανουήλ Νοταρίου του Μαλαξού... .

¹⁷ *Gregorio G. de.* Il copista Greco Manuel Malaxos. Studio biografico e paleografico-codicologico. Citta del Vaticano, 1991.

¹⁸ *Lingenthal Zachariae K. E. von.* Die Handbücher des geistlichen Rechts aus den Zeiten des untergehenden byzantinischen Reiches und der türkischen Herrschaft // *Mémoires de l'Académie imperial des sciences de St. Pétersburg*. 1881. VII ser. Vol. XXVIII. № 7; *Δυοβουνιώτης Κ. Ι.* Ο νομοκάνων του Μανουήλ Μαλαξού. Αθήναι, 1916; *Γκίνης Δ.* Η εις «φράσιν κοινήν» παράφρασις του Νομοκάνωνος του Μαλαξού // *Ελληνικά*. 1935. Τ. 8. Σ. 29–47; *Id.* Ο Νομοκάνων του Μαλαξού ως πηγή δικαίου του μετά την άλωσιν Ἑλληνισμοῦ // *Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν*. 1938. Τ. 23. Σ. 396–401; *Ἀτέση Β. Γ.* μητρ. Νομοκάνων ἀγνώστου χρονολογίας καί συγγραφέας // *Τμητικὸν ἀφιέρωμα εἰς τὸν μητροπολίτην Κίτρους Βαρνάβαν ἐπὶ τῇ 25 ἐτηρίδι τῆς ἀρχιερατείας του*. Αθήναι, 1980. Σ. 95–117; *Μαμώνη Κ.* Νέα στοιχεῖα γιὰ τὸν Νομοκάνωνα «εἰς λέξιν ἀπλήν» του Μανουήλ Μαλαξού // *Μνημοσύνη*. 1985–1987. Αθήναι, 1988. Τ. 10. Σ. 191–204; *Γερδ Λ. Α.* Неизданные главы о крещении из Номоканона Мануила Малаксы // *Ученые записки Российского правосл. Университета ап. Иоанна Богослова*. Вып. 5. М., 2000. С. 129–158; *Οна же.* Неизданные формуляры писем из Номоканона Мануила Малаксы (XVI в.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2000. Т. 27. С. 331–340; *Οна же.* Рукописи номоканона Мануила Малаксы в хранилищах Санкт-Петербурга // *Россия и христианский Восток / Под ред. Б. Л. Фонкича*. Т. 2. М., 2004. С. 234–237; *Οна же.* Предварительное описание поствизантийских юридических рукописей Российской национальной библиотеки // *Византийский временник*. 2009. Т. 68 (93). С. 300–338.

¹⁹ *Γκίνης Δ. Σ., Πανταζόπουλος Ν. Ι.* Νομοκάνων Μανουήλ Νοταρίου του Μαλαξού. Издание осуществлено по 69 рукописям преимущественно греческих собраний; в списке рукописей, содержащих Номоканон, указано 438 единиц.

²⁰ *Ibid.* P. 77–79.

²¹ *Ibid.* P. 80.

²² *Ibid.* P. 87–88.

²³ Издание текста: *Ακανθόπουλος Π. Ι.* Ιερομονάχου, αρχιμανδρίτου και επιτρόπου Ιωαννίνων Ιακώβου Βακτήρια Αρχιερέων. Θεσσαλονίκη, 2000. См. также: *Μομφερράτος Α.* Ευρετήριο και πρόλογοι της Βακτήριας των Αρχιερέων // *Δελτίο της Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρείας Ελλάδος*. 1890. Τ. 3. Σ. 129–218.

²⁴ *Ζέπου Π.* Μιχαήλ Φωτεινοπούλου Νομικὸν Πρόχειρον (Βουκουρεστίου, 1765), τὸ πρῶτον εκδιδόμενον ἐκ χειρογράφου κώδικος τοῦ κρατικῆς Ἀρχείου τοῦ Ἰασίου // *Ἀρχεῖον Ἰδιωτικῆς Δικαίου*. Τ. ΙΖ', 1954–1959. Αθήναι, 1959.

²⁵ Νομικὸν Πρόχειρον συνταχθέν ὑπο Μιχαήλ Φωτεινοπούλου εἰς Βουκουρεστίον. Σ. XXIV.

²⁶ *Ibid.* P. 237–276.

²⁷ Глава 47 «О святотатстве». *Ibid.* P. 245.

²⁸ *Ibid.* P. 260.

²⁹ *Ibid.* P. 270.

³⁰ *Лебедева И. Н.* Описание рукописного отдела... С. 152–153. По мнению И. Н. Лебедевой, эта рукопись является автографом Георгия Трапезундского.

³¹ *Παπαστάθη Χ. Κ.* Νομοκάνων Γεωργίου Τραπεζουντίου. Σ. 484.

СКАЗАНИЯ О ЧУДЕСАХ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦИКЛ СЯТОГО
В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Литературный цикл, посвященный св. Николаю Мирликийскому, был очень популярен в Древней Руси и сохранился в большом количестве списков XII–XVII вв. Его важнейшей частью являются сказания о чудесах святителя Николая. Они были первыми произведениями, рассказывавшими восточным славянам об этом святом. Древнейший сохранившийся список сказаний о чудесах датируется XII в.; известны два списка XIII в., несколько списков XIV и XV столетий. Большая часть рукописей относится к XVI и XVII векам. Помимо чудес в литературный цикл св. Николая Чудотворца в русской письменности входил еще ряд произведений, в том числе несколько житий. В исследованиях иногда высказывается точка зрения, что сказания о чудесах добавляются к житиям святителя¹. Это верно только для некоторых сказаний. К большой группе текстов подход должен быть принципиально иным. Они являются самостоятельными, не зависящими от житий произведениями, и лишь объединяются с последними. Общее предположение о группировке чудес с последующим их объединением в составе отдельных памятников высказал еще Н.М. Никольский².

На первый взгляд бессистемные комбинации разных текстов обнаруживают определенные закономерности объединения. Выявление и описание этих закономерностей позволяет установить типологию циклов сказаний о чудесах и структуру литературного цикла св. Николая в разных сборниках, в том числе в Торжественниках, что может быть использовано при описании рукописных собраний.

1. Типология сказаний о чудесах

В достаточной степени условно сказания о чудесах (или просто чудеса) Николая Чудотворца, известные в русской письменности, можно разделить на три группы. Две из них более или менее самостоятельно функционируют в памятниках XII–XVII вв.

Одну группу составляют чудеса, примыкающие к Иному житию и связанные с ним. Количество чудес этого цикла в рукописных источниках варьируется. По-видимому, их максимальное количество — 27³. Старший сохранившийся список этих текстов — Тр-9 XV в.

Вторая группа чудес, как кажется, составила менее связанный цикл, хотя прослеживается тенденция к их компактному расположению в общем литературном цикле св. Николая. К их числу принадлежат чудо о трех иконах, чудо о детище, чудо о монастыре, чудо о трех друзьях (или о трех мужах), чудо о трех девицах (или о трех дочерях), чудо о половчине и, отчасти, чудо о сарацине. В русской письменности частично они известны с XV в. и условно могут быть названы поздними, хотя чудеса о детище и о половчине созданы много раньше⁴.

Какая-либо их связь с житиями отсутствует. Цикл ранних чудес устанавливается на базе двух рукописей XII в. и XIII в., в которых впервые встречаются данные тексты. В Торжественнике, датируемом XII в.⁵, помещено 8 чудес в следующем порядке: 1) о трех воеводах (лл. 66а–68а), порядковый номер чуда не указан; 2) о Дмитрие (лл. 68а–69), порядковый номер $\bar{в}$.; 3) о Симеоне (лл. 69а–69в), чудо $\bar{г}$.; 4) об Агрике и его сыне Василии (лл. 69в–71г), чудо $\bar{д}$.; 5) о юноше Николе (лл. 71г–72б), чудо $\bar{е}$.; 6) о попе Христофоре (лл. 72б–73а), чудо $\bar{з}$.; 7) двойное чудо св. Николы и св. Христова мученика Георгия о сарацине (лл. 73а–74в), без номера; 8) о Петре-чернце (лл. 74в–76б), номер не указан. Других произведений литературного цикла св. Николая Мирликийского в рукописи нет.

Вторая рукопись — Хлуд-215 — датируется концом XIII в.⁶ В нее также включено 8 чудес, но состав их иной: вместо чуда о трех воеводах и двойного чуда о сарацине в цикл вошли чудеса о ковре и о Епифании⁷. Тексты расположены в следующем порядке: 1) о Дмитрие, (лл. 1–4), порядковый номер $\bar{а}$.; 2) о Симеоне, (лл. 4–5 об.), порядковый номер $\bar{в}$.; 3) об Агрике и его сыне Василии (лл. 5 об.–13), чудо $\bar{г}$.; 4) о юноше Николе (лл. 13–14 об.), чудо $\bar{д}$.; 5) о попе Христофоре (лл. 14 об.–17), чудо $\bar{е}$.; 6) о Петре-чернце (лл. 17–23 об.), порядковый номер $\bar{з}$.; 7) о ковре (лл. 23 об.–28 об.), чудо $\bar{ж}$.; 8) о злате, или о Епифании (лл. 28 об.–30 об.), номер $\bar{и}$. Рукопись содержит только данные тексты, хотя описавший ее А. Попов предположил, что утрачено начало, где было житие св. Николая Мирликийского. Однако это предположение он ничем не мотивировал⁸. Скорее всего, рукопись изначально включала только чудеса святителя, существовавшие как самостоятельные памятники письменности.

Таким образом, по двум рукописям XII в. и XIII в. устанавливается цикл ранних чудес св. Николая Мирликийского, включающий 10 сказаний: 1) *чудо о Дмитрие*; 2) *чудо о Симеоне* (в русской традиции, в греческой — о Николае); 3) *чудо об Агрике и его сыне Василии*; 4) *чудо о юноше Николе*; 5) *чудо о попе Христофоре*; 6) *чудо о Петре-чернце*; 7) *чудо о ковре*; 8) *чудо о Епифании, или о злате*; 9) *двойное чудо св. Николая и св. Георгия о сарацине*; 10) *чудо о трех воеводах*. Шесть текстов, вошедшие в обе ранние рукописи (они выделены курсивом), составляют основную часть раннего цикла. Четыре сказания, два из которых присутствуют в Торжественнике, а два — в Хлуд-215, входят в его дополнительную часть. Сказания основной части, по-видимому, находились вместе в составе греческого оригинала и были переведены одновременно. На основе порядка следования сказаний о чудесах в русских рукописях и их состава (иногда с учетом редакций) устанавливаются разновидности цикла ранних чудес в русской письменности. Основных разновидностей выделено семь.

Первая разновидность по составу и порядку следования текстов ориентирована на Хлуд-215 и обычно содержит восемь текстов. Иногда вне цикла находится девятое двойное чудо⁹. Эта разновидность представлена в рукописях XV–XVII вв.; старший список Унд-258 датируется XV в. Как правило, в текстах сохраняется нумерация чудес, которая была в Хлуд-215. Однако редакция сказаний отличается от редакции XIII века. Отличительной особенностью этой разновидности является самоназвание цикла: *чюда и дѣланія стго и прпѣнаго вѣда нашѣ николаы* Унд-258 л. 53 об. *Вторая* разновидность, как следует из самих списков, ориентирована на посмертные чудеса. В содержащих ее рукописях ранний цикл следует после чудес Иного жития. Первым помещено чудо

о Симеоне, имеющее общий порядковый номер $\dot{\text{.ки.}}$, а «по преставлении» — $\dot{\text{.а.}}$, то есть это первое посмертное чудо, хотя непосредственно указывающая на это информация отсутствует. Чудо о Дмитриии оказывается девятым вместо первого (общий номер $\dot{\text{.лз.}}$), а двойное чудо — двенадцатым, после поздних сказаний¹⁰. Из всего раннего цикла в эту разновидность входят девять сказаний; отсутствует, как прижизненное, чудо о трех воеводах. Старший список Тр-9, содержащий такой цикл, относится к XV в. В отличие от первой и второй разновидностей, имеющих устойчивый состав и порядок следования текстов, остальные разновидности характеризуются их произвольным порядком и составом. *Третья* сборная полная разновидность включает пять и более текстов (т. е. не менее половины общего количества чудес), извлеченных из разных источников. Изредка сохраняется название раннего цикла, из которого взято одно или несколько произведений: сказание чюдеси великаго $\dot{\text{.ѡца}}$ николы $\dot{\text{.чю}}^{\text{д}}\dot{\text{.творца}}$ бывшаго в мире ликиѡнѣ Муз-9107 л. 41; чюдеса и дѣяніе / $\dot{\text{.стг}}\dot{\text{.го}}$ прѣбнаго $\dot{\text{.ѡца}}$ ншего николы, по преставленіи Овч-346 л. 95 об. Схожее самоназвание, отсылающее к первой и второй разновидностям цикла, находится в Муз-6457, хотя первым в нем следует чудо о ковре. *Четвертая* сборная сокращенная разновидность имеет менее пяти текстов, также извлеченных из разных источников. Иногда о первоисточнике свидетельствует сохранившееся название цикла: чюдеса и дѣяніа $\dot{\text{.стг}}\dot{\text{.го}}$ оца / нашего николы МГАМИД-451 л. 284, то же Рум-436 л. 234; сказаніе / в чюдеси великаго архіереа / $\dot{\text{.бж}}\dot{\text{.иа}}$. и $\dot{\text{.чю}}^{\text{д}}\dot{\text{.творца}}$ николы. / бывшаго въ мирѣ ликии Пог-957 л. 589б. *Пятая* разновидность восходит к циклу в Хлуд-215, однако количество текстов и их порядок произвольные. При этом сохраняется первоначальная нумерация текстов и/или древняя редакция. Но если в Хлуд-215 нумерация была внетекстовой, т. е. номер чуда предшествовал тексту, то в дальнейшем помимо такой нумерации появилась текстовая, т. е. номер чуда был введен в текст, точнее, во вступительную часть или в название. Именно номера указывают на исходный порядок чудес, соответствующий Хлуд-215, в рукописях XV–XVII вв., содержащих такой утративший целостность ранний цикл. Например, в Ег-926 и Об-20 чудо о юноше Николе следует седьмым, в Унд-1254 — восьмым, в Пог-664 — вторым, хотя указан его номер «четвертое»; чудо о Петре-чернице сохраняет номер «шестое», хотя оказывается четвертым в Тр-761 и Унд-557, восьмым в Муз-5386. Возможно сохранение самоназвания, близкого или идентичного тому, которое было в Хлуд-215: Сказаніе $\dot{\text{.чю}}^{\text{д}}\dot{\text{.си}}$ велика $\dot{\text{.ѡца}}$ ншего архіереа $\dot{\text{.ні}}$ колы $\dot{\text{.чю}}^{\text{д}}\dot{\text{.творца}}$. бывша $\dot{\text{.в}}$ мирѣ ликиѡнѣ Ег-926 л. 230б; сказаніе $\dot{\text{.ѡ}}$ чюдесь $\dot{\text{.стг}}\dot{\text{.го}}$ (так!) велика. / $\dot{\text{.ѡца}}$. архінерѣа $\dot{\text{.бж}}\dot{\text{.иа}}$ и чюдотѣворца николы. бывшаго $\dot{\text{.в}}$ мирѣху лоукиѡнѣ Унд-1254 л. 522; сказаніе чюдеси великаго $\dot{\text{.ѡца}}$ нашего архіереа николы чюдотворца бывшаго в мирѣ ликиѡнѣ Пог-962 л. 790; ср. сказаніе чюдесь $\dot{\text{.стг}}\dot{\text{.го}}$ и великаго $\dot{\text{.ѡца}}$ архінерѣа. и чюдотворца николы. бывшаго въ мирѣху лоукиѡнѣ Хлуд-215 л. 1. *Шестая* разновидность по сути представляет собой подвид сборной сокращенной разновидности, хотя ее состав устойчив: она всегда содержит только два чуда — о Дмитриии и о попе Христофоре в особой редакции. Ее можно назвать Малым «Сказанием чудес», поскольку она имеет самоназвание сказаніе чюдесь $\dot{\text{.стг}}\dot{\text{.го}}$ великаго архіереа $\dot{\text{.бж}}\dot{\text{.иа}}$. и чюдотворца николы. бывшаго $\dot{\text{.в}}$ мирѣху ликии Костр-16 л. 173в. Она входит в состав нескольких рукописей XV–XVII вв., в основном Торжественников (Соф-1276, Ег-1139, Унд-587, Овч-219 и др.). *Седьмая* разновидность — самая поздняя по времени

появления. Условно она может быть обозначена как «старопечатная». В ней содержатся отредактированные тексты чудес, вошедшие во второе 1641 г. и третье 1643 г. издания «Николина жития» и в последующие.

2. Цикл ранних чудес и другие произведения о св. Николае

В настоящее время можно дать только предварительную типологию цикла в целом, поскольку еще нет специальных источниковедческих и текстологических исследований, посвященных многочисленным произведениям литературного цикла св. Николая и охватывающих если не все, то большинство содержащих их рукописей. После изучения текстологии какого-либо из произведений могут быть внесены уточнения в типологию цикла в целом.

Характеристика произведений ни в коей мере не может претендовать на полноту и исчерпанность. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет изложить, во-первых, все наблюдения, сделанные в ходе изучения соотношения ранних чудес и литературного цикла святителя, во-вторых, разные точки зрения исследователей на тот или иной текст, в-третьих, рассмотреть все изученные письменные источники.

В общий литературный цикл св. Николая Мирликийского, кроме чудес, входили жития, Слова о преставлении и погребении, Слова и поучения на перенесение мощей, а также духовные стихи, каноны, службы и молитвы¹¹.

Житий, повествующих о святителе Николае, в русской письменности известно несколько, что отчасти связано с существованием по меньшей мере двух святых, носивших имя Николай, но живших в разное время и в разных, хотя и близко расположенных городах: один св. Николай жил в IV в. и был архиепископом Мир в Ликий, второй св. Николай жил в VI в. и был архиепископом Пинар в той же Ликии¹². Однако в русской письменности оба они именовались Николаем Мирликийским, и рассказывающие о них произведения объединялись в один цикл. Так называемое Метафрастово житие получило свое название по имени автора — византийского агиографа X в. Симеона Метафраста (начало: *моудра оубо нѣкам вещь...*). Почти дословный перевод Метафрастова жития с греческого на славянский был осуществлен в середине XIV в. на территории Болгарии, а затем появился в Молдавии и Руси¹³. Самоназвание произведения в русских памятниках письменности «Житие и жизнь и отчасти чудес сказание преподобнаго отца нашего Николы чудотворца, архиепископа Мир Ликийских»¹⁴. Большой популярности это сочинение не получило, хотя именно оно в XVII в. было включено в старопечатное «Николино житие»¹⁵.

Второе житие, более известное в русской письменности, получило в научной литературе название Иное житие (начало: *въ дни прежнл...*)¹⁶. Самоназвание произведения «Житие и деяния святого отца нашего Николы, архиепископа Мирского, заступника рода христианского»¹⁷. Иное житие является переводом греческого сочинения, которое опубликовал Фальконий¹⁸.

Наряду с Метафрастовым и Иным житием в русской письменности XVI–XVII вв. встречается и нередко присоединяется к ним еще одно житие (начало: *блвенъ еси гй...*). В литературе о св. Николае Мирликийском оно не получило общепринятого названия, обычно именуясь как «некнижная редакция» (В.О. Ключевский, Н.М. Никольский и современные исследователи), а также как «хождение» (Г. Подскальский). В русской письменности житие имеет само-

название «Слово иже во святых отца нашего Николы о житии и о хождении и о смерти и о погребении его» («Успение св. Николая») и «Повесть о погребении преподобного отца нашего Николы Чудотворца»¹⁹. Содержание этого повествования не совпадает ни с Метафрастовым житием, ни с Иным житием²⁰.

Опубликовавший «некнижную редакцию» В.О. Ключевский посчитал ее простой обработкой жития, «приспособленной к пониманию некнижного большинства». Он видел ее источник в «Повести о погребении св. Николая», которая была переведена с греческого и в русской письменности известна в списках с XV в.²¹ П.О. Потапов соотнес наличие двух славянских редакций с двумя греческими текстами с одинаковым названием «Περὶ τοῦ Νικολαίου», причем исследованные им русские списки буквально воспроизводят греческий оригинал²². Текст под названием «Повесть...» соответствует первой редакции греческого «Περὶ τοῦ Νικολαίου» (Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν ἀρχιεράρχου καὶ θαυματουργοῦ Νικολαίου Μυρίων τῆς Λυκίας), «Слово...» является переводом второй редакции (Βίος καὶ διήγησις περὶ θαυμάτων τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Νικολάου τοῦ ἐν Μύροις). Сопоставив списки жития по рукописям Петербургской духовной Академии № 1469 и № 1486 с публикацией В.О. Ключевского, П.О. Потапов выявил ряд добавлений, которые он считал принадлежащими русским писцам. М.С. Крутова, рассматривая «Слово...» как первую редакцию произведения, а «Повесть...» — как вторую, его источниками называет чудеса Метафрастова жития и Иного жития, а также часть текста Иного жития²³. В составе славянского Пролога было известно три кратких проложных жития Николая Мирликийского, или сказания, как их называли А.И. Пономарев и Сергей. В Синаксарь и в первую русскую редакцию Пролога под 6 декабря — днем памяти святителя — включено краткое проложное житие Николая Мирликийского (начало: **вѣ ѿрѣтво великаго константина...**) и при нем двойное чудо свв. Николая Чудотворца и Георгия Победоносца о сарацине. Основное содержание жития — краткий пересказ прижизненного чуда о трех воеводах св. Николая. А.И. Пономарев характеризовал это проложное житие как наиболее древнюю и наиболее краткую редакцию²⁴. В той или иной степени его использовал автор второго проложного жития.

Во вторую русскую редакцию Пролога вошло другое житие св. Николая Мирликийского (начало: **вѣ стѣхъ ѿць нашъ никола вѣ ѿ мирьскаго града. егда же родиса...**)²⁵, которое, возможно, является русским оригинальным сочинением. Чуть сокращенное изложение чуда о трех воеводах завершает текст; основную его часть составляет даже не изложение, а просто перечень важнейших событий Иного жития: стояние на ногах вскоре после рождения, обучение грамоте, исцеление слепой вдовы, поступление в монастырь, спасение корабля во время бури, создание церкви св. Сиона, чудо об источнике, поставление в митрополиты в Ликий. Однако сопоставление текстов показывает, что соответствие фактов из проложного жития и из Иного жития не абсолютное.

В состав стихного Пролога вошло третье проложное житие св. Николая Мирликийского (начало: **сїи вѣше вѣ лѣта диоклитIANA...**). Структурно оно похоже на второе: его заключительную часть составляет чудо о трех воеводах. В предыдущей части сказано, что святитель Николай жил во времена Диоклетиана и Максимиана; был заключен в темницу вместе с другими христианами и освобожден в царствование Константина Великого; принимал участие в Ни-

кейском соборе. Источником этого проложного жития было Метафрастово житие. По-видимому, вне стихного Пролога оно встречается крайне редко. Н.М. Никольский указывает Великую Минею Четью за декабрь Московской Синодальной библиотеки № 177, л. 274 и оглавление Великой Минеи Четвѣй за декабрь²⁶. Несколько сочинений посвящено перенесению мощей святителя Николая. Само событие состоялось в 1087 г.: мощи перенесены из Мир в Ликий (Малая Азия), где был погребен святитель, в итальянский город Бари (Барград)²⁷. В честь перенесения мощей учреждено празднование 9 мая (корабли, доставившие мощи святителя, прибыли в Бари именно в этот день), известное на Руси как «Никола вешний»²⁸. Одно из посвященных перенесению мощей произведений именуется в научной литературе «Память перенесения мощей» (Г. Подскальский), «Сказание о перенесении мощей» (Н.С. Тихонравов, А.И. Соболевский), «Слово о перенесении мощей» (И.А. Шляпкин) или «Слово на перенесение мощей» (мт. Макарий); в собственно рукописной традиции встречается просто **Пренесеніе/принесеніе мощемъ / мощи стго ѿца ншго никола...** (начало: **присно оубо должны есмы, братіе...**)²⁹. В нем содержится историческое повествование о перенесении мощей святителя.

Это сочинение, особенно в связи с установлением на Руси празднования 9 мая, вызывало у исследователей наибольший интерес. По поводу возможного происхождения произведения высказаны противоположные точки зрения, хотя большинство рассматривает его как оригинальное русское творение и связывает с установлением соответствующего праздника. Второе произведение именуется «Слово похвальное на перенесение мощей св. Николая» и по жанру является вполне традиционным похвальным словом (начало: **се настонтъ/наста, братіе, свѣтлое празднество...**). Оно состоит из трех частей. В первой кратко рассказывается о земной жизни святителя: упоминаются его родители Феофан и Нона, стояние новорожденного на ногах в течение двух часов (с этого начинается Иное житие), создание церкви Пресвятой Богородицы Марии. Несколько раз без конкретизации говорится о сотворенных святителем чудесах: исцелении больных и недужных, спасении от смерти и др. Подробно изложено только чудо о трех воеводах, причем автор Слова в качестве источника использовал полный текст чуда. Во второй части «Похвального слова» автор обращается к пастве с призывом соблюдать заповеди Господни, отказаться от языческих обычаев и от «лихоимания, клеветы, зависти, лукавства, татьбы, обиды» и проч. В третьей части произведения прославляется св. Николай Мирликийский.

Как происхождение «Слова похвального» (переводное или оригинальное, южно- или восточнославянское), так и вопрос его атрибуции не решены. Как правило, исследователи XIX–XX вв. связывают время его появления с «Памятью перенесения мощей» и с Иным житием св. Николая: считают, что оно появилось ранее последнего (В.О. Ключевский), не ранее него (Н.М. Никольский), в связи с ним (архим. Леонид).

В русской рукописной традиции три основных жития обычно помещались под 6 декабря. «Память перенесения мощей», непосредственно связанная с установлением празднования 9 мая, помещалась под этой датой, а «Слово похвальное на перенесение мощей св. Николая» могло находиться как в чтениях на декабрь, так и в чтениях на май (чаще). Еще одно произведение, рассказывающее о перенесении мощей св. Николая — Проложное сказание (или память)

о перенесении мощей св. Николая (начало: **понеже за оумножение грѣховъ нашихъ...**). Это произведение содержится как в краткой, так и в пространной редакции русского Пролога³⁰. Оно изредка включалось в сборники; текст обычно помещался под 9 мая. Он имеет самоназвания, близкие или тождественные «Памяти перенесения мощей»: **принесение моцѣ стго великаго чудотворца нико/лы ѿ ми в ба град** Ниж-40 л. 129; **слово на / пренесеніе мощен стго велика/го чюдотворца николаы. ѿ мвра / въ варь градъ** Вол-525 л. 343.

Остальные произведения литературного цикла святителя Николая встречаются редко. Они малоизвестны и не привлекали внимания исследователей. Часть из них может быть отнесена к группе житий, часть — к «Слову похвальному» и «Памяти перенесения мощей». Некоторые представляют собой фрагменты этих больших произведений, функционирующие как самостоятельные тексты.

По происхождению частью «Хожения» является текст, который начинается словами **живъ / жилъ стын николае лѣта доволна / бгооугодна...** В памятниках он может не иметь самоназвания (Муз-3141 л. 89), быть обозначенным как очередное чудо святителя (Писк-124 л. 170 об.: **чю^{до} .а.**) или как сочинение, рассказывающее о смерти Николая Мирликийского: **о преставленіи стго николаы** Ег-1715 л. 359; **сіе о смртѣ и о погребеніи стго (так!) ніко** Рог-228 л. 236 об. Н.М. Никольский называет его «Словом о смерти святого Николы (О преставлении св. Николая Чудотворца)»³¹. М.С. Крутова определяет произведение как краткую редакцию жития так называемого III типа (в терминологии автора), то есть «Хожения»³². Оно является заключительной частью «Хожения», в которой речь идет о смерти и погребении Николая Чудотворца.

Это не единственное функционирующее как самостоятельный текст повествование о смерти святителя. С XVI в. встречается **Слово на преставленіе иже во сты^х словоца ншго николаы** (Ег-747 л. 344 об.) или **Слово о пр/ставленіи. иже въ / сты^х оца ншего нико/лы. чюдотворца** (начало: **Еще же повѣдаю ва/мъ о мѣти бжїи / и прчтон его мѣри** Симф-33 л. 239б). Самоназвание может варьироваться: **Слово о житїи и о смртїи (так!) егво и о по/гребѣнїи** Тих-484.1. л. 143 (со ссылкой на Пролог)³³.

Другое произведение имеет самоназвание **житїе / и чудеса стго николаы архїи/епкпа мирскаго** (начало: **въ дни шны вы моу^ж правївъ...** Муз-3300 л. 116, то же Овч-217 л. 128б, Симф-33 л. 209а;). Н.М. Никольский приводит также название «Слово о житии и чудеса святого Николы, архиепископа Мирскаго», не исключая, что это переделка Иного жития³⁴. Однако скорее это не переделка, а переказ Иного жития (в том числе чуда о древе кипарисе) и выборки из него.

Несколько текстов примыкают к «Слову похвальному». Один из них имеет самоназвание **похвала прѣвна чюдотворца архїереа ніколаы** (начало: **се восиа на свѣтозарнаа памѣ архїереа бжїи николаы...** Овч-267 л. 195 об.). Н.М. Никольский приводит варианты начала текста и другие самоназвания: «Слово похвално, иже в святых отцу нашему Николе чудотворцу (слово на похвалу святого Николы, похвала святому Николе чудотворцу)»³⁵.

Второй текст авторский: **многогрѣшнаго и грѣваго. и недо/стойнаго прозвитера. андрѣа вывъ/шаго причетника. и клирика своръ/ныа и аплакы^х цркви в рѣскы^х страна^х/ преименитаго града москвы: / слово похвално и въ сты^х шца нашѣ/ премудраго въ стлѣ. и архїереа. чюдотворца николаы миръ ликенскы^х/ пастыра и оучителя на принесенїе / чтны^х мощен, ѿ миръ в ба градъ въспомано/венїе преслав-**

ныѣ. и предивны чюдесь мѣца маиа въ .ѿ. днь Овч-286 л. 214 (начало: днь наста свѣтоносное торжество...). Н.М. Никольский указывает, что это русское произведение, составленное «не ранее половины XIV в.», в составе сборников может быть анонимным; см. рукописи из собрания Погодина № 862 и № 961³⁶.

Иногда как самостоятельное произведение выступает несюжетная часть «Слова похвального на перенесение мощей св. Николая». Она имеет название **пооученіе на памѣтѣ стго / великаго и чдотворца николаы** и начинается словами **сеи стын ѿцъ нашъ николае, не томо ми/рскїа митрополїа вѣсти...** Син-199 л. 277 об.

В такой же роли самостоятельного текста с сохранением названия **слово похвалное на принесеніе мощей стго николаы** изредка встречается фрагмент из него, начинающийся словами **Да се вѣдоуще брае / всакога зловы ѡ/цыщаемса...** Ег-924 л. 248в³⁷.

В письменных источниках встречаются три произведения, которые восходят к старопечатным изданиям «Николина жития» 1641 и 1643 годов³⁸. Первый текст **Похвала иже во стыхъ оцѣхъ наше/мѣхъ николаѣ чюдотворцѣ...** (начало: **Кто тѣ възможетъ ѿ члвкъ земныхъ похвалити...**). Второй текст **Сказаніе повѣсти еже ѡ перенесенїи честныхъ мощей иже во стыхъ ѿца нашего николаы...** (начало: **прно оубо в памѣти имѣти...**). Оно приурочено к 9 мая и содержит рассказ о перенесении мощей святителя Николая в город Бари в Италии, то есть соответствует «Памяти перенесения мощей...» рукописных источников. Третье произведение — **Похвала на перенесеніе честныхъ мощей стгаго ѿца николаы...** (начало: **Во истинѣ оубо едина добродѣтель достоина естъ всакомѣ похваленїю...**). Функционально она совпадает со «Словом похвальным» рукописных источников. Следует отметить, впрочем, что в этой «Похвале» отсутствует эпизод о трех воеводах, имевшийся в рукописном варианте. Из старопечатных изданий при копировании их неслужебной части эти произведения были заимствованы в рукописную традицию.

Старопечатные редакции произведений находились, как правило, при старопечатных редакциях чудес раннего цикла. В частности, они вошли в Ег-41, Ег-191, Ег-451, Муз-3765, Тих-484.1. Обычно их сопровождало Метафрастово житие (видимо, тоже в старопечатной редакции). Другие произведения, находящиеся в письменных источниках при цикле ранних чудес, при старопечатных версиях сказаний о чудесах встречаются редко. Комбинации старопечатных и рукописных редакций представлены в Тих-484.1 и ЯМ-536. В ЯМ-536 включены ранние чудеса в старопечатной и рукописной редакциях, а находящиеся при них «Память перенесения мощей» и «Слово похвальное» — в рукописной (в табл. 1 они заключены в скобки).

Таблица 1

Рукопись	Похвала Николе Чудотворцу	Сказание повести о перенесении мощей	Похвала на перенесение мощей	Метафрастово житие	Хожение	Слово похвальное да се вѣдоуще...	Слово о преставлении/погребении еще повѣдаю вамъ ѡ мѣти...
Ег-41	+	+		+			
Ег-191	+	+		+			
Ег-451	+	+		+			
Муз-3765	+	+		+			

Рукопись	Похвала Николе Чудотворцу	Сказание повести о перенесении мощей	Похвала на перенесение мощей	Мета- фрастово житие	Хождение	Слово похваль- ное да се въѣдоуще...	Слово о престав- лении/погребении еще повѣдаю вамъ о мѣти...
Овч-270		+	+				
Тих-484.1	+	+	+	+			+
ЯМ-536		(+)	(+)	+	+	+	

Устойчивые разновидности цикла ранних чудес св. Николая Мирликийского имеют более или менее устойчивый литературный конвой. Сборные разновидности раннего цикла могут сопровождаться самыми разными произведениями. В табл. 2 представлен состав литературного цикла святителя Николая при сборной сокращенной разновидности ранних чудес.

Иное житие обозначено как ИЖ, «Хождение», или «некнижная редакция жития» — как Хождение, Метафрастово житие — как МЖ, житие второй редакции Пролога — как Проложное житие, фрагмент из «Хождения» с начальными словами *живъ / жилъ стын николае лѣта доволна / бгѡугодна* — как Слово о смерти, текст с начальными словами *въ дни оны бы моуж правивъ* — как Житие с указанием начальных слов, текст с начальными словами *еще повѣдаю вамъ о мѣти хвѣ* — как Слово о преставлении, «Память перенесения мошей» — как ППМ, «Слово похвальное на перенесение мошей» — как СлП; для других «Похвальных слов» указываются начальные слова или автор.

Таблица 2

Рукопись	ИЖ	Хождение	МЖ	Слово о смерти	Проложное житие	Житие въ дни оны	СлП	ППМ	Проложная память	Поучение на память	СлП да се въѣдоуще	СлП се восиа намъ	СлП причитни- ка Андрея
Амф-18		+											
Арх-23		+					+						
Больш-66					+		+	+	+				
Вол-525	+	+					+	+	+				
Ег-263							+	+					
Ег-486									+				
Ег-875						+	+	+					
Ег-924								+			+		
Ег-930		+	+				+	+					
Ег-1529		+						+					
Ег-1665		+					+	+					
Ег-1715		+		+									
КБ-47			+										
МГАМИД-451	+						+	+					
Муз-3141		+		+			+	+					
Муз-3300		+				+	+	+					
Ниж-40									+				

Современные проблемы археографии

Рукопись													
	ИЖ	Хождение	МЖ	Слово о смерти	Проложное житие	Житие въ дни оны	СлП	ППМ	Проложная память	Почуение на память	СлП да се въдоуще	СлП се восилъ	СлП причетника Андрея
Овч-217		+				+		+					
Овч-267		+		+		+		+				+	
Овч-286		+					+	+					+
ОЛДП-185									+				
Писк-124		+		+				+					
Пог-801					+								
Пог-805						+		+					
Пог-862	+												
Пог-957		+			+								
РК-192		+	+				+						
Рог-228	+						+	+		+			
Рум-436	+						+	+					
Син-199	+						+	+		+			
Син-392		+						+					
Тр-693		+											
Тр-805								+					
Унд-563		+	+				+						
Унд-1300	+						+						

Как видно из табл. 2, чаще прочих при сборном сокращенном цикле ранних чудес оказываются «Хождение», «Слово похвальное» и «Память перенесения мощей». Два из трех основных житий св. Николая Мирликийского вместе помещаются редко. Метафрастово житие древнерусские писцы включали в литературный цикл реже двух других житий. В некоторые рукописи не вошли не только второстепенные небольшие тексты, но и основные жития Николы. При сборном полном цикле ранних чудес Николая Чудотворца литературный конвой произведений о святителе оказывается примерно таким же, как и при сборном сокращенном. В табл. 3 показан состав литературного цикла при этой разновидности чудес. Скобками обозначены отступления от обычного текста: утрата фрагмента, разделение текста на части и др.

Таблица 3

Рукопись													
	ИЖ	Хождение	МЖ	Слово о смерти	Проложное житие	Житие въ дни оны	СлП	ППМ	Проложная память	Почуение на память	СлП да се въдоуще	СлП се восилъ	СлП причетника Андрея
Больш-398		+	+					+					
Вол-519	+												
Ег-643							+						

Рукопись	ИЖ	Хожене	МЖ	Слово о смерти	Проложное житие	Житие въ дни оны	СлП	ППМ	Проложная память	Поучение на память	СлП да се въдоуще	СлП се воснамаъ	СлП причетника Андрея
Ег-805		+					(+)	+					
Ег-886			+				+						
Ег-1843	+			+			+	+		+			
Муз-6457	+			+			+	+					
Муз-9107	+	+					+	+					
Ниж-37							+						
Никиф-421	+	+					+	+					+
Никол-16		+					+	+					
Овч-220		+		+			+						
Овч-346	+						+	+					
Симф-33						+	+	+			+		
Тих-430			+				+	+					
Тр-791	+	+					+	+					
Унд-584	(+)						(+)	+					
ЯА-1088								+					

Основное различие между составами литературного цикла при сборной сокращенной и сборной полной разновидностях раннего цикла чудес заключается в наличии / отсутствии редких произведений. Их количество меньше при полном цикле чудес, возможно, из-за его большего объема. Кроме того, при полном цикле чаще встречается Иное житие и реже — «Хожене». Иное соотношение произведений литературного цикла св. Николая складывается в том случае, если в нем содержится цикл ранних чудес первой и пятой разновидностей, т. е. ориентированный на Хлуд-215. В табл. 4, состоящей из двух частей, приведен состав произведений при первой разновидности раннего цикла чудес (первая часть таблицы) и при пятой (вторая часть таблицы).

Таблица 4

Рукопись	ИЖ	Хожене	МЖ	Слово о представлении	Проложное житие	Житие въ дни оны	СлП	ППМ	Проложная память	Поучение на память	СлП да се въдоуще	СлП се воснамаъ	СлП причетника Андрея
Больш-20	+	+											
Ег-493	+												
Ег-747	+			+			+						
МГАМИД-563	+	+					+	+					

Современные проблемы археографии

Рукопись	ИЖ	Хождение	МЖ	Слово о преставлении	Проложное житие	Житие въ дни оны	СлП	ШПМ	Проложная память	Поучение на память	СлП да се въдоуце	СлП се воснамаъ	СлП причетника Андрея
Об-54	+												
Ол-16	+						+	+					
ОР-421	+						+	+					
Пог-659	+							+					
Рог-180	+	+						+					
Рог-611	+	+					+	+					
Свир-27	+							+					
Соф-1513	(+)						+	+					
Тих-183	+						+						
Унд-258	+							+					
Шан-1	+						+						

Ег-743	+	+					+						
Ег-921	+	+	+				+	+					
Ег-926	+	+											
Об-20	+	+											
Пог-664	+												
Свир-25	+						+	+					
Тр-761								+					
Унд-577	+						+	(+)					
Унд-1254	+												

При первой и пятой разновидностях раннего цикла чудес обычно находится Иное житие. «Хождение» встречается лишь в отдельных списках. Еще реже писцы помещают Метафрастово житие. «Слово похвальное» и «Память перенесения мощей» есть в большинстве рукописей. Небольшие второстепенные произведения в литературный цикл не включаются, за редким исключением. См., например, Ег-747, где находится также «Слово о преставлении...» (начало: **Еще же повѣдаю въ мѣсѣхъ...**); ср. состав цикла при «старопечатной» разновидности чудес. При второй разновидности раннего цикла Иное житие становится обязательным, поскольку цикл всегда следует за его чудесами. Присутствие остальных житий, как и при других разновидностях, является факультативным. По-видимому, неотъемлемой частью оказываются также «Слово похвальное» и «Память перенесения мощей». Исключение представляют собой две рукописи, помеченные в табл. 5 знаком *, поскольку содержащийся в них цикл чудес не является полноценной второй разновидностью, а лишь восходит к ней.

Таблица 5

Рукопись	ИЖ	Хожение	МЖ	Слово о смерти	Проложное житие	Житие въ дни оны	СлП	ППМ	Проложная память	Поучение на память	СлП да се въдроче	СлП се восна намъ	СлП причетника Андрея
Ег-639	+						+	+					
Ег-950	+						+	+					
Ед-422	+	+	+				+	+					
Пог-587	+						+	+					
Пог-672	+						+	+					
Пог-773	+	+					+	+					
Пог-949*	+												
Пог-1281*	+		+										
Рог-633	+						+	+					
Тр-9	+						+	+					
Тр-788	+		+				+	+					

По-видимому, устойчивые разновидности раннего цикла имеют более или менее устойчивый литературный конвой. Возможно, писцы копировали основную часть литературного цикла св. Николая, а именно житие (Иное житие) и цикл ранних чудес целиком. Небольшие редкие произведения при этом почти не использовались.

Малое «Сказание чудес» как устойчивая разновидность раннего цикла сопровождается «Словом похвальным». Насколько можно судить только по его названию без текстологического исследования («Слово похвально святого святителя...» и «Слово похвально о житии...»), выделяются две группы рукописей такого состава.

Если Метафрастово житие имеет одинаковое самоназвание (см. выше), то у Иного жития при сборном сокращенном цикле встречается два типа названий. Одно восходит к названию этого произведения при цикле ранних чудес по типу Хлуд-215 и содержит слова *застѡпника рода хрѣтианскаго: житіе / і дѣланіе, иже во стѣхъ ѿца ншего. никола / архіепѣкопа мирликинскаго чюдотворца. / і застѡпника рода хрѣтианскаго* Син-199 л. 233; то же Пог-862 л. 186 об. Второе название краткое: *житіе / и дѣланіе. иже во стѣхъ ѿца ншего никола архіепѣпа. мирь / ликынскаго чюдотворца* Унд-1300 л. 522 об.; то же МГАМИД-451, по такой же модели в Рум-436; ср. *житѣк и чудеса стѣго стѣла і чюдотворца никола и въ мѡрѣ* Тр-9 л. 155 об. Очевидно, писцы сохраняли то название, которое было в оригинале. В Рог-228 сделана контаминация названий Иного жития и «Хожения», что соответствует следующему далее тексту: *житіе і дѣланіе. / иже во стѣхъ ѿца ншего никола. архіепѣпа мирликинскаго чюдотворца. и застѡпника рода хрѣтианскаго. і въ смрти / і въ погребеніи, и въ чудесахъ, стѣго великаго никола* л. 231. После двух чудес Иного жития следует текст под названием *сіе о смрти і о погребеніи стѣго (так!) нико* с начальными словами *і жилъ стѣын николае лѣта вѣооугодна...* Писец этой рукописи (или ее оригинала) объединил названия и части разных произведений. Что касается

«Хожения», то при сборном сокращенном цикле ранних чудес встречаются обе редакции произведения. Одна из них именуется «Слово иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийского, о житии, хождении, о смерти и погребении» с некоторыми вариациями (отсутствие слова *смерти*, иной порядок и другой падеж слов *о житии, хождении, о смерти и погребении*). Вторая редакция называется «Повесть о житии, о чудесах и о погребении иже во святых отца нашего Николы Мирликийского чудотворца» (Арх-23 л. 77 об., Тр-693 л. 258). В ряде текстов отсутствует ключевая лексема «Слово» или «Повесть», поэтому без специального исследования невозможно установить их принадлежность к той или другой редакции. Более других по спискам варьируется название «Слова похвального на перенесение мощей св. Николая». Возможно, отчасти это связано с текстологией произведения. Предварительно можно выделить три вида самоназваний. В первом «Слово похвальное...» связывается с перенесением мощей: *слово на принесеніе мощен стго ѿца николы похва/льно* Рум-436 л. 227 об; то же иногда с незначительными различиями МГАМИД-451 л. 275 об., РК-192 л. 135 об., Муз-3300 л. 175. Во втором оно соотносено с рождеством и чудесами святителя: *слово похва/льное. и роженіе и во стгы ѿца наше / николы архіеппа мирликѣнска чюдотворца* Арх-23 л. 71 об.; *слово похва/но о ржѣтвѣ стго николы / о чудесе его* Рог-228 л. 273 об.; то же Син-199 л. 275, Ег-263 л. 60 г. В третьем «Похвала» отнесена к самому Николаю Чудотворцу: *похвала великом чюдтв/рцю николѣ* Больш-66 л. 347 об.; *слово похва/но стгом великом чюдтв/рцѣ николѣ ѿ житіа его* Муз-3141 л. 162; *слово похвалное гнѣ великом чюдтв/рцю николѣ* Ег-930 л. 204в; то же Ег-1665 л. 253 об.; сюда же *памя стго / ѿца ншго николы и в мире* Ниж-40 л. 87 об., *словъ / похва/льное на памѣ иже въ / стгы ѿца нашего николы. / архіеппа мирликынска/го чюдотворца* Унд-1300 л. 565 об. Особо слово *похва/лно ѿ житіи иже / въ стгы ѿца нашего / архіерѣта хва николы / чюдотворца* Ег-875 л. 102а; то же Унд-587, Анз-83/1448 (при Малом «Сказании чудес»). Зависимости самоназвания от той или иной разновидности раннего цикла не отмечено. Изучение литературного цикла Николая Чудотворца в целом и ранних сказаний о чудесах показывают определенную связь между разновидностью цикла ранних чудес и остальными произведениями. При устойчивых разновидностях обычно находится Иное житие, при сборных разновидностях — «Хожение» и/или Иное житие. Метафрастово житие встречается эпизодически, являясь обязательным только при «старопечатной» разновидности цикла. Небольшие второстепенные тексты преимущественно встречаются при сборных разновидностях цикла, которые, как видно из таблиц, более частотны в русской письменности по XVII столетие включительно, чем остальные. «Слово похвальное» и «Память перенесения мощей» входят в число «обязательных» произведений при второй разновидности цикла чудес. В других случаях они могут отсутствовать, заменяясь схожими сочинениями. Частотность текстов показывает, с одной стороны, их авторитетность и популярность, с другой — демонстрирует методы работы русских книжников при составлении сборников.

¹ Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997. С. 121, 127; Пак Н.В. Об источниках так называемой Полной редакции Метафрастового жития св. Николая Мирликийского // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. С. 202–203.

² *Никольский Н.М.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 355.

³ Подробнее см.: *Крутова М.С.* Святитель Николай Чудотворец... С. 127–129; *Макеева И.И.* Цикл ранних чудес святого Николая Мирликийского в русской письменности XV–XVII веков // Святитель Николай Мирликийский в памятниках письменности и иконографии. М., 2006. С. 20–21.

⁴ О русских чудесах см.: *Устинова О.А.* Древнейшие русские сказания о чудесах Николая Мирликийского (конец XI — начало XII века). Автореферат диссерт. ... Канд. филол. наук. СПб., 2006.

⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.). М., 1984. С. 113–116.

⁶ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. М., 2002. С. 655–656; *Попов А.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. С. 448–454.

⁷ Описание рукописи и публикацию текстов см.: *Макеева И.И.* «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2003. С. 228–310.

⁸ *Попов А.* Описание рукописей и каталог книг... С. 448.

⁹ Девять чудес находится в Унд-258, Тих-183 и Больш-20, десять — в Пог-659 и Об-54.

¹⁰ См.: *Макеева И.И.* Цикл ранних чудес... С. 36–37.

¹¹ Подробный перечень произведений см.: *Никольский Н.М.* Материалы для повременного списка... С. 304–382; *Крутова М.С.* Описание рукописей и каталог книг... С. 164–180. В последней работе они сгруппированы по жанрам и тематике. Духовные стихи, каноны, службы и молитвы, а также некоторые другие тексты, например, перевод Метафрастова жития с латинского языка, непосредственно не связанные со сказаниями о чудесах как циклом, не рассматриваются.

¹² Краткий обзор зарубежных работ на эту тему см.: *Ремизов А.М.* Образ Николая Чудотворца: Алатырь-камень русской веры. YMCA PRESS, Paris, 1931. С. 70–79; Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. М., 1876. С. 379–381.

В русской богословской науке вопрос о двух святых Николаях подробно рассмотрел архимандрит Антонин Капустин. См.: *Антонин (Капустин)*. Св. Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1869. Т. 2. С. 449; *Он же*. Еще раз о святителе Николае Мирликийском // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1873. Т. 4 (октябрь). С. 288.

¹³ *Кенанов Д.* Метафрастика. Симеон Метафраст и православната славянска агиография. Велико Търново: ПИК, 1997. С. 136.

¹⁴ По спискам название может незначительно варьироваться: житѣе / и жизнь, и ѿчѣнн чюдесе^ѣ сказа/нїе. прѣгнаго ѿца ншего и чюдѣво/ця николаы. архнепѣа. мирѣ / ликнскїихъ, чюдотворца Тр-788 л. 422; житїе / и жизнь. и ѿча/сти чюдесе^ѣмъ сказанїе. прѣгнаго ѿца нашего ни/колы. архнепѣа мирѣ ликнскїѣ Пог-1281 л. 207.

¹⁵ В настоящее время Н.В. Пак предприняла попытку классифицировать известные в русской письменности списки Метафрастова жития.

¹⁶ Существует предположение, что Метафрастово житие повествует о Николае, архиепископе Мир Ликийских, а Иное житие — о Николае, архиепископе Пинарском.

¹⁷ По спискам название варьируется: жытїе. и^ѣ во стѣхъ ѿца / нашего николаы. архнепѣа, мїрлїкнскїаго / чюдотворца Об-20 л. 671; житѣе и чюса / стѣго стѣла и чюдѣворца ныколы, иже / в мирѣ Тр-788 л. 464; житїе / и дѣяніе. иже во стѣхъ / ѿца ншего нико/лы архнепѣа мїрлїкнскїаго чюдотворца Вол-519 л. 270 об.; житїе і жїнь иже / въ стѣхъ ѿца ншего. николаы архнепѣа / мїрлїкнскїа чюдѣворца. и застоу/пника родѣ крѣтѣльскомоу Пог-611 л. 54 об.; житѣе и дѣяніа и^ѣ / въ стѣхъ оца ншего николаы архнепѣа / мїрлїкнскїаго и великаго застоу/пника родоу / хрѣтїанскомоу Больш-20 л. 353 и др.

¹⁸ *Антонин*. Св. Николай, епископ Пинарский...; *Он же*. Еще раз о святителе Николае Мирликийском; *Никольский Н.М.* Материалы для повременного списка... С. 326–327; *Потанов П.О.* Литературной истории рукописных сказаний о св. Николае Чудотворце // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Одесса, 1922. С. 124–125; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 215.

¹⁹ По спискам возможно варьирование названия: слово стѣго николаы. ѿ похужеїи и ѿ житїи. / и ѿ преставленїи Пог-611 л. 124; слово иже / во стѣхъ ѿца ншего николаы архи/епопа мїрлїкнскїаго. житѣе /

и хоженіе. і о погребеніи его Ег-1665 л. 242; то же Ег-930, Вол-525; слово иже во стѣхъ ѿца ншего николаи архіепіпа мліанкіскаго чюдотворца. о житіи его / і в хоженіи о смѣти і в погребеніи Муз-3141 л. 62; сло^{во} нигде чюдесе. стго николаи / вкратце. и в / погреніи его (так!) РК-192 л. 107; житие и жизнь стго николаи сло/во в смѣрти и в погребеніи его Амф-18 л. 242 об.—243; житие и жизнь. иже во стѣхъ ѿца / нашего николаи. архіепіпа мліанкіскаго чюдотворца. в смѣрти / и о погребеніи (так!) его Никол-16 л. 471; повѣсть в житіи. и в / чюдесе и в погребеніи. и во стѣхъ ѿца / нашего николаи мліскаго чюдотворца Арх-23 л. 77 об.; то же Тр-693; повѣсть в погребеніи / пріѣзнаго ѿца ншего николаи чюдотворца Муз-9107 л. 73; иже во стѣхъ ѿца нашего николаи. архіепіпа мліанкіскаго житие. і хоженіе. і о погребеніи его Унд-563 л. 66 об.; иже во стѣхъ / ѿца нашего николаи архіепіпа мліанкіскаго чюдотворца в хоженіи і о житіи стго / і в смѣрти его и в погребеніи Ег-1715 л. 352 об.-353; иже во стѣхъ / ѿца нашего николаи архіепіпа. миръ / ліанкіскі чюдотворца. житіе и / хоженіе, и о погребеніи его Ег-1529 л. 273 об.

²⁰ П.О. Потапов предположил, что в этом житии речь идет о еще одном св. Николае, сказание о котором существовало в византийской литературе и рассказывало о его апостольской деятельности среди варваров. Его деятельность проходила в передней Азии, в том числе в Ликий (Потапов П.О. К литературной истории... С. 127).

²¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 218—220, 453—459.

²² Потапов П.О. К литературной истории... С. 128.

²³ Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец... С. 131—133.

²⁴ Пономарев А.И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2. Славяно-русский Пролог. Ч. 1. Сентябрь-декабрь. СПб., 1896. С. 193.

²⁵ В сборниках в составе литературного цикла св. Николая это проложное житие может иметь самоназвание: иже во стѣхъ ѿца ншего николаи архіепіпа мліскаго / ѿ житіа его и чюдотвореніа Пог-801 л. 58; слово иже во стѣхъ ѿца нашего николаи архіепіпа / мурьскаго Пог-957 л. 219г; памѣть и во стѣхъ ѿца ншего николаи архіепіпа / мліанкіскі Больш-66 л. 300 об. (зд. сохранено проложное название). Другие варианты самоназвания см.: Никольский Н.М. Материалы для повременного списка... С. 364—366.

²⁶ Никольский Н.М. Материалы для повременного списка... С. 367.

²⁷ Такова общепринятая точка зрения. Установление даты перенесения мощей подробно изучил А. Красовский. Автор высказывает «предположение, по которому в конце XI в. было два перенесения мощей двух великих светил Мирликийской церкви — одного и того же имени. Первое перенесение совершено в 1087 году барянами, а второе совершено в 1096 году венецианскими крестоносцами в свое отечество, где событие это ежегодно воспоминается церковью 8 декабря» (Красовский А. Установление в русской церкви праздника 9 мая в память перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1874. Т. 4 (декабрь). С. 542). О времени перенесения мощей святителя также см.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Т. 2. СПб., 1857. С. 193; Дмитриевский А.А. Православное русское паломничество на запад (в Бар-град и Рим) и его насущные нужды. Киев, 1897. С. 34—35; Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Шапова. СПб., 2003. С. 191.

²⁸ Особый интерес установление этого праздника на Руси вызывало в связи с тем, что византийской церковью он не отмечался. О причинах и времени установления празднования перенесения мощей см.: Сергий. Указ. соч. С. 129; Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 2. М., 1881. С. 345—346; Красовский А. Установление в русской церкви... С. 575, 584; Хрусталева Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 228—249.

²⁹ Внутри двух групп, различающихся наличием / отсутствием слова *память* в названии, возможно варьирование самоназваний: принесение мощей стгла хва николаи. и мира въ ва град Тр-805 л. 156 об.; прінесеніе чтны мо/щей. и во стѣхъ ѿца ншего николаи чюдотворца. / ѿ миръ в варъ град Пог-228 л. 270 об.; пренесеніе мощей / стго ѿца нашего и чюдотворца архіепіпа / николаи. ѿ мліска гра в варъ град Писк-124 л. 383; памѣть пренесеніе мощей / стго пріѣзнаго ѿца ншего / николаи чюдотворца архіепіпа / мліска в варъ град Больш-66 л. 324; памѣть пренесеніа мощей иже / во стѣхъ ѿца нашего и чюдотворца / николаи ѿ миръ в варъ град Ег-1529 л. 417 об.—418. Более редкий вариант слово на принесение мощей / иже во стѣхъ ѿца ншего николаи / из млі въ ва град Муз-3141 л. 152. Н.М. Никольский указывает также переделку под названием Повесть о перенесении мощей св. Николаи (начало: Присно ѹбо въ памяти имѣти Бога...); см.: Никольский Н.М. Материалы для повременного списка... С. 326.

³⁰ О.В. Лосева считает, что в краткую редакцию оно заимствовано из пространной, и называет его источником Похвального слово на перенесение мощей св. Николая Чудотворца «Присно убо должны есмы...». Подробнее см.: *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 129, 136–145, 381–390. См. также: *Никольский Н.М.* Материалы для повременного списка... С. 366–367.

³¹ *Никольский Н.М.* Материалы для повременного списка... С. 370.

³² *Крутова М.С.* Святитель Николай Чудотворец... С. 133.

³³ См. также: *Никольский Н.М.* Материалы для повременного списка... С. 369.

³⁴ Там же. С. 368, 382.

³⁵ Там же. С. 371.

³⁶ Там же. С. 372–373.

³⁷ См. также: *Никольский Н.М.* Материалы для повременного списка... С. 314.

³⁸ В первое старопечатное издание 1640 г. вошли тексты в той редакции, в которой они бытовали в рукописной традиции.

Рукописные источники

Амф-18 — РГБ, собр. архим. Амфилохия, ф. 7, № 18. Златоуст, XVI в., лл. 226–262 об.

Арх-23 — БАН, собр. Архангельской Семинарии, № 23. Сборник слов, житий и сказаний, XVI–XVII вв., лл. 71 об.–91 об.

Больш-20 — РГБ, собр. Большаковых, ф. 37, № 20. Торжественник, XVI–XVII вв., лл. 230 об.–236 об., 317 об.–320 об., 353–409.

Больш-66 — РГБ, собр. Большаковых, ф. 37, № 66. Сборник, XVI в., лл. 4–11, 300 об.–355.

Больш-398 — РГБ, собр. Большаковых, ф. 37, № 398. Сборник, XVI в., лл. 47–141.

Вол-519 — РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, ф. 113. Сборник слов и посланий, XVI в., лл. 270 об.–344 об.

Вол-525 — РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, ф. 113, № 525. Сборник, XVII в., лл. 310–332, 337–347 об.

Ег-41 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 41. Минея четья на декабрь, 3-я четверть XVII в., лл. 96–184 об.

Ег-191 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 191. Сборник, 2-я четверть XVII в., лл. 27–135 об.

Ег-263 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 163. Сборник слов и житий, XVI в., 60г–66а, 141в–146а.

Ег-451 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 451. Цветник, 1-я половина XVII в., лл. 475–612.

Ег-486 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 486. Пролог, 2-я четверть XVI в., лл. 165а–167б.

Ег-493 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 493. Сборник житий, XVI в., лл. 217–323 об.

Ег-643 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 643. Сборник житий и слов, 3-я четверть XVI в. — 1 половина XVII в., лл. 442 об.–480.

Ег-743 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 743. Сборник житий и слов, начало XVII в., лл. 123в–131а, 195г–247г, 338г–351г.

Ег-747 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 747. Сборник житий и слов, последняя четверть XVI–XVII в., лл. 308–401.

- Ег-805 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 805. Сборник слов, поучений и др., XVII в., лл. 201–253 об.
- Ег-875 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 875. Торжественник, XVI в., лл. 99г–121г, 354б–364б.
- Ег-886 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 886. Сборник житий и слов (сент. половина года), XVI в., лл. 632–710 об.
- Ег-921 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 921. Торжественник, XVII в., лл. 470 об.–478 об., 746–803.
- Ег-924 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 924. Торжественник (январь–август), XVI в., 241а–250б.
- Ег-926 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 926. Торжественник, последняя треть XV в., лл. 212 об.–248г.
- Ег-930 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 930. Торжественник, XVI в., лл. 185б–224б., 347в–350б.
- Ег-950 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 950. Торжественник и Синаксарь, посл. четверть XVI в., лл. 110 об.–149 об.
- Ег-1139 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 1139. Торжественник, XVI в., лл. 173а–177г.
- Ег-1529 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 1529. Торжественник, последняя четверть XVI в., лл. 273 об.–299 об., 417 об.–431 об.
- Ег-1665 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 1665. Торжественник, последняя четверть XVI в., лл. 242–269 об., 377–380 об.
- Ег-1715 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 1715. Торжественник с дополнительными статьями, 2-я четверть XVII в., лл. 352 об.–371.
- Ег-1843 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 1843. Сборник, середина XVII в., лл. 43–97.
- КБ-47 — РНБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 47/1124. Сборник, XV в., лл. 122–176 об.
- Костр-16 — РГБ, собр. Костромской биб-ки, ф. 138, № 16. Торжественник, первая половина XVI в., лл. 173в–178 об.
- Лук-85 — РГБ, собр. Лукашевича и Маркевича, ф. 152, № 85. Торжественник, лл. 65 об.–69 об.
- МГАМИД-451 — РГАДА, собр. МГАМИД, ф. 181, № 451/919. Сборник, XVI в., лл. 140–151 об., 268 об.–291.
- МГАМИД-563 — РГАДА, собр. МГАМИД, ф. 181. Жития греческих святых (Торжественник), XVII в., лл. 14–90.
- Муз-3141 — РГБ, собр. Музейное, ф. 178, № 3141. Сборник житий и сказаний, 1-я половина XVII в., лл. 62–173.
- Муз-3300 — РГБ, собр. Музейное, ф. 178, № 3300. Сборник, XVI в. лл. 116–187 об.
- Муз-3765 — РГБ, собр. Музейное, ф. 178, № 3765. Сборник, 1669 г., лл. 47–344.
- Муз-5386 — РГБ, собр. Музейное, ф. 178, № 5386. Пролог, XVI в., лл. 172 об.–189 об., 239 об.–250.
- Муз-6457 — РГБ, собр. Музейное, ф. 178, № 6457. Сборник, кон. XVI — нач. XVII в., лл. 76–81 об., 213–262 об.
- Муз-9107 — РГБ, собр. Музейное, ф. 178, № 9107. Сборник житий и поучений, 1602 г. лл. 1–124.

- Ниж-37 — РГБ, собр. Нижегородское, ф. 732, № 37. Сборник поучений, повестей, кон. XV — нач. XVI вв., лл. 33–75.
- Ниж-40 — РГБ, собр. Нижегородское, ф. 732, № 40. Сборник слов, поучений и отдельных статей из Пролога, 1627–1628 гг.(?), лл. 87 об.–90, 129–133 об.
- Никиф-421 — РГБ, собр. Никифорова, ф. 199, № 421. Сборник житий, похвальных слов, служб, кон. XV — нач. XVI вв., лл. 3–70 об.
- Никол-16 — БАН, собр. Никольского, № 16. Сборник, XVII в., лл. 463–541 об.
- Об-20 — РГАДА, собр. Оболенского, ф. 201, № 20. Жития святых, сер. XVII в., лл. 671–743.
- Об-54 — РГАДА, собр. Оболенского, ф. 201, № 54. Минея Четья, декабрь, XVI в., лл. 94–156.
- Овч-217 — РГБ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 217. Торжественник, XVI в., лл. 128б–154в.
- Овч-220 — РГБ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 220. Торжественник, XVII в., лл. 100–107 об., 156 об., 165–187 об.
- Овч-267 — РГБ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 267. Сборник слов и житий (Соборник), XVII в., лл. 176–200 об., л. 340–344.
- Ов-270 — РГБ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 270. Сборник слов и житий, XVII в., лл. 261–315 об.
- Овч-286 — РГБ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 286. Сборник слов и поучений, кон. XV — нач. XVI в., лл. 173 об.–217.
- Овч-346 — РГБ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 346. Житие Николая Мирликийского, XVII в.
- ОЛДП-185 — РНБ, собр. ОЛДП, Ф.185. Торжественник, XVII в., 177–184 об., 338 об.–346 об.
- ОР-421 — РГБ, собр. Отдела рукописей, ф. 218, № 421. Житие св. Николая, 1636 г., лл. 1–114 об.
- Писк-124 — РГБ, собр. Пискарева, ф. 228, № 124. Торжественник, XVI в., лл. 165–176 об., 383–390 об.
- Пог-658б — РНБ, собр. Погодина, № 658б. Сборник-конволют, XVII в., лл. 1–242 об.
- Пог-659 — РНБ, собр. Погодина, № 659. Сборник житий, XVI в., лл. 354–486.
- Пог-664 — РНБ, собр. Погодина, № 664. Жития святых, XVI в., лл. 81–135 об.
- Пог-672 — РНБ, собр. Погодина, № 672. Жития святых, XVII в., лл. 1–163.
- Пог-801 — РНБ, собр. Погодина, № 801. Сборник, XVII в., лл. 58–69.
- Пог-805 — РНБ, собр. Погодина, № 805. Сборник агиографический, XV в., лл. 70–80, 142–144.
- Пог-862 — РНБ, собр. Погодина, № 862. Сборник, сер. XVI в., лл. 186 об.–208 об., 520–520 об.
- Пог-864 — РНБ, собр. Погодина, № 864. Сборник, XVI–XVII вв., лл. 495–646 об.
- Пог-949 — РНБ, собр. Погодина, № 949. Сборник, XVI в., лл. 445–486.
- Пог-957 — РНБ, собр. Погодина, № 957. Сборник агиографический, XVI в., лл. 219г–231а, 589б–593б.

- Пог-962 — РНБ, собр. Погодина, № 962. Сборник агиографический, XVI в., лл. 770 об.—824 об.
- Пог-1281 — РНБ, собр. Погодина, № 1281. Жития святых, XV—XVI вв., лл. 207—278 об.
- РК-192 — РГБ, собр. Рукописных книг, ф. 722, № 192. Сборник составной, кон. XVI в. и 3-я четверть XVII в., лл. 67—167 об.
- РК-246 — РГБ, собр. Рукописных книг, ф. 722, № 246. Пролог на май—март, последняя четверть XVII в., лл. 213—235.
- Рог-180 — РГБ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 180. Житие св. Николая, сер. XVI в., лл. 1—111.
- Рог-228 — РГБ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 228. Сборник поучений и житий, начало XVII в., лл. 231—284 об.
- Рог-611 — РГБ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 611. Сборник, сер. XVI в., лл. 54 об.—139.
- Рог-633 — РГБ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 633. Сборник слов, апокрифов, молитв, 1593 г., лл. 81—258 об.
- Рум-436 — РГБ, собр. Румянцева, ф. 256, № 436. Торжественник, нач. XVI в., лл. 115 об.—124 об., 217—239.
- Свир-25 — БАН, собр. Александро-Свирского монастыря, № 25. Житие и чудеса Николы, кон. XVI — нач. XVII в.
- Свир-27 — БАН, собр. № 3 Александро-Свирского мон-ря, № 27. Сборник, XV в., лл. 1—82 об.
- Симф-33 — РГБ, собр. Симферопольского пединститута, ф. 445, № 33. Сборник, 1551 г., лл. 209а—2245б, 308а—311а, 535г—539в.
- Син-199 — РГАДА, собр. Синодальной типографии, ф. 381, № 199. Измарагд, 1610 г., лл. 233—286.
- Син-392 — РГАДА, собр. Синодальной типографии, ф. 381, № 392. Сборник поучений, сказаний, житий, XVII в., лл. 88—114.
- Соф-1276 — РНБ, собр. Софийское, № 1276. Сборник, XVI в., лл. 55а—57б.
- Соф-1513 — РНБ, собр. Софийское, № 1513. Сборник, посвященный Николаю Мирликийскому, 2-я половина XVI в.
- Торжественник — РНБ, Ф. п. I, 46. Златоструй и отрывок Торжественника, XII в., лл. 66а—76б.
- Тих-183 — РГБ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 183. Торжественник, сер. XVI в., лл. 404а—473в.
- Тих-430 — РГБ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 430. Торжественник, сер. XVI в., лл. 147 об.—157 об., 420 об.—428 об.
- Тих-484.1 — РГБ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 484.1. Сборник житий, чудес св. Николая и служб ему (без начала и конца), последняя треть XVII в.
- Тр-9 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 9. Сборник (Иоанна Златоуста и других поучения), XV в., лл. 180—198 об.
- Тр-676 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 676. Минея Четья на май и Патерик Печерский, 1430 г., лл. 253 об.—291 об.
- Тр-693 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 693. Жития русских святых, XVI в., лл. 258—273.
- Тр-761 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 761. Сборник, 1487 г., лл. 160—227.

Тр-788 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 788. Сборник, XVI в., лл. 422–544.

Тр-791 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304. № 791. Сборник, XVI в., лл. 324–379 об.

Тр-805 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 805. Сборник исторический и географический, нач. XVII в., лл. 156 об.—188 об.

Унд-258 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 258. Житие св. Николая, последняя треть XV в., лл. 1–126 об.

Унд-563 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 563. Торжественник, XVI в., лл. 66 об.—132 об.

Унд-577 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 577. Сборник, XVI в., лл. 60 об.—137.

Унд-584 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 584. Сборник житий и слов, XVI и XVII вв., лл. 62–173 об.

Унд-587 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 587. Торжественник, 1-я треть XVII в., лл. 231–239.

Унд-1253 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 1253. Сборник, XVI в., лл. 61–78 об., 119–130 об.

Унд-1254 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 1254. Сборник, XVI в., лл. 484–551.

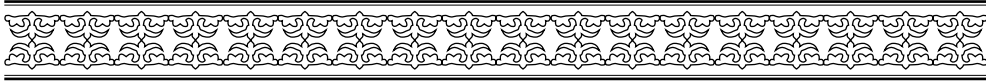
Унд-1300 — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 1300. Сборник, XVI в., лл. 522 об.—611.

Хлуд-215 — ГИМ, собр. Хлудова, № 215. Сказание чудес Николая Мирликийского, кон. XIII в., 30 л.

Шан-1 — РГБ, собр. Библиотеки народного университета Шаняевского, № 1. Сборник слов и житий, сер. XVI в., лл. 1–76 об.

ЯА-1088 — Государственный архив Ярославской области, колл. рукописей, оп. 2, № 1088, Торжественник, 1-я треть XVI в., лл. 312в–321в.

ЯМ-536 — Ярославский историко-художественный музей-заповедник, Рукописное собрание, № 536. Сборник, 2-я половина XVII в., лл. 32–129 об.

М.В. Чистякова

ИЗМАРАГД В СОСТАВЕ НОВОГРУДСКОЙ РЕДАКЦИИ ПРОСТОГО ПРОЛОГА

Данная статья посвящена взаимоотношению сборников относительно устойчивого состава — Измарагда и Пролога. В ней речь пойдёт о поучениях Измарагда в новогрудской редакции Простого пролога, созданной на территории Великого княжества Литовского.

Формирование сборника Измарагд и его редакции

Измарагд — четий некалендарный сборник поучений, предназначенный для домашнего и монастырского келейного чтения, — известен в трёх редакциях¹. Архетип первой редакции сформировался во второй половине—последней трети XIV в. после объединения некалендарного четьего сборника для поучения мирян (пра-Измарагд, главы 1–70) и сборника канонических установлений и триодных гомилий для священников (проповеднический требник, главы 71–92)². Устойчивый состав статей³ первой редакции составляют 92 главы⁴.

Немалое число статей первой редакции было воспринято и развито Измарагдом второй редакции, возникшим, по всей видимости, в окружении митрополита Фотия (1408–1431)⁵. Во вторую редакцию включено 115 новых статей, источниками которых являются Златоструй, Паренесис Ефрема Сирина, Пролог, Торжественник и др. Во второй редакции традиционно представлено 164 главы⁶, но существует немалое число списков с дополнительными статьями⁷.

Третья редакция Измарагда сформировалась на территории Великого княжества Литовского, вероятно, в окружении Киевского митрополита Иосифа II Солтана (1507–1521). Устойчивая часть насчитывает 526 статей, перегруппированных по монографическому принципу⁸. Данный принцип существенно изменил композицию сборника, поскольку составители собирали в отдельные части поучения, надписанные именем определённого автора. Слова Иоанна Златоуста группировались в часть I, слова Василия Великого — в часть II, Ефрема Сирина — в часть III и т. д. В третьей редакции по монографическому принципу были сгруппированы главы Измарагда второй редакции и тексты из других источников.

В настоящее время известно 9 списков этой редакции⁹. Архетип редакции лучше всего сохранился в измарагде Библиотеки им. Врублевских АН Литвы (далее БВАНЛ), ф. 19, № 240, первой четверти XVI в.¹⁰. В структуре этого списка вычленяется семь частей, имеющих самостоятельные заглавия и оглавления¹¹: I часть: 98 глав поучений Иоанна Златоуста (л. 1–113 об.); II часть: 22 главы поучений Василия Великого (л. 115¹²–134 об.); III часть: 13 глав поучений Ефрема Сирина (л. 135 об.–157); IV часть: 7 глав поучений Афанасия Александрийского (л. 158 об.–206 об.); V часть: 6 глав поучений Кирилла Иерусалимского (л. 207 об.–218 об.); VI часть: 19 глав поучений из сочинений апостолов и святых отцов (л. 220–254); VII часть: 361 глава поучений, надписанных именем Анастасия Синаита и других отцов церкви, либо анонимных (л. 255–664)¹³. Рукопись

входила в древнейшую (сформировавшуюся в 1500–1532 гг.) часть книжного собрания Супрасльского монастыря, откуда и поступила в Виленскую публичную библиотеку¹⁴.

Пролог в составе третьей редакции Измарагда

Изучение структуры и источников поучений списка № 240 позволило установить, что третья редакция Измарагда создана на основе второй (из которой заимствовано 134 поучения) путём привлечения дополнительных источников:

а) Простого пролога пространной редакции (к этому источнику восходит 33 проложных жития и 260 поучений)¹⁵;

б) Пролога особой редакции, представленной списками украинско-белорусского происхождения второй половины XV–XVI вв., например, ИР НБУ, собр. Софийского собора, № 273с/131; собр. Михайло-Златоверхого монастыря, № 529п/1643; РГАДА, ф. 181, № 710¹⁶;

в) полной редакции Изборника Симеона-Святослава (сборник послужил источником 16 текстов Измарагда)¹⁷;

г) толковой Палеи, из которой заимствовано апокрифическое сочинение *Заветы 12 патриархов*¹⁸;

д) Библейского сборника Матфея Десятого 1502–1507 гг. К этому источнику восходит резюмирующая заметка о деятельности монаха Исаяи по рубрикации четьего Апостола 1183 г. Источником заметки послужил более пространный рассказ аналогичного содержания, сопровождающий апостольскую часть Библейского свода (л. 402 об.)¹⁹. Две статьи Измарагда (I.IV, нач.: *Первее убо веровавшии и крестившиися в Святую Троицу единосущную...*; 356.VII, нач.: *Знамение есть верующему се святое изображение...*) представлены во второй части супрасльской рукописи, содержащей Виленский ветхозаветный свод (БВАНЛ, ф. 19, № 262, первая четверть XVI в.). Поучения в сборниках весьма близки по тексту, их заголовки идентичны²⁰.

Таким образом, объемная третья редакция Измарагда возникла в результате объединения Измарагда основной редакции с Простым прологом (преимущественно пространной редакции) и некоторыми другими источниками.

Новгородская редакция Простого пролога

Новгородская редакция Простого пролога на осеннее полугодие представлена в единственном списке, хранящемся в БВАНЛ, ф. 19, № 95, 1512 г., на сентябрь–февраль²¹. Продолжением данного тома, по всей видимости, является пролог на март–август, ф. 19, № 99, первой трети XVI в., на март–август²².

В колофоне рукописи ф. 19 № 95 (л. 624) отмечено, что она создана замышленієм и повеленієм гдѣна митрополита кїевскаго и всєа русїи кврїи иисифа. Таким образом, идея создания этой редакции Пролога, вероятно, также принадлежала киевскому митрополиту Иосифу II Солтану, явившемуся инициатором целого ряда обобщающих начинаний в сфере церковно-учительной литературы²³. Руководителем проекта был назначен представитель чѣрнаго духовенства ииѣ дїаконецъ иѣакимецъ, работа была выполнена рѣчкою многыѣхъ дьяковѣ. Объёмный кодекс (625 л.) создавался при Новгородском кафедральном соборе свв. мчч. Бориса и Глеба, являвшемся резиденцией киевского митрополита и располагавшем богатой рукописной библиотекой, и был окончен 12 августа 1512 г.

Позднее рукопись оказалась в библиотеке Супрасльского монастыря, ктитором которого и являлся митрополит Иосиф II Солтан. Список учтён в первой описи монастыря, составленной архимандритом Сергием Кимбаром в 1557 г. Пролог относился к древнейшей части рукописного собрания, сформировавшейся в 1500–1532 гг.²⁴ Предварительные заметки о составе, языке, источниках поучений на сентябрь–ноябрь этого пролога представлены в монографии по текстологии вильнюсских списков Пролога, а также в статьях, которые появятся в ближайшее время²⁵.

Источники новгородской редакции Пролога

Отличительной чертой пролога № 95 является уникальный набор поучений. В нём представлены новые сказания, а также сохранены традиционные проложные поучения, в результате чего был сформирован назидательный раздел, по полноте не имеющий аналогов в истории Простого пролога. На три осенних месяца включено 102, а на зимние месяцы — 74 новых текста. Источники большинства индивидуальных поучений осеннего полугодия отождествлены, среди них: Пандекты Никона Черногорца, Измарагд, Златоустрий, Паренесис Ефрема Сирина, Минейный торжественник, Минея четья, Изборник Симеона-Святослава, Сказание инока Христодула, Кормчая, различные патерики: Скитский, Римский, Азбучно-Иерусалимский, Сводный, Киево-Печерский, а также ветхозаветные книги и апокрифические сборники²⁶.

Измарагд в составе новгородской редакции Пролога

Почтения Измарагда, общие с новгородской редакцией Пролога, отождествлены на основании перечней устойчивого состава первой и второй редакций Измарагда, составленных Б.М. Пудаловым, а также постатейной росписи списка третьей редакции (БВАНЛ, ф. 19, № 240)²⁷. Сопоставительный анализ показал, что новгородская редакция содержит поучения, характерные для всех трех редакций Измарагда. Проложные материалы подразделяются на 5 групп: 1) встречающиеся только в первой редакции Измарагда; 2) общие с первой и второй редакциями Измарагда; 3) характерные для второй редакции Измарагда; 4) общие для второй и третьей редакции Измарагда; 5) поучения, вошедшие во все три редакции Измарагда. Данные для наглядности представлены в таблице.

№	Проложное поучение	Первая редакция Измарагда	Вторая редакция Измарагда	Третья редакция Измарагда
1	1.ИХ ²⁸ : <i>Аще ли кто не верует геене, содомская да помышляет, гоморская да разумеет бывшее мучение...</i>	—	—	гл. 61.1
2	3.ИХ: <i>Мнози непочитанием божественных писани с правого пути совратившася и заблудивше, погыбоша, инии же...</i>	сл. 6	сл. 4	гл. 2.1
3	6.ИХ: <i>Много может молитва праведнаго, поспеваема поспевает же, аще, каясь, трудится начнет и плод покаянния...</i>	сл. 51	сл. 17	гл. 1.VII
4	7.ИХ: <i>Подобает всякому христианину чисто жити и вся с рассмотрением творити, да не во тце труд наш будет и в неведении...</i>	—	сл. 6	гл. 1.VI

№	Проложное поучение	Первая редакция Измарагда	Вторая редакция Измарагда	Третья редакция Измарагда
5	8.IX: <i>Иже бы не пити отнудь, того възбраняем вельми. Святтии бо отци не възбраниша нам того, еже пити и ясти...</i>	—	сл. 13	гл. 2.VI
6	9.IX: <i>Да яко сад, не потребляем от хвастия, не может расти, тако человек горд не может спастися...</i>	сл. 16	сл. 8	гл. 4.I
7	11.IX: <i>Послушайте известно, мнози убо толико слытием христиане, а по житию елини, нарочом христиане, а обычаем...</i>	—	сл. 59	гл. 31.I
8	12.IX: <i>Известно да есть, яко не спасет место нас, аще не творим воля божия, но коегождо ум соизволением к Богу...</i>	—	сл. 7	гл. 3.I
9	14.IX: <i>Любимии, слышите сия, сего ради владыка Господь Бог наш Иисус Христос в нашу плоть облечеса, не терпя...</i>	—	сл. 90	гл. 48.I
10	15.IX: <i>Се ведуще, не просто избираем, но всеразумно испытавшие да творим, а не безвестно, да не погыбнем...</i>	—	сл. 22	гл. 13.I
11	16.IX: <i>Уподобися слава мира сего пламени огненну, иже подгнещен дров, бысть высок, и потом приложися в угли...</i>	—	сл. 24	гл. 4.VI
12	29.XI: <i>Братие, се время есть воздержанию, уставленны пост святыми нашими учителя, божественными апостолами...</i>	—	сл. 151	—
13	30.XI: <i>Помыслите убо и разумеите, какова будет слава и честь прияти угождьшим Богу, веселие и радость...</i>	—	сл. 105	—
14	1.XII: <i>Помысли убо, како суть в аде душа, понеже преобидеша страх и заповеди божия, и малы ослабы получитьи моляще...</i>	—	—	гл. 19.VI
15	2.XII: <i>Глаголет убо великый исповедник Максим к Иоанну кувикуларию, кто убо, любимче, от сущих, иже, яко аз, сквернами греховными...</i>	—	—	гл. 19.VI
16	3.XII: <i>Еже таины не сведят мнози, сию нам Кирилл философ поведа, не того бо дея сотворени быхом да ямы и пием...</i>	сл. 14	сл. 129	гл. 6.V
17	6.XII: <i>Приидете вкупе мужи вкупе и жены, иереи и людие, мниси и бельци, богатии и убозии...</i>	сл. 64	—	23.VII
18	7.XII: <i>Готовите, братия, на исход дела добрая, с ними же отидем от света сего, а имения и стяжания вся zde останут...</i>	—	сл. 93	—
19	8.XII: <i>Послушайте, братие, каков страх и беду прияти имат душа в час исхода, еже от сего жития...</i>	—	сл. 96	36.VII
20	9.XII: <i>Идеже бо, рече Господь, два или три совокуплены во имя Мое, ту есмь посреди их, а мы, аще снидемся в церковь...</i>	—	сл. 100	51.I
21	10.XII: <i>Не глаголю убо на богатя, иже податливи и добре живут, но укоряю злыя, иже богатство имуще...</i>	сл. 40	сл. 109	49.VII
22	12.XII: <i>Еще вы и се извещу, любимии, понеже вижу убо вы приходяща к церкви, ов рукоделие оставль, ин торгования...</i>	—	сл. 150	17.VI

Современные проблемы археографии

№	Проложное поучение	Первая редакция Измарагда	Вторая редакция Измарагда	Третья редакция Измарагда
23	15.XII: <i>Иже кто боголюбив и верен, приидите и слышите наказания о посте, совлеция, любимиче, житейских потреб...</i>	—	сл. 116	54.I
24	1.I: <i>В един убо от днии исшед из церкви Александр князь и возре в храмине етера человека на одре лежаща...</i>	сл. 13	сл. 128	—
25	4.I: <i>Добро, братие, и полезно есть всякому верну почитание книжное, блаженни бо рече пытающие свидения Его...</i>	—	сл. 2	—
26	7.I: <i>Братие, приклоните ушеса ваша и послушайте смысленне, прежде же всего молю вы, потщимся тесными дверьми...</i>	сл. 67	—	—
27	16.I: <i>Три суть лица любви: первая Богом дана от Отца и Сына и Святаго Духа, якоже Святое писание глаголет: всяк дар...</i>	сл. 22	—	—
28	17.I: <i>Братие, присно жадает спасения нашего Христос Бог наш, и всегда призывая ны, не престаеет мноземи учителя...</i>	—	сл. 147	225.VII

По результатам проведённого исследования в новгородскую редакцию Пролога вошло 22 поучения, общих с Измарагдом второй редакции; 4 из них (29 XI, 30.XI, 7.XII, 4.I) не характерны для других редакций Измарагда. Проложное поучение на 17.I, встречаемое во второй и третьей редакции Измарагда, соответствует варианту второй редакции, в третьей редакции представлен другой перевод, ср. фрагменты текста²⁹:

Проложный текст	Вторая редакция Измарагда	Третья редакция Измарагда
Братие, присно жадает спасения нашего Христос Бог наш и всегда призывая ны не престаеет мноземи учителя и святыми книгами в небесное цесарствие, веля нам с чистотою в правде пожити, веления господня творяще, да паки по отшествии света сего, приидем в цесарство небесное, из негоже бехом испали, адамля ради преступления, аще бы Адам праотец наш заповедь божию сотворил в раи, то в веки бы житие ему без печали и без смерти, старости не прияти было, но диаволим соблажнением в смерть осуждени быхом невоздержания ради...	Братие, присно жадает спасения нашего Христос Бог наш, и всегда, призывая ны, не престаеет мноземи учителя и святыми книгами в вечное небесное цесарствие, веля нам с чистотою в правде пожити, веления господня творяще, да паки по отшествии света сего в цесарство небесное приидем, из негоже бехом испали, адамля преслушания ради, аще бы Адам праотец наш заповедь божию сотворил в раи, то в веки бы жити ему без печали, без смерти, старости не прияти было, но диаволим соблажнением в смерть осуждени быхом невоздержания ради...	Братие, присно жадааи спасения нашего Господь Бог наш непрестанно призывает ны святым евангелием в вечную жизнь, веля ны присно всяку скверну и житие нечисто отврещи от себе и чистым сердцем к нему приити и взыскати и прияти оно цесарствие, из негоже испадохом, преступльше божию заповедь, яже бе предана Адаму, праделу нашему в раи древле воздержания ради, аще бы ю сохранил, в веки жил бы бы печали и без смерти, старости не приемлющу, ни слезна тела имуща, но завистию диаволею отлучися славы божия невоздержанием...

Схожих поучений с первой редакцией немного — всего 9, причем 6 из них читаются и во второй редакции Измарагда, 4 характерны для всех трех редакций Измарагда. Наличие двух поучений, типичных только для первой редакции Измарагда (7.I, 16.I) не обязательно говорит о сверке с ней, поскольку

Б.М. Пудаловым отмечены списки, отражающие переходный тип между двумя редакциями Измарагда³⁰. Кроме того, в чистом виде, без прибавлений, сокращений или перестановок глав устойчивый состав статей Измарагда встречается крайне редко, а индивидуальные изменения встречаются почти в каждом списке. Принимая во внимание малое число типичных для первой редакции Измарагда статей в составе новгородской редакции (всего два), а также учитывая слабую изученность вариантов и переработок редакций Измарагда и отсутствие росписи дополнительных статей, использование первой редакции Измарагда при составлении новгородской редакции Пролога маловероятно.

В новгородской редакции Пролога выявлено 21 схожее с Измарагдом третьей редакции поучение. 17 аналогичных текстов одновременно представлены во второй и третьей редакциях Измарагда, одно входит в состав первой и третьей редакций. Отсутствие в третьей редакции Измарагда текстов (29.XI, 30.XI, 7.XII, 1.I, 4.I, 7.I, 16.I), характерных для новгородской редакции и других типов Измарагда, заставляет усомниться в том, что книжники использовали список третьей редакции.

Три проложных сказания новгородской редакции известны на данный момент только в составе третьей редакции Измарагда (1.IX, 1.XII, 2.XII). Они объединены тематически, во всех речь идет о смерти, страшном суде и посмертной участи душ. Второе и третье поучения, похоже, восходят к одному сочинению, являющемуся собранием выписок разных авторов об исхождении души. Первый текст, положенный в прологе на 1 декабря, включает высказывания на эсхатологическую тему Григория Богослова, Афанасия Великого, мученика Евстратия и Мартирия Антиохийского. Второй, равный ему по объёму, текст является схожей подборкой изречений из сочинений Максима исповедника, преподобного Нила, Григория, папы римского, Дионисия, Диодоха, Нила, Иоанна Златоуста и Василия Великого.

Примечательно, что в измарагде № 240 оба текста переписаны сплошную и образуют главу 19.VI. Техника объединения нескольких поучений источника в одну главу типична для третьей редакции Измарагда. Так, при составлении главы 337.VII использованы 55.I, 57.I и 58.I главы Изборника Симеона-Святослава; в статье Измарагда 341.VII объединены 69.II и 70.II главы Изборника³¹.

Составители третьей редакции Измарагда, как известно, собирали в отдельные части поучения, надписанные именем определённого автора. Поскольку VI часть составлялась именно из поучений святых отцов, вполне возможно, что, встретив в прологе сказания с заголовком *поучение свв. отец о кончине смертней душеполезно*, книжники отправили их именно в эту часть. Тексты в прологе помещены на соседние даты. Сходная корреляция статей третьей редакции Измарагда с порядком следования типичных для новгородской редакции поучений наблюдается в отношении еще двух текстов (см. табл. 4, 5): представленные в прологе на 7.IX, 8.IX, в измарагде они образовали главы 1.VI, 2.VI. Сопоставление данных поучений по спискам БВАНЛ, ф. 19, № 95 и 240 показало большую исправность проложного текста, тогда как в Измарагде третьей редакции содержатся пропуски и искажения. В качестве примера приведу разночтения проложного текста на 1.XII:

Пролог новгородской редакции	Измарагд третьей редакции
<i>онем есть похвално</i>	<i>онем есть похвало</i>
<i>не мнети дотити вечера</i>	<i>не мнети до вечера</i>
<i>он убо простираше руце и овем убо възбраняемым от нею, овем³² же летающим</i>	<i>он простираше руце и овем же летающим и мимоходящим</i>
<i>срести и възбранити и невластителскы</i>	<i>срести и сохраници и невластителскы запрещати</i>
<i>многа трезвения требе</i>	<i>многа трезвения злобе³³</i>

В измарагде № 240 присутствуют только для него характерные описки и пропуски, возникшие из-за неверного понимания текста, влияния контекста, невнимательности писца, а также случай параплеписа. Поскольку другие индивидуальные статьи новгородской редакции в составе третьей редакции Измарагда отсутствуют, пути заимствования этих текстов в Измарагд и Пролог пока до конца не ясны и требуют дополнительного исследования.

Подводя итоги, следует отметить, что при составлении назидательного раздела новгородской редакции на сентябрь—февраль заимствовано 28 поучений из Измарагда. Наиболее вероятной представляется работа со списком второй редакции, содержание которого несколько отличалось от основного состава статей Измарагда. Использование первой и третьей редакций Измарагда на данном этапе исследования выглядит маловероятным, но окончательный вывод можно будет сделать после детального изучения иных разновидностей и вариантов Измарагда и Пролога, особенно в списках, происходящих из земель Великого княжества Литовского.

¹ Пудалов Б.М. Сборник Измарагд в русской письменности XIV—XVIII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990. С. 390.

² Пудалов Б.М. Сборник Измарагд в древнерусской литературе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. СПб, 1996 (на правах рукописи). С. 9.

³ Под устойчивым составом статей подразумевается исторически сложившаяся и сохранявшаяся при переписке совокупность статей сборника, расположенных в определенном порядке.

⁴ Подробнее о составе первой редакции см.: Пудалов Б.М. Литературная история 1-й (древнейшей) редакции Измарагда // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2000. № 2. С. 76—95.

⁵ Пудалов Б.М., Турилов А.А. Измарагд // Православная энциклопедия. Том. XXI. М., 2009. С. 595; Пудалов Б.М. К литературной истории сборника Измарагд: формирование 2-й (основной) редакции. // ТОДРЛ, 2004, том 55. С. 340—341.

⁶ Пудалов Б.М. Сборник Измарагд в русской письменности. С. 391—399; Он же. К литературной истории сборника Измарагд: формирование 2-й (основной) редакции. С. 340—341.

⁷ Пудалов Б.М., Турилов А.А. Измарагд. С. 596.

⁸ Пудалов Б.М. Сборник Измарагд в русской письменности. С. 400.

⁹ Пудалов Б.М., Турилов А.А. Измарагд. С. 597.

¹⁰ Датировка рукописи уточнена Н.А. Морозовой, см.: Морозова Н.А. Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе. Каталог. Вильнюс, 2008. С. 82—83.

¹¹ На основании принятого составителями деления сборника на семь разделов, поучения Измарагда третьей редакции были мною пронумерованы: части обозначены римскими цифрами, а входящие в них главы — арабскими.

¹² В измарагде № 240 оставлены чистые листы; некоторые из них разделяют части сборника.

¹³ В ряде более поздних списков объемная VII часть отсутствует.

¹⁴ Состав Измарагда № 240 впервые описан Ф.Н. Добрянским, см. Добрянский Ф.Н. (сост.). Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882. С. 341—386.

¹⁵ Чистякова М.В. К вопросу о структуре и источниках 3-й редакции Измарагда (на материале списка БАН Литвы, ф. 19, № 240) // *Senoji Lietuvos literatūra* 26. Vilnius, 2008. P. 152–174.

¹⁶ Пудалов Б.М., Турилов А.А. Измарагд. С. 597.

¹⁷ Чистякова М.В. Третья (литовская) редакция Измарагда и Изборник Симеона-Святослава // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos (Bibliotheca Archivi Lithuanici 7)*. Vilnius, 2009. P. 137–151.

¹⁸ Чистякова М.В. К вопросу о структуре и источниках 3-й редакции Измарагда. P. 140.

¹⁹ Темчин С.Ю. Послеловие к четъему Апостолу 1183 г. монаха Исаяи в супрасльском списке Матвея Десятого 1502–1507 гг. (в печати).

²⁰ Практически дословное совпадение текстов особенно примечательно в отношении первого вопросно-ответного сочинения (I.IV), занимающего в рукописи около 20 листов. Третья, ранее указанная статья: 335.VII, нач.: *Егда изьдоста из рая Адам и Ева, девственна беста...* (см.: Темчин С.Ю. Матвей Десятый и составление третьей (литовской) редакции Измарагда // *Kalbotyra* 54 (2). *Slavistica Vilnensis* 2005–2009. Vilnius, 2009. P. 172) является лишь сходным с Измарагдом чтением, поскольку в Виленском ветхозаветном своде она представлена в другом переводе; кроме того, не совпадают окончания текстов.

²¹ Настоящее исследование, посвящённое текстам Измарагда в составе новогрудской редакции Простого пролога, выполнено на материале списка осеннего полугодия.

²² См. подробнее: Пудалов Б.М., Турилов А.А. Измарагд. С. 597. Для аргументации принадлежности списка ф. 19, № 99 к новогрудской редакции необходимо провести дополнительный палеографический и текстологический анализ.

²³ К числу творческих инициатив митрополита Иосифа II Солтана помимо третьей редакции Измарагда (подробнее см.: Чистякова М.В. К вопросу о структуре и источниках 3-й редакции Измарагда. P. 124) и новогрудской редакции Пролога (см.: Чистякова М.В. Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь–ноябрь. Вильнюс, 2008. С. 80–84, 138–155, 164–167, 313–315, 341–431), по всей видимости, относится западнорусская Кормчая особого состава (см.: Мошкова Л.В. Западнорусская Кормчая особого состава // *Хризограф* / Отв. ред. Э.Н. Добрынина. М., 2005. С. 231–241).

²⁴ Морозова Н.А., Темчин С.Ю. Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 годов) // *Z dziejów monasteru Supraskiego: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej «Supraski monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa» (Supraśl–Białystok, 10–11 czerwca 2005 roku)*. Białystok, 2005. S. 129–130.

²⁵ Чистякова М.В. Текстология вильнюсских рукописных прологов. С. 80–84, 138–155, 164–167, 313–315, 341–431. Она же. Источники новогрудской редакции Простого пролога: декабрь–февраль // *Studia historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 4. Минск, 2011 (в печати). Она же. Новогрудская редакция Простого пролога (в печати). В книге рассмотрены проложные тексты с сентября по ноябрь, в статьях речь идёт о материалах зимних месяцев (с декабря по февраль), что позволило проверить и обобщить ранее полученные выводы о принципах составления редакции.

²⁶ См.: Чистякова М.В. Текстология вильнюсских рукописных прологов. С. 169–287; Она же. Источники новогрудской редакции Простого пролога (в печати).

²⁷ Устойчивый состав первой редакции Измарагда см. в статье: Пудалов Б.М. Литературная история 1-й (Древнейшей) редакции Измарагда. С. 82–92. Перечень статей второй редакции см.: Пудалов Б.М. Сборник Измарагд в русской письменности. С. 391–401. Содержание третьей редакции Измарагда расписано Ф.Н. Добрянским, см.: Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. С. 341–386.

²⁸ Данным шифром отмечена дата, на которую поучение положено в прологе № 95, первая цифра обозначает день, вторая — месяц.

²⁹ Текст цитируется по спискам БВАНЛ, ф. 19, № 95, л. 502–503 (новогрудская редакция Пролога), РГБ, ф. 304.1, № 203, л. 242–244 (вторая редакция Измарагда), БВАНЛ, ф. 19, № 240, л. 488–490 (третья редакция Измарагда).

³⁰ Пудалов Б.М. Литературная история 1-й (древнейшей) редакции Измарагда. С. 79.

³¹ Чистякова М.В. Третья (литовская) редакция Измарагда и Изборник Симеона-Святослава. С. 144–145.

³² Гомеотелевтонический пропуск в Измарагде *овем... овем*.

³³ В Измарагде разночтение возникло под влиянием предшествующего контекста.

Р.Э. Мартин

**«ГОСУДАРЕВА РАДОСТЬ» — НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ,
ВКЛЮЧАЮЩИХ В СЕБЯ ОПИСАНИЯ ЦАРСКИХ СВАДЕБ XVI–XVII ВВ.
(по материалам Библиотеки РАН)**

Среди наиболее важных источников, относящихся к началу Нового времени в российской истории, особое место занимают подробные тексты, описывающие свадьбы царей и великих князей в XVI–XVII вв. Эти тексты давно известны историкам и использовались специалистами в самых разных целях. Так, описания свадеб использовались для конкретизации ритуалов царских свадеб или выявления роли того или иного ритуала в жизни царского двора Московии¹. К этим описаниям обращались для того, чтобы определить относительное положение придворных при дворе по тому, какие почетные и церемониальные обязанности возлагались на бояр и обладателей других думских рангов. Использовали их и для реконструкции биографий приближенных к царю персон². Немногие источники дают столь богатые подробности того, как работала политическая система Московии, в сравнение с текстами, описывающими царские свадьбы.

Несмотря на значимость этих текстов, как ни удивительно, им посвящено мало исследований как самостоятельному источнику. Публикации текстов, связанных со свадьбами, начали появляться в конце XVIII в.³ В настоящее время появились более научные публикации отдельных текстов, сделавшие доступными новые важные источники, ранее неизвестные или недостаточно использовавшиеся⁴. Однако, публикация большинства оригинальных документов и сделанных с них списков еще впереди. Кроме того, если не считать нескольких разрозненных заметок об отдельных источниках⁵ и кодикологического описания сборников, обнаруженных в Древлехранилище Российского Государственного архива древних актов (РГАДА)⁶, сколько-нибудь полное исследование содержания и текстологических взаимосвязей этих источников вообще не проводилось. Теперь настало время для систематического и исчерпывающего изучения свадебных текстов, какое было проведено в отношении Разрядных книг, Родословных книг и Духовных грамот великих князей⁷.

Среди дошедших до наших дней свадебных документов особое значение имеют так называемые свадебные сборники, т. е. рукописные книги, составленные из описаний царских свадеб и иных близких текстов, относящихся к концу XV или началу XVI в. и до конца XVII в. Шесть таких сборников сохранились в Библиотеке Российской академии наук (далее БАН), а седьмой — в Ярославской областной библиотеке (далее ЯОБ)⁸. Вполне вероятно, что и в других региональных хранилищах можно найти еще не обнаруженные рукописные сборники. Кроме того, имеются публикации, которые, надо полагать, основаны на рукописных сборниках. Н.И. Новиков опубликовал, возможно, наиболее известный подобный сборник в своей серии «Древняя Российская вивлиофика»

(далее ДРВ). Ясно, однако, что он дополнил сборник текстами, почерпнутыми также и из других источников⁹. М. Комаров также опубликовал один из наиболее ранних сборников свадебных текстов, хотя он очень близок к новиковскому сборнику (он даже повторяет некоторые описки и неправильные чтения)¹⁰. И.П. Сахаров опубликовал комплекс свадебных документов, которые, как он заявлял, были основаны на одном рукописном сборнике, составленном в 1624 г., хотя ни я, ни кто-либо другой так и не нашли эту рукопись¹¹. Публикация Сахарова содержит ряд особенностей, которые отличают ее от всех иных известных комплексов свадебных документов¹². Если Сахаров действительно использовал рукопись 1624 г., как он это заявлял, то было бы очень важно найти ее, так как она может содержать ключ к некоторым текстологическим загадкам, которые мы рассмотрим ниже¹³. Описания свадеб были, наконец, включены в Разрядные книги, распределенные в хронологическом порядке среди других текстов Пространной редакции (по терминологии Ю.В. Анхимюка; далее ПР), или сгруппированные в начале Государева разряда (по терминологии В.И. Буганова; далее ГР)¹⁴. Одна из Разрядных книг, которую Буганов называл «Списком Орлова», содержит описания свадеб, явно соотносящиеся с другими подобными сборниками¹⁵. Совершенно ясно, что документальные описания царских свадеб в Московии представляют собой материал, столь же увлекательный для современных историков, сколь и для писцов и переписчиков XVII–XVIII вв.

В настоящей статье основное внимание мы уделим текстологическому исследованию этих сборников и сравнению их с другими важными источниками, имеющими отношение к свадьбам. Мы проанализируем различные редакции этих сборников и выскажем предположение, что одним из наиболее значимых комплексов источников по царским свадьбам в Московии — имеющим такую же, если не большую, значимость, как и оригиналы, хранящиеся в Древлехранилище РГАДА, — являются два из шести рукописных сборников, находящиеся в настоящее время в БАН.

Тщательное сравнительное изучение 11 известных рукописей и опубликованных свадебных сборников позволяет выявить два широких, но текстологически определенных вида, которые я обозначил как «Группа 1» и «Группа 2». Группа 1 состоит из двух сборников, хранящихся в БАН (16.15.15 и 32.4.21). Список Орлова, хотя имеет иное происхождение, чем сборники БАН, все же должен быть по своей сути отнесен к первой группе. К Группе 2 относятся четыре остальных сборника, хранящиеся в БАН (21.10.25, 31.7.20, 31.6.40 и 32.5.21), сборник из ЯОБ (РК319031v) и три опубликованных текста.

Сборники Группы 1 и Группы 2 отличаются по количеству и редакции содержащихся в них текстов. Во всех трех сборниках Группы 1 основой является описание свадеб лишь XVI в. Все три документа начинаются перечнем приданого к состоявшейся в 1495 г. свадьбе Елены Ивановны, дочери великого князя Ивана III, с Александром, великим князем Литовским (позднее польским королем). Два сборника, хранящиеся в БАН, заканчиваются свадебным чином и перечнем для свадьбы Марии Владимировны Старицкой и Магнуса (Арцимагнуса), так называемого «короля Ливонии», а Список Орлова заканчивается свадебным чином состоявшейся в 1571 г. свадьбы Ивана IV с Марфой Собакиной¹⁶. Группа 1 содержит пять уникальных текстов. Все они включают полный вариант перечня приданого Елены Ивановны для ее брака с Алексан-

дром¹⁷; аналогичные перечни для свадеб царевича Петра и Евдокии Ивановны (сестры Елены Ивановны, 1506 г.), и князя Василия Стародубского и Марии Сабуровой (невестки великого князя Василия III¹⁸); свадебный чин второй свадьбы князя Владимира Старицкого с Евдокией Одоевской (1555 г.), от которого сохранился единственный лист черновика¹⁹; и свадебный чин царевича Ивана Ивановича с Евдокией Сабуровой (1571 г.) — единственное известное описание одной из трех свадеб злосчастного наследника царя Ивана Грозного²⁰. В состав одного из сборников первой группы (БАН, 16.15.15) также входят дополнительные тексты, не имеющие отношения к основному содержанию: «Сказание о князьях Владимирских» с двумя вариантами церемонии венчания на царство (один для великого князя, другой для царя), и разряды для свадьбы царя Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной в 1671 г. Эти дополнения были присоединены к свадебному сборнику в XVIII в.; тогда же рукопись получила новый переплет. Вполне вероятно, поэтому, что они не были частью оригинального сочинения²¹.

Содержание сборников Группы 2 различается, но все они включают тексты, описывающие свадьбы как XVI, так и XVII вв. Необходимо также отметить, что все рукописные сборники Группы 2 содержат довольно обширные дополнения, и в том числе записи о местнических спорах, спасенные во время московского пожара 3 мая 1626 г., перечень московских посольств в Литву с 1542 по 1635 гг., челобитную Волынских царю Алексею Михайловичу (1670 г.), и перечень придворных, присутствовавших на приеме в Москве послов польского короля Сигизмунда II Августа (1570 г.). Эти дополнения отсутствуют в сборниках Группы 1.

Далее, сборники Группы 1 и Группы 2 различаются редакциями шести общих для них текстов²². В Группе 1 всегда присутствуют пространные редакции текстов, в то время как в Группе 2 почти всегда записаны сокращенные редакции²³. Сокращения в текстах Группы 2 появляются как в описаниях свадебных чинов, так и в свадебных разрядах, но наибольшие пропуски наблюдаются в описании свадебных чинов. Опускаются пространные или детальные описания процессов или убранства или речей, причем в большинстве случаев остаются только те пассажи, которые фиксируют имена присутствующих, выполняющих различные функции на свадьбе²⁴. Иногда, впрочем, пропущены отдельные строки в перечнях имен²⁵.

Ясно, что рукописи Группы 1 и Группы 2 происходят от двух различных протографов, скомпилированных, возможно, работавшими при Посольском приказе писцами, которые имели доступ к хранящимся в архиве оригиналам и более ранним копиям, и которые, как известно, иногда работали по заказу придворных, желавших получить копии государственных документов для семейных архивов²⁶. Но есть ли какая-нибудь связь между этими двумя протографами? Происходят ли тексты Группы 2 от текстов Группы 1, или они имеют независимое происхождение от источников, хранившихся в архиве Посольского приказа?

М.Е. Бычкова, изучавшая шесть сборников из собрания БАН, доказывала, что две рукописи, отнесенные нами к Группе 1, возможно, восходят к протографу, составленному в 1570-х гг. Ее датировка основывается, главным образом, на содержании рукописей. Она отмечала, что основной текст обоих сборни-

ков заканчивается описанием свадьбы двоюродной сестры Ивана IV Марии Владимировны Старицкой с «королем Ливонии» Магнусом (Арцимагнусом), состоявшейся в 1573 г. Таким образом, считает автор, вполне вероятно, что протограф двух сборников Группы 1 был сформирован вскоре после 1573 г.²⁷ Бычкова пытается обосновать эту точку зрения, указывая на известную рукопись 1624 г., которая составлена из выдержек из четырех описаний свадеб XVI в., и предполагая, что эти выдержки взяты из упомянутого сборника 1570-х гг.²⁸ Кроме того, Бычкова полагает, что четыре сборника, хранящиеся в БАН и причисленные нами к Группе 2, происходят от протографа, как она предполагает, сформировавшегося в 1620-х гг. в государственных архивах независимо от первого протографа. Опять-таки, ее датировка основывается на содержании рукописей²⁹.

Предлагаемая Бычковой датировка происхождения сборников не лишена оснований, но представляется более вероятным, что протограф двух текстов из Группы 1 появился не в 1570-х гг., а немногим ранее протографа текстов Группы 2 в рамках того же процесса редактирования, компилирования и копирования, а именно — в первые десятилетия XVII в. То, что последняя свадьба, описываемая в двух сборниках Группы 1, датируется 1570-ми гг., на самом деле не говорит о датировке протографа. Легко представить себе, что работа над протографом могла быть прекращена или прервана, так что создалось впечатление, будто сборник был сформирован рано. Далее, рукопись 1624 г., содержащая вставки из описаний четырех свадеб XVI в., не доказывает существования более ранней компиляции, как полагает Бычкова. Эти вставки, совершенно справедливо отнесенные Бычковой к 1624 г., происходят не из какого-то сборника XVI в., но из отдельных копий различных свадебных текстов. Судя по почерку и водяным знакам, выписки, сделанные в 1624 г., должны были послужить источником при подготовке свадебного чина первой свадьбы царя Михаила Романова³⁰. Кроме того, одно из описаний свадьбы, включенное в сборник выписок в 1624 г. (речь идет о выписках из свадебного чина царя Ивана IV с Анной Васильчиковой), полностью опущено во всех сборниках как Группы 1, так и Группы 2. Поэтому выписки 1624 г. никак не могут быть основаны на источниках рассматриваемых сборников!

Для того, чтобы выяснить, когда сложились протографы текстов обеих групп и как они соотносятся друг с другом, необходимо их детальное сравнение с ПР Разрядной книги. Это сравнение дает ошеломляющую картину: ПР содержит в точности такие же сокращения в точно тех же текстах. Свадебный чин княжны Марфы Васильевны Шуйской и князя Ивана Дмитриевича Бельского представляет собой типичный пример.

Группа 1 (БАН, 16.15.15, л. 135 об.—136)	Группа 2 (БАН, 21.10.25, л. 66 об.—66)	ПР ³¹
А венчал их в Благовещении в архангельской протопоп Тимофей, княжнин отец духовной. А в поезде был Веденской поп Костянтин.		
Конюший был Иван Сотницын сын Клобуков.	Конюший был Иван Сотницын сын Клобуков.	Конюший был у князя Ивана Дмитреевича Иван Сотницын сын Клобуков.

Современные проблемы археографии

Группа 1 (БАН, 16.15.15, л. 135 об.–136)	Группа 2 (БАН, 21.10.25, л. 66 об.–66)	ПР³¹
А место было в Столовой ж избе.	А место было в Столовой ж избе.	А место было в Столовой ж избе.
А как царь и великий (князь) царице и великой княгине велел идти к себе в избу, а перед царицей и великой княгинею шли наперед свахи со княжною Марфою да и с коровай и с свечами и на место княжну посадили, а у княжны сидели свахи.		
А на княжом месте сидел Иван Львов сын Салтыков.	А на княжом месте сидел Иван Львов сын Салтыков.	А на княжом месте сидел Иван Львов сын Салтыков.
А царица и великая княгиня сидела у царя и великого князя; а с правую сторону сидел у царя и великого князя брат его Юрья Васильевич. А по конец стола сидел царь Симеон. А у царицы и великой княгини сидела княж Юрьева Васильевича княгиню Ульяна.		

Схожая картина оказывается в свадебном разряде Владимира и Евдокии Одоевской:

Группа 1 (БАН, 16.15.15, л. 146 об.–46)	Группа 2 (БАН, 21.10.25, л. 71 об.–72)	ПР³²
А камки нести и слати недорослям Ивану Федорову, Иванову сыну Старкову, да княж Богдану княж Петрову сыну Ромодановскому	А камки нести и слати недорослям Ивану Федорову, Иванову сыну Старкову, да княж Богдану княж Петрову сыну Ромодановскому	А камки несли и слали недоросли Иван Федоров, сын Старков, да княж Богдан княж Петров сын Ромодановской
А коври нести Борашом (sic), а миндер нести столыником.		
А подножие к церкви нести княжим Луке Новосильцову да Федору Загряжскому.	А подножие к церкви нести княжим Луке Новосильцову да Федору Загряжскому.	А подножия к церкви несли княжие Лука Новосильцов да Федор Загряжской.
А у постели у княжией быти княжим бояром и боярыням, а сыры и короваи делати на княжом дворе и у сыров и у короваев бытии княжим кого князь приставит. А розряд свадебной ведати дьяку Ивану Михайлову.		
А поезд ведати и сбирати окольниковому Льву Андреевичу Салтыкову да дьяку Андрею Васильеву.	А поезд ведати и сбирати окольниковому Льву Андреевичу Салтыкову да дьяку Андрею Васильеву.	А поезд ведали и сбирали окольниковый Лев Андреевич Салтыков да дьяк Ондрей Васильев.
А береженья для бытии на Красном крыльце по переходом к А и царице и великой княгини сидела княж Юрьева Васильевича княгиню Ульяна. Благовещенью смотрити и решетка ведати дьяк Илия Царегородцев.		

Группа 1 (БАН, 16.15.15, л. 146 об.—46)	Группа 2 (БАН, 21.10.25, л. 71 об.—72)	ПР ³²
От Благовещения по крыльцу к Набережной палате беречи дьяку Федору Фатьянову да Ляпуну Ковезину.	От Благовещения по крыльцу к Набережной палате беречи дьяку Федору Фатьянову да Ляпуну Ковезину.	От Благовещения по крыльцу к Набережной полате беречь дьяком Федору Фатьянову да Ляпуну Везину.
У Столовой избы на крыльце и решетка ведати дьяку Дмитрею Тумскому по крыльцу царицу и великой княгини сыну боярскому. А выберет его Василей Юрьев.		

Такая картина возникает всякий раз, когда имеется различие в редакциях, то есть когда тексты Группы 1 относятся к пространной редакции, а тексты Группы 2 — к сокращенной.

Это указывает на то, что ПР и сборники Группы 2 восходят к одному источнику. Однако, ПР должна была иметь также и другие источники. Некоторые из ее текстов содержат сведения, отсутствующие в текстах как Группы 1, так и Группы 2³³. Ю.В. Анхимюк предположил, что в последней четверти XVI — первой четверти XVII вв. ПР подвергалась многочисленным промежуточным редактированиям и интерполяциям и окончательно сформировалась в том виде, какая дошла до нас в лучших копиях, в 1620-х, 1630-х и 1640-х гг.³⁴ Этот вывод подтверждает датировку Бычковой протографа текстов Группы 2 первыми десятилетиями XVII в.

Соотношение между свадебными сборниками Группы 2 и ПР дает также возможность прояснить происхождение протографа текстов Группы 1. Необходимо помнить, что Бычкова полагала, что последняя свадьба, описание которой было включено в тексты Группы 1 (Марии Владимировны и Арцимагнуса), указывала на дату формирования сборника (вскоре после 1573 г.). ПР и сборники Группы 1 содержат почти идентичный набор свадеб, хотя и в различных редакциях (краткой и пространной)³⁵. Сходство не может быть случайным. Установив, что существует связь между текстами Группы 1 и ПР, с одной стороны, и между протографами текстов Группы 1 и Группы 2, с другой стороны, и учитывая их практически идентичный состав, можно предположить связь между сборниками Группы 1 и ПР. Таким образом, протограф текстов Группы 2 может представлять собой сокращенную и отредактированную форму протографа текстов Группы 1 — с пропуском свадебных чинов, включавших мало имен, и свадебных разрядов, отсеянных в процессе редактирования. Это заключение позволяет поставить протограф текстов Группы 1 хронологически рядом с протографом текстов Группы 2 и в согласии с рукописной традицией ПР (см. Схема). Протограф текстов Группы 1 похож на произведения начала XVII в. То, что описание свадебного чина Ивана IV с Анной Васильчиковой отсутствует во всех сборниках обеих групп, только подтверждает нашу точку зрения. Трудно предположить, что текст Васильчиковой был дважды пропущен составителями обоих протографов: сначала в 1570-х гг., а затем в 1620-х. Проще предположить, что ошибка была допущена *один раз*, при составлении протографа текстов Группы 1, и была затем перенесена в протограф текстов Группы 2. Уже отсюда пропуск перешел во все производные тексты — во все сборники Группы 2, во все опубликованные сборники и, разумеется, в ПР³⁶.

Эти наблюдения и сравнения позволяют пересмотреть взгляды Бычковой на происхождение и текстологическое соотношение рукописных сборников. Можно сформулировать это так: в начале XVII в. были скопированы все имеющиеся (или все найденные) свадебные тексты, возможно, непосредственно с архивных рукописей и, вероятно, с помощью писцов Посольского приказа. Во всяком случае, я склонен считать, что первоначальная цель этой деятельности была связана с изучением прежних свадебных ритуалов, предпринятым думным дьяком И.Т. Грамотиным, который организовывал ритуалы и празднества по случаю бракосочетания царя Михаила Романова и Марии Долгоруковой³⁷. Вскоре после этого, возможно, данные тексты были собраны в единый комплекс — протограф того, что впоследствии стало сборниками Группы 1. Однако писцы пропустили свадебный чин Васильчиковой. Возможно, в процессе формирования ПР протограф текстов Группы 1 был переработан: многословные и излишне подробные элементы или даже целые тексты были удалены, и таким образом был сформирован второй сборник — протограф текстов Группы 2. Тексты протографа Группы 2, в свою очередь, могли быть соединены с другими вариантами этих текстов, в результате чего мог появиться протограф текстов ПР. Протограф Группы 2 мог также стать источником для опубликованных сборников, — таких как сборник Новикова.

Очень жаль, что именно протограф Группы 2, а не протограф Группы 1, лежит в основе большинства дошедших до нас свадебных сборников, как рукописных, так и опубликованных. Протограф Группы 1 был скопирован по меньшей мере дважды — один раз в первой половине XVII в., вскоре после его создания, а второй раз во второй четверти XVIII в. (БАН, 16.15.15 и БАН, 32.4.21). На этом линия Группы 1 явно обрывается, хотя варианты отдельных текстов протографа Группы 1 (пространной редакции) появляются всюду: в Списке Орлова Разрядной книги и в нескольких разрозненных рукописных сборниках. С другой стороны, протограф Группы 2 положил начало долгой и обширной рукописной традиции. К сожалению, эта традиция характеризуется все большей деградацией основного текста с течением времени и от одного списка к другому. Большую часть ошибок можно легко объяснить процессом копирования, например, при переводе дат старого стиля (от сотворения мира) в современное летосчисление (от рождества Христова)³⁸.

Такие ошибки и изменения дают возможность текстологически выстроить дошедшие до нас тексты. Среди пяти рукописей Группы 2 можно отчетливо выделить три подгруппы, каждая из которых, вероятно, имела свой собственный протограф. Первая подгруппа (в которую входит только один текст — БАН, 21.10.25) содержит мало ошибок или произвольных сокращений. Если не считать добавленных описаний свадеб и других дополнительных текстов, эта подгруппа, вероятно, представляет прекрасную копию протографа Группы 2. Вторая подгруппа состоит из двух рукописей (БАН, 31.7.20 и БАН 31.6.40), из которых одна рукопись, вероятно, представляет собой копию второй. Третья подгруппа также состоит из двух рукописей (БАН, 32.5.11 и ЯОБ), в которых содержится наибольшее число сокращений, описок и неправильно прочтенных слов. Опять же, один текст (ЯОБ) может быть копией другого. Чем дальше текстологически и хронологически отстоит текст от протографа Группы 2, тем более кратким и испорченным оказывается текст сборника (см. Схема).

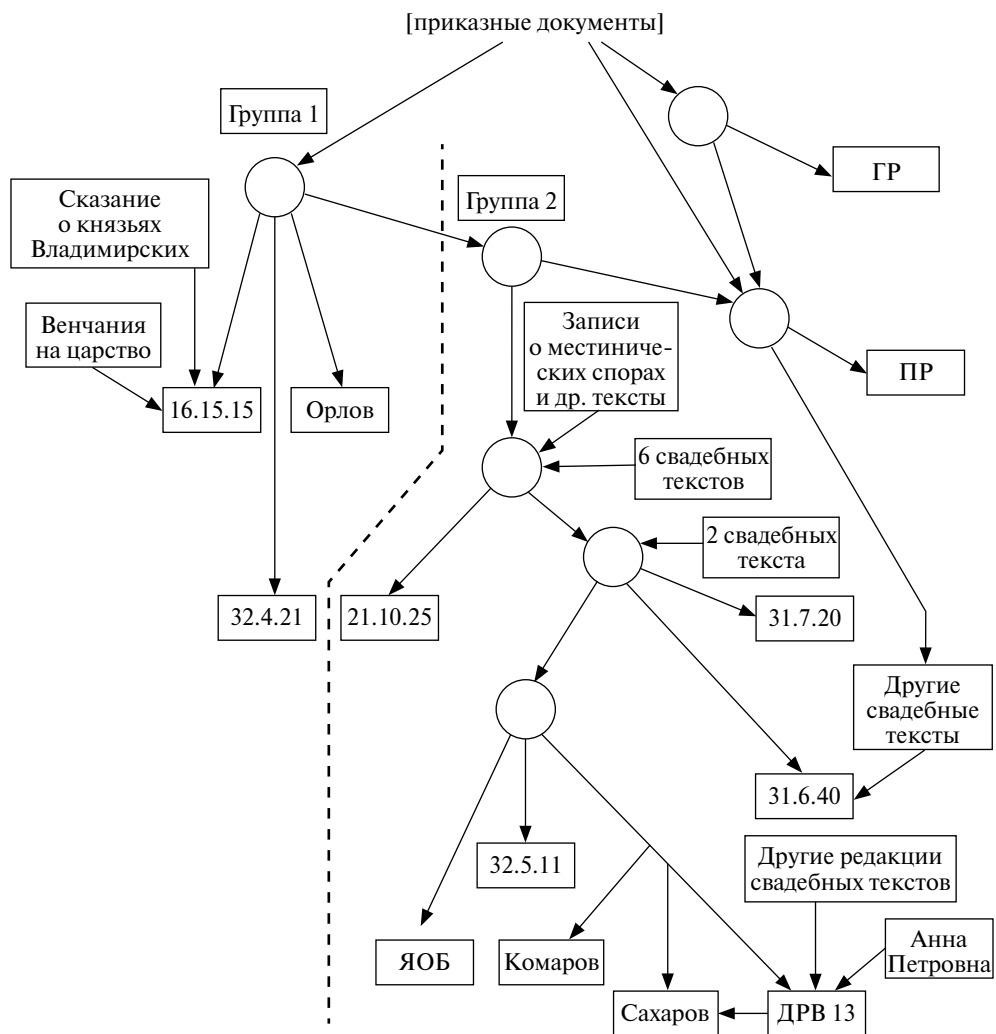

Схема взаимоотношения рукописных и опубликованных свадебных сборников

К упомянутой рукописной традиции, ведущей начало от протографа текстов Группы 2, имеют отношение и три свадебных сборника, опубликованные Комаровым, Новиковым и Сахаровым. В этом убеждает нас то, что ни один из опубликованных текстов не повторяет ни одной из дошедших до нас рукописей. В опубликованных текстах нет записей о местнических спорах или описания посольств в Литву или челобитной Волынских, которые включены во все списки Группы 2. Более того, сборники Комарова и Новикова включают заметки о свадьбах Василия III, царя Симеона Касаевича, Ивана IV и Лжедмитрия, о Смуте и более поздних браках Романовых, которые не вошли ни в одну из рукописей. Совершенно ясно, что эти заметки сочинили сами редакторы. Сборник Новикова включает также свадебный чин Анны Петровны, дочери Петра Великого, с Карлом-Фридрихом Гольштейн-Готторпским

(1725 г.), не встречающийся ни в одном другом сборнике. Большая часть текстов сборника Сахарова содержит совершенно уникальные пассажи, раскрывающие подробности свадебных текстов, правительственных процедур и описывающие предметы, которые надлежало использовать на свадьбах. В некоторых случаях тексты сокращены; в других редакторы переставляли отрывки текста или вводили небольшие стилистические изменения. Таким образом, в каждом случае редакторы проявляли недопустимую свободу в обращении с текстом. Несмотря на эти особенности, в основе всех трех публикаций лежат одни и те же тексты. Огромное количество общих чтений с рукописными сборниками позволяет надежно связать все три публикации с традицией, восходящей к протографу текстов Группы 2, а точнее — к текстам третьей подгруппы.

Представленные выше аргументы приводят к совершенно ясным выводам. Тексты Группы 1 представляют собой «лучшее» из различных свадебных сборников. Они включают уникальные тексты и предлагают более полные, более подробные копии некоторых текстов по сравнению со всеми иными когда-либо обнаруженными копиями. Сборники Группы 2 представляют собой наихудшие и наиболее странные варианты этих текстов. А наиболее изуродованными из всех текстов представляются редакции, опубликованные Комаровым, Новиковым и Сахаровым — то есть именно те тексты, которые чаще всего цитируются в исторической литературе. Этот печальный факт означает, что в некоторых случаях свадьбы неверно датировались, сведения о поиске и выборе невесты оказывались утраченными, и по крайней мере четверть свадебных списков оставалась недоступной для историков. Поэтому рукописи Группы 1 должны быть изданы — лучше всего, как дипломатические тексты с различными вариантами прочтения в примечаниях. Только тогда историки получат наиболее полные и наилучшие варианты этих очень важных источников.

¹ Существует много работ, посвященных символам и ритуалам, и число их растет. См., например: *Мартин Р.Э.* Хореография царских торжеств: Традиции, перемены и легитимность династии на примере свадеб царя Михаила Романова // *Slavic Review*. Vol. 63, № 4 (winter 2004). P. 794–817; *Кайзер Д.Х.* Символы и ритуалы в бракосочетаниях Ивана IV // *Russian History*. Vol. 14, № 1–4 (1987). P. 247–262; *Миллер Д.Б.* Сотворение легитимности: Ритуал, идеология и власть в России шестнадцатого века // *Russian History / Histoire Russe*. Vol. 21, № 3 (Fall 1994). P. 289–315; *Флаер М.* 1) Политические идеи и ритуал // *Cambridge History of Russia*. 3 vols. Vol. 1: From Early Rus' to 1689 / Edit. Maureen Perrie. Cambridge, Eng., 2006. P. 387–408 (Chapter 17); 2) Раскрытие кода: Образ царя в московском ритуале Благовещения // *Medieval Russian Culture*. Vol. 2. Berkley and Los Angeles, 1994; 3) Иконография монарших торжеств в Московии шестнадцатого века // *Byzantine Studies: Essays on the Slavic World and the Eleventh Century*. New Rochelle, N.Y., 1992; *Грамм П.О.* Зрелища при дворе в России семнадцатого века: иллюзии и реальность // *Essays in Honor of A.A. Zimin / Edit. Daniel Clarke Waugh*. Columbus, Ohio, 1985. P. 130–158; *Коллманн Н.Ш.* Ритуал и общественная драма при московском дворе // *Slavic Review*. Vol. 45, № 3 (Fall 1986). P. 486–502; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Изд. 3-е. М., 1901 (репринт: М., 2003).

² См., например: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой половине XVI в. М., 1988; *Коллманн Н.Ш.* Родство и политика: Становление политической системы в Московии, 1345–1547. Stanford, 1987; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI веке: историко-генеалогическое исследование. М., 1986.

³ *Комаров М.* Описание тринадцати старинных свадеб великих русских князей и царей. М., 1785; *Новиков Н.И.*, сост. Древняя российская виблиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. 2-е изд. Ч. XI. М.,

1789. С. 192, 193–197; Ч. XIII. М., 1790. С. 1–247; Ч. XIV. М., 1790. С. 1–21; Сахаров И.П. Сказания русского народа. Т. 2. СПб., 1849. С. 5–116.

⁴ Мартин Р. Царские свадьбы и крымская дипломатия: Новые источники по работе Посольского приказа в Московии в правление Василия III // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 19 (1995). P. 389–427; Назаров В.Д. 1) О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 40–54; 2) Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110–123; Васильчиков А.А. Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицей Анной Васильчиковых (7083/1575 г.) // Известия русского генеалогического общества. № 1, ч. 3. СПб., 1900. С. 1–13.

⁵ Мартин Р. 1) Поиски в архивах и перемещение документов: заметки о типологии и текстологии описаний царских свадеб в Московии // Russian History. Vol. 30, № 3 (Fall 2003). P. 253–300; 2) Дары невесте: приданое, дипломатия и брачная политика в Московии // Journal of Medieval and Early Modern Studies. Vol. 38, № 1 (Winter 2008). P. 119–145; Хорошкевич А.Л. Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. // Советские архивы. 1984, № 5. С. 29–34.

⁶ Мартин Р. Царские свадьбы в Московии: Описание собрания рукописей в Дрвлекхранилище Российского Государственного архива древних актов, Москва // Manuscripta. Vol. 50, № 1 (2006). P. 77–189; Государственное дрвлекхранилище хартий и рукописей: Описание документальных материалов фонда 135, сост. В.Н. Шумиловым / Ред. Л.В. Черепнин. М., 1971.

⁷ Относительно Разрядных книг см.: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начала XVII в. М., 2005; Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. Относительно Родословных книг см.: Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975; Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. Относительно Духовных великих князей см.: Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

⁸ БАН, 16.15.15, 32.4.21, 21.10.25, 31.6.40, 31.7.20, 32.5.11; ЯОБ, РК3319031v. Относительно шести текстов БАН см.: Описание рукописного отдела БАН СССР. 1-е изд. Т. 3, ч. 1 / Сост. Ф.И. Покровский и др. Л., 1930. С. 223–226; Описание рукописного отдела БАН СССР. 2-е изд. Т. 3, ч. 1 / Сост. В.Ф. Покровская и др. М., Л., 1959. С. 627–630; Бычкова. Состав класса феодалов России. С. 107–112; Мартин Р. Поиски в архивах и перемещение документов.

⁹ Мартин Р. Династические браки в Московии, 1500–1729. Диссертация. Гарвардский университет, 1996. С. 491–499.

¹⁰ Мартин Р. Династические браки в Московии. С. 507–510.

¹¹ Сахаров. Сказания русского народа. Т. 2. С. 30.

¹² Примером могут служить первые строки свадебного разряда В.Д. Холмского (1500 г.), который включает отдельные разряды, составленные и отредактированные разными дьяками. Такая компоновка не была обнаружена в других копиях этого текста, см.: Сахаров. Сказания русского народа. Т. 2. С. 36–37. Другой пример — в описании свадьбы Василия III упоминается о блюде, когда-то принадлежавшем великому князю Василию II, см.: там же. С. 38.

¹³ Мартин Р. Династические браки в Московии. С. 499–507.

¹⁴ О ПР см.: Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. Н.Г. Савич. Т. 1, ч. 1–3. М., 1977–1978; Т. 2, ч. 1–3. М., 1981–1982; Ред. Л.Ф. Кузьмина. Т. 3, ч. 1–3. М., 1985–1989. О ГР см.: Разрядная книга 1475–1598 / Ред. В.И. Буганов. М., 1966. С. 9–17; а также: Анхимюк. Частные разрядные книги; Буганов. Разрядные книги; Мартин. Династические браки в Московии. С. 510–518.

¹⁵ Относительно Списка Орлова (РНБ, Q.IV.53, л. 1–147 об.) см.: Буганов. Разрядные книги. С. 87–88, 188–198; Бычкова. Состав... С. 112.

¹⁶ В Списке Орлова опущен также церемониал первой свадьбы Владимира Старицкого (с Евдокией Нагой), состоявшейся в 1549 г.

¹⁷ БАН, 16.15.15, л. 1–26 об.; 32.4.21, л. 6-23 об. Этот редкий текст опущен в Списке Орлова; вместо него записан более краткий вариант перечня.

¹⁸ Относительно перечня к свадьбе царевича Петра см.: БАН, 16.15.15, л. 30 об.—47; 32.4.21, л. 38–48. Эти тексты отсутствуют в Списке Орлова.

¹⁹ БАН, 16.15.15, л. 14 об.—154; 32.4.21, л. 106 об.—109; РНБ, Q.IV.53, л. 123–27 об. Фрагмент столбца-черновика хранится в РГАДА, ф. 135, отд. IV, руб. II, № 9.

²⁰ БАН, 16.15.15, л. 161–171 об.; 32.4.21, л. 119–129 об.. Этот текст опущен в Списке Орлова.

²¹ Описание рукописного отдела БАН СССР. 2-е изд. Т. 3, ч. 1. С. 627.

²² Свадебный разряд Холмского; свадебный чин Шуйского-Бельской; свадебный чин Старицкого-Нагой; свадебный разряд Старицкого-Одоевской; свадебный чин Ивана IV-Собакиной; и свадебный разряд Арцимагнуса.

²³ Лишь в одном случае рукопись Группы 2 содержит пространную редакцию, а именно свадебный чин Ивана IV-Собакиной (БАН, 21.10.25, л. 73–80), в то время как остальные тексты этой группы представлены в сокращенной редакции.

²⁴ Ср., например: БАН, 16.15.15, л. 142 об.–143 об. и БАН, 21.10.25, л. 69–70; ДРВ. Ч. XIII. С. 80–81.

²⁵ Ср., например, пространную и сокращенную редакции разряда Старицкого-Одоевской, хранящейся в БАН (БАН, 16.15.15 и БАН, 21.10.25). Такое же отличие между пространной и краткой редакциями разряда Холмского приведено Зиминым. См.: *Зимин*. Формирование... С. 92.

²⁶ В описи Посольского приказа за 1673 г. имеются записи, которые могут соответствовать одному из протографов сборника или, возможно, некоему общему протографу. Читаем: «*3 свертка писаны радостные списки и выписки старые прежних великих государей царей и великих князей российских да выписка из служебника о братсе*» (*Гальцов В.И.* Описание архива Посольского приказа 1673 года. Т. 2. М., 1990. С. 33 (далее: *Гальцов*. Описание 1673)). Читаем далее: «*Связка, а в ней выписки из радостных списков прежних великих государей царей и великих князей российских из чину царского их венчания, всего 26 выписок*» (*Гальцов*. Описание 1673. С. 36). Эти записи свидетельствуют о том, что писцы Посольского приказа выполняли и работу по созданию текстов для сборника.

²⁷ *Бычкова*. Состав... С. 107, 110. См. также архивные описания обоих сборников в описаниях БАН: Описание рукописного отдела БАН СССР. 2-е изд. Т. 3, ч. 1. С. 627–39; Описание рукописного отдела БАН СССР. 1-е изд. Т. 3, ч. 1. С. 223–231; *Мурзанова М.Н., Боброва Е.И., Петров В.А.* Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии Наук. Ч. 1. М.; Л., 1956. С. 436.

²⁸ РГАДА, ф. 135, отд. IV, руб. II, № 3.

²⁹ *Бычкова*. Состав... С. 110–12.

³⁰ *Бычкова*. Состав... С. 110; *Мартин*. Хореография царских торжеств.

³¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.1, ч. 3. С. 480.

³² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.1, ч. 3. С. 487.

³³ См., например: Свадебный разряд Холмского (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. С. 63; ДРВ. Т. 13. С. 1–5); Свадебный разряд Глинского (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. С. 192–96; ДРВ. Т. 13. С. 15–19; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 9) и Свадебный разряд Старицкого (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. С. 233–37; ДРВ. Т. 13. С. 19–27 и 27–29).

³⁴ *Анхимюк Ю.В.* 1) Частные разрядные книги; 2) О времени составления Пространной редакции разрядных книг в свете палеографических данных списка князя Д.М. Пожарского // *Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации*. М., 1994. С. 28–29.

³⁵ Единственное различие в составе этих документов заключается в том, что в ПР добавлен список участников седьмой свадьбы Ивана IV (с Марией Нагой), состоявшейся в 1580 г. и опущенной в текстах Группы 1, а в текстах сборников Группы 1 (за исключением Списка Орлова) добавлена свадьба царевича Ивана Ивановича с Евдокией Сабуровой, состоявшаяся в 1571 г. (в ПР она отсутствует).

³⁶ Отсутствие этого важного текста в рукописях и опубликованных сборниках объясняет, вероятно, и вывод, сделанный авторами статьи об Анне Васильчиковой в «Энциклопедии» Брокгауза и Эфрона, о том, что Иван и Анна не были женаты формально и, следовательно, ее нельзя причислять к «законным» женам Ивана IV. Очевидно, автор статьи не знал ни одного из списков, которые содержат элементы свадебного чина Васильчиковой (РГАДА, ф. 135, отд. IV, руб. II, № 11 и № 3, л. 9–10; ф. 156, оп. 1, № 1, л. 6–7; № 5, л. 1–17 об. и 18–41).

³⁷ *Мартин*. Хореография царских торжеств.

³⁸ Ошибки в датировке свадеб между текстами Группы 1 и Группы 2 появляются в текстах, описывающих свадьбы Василия III и Елены Глинской (28 января 7034 /1526 г. вместо 21 января 7034 /1526 г. — ср. БАН, 16.15.15, л. 64, и ДРВ. Т. 13. С. 5) или Владимира Старицкого и Евдокии Нагой (1 сентября 7058 /1549 г. вместо 10 сентября 7058 /1549 — ср. БАН, 16.15.15, л. 103 и ДРВ. Т. 13. С. 46).

Н.П. Чеснокова

**«ХРИСМОЛОГИОН» ПАИСИЯ ЛИГАРИДА
В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ ГИМ И РНБ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

В январе 1673 г. вышел в свет русский перевод сочинения Паисия Лигарида «Хрисмологион», выполненный переводчиком Посольского приказа Николаем Спафарием. Сотрудником Спафария был подьячий Петр Долгово, делавший справу текста. Эта работа являлась частью «издательской» программы Посольского приказа, согласно которой в последней трети XVII в. в Москве были составлены и красочно оформлены книги, переведенные с греческого и латинского языков, посвященные великим царям прошлого. Одновременно создавались отечественные литературные памятники, в которых русские государи прославлялись вместе со знаменитыми монархами мира¹. Так, на русском языке была написана книга «Василиологион» (сочинение о подвигах ассирийских, персидских, греческих и римских монархов), появившаяся почти одновременно с «Родословной великих князей и государей российских» Лаврентия Хурелича, герольдмейстера Австрийского императора². Прославление русских государей, поставленных в названных сочинениях в один ряд со знаменитыми монархами прошлого и настоящего, являлось важнейшим элементом политической мысли XVII в. При царе Алексее Михайловиче (1645–1676) формировалась государственная доктрина, основанная на идее единения русской и греческой православных церквей. Она была скреплена почитанием общих святых реликвий, признанием освободительной миссии русского царя на Христианском Востоке и его прав на политическое наследие Константина I. В целом эта теория выражалась идеологемой «Русский царь — Новый Константин», сформулированной в деяниях собора 1666/67 гг. по «делу» патриарха Никона³.

Великолепная рукопись «Хрисмологиона» была украшена одиннадцатью иллюстрациями изографа Ивана Максимова. Книга написана на бумаге, художественные вставки выполнены на пергамене красками и золотом. Так же написаны заставка, титульный лист и заглавные буквы. Прокладки шелковые. Доски переплета обтянуты красным сафьяном с золотым теснением и золотым обрезом. Застежки серебряные. Роскошный подносной экземпляр, вне всякого сомнения, предназначался царю Алексею Михайловичу, но по его распоряжению был оставлен в Посольском приказе. В настоящее время он хранится в Эрмитажной коллекции рукописного собрания РНБ⁴.

Русский перевод «Хрисмологиона», сложный по языку и составу, оказался очень популярным в России. Известно около 40 списков этого сочинения XVII–XIX вв., некоторые из них находятся в самых отдаленных городах России, например, в Дальневосточной государственной научной библиотеке (г. Хабаровск). Список книги находился и среди личных вещей императора Петра II. Судя по владельческим записям, рукописями «Хрисмологиона» обладали далеко не всегда просвещенные люди. Существует список этого сочинения

XVIII в., принадлежавший крестьянским детям из деревни Великовисочной Никифору, Михаилу и Ивану Безумовым. В качестве отдельных глав отрывки из «Хрисмологиона» включались в различные сборники.

Наиболее известные греческие и славянские рукописи «Хрисмологиона» описаны А. Пападопуло-Керамевсом⁵, А.И. Соболевским⁶, Д.Н. Альшицем⁷. Содержание сочинения подробно воспроизведено в XIX в. И. Михайловским⁸. В зарубежной литературе «Хрисмологион» исследован Г. Хионидисом⁹. Бытование русского варианта, насколько нам известно, специально не изучалось. В различных справочных изданиях, включая описание Эрмитажной коллекции, он называется сочинением Николая Спафария. Отчасти данное утверждение справедливо. Труд Спафария не является переводом в современном смысле слова, он содержит обширные авторские уточнения, необходимые русскому читателю, возможно, отмечен более активным вмешательством Спафария в оригинал Паисия Лигарида. Судить о нем будет возможно только после сравнения греческого и славянского текста.

А. Пападопуло-Керамевс считал «Хрисмологион» автографом автора. Рукопись, принадлежавшая Паисию, была составлена на Востоке в 50-х годах XVII в. и вполне могла быть написана самим Лигаридом. По свидетельству Павла Алеппского, она существовала в единственном экземпляре. В 1656 г. в Валахии, когда Макарий Антиохийский и Павел Алеппский возвращались домой из своего первого путешествия в Россию, они встретили митрополита Паисия. После долгих уговоров Паисий разрешил Макарию Антиохийскому снять копию с сокровища, единственным обладателем которого он был. Писцом рукописи для патриарха Макария, по определению Б.Л. Фонкича, стал Иоанн Сакулис, впоследствии эконом антиохийской церкви¹⁰. Он же позднее изготовил еще один экземпляр «Хрисмологиона». Этот труд оказался как нельзя более кстати, т. к. газский митрополит, судя по его письму к Макарию Антиохийскому, уже после их встречи подвергся нападению мажар, которые вместе со всем имуществом отняли его драгоценную книгу¹¹. О дальнейшей судьбе этого манускрипта ничего неизвестно.

Б.Л. Фонкич полагает, что в Москве список с «Хрисмологиона» появился в 60-х годах XVII в. и в дальнейшем использовался Николаем Спафарием для перевода на славянский язык¹². Но как и с кем рукопись попала в Москву? Если после пропажи экземпляра Лигарида остались лишь два списка «Хрисмологиона», принадлежавшие антиохийской церкви, то логично предположить, что один из них и был привезен в Москву непосредственно патриархом Макарием и архидиаконом Павлом, во время их второго приезда в Россию на собор 1666/67 гг., где в то время уже находился митрополит Газы. Павел пишет, что после рассказа об утрате книги Паисий умолял их «снять для него список, а он (список. — Н.Ч.) ...был у нас уже написан»¹³. Возможно, Паисий Лигарид получил рукопись от патриарха Макария с какой-либо оказией раньше. Здесь мы вступаем на скользкий путь предположений.

По мнению А.И. Соболевского, Спафарий не упомянул имени автора греческого оригинала, т. к. к моменту создания книги авторитет газского митрополита Паисия в глазах царя упал¹⁴, и в мае 1672 г. Лигарид отправился из Москвы в Палестину. Судя по изданным приказным материалам, проездные документы Лигариду были даны в конце мая 1672 г. Тогда же Спафарий по указу властей

получил доступ к имуществу уехавшего газского митрополита с тем, чтобы перевести оставшиеся после него греческие и латинские рукописи и составить славяно-эллино-латинский словарь¹⁵. Неизвестно, намеревался ли Лигарид ехать на Ближний Восток. Он получил проезжую грамоту до Киева, и указ царя отпустить его через Валахию, «куда он похочет». В силу каких-то обстоятельств, возможно, связанных с состоянием здоровья, а скорее всего потому, что у Паисия так и не сложились отношения с иерусалимским патриархом, он остался в Киеве, где и прожил до своей кончины в 1678 г.

Переписчик славянского кодекса, старец Маркелл¹⁶, приступил к написанию русского варианта в июне 1672 г. В челобитной царю, поданной 11 июня 1672 г., он сообщал: «по твоему государеву указу пишу я новопереводную книгу «Хрисмологион» с еллиногреческаго языка на словенский книжным болшим письмом». В той же челобитной он писал: «А я готов не толко на писмо, но и на перевод латинского и полского языка и на всякое твое, великого государя, дело»; и далее: «пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, свое государево жалованье мне поденной корм давать против моей братьи, старцов иноземцов»¹⁷. Подобная формула в документах Посольского приказа означала, что Маркеллу следует давать жалованье, как и другим служащим иностранцам. Иноземцами в Москве то время считали не только представителей зарубежных государств, но и выходцев с Украины. В приказе сделали необходимые выписки с примерами выплат иностранцам, занятых сходной работой и находившихся в тех же условиях, что и Маркелл. Среди них оказались «киевленин старец Епифаний (Славинецкий. — *Н. Ч.*) и старец Мелетий (Грек. — *Н. Ч.*)». Маркеллу назначили поденное жалование как и Мелетию Греку по 5 алтын в день¹⁸. Вполне вероятно, что Маркелл, о происхождении которого ничего не известно, мог быть выходцем из южно-русских или польских земель.

Итак, в июне 1672 г. переписчик уже имел переведенный славянский текст, или хотя бы часть его. Трудно сказать, сколько времени потребовалось Николаю Спафарию на работу над столь сложным произведением как «Хрисмологион», но, очевидно, не меньше, чем старцу Маркеллу для написания славянского перевода — с июня 1672 по январь 1673 г. Нам представляется мало вероятным предварительное копирование для перевода греческой рукописи объемом в 296 листов. Из этого следует, что перевод «Хрисмологиона» был начат еще при Лигариде, а не после его отъезда из Москвы, как обычно принято считать. В таком случае греческим оригиналом для переводчика мог быть кодекс самого Паисия. Уезжая из Москвы, он забрал манускрипт с собой, т. е. в июне 1672 г. греческого текста уже не было под руками Спафария. Возможно, данное обстоятельство и объясняет тот факт, что была переведена только часть, а не все сочинение митрополита Газы. Очевидно, в дальнейшем именно вывезенная из Москвы рукопись «Хрисмологиона» попала в Иерусалимскую патриаршую библиотеку (№ 160). Г. Хионидис вслед за А. Пападопуло-Керамевсом указывает еще на один (неполный) список «Хрисмологиона», хранящийся в Афинской национальной библиотеке¹⁹. Существует также список «Хрисмологиона» из библиотеки Румынской Академии с нелестными для автора пометами иерусалимского патриарха Хрисанфа (1707–1731)²⁰.

Вопрос о соотношении оригинала «Хрисмологиона» и его славянского варианта совсем непросто. Иерусалимский кодекс состоит из двух книг. Первая

из них содержит посвящение царю Алексею Михайловичу, три предисловия и пророчества от ветхозаветных до времени падения Константинополя в 1453 г. Вторая часть посвящена еще не сбывшимся на момент создания сочинения предсказаниям²¹. В русском переводе упоминаются *три «харатейные» книги* (курсив наш. — *Н. Ч.*). Он включает в себя только часть сюжетов из первой книги Паисия, но зато содержит полный перечень византийских и римских правителей, вплоть до императора Леопольда, имеется ввиду Леопольд I, император Священной Римской империи с 1655 г.

Приведем название и содержание «Хрисмологиона» по кодексу из Отдела рукописей ГИМ²².

(Л. 1) Хрисмологион, сиречь Книга пререченословная от пророчества Даниилова сказание сония Навуходонасорова. Та же о четырех монархиях вселенная, и о ложном пророце Махмете, и о царствии его. Потом предречение Лва царя Премудраго и иных, о пленении Царяграда, и о турках, и что имать быти во грядущее время. Та же о Антихристе и о иных многих изрядных вещей, яже вся на три особныя книги разделяются от древнейшия харатейныя книги еллиногреческия преведена на словенский язык. Повелением благочестивейшаго тишайшаго самодержавнейшаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца преведена сия книга чрез Николая Спафария в царствующем и преименитом граде Москве в лето от сотворения мира 7181-е месяца иануария в 25 день²³. Предлежит сия книга разсуждению православныя церкви и благочестивейшаго царя и самодержца разсмотрению. // (Л. 1 об.) Предисловие. Тишайшему государю, державнейшему кесарю, неподимому августу, Богом венчанному, великому царю и великому князю, победителному и победоносцу, государю Алексию Михайловичю всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу и многих царств и государств восточных и западных и северных отчичю, дедичю, наследнику, государю и обладателю спасительное спасение, душевное и телесное здравие многолетное и благополучное и вся благая и полезная Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа даровати, вседушно молим...²⁴ // (Л. 18 об.) Прологоменон, си есть предлагателное на четыре монархии... // (Л. 24) Оглавление 12 глав книги сея и чиновное расположение ко удобообретению коегождо толкования.

Глава 1-я. Лист 26.

Образ и стихи иамвстии на него.

Глава вторая Даниилова из библии.

Толкование на первыя стихи и о Навуходоносоре и о иных многих изрядных вещей. Толкование на сон Навуходоносоров.

Толкование на камень отсечен от горы.

Глава 2-я. Лист 32.

Образ и стихи иамвстии на него.

Глава вторая Даниилова из библии.

Толкование чего ради забы(л) Навуходоносор сон.

Толкование о волхвах, каковы суть.

Толкование на ярость Навуходоносорову.

Толкование на молитву Даниилову.

Толкование на ангела, иже послан бысть к Даниилу.

Толкование, что есть откровение.

Толкование на три отроки, кии бяху.

Глава 3-я. Лист 42.

Образ и стихи иамвистии на него.

Из библии от вторья главы // (Л. 24 об.) Толкование на «ты будещи царю царей во веки».

Толкование о Данииле.

Толкование на истинное разсуждение Даниилово.

Глава 4-я. Лист 50.

Стихи иамвистии.

Из библии от вторья главы Данииловы.

Толкование, в нем же о титулах и о иных многих вещех.

Толкование на златую главу.

Толкование на царство серебряное.

Толкование на третье царство медное.

Толкование на четвертое царство железное.

Толкование на камень отсечен от горы и о пятом царстве Христове.

Глава 5-я. Лист 78.

Из библии от вторья главы Даниловы.

Толкование на поклонение царя Даниилу.

Толкование на «той есть Бог Бого(м) и Господь Господей».

Толкование на возвеличание Даниилово.

Толкование на трех отроков.

Толкование на Даниил бе во дворе цареве.

Глава 6-я. Лист 95.

Из библии от четвертя главы Даниловы и вторый сон Навуходносоров.

Толкование на видение древа.

Толкование на низвержение и пременение На // (л. 25) вуходносора от чело- века на вола.

Вопрос на тожде толкование, како Бог наказует нечестивых царей и тиранов.

Толкование на возвращение Навуходносора в разум и царство свое.

Глава 7-я. Лист 151.

Из библии глава пятая Даниилова о Валтасаре царе и пиршестве его.

Толкование на имя Валтасара, и кто он бе.

Толкование на вечерю Валтасара царя.

Толкование на «в той же час изыдоша персты руки пишуущии».

Толкование на «в ту же ночь убиен бысть Валтасар царь».

Толкование на «и Дарий Мидянин восприят царство».

Глава 8-я. Лист 138.

Из библии глава седмая от Даниила пророка, видение четырех зверей, или монархий. Стихи иамвистии и толкование на царство Вивилонское, или на первую монархию.

Толкование на монархию Халдейскую, како начашася и скончашася. Исчис- ление всех царей первья монархии.

Глава 9-я. Лист 147.

Из библии от главы седмая, Даниилово видение о втором звере, или второй монархии.

Стихи иамвистии и толкование на втораго зверя, или вторую монархию.

Толкование паки на вторую монархию // (л. 25 об.) и о Кире царе персидском.

Глава 10-я. Лист 157.

Стихи иамвистии на видение Даниилово при Кире царе.

Толкование на тое видение пространное о Цареграде, о Антихристе и о иных.

Счисление всех царей вторья монархии от Кира царя даже до Дария и совершения тоя монархии.

Глава 11-я. Лист 172.

Из библии от седмая главы Даниилово видение третьего зверя и стихи иамвистии на него.

Толкование на тое видение третьяго зверя и на третью монархию.

Толкование на житие Александра Великаго.

Толкование и счисление четырех царств по смерти Александра, сиречь Македонскаго, Сирийскаго и Египетскаго и счисление царей их.

Глава 12-я. Лист 199.

Стихи иамвистии из библии седмая главы Данииловы о четвертом звере даже до конца.

Толкование на четвертаго зверя и на четвертую монархию, исчисление Иулия Кесаря и Августа.

Образ и стихи на благовещение пресвятыя // (л. 26) Богородицы. Евангелие от Луки.

Образ рождества Христова и стихи и евангелие от Луки.

Счисление всех кесарей римских от Тивериа даже до Константина Великаго.

Счисление царей греческих от Константина Великаго до Константина последнего.

Счисление кесарей римских от Кароля Великаго даже до последнего кесаря Леополдуса.

Совершение монархий четырех и конец книги сея.

Русский перевод «Хрисмологиона» является вполне самостоятельным произведением, памятником эпохи, достойным специального исследования. Для данной работы были выбраны списки «Хрисмологиона» из рукописных собраний ГИМ и РНБ. Экземпляр «Хрисмологиона» ГИМ поступил в Уваровскую коллекцию из библиотеки Ивана Николаевича Царского. Это кодекс in folio в 216 листов, 29 тетрадей, в двух из них: 26 (л. 197–200) и 27 (л. 201–204) листы на вальцах, лл. 217–218 чистые, 217 пронумерован в XVII в., на л. 218 — современная нумерация. Бумага: Герб Амстердама²⁵, сходное изображение филиграни у Т.В. Диановой датировано 90-ми годами XVII в. Книга написана, по словам составителя описания архимандрита Леонида²⁶, крупной скорописью, которую скорее следует назвать беглым полууставом²⁷. Обложка — доски, обтянутые тесненной кожей, с двумя металлическими застежками на кожаных ремешках, один из которых поврежден. На нижней доске переплета запись: «Книга Чюдова монастыря казначея иеромонаха Боголепа Адамова».

Списки из собрания РНБ²⁸, не говоря о подлиннике «Хрисмологиона», также очень интересны. Один из них in folio, датируемый А.И. Соболевским XVII в., по филиграну (Propratria) и разлиновке, скорее всего относится к XVIII в. и содержит в конце обращение к Петру I. Судя по тексту, оно было написано в период Азовских походов. По-видимому, в то время был изготовлен список «Хрисмологиона» для Петра Алексеича со специальным ему посвящением, который и стал протографом для ряда списков сочинения Паисия Лигарида. Другой список РНБ in quatto по разлиновке и филиграммам бесспорно принадлежит XVIII в. Он имеет пометы на полях, содержащиеся в подлиннике, которые отсутствуют в большинстве других списков. Все они заслуживают пристального внимания, изучения и публикации текста.

¹ Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: исследования и материалы. М., 1963. VIII. С. 189–193.

² Калишевич З.Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 402; Эскин Ю.М. Лаврентий Хурелич. Родословие... России непобедимейших монархов. 1673 г. // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. М., 2004. С. 98–99.

³ Чеснокова Н.П. Русский царь — Новый Константин // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи. XXII конференция. Тезисы докладов. М., 2004. С. 107–111; Она же. Идея византийского наследия в России середины XVII в. // Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний (Москва, 30–31 октября 2007 г.). Материалы. М., 2007. С. 179–198

⁴ РНБ. Эрмитажное собрание. № 27.

⁵ Παπαδόπουλος-Κεραμειός Α. Τερροσολυτικῆ βιβλιοθήκη. Πετρούπολη, 1891. Τ. Α'. Σ. 255–257.

⁶ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 367.

⁷ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI–XVII вв. / Сост. Д.Н. Альшиц. М., 1968. С. 50–51.

⁸ Михайловский И.Н. Важнейшие труды Николая Спафария (1672–1677). Киев, 1897. С. 1–13.

⁹ Hionides H. Paisius Ligarides. N.Y., 1972. P. 121 sq.

¹⁰ Об экономе антиохийской церкви и писце Иоанне Сакулисе см.: Фонкич Б.Л. Иоанн Сакулис. Страничка из истории участия греков в «Деле патриарха Никона» // Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003. С. 323–332.

¹¹ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. М., 2005. С. 569.

¹² Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России в XVII в. // Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России... С. 287.

¹³ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 569.

¹⁴ Соболевский А.И. Переводная литература XIV–XVII веков... С. 367.

¹⁵ Дополнения к актам историческим. СПб., 1857. Т. VI. С. 217.

¹⁶ Чернец, писец Посольского приказа, известный в будущем деятель русской церкви (Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 335–336).

¹⁷ Дополнения к актам историческим... С. 190.

¹⁸ Там же. С. 190–191.

¹⁹ Hionides H. Paisius Ligarides. P. 122.

²⁰ Olar O. Prophecy and history // Manuscrise bizantine în colecții bucureștene. București, 2009. P. 84 sq. Там же см. библиографию по теме.

²¹ Hionides H. Paisius Ligarid...P. 123 sq.

²² ГИМ. Собр. Увар. 408.

²³ Имеется в виду, что в январе 1673 г. создание книги уже было завершено.

²⁴ Посвящение царю Алексею Михайловичу содержит «теорию» монархии, рассуждения о пользе исторического знания и проч. Этот текст был опубликован в 1841 г., но без указания рукописи, с которой он издан и по правилам грамматики середины XIX в. (Русский вестник. 1841. Т. 2. С. 399–400).

²⁵ *Дианова Т.В.* Филлиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. № 359 (1695–1699 Москва).

²⁶ Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова / Составил архимандрит Леонид. М., 1894. Ч. 3. № 1325 (с. 23).

²⁷ Благодарю за консультацию Бориса Михайловича Клосса.

²⁸ РНБ. Основное собрание рукописных книг. F I 698, XVII в. и Q I 446, XVIII в.

РУКОПИСИ ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО В СОБРАНИЯХ БИБЛИОТЕКИ РАН*

Лествица Иоанна Синайского — памятник ранневизантийской литературы, снискавший необыкновенную популярность в славянских странах, в том числе и на Руси, о чём свидетельствует большое количество сохранившихся славянских рукописей произведения.

В фондах Библиотеки Академии наук содержатся не менее 22 списков памятника. Половина из этого числа (11) хранится в Основном собрании: БАН 13.4.6 (Яцим. 69), БАН 13.4.7 (Яцим. 70), БАН 13.5.16, БАН 16.18.8, БАН 32.4.6, БАН 33.1.2, БАН 33.5.6, БАН 33.13.13, БАН 34.7.1, БАН 45.8.187; шесть рукописей входят в Архангельское собрание (Арханг. Д. 173, Арханг. Д. 224, Арханг. Д. 439, Арханг. Д. 440, Арханг. Красног. 22, Арханг. Красног. 39); по одному списку представляют Белокриницкое собрание (Белокр. 67), собрания В.Г. Дружинина (Друж. 749), Ф.А. Каликина (Калик. 170), Н.В. Тимофеева (Тим. 9), М.И. Успенского (Успен. 204), М.И. Чуванова (Чуван. 175).

Самая ранняя рукопись Лествицы из собраний БАН (БАН 34.7.1) датируется началом XIV в.¹ Все остальные списки представляют XV–XVIII вв. (из них 2 рукописи XV в., 8 — XVI в., 5 — XVII в., 6 — XVIII в.). Некоторые Лествицы весьма искусно иллюминированы и имеют миниатюры; так, БАН 34.7.1, Тим. 9, БАН 33.1.2, Арханг. Д. 173, Чуван. 175, Арханг. Красног. 22, Друж. 749, БАН 13.5.16, Калик. 170, БАН 45.8.187, несомненно, могут быть объектами искусствоведческих исследований. В целом, представляется, что Лествицы БАН недостаточно привлекаются в качестве источников для наблюдений исследователями славянской книжности (как, впрочем, и весь корпус славянских списков памятника), между тем эти источники могут быть очень ценными.

Древнейшая Лествица БАН (БАН 34.7.1) имеет хорошие описания с воспроизведением фрагментов и активно изучается². При этом БАН 34.7.1, вероятно, вообще является первой славянской Лествицей, введённой в научный оборот³. Другой широко известной Лествицей является Тим. 9 — в первую очередь, благодаря исследованиям Г.И. Вздорнова⁴, Л.П. Саенко⁵, Н.Н. Розова⁶, М.Г. Гальченко⁷ и др. Тим. 9 принадлежала известному учёному-архивисту Н.В. Тимофееву и была приобретена БАН от его дочери в 1948 г. Рукописи «посчастливилось» довольно быстро найти своих исследователей, в отличие от другой древней Лествицы, относящейся к тому же времени (нач. XV в.) и примерно в то же время (1946 г.) приобретённой БАН вместе с собранием М.И. Успенского от сестры владельца, — Успен. 204. Представляется, что Успен. 204 оказалась незаслуженно обойдена вниманием исследователей, несмотря на то, что её существование отмечалось⁸.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского», проект № 07-04-00013а.

Дореволюционные краткие описания имели Арханг. Д. 173, Арханг. Д. 224, Арханг. Д. 439, Арханг. Д. 440⁹ и БАН 13.4.7 (Яцим. 70), БАН 16.18.8, БАН 33.5.6, БАН 33.13.13, БАН 45.8.187¹⁰. Из советских учёных Лествицы БАН привлекали внимание Л.С. Ковтун, которой принадлежит анализ и публикация текста словаря *Толкование речем* по спискам БАН 34.7.1 и БАН 33.1.2¹¹. Наборным способом фрагмент текста Лествицы по Волок. 463 в сопоставлении с Рум. 198 и Тим. 9 воспроизвела Л.П. Саенко¹². Опубликован текст предисловия *Слово вкратце прозрение св. Лествица* по списку БАН 34.7.1 (с разночтениями по спискам других переводов)¹³. Кроме названного списка, в поле зрения болгарской исследовательницы находятся БАН 32.4.6 и Арханг. Д. 173¹⁴.

В последние десятилетия благодаря усилиям исследователей реконструируются составы монастырских библиотек. Так, в частности, библиотеке Антониево-Сийского монастыря принадлежали Арханг. Д. 173, Арханг. Д. 224, Арханг. Д. 439, Арханг. Д. 440¹⁵, в число книг практически потерянной выговской старообрядческой библиотеки входила БАН 33.1.2¹⁶. БАН 33.1.2 привлекала внимание учёных в связи с приложенным к ней *Алфавитом добродетелей*¹⁷.

Из других Лествиц БАН в исследованиях встречаются указания на БАН 13.5.16¹⁸, Белокр. 67¹⁹. Из хранящихся в БАН Лествиц не введены (или почти не введены) в научный оборот Арханг. Красног. 22, Арханг. Красног. 39, БАН 13.4.6 (Яцим. 69), Чуван. 175, Друж. 749, Калик. 170.

Лествицы собраний БАН представляются крайне важными для реконструкции славянской рукописной истории памятника. В целом, в настоящее время известно, что существовало не менее 4 древних славянских переводов (полных редакций) Лествицы (условно в рамках данной статьи они именуется «преславский перевод»²⁰, «тырновская редакция»²¹, «сербский перевод»²² и «афонский перевод»²³) и несколько поздних переработок памятника. Вообще, на сегодняшний день можно говорить о существовании не менее 22 списков преславского перевода, не менее 11 списков тырновской редакции, не менее 8 списков сербского перевода и огромного количества списков афонского перевода. Среди Лествиц собраний БАН нет списков «тырновской редакции» — она вообще не получила распространения в русской рукописной традиции²⁴. Сербский перевод встречается ещё реже и также не представлен в Лествицах собраний БАН²⁵.

В целом, из 22 Лествиц собраний БАН преславский перевод содержится в 1 списке (БАН 34.7.1), афонский перевод — в 15 списках (БАН 13.4.6 (Яцим. 69), БАН 13.4.7 (Яцим. 70), БАН 32.4.6, БАН 33.1.2, БАН 33.5.6, Арханг. Д. 173, Арханг. Д. 224, Арханг. Д. 439, Арханг. Д. 440, Арханг. Красног. 22, Арханг. Красног. 39, Белокр. 67, Тим. 9, Успен. 204, Чуван. 175), перевод Паисия Величковского — в 2 списках (БАН 13.5.6 и Калик. 170), 4 Лествицы списаны с печатного издания (Москва, 1647): БАН 33.13.13, БАН 16.18.8, БАН 45.8.187, Друж. 749. В БАН имеется и позднее литературное произведение, созданное по мотивам Лествицы, так называемый «Небошественник» — в списке БАН 1.1.30 (Бурц. 1).

Пергаменный список БАН 34.7.1 занимает особое место среди всех списков преславского перевода Лествицы, представляя его частичную редакцию, которую можно условно назвать «пространной», поскольку впервые в истории славянского текста памятника в рукописи появляются три предисловия и толкование речем (до этого в рукописях преславского перевода встречались

только житие, послание Иоанна Раифского, ответ Лествичника и оглавление в конце текста). Вступительные статьи БАН 34.7.1 расположены в следующем порядке: предисловие *Иже в книзе животней*, оглавление, предисловие *Иже равночисленного*, житие, ответ Лествичника, предисловие *Добродетелей проходи всходы*. По нашим наблюдениям, в эту же текстологическую группу входит Син. тип. 39. Кроме сходства в компоновке статей, названные списки обнаруживают большое языковое сходство, ср., напр.: **Данила мниха Рафиньскаго. о житии препѣнаго ѿца ѿвана**²⁶ БАН 34.7.1, л. 3 об. и **Данила мниха. Рафиньскаго. о жити прѣпѣнаго ѿца. ѿвна** Син. тип. 39, л. 2в–2г (в списках других редакций перевода: *Житие преподобного отца Иоанна*, *Житие вкратце отца Иоанна*, *Данила мниха Рафиньскаго о житии святого Иоанна*, *Житие вкратце отца нашего Иоанна*, *Житие вкратце во святых отца нашего Иоанна*) etc.

Огромное количество текстологических и лингвистических разночтений представлено в списках афонского перевода Лествицы, в связи с чем можно предполагать наличие у этого перевода множества частичных редакций — представляется, что если при переписывании меняется порядок вступительных (заключительных) статей и/или какие-то статьи исключаются или вводятся в структуру списка, то речь в этом случае идёт о редактировании текста. В 15 вышеперечисленных списках афонского перевода, хранящихся в БАН, ни разу полностью не повторяются ни состав, ни порядок следования начальных (конечных) статей.

В целом, представляется, что афонский перевод пережил не менее трёх основных редакций (условно мы дали им рабочие названия «древнейшая», «киприановская» и «варлаамовская»), остальные редакции в конечном счёте восходят к каким-либо спискам названных. В рукописях БАН представлены все три основные редакции афонского перевода.

Древнейшую редакцию содержат такие списки Лествицы, как Рыл. 3/10, Зогр. 214, Поп. 119, Егор. 380 и др. Поздний — пространный — вариант указанной редакции сохранился в БАН 33.1.2. Рукопись включает максимально возможный набор и вступительных статей (житие, послание, ответ, *Добродетелей проходи всходы*, *Иже в книзе*, *Иже равночисленного*, прилог, рисунок с увещанием), и заключительных статей (статья об Иоаннах, толкование речем, толкования, Алфавит добродетелей и рассказы из Синайского патерика: о пострижении Лествичника, о пророчествах Иоанна Савваитина и аввы Стратигия, о явлении Моисея, о чуде над елеем в ските Арселейском и о предсмертном предвещании Лествичника). Языковые особенности не позволяют отнести названный список ни к каким другим редакциям, кроме древнейшей, ср., напр.: **Смотри въ истинну изряднѣ паче иже равночислены намъ Хѡа по плѣти възраста** БАН 33.1.2, л. 15 об. и **Съмотри въ истиннѣ изрѣднѣ паче иже равночисльны намъ Хѡа по плѣти възраста** Рыл. 3/10, л. 5а²⁷ (в списках других редакций афонского перевода это предисловие сохранилось в другом варианте: *Слово вкратце прозрения св. Лествица...*).

Необыкновенно широкое распространение на Руси имели списки редакции, одна из рукописей которой (МДА 152) собственноручно написана митрополитом Киприаном, поэтому условно редакция именуется киприановской. Из списков, хранящихся в БАН, киприановскую редакцию содержат БАН 32.4.6 и Успен. 204. В рукописях киприановской редакции вступительные

статьи расположены в следующем порядке: послание, ответ, *Добродетелей проходи всходы*, житие, (рисунок). Успен. 204 начинается с середины ответа, далее следуют *Добродетелей проходи всходы*, житие, слова 1–30 и слово к пасху. Рукопись, к сожалению, утратила начало, однако сравнение Успен. 204 с другими списками киприановской редакции позволяет с большой долей уверенности предполагать, что утраченными фрагментами Успен. 204 являются послание с началом ответа. Из списков киприановской редакции Успен. 204 находится в самой тесной генетической близости с Десн. 1, Трц. 185 и Трц. 168.

На основании писцовой записи в Тим. 9 в науке распространились два неверных мнения: 1) что Киприан был переводчиком Лествицы (*митрополитъ писалъ въ цѣриградѣ с грѣцкаго на русьскыи ѡзыкъ*)²⁸ и 2) что Тим. 9 «представляет собой копию (текста)» МДА 152²⁹, которую для этого специально привозили на короткий срок в Тверь (*ѡмолихъ о томъ книзѣ гна еппа <...> с великимъ желаниемъ и написахъ сию книгу наворъзѣ*), поэтому писец Тим. 9 вынужден был «спешить с перепиской»³⁰. Графико-орфографический анализ названных списков показал, что Тим. 9 «восходит к среднеболгарскому протографу, однако рукопись митрополита Киприана 1387 г. не является этим протографом»³¹. МДА 152 и Тим. 9 имеют совершенно разный порядок начальных статей; кроме того, в Тим. 9 добавлены 2 отсутствующих в МДА 152 предисловия, есть оглавление и нет рисунка.

Наблюдения над языком и текстом Син. тип. 200, Арханг. Д. 173 и Чуван. 175 показывают родство названных списков. Начальными статьями указанных рукописей являются: житие, *Иже равночисленного*, *Иже в книзе животней*, *Добродетелей проходи всходы*, рисунок, послание и ответ; по языку эти списки также обнаруживают большое сходство, ср., напр.: *Слово вкратцѣ прозрѣникъ св. Лѣствица. Иже равночисленаго намъ Христова по плоти възраста* Арханг. Д. 173, л. 6, *Слово вкратцѣ прозрѣникъ ст҃гымъ Лѣствица. Иже равночисленаго намъ Христова по плоти възраста* Син. тип. 200, л. 5 и *слѡ в'кратцѣ прозрѣнїе ст҃гымъ лѣствица иже равночисленѣ на. х҃ва по плоти возраста* Чуван. 175, л. 5 об. (в списках других редакций перевода: *Лествица божественного восхода*, *Прозрение св. Лествица*, *Иже равночисленный нам...*) etc. Чуван. 175 утратила лист с концом *Добродетелей проходи всходы* и началом послания. Весьма вероятно, что на вырванном листе в Чуван. 175 находился рисунок Лествицы — в этом случае состав и порядок вступительных статей списков Син. тип. 200, Арханг. Д. 173 и Чуван. 175 будут тождественными.

Большая группа списков афонского перевода по составу и порядку вступительных (заключительных) статей и в языковом отношении отличается от списков древнейшей и киприановской редакций. Эти списки восходят к Трц. 156, законченной 14 октября 1412 г. Варлаамом «странным» (странником, приезжим)³². Таким образом, логично предположить, что Варлаам был хорошо знаком с другими (авторитетными для него) списками памятника; на основе нескольких списков (в числе которых были списки афонского перевода и тырновской редакции) он создал Трц. 156, которая впоследствии вполне могла стать оригиналом для нескольких списков (в первую очередь, Трц. 157, а также Кир.-Бел. 34/159, Трц. 159, Трц. 160, Трц. 162 и др.). Условно редакция, представленная в Трц. 156 и близких ей списках, именуется варлаамовской. Эта

редакция в её просторном варианте, включающем полный набор вступительных статей (всего 7: житие, послание, ответ, *Добродетелей проходи всходы, Иже равночисленного, Иже в книзе животней*, рисунок) и полный набор заключительных статей (статья об Иоаннах, рассказы из Патерика, сведения о родителе и брате Лествичника), представлена БАН 33.5.6.

К спискам варлаамовской просторной редакции, вероятно, восходит редакция, представленная Белокр. 67. По составу и порядку статей список очень похож на БАН 33.5.6, однако по языку рукописи резко различаются, ср., напр.: Житіе в краѣцѣ прѣгнаго ѡца ншего іуана игѹмена ст҃тыа горы синаискїа, нареченнаго сѹхластикѣ, во ст҃ыѣ по истиннѣ. написавшаго дѹхвныа сїа скрижали, сїирѣкѹ ст҃т҃ю сїю лѣствицѹ. списано йнокомъ даниломъ смиреннымъ ранѣскимъ Белокр. 67, л. 1 и Житіе въ кратцѣ блаженнаго Іоанна игѹмена свѣтыа горы Синаискыа. нареченаго Сѹхластикѣ. въ свѣтыхъ по истиннѣ, написавшаго дѹхвныа сїа Скрижали, сїирѣкѹ свѣт҃ю Лѣствицѹ. Списана же са житіе се отъ данила, инока смѣренаго Ранѣскаго БАН 33.5.6, л. 1. Заметим, что подчеркнутые словоформы Белокр. 67 повторяются только в Тит. 775 (из имеющихся в поле нашего зрения славянских списков памятника).

Большой интерес с точки зрения текстологии славянских списков памятника представляют Лествицы антониево-сийского происхождения: Арханг. Д. 224, Арханг. Д. 439 и Арханг. Д. 440. Названные списки имеют значительные различия и по составу статей, и по языку, ср., напр.: житіе въ кратцѣцѣ бл҃жннагѹ іуанна игѹмена ст҃тыа горы синаискїа. нареченнаго сѹхластикѣ. во ст҃ыѣ по истиннѣ. написавша дѹхвныа сїа скрижали. сирѣкѣ ст҃т҃ю Лѣствицѹ. списа же са житіе се ѡ данила инока смиренаго ранѣскаго е҃логисѹ патеро Арханг. Д. 439, л. 1 и Житіе въ кратцѣ ѡца іуанна игѹмена ст҃тыа горы синаискїа нареченнаго сѹластикѣ (Так! — Т.П.). ст҃ыѣ по истиннѣ. послѣжде ѡ писанїа именѹюща са лѣствичника. написавшаго дѹхвныа Скрижали. сирѣкѹ ст҃т҃ю лѣствицѹ. списа же са житіе се ѡ данила инока смиренаго ранѣскаго. благослови ѡуе Арханг. Д. 440, л. 6 об.—7. Сравнение указанных списков приводит к предположению о существовании двух антониево-сийских редакций афонского перевода.

Арханг. Д. 439 имеет до слова 1 житие (с толкованиями), послание, ответ, *Добродетелей проходи всходы, Иже равночисленного, Иже в книзе животней, Степень божественныа любве*, оглавление, после слова 30 — слово к пастырю и статью об Иоаннах. В основе первой антониево-сийской редакции могли лежать списки варлаамовской просторной редакции, поскольку только в них представлена комбинация: житие, послание, ответ, *Добродетелей проходи всходы, Иже равночисленного, Иже в книзе животней*. В Арханг. Д. 439 сохранился уникальный опыт составления предисловия *Степень божественныа любве* на основе компиляции текстов Увещания и Прилога: Степень бжественныа любве та влаѹющаго (Так! — Т.П.) на степенехъ высокїх поста тако елени і на нозн нши вершающаго бга ншего съ (Так! — Т.П.) гнѹ и в до(м) възидѣ на горѹ. прїидате в (Так! — Т.П.) слышаще. тїе (Так! — Т.П.), рекшаго на ср(д)цы. бра^{то} (Так! — Т.П.) усердїе сходы сѹдите те (Так! — Т.П.) вохо достоин. с прѣвными вкнѣ прїимѹ. тѣми степенми ви (Так! — Т.П.) да востѣ лѣствїцѹ напра і на вжтвеннѹ дшегѹвнаго слове. и исхити мѣ. ѡ врага державноу ти рѣкою Арханг. Д. 439, л. 16 об., 6–15 (ср. в Увещании: *Всходите, всходите всходы с усердием на сердца, братие, рекшаго слышаще: Придете, възидем на гору Господню и в дом Бога нашего, совершающе-*

го нозе наши яко елени и на высоких поставляющаго на степень божественная любве, в Прилоге: Державною ти рукою исхити мя от врага душегубнаго слова и на Божественную Лествицу направи, да встек теми степенями венец прииму с праведными достоин). Составитель цитируемого «предисловия» в Арханг. Д. 439 а) произвольно расчленил тексты названных источников на синтагмы (Державною ти рукою...), отдельные словоформы (Лествицу... на божественную) и даже на части словоформ (вляющаго...лоста, вершающаго...сь, тие...бра, ви... напра) и б) расположил эти элементы в обратном порядке.

Вторая антониево-сийская редакция могла иметь два варианта: краткий (с пятью начальными статьями) и пространный (с пятнадцатью начальными статьями). Краткий вариант редакции представлен Арханг. Д. 224, пространный — Арханг. Д. 440. Особенности пространного варианта второй антониево-сийской редакции являются помещённые в начало текста 6 рассказов и приписка *Сия вписах...* (находящиеся, как правило, в конце), а также отсутствующий в других Лествицах рассказ об Иоанне Раифском (Бѣди и се всѣмъ вѣдомо яко юаннъ ранѣскій игѣмень знае сын преподобно(му) ѿцѣ нашемѣ юаннѣмъ лѣствичникѣ... Арханг. Д. 440, л. 23). По языку Арханг. Д. 224 и Арханг. Д. 440 обнаруживают большое сходство.

От библиотеки Красногорского монастыря дошло 2 Лествицы XVII в. (Арханг. Красног. 22 и Арханг. Красног. 39), различия в компоновке текстов которых настолько значительны, что также позволяют предполагать наличие в них разных редакций. Названные рукописи имеют и существенные языковые расхождения, ср., напр.: Слово постническое ѿца Ивана игѣмена иже в' синан горѣ иннокѣ еже и посла ѿцѣмъ ѿванѣмъ игѣменѣмъ ранѣскомъ понѣженъ бывъ ѿ него списати. радѣлѣ же главинами тридесати степенми лѣствичными подобнѣ. ѿ нижни в горнѣшиа възвода^т. тѣмже и лѣствица книга сиа именѣт^т сѧ. о ѿверженнѣ сѣтнаго житїа. слѣдѣ бл҃гослови ѿче: Арханг. Красног. 39, л. 13 об. и Слово постническое ѿца ѿванна игѣмена иже в синан горѣ иннокѣ о ѿверженнѣ сѣтнаго житїа. еже и посла кѣ ѿцѣмъ ѿваннѣмъ игѣменѣмъ ранѣскомъ понѣженъ бывъ ѿ него списати. радѣлѣет же сѧ главинами тридесат-ими, степенми лѣствичными подобнѣ. ѿ нижни в горнѣшиа възвода^тци. тѣмже и лѣствица книга сѧ именѣт^т сѧ. Слово а. ѿ бл҃ви: Арханг. Красног. 22, л. 14 etc.

Совершенно непохожими по структуре на все другие Лествицы являются списки А.И. Яцимирского: конволют БАН 13.4.6 (Яцим. 69) и БАН 13.4.7 (Яцим. 70). Статьи, обычно предваряющие текст, в обеих рукописях помещены после слова к пастырю; в обеих рукописях нет основных статей: послания и ответа. Указанные списки имеют важные языковые различия, свидетельствующие о принадлежности их к разным текстологическим группам.

Языковые особенности БАН 13.4.6 (Яцим. 69) позволяют усматривать (неблизкие) генетические связи только со списками, восходящими к древнейшей редакции, ср., напр.: Слово постническое ѿца ѿванна игѣмена иже в' синан горѣ мнихомъ, о ѿверженнѣ сѣтнаго житїа еже посла кѣ ѿцѣмъ ѿваннѣмъ игѣменѣмъ ранѣскомъ, понѣженъ бывъ ѿ него съсписати. слово прѣвое. ѿ бл҃ви Рыл. 3/10, л. 9 об.³³, Слово постническое ѿца юанна игѣмена иже в синанте горѣ, мнихомъ о отверженнѣ сѣтнаго житїа. еже посла ко ѿцѣмъ юаннѣмъ, игѣменѣмъ ранѣскомъ. понѣженъ бывъ ѿ него списати. Слово первое, бл҃гослови ѿче. степенми лѣствичными подобнѣ. о нийѣшии на горнаа възвода^тци Арханг. Д. 440, л. 27 об. и Слово постническое

Іѡана иг҃мена иже во синан горѣ мнохомъ ѡ ѡтверженіи сѣтнаго житіа. еже и посла ко ѡцѣ Іѡанѣ иг҃менѣ Рано-скомѣ. понѣженъ ѡ него списати, степенѣми дѣствинными подобна. ѡ нѣжнѣх (Так! — Т. П.) на гоната, вѣдѣащи БАН 13.4.6 (Яцим. 69), л. 167 (в списках других редакций: *аввы Иоанна, иноком, отвержении мира и суетнаго жития, от нижних в горнейшая*) etc. Порядок статей БАН 13.4.6 (Яцим. 69) также повторяет порядок статей в списках древнейшей редакции (напр., Рыл. 3/10, Поп. 119): *Добродетелей*, рисунок с увещанием, *Иже в книзе, Иже равночисленного*, житие.

В БАН 13.4.7 (Яцим. 70) представлена такая комбинация дополнительных статей (*Добродетелей проходи всходы*, житие, *Иже равночисленного*, *Иже в книзе*), которая не повторяется ни в одном другом из просмотренных нами списков памятника. Если предположить, что послание и ответ утрачены (текст обрывается на слове к пастырю и возобновляется на конце *Добродетелей проходи всходы*), то усматриваются генетические связи с киприановской редакцией, в списках которой широко представлена комбинация: послание, ответ, *Добродетелей проходи всходы*, житие. Языковые особенности БАН 13.4.7 (Яцим. 70) также позволяют объединять названный список со списками, восходящими к киприановской редакции, ср., напр.: *житіе въ кратцѣ оца іѡ иг҃мена ст҃ыа горы сѣнанскыа нареченнаго сѡластника въ ст҃хъ по истинѣ сѣписа же сѣ житіе се, ѡ данила инока смѣреннаго, рано-скаго оуе блѣ*: Трц. 170, л. 4 и *Житіе в кратцѣ отца іоанна иг҃мена ст҃ыа горы синанскыа нареченнаго сѡластника* (Так! — Т.П.) *во ст҃хъ по истинѣ списа же сѣ житіе сие ѡ данила инака смиреннаго рано-ска*^Р БАН 13.4.7 (Яцим. 70), л. 375 (в списках других редакций: *блаженнаго, отца нашего, написавшаго духовныя сия скрижали, сиречь св. Лествицу*). С другой стороны, наблюдения над языком отсутствующих в текстах списков киприановской редакции предисловий позволяют предполагать связи БАН 13.4.7 (Яцим. 70) с варлаамовской редакцией, ср., напр.: *прѣсловькѣ ст҃ыа дѣствіа*: *Иже въ книзѣ животнѣн нѣнѣн имена своа написати хоташен. добраго пута теченик. настоящаа книга авѣ показуѣтъ* Трц. 156, 12 об. и *предословіе ст҃ыа дѣствіа*. *Иже в' нисѣ животнѣн. нѣнѣн имена своа написати хоташен. добраго пута теунне настоящаа к'нига авѣ показуѣтъ* БАН 13.4.7 (Яцим. 70), л. 381 об. (в списках, восходящих к древнейшей редакции, это предисловие сохранилось в другом варианте: *Лествица божественнаго восхода. Иже в книзе животней на небесех написати своя имена текущим изряден течения путь настоящаа книга показовати обыче...*).

Таким образом, в собраниях Библиотеки Российской Академии наук хранятся рукописи Лествицы, представляющие разные текстологические группы памятника: преславского перевода, нескольких редакций афонского перевода, перевода Паисия Величковского, списков с печатного издания. Без Лествиц собраний БАН общая картина бытования памятника на славянской почве представляется неполной.

¹ См.: Инвентарная опись Основного собрания, л. 141 об. (рукописная опись хранится в НИОР БАН); Пергаменные рукописи библиотеки Академии Наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / Сост. Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская. Л., 1976. С. 164. Другие датировки: перв. полов. XIV в. (см.: *Бубнов Н.Ю.* Лествица Иоанна Синайского (БАН 34.7.1) // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах

СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. М., 2002. С. 525), XIV в. (см.: *Мострова Т.* Към вопроса за Лествицата в славянската ръкописна традиция // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. 1991. № 3. С. 70).

² См., напр.: Пергаменные рукописи библиотеки... С. 164–166; *Бубнов Н.Ю.* Лествица Иоанна Синайского... С. 525–526; *Творогов О.В.* Древнерусская книжность XI–XIV веков: Каталог памятников (Продолжение) // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб., 2006. С. 411 и др.

³ *Соколов П.И.* Каталог обстоятельный российским рукописным книгам Священного писания, поучительным, служебным и до церковной истории касающихся, в Библиотеке Императорской Академии наук. СПб., 1818. С. 11–12.

⁴ *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. С. 59; *Вздорнов Г.И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. XXIII. Л., 1968. С. 174.

⁵ *Саенко Л.П.* К истории славянского перевода Лествицы Иоанна Синайского // *Palaeobulgarica*. 1980. № 4. С. 19–24; *Саенко Л.П.* Палеография, графика и орфография Тверской Лествицы 1402 года: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

⁶ *Розов Н.Н.* Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 25, 36, 64, 134; *Розов Н.Н.* Русские мастера рукописной книги (К 1000-летию русской книги). СПб., 1999. С. 137.

⁷ *Гальченко М.Г.* Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII–XV вв. // *Palaeoslavica*. 2003. Т. XI. С. 89; *Гальченко М.Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы / Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва. Т. I. М., 2001. С. 155, 334, 390, 428.

⁸ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: XIX–XX века. М.; Л., 1958. Вып. II. С. 194.

⁹ *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. № 39–42.

¹⁰ *Срезневский В.И., Покровский Ф.И.* Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. Т. II. Петроград, 1915. С. 29–35.

¹¹ *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. С. 421–441.

¹² *Саенко Л.П.* К истории славянского перевода ... С. 21–22.

¹³ *Мострова Т.* Към вопроса за Лествицата ... С. 88–90.

¹⁴ *Мострова Т.* Към вопроса за Лествицата ... С. 72; *Мострова Т.* Препиcът на Лествицата на Йоан Климакс в мартенския том на Великите чети-минеи на митрополит Макарий // *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenden des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen. Band 1. Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Tom XLIV. Weiher — Freiburg i Br., 2000. S. 216, 227.*

¹⁵ *Белова Л.Б., Кукушкина М.В.* К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийского монастыря // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР* / Под ред. М.В. Кукушкиной. Л., 1978. С. 170–171; *Рукописи Архангельского собрания. Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 8. Вып. 1* / Сост. А.А. Амосов, Л.Б. Белова, М.В. Кукушкина. Л., 1989. С. 229–230.

¹⁶ *Юхименко Е.М.* Рукописно-книжное собрание Выго-Лексинского общежития // ТОДРЛ. Т. LII. СПб., 2001. С. 451, 455, 456, 486.

¹⁷ *Коган М.Д., Поньрко Н.В., Рождественская М.В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. XXXV. Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1980. С. 76.

¹⁸ Исторический очерк... С. 115; *Кувев К.* Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. София, 1979. С. 97.

¹⁹ *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю.* Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки Академии наук в 1955–1976 гг. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР* / Под ред. М.В. Кукушкиной. Л., 1978. С. 319.

²⁰ В современных исследованиях доказана несомненная принадлежность этого перевода преславской культурно-литературной школе. Об этом см.: *Мострова Т.* За преславската основа на най-ранния превод на Лествицата // Хиляда и осемдесет години от смъртта на Св. Наум Охридски. София, 1993. С. 204–213; *Василева Н.* «Лествицата» и преславската редакция на старобългарския книжовен език // *Преславска книжовна школа. Т. 6. София, 2002. С. 165–175.*

²¹ Об этом см.: *Христова Б.* Монах Марко — неизвестен български книжовник и преводач от XIV век // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. 1984. Т. 8. № 3. С. 52. Перевод выполнен мона-

хом Марком — писцом тырновского круга писцов-переводчиков (см.: *Христова Б., Шварц Е.М.* Лествица Иоанна Синайского (Гильф. 48, Q.I.747, Гильф. 49) // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. М., 2002. С. 528), древнейшие его рукописи являются по языку тырновскими.

²² Перевод представлен исключительно в сербских списках.

²³ Перевод был выполнен «в первой половине XIV в. на Афоне болгарским книжником старцем Иоанном» (см.: *Тихомиров Н.Б.* Лествица Иоанна Синайского (Унд. 966, Трц. 10, Волок. 463, МДА 152, Поп. 119, Егор. 380, Трц. 155) // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. М., 2002. С. 536).

²⁴ *Мострова Т.* Преписъг на Лествицата на Йоан Климакс ... С. 238.

²⁵ Всего известно лишь 2 списка этого перевода, хранящихся в российских собраниях: это Волок. 463 и Гильф. 44 (лл. 11а-12б, 108а-б).

²⁶ Здесь и далее все примеры из рукописей даются без воспроизведения диакритических знаков и без указаний строк.

²⁷ Цит. по: *Мострова Т.* Към вопроса за Лествицата... С. 89.

²⁸ *Дмитриев Л.А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1963. С. 225.

²⁹ *Попов Г.В.* Позднетверская рукописная орнаментика (Четвероевангелие конца XV — начала XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря) // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 103.

³⁰ *Розов Н.Н.* Русские мастера рукописной книги ... С. 137, прим. 137.

³¹ *Саенко Л.П.* Палеография, графика и орфография Тверской Лествицы... С. 6.

³² Возможно, этот Варлаам был выходцем из Лисицкого монастыря, в 1390-е гг. его игуменом (см.: *Гранстрем Е.Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]. Рукописи русские, болгарские, молдавляхийские, сербские. Под ред. Д.С. Лихачёва. Л., 1953. С. 36); в 1410—1411 гг. он был архимандритом Юрьева монастыря (см.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 45).

³³ Цит. по: *Heppel M.* Some Slavonic Manuscripts of the «Scala Paradisi» («Lestvica») // *Byzantinoslavica.* Prague, 1957. Т. XVIII. P. 282.

ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И ОПИСАНИЯ
АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ XVII в.,
ПОСВЯЩЕННЫХ МЕСТНЫМ СВЯТЫНЯМ

Для темы, вынесенной в заголовок, ключевыми словами являются понятия археографическое описание и поиск информации о местных святынях, под которыми я подразумеваю данные о местных святых, а также о явленных иконах. Почитание святынь я учитываю как церковное, или, пользуясь терминологией Голубинского, празднственное, так и поминовенное¹ — т. е. почитание, официально церковью не установленное. Избранный хронологический период условен, — следует уточнить, что основным объектом исследования являются рукописи XVII—XVIII вв., наиболее часто сохраняющие сведения о почитании святынь XVII в., хотя возможны и исключения. Также следует отметить, что почитание местных святынь переживает расцвет во второй четверти XVII в., и только постепенно этот процесс, тормозимый как церковью, так и государством, становится все менее и менее заметным.

Информация о почитании святынь весьма востребована, так как обобщающие работы в этой области, за редким исключением, относятся к дореволюционному периоду. Особо хочу подчеркнуть, что несмотря на популярность в настоящее время темы изучения святынь и святости, значительная часть неучтенных или не обнаруженных по сей день письменных памятников — это именно агиографические произведения.

Постоянная проблема при поиске информации о малоизвестном святом — это скудость письменных источников, сообщающих о нем. Отсюда возникает основной и очень архаичный метод — сплошной просмотр всех возможных описей и описаний, которые зачастую дают очень приблизительное представление о наличии в описанных рукописях сведений об этих святынях.

Если говорить об изученности агиографических сочинений в целом, нетрудно заметить и не вызывает удивления тот факт, что здесь первенство держат литературно значимые памятники, прежде всего жития и сказания, а в последнее время — также и богослужебные тексты. Конечно, далеко не все памятники должным образом изучены и изданы, и работы в этой области хватит еще надолго. Однако все же очевидна тенденция — чем крупнее памятник, тем более он привлекает внимание исследователей.

Что касается изучения агиографических произведений в целом, как литературно значимых, так и не представляющих особой ценности с точки зрения литературоведа, то здесь в последние два десятилетия наметилась тенденция, с одной стороны, изучения отдельных групп памятников (например, житий святых жен, юродивых и т. п.), а, с другой, — создания региональных сводов агиографических памятников: в качестве примера можно назвать: серию сборников, посвященных вологодским подвижникам, издаваемую при Вологодской областной универсальной научной библиотеке², создание свода

агиографических памятников Олонецкого края³ и т. д. Однако региональные проекты, сознательно ставящие цель выборки данных по географическому признаку, делают необходимым просмотр огромного массива информации для каждого отдельного случая, т. е. тексты, возникшие в других географических ареалах, во внимание не принимаются, их будет отыскивать и изучать другой исследователь. Географический принцип не всегда оправдывает себя и в отношении однородности исследуемого материала. Провести четкую границу (как для XVII в., так и для современности) между агиографическими памятниками, созданными в пределах одной епархии, и сочинениями, написанными в других местах, как правило, не представляется возможным. К счастью, узкий географический подход разделяется далеко не всеми.

Замечательным проектом, осуществляемым в настоящее время и охватывающим агиографию как явление в целом, является исследование Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, посвященное источникам русской агиографии и продолжающееся на протяжении ряда лет. Его плюсы очевидны — это прежде всего всеохватность. К минусам можно отнести возможности и перспективы использования. В настоящее время в открытом доступе выставлен пробный образец (<http://www.odrl.pushkinskiydom.ru>) в разделе Электронные справочники.

В процессе поиска информации приходится обращаться к разным в жанровом отношении памятникам. Далеко не всегда в распоряжении исследователя есть полнотекстовые варианты житий, включающие подробную биографию святого (основанную в разной степени на тех или иных источниках), Проложные жития. Наличие только Чудес, в которых нет житийной части, и только иногда есть краткая справка, напоминающая проложную память, свидетельствует о том, что информации о святом ко времени начала его почитания практически не сохранилось. Чудеса могут представлять собой и отдельные памятники, и фрагменты монастырских или церковных летописцев более позднего времени — ярким примером являются Чудеса Киприана Устюжского XVII в., сохранившиеся в составе произведений XIX в. — в летописце Устюжского Архангельского монастыря и в составе «Жизни и сказания о основателе обители Устюгского Архангельского монастыря преподобном отце нашем Киприане»⁴.

Самый распространенный случай фиксации информации о местных святых — краткие справки в месяцесловах и поздних сводах, сохраняющих в ряде случаев сведения недошедших источников. Найти такую информацию в настоящее время по-прежнему проблематично: основным источником остается «Полный месяцеслов Востока» Сергия (Спасского) (Владимир, 1901, репринтное изд.: М., 1997), а также «Верный месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно» (М., 1903). Следует упомянуть также отдельные электронные публикации (например, святцев Симона Азарьина из собрания РГБ). Значительно облегчит сбор сведений по рукописям петербургских хранилищ обнаружение базы данных ИРЛИ, в которой фиксируется эта малозаметная и иногда очень важная информация.

Отдельно следует остановиться на проблеме обозначения памятника в описях и печатных описаниях. И текст, и имя святого, в том числе указание на мест-

ность, в которой он был прославлен, могут быть обозначены по-разному⁵. Если в памятнике святой назван определенным образом, это не значит, что он не встречается под другим именовани­ем. Приведу пример с именем Игнатия Вологодского. Игнатием Вологодским обычно именуется князь инок, княжич Иоанн, сын князя Андрея Углицкого, с малолетства заточенный в темницу, принявший там постриг с именем Игнатий и похороненный в Спасо-Прилуцком монастыре в Вологде в 1522 или 1523 г., благодаря чему он именуется и Прилуцким, и Вологодским. Однако на Вологодчине почитается еще один святой Игнатий, живший в конце XVI в. В святцах он обычно именуется Ломским, но в Житии в списке из собр. Колобова (РНБ) он именуется Вологодским. Это именование перешло в машинописную опись, и долгое время Житие Игнатия Ломского рассматривалось как значительно более распространенное Житие Игнатия Прилуцкого⁶.

Очевидно, что наличие описания (даже печатного) не гарантирует, что памятник будет учтен в соответствующей литературе (примером могут служить Житие костромского святого Иакова Железнодорожного и существующие отдельно Чудеса Иакова Железнодорожного). Несмотря на то, что героем обоих памятников является один человек, составлены они были в разное время. Сборник с Житием в печатном описании собрания Титова не учтен, а Чудеса в печатном описании (№ 1041) обозначены как Чудеса Иакова Костромского (шифр РНБ: собр. Титова, № 2236), в итоге костромские краеведы, повествуя о ранней истории Железнодорожного монастыря, до недавнего времени опирались на пересказ жития и чудес, сделанный более полутора веков назад (затем оба памятника исчезли из поля зрения церковных историков, и хотя сравнительно быстро они оказались в собрании Титова, информация об этом распространения не получила). В пробном режиме упомянутой выше базы «Источники русской агиографии» (лето 2010 г.) выставлены данные по собранию Титова. Поиск по персоналии позволяет найти данные о не вошедшей в печатное описание рукописи, включающей Житие Иакова Железнодорожного (Титов 3800) и иконописном подлиннике, содержащем описание преподобного (Титов 94); однако рукопись Чудес по заданной персоналии в результатах поиска не обнаруживается.

Итак, даже с поиском и идентификацией достаточно крупных памятников возникают проблемы. Еще труднее работать с информацией русских святцев XVII (отчасти XVI)–XIX вв., иконописных подлинников и «Книги глаголемой описание о российских святых». Одной из характерных черт записей здесь являются крайне неточные даты, дубляж и путаница имен. Все это делает данный вид источника крайне трудным, но тем не менее мало заменимым, когда речь идет о святом, все сведения о котором — это две строки в святцах — как, например, в случае с Иаковом Стромьинским, все данные о котором черпаются из двух списков святцев белозерского происхождения, или об Ианнуарии (Анурии) Соловецком, память о котором сохранилась в нескольких святцах XVII в., откуда попала в «Книгу глаголемую описание о российских святых», а наиболее раннее упоминание было обнаружено Л.В. Мошковой в Псалтири с воследованием сер. XVI в.⁷

Распространенным и мало изученным в силу ряда причин агиографическим памятником являются сказания об иконах. Эта область еще ждет своего обоб-

шающего проекта, подобного проекту ИРЛИ в области описания источников о русских святых.

Многие популярные справочники указывают списки с известных икон, и явление большинства этих списков имеет письменную фиксацию. Значительная часть этих сказаний упомянута в работе А. Эббингхауса, посвященной богородичным иконам⁸.

Для примера можно взять Сказание о Казанской иконе Богоматери. Само Сказание о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери имеет не только непростую литературную историю, но и значительное количество списков, и, к сожалению, не всегда в описи указано, что в описываемом памятнике сохранилось не Сказание о явлении собственно иконы Казанской Богоматери, а одного из ее списков. При этом списков и сказаний о явлении списков Казанской иконы достаточно — они появляются уже в начале XVII в. в Ярославле: Сказание о иконе Богоматери Казанской Ярославской и «Сказание вкратце о новом девичье монастыре, что в Ярославле в остроге большой осыпи и о чудотворном образе Пречистыя Богородицы».

Почитание образа в послесмутное время вызвало как массовое строительство храмов в честь Казанской иконы, так и явление многих списков Казанской иконы в самых разных городах и весях. В 1620-е гг. фиксируется явление новых чудотворных списков Казанской иконы: Богородско-Уфимская (1621), Каташинская Казанская (1622), Казанская Вязниковская (1623), Дерманская в Волынской епархии (1636) и др.⁹ Тогда же и позднее появляются литературные произведения, посвященные этим иконам и спискам со списков. О списке с Вязниковского образа повествует, например, Сказание о принесении чудотворной иконы Казанской богородицы из града Вязники в град Калугу в 1627 г.¹⁰

Сохранилось несколько сказаний о явленных Казанских иконах более позднего времени, в числе их Сказание о иконе Богоматери Казанской Нижнеломовской (1643), Сказание о явлении Богоматери Казанской в Тобольске (1661), и менее известные примеры: в Бушневской волости Галичского уезда (1642), в Авнежской волости «в Святогорском улусце на Святой горе» Вологодского уезда (1666) и др. Как правило, такие Сказания сохраняются в небольшом количестве списков, а иногда и в единственном.

Менее «повезло» в отношении «изученности» Сказаниям об иконах Христа Спасителя и отдельных святых (не считая святителя Николая Мирликийского, иконы которого и отчасти посвященные этим иконам сказания также рассмотрены вместе в вышедшей более 100 лет назад работе Вознесенского и Гусева¹¹). В справочной литературе сведения о почитании икон святых разрознены, отсутствует, в частности, информация о почитании Куртяевской иконы Алексия, человека Божия¹².

Агиографическая литература — это океан, плавание по которому только начато. Навигации в этом океане, очевидно, должны способствовать новейшие описания. Естественно, что современные описания, как бы медленно они не выходили из печати, вносят значительный вклад в исследование древнерусской книжности. Из методологических предложений хотела бы указать на следующие: при описании памятней в святцах, мне кажется, желательно было бы отождествлять имя, упомянутое в святцах, с именем, указываемым

в справочной литературе, и комментировать дату памяти (и если она отличается от принятой в справочниках, ставить последнюю в скобках). Кроме того, помимо подробного указания на именование святого или чудотворной иконы при подготовке описания весьма желательно запланировать, помимо всех прочих, также подробный указатель с перекрестными отсылками.

¹ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903 (репринтное изд.: М., 1998).

² Православные святые и подвижники Вологодского края: 1) Спас на Стрелице. Исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода. Вологда, 2003; 2) Глагол времени. Исследования и материалы. Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопиевские чтения». Вологда, 2005.

³ См.: Пугин А.В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010.

⁴ Романова А.А. Чудеса Киприана Устюжского // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 237–238.

⁵ См. об этом, например: Крутова М.С. О названиях житийных текстов ростово-ярославских святых // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005. С. 117–124.

⁶ См.: Жития Игнатия (Иоанна) Вологодского, Житие Игнатия Вологодского (Ломского), Чудеса Герасима Вологодского: Текст и словоуказатель / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2008.

⁷ Андрущенко Е.Н., Андрущенко Н.А., Мошкова Л.В. Ианнуарий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 582.

⁸ Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Bd. 70).

⁹ Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, чтимых православною церковью, на основании Священного Писания и церковных преданий / Сост. С. Снегирева. Ярославль, 1994. С. 211–230. (с изд.: СПб., 1898).

¹⁰ ГИМ, Музейское собр., № 1447, список на бумаге с «белой датой» 1825 г.

¹¹ Житие и чудеса св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России / Сост. А. Вознесенский и Ф. Гусев. СПб., 1899.

¹² См. публикацию: Климов А.И., Романова А.А. Почитание Куртяевской иконы святого Алексия, человека Божия // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 175–187.

В.Г. Подковырова

ИЗОБРАЖЕНИЯ МОНАШЕСКОГО ПОДВИГА
ПО «ЛЕСТВИЦЕ» ПРЕП. ИОАННА СИНАЙСКОГО
В ЛИЦЕВЫХ РУКОПИСЯХ БАН.
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ И ТИПАХ ИКОНОГРАФИИ

Иконография лестницы небесной, источником образа которой является сон праотца Иакова (Бытие 28, 11–15), имеет богатую традицию¹. Именно этот символ, имеющий совершенно определенное изображение — лестница, соединяющая небо и землю — стал идейной основой одного из важнейших святоотеческих текстов, раскрывающих для христианина суть духовного пути, «Лестницы» Иоанна Синайского. В монографическом исследовании Дж.Р. Мартина, специально посвященном проблеме иллюстрирования этого произведения, в соответствии с составом встречающихся миниатюр и их циклов, выделены четыре основных типа рукописей. Это, во-первых, те рукописи, в которых содержится схематическое изображение лестницы, где все 30 ступеней подписаны названиями соответствующих добродетелей; во-вторых — это книги, включающие портрет Иоанна Лествичника; в-третьих — имеющие миниатюру с лестницей от земли к небу и восходящими по ней (или падающими в бездну) монахами; и, наконец, в-четвертых, рукописи с циклом миниатюр, иллюстрирующих все 30 ступеней-ступеней лестницы или, конкретнее, монашеские подвиги по одной пятой степени². Все рассматриваемые в работе циклы миниатюр относятся к памятникам последнего типа.

Пятая ступень «Лестницы» посвящена центральному моменту духовной жизни христианина — покаянию. В ней описывается жизнь монахов одного из египетских монастырей³, которые добровольно заключили себя в «темницу». Вот что пишет об этом Иоанн Лествичник в предшествующей четвертой главе-ступени: «В расстоянии одного поприща отъ великой обители было место, называемое Темницею, лишенное всякого утешения. Там никогда нельзя было видеть ни дыма, ни вина, ни еля и никакой другой пищи, кроме хлеба и небольшого количества огородных растений. В этом месте игумен заключал безвыходно тех, которые впадали в значительные грехи после вступления в иночество: и помещал их не всех вместе, но каждого въ особой келии, или по два в одной, но не более; и держал их въ семь заточений, пока не получалъ отъ Бога извещения о каждомъ изъ нихъ. Онъ поставилъ надъ ними и наместника, мужа великого по имени Исаака, который отъ порученныхъ ему требовалъ почти непрестанной молитвы: а на отгнание уныния было у нихъ множество ветвей для плетения корзин. Таково было житие ихъ, таково устройство, таково пребывание истинно «ищущихъ лице Бога Иаковлева» (Пс. 23, 6)»⁴. Далее целая глава посвящена описанию аскетов, живущих в добровольном заключении. Текст пятой степени-ступени выстроен так, что отдельные части текста начинаются словами «сии...», «инии...», «овии...», за которыми далее следует детальное наглядное описание

конкретного подвига монаха. Подобная структура располагает к созданию иллюстраций к тексту.

В Отделе рукописей БАН хранятся три рукописи с изображениями кающихся монахов, описанных преподобным игуменом Синайским Иоанном в пятой ступени. Одна из рукописей — это конволют 25.7.6 (первая треть XVIII в., 98 л., 76 мин.)⁵, вторая — конволют 1.1.31 (сбор. Бурцева № 2, нач. XX в., 290+I л., 33 мин.)⁶, третья — конволют из собрания Текущих поступлений № 1183 (печатная Библия сер. XVII в. и иллюстрированный список «Лествицы» второй половины XVII в.)⁷.

Основная часть рукописи 25.7.6, представляет собой Синодик — литературный сборник с дополнительными статьями. Конволют был куплен в 1919 г. у старообрядца книготорговца и библиофила Н.С. Большакова, внука знаменитого Тихона Федоровича. В Синодике на листах л. 73–92 об. находится текст, начинающийся словами: «Ныне время, душе моя любимая, святаго покаяния. Ныне время терпению, душе моя...». Текст является частью одной из глав «Цветника» священноинока Дорофея⁸. Для нашего списка особенно важно то, что этот же текст, поделенный на отдельные главки-разделы, вошел как Слово первое в состав сборника «Крины сельные», составленного Диомидом Серковым Яковлевым. В этом сборнике текст достаточно часто бывает проиллюстрирован изображениями, представляющими собой разрезанную гравюру «Лествица монастырского подвижничества»⁹. Гравюра выполнена в конце XVII в. по утверждению Д.А. Ровинского знаменитым Леонтием Буниным¹⁰.

Текст главы первой из части первой «Крин сельных», в ряде списков имеющий название «В ней пишет о терпении и страдании Христове и прочих святых отец, како шествовали тесным и скорбным путем в царство небесное, и о святом покаянии»¹¹, в рукописи БАН 25.7.6 начинается не с начала, а словами: «Ныне время, душе моя любимая, святаго покаяния. Ныне время терпению, душе моя...» (л. 73). По сравнению с другими списками в нем отсутствует первая главка-подраздел и, соответственно, в цикле иллюстраций — первая миниатюра с изображением Иоанна Лествичника и игумена Раифского на фоне монастыря и лестницы небесной. В Синодике текст проиллюстрирован 16-ю очерковыми частично расцвеченными миниатюрами, скопированными с гравированных изображений. Текст развернутых подписей к миниатюрам написан кинноварью, а не чернилами, как основной текст, и повторяет стихотворные силлабические строки под изображениями на гравюре Л. Бунина¹² (рис. 1).

Известны и другие примеры аналогичного способа иллюстрирования рукописного текст отдельными фрагментами, вырезанными из гравированной сложносоставной композиции. Например, отдельные 93 образа икон Богородицы из единой гравюры работы Г.П. Топчегоского были вклеены в так называемый первый сборник Моховикова, хранящийся в МГУ¹³. Похожий способ компоновки циклов миниатюр путем разбивания на части некой многочастной иконной композиции использован и при копировании отдельных сегментов с мучениками в аду из нижнего ряда иконы «Страшный суд». Части этой композиции использовались в списках «Повести о разлучении души от тела», «Слова Палладия мниха о втором пришествии...» и др.¹⁴

Сюжетной основой гравированного листа Леонтия Бунина и, соответственно, всех 16 миниатюр в представляемом Синодике — литературном сборнике

послужили иллюстрации к Слову «О покаянии» — пятой ступени «Лествицы».

Лицевые рукописные «Лествицы», содержащие цикл миниатюр с монахами-аскетами, известны уже по греческим рукописям¹⁵. Например сборник с Лествицей конца XI в. из библиотеки Ватикана (шифр Vatic. Bibl. Apost., cod. gr. 394¹⁶), включающий цикл из нескольких десятков миниатюр, 20 из которых иллюстрируют интересующую нас пятую ступень¹⁷. Миниатюры с изображениями монахов-аскетов в этой рукописи имеют явную композиционную и иконографическую связь с русскими средневековыми иконами на интересующий нас сюжет¹⁸.

Наиболее ранняя (20–30 г. XVI в.) из известных русских рукописных «Лествиц» с изображениями монахов-аскетов, выполненная изыщно и богато орнаментированная, происходит из ризницы Троице-Сергиевой лавры (ныне РГБ Ф. 304. III. № 20. 394 л.). В рукописи всего семь миниатюр, при этом в начале — на листах 2 об., 4 об., 6 об., 8 об., 10 об. — расположены шесть миниатюр¹⁹ с общим названием «О покаянии попечением и истеннем в нем же от темницы богоугодней святых осужденник. От слова пятого Лествицы» (л. 2 об.) и подробными подписями. Пять миниатюр²⁰ иллюстрируют именно Степень пятую. Композиционно изображения строятся как обрамленные орнаментированной рамкой два яруса арок-пещерок с монахами, разным способом укрощающими свою плоть. На первой миниатюре в верхней левой части изображены преп. Иоанн Лествичник и Иоанн игумен Рифский на фоне монастыря, справа в нише один старец-монах со скрещенными на груди руками. В нижнем ряду еще три монаха-аскета. Следующая миниатюра (л. 4 об.) (рис. 2) — представляет еще шесть монахов, несущих шесть разных подвигов, третья (л. 6 об.) и четвертая (8 об.) — изображают на каждой по четыре подвига, но фигур изображено шесть на каждой из миниатюр, так как второй и третий подвиги (мучение себя зноем и холодом) на третьей миниатюре и первый и третий (послушание земными поклонами и наложением оков) на четвертой миниатюре воплощают по два монаха. На пятой миниатюре (л. 10 об.) три ниши: в первой один рыдающий на коленях старец, во второй — два старца, рыдающих о своих грехах, в последней — группа монахов из трех человек вопрошают умирающего. Всего изображен 21 сегмент с разными видами аскезы, к каждому изображению дана подпись. Иконография угловатых фигур в неестественных позах и композиция последовательного соединения обрамленных рамкой (в форме арок или пещерок) сегментов с аскетами друг за другом очевидно связаны с последующей русской традицией изображения сюжета в фресковых росписях, иконах, гравюрах и миниатюрах.

Из сохранившихся фресковых изображений Темницы на Московской Руси самой ранней является роспись южной стены западной паперти Благовещенского собора Московского Кремля, выполненная после пожара в середине XVI в.²¹ После снятия верхнего реставрационного слоя XIX в. эта часть оказалась достаточно хорошо сохранившейся. Просматриваются все 24 арки-пещерки с аскетами²², хорошо сохранились и подробные надписи²³. Роспись имеет аналог начала XVII в. в храме Николы Надеина в Ярославле²⁴.

Иконы «Видение преп. Иоанна с житием и подвигами» с изображением добровольных страдальцев из темницы известны также с XVI в., например,

новгородская икона сер. XVI в., хранящаяся в настоящее время в Рыбинском художественном музее²⁵ (рис. 3). Композиционно это типичная икона со средником (святые в раю, преп. Иоанн Синайский проповедует на фоне монастыря, лестница к раскрытым небесным вратам и Спасителю с Богородицей, грешники в геене огненной), окруженным 25-ю клеймами (13 клейм со сценами из жития Иоанна Лествичника, 12 клейм с изображениями монахов-аскетов из Темницы).

Другая икона рубежа XVI–XVII в. «Видение преподобного отца Иоана, како сами себя мучат царства ради небеснаго и како великий восход на небо» вложена в первой половине XVII в. в Новодевичий монастырь на помин душ усопших бояр Морозовых²⁶. На ней изображены: в верхнем регистре слева на фоне монастыря Иоанн Лествичник, поучающий монахов, вправо по лестнице монахи поднимаются к условной линии облаков, на которой Спаситель, два ангела и праведники за стеной райского сада, ниже — монах летит в преисподнюю в огненную геену; ниже три ряда, где в отдельных пещерках-ячейках расположены монахи, живущие в Темнице и добровольно претерпевающие различные мучения. В каждой из 20 ячеек изображен один или группа монахов с соответствующей подписью, причем текст расположен на черном фоне пещерки (рис. 10).

В этот же иконографический ряд встает икона «Иоанн Лествичник со страдальцами» конца XVII — нач. XVIII в.²⁷ (рис. 4). Это старообрядческая икона из местного ряда часовни пророка Ильи в д. Шелтопорог (Карелия, район с. Данилова) — бывшего старообрядческого скита. Композиция иноки серьезно отличается от предшествующей — изображение проповедующего монахам преп. Иоанна (возможно рядом изображен монах Исаакий, руководитель Темницы) и лестницы более компактно, за счет чего в верхнем ряду добавлено 3 пещерки с монахами, и количество сегментов с аскетами увеличено с 21 до 24. Кроме того, каждая пещерка имеет обрамление в виде арки, а подпись с разъяснением подвига вынесена выше изображения на чистое поле. Иконография значительно проще и имеет больше сходства с гравированными аналогами.

В 1629 г. в Киеве в типографии Печерской Лавры была напечатана гравюра «Темница богоугодная святых осужденникъ»²⁸ (рис. 5). На ней сверху находится изображение Спаса Еммануила, затем два ряда по 6 отдельных арок-ячеек с монахами-страдальцами, в первой арке изображены подписанные Иоанн Лествичник и пустынный Савва²⁹. Текст на листе тематически соотносится, но текстуально отличен от иконных вариантов, монахи (фигуры округлых очертаний в спокойных позах) размещены на черном фоне в арках, фланкированных колоннами³⁰.

В конце XVII в. была напечатана гравюра «Лестница монастырского подвижничества» Леонтия Бунина³¹, на которой в целом повторена уже известная нам для этого сюжета схема композиции: лист поделен продольно на два ряда, первый открывается изображением Иоанна Лествичника и игумена Раифского (или аввы Исаака?), далее расположены 18 ячейки с кающимися монахами³². Ячейки обрамлены рамками в виде арок, фланкированных колоннами, с прорисованными архитектурными деталями на заднем плане³³. Именно эта гравюра была использована как образец при создании миниатюр в Синодике БАН 25.7.6. Подписи на гравюре, полностью скопированные в рукописи, представляют

собой силлабические стихотворные строки³⁴, по теме соотносимые, но не повторяющие подписи на гравюре 1629 г. и на иконах.

До недавнего времени не было известно об одном сохранившемся неполном экземпляре гравюры «Лествица монастырского подвижничества» Л. Бунина из фондов Отдела рукописей БАН. Во время проверки расстановки листового материала привлекла внимание одна из отреставрированных и сдублированных на ватман гравюр из Кубенского собрания (№ 95), в нижней части которой расположены знакомые изображения монахов-страдальцев: всего можно выделить 9 арок с монахами-аскетами, шесть из которых видны полностью, надписи над изображениями сохранились неполностью, но частично и для второго, полностью утраченного ряда изображений (рис. 6). При описании в каталоге «Памятники письменности в музеях Вологодской области» лист целиком был обозначен: «Юродиевые Василий Блаженный и Максим Блаженный», в описании нижняя часть названа (под вопросом) изображением сцен из житий и Пролога, а средний ряд обозначен как утраченный³⁵. Обращение к каталогу «Русские народные картинки» Д.А. Ровинского показало, что на гравюре «Св. Василий и Максим Блаженные» в нижней части изображения монахов страдальцев отсутствуют³⁶. Таким образом фрагменты двух гравюр были соединены на одном листе (Куб. 95) случайно.

Цикл миниатюр к Лествице находим также в конволюте «Лествица духовная с дополнительными статьями и печатный текст Жития Василия Нового» начала XX в. (шифр БАН, 1.1.31), в которой на л. 41–49 помещен текст пятой ступени «О покаянии попечением истиннем. В нем же и о Темнице богоугодней святых осужденник». По классификации Т.Г. Поповой текст отрывка можно соотнести с самым ранним преславским переводом³⁷. Интересно отметить, что именно этот перевод сохранил до нас достаточно ранние отдельные списки Пятой степени³⁸. К тексту приложена одна длинная миниатюра-«раскладушка» (л. 50, склейка из трех ставов, сложенная шесть раз) с изображениями 22 ячеек-пещерок с кающимися монахами. В левой части миниатюры изображена лествица, по которой монахи поднимаются из ада (пасть огненной геены) к Спасителю, протягивающему им руку из-за условной линии облаков; правее внутри пятиглавого храма стоят игумен Раифского монастыря, инок Исаакий — наставник аскетов из Темницы — и преп. Иоанн Лествичник со свитком. Изображения аскетов на сером фоне помещены в угловатые рамки-пещерки без архитектурного обрамления, явно этимологически связанные с подобным обрамлением монахов на иконах. Сегменты с аскетами выстроены по одной линии и окантованы сверху и снизу изображением монастырской стены с арочными углублениями. Надписи к каждому подвигу расположены на свободном поле над изображением монаха и выше линии стены. (рис. 7).

Близкую иконографию имеют прориси (Красноборское собр. 93) и выполненные по ним миниатюры (Северодвинское собр. 259) в рукописях из Древлехранилища Пушкинского дома³⁹. Надписи к каждому сегменту с аскетом расположены на свободном поле над изображением монаха и ниже линии стены, кроме того, под изображениями дан большой текст с изложением краткого содержания пятой ступени Лествицы.

Еще одна рукопись с изображениями интересующего нас сюжета — БАН, Собрание Текущих поступлений № 1183 — конвалют, состоящий из грави-

рованной Библии монаха Илии (печ. Киево-Печерской лавры, 1645-1649г.) и рукописной части с 35 миниатюрами (л. 190—224, начало на л. 223 об.), представляющими собой проиллюстрированную пятую ступень «Лестницы». Рукописная часть может быть датирована второй половиной XVII в.⁴⁰ Порядок расположения листов нарушен: первым должен быть лист 223 об., на его обороте (л. 223) расположено перове изображение с подписью: «Святый Иоанн Лествичник покажет Иоанну Раифскому темных осужденник». (рис. 8) Правильный порядок листов можно частично восстановить по старой буквенной фолиации киноварью, проходящей сквозь всю рукопись. Этот список достаточно полно (без начала) представляет собственно текст преп. Иоанна Синайского, а миниатюры именно иллюстрируют текст.

Если сравнить миниатюры рукописей с другим представленным изобразительным материалом, то можно говорить о существовании по крайней мере двух редакций циклов миниатюр, изображающих монахов-аскетов из пятой ступени «Лестницы»: первая редакция, следующая за греческим оригиналом XII в. и отраженная в иконописной традиции, представляет нам монахов-страдальцев в пещерках или на фоне условного пейзажа, во второй редакции представлено архитектурное обрамление сегментов-арок с изображениями монахов. К первой редакции относятся две рукописи БАН: собр. Текущих поступлений 1183, Основное собрание 1.1.31, две рукописи Древлехранилища ИРЛИ: прориси (Красноборское собр. 93) и выполненные по ним миниатюры (Северодвинское собр. 259). Ко второй редакции — рукопись БАН. 25.7.6 (соответственно и гравюра Леонтия Бунина), рукопись РГБ. Ф. 304. III. № 20. 394 л., рукопись ИРЛИ. Латгальское собрание № 451 с теми же вклеенными гравюрами. Кроме того, можно выделить и третью редакцию изображений, в которой происходит соединение двух традиций: рамки в виде простой архитектурной арки и темного непроработанного фона пещеры. Такой вариант иконографии находим в росписи Благовещенского собора Московского Кремля, в киевской гравюре 1629 г. и на иконе «Иоанн Лествичник со страдальцами» конца XVII — начала XVIII в. из д. Шелтопорог. При этом на настоящем этапе определить взаимосвязь разных изображений крайне сложно: просматриваются определенные сходства, но полное совпадение, позволяющее однозначно говорить о заимствовании изображений и текста подписей, просматривается только в рукописях, копирующих гравюру Л. Бунина.

Для проведения дальнейшего сопоставления иконогравических вариантов и поиска источников имеющихся списков все подписи к изображениям были сведены в таблицу. В Приложении представлена ее часть, из которой видно, что все изображения и подписи соответствуют тексту «Лестницы», при этом отсутствует прямая цитация и для иллюстрирования могут быть выбраны разные фрагменты текста. Но полный компаративный анализ материала и, соответственно, окончательные выводы о признаках редакций памятника, выходит за рамки данной работы.

В завершение вернемся к лицевой рукописи 25.7.6. Этот Синодик литературный сборник был интересен для нас, прежде всего, тем, что в его состав включен текст части первой главы «Крин сельных», проиллюстрированный 16 миниатюрами, скопированными с разрезанной гравюры Леонтия Бунина. Но любопытна и сама по себе композиция этого сборника. Он начинается с очень

любимой составителями синодичных предисловий миниатюры «Душа пречистая» с подписями (этот изобразительный сюжет, также как и «Темница богоугодная...», получил особо широкое распространение благодаря гравированному в 1625 г. в типографии Киево-Печерской лавры листу). Далее следует более двух десятков иллюстрированных сюжетов, типичных для таких сборников: Притча о трех друзьях, Повесть о различении души от тела, Притча о временном вене сем и другие (рис. 9). И завершающая часть, начинающаяся словами: «Ныне время, душе моя любимая, святого покаяния. Ныне время терпению, душе моя...», выстраивает устойчивую, одновременно обрамляющую и развивающую композиционную схему самого Синодика: сборник начинается утверждением абсолютной ценности — душевной чистоты, далее демонстрирует перипетии бытия, где трудно сохранить эту чистоту, а завершается Синодик гимном людям, которые нашли к душевной чистоте и спасению путь, запечатленный Иоанном игуменом Синайским в «Лествице».

¹ В Византии иконы и миниатюры с изображениями из «Лествицы» появились с IX в. и были достаточно распространены. Об этом см.: *Martin J.R.* The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus. Princeton, 1954 (Studies in Manuscript Illustration. № 5); *Лухачева В.Д.* Болгарская миниатюра второй половины XIV века с изображением Иоанна Климакса // Българско средновековие. Българско-съветски сборник в чест на 70-год. На проф. Ив. Дуйчев. София, 1980. С. 349–353; *Смирнова Э.С.* Новгородские иллюминированные рукописи. М., 2000. С. 40–42, 185 и др.; *Пуцко В.Г.* Лествица райская Иоанна Лествичника в ранней старообрядческой иконописи // Кижский вестник № 7. Музей-заповедник «Киж». Петрозаводск. 2002, С. 148–152. Монографическое исследование «Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского». (Северодвинск, 2010) Т.Г. Поповой уделяет определенное внимание и иллюстрированным спискам. (С. 37–38, 90–91 и др.)

² *Martin J.R.* The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus. Princeton, 1954 (Studies in Manuscript Illustration. № 5). P. 10–19.

³ О возможности отождествления монастыря, при котором находилась Темница, с Монидийской обителью недалеко от Александрии см.: *Лурье В.М.* Из истории чинопоследований псалмопения: Полная псалтырь в ежедневном правиле (в связи с историей египетского монашества IV–VII в.) // Византийский временник. № 58 (83). 1999. С. 82–83. Автор благодарит Н.В. Копейкину за указание на источник. *Хохлова И.Л.* «Лествица» преп. Иоанна в изобразительном искусстве Древней Руси. Обзор некоторых памятников // Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры. Научные труды. 2009. № 8.

⁴ Иоанн Синайский. Лествица. Сергиев Посад. Тип. Свято-Троицкой Лавры. 1901. С. 39. Далее все цитаты из Лествицы даются по этому изданию, которое представляет собой наиболее распространенную на русском языке редакцию текста — перевод Паисия Величковского, подготовленный к изданию Козельской Оптиной Пустыни.

⁵ Описание отдела рукописей БАН. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX века. Т. 10, вып. 1. СПб., 2010. С. 329–340.

⁶ Там же. С. 165–175.

⁷ Сборник гравюр на библейские темы и пятая глава «Лествицы» Иоанна Синайского с миниатюрами. Сер. XVII в. 225 л.

Содержание: Библия Или, 1645–1649 гг. (134 гравюры); сборник гравюр устойчивого состава, в который включены гравюры из различных украинских изданий 1620–1640-х гг. (55 гравюр); а также сборник миниатюр к Лествице Иоанна Лествичника (35 миниатюр). Гравюры и миниатюры были вырезаны и в XIX в. наклеены на новую бумагу во время реставрации.

⁸ О типе сборника см.: *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания типографий XVIII — начала XIX века. Л., 1996. С. 148–152; *Семячко С.А.* К истории сборников XVII в. (Старчество, Цветник священнойнока Дорофея, Крины сельные) // ТОДРЛ. Т. LIII. СПб., 2003. С. 238–243.

⁹ *Буланин Д.М., Турилов А.А.* Серков Диомид Яковлев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. П–С. СПб., 1998. С. 351–354; *Семячко С.А.* К истории сборников XVII в...

- С.243–244. Автору статьи памятник знаком по рукописи ИРЛИ Латгальское собрание № 451.
- ¹⁰ *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Т. IV. СПб., 1881. С. 565.
- ¹¹ См., например, рукопись: БАН, собр. Колобова, № 29. Л. 34 об.–35.
- ¹² О тексте подписей см.: *Турилов А.А.* К истории скриптория и библиотеки Соловецкого монастыря в XVII в. (соловецкие рукописи в коллекции Псковского музея-заповедника) // Народная культура Севера: «Первичное и вторичное, традиции и новации». Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28–30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 195–197.
- ¹³ *Поздеева И.В.* Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г.П. Тепчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. К 150-летию со дня рождения Д.А. Ровинского. М., 1976. С. 175–198. Автор благодарит С.А. Семечко за указание на эту работу.
- ¹⁴ См., например: Описание отдела рукописей БАН. Лицевые ... Т. 10, вып. 1. СПб., 2010. С. 170–171, 211, 214, 231 и др.
- ¹⁵ Наиболее ранней считается греческая рукопись X в. Синай, Gr. 417 (См. *Martin J.R.* The Illustration of the Heavenly Ladder... P. 176).
- ¹⁶ *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 90. Табл. № 250; *Martin J.R.* The Illustration of the Heavenly Ladder... P. 177–181, fig. 67–132.
- ¹⁷ Описание миниатюр см.: *Кондаков Н.И.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса. 1876. С. 230–234.
- ¹⁸ Кроме этой рукописи миниатюры на тему Темницы есть также в рукописях Vatic. Bibl. Apost., cod. Ross. 251 (11 миниатюр)¹⁸ и в двух синайских (в монастыре св. Екатерины): Cod. gr. 418 (42 миниатюр) и Cod. gr. 427 (22 миниатюры). См.: *Gardthausen V.* Catalogus codicum Graecorum Sinaiticorum. Oxford, 1886. F. 103; *Martin J.R.* The Illustration of the Heavenly Ladder... P. 12, 16, 145–146, 146–147, 190–191 (№29). Автор благодарит Т.Г. Попову за указание на источники.
- ¹⁹ Седьмое изображение (л. 26) — это типичная схема-образ лестницы из 30 ступеней, называющих шаг за шагом (первая ступень «отвержение мира», последняя ступень «добродетели») путь духовного восхождения христианина к Богу.
- ²⁰ Шестая миниатюра (л. 12 об.) — изображение Лестницы с восходящими к Спасителю и падающими во ад монахами.
- ²¹ *Качалова И.Я.* Роспись папертей Благовещенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 414, 433–434.
- ²² *Суслов В.* Благовещенский собор в Московском Кремле // Памятники древнерусского искусства. Вып. III. СПб., 1910. С. 21–22, Рис. 30 на С. 23.
- ²³ *Успенский А.И.* Стенопись Благовещенского собора в Москве (по поводу реставрации 1884 года) // Древности. Труды Императорского археологического общества. Т. III. М., 1909. С. 168–170.
- ²⁴ *Владимиров М.В.* Историко-художественное значение русской миниатюры XVI в. // Владимир М.В., *Георгиевский Г.П.* Древнерусская миниатюра. М., Л., 1933. С. 27.
- ²⁵ *Хохлова И.Л.* (при участии И.Л. Бусевой-Давыдовой). Иконы рыбинского музея. М., 2005. С. 18–23.
- ²⁶ Sainte Russie: l'art des origines f Pierre le Grand : catalog de l'exposition. — Paris: Musee du Louvre, 2010. С. 537–539.
- ²⁷ *Платонов В.Г.* Иконопись Выгореции // Выговская Поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 223–224.
- ²⁸ Описание см.: *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки... Т. 3. СПб., 1881. С. 150–151
- ²⁹ Не вполне ясно, какой именно пустынный имеет ввиду. Возможно, Савва Освященный (?).
- ³⁰ *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки... Атлас. № 772.
- ³¹ Там же. Т. 3. СПб., 1881. С. 151–152.
- ³² Д.А. Ровинскому была известна только одна подобная гравюра «Лестница монастырского подвижничества» из его собственной коллекции. Гравюра была получена им от Ф.И. Буслаева, который вырвал ее из рукописи XVII в. (*Ровинский Д.А.* Русские народные картинки... Т. 3. СПб., 1881. С. 151). В настоящее время известно несколько таких гравюр, наиболее хорошо сохранившимися экземплярами Е.А. Мишина считает гравюры РНБ из собрания Погод./2-195 и Отдела эстампов Олсуфьевское 4-728.
- ³³ В середине XVIII в. была награвирована картинка, соединявшая, подобно иконе, изображение в среднике двух игуменов и «лестницы» с восходящими монахами, а в 18 обрамляющих

клеймах изображения монахов из Темницы. (*Ровинский Д.А.* Русские народные картинки... Т. 3. С. 152–153; Атлас. № 774.)

³⁴ Об этом см.: *Турилов А.А.* К истории скриптория и библиотеки... Архангельск, 1991. С. 195–197.

³⁵ № 8. (Кубен. 95) Юродивые Василий Блаженный и Максим Блаженный [Описание настенного листа] // Памятники письменности в музеях вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1, вып. 4. Книжная традиция Кубенозерья / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда. 2001. С. 187.

³⁶ *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Т. 3. С. 564–566. Здесь название дано: «Святой Василий Блаженный. Святой Максим Блаженный».

³⁷ *Попова Т.Г.* Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского. Северодвинск, 2010. С. 119–203, 306.

³⁸ Там же. С. 3–31.

³⁹ *Маркелов Г.В.* «Налепные образцы» в традиционном книгописании // ТОДРЛ. Т. 53. СПб., 2003. С. 267–270.

⁴⁰ Филиграни (часть рукописи с миниатюрами): 1) Двуглавый орел, тип: Heawood. № 1298, 1299, 1303 (1644–1646 гг.), Дианова, Костюхина. Водяные знаки XVII в. № 1025, 1026 (1639, 1647 гг.); 2) Голова шута (фрагмент), неотожд. Конволют был реставрирован и переплетен в XIX в.: листы обрезаны, подклеены другой бумагой.

Приложение

Текст гл. 5	Роспись Благовещенского собора	Троицкая ризница РГБ ф. 304. ПЛ. 20	Икона XVI в.	Т.л. 1183	БАН 25.7.6	ИРЛИ Латг. № 3451	1.1.31	Киев 1629
Гл. 1—4		0. Л. 2 об. О покаянии попечением и истинным в нем же и от темнищи богоугодней святых осужденник. От слова пятого святые лествицы. 1 сегмент в табл. 2 святых на фоне 3-главого собора с Богоматерью Умиление	Видение преп. о. Иоанна, како себя мучат царства риди небеснаго и како	0. Л. 223 об. — 223 рис.	утрачено	0. Л. 86 об.: гравюра с стих. текстом	Нет текста Только изображение	0
Гл. 5	1. Овубо от повинных инех онех неповинных всеюнощю осужденников всю ночь до самого утра стояли...	1. Л. 2 об. 2 сегмента. В табл. «А сей же венчание даже заутра стояща ясне ноги неподвижне имуща и сном умилине преклоняющиеся» 1 склонившейся старик с руками крестом		1. рис. Л. 190—198 Л. 223 — текст	1. «Всенощие до утра стояху, ранами бесчелени в бодрость возбуждаху, нозе недвижне в молитве имущее, жертву словесну Богу воздающе» (Л. 74 об.)»	1. Л. 88 об.: гравюра текстом «Всенощие сии до утра стояху, ранами бесчелени в бодрость возбуждаху нозе недвижне в молитве имущее жертву словесну Богу воздающе»	1. Сей всю нош даже до утра умильно кланяся	1
Гл. 6	2. Ины нан бо (на небо) умльные взирающа и воплем призывающе яже отгуд	2. Л. 2 об. 3 сегмента А сей на небо умильне взирает и отгуду помоши прости с воплем и рыданием 1 старик с поднятыми ладонями, «в шаг»	нет	2. Л. 190 об. рис. Л. 191—199 «А сии на небо умильно взираше нязе отгуда помошь с рыданиями и воплеми пребывающе и глаголюще все...»	14. из «Си умиленне на небо взирает, рыдая с воплем помоши прошаает» (Л. 90 об.)	2. «Си умиленне на небо взирает рядая с воплем помоши прошаает»	2. Сий же на небо умильно взирает и отгуда помоши просит	
Гл. 7	3. и другыя на молитве стояща и опять (опят) сои руци, яко осужденники связь	3. 2 об. 4 сегм. Асеина молитве пред предстают и на опят свой руце яко осуждени лице преклони Мальчик на коленях, гоова прижата к земле, руци над головой	3. Сей на молитве стояще и руце свои назад яко осужденник связает	3. Л. 191 об. рис. Л. 192—200 «Инии на молитве престоюща и иноо покоряющиеся своя яко осуждени себе но... опаки руце на земле лежа...»	11. монах держит себя за руку; «В молитве сей став, назад на землю склонив, терпит муки» (Л. 87 об.)	3. Л. 111 «В молитве сей став, назад на землю склонив, терпит муки»	3. А сей на молитве стоит на опако руце связав	9

Н. В. Савельева

К ВОПРОСУ О ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОЗДНИХ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ

Важнейшая задача современной камеральной археографии — описание рукописей — закономерно связана с проблемой атрибуции статей рукописных сборников XVII—XX вв. В наибольшей степени такая проблема возникает при описании территориальных коллекций археографических центров России. Благодаря плодотворной работе этих центров, во второй половине XX в. в научный оборот введены разнообразные по содержанию рукописные сборники XVII—XX вв., прежде всего старообрядческой, а также нестарообрядческой традиции. Эти материалы закономерно заполнили своего рода источниковую лагуну, поскольку собрания, сложившиеся в результате работы археографических экспедиций, в настоящее время содержат, по-видимому, основную массу поздних рукописных сборников. Конечно, это положение не абсолютно, нельзя забывать о замечательных образцах поздних рукописей из собраний В.Г. Дружинина (БАН), Е.В. Барсова, Н.М. Вострякова (ГИМ) или, например, из территориального по своей сущности собрания А.П. Богданова (РНБ). Но все же определенное отношение коллекционеров прошлых столетий, для которых поздние рукописи зачастую не представляли интереса, несомненно сказалось на распределении такого материала в современных рукописных фондах.

Вопросам характеристики сборников, созданных после XVII в., посвящено достаточное число работ. Как правило, эти работы строятся на сопоставлении репертуара памятников, вошедших в рукописные сборники. В зависимости от этого выделяются типы сборников. Самую значительную группу в поздних рукописях составляют сборники, в которых, по определению М.Н. Сперанского, «представлены произведения XVII в. и более раннего периода»¹. Как сборники массовой литературы XVIII в., содержащие «памятники, унаследованные от предыдущих веков, реликты творчества феодальной среды эпохи ее восхождения и расцвета» определял эту группу В.Н. Перетц². К этим же определениям тяготеют и характеристики, представленные в новейших работах, в частности, например, определение О.Н. Фокиной: «сборник традиционный, сохраняющий религиозную ориентацию»³. Надо сказать, что классификация поздних рукописных сборников, предложенная в работе О.Н. Фокиной, в сущности, не меняет типологической характеристики сборников XVIII в., данной М.Н. Сперанским, поскольку, несмотря на введение иного названия основного критерия для выделения различных групп сборников (по терминологии О.Н. Фокиной это «тип чтения»), обе классификации строятся на сопоставлении состава анализируемых сборников.

Вопрос об ином критерии сопоставления поздних сборников, критерии источниковедческом, впервые с наибольшей определенностью был поставлен, по-видимому, М.Н. Сперанским⁴, который выявил влияние разного рода печатной продукции на формирование состава рукописных сборников, начи-

ная с XVIII в. Однако исследование ученого прежде всего касалось вопросов влияния на рукописную традицию новейших изданий Петровского времени, с одной стороны, и лубочных изданий исторических и народно-поэтических текстов, с другой. В то же время, проблемы печатных источников самого распространенного типа сборников, типологически тяготеющих к древнерусским книгам, исследователь почти не касался именно в силу отмеченной им самим недостаточности материала для исследования, в настоящее время компенсированной рукописями территориальных собраний археографических центров.

В современных описаниях территориальных собраний, если описания достаточно полны и включают в себя атрибуцию текстов, стали появляться сведения о печатных источниках подобного типа рукописных сборников. Одним из первых на такие источники обратил внимание В.И. Малышев при описании Усть-Цилемских сборников⁵. Первым описанием территориального собрания, в котором отсылки к печатным источникам рукописей стали регулярными, следует, по-видимому, считать каталог рукописей Верхокамского собрания НБ МГУ⁶. Эта яркая источниковая особенность поздних сборников определенной традиции закономерно не осталась без внимания составителей каталога — вслед за ним появились обобщающие статьи, посвященные этой проблеме⁷.

Использование при описании рукописей современных каталогов старопечатных кириллических книг дает возможность для более широкого подхода к установлению печатных источников рукописных сборников на основе использования целого комплекса характеристик рукописи. Особенно важны в этом отношении каталоги старообрядческих изданий⁸, которые позволяют определить источник рукописного текста по целому ряду признаков, соответствующих печатному оригиналу. При атрибуции списков памятников в поздних старообрядческих и нестарообрядческих рукописях, необходимо выверять все данные, свидетельствующие о достоверности и возможности использования в качестве оригинала печатного источника и даже конкретного издания. При этом должны учитываться все возможные текстовые и внетекстовые данные рукописи:

Во-первых, (и это наиболее очевидный способ выявления печатного источника), необходимо проверять отсылки к изданию, помещенные в самозаглавии. При этом конечно должны учитываться особенности рукописной практики в отсылках переписчика, например, замена непривычной для книгописцев нумерации издания по страницам или столбцам на традиционное обозначение — лист. Здесь имеется в виду, например, очень часто встречающиеся на первый взгляд неправдоподобные и приводящие в смятение исследователей отсылки: («лист 2387» и т. д.), к изданию «Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла» (Киев, 1623), в котором нумерация проставлена не по листам, а по столбцам⁹.

Во-вторых, при выявлении печатного оригинала необходимо учитывать сочетание особенностей списка и палеографических данных рукописи (когда переписчик воспроизводит не только внешнее оформление издания — например, нумерацию тетрадей по типу сигнатур, но и особенности текста издания — например, ошибки в колонтитулах). Так, например, для одного из списков Устава о христианском житии (ИРЛИ, Древлехранилище, Пинежское собр. № 377),

в котором утрачен последний лист с выходными данными печатного оригинала, найти этот оригинал по каталогу А.В. Вознесенского оказалось возможным благодаря тому, что писец полностью воспроизвел все типографские особенности издания — сигнатуры, разбивку текста по листам и строкам, ошибки фолиации и даже ошибочные чтения в колонтитулах.

В-третьих, установить печатный источник можно на основании конвоя текстов, последовательности статей в рукописи и других текстовых признаков. Чаще всего выявление источника списка построено на целом комплексе таких особенностей. Известно, например, что в старообрядческой рукописной традиции широко бытовали списки Слова Кирилла Александрийского о исходе души от тела и Слова Палладия мниха о втором пришествии Христове. Чаще всего списки этих памятников изначально восходят к московскому изданию Соборника 1647 г. или его старообрядческому переизданию. Но если эти тексты следуют в рукописи один за другим и сопровождаются двумя патериковыми сказаниями о Макарии Египетском, а отсылки к главам в их самозаглавиях соответствуют таким же отсылкам в названиях этих текстов по старообрядческим изданиям Цветников, то представляется возможным указать в аннотации именно Цветник как источник такой подборки текстов, поскольку именно такое их расположение и конвой были в основе всех старообрядческих изданий Цветника¹⁰.

Использование всего комплекса методов атрибуции и выявления печатного источника позволяет сделать заключение о том, что число статей, заимствованных из печатных книг, гораздо значительнее, чем дают сведения самозаглавий текстов¹¹. Сочинения, изначально восходящие к печатному источнику, попадая в рукописные сборники, в дальнейшем могли иметь и имели свою самостоятельную рукописную традицию — создатели новых рукописей копировали эти тексты, воспроизводя все особенности, позволяющие установить их первоначальный печатный источник, здесь уже на уровне архетипа.

Внушительное число текстов, изначально имеющих печатное происхождение, которые выявляются в сборниках разных региональных традиций, позволяет отнести постоянное использование печатных книг при создании рукописных сборников к объективной реальности общерусского развития книжной культуры. А следовательно есть все основания говорить не только о пополнении репертуара памятников литературы в поздних сборниках новыми текстами, но и о факте смены источников круга памятников, привычного для традиционного типа рукописных сборников, как об общерусском культурном процессе, начало которого относится к середине XVII в.

Печатная книга начинает оказывать влияние на развитие рукописной традиции, на формирование состава рукописных сборников сразу после выхода в свет на московском Печатном дворе первых изданий книг, не имеющих исключительно богослужебного назначения. Именно к книгам, выпущенным в период деятельности московского Печатного двора, который непосредственно предшествует реформе патриарха Никона, обращаются составители поздних сборников, прежде всего в старообрядческой среде. Московские издания конца 30-х — начала 50-х гг. XVII в. стали пограничными, разделявшими для последователей старообрядчества два периода русской истории и истории русской церкви.

Особая группа изданий этого периода получила наибольшее признание у старообрядцев вследствие их исторически сложившейся тематики и полемической направленности. Как идеологи старообрядчества, так и простые книжники, не искушенные в полемических спорах, благодаря этим книгам имели в своем распоряжении энциклопедические своды источников, служивших для подтверждения правоты их позиции в спорах о вере. Именно поэтому такие издания как «Кириллова книга» (М., 1644), «Книга о вере» (М., 1648), Требник мирской и Требник иноческий (М., 1639) используются в сочинениях писателей-старообрядцев, сочинениях разных жанров и разных периодов старообрядческой литературы. Эта группа печатных памятников привлекала и привлекает до сих пор постоянное внимание исследователей в связи с изучением источников старообрядческих полемических сочинений и компиляций¹².

Эти издания используются не только в полемических трактатах, но и в составленных простыми крестьянскими книжниками рукописных сборниках. Из «Кирилловой книги» и «Книги о вере» порой выписывались целиком отдельные главы или делались подборки из нескольких глав. Но чаще всего на основе этих изданий составлялись особые тематические подборки из разных глав: компиляции о ересьях и еретиках, об основных догматах православной веры, о приближении царства антихристового и покаянии. Наибольшее число выписок из Требника мирского и Требника иноческого относится к тем статьям входившего в состав этих изданий Номоканона, которые были впервые включены в него на основании решений церковного собора 1620 г.¹³ Статья «Указ како отыскивати и о самех белорусцах» с соответствующим чинопоследованием была включена в оба Требника и с особым постоянством вписывалась в рукописные сборники, поскольку имела в старообрядческих общинах практическое применение.

В процессе отбора печатных источников создателями поздних рукописных сборников заслуживает внимания и другая группа памятников этого же периода деятельности московского Печатного двора. Эти памятники не имеют прямой полемической направленности, опубликованные в них тексты были хорошо известны по рукописным спискам. В то же время некоторые особенности этих изданий, в частности, идеи, заложенные в предисловных и послесловных статьях, композиция, состав традиционных и нетрадиционных для данной книги статей, делали эти новые издания Печатного двора созвучными своему времени, проникнутыми настроениями предраскольной эпохи.

Исследования последних лет¹⁴ свидетельствуют о том, насколько работа над изданиями периода патриарха Иосифа была тщательной, продуманной и серьезной. Продолжая программу Печатного двора по созданию полного круга исправных текстов православного обихода, работа издателей Иосифовского периода достигла своего апогея при подготовке текстов уставных чтений¹⁵. Принцип отбора текстов, выбор памятников из множества вариантов не был случайным. Об этом говорят не только напечатанные книги, но и неосуществленные издания, о работе над которыми или о замысле которых свидетельствуют сохранившиеся рукописные материалы. Все книги, выпущенные в это время Печатным двором, были необычного состава и создавались путем дополнения традиционных сводов новыми текстами византийской и, что важно, русской духовной традиции, в частности, путем изменения композиции, позволяющей

акцентировать внимание на созвучных времени идеях избранности Руси как хранительницы истинного православия.

Выписки из этих книг в рукописных сборниках XVII–XX вв. свидетельствует о том, что замысел издателей был воспринят совершенно адекватно. Примером этому могут служить, многочисленные обращения книжников к Соборнику 1647 г. Издание на московском Печатном дворе Соборника, книги, близкой типологически, но отличающейся по набору и последовательности текстов от традиционных для рукописной традиции сборников уставных чтений (Златоуст, Торжественник), стало закономерным явлением, отражавшим настроение общества в сер. XVII в. Хотя в составе книги опубликованы памятники, и ранее широко бытовавшие в рукописной традиции, порядок их следования в Соборнике позволил издателям композиционно выделить наиболее волнующие общество вопросы, прежде всего, вопросы эсхатологических ожиданий и вопросы провозглашения истинности единой православной веры. Уже в XVII в. печатный Соборник становится источником разнообразных рукописных сборников, при этом наиболее часто выписываемые статьи из Соборника относятся именно к тем тематическим блокам, которые впервые сложились именно в этом издании, и создание которых позволило Соборнику стать вполне созвучным общественным настроениям своего времени. Один из таких композиционных блоков — подборка 4-х слов для чтения в неделю мясопустную, три из которых посвящены теме посмертного суда над душой новопреставленного и самому истолкованию конца света. Этот композиционный блок — последовательно читающиеся в Соборнике слова Кирилла Александрийского «о исходе души от тела и о Страшном суде», Ипполита папы Римского «о скончании мира, и об антихристе, и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» и Палладия мниха «о втором пришествии Христове, и о Страшном суде, и о будущей муце, и о умилении души». Именно эти три слова — цельный тематический блок из Соборника — о близкой кончине мира и о пути спасения души после телесной смерти, были прежде всего восприняты старообрядческими книжниками и, как следствие этого, отразились в изданиях старообрядческих типографий кон. XVIII–XIX вв.¹⁶

Значительное число текстов поздних рукописных сборников восходит к печатному Прологу. Пролог всегда был одной из наиболее читаемых в средневековой Руси книг. Причиной тому служит полифункциональность Пролога, который служил не только книгой для чтения, но имел и литургическое употребление. Выход в свет в XVII в. нескольких изданий Пролога и появление в дальнейшем старообрядческих перепечаток первых изданий Пролога московского Печатного двора сделали его универсальным источником для поздних сборников как старообрядческой, так и нестарообрядческой традиции. Отсылки в самозаглавиях выписанных из Пролога статей свидетельствуют о том, что именно из печатных изданий выписывались те или иные тексты. Начиная с издания 1641–1642 г., Прологи, выпускаемые Печатным двором, последовательно дополнялись житийными и патериковыми рассказами, в том числе житиями русских святых и сказаниями о русских святынях, назидательными статьями византийских и русских авторов¹⁷. Распространение состава печатного Пролога позволило книгописцам использовать статьи из этой книги как для создания сборников смешанного состава старообрядческой и нестарообрядче-

ской традиции, так и для составления на основе проложных статей целых книг, тяготеющих к древним дидактическим сборникам (последовательно выписывая из Пролога назидательные статьи) или сборникам патерикового типа (в состав которых включались помещенные в календарном порядке патериковые статьи печатного Пролога).

Интересные наблюдения можно сделать над выписками из «Лествицы» Иоанна Синайского в редакции Сергия Шелонина, изданной московским Печатным двором в 1647 г.¹⁸ Обращаться к этой книге и включать ее фрагменты в свои сборники понуждала книгописцев волнующая всех христиан тема спасения, раскрытая в словах «Лествицы» о грехах и покаянии, о добродетелях, возводящих в Царствие Небесное. С другой стороны, сохранение в этих выписках разметки на полях издания с указанием времени чтения в определенные часы богослужения того или иного раздела книги, по-видимому, свидетельствует об использовании ее, как и предполагалось изданием, при богослужении в старообрядческих общинах. В рукописных сборниках могли появляться целые подборки статей из издания, в том числе и текстов, не принадлежавших Иоанну Лествичнику, а дополненных к «Лествице» Сергием Шелониным. Так, в нескольких поздних списках сохранился с отсылкой к изданию цикл патериковых и нравоучительных статей о неоставлении места иночества, добавленных Сергием Шелониным при подготовке издания 1647 г.¹⁹ По-видимому, этот цикл статей при последовательной переписке мог восприниматься как цельная композиция и имел самостоятельную рукописную традицию.

Примеры обращения к изданиям этого периода деятельности Печатного Двора могут быть продолжены, тема эта бесконечна. «Маргарит», из которого выписывалось также помещенное в московском издании 1641 г. «Слово о лжепророках и лжеучителях», издания «Паренесиса» Ефрема Сирина (с 1643 по 1652 гг. книга четырежды была издана московским Печатным двором); Евангелие учительное (издания 1633 и 1639 гг.); Евангелие благовестное 1649 г. (особенно поучение из предисловия «Слово нравоучительное, яко подобает верному чисто и право житие имети»), краткие жития из Святцев 1648 г. и другие тексты встречаются в рукописных сборниках, начиная с середины XVII в.

Использование печатных книг для составления рукописных сборников становится еще более интенсивным с кон. XVIII в., со времени появления первых изданий старообрядческих типографий. После выхода в свет каталогов старообрядческих изданий особенно отчетливо стало видно, сколь важное место занимали эти издания в формировании и развитии поздней рукописной традиции. Репертуар наиболее авторитетных, по мнению книгоиздателей-старообрядцев, памятников, публикация которых, в том числе и впервые, была осуществлена старообрядческими типографиями, свидетельствует о том, насколько верно издательская программа этих типографий отвечала запросам старообрядцев-читателей, поскольку ориентированы эти издания были прежде всего на широкие массы читателей, не искушенных в вопросах полемики, но ищущих в старой вере путь спасения.

Старообрядческие издания, регламентирующие отправление богослужения в условиях, когда служба велась в отсутствие священника, копировались полностью, тиражировались книгописцами на заказ. К таким копиям можно отнести

многочисленные списки с различных изданий, особенно Устава о христианском житии и Скитского покаяния.

Переписывались со старообрядческих изданий книги уставных чтений, из которых прежде всего следует назвать Златоуст, впервые напечатанный старообрядческими типографиями и имевший несколько изданий²⁰. Копии с издания Златоуста могли тиражироваться на заказ. На основании печатных Златоустов создавались сборники избранных из этой книги слов. Копировалось со старообрядческих изданий Житие Василия Нового, Лимонарь («Цветник духовный») Иоанна Мосха; встречаются в сборниках выписки из «Альфы и Омеги», как виленского (1786 г.), так и супрасльского (1788 г.) изданий, статьи из супрасльского издания 1791 г. Азбучного патерика (Патерика Алфавитного Сергия Шелонина)²¹, Цветника священноинока Дорофея разных изданий²². Особой популярностью у старообрядческих книжников пользовались издания Цветника. В ряде случаев списки с этих изданий сопровождались полностью скопированными выходными сведениями. Чаще главы из Цветника включались в состав более крупных сборников.

Даже беглый и не охватывающий всего многообразия источников обзор текстов поздних рукописных сборников, восходящих к печатным кириллическим изданиям свидетельствует о том, что обращение к этим источникам во многом определило жизнеспособность и адекватное бытование памятников средневековой русской литературы в новое время. По-видимому, причина процесса смены источников рукописных сборников кроется не столько в традиционно принятом представлении о большей доступности печатных книг, сколько в авторитетности изданий, к которым обращались составители поздних сборников, изданий выпущенных под надзором и по повелению царской и духовной власти, а следовательно, освященных церковью. В изданиях Печатного Двора дониконовского периода сконцентрирован значительный пласт накопленного к этому времени круга важнейших памятников христианской мысли. Издания старообрядческих типографий в свою очередь продолжали традицию дониконовских изданий Печатного двора, о чем свидетельствует их репертуар и особенности состава ряда старообрядческих изданий, а также перепечатки важнейших из осуществленных изданий и осуществление намеченных, но не изданных на Печатном Дворе книг.

Круг текстов, избираемых из печатных источников, свидетельствует о том, что акценты, расставленные при подготовке книг в XVII в., оказались созвучными настроениям и потребностям определенных кругов русского общества последующих столетий.

Но есть еще один аспект, определивший бытование прекрасных списков наследия византийских и славянских авторов в поздних рукописных сборниках. Издания Иосифовского периода выделяются высочайшим уровнем подготовки текстов: это и текстологическая работа над списками, сопоставление списков и выявление лучших чтений, лексическая и грамматическая правка текстов в соответствии с присущими эпохе языковыми нормами²³. Попадая в рукописные сборники, эти образцы в буквальном смысле слова филологического труда книгоиздателей продолжали жизнь в постоянно меняющемся мире последующих столетий, донося до читателей достижения эпохи духовного и культурного расцвета русского общества.

В этой статье затронут лишь один из многочисленных аспектов проблемы бытования текстов, восходящих к печатным источникам, в рукописных сборниках. Круг изданий, к которым восходят тексты рукописных сборников гораздо шире и по тематике, и по географии, и по хронологии. По-видимому, создание современных каталогов рукописей, особенно каталогов территориальных собраний археографических центров, невозможно без учета этого аспекта источниковедческого подхода к атрибуции и аннотации текстов. Выявление круга этих текстов позволит адекватно оценить единый путь развития и взаимопроникновения двух важнейших компонентов русской книжной культуры XVII — нач. XX вв. — рукописной и старопечатной книги.

¹ *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы. М.; Л., 1963. С. 29–31.

² Выставка массовой русской литературы XVIII века. Путеводитель / Сост. В.Н. Перетц. Л., 1934. С. 4.

³ *Фокина О.Н.* Рукописные сборники XVIII века: проблемы исторической типологии // Книга и литература в культурном контексте. Сборник науч. статей, посвящ. 35-летию начала археографической работы в Сибири (1965–2000). Новосибирск, 2003. С. 261.

⁴ *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII века. С. 79–85.

⁵ *Малышев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.

⁶ Рукописи Верхотамья XV–XX вв. из собрания научной библиотеки Московского университета имени М.В. Ломоносова: Каталог / Сост. Е.А. Агеева, Н.А. Кобяк, Т.А. Круглова, Е.Б. Смилянская. М., 1994. Основные принципы описания рукописей территориальных собраний, положенные в основу этого каталога, сформировались в более ранних описаниях находок археографических экспедиций, подготовленных московскими археографами, см.: Славяно-русские рукописи XV–XVI веков Научной библиотеки Московского университета (Поступления 1964–1978 годов) / Сост. Н.А. Кобяк, И.В. Поздеева. М., 1981; *Кобяк Н.А., Поздеева И.В.* Славяно-русские рукописи XIV–XVII веков Научной библиотеки МГУ (Поступления 1964–1984 годов). М., 1986.

⁷ См., например: *Кобяк Н.А.* Цитаты и цитация в старообрядческих рукописных сборниках Верхотамского собрания МГУ // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Сборник науч. трудов. Новосибирск, 1992. С. 173–179; *Поздеева И.В.* Ранняя московская печать и старообрядческая книжная культура // Там же. С. 151–156.

⁸ Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века: Каталог / Сост. А.В. Вознесенский. Л., 1991; Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII века / Сост. А.В. Вознесенский // Материалы к библиографии истории и культуры русского старообрядчества. Вып. 1. СПб., 1994; *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. Введение в изучение. СПб., 1996; *Починская И.В.* Старообрядческое книгопечатание XVIII — первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994.

⁹ Так, например, не приняв во внимание такого традиционного подхода к обозначению источника, Н.А. Кобяк ошибочно делает вывод о рукописном оригинале подобных выписок: «Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и послания апостольские, скорее всего цитировались по рукописному списку, так как те номера листов, на который идут ссылки, не встречаются ни в одном старопечатном издании» (см.: *Кобяк Н.А.* Цитаты и цитация. С. 176).

¹⁰ *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. С. 140–148.

¹¹ Более подробно о методах работы по установлению печатных источников поздних рукописных сборников см.: *Савельева Н.В.* Принципы и особенности описания рукописных территориальных собраний (к описанию Пинежского собрания Древлехранилища ИРЛИ РАН) // Книжные собрания Русского Севера. Проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Архангельск, 29–30 июня 2001 года). Архангельск, 2001. С. 38–47.

¹² Исследованию компилятивных старообрядческих сочинений посвящено множество работ, особенно московских, уральских и сибирских археографов. См., например, одну из последних

книг, посвященных этой проблеме, в которой представлена также и библиография по теме: *Гурьянова Н.С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.

¹³ *Бульчев А.А.* О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // *Герменевтика древнерусской литературы*. XVI — начало XVIII веков. М., 1989. С. 35–37.

¹⁴ См, например: *Бульчев А.А.* 1) О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639); 2) История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004; *Вознесенский А.В.* 1) Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. С. 76–152; 2) К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М; СПб., 2010; *Николаев Н.И.* Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // *ТОДРЛ*. СПб., 1993. С. 277–283; *Панченко О.В.* 1) Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» — сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // *ТОДРЛ*. СПб., 2003. Т. 53. С. 547–592; 2) Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. II. «Канон всем святым, иже в Велицей России в посте просиявшим» — сочинение Сергия Шелонина // *ТОДРЛ*. СПб., 2004. Т. 56. С. 453–480; *Савельева Н.В.* Стихотворная антология «Предисловия многообразна...» (Вопросы атрибуции и истории текстов в связи с деятельностью московского Печатного двора 30-х — нач. 50-х гг. XVII в.) // *Книжная старина. Сборник статей / Ред. А.В. Вознесенский*. СПб., 2008. С. 94–189; *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. М.; СПб., 2010.

¹⁵ *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 71–74.

¹⁶ *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII–начала XIX века. С. 140–148; *Савельева Н.В.* Сборник 1647 года в рукописной и печатной традиции старообрядцев // *Старообрядчество: История и современность. Материалы международной научно-практической конференции (СПб., 28–30 октября 2008 г.)*. СПб., 2009. С. 35–43.

¹⁷ Подробный обзор редакций печатного Пролога, наглядно показывающий распространение его содержания за счет дополнения статьями всех жанров, см.: *Крумлинг А.А.* Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // *Славяноведение*, 1998 (март–апрель). С. 46–60.

¹⁸ О работе Сергия Шелонина над подготовкой «Лествицы» Иоанна Синайского к изданию см.: *Николаев Н.И.* Об источниках московского издания Лествицы 1647 г.; *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. С. 258–318.

¹⁹ Отметим такую подборку патериковых статей из добавленной Сергием Шелониным части издания в рукописи 20–30-х гг. XVIII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Пинежское собр., № 639) и сборнике 2-й четв. XVIII в. (БАН, собр. Плюшкина, № 215, см.: *Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н.Ю. Бубнов*. СПб., 2001. С. 21–23 (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7, вып. 2).

²⁰ *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. С. 93–97.

²¹ См.: *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. С. 116–163–176.

²² *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII–начала XIX века. С. 148–152.

²³ О высоком уровне подготовки изданий московского Печатного двора Иосифовского периода свидетельствуют работы всех исследователей, обращавшихся к этой проблематике (см., например, работы, названные в сн. 14).

И.А. Вознесенская

РУКОПИСНАЯ КНИГА О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ ИЗ СОБРАНИЯ ВИМАИВВиВС

В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВВиВС) в коллекции документов, поступивших из библиотеки, хранится рукописный сборник «О Петре Великом»¹. Сборник по филиграням можно датировать 50-ми гг. XVIII в.². Рукопись выполнена несколькими почерками черными и коричневыми чернилами на 401 листе размером 314 × 192 мм. Переплет XIX в. изготовлен из досок в коричневой коже с тиснением, с двумя медными застежками с растительным орнаментом. На верхней крышке переплета дважды вязью под титлом в картуше: КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ. На корешке тиснением: «Ω ПЕТРЕ ВЕЛИКОМЪ», вверху наклеен бумажный ярлык: «АИМ. Номенкл. № 19. Пор. № 195». На обороте верхней крышки переплета синие штампы: «Арт. фонд. № 3670» и «Арт. Музей. РККА. Инв. № 19/195». Книга имеет значительные следы от повреждения водой. Скорее всего, в конце XIX — начале XX в. книга подвергалась реставрации, в результате чего часть листов восполнена различной бумагой, образовавшей множественные лакуны в тексте.

Инвентарный номер 19/195 книге был дан в 1938 г., сохранившаяся инвентарная карточка датирует рукопись 1725 г. и определяет поступление из Военного историко-бытового музея. Однако, в описи Артиллерийского фонда, составленной в 1936 г., рукопись значится под № 3670, что демонстрирует, что рукопись хранилась в Артиллерийском историческом музее до 1938 г., и ее поступление в инвентарной карточке определено неправильно. Интересно также, что в инвентарной карточке написано: «Настоящая книга найдена в одном из зданий села Кончанского». Запись в инвентарной карточке о том, что рукопись ВИМАИВВиВС найдена в селе Кончанском позволяет предположить связь нашей рукописной книги с библиотекой А.В. Суворова, однако каких-то других оснований кроме этой записи мы не имеем. В конце 30-х годов сотрудник Артиллерийского музея В.Н. Грусланов занимался устройством музея А.В. Суворова в Кончанском, возможно, именно он и обнаружил там эту книгу.

Тем не менее, сама рукопись представляет интерес как памятник середины XVIII в. Компилятивный труд, составленный на основании различных источников, начинает историю Петра по летописной традиции от Рюрика. Содержание сборника следующее:

Л. 1–3. «[Список] краткий российским великим князьям. Рюрик иже княжил в Великом Новеграде 17 лет умре 879».

Список выполнен в таблице с номерами. Заканчивается перечисление князей, царей и императоров Елизаветой Петровной, особо подчеркивая, что она «сушая дочь Петра Великого и наследница ... престола ... по желанию всего российского народа возведена 1741 ноября 25». В списке Елизавета Петровна

следует сразу же за Анной Иоанновной, то есть император Иоанн Антонович с правительницей Анной Леопольдовной пропущен.

Л. 3 об.—38. «Объявление вкратце когда ... император ... Петр Алексеевич родился и на царство Всероссийского государства возведся и коронован был ...».

По сути хронологическое изложение истории Петра по годам также в таблице. Текст представляет собой такое же летописное изложение деяний (действ) самого Петра с точными датами. Даты отмечены следующие: рождение Петра, смерть Алексея Михайловича, начало учебы Петра и царствования Федора Алексеевича, поднятие царь-колокола, Чигиринское сражение, оба брака Федора Алексеевича, его смерть, воцарение Ивана и Петра Алексеевичей, первый Трицкий поход, учреждение потешных полков, брак Ивана Алексеевича, второй Трицкий поход и т. д. до смерти Петра.

Л. 39—401. История царствования Петра, начинающаяся словами: Пятьдесят шестый сей всепресветлейший великодержавнейший первый император и первый Петр великий всероссийский самодержец...

История представляет собой компиляцию из различных сочинений, реляций, росписей и журналов. Изложение истории царствования Петра до 1710 г. не имеет четкого деления. Начиная с 1710 г., появляются подзаголовки: Реляция о взятии города Выборга, О взятии города Риги в 1709 г., О взятии неприятельской крепости Арсенбурха, О взятии города Кехсгольма или Корелы, О взятии города Ревеля и т. д. Кроме того, особо выделены в тексте Экстракты из журналов (например, Апраксина 1719 г.), О начатии Святейшего Синода, Торжественный вход его императорского величества и всемилостивейшей государыни императрицы от Дербеня града в Москву, Описание каким образом шаха персидского полномочный посол Исмаил бек Эмель в езде в Санкт Петербург и на аудиенцию к его императорскому величеству допущен был, Коронация Екатерины Алексеевны, Описание регалий императорских.

Кроме того, в заключительной части сочинения можно выделить известную надгробную похвалу Петру, сочиненную учителями и учениками Московской славяно-греко-латинской академии³ (нач.: «В училищном же Заиконоспаском монастыре в церкви состроен был гроб и поставлен посреде церкви, и при собрании множественнаго народа от греколатинских учителей и от студентов о добродетелех его императорского величества, яко Отцу Отечества благоутробнейшему, прекрепкому в бранех победителю, и оных училищ прещедрому фундатору, благодарное изречение было по отпении понахиды сим образом», л. 382 об.—400 об.). Надгробные похвалы Петру I в полном виде известны по рукописи Государственного Исторического музея⁴.

Надгробные похвалы Петру I, прозвучавшие 20 марта 1725 г. в Славяно-греко-латинской академии, состояли из трех частей. После «Предисловия» на русском и латинском языках шло надгробное слово, которое произнес Герман Копшевич. Вторая надгробная похвала «от риториков» состояла из двух небольших прозаических похвал на русском языке и пяти эпитафий на русском и латинском языках. Третья надгробная похвала, поэтическая, также состояла из нескольких текстов на русском и латинском языках. В нашей рукописи латинский текст отсутствует, русский текст, несмотря на обозначенное «предисловие», не имеет деления на части. Присутствие в рукописи этого текста — замечательный факт. Сборник из собрания ГИМ, содержащий полный

текст надгробной похвалы, имеет две владельческие пометы: «Ex libris Michaelis Zasodimsky» и «Горки Лаврентья астраханского архерея». С.И. Николаев считает, что этот сборник принадлежал Михаилу Андреевичу Засодимскому, обучавшемуся в Московской славяно-греко-латинской академии в 1756–1763 гг. и был списан с рукописи, принадлежавшей возглавлявшему Астраханскую кафедру с 1723 по 1727 г. Лаврентию Горке. Таким образом, надгробная похвала из сборника ГИМ была списана с рукописи, которую с полной уверенностью можно датировать 1725–1727 гг.

В заключительной части текста присутствует своеобразное послесловие, в котором автор акцентирует внимание на еще одной, очень важной заслуге Петра. В финале он упоминает о попечении и тщании Петра о «высокой его императорской фамилии». Прежние государи «не соизволили от крови своей дочерей сочетовать законным браком», тогда как Петр дочь свою царевну Анну Петровну выдал замуж по примеру Константина Великого и Михаила Палеолога, а также Ярослава Мудрого: «Прочитая сию гисторию видел еси доброхотный читателю сего великаго и премудраго монарха добродетельные дела вкратце от мене собранные уже более писать смысл мой недопускае и перо изнемогает, обаче еще нечто преславныя и премудрыя его императорского величества дел для известия тебе любезному читателю упоминаю, кое его императорскаго величества было попечение и тщание о высокой его императорской фамилии, ибо прежние государи цари всероссийския самодержцы не соизволили от крови своей дочерей сочетовать законным браком не токмо со иноверными не свейскими, но сей яко премудрый монарх, оставя все те древние обычаи, а последуя священному писанию древних веков греческих царей, а имянно, великому царю Константину и царю Михаилу Полеологу и протчим словено христианским великим царем, а имянно, великому князю Ярославу во святом крещении Георгию и протчим, соизволил сочетать законным браком, а имянно, дочь свою государыню царевну Анну Петровну за герцога Голштейн Готторбскаго Карла Фридриха» (л. 400 об.—401).

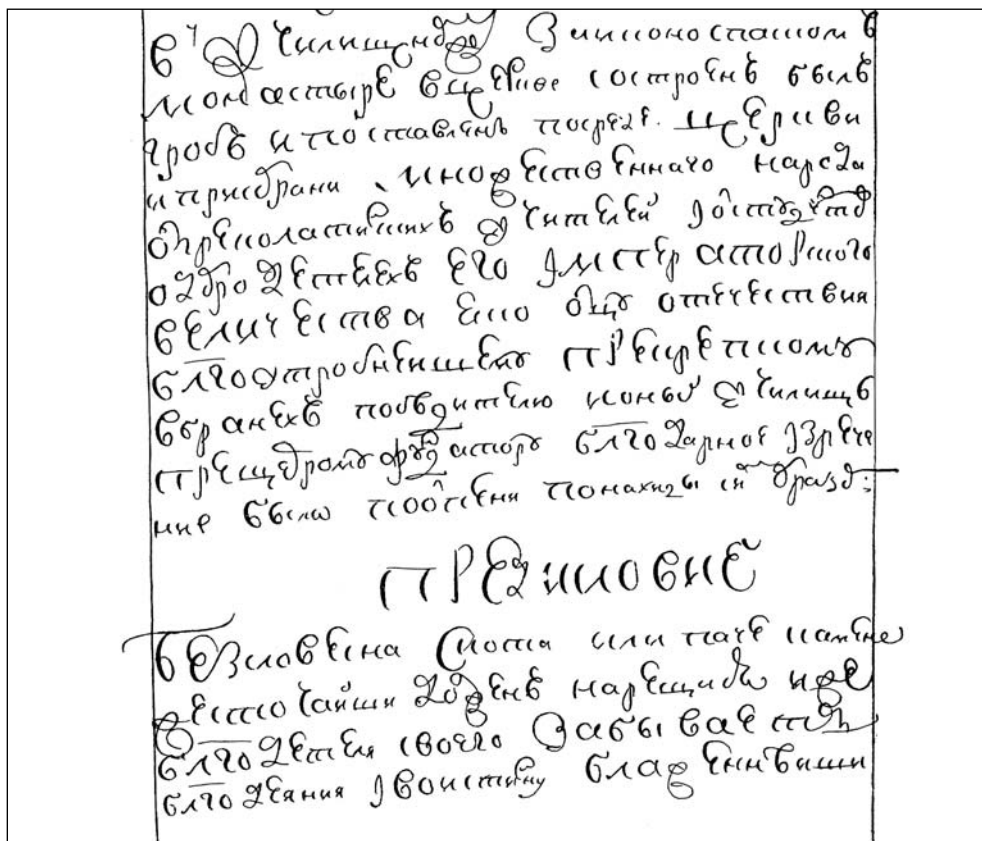
Рукопись такого же состава входит в состав собрания Российской национальной библиотеки (РНБ F.IV.8). В описании К. Калайдовича и П. Строева рукопись F.IV.8 названа «Жизнь императора Петра Великого, неизвестного сочинителя на 346 листах»⁵. Список РНБ выполнен различными почерками на бумаге с филигранью Pro Patria (№ 79 у Клепикова, 1744–1754 гг.)⁶. Переплет изготовлен из картона в коричневой коже, на корешке вытеснено название книги: «Житие государь имь П Пер». Таким образом, кроме дефектного списка ВИМАИВиВС мы имеем полный без лакун и в удовлетворительном состоянии сохранности список РНБ.

Таким образом, неизвестный автор в середине XVIII в. (в конце 40 — в начале 50 гг. XVIII в.) на основе различных печатных и рукописных источников составил историю Петра I, текст которой в настоящее время сохранился в двух известных списках (ВИМАИВиВС и РНБ). История состоит из списка великих князей, царей и императоров с 879 по 1741 г., краткой истории Петра («Действа») в таблице и пространной истории Петра. Начало пространной истории, «пятьдесят шестой», позволяет сделать предположение, что первоначальный список был на 22 пункта больше. По списку, представленному в рукописи,

император Петр I имеет номер 34. Для сравнения, «Родословие российских государей краткое», составленное П.Н. Крекшиным также в таблице с 1 по 25 колена, имеет 53 порядковых номера: «25. № 53. Петр Великий первый император. 1682»⁷.

Особенно выделенное в заключительной части замечание о «тщании» Петра о «высокой его императорской фамилии» показывает, что автор позиционирует себя как сторонник Елизаветы Петровны. Появление такого сочинения могло быть вызвано попыткой обосновать легитимность правления Елизаветы Петровны и ее наследника. В этом смысле, подробное описание коронации Екатерины Алексеевны, матери Елизаветы, также является дополнительным доказательством законных прав младшей дочери Петра от второго брака.

К сожалению, автор не называет своего имени. В середине XVIII в. тема Петра Великого была довольно популярна в обществе. Как известно, над описанием «жития и дел Петра от рождения до дня погребения с приложением родословия великих князей и царей Российских» много лет работал новгородский дворянин Петр Никифорович Крекшин. Родословие российских государей находило отражение в трудах выдающихся государственных и церковных

ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп.114. Д. 1. Л. 382 об.

деятелей XVIII в. Например, М.В. Ломоносов уделял значительное внимание этому вопросу, а монах Александро-Невского монастыря Никодим Селлий написал «Историческое зеркало» с родословием от Рюрика до Елизаветы Петровны в стихотворной форме. При сравнении текста настоящей истории с известными работами Крекшина можно отметить значительные отличия и по форме и по содержанию. Например, в «Экстракте из великославных дел царей и великих князей и самодержцев всероссийских, царствовавших по рождестве Иисус Христове с 862-го по 1756-й год, собранном новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето спасительного воплощения 1756-го году»⁸ не только не умалчивается об императоре Иоанне Антоновиче и правительнице Анне Леопольдовне, но и подробно объясняются обстоятельства восшествия на престол Елизаветы Петровны: «С единою гранодерскою ротою гвардии полку Преображенского ноября 25-го дня 1741 г. храбро предводительствуя, неправовладеющих престолом родительским арестовав, взошла на престол императорский»⁹.

Большинство использованных источников для составления Истории представляют собой печатные и рукописные издания петровского времени. Использование такого редкого источника как надгробная похвала, в настоящее время известного в полном виде только по одной рукописи Государственного исторического музея, позволяет сделать предположение, что автор имел непосредственное отношение к Московской славяно-греко-латинской академии (скорее всего, он был студентом).

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 114. Д. 1.

² Сборник написан на бумаге с филигранью Герб Ярославля (№ 4 у Клепикова) с контрамаркой ЯМЗ (Ярославская мануфактура Затрапезного), 1751-1756 гг. См.: *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX в. М., 1978. С. 236–237.

³ *Майков Л.* Молодость В.К. Третьяковского до его поездки за границу (1703–1726) // ЖМНП. 1897. № 7. С. 12–13.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 96. Инв. № 36507/3434. См.: *Юхименко Е. М.* К вопросу о репертуаре русской рукописной книжности XVII–XVIII вв. // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 75. Рукопись подробно описана С.И. Николаевым. См.: *Николаев С.И.* Ранний Третьяковский (К истории «Элегии о смерти Петра Великого») // Русская литература. 2000. № 1. С. 126–131.

⁵ *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке ... графа Федора Андреевича Толстого. Издали К. Калайдович и П. Строев с палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. 621; *Бычков А.Ф.* Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, составленное А.Ф. Бычковым. СПб., 1872. С. 131.

⁶ *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства... С. 14, 91.

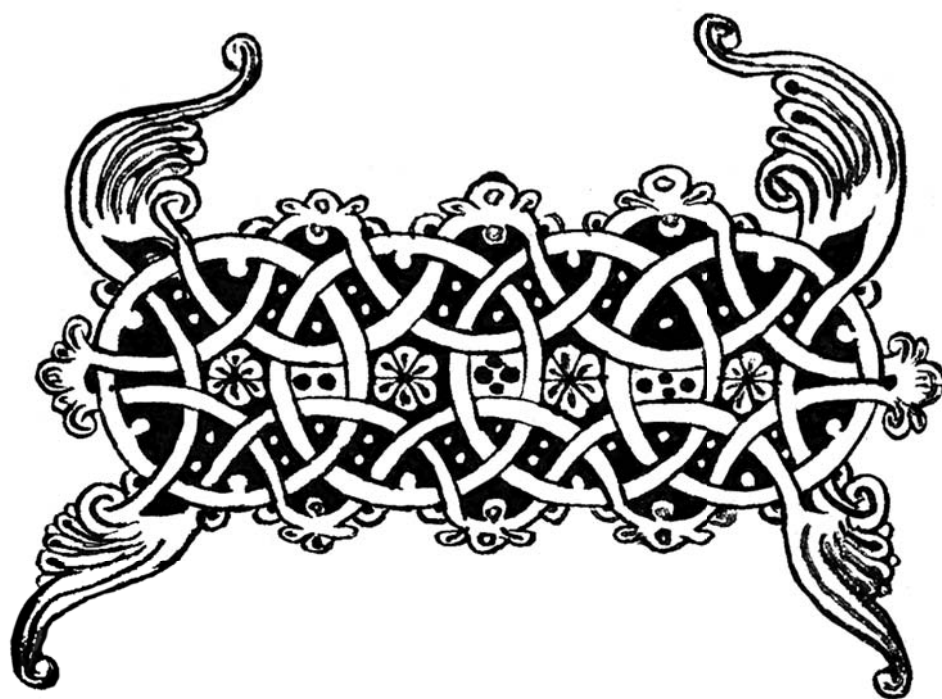
⁷ НГМ КП 30055-17/КР 157. Л. 91–92.

⁸ РНБ. Ф. IV. 17.

⁹ Там же. Л. 145.

Часть 4

ИСТОРИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ И
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СПИСОК
ОКЛАДНОЙ КНИГИ СИБИРИ 1697 г. —
РУКОПИСЬ ИЗ БИБЛИОТЕКИ В.Н. ТАТИЩЕВА

Нет необходимости писать о ценности так называемого Камерного каталога — первого опубликованного описания рукописной коллекции Библиотеки Академии наук. Изданный в 1742 г., этот каталог стал в сущности первым опытом описания рукописных памятников в отечественной научной традиции. Пометы его составителя академического библиотекаря Андрея Ивановича Богданова на экземпляре каталога, который ныне хранится в Отделе рукописей БАН (45.13.22), иногда позволяют установить, каким образом и при каких обстоятельствах та или иная рукопись попала в академическую библиотеку. В частности, благодаря пометам Богданова исследователи выявили круг рукописей, переданных в библиотеку известным русским историком XVIII в. В.Н. Татищевым, а это, в свою очередь, позволило отождествить упоминаемые в сочинениях Татищева источники с реально существующими рукописями. После этого многие загадки, порожденные «Историей» Татищева, были разгаданы. Как показывает практика, данный ряд отождествлений можно продолжить.

К сожалению, не все описанные Богдановым рукописи обнаружены в фондах БАН. Несколько десятков томов, по-видимому, были утрачены еще в XVIII в. Однако они не могли исчезнуть бесследно. Богданов в большинстве случаев оставлял на рукописи атрибутивную запись — проставлял на ней номер согласно своему каталогу. Пометы библиотекаря, сделанные им на экземпляре каталога, как правило также дублировались на первом листе или переплете рукописи. Таким образом, исчезнувшие из академической библиотеки рукописи имели пометы Богданова, и едва ли все пометы на всех пропавших рукописях были методично уничтожены. Можно утверждать, что по крайней мере в одном случае этого не произошло.

В третьем «разделении» (т. е. отделе) Камерного каталога, которое называется «Книги рукописные, до российской истории подлежащие», под № 23 описан фолиант «Краткое описание о взятии Сибири чрез Ермака казацкого атамана и росписание всей Сибирской провинции городов и жителей всякаго чина, также и казенных зборов, аммуниции и прочаго, сочинено по указу государя Петра Перваго в Сибирском приказе 1697 года». На поле экземпляра с пометами читается запись Богданова, сделанная, как и все его пометы, сангиным карандашом: «От Татищева»¹. Данной рукописи в настоящее время в фондах Библиотеки РАН нет, она числится среди утраченных². При этом произведение с таким названием, как оно приведено в Камерном каталоге, известно в научной литературе — это так называемая Окладная книга Сибири 1697 г. Речь идет о своеобразном своде исторических, географических и статистических данных о всех сибирских городах. Источниками этого сочинения

среди прочих были и окладные книги сибирских городов. Видимо, поэтому составленный в Сибирском приказе труд получил название Окладной книги Сибири. Начинается он с выписки из Степенной книги о завоевании Сибири Ермаком: «В Степенной книге в 17 степени во царствовании благочестиваго государя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца о Сибирской земле написано...». Как отмечено исследователями, на деле это выписка не из Степенной книги, а из Нового летописца. Едва ли перед нами ложная ссылка. Можно предположить, что процитированный текст был помещен в числе продолжений основного текста Степенной книги в том списке Степенной, которым пользовались для составления Окладной книги Сибири. Близкий, но не тождественный текст читается в составе так называемого «Летописца славянороссийского» — составленной в 1698 г. исторической компиляции, в основу которой положен текст Степенной книги. Здесь в выписке из Нового летописца, которая помещена в XVII степени Степенной книги, в сравнении с цитатой Окладной книги отсутствует последняя фраза: «Во царство же царя Бориса в лето 7107 году зимою послал царь воевод своих и повеле поставить град Мангазею. Поставил град князь Василей Мосальской-Рубец». Эта фраза читается только в Окладной книге и представляет собой заимствование из того же Нового летописца, но из другого места его текста. Следовательно, Окладная книга не может восходить к Летописцу славяно-российскому, к тому же она датирована 1697 г., а Летописец — 1698 г. И все же близость времени составления обоих произведений и почти полное совпадение цитаты из Нового летописца, включенной в состав XVII степени, позволяют предположить здесь какое-то взаимовлияние. Например, что при составлении Окладной книги была привлечена рукопись, впоследствии использованная при создании Летописца славянороссийского. Возможно, служащие Сибирского приказа получили доступ к первоначальному варианту Летописца. К сожалению, более определенно судить об источнике открывающего Окладную книгу Сибири текста не представляется возможным. После рассмотренной выписки из Нового летописца в Окладной книге следует фрагмент Есиповской летописи, повествующий о покорении Сибири Ермаком³. Далее помещены описания сибирских городов, в каждом из которых обстоятельно указывается географическое местоположение города, данные о его истории, населении. Заканчивается каждое описание воспроизведением городской таможенной печати с гербом города, что делает Окладную книгу Сибири ценным источником по истории русской геральдики.

Первым из исследователей к Окладной книге Сибири обратился А.И. Андреев в своем классическом труде «Очерки источниковедения Сибири». Андреев указал три списка Окладной книги: РНБ, F.IV.76, ГИМ, собр. Шукина 189 и РНБ, СПбДА 313. Последний список, датирующийся XVIII в., содержит в числе других статей выписки из летописной части Окладной книги и потому не может считаться списком рассматриваемого произведения. Таким образом, Андреев ввел в научный оборот два списка Окладной книги. Оба они датируются концом XVII в. Список из собрания Шукина подробно рассмотрела М.И. Наврот⁴. Она отметила крайнюю близость списков F.IV.76 и собр. Шукина 189 как в части текстов, так и касательно художественного оформления — это наблюдение весьма важно. Перед нами два рукописных экземпляра Оклад-

ной книги, которые совпадают вплоть до мельчайших деталей. Относительно ссылки на Степенную книгу Наврот высказала предположение, с которым трудно согласиться. Согласно мнению исследовательницы, явно родственные текст Нового летописца и текст Окладной книги восходят к Степенной книге, которая, однако, явилась источником не только для них, но и для Есиповской летописи, поскольку составитель последней Савва Есипов ссылается в своей летописи на некий письменный источник — «писание». Присутствие в этом ряду Саввы Есипова, по всей видимости, объясняется тем, что в Окладной книге далее следует фрагмент Есиповской летописи. Следует признать, что рассуждения Наврот относительно взаимоотношения этих текстов не выдерживают никакой критики. В Окладной книге перед нами фрагмент Нового летописца со ссылкой на Степенную книгу и фрагмент Есиповской летописи. Можно предположить, что в первом случае имеет место ложная ссылка, но для столь официального документа как составленная служащими Сибирского приказа Окладная книга это представляется маловероятным.

Указание Камерного каталога свидетельствует о том, что существовал еще один список Окладной книги Сибири, который в свое время принадлежал В.Н. Татищеву. Но это не так. Внимательное изучение списка Окладной книги РНБ, F.IV.76 показывает, что эта рукопись и упомянута в Камерном каталоге. На л. II рукописи читаются две полустертые записи, выполненные скорописью XVIII в.: «№ 23» и «Татищевъ». Почерк этих записей оказывается тождествен с почерком А.И. Богданова. На экземпляре Камерного каталога с его пометами против описания Окладной книги Сибири этим почерком записано «От Татищева»⁵. Если мы обратимся к другим рукописям, имеющим такую же помету в Камерном каталоге, то и там встретим соответствующие пометы. Так, в Академическом списке Новгородской I летописи на обороте верхней крышки переплета написано «Татищевъ» (БАН 17.8.36), в списке Львовской летописи на л. 2 — «Татищевъ» (БАН, 16.12.12). Следовательно, список F.IV.76 и является той самой рукописью Окладной книги Сибири, которая поступила в Библиотеку Академии наук от Татищева и была утрачена еще в XVIII в.

Татищевский список Окладной книги Сибири все же отличается от Шукинского. Как отметила Е.И. Дергачева-Скоп, в списке F.IV.76 заголовок Окладной книги написан по заклеенному. На просвет виден первоначальный текст заголовка. Он отличается от окончательного датой составления Окладной книги: в первоначальном варианте был указан 1696 г., а в окончательном — 1697 г. Вторая дата указана и в списке из собр. Шукина. Следовательно, список F.IV.76 представляет собой более ранний этап, чем список Шук. 189.

В своих сочинениях Татищев не упоминает Окладную книгу Сибири. Один из его источников, так называемая Сибирская топография, по крайней мере по наименованию похож на Окладную книгу, но все же это без сомнения другой текст. Татищев называет его еще и Тобольским летописцем, указывает время его составления — первую половину XVII в., и автора — некоего ротмистра Станкевича. Кроме того, на основе показаний самого Татищева и не зависимых от него источников исследователям удастся проследить судьбу рукописи от ее владельца архимандрита Далматовского монастыря Исаака через монастырскую книгохранилищницу и собрание Татищева — в Екатеринбург-

скую горную школу⁶. Следовательно, Сибирская топография — не Окладная книга Сибири. И все же Окладной книгой Татищев мог пользоваться, например, при написании «Общего географического описания всея Сибири», где приводил обстоятельные описания географического положения сибирских городов⁷.

В любом случае, отождествление списка Окладной книги Сибири F.IV.76 с рукописью, переданной В.Н. Татищевым в Академическую библиотеку и описанной в Камерном каталоге, увеличивает наши знания о рукописном фонде Библиотеке Академии наук в XVIII в. и о рукописном собрании В.Н. Татищева.

Въ десть.	рукописныя.	69	49
	прочее по большой части о Новогородскомъ и Псковскомъ владѣнїи Великихъ Князей отъ лѣта 6553. до Царя Иоанна Васильевича, по 7055. годъ.		
19.	Исторїя о войнѣ Великихъ Князей российскихъ съ Царьми Казанскими, и овзятїи царства Казанскаго благовѣрнымъ Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ.		61
20.	Книга розрядная о походахъ боярѣ, кто куда посланъ былъ на войну, также и на воеводство и проч. отъ лѣта 7065. царства Царя Иоанна Васильевича, по 7109. годъ Царя Бориса Феодоровича.		
21.	Журналъ о походѣ боярина Алексѣя Семеновича Шеина подъ Азовъ, и о строенїи Таганьрога лѣта 7205.		
22.	Привилегїи данныя отъ Шведскаго Короля Густава Адолфа Яргину, бѣловусову и нѣкоторымъ другимъ ругодевскимъ жителямъ. 1654. году.		
23.	Краткое описанїе о взятїи Сибири чрезъ Ермака казацкаго Атамана, и росписанїе всей Сибирской провинцїи городовъ и жителей всякаго чина, также и казенныхъ сборовъ, аммуницїи и прочаго, сочинено по указу Государя Пешра Перваго въ Сибирскомъ приказѣ. 1697. года.		Зна м и щ е си
24.	Описанїе древнихъ российскихъ свадебныхъ обрядовъ. съ 7008. года.		
		25.	полн на о ка царств А. Н.

Камерный каталог с пометами А.И. Богданова. БАН. 45.13.22, л. 49

¹ БАН, 45.13.22, л. 49.

² Описание рукописей, полученных от В.Н. Татищева // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН СССР. Вып. 1. С. 438.

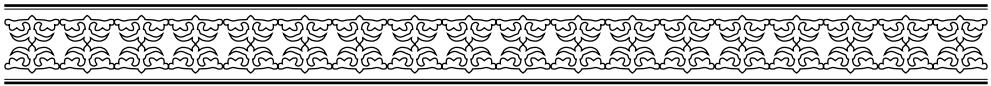
³ Ромодановская Е.К. О летописной части Окладной книги Сибири 1696–1697 гг. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 39–45.

⁴ Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 184–209.

⁵ БАН, 45.13.22, л. 49.

⁶ Манькова И.Л., Шашков А.Т. 1) Летопись ротмистра Станкевича и В.Н. Татищев // Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII — начало XX в.: Материалы региональной научной конференции. Свердловск, 1983. С. 155–157; 2) Библиотека Далматовского монастыря в XVII — первой четверти XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 49, 53; 3) Из истории формирования библиотеки Далматовского монастыря в XVI–XVIII вв. // Русская книга дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 55–56.

⁷ Татищев В.Н. Общее географическое описание всея Сибири // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России / Под ред. А.И. Андреева. М., 1950.

И.Н. Лебедева

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ДВУХ ЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК: ПЕТРА I И М.В. ЛОМОНОСОВА

Последние 50 лет большое место в книговедческих исследованиях занимает изучение личных библиотек деятелей истории и культуры. Это книжные собрания Ивана Грозного и Петра I, сподвижников Петра I А.Д. Меншикова, Роберта Арескина, Якоба Брюса и Андрея Виниуса, писателей В.А. Жуковского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого; ученых, прежде всего М.В. Ломоносова, и многих других¹. Изучение принадлежавших тем или иным лицам книг, особенно непосредственное знакомство с этими книгами почти всегда вносит в наши представления об их владельцах что-то новое, неизвестное из других сторон их жизни.

Среди личных библиотек в последнее время две привлекают к себе особенно пристальное внимание исследователей: это книжные собрания титанов русской истории: Петра I и М.В. Ломоносова. Цель данной статьи — сопоставительное изучение этих книжных собраний. Это сопоставительное изучение оказывается возможным по двум причинам. Первая из них — содержательная: и Петр, и Ломоносов были страстными книголюбями, но не в библиофильском смысле, то есть он не были собирателями редкостей, хотя Петр очень любил предметы «куриозные», в том числе и книги. Книга была важной частью жизни обоих, хотя и по-разному. Вторая причина — формального характера: оба книжных собрания (о ломоносовском точнее будет сказать, что это большая часть найденных до сих пор книг) находятся в одном хранилище, а именно в Библиотеке Российской Академии наук (БАН), поэтому сопоставление возможно *de visu*.

Библиотека Петра I

Книжное собрание царя-реформатора, переданное в академическую библиотеку в 1725–1728 гг. в количестве почти 2000 единиц, через некоторое время было распределено по разным фондам (организованным по систематическому принципу), т. е. на время перестало существовать как единое целое. Восстановление и изучение библиотеки Петра началось в конце 40-х гг. прошлого столетия сотрудниками Рукописного отдела Библиотеки академии наук В.А. Петровым (зав. Отделом), М.Н. Мурзановой и Е.И. Бобровой² и продолжается до сих пор библиотекарями следующих поколений. В 1956–1961 гг. был издан фундаментальный трехтомный путеводитель по фондам Рукописного отдела, два его тома посвящены библиотеке Петра³. В настоящее время, после издания каталога рукописных книг петровского собрания завершается описание иностранных печатных книг и начата работа с русскими книгами кириллической и гражданской печати.

Наличие у Петра большой личной библиотеки было до известной степени традицией. Все Романовы, начиная с основателя династии, царя Михаила

Федоровича, были книжниками. В семье Романовых детей приучали к книге с самого раннего возраста. Для Петра I первая «потешная» книга была изготовлена в Оружейной палате в мае 1673 г.⁴, когда царевичу не было еще и года. В записи об этом, сохранившейся в книгах Оружейной палаты, не указано название книги. Но из других источников известно, что такие книги содержали повести и сказки с рисунками, изображения небесных светил, городов и деревьев, растений и животных⁵. Для пятилетнего Петра в Посольском приказе в 1675–1676 гг. написали роскошную иллюстрированную Александрию. Позже потешные книги сменились книгами познавательными. По распоряжению 13-летнего Петра в 1685 г. был переведен на русский язык с немецкого учебник артиллерии и пиротехники⁶.

Отношение Петра к знанию как фундаменту работы каждого человека было для России новым. Не получивший систематического образования, Петр постоянно учился сам и заставлял учиться других. Учителями Петра в течение всей его жизни были прежде всего книги. Поэтому он создал общественную библиотеку и музей — единый центр знаний. В числе кардинальных реформ Петра была и реформа книжного дела в России: изменение и расширение репертуара издаваемых книг, создание гражданского шрифта, изменение внешнего облика русской печатной книги⁷.

Петру была интересна любая книга, попадавшая в поле его зрения. Это особенно относится к иностранным печатным изданиям самого разнообразного содержания, среди которых Петр отбирал материал для переводов на русский язык и издания этих переводов. В «Описании изданий гражданской печати» петровского времени (см. прим. 7) библиографическая характеристика каждого издания сопровождается большой аннотацией, иногда в несколько страниц, рассказывающей об участии Петра почти в каждом издании. Это и выбор иностранной книги для перевода, и выбор переводчика, и советы по переводу. В частности, под № 877 в «Описании изданий гражданской печати» указана книга «Аполлодора Грамматика Афинейскаго библиотеки или о богах» (М., 1725), в аннотации к которой приводятся несколько версий инициативного участия Петра в этом издании. Там же, под № 5 описано второе издание «Геометрии» 1708 г., в которое Петр распорядился внести изменение в расположение чертежей и подписей к ним.

Петр относился к книгам очень бережно. Его записей или других помет на книгах его библиотеки очень мало, в отличие от планов и чертежей, над которыми он работал. При этом он хорошо знал свое книжное собрание. Так, давая поручение садовому архитектору при сооружении Марлинского каскада в Петергофе в 1721 г., Петр пишет: «Кашкаду большую против пруда надлежит во всем пропорциею зделать против кашкады Марлинской ... Оную пропорцию можно сыскать из книги писанной, а не печатной, которых две у меня в Летнем доме ...»⁸. На чертеже этого же каскада в альбоме эрмитажного собрания графики — уточнение: «А пропорция ее в писаных книгах, а не печатных, у Мошкова, которые оклеены красным сафьяном под гербом французским»⁹.

Петр хранил книги своих родных — отца, сестер, старшего брата Федора, хотя по своему содержанию (священное писание, литургика, жития святых) эти книги не соответствовали интересам Петра. Любая книга была для Петра ценностью. Его большая личная библиотека не имела специального помеще-

ния, книги находились в разных зданиях и частях зданий. Самые нужные в то или иное время были в кабинете Петра. Книжное собрание Петра было его повседневным рабочим инструментом.

Книги петровской библиотеки очень разнообразны по содержанию. Проще сказать, чего в этой библиотеке нет, а именно: нет книг по богословию и праву. Зато широко представлены история, география, архитектура, фортификация, кораблестроение, артиллерия, воинские и морские уставы, математика, словари разных языков, садово-парковое искусство, описание коллекций разного рода, альбомы гравюр.

В настоящее время основная часть петровского собрания сосредоточена в Рукописном отделе БАН. Часть петровских книг находится в Отделе редкой книги. Всего на сегодняшний день известно около 1200 петровских книг, из них 250 рукописных. Разыскание петровских книг продолжается.

Библиотека М.В. Ломоносова

Книжное собрание первого русского академика начали изучать раньше, чем разыскиали. Всего через 7 лет после его кончины Н.И. Новиков сообщил: «Библиотека Ломоносова и манускрипты по смерти его куплены его сиятельством графом Григорьем Григорьевичем Орловым»¹⁰. Но на это свидетельство ни современники, ни последующие исследователи не обратили внимания, хотя эти сведения неоднократно повторялись в других публикациях, и поиски ломоносовской библиотеки растянулись на двести лет, до 70-х гг. XX века.

Почему настойчиво искали книжное собрание великого помора? Книга была важнейшей частью жизни Ломоносова, но не благодаря условиям воспитания, как у Петра I, а вопреки им. В родном доме Ломоносова книг не было: отец считал чтение баловством, занятием неподобающим для крестьянина-помора. Впервые Ломоносов увидел книги у своих соседей Дудиных и в Куростровской Димитриевской церкви¹¹, а первую собственную книгу он приобрел, когда ему было уже 24 года (см. ниже). Свою первую библиотеку Ломоносов стал собирать во время обучения в Германии, но ее пришлось оставить там при отъезде. По возвращении на родину Ломоносов собрал свою вторую библиотеку, покупая книги, получая их в дар или брал в академической библиотеке.

Впервые вопрос о библиотеке первого русского академика поставил А.С. Будилович в 1871 г.¹² Он попытался реконструировать состав ломоносовского книжного собрания, найдя для этого единственно возможный путь, а именно собрав библиографические ссылки как из сочинений Ломоносова (изданных и еще неопубликованных), так и из нескольких составленных им библиографических списков. Таких ссылок у Будиловича оказалось 408. В третьем разделе своей книги, озаглавленном «Круг научных средств Ломоносова или каталог ломоносовской библиотеки», Будилович расположил свой материал по 12 систематическим разделам.

В 1911 г. Россия праздновала 200-летний юбилей М.В. Ломоносова. К этому юбилею В.И. Вернадский, будущий академик, опубликовал 4 статьи о Ломоносове, две специальные, по геологии и минералогии, и две общего характера: «Памяти М.В. Ломоносова»¹³ и «Общественное значение Ломоносовского дня»¹⁴. В этих двух статьях впервые личность Ломоносова и его научное твор-

чество получили адекватную оценку¹⁵. На основе анализа деятельности М.В. Ломоносова в разных областях знания В.И. Вернадский приходит к следующим выводам: «Ни раньше, ни позже в нашей стране не было более своеобразной, более полной творческого ума и рабочей силы личности. Еще в 1731 г. Ломоносов был полуграмотным крестьянином, через 10 лет он стоял — по тому, что было ему известно и что было им понято, в передовых рядах человечества. ... его облик — облик не только великого русского ученого, но и одного из передовых творцов человеческой мысли»¹⁶. Ломоносов «силой своего гения при самом начале научной работы России поставил ее в равное положение с ранее вступившими в научную работу нациями. Ибо он явился великим ученым, которые считаются единицами в тысячелетней истории человечества»¹⁷.

Характеристика, данная Ломоносову акад. В.И. Вернадским, сыграла существенную роль в усилении интереса ко всему, что имело отношение к ломоносовским методам и инструментам исследовательской работы.

Следующая, очень важная веха в истории ломоносоведения — это монография П.Н. Беркова 1936 г.¹⁸, на которую последующие исследователи библиотеки Ломоносова не обратили никакого внимания, а потому она не вошла в соответствующую библиографию. Сам П.Н. Берков, как представляется, не понял важности своего открытия. А это было именно открытие. Берков исследовал единственную известную в то время книгу, принадлежавшую Ломоносову. Это была первая собственная книга Ломоносова, купленная им 29 января 1736 г. в Петербурге с первой студенческой стипендии — «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Василия Третьяковского, только что, в конце 1735 г. вышедший из печати. Оказалось, что в книге много пометок и записей Ломоносова, сделанных в разное время на разных языках: русском, церковнославянском, латинском, немецком и французском. Это означало, что книга находилась при ее владельце постоянно и часто была предметом его внимания. П.Н. Берков детально проанализировал и систематизировал записи Ломоносова, выражавшие, главным образом, согласие с автором или страстную полемику с ним. Удивительно, что П.Н. Берков воспринял записи Ломоносова на книге Третьяковского как нечто обыденное, в то время как эти записи позволили представить, как читал Ломоносов. Книга была для него живым собеседником, с которым он мгновенно вступал в контакт — соглашался или спорил, что-то добавлял к сообщаемому автором или обливал его презрением за глупость.

В 1948 г. в Музей М.В. Ломоносова (теперь Отдел истории Кунсткамеры института антропологии и этнографии РАН) была передана «Риторика» французского автора Н. Коссена¹⁹, принадлежавшая Ломоносову²⁰ и вся испещренная его пометами и записями. Книга сохранилась до наших дней. Из ее 800 страниц 371 имеет многочисленные пометы и записи на разных языках в разное время. Изучение этих следов работы Ломоносова только начинается.

В 1961 г. к 250-летию юбилею Ломоносова была издана монография Г.М. Коровина о библиотеке Ломоносова²¹. Коровин пошел по пути, уже проложенному А.С. Будиловичем (при резкой и во многом несправедливой критике Будиловича, работавшего за целое столетие до Коровина), восстанавливая список литературы, использованной Ломоносовым в его трудах. Список Коровина оказался намного больше, чем у Будиловича: 670 названий книг, журналов и статей, расположенных по систематическим рубрикам с полным библиогра-

фическим описанием и обширными аннотациями. Ценнейшую часть книги Коровина составляют опубликованные в приложениях документы: Каталог книг, купленных Ломоносовым в Марбурге²²; 4 составленных Ломоносовым библиографических списка²³ и другие документы. Но общий вывод Коровина был неутешительным: библиотека Ломоносова «ни полностью, ни частично до нас не дошла»²⁴.

Но тем не менее дальнейшие поиски не прекратились. Уже через 10 лет после издания книги Коровина местонахождение ломоносовской библиотеки было обнаружено. Но прежде надо рассказать о важнейшем исследовании Г.Н. Моисеевой почерка Ломоносова. Г.Н. Моисеева тщательно проанализировала ломоносовский почерк в разные периоды, детально его описала, заручилась заключением криминалогической экспертизы о характерных особенностях этого почерка и опубликовала многочисленные его образцы с наличием свойственных только Ломоносову специальных значков²⁵. Публикация Г.Н. Моисеевой дала возможность в будущем по пометам Ломоносова определять принадлежавшие ему книги.

В самом начале 70-х гг. прошлого столетия двое ученых, Е.С. Кулябко и Е.Б. Бешенковский определили местонахождение Ломоносовского книжного собрания, обратившись к свидетельству Н.И. Новикова и другим документам²⁶. Оказалось, что библиотека Г.Г. Орлова (вместе с библиотекой Ломоносова) после страшного пожара 1827 г., уничтожившего университет в столице Финляндии Або (Турку), была подарена переведенному в Гельсингфорс университету. Таким образом, благодаря открытию Кулябко и Бешенковского было установлено местонахождение Ломоносовских книг. Оставалось лишь отправиться в Хельсинки и начать поиски. Но по разным причинам оба автора открытия не имели возможности выехать за границу. Выход был найден: жена одного из сотрудников советского посольства в Хельсинки, Ю.П. Тимохина оказалась профессиональным архивистом. Она и начала поиски книг Ломоносова под руководством Кулябко и Бешенковского, осуществляемым через телефонную и почтовую связь²⁷. В Хельсинки был обнаружен каталог библиотеки Орлова, насчитывающий 1441 издание²⁸. По этому каталогу были отмечены книги, изданные не позже 1765 г. (года смерти Ломоносова) и соответствующие его научным интересам. Признаками принадлежности книги Ломоносову могли быть его владельческие записи или любые пометы, сделанные его почерком. Ю.П. Тимохиной и ее финскими коллегами — сотрудниками университетской библиотеки в Хельсинки — были просмотрены сотни книг, разысканные по старым и новым каталогам. В итоге удалось определить как принадлежавшие Ломоносову 50 иностранных изданий XVI–XVIII вв., одно московское кириллическое издание — Октоих 1746 г. — и 4 русские рукописи XVIII в.²⁹. Владельческие записи есть лишь на 3 книгах, остальные были причислены к библиотеке Ломоносова по наличию многочисленных записей и помет — характерных для Ломоносова (как установила Г.Н. Моисеева) NB (Nota bene), скобок и специальных знаков: крестов, решеток, кружков, перечеркнутых крестом, и др. Записи — это выписки из книги, фразы и отдельные слова, выражающие согласие или возражение автору, переводы слов и выражений с иностранных языков на русский. Иногда эти записи прямого отношения к тексту книги не имеют.

Содержание 50 иностранных книг — самое разнообразное: тексты античных авторов, греческих и римских; грамматики и словари, риторика, география, химия, физика, минералогия, горное дело, стеклоделие, медицина³⁰. Рукописные книги представляют собой сборники исторического содержания.

В июне 1977 г. книги Ломоносова были переданы ректором Хельсинкского университета проф. Э. Пальменом в дар Академии наук СССР и поступили на хранение в БАН. В то время они не вызвали большого интереса у отечественных ученых. Но зато горячо откликнулся на это событие страстный почитатель Ломоносова, автор многих статей о его творчестве, известный венгерский лингвист Ференц Папп. Приехав в Ленинград, Папп тщательно изучил все полученные из Хельсинки книги, итогом чего явилась его большая статья на русском языке³¹. Статья Паппа — это новое слово в ломоносоведении. Через анализ ломоносовских помет Папп пытается подступиться к тайне личности гения. Пометы на книгах, «эти кажущиеся мелочи историко-филологического порядка» позволяют Паппу «понять структуру ума, внутренний мир ... оригинального мыслителя, многострадального, одинокого человека» (с. 69), «так поздно начатой и так рано оконченной жизни» (с. 59). Оппозицию Миллер — Ломоносов венгерский ученый рассматривает как извечную борьбу двух начал — «алгебры» и «гармонии», рассудка и ведения истины: «... как мог ненавидеть этот Сальери русского мужика-Моцарта» (с. 55).

Поиски книг Ломоносова в фондах университетской (теперь Национальной) библиотеки в Хельсинки были продолжены и продолжаются до сих пор. Этим занимается ведущий специалист по редкой книге Национальной библиотеки Финляндии госпожа Сиркка Хаву и находит все новые и новые книги.

Всего в настоящее время известны 60 печатных³² и 4 рукописные книги в БАН, 2 издания в СПбФ Архива АН и 1 издание в Институте антропологии и этнографии РАН, а также 2 рукописных книги в Российской Государственной библиотеке в Москве. Кроме того, 17 книг находятся в Национальной библиотеке Финляндии в Хельсинки.

До настоящего времени записи Ломоносова на его книгах почти не были изучены. 300-летний юбилей великого ученого снова привлек внимание к этой стороне его творчества. В БАН был осуществлен совместный с Финляндией проект по изучению, расшифровке и публикации записей Ломоносова на книгах его библиотеки.

Теперь мы можем подвести итоги. Две разные библиотеки двух великих людей, которых объединяет, кроме масштаба их личностей, страсть к книге. Петру нужна и интересна любая книга; в его хозяйстве — огромной стране — найдется место и применение любому изданию или рукописи. Ломоносов сознательно выбирает нужную ему в данный момент книгу и читает ее по большей части сразу, в один прием. Петр бережет свои книги; его записи — редкое исключение. Ломоносов мгновенно реагирует на прочитанное, как на слова живого собеседника и не жалеет книгу: иногда его перо прорывает бумагу книжного листа — с такой силой (возмущения) он выражает свое отношение к мнению автора. Петр читает свои книги, это его учителя во всех его занятиях и обязанностях, от токарного искусства до управления империей. В библиотеке Ломоносова — лишь нужные ему книги. Из них две сопровождают его всю жизнь — это книги Третьяковского и Коссена, стихосложение и риторика.

Казалось бы, это удивительно для ученого-естествоиспытателя, но такое впечатление, что в естественных и прикладных науках главным для Ломоносова был его собственный практический опыт. Напомним также, что царского сына Петра с младенчества приучали к книге и любая книга была в его распоряжении. Ломоносову же в семье всячески препятствовали книжным занятиям, и его интерес к книгам сформировался не благодаря, а вопреки условиям жизни. У Петра была огромная по тому времени библиотека — около 2000 томов. Библиотека Ломоносова была много меньше — это только небольшая часть библиотеки Орлова, насчитывающей по ее каталогу менее 1500 томов. Ломоносов — владелец сравнительно небольшой профессиональной библиотеки писателя и разностороннего ученого. Петр — хозяин и участник создания всей русской печатной книги своего времени.

¹ Зарубин Н. Н. Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982; Микишатъев М. Н. Библиотека Петра Великого и русская архитектура петровского времени // Петербургские чтения [Текст]: Материалы энциклопедической библиотеки «С.-Петербург 2003». СПб., 1996. С. 68–71; Библиотека Петра I: Описание рукописных книг / Автор-составитель И. Н. Лебедева. СПб., 2003; Долгова С. Р. О библиотеке А. Д. Меншикова // Русские библиотеки и их читатель (из истории русской культуры эпохи феодализма). Л., 1983. С. 87–97; Лебедева И. Н. Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // Русские библиотеки... С. 98–105; Библиотека Я. В. Брюса: Каталог / Сост. Е. А. Савельева. Л., 1989; Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса: Каталог / Сост. Е. А. Савельева. СПб., 2008; Библиотека В. А. Жуковского в Томске (Часть библиотеки Томского университета). Ч. 1. Томск, 1987; Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. (Каталог). Орел. 1994; Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 1. М., 1972. Литературу о библиотеке М. В. Ломоносова см. ниже. О других личных библиотеках см. в кн.: Ильина О. Н. Изучение личных библиотек в России по 2006 г. СПб., 2008.

² О В. А. Петрове см.: Валк С. Н. Владимир Алексеевич Петров (1893–1967) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1969. Вып. 2. С. 294–300. О М. Н. Мурзановой см.: Лебедева И. Н. М. Н. Мурзанова — сотрудница Рукописного отдела Библиотеки Академии наук (в печати); О Е. И. Бобровой см.: Лебедева И. Н. 1) Памяти Елизаветы Ивановны Бобровой // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 349–350; 2) Елизавета Ивановна Боброва — исследователь рукописной и редкой книги // 275 лет Библиотеке Академии наук: Сборник докладов юбилейной научной конференции. 28 ноября — 1 декабря 1989 г. СПб., 1991. С. 294–297.

³ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I: XVIII век. М.; Л. 1956; Вып. II. XIX–XX века. 1958; [Вып. III]. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра. М.; Л. 1961.

⁴ Исторический очерк ... Вып. I. С. 19.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Библиотека Петра I ... С. 136–137.

⁷ Берков П. Н. 1) Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII века // Описание изданий, напечатанных при Петре. Сводный каталог: Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. статья П. Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 11–39; 2) Русская книга кирилловской печати конца XVII — первой четверти XVIII века // Описание изданий ... Сводный каталог: Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. статья П. Н. Беркова. М.; Л., 1958. С. 9–28.

⁸ Гейрот А. Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 23.

⁹ Микишатъев М. Н. Библиотека Петра ... С. 69.

¹⁰ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 130.

¹¹ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 55–56.

¹² Будилович А. С. Ломоносов как писатель: Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб., 1871.

- ¹³ Запросы жизни, 1911, № 5. Стлб. 257–262. Переизд.: *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 55–58.
- ¹⁴ Газ. «Речь», от 8 ноября 1911. Переизд.: *Вернадский В.И.* Труды по истории науки... С. 58–62.
- ¹⁵ Сердечно благодарю Т.М. Моисееву за указание трудов В.И. Вернадского о Ломоносове.
- ¹⁶ Общественное значение... С. 58, 59.
- ¹⁷ Там же. С. 62.
- ¹⁸ *Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М; Л., 1936.
- ¹⁹ *Caussin N.* De eloquentia sacra et humana libri xvi. Ed. secunda. Coloniae Agrippinae, 1626.
- ²⁰ *Городинская Р.Б.* Мемориальные вещи Ломоносова в музеях и архивах СССР // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л. 1965. VI. С. 289–291.
- ²¹ *Коровин Г.М.* Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л. 1961.
- ²² Там же. С. 407–411.
- ²³ Там же. С. 416–431.
- ²⁴ Там же. С. 25.
- ²⁵ *Моисеева Г.М.* Ломоносов ... С. 27–53.
- ²⁶ *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975.
- ²⁷ *Тимохина Ю.П.* Как была обнаружена библиотека Ломоносова // Природа. 1974. № 1. С. 34–41.
- ²⁸ Опубликовано в изд.: *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки ... С. 144–215.
- ²⁹ *Кукушкина М.В., Лебедева И.Н.* Книги из библиотеки М.В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 334–349.
- ³⁰ Алфавитный список этих книг см. в изд.: *Кукушкина М.В., Лебедева И.Н.* Книги из библиотеки ... С. 346–349.
- ³¹ *Панн Ф.* На полях личной библиотеки М.В. Ломоносова (Hungarica и лингвистические пометки) // *Studia Slavica Hungarica/ Budapest*, 1984. Т. XXX. P. 39–76. Рец.: *Лебедева И.Н.* Венгерский ученый о маргиналиях М.В. Ломоносова // Ломоносов и книга: сборник научных трудов. Л., 1986. С. 176–182.
- ³² Эта цифра получилась после учета всех частей конволютов.

«РАЗВЕ Я НЕ НАРОД?...»
ПИСЬМО В.И. СМЕРНОВА О Н.Н. ВИНОГРАДОВЕ

Биография Николая Николаевича Виноградова (1876–1938) может представлять интерес для специалистов по истории различных научных дисциплин — археографии, этнографии, фольклористики, истории языка и литературы, музейного дела, краеведения. Он был блестящим исследователем-универсалом. Тем не менее, его судьба совсем не укладывается в классическую схему академической биографии.

Между тем начало его жизни не предвещало ничего необычного. 10 октября (по другим данным — 10 ноября) 1876 г. в семье Николая Ивановича Виноградова, священника Троицкой церкви с. Чмутово Галичского у. Костромской губ. родился первенец, Николай¹. Не прошло и двух лет, как семья переехала в Сельцо за Воржею, где о. Николая назначили настоятелем Никольского храма. Там он и служил до самой своей смерти в 1919 г.

Старший сын поступил сначала в Костромское духовное училище, в 1890–1897 гг. учился в Костромской духовной семинарии, но продолжить учебу пока не мог, хотя и сана не принял. Он стал учителем Семиловской церковно-приходской школы Костромского уезда. В деле, заведенном на него ОГПУ в 1925 г., с его слов записано: «я работал в различных литературных изданиях и пр. — с 1891–1899 гг. — “Костр[омской] листок” Андронниковой — сотрудником и в летние месяцы секретарем редакции»².

Позже Н.Н. Виноградов не раз продемонстрирует редкую способность — едва взявшись за новое для себя дело, проникать в логику его развития, угадывать наиболее перспективное направление и основательно разрабатывать его в самый короткий срок, совмещая при этом интерес к самым разнообразным предметам. Так, в конце 1890 — начале 1900-х годов изучение теории и практики начальной школы уживаются с работами по истории пчеловодства, появляются первые публикации по диалектологии, он становится членом Костромской губернской ученой архивной комиссии, и в протоколах заседаний начинают регулярно появляться сообщения о предметах, переданных им в Романовский музей.

Ему явно становилось тесно на приходе. Интерес к коллекционированию и исследовательской работе быстро перерос рамки любительства, появились связи в Петербурге, и в 1903 г. молодой исследователь уже в столице. Он выполняет работы по комплектованию этнографических коллекций Музея им. Александра III, дирекция которого ходатайствует о разрешении ему поступать университет вопреки ограничениям, установленным законом для выпускников духовных семинарий.

С осени 1903 г. Н.Н. Виноградов увлек академика А.А. Шахматова идеей издания «Словаря Костромской губернии»³, еще до поступления в университет (в 1905 г.), начал готовить под его руководством работы по диалектологии

и публиковать их в «Известиях» Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Уже студентом, не оставляя службы в музее, Н.Н. Виноградов, благодаря высокому покровительству, стал секретарем отделения этнографии Русского географического общества и редактором журнала «Живая старина», действительным членом многих научных обществ.

Круг его интересов и здесь удивляет широтой: публикации сатиры XVIII в. и текстов народной драмы «Царь Максимилиан»⁴, участие в составлении академических словарей, исследования о биографии А.Ф. Писемского и родословной М.Ю. Лермонтова, алфавитный указатель к «Живой старине» и множество мелких заметок и ядовитых рецензий.

Он участвует в подготовке Областного археологического съезда, прошедшего в Костроме в 1909 г., и одновременно готовит новый устав Архивных комиссий: «Вчера было заседание по выработке нового устава для Архивн[ых] Комм[иссий], — пишет он отцу, — где я заседал вместе с Товарищем Министра Вн[утренних] дел, двумя членами Государственного Совета, Директором Археологического Института и Директором Педагогического Института. Сколь сия картина удивительна! Я и пять генералов! Три деревни, два села, восемь девок, один я!!!»⁵.

На этом фоне досадной случайностью кажется происшествие на одном из заседаний в этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, когда на упрек в «рукотворности» некоторых частушек он ответил «Разве я не народ?»

Тем не менее, случайностью это не было. Казусы эти не выходили на страницы научных журналов, зато передавались «из уст в уста» в научных кругах. Большинство из этих скандальных историй канули в лету, но следы одной из них, послужившей причиной исключения из университета, сохранились в архиве А.А. Шахматова и архиве Музея этнографии в Петербурге⁶. В 1909 г. на выставке этнографических коллекций в университете в составе частного собрания Н.Н. Виноградова были опознаны предметы из фондов Музея им. Александра III, сотрудником которого он был. Если бы не покровительство Шахматова, которого удалось убедить, что вещи были взяты из фондов «на время», с последующим возвращением, что вся коллекция костромича будет передана музею, — научная карьера была бы закончена. Пока же, отучившись семь семестров, пришлось пожертвовать университетом. Оставалась журналистика, секретарство в РГО, продолжали появляться его статьи в научных изданиях.

Оставить Петербург, по словам Н.Н. Виноградова, пришлось в 1911 г., когда во время случайного обыска у него на квартире были обнаружены прокламации, которые он «собирал с целью доставления в Академию Наук Шахматову Алексею Александровичу к истории Рев. Движения (...) После допроса по означенному обыску Ж.У. предложило мне выехать из Ленинграда на родину, срока даже не было»⁷. Тем не менее, в число служителей канцелярии костромского губернатора он был определен 16.1X 1910 г.⁸, а это позволяет усомниться в реальности происшествия с листовками: скорее всего он уехал сразу, как только понял, что путь в университет для него закрыт.

Произошла ли история с прокламациями на самом деле, или была сочинена при поступлении на службу, — в любом из этих случаев кажется удивительным стремительное восхождение недавнего студента по служебной лестнице.

При поступлении в канцелярию на него возлагаются обязанности старшего помощника правителя канцелярии губернатора, сначала временно, а с февраля 1911 г. — постоянно, при том, что чин коллежского регистратора был ему пожалован лишь в сентябре 1912 г.

Объяснить это можно, лишь имея в виду, что «в Костроме тогда был “единственный в своем роде” либеральный губернатор — инженер Шиловский (...) который, получив вскоре чистую отставку, опубликовал нашумевшее тогда в газетах письмо в том смысле, что “порядочному человеку в России нельзя быть губернатором”»⁹.

В обязанности Н.Н. Виноградова входил выпуск (а чаще всего и сочинение) многочисленных популярных изданий, завершившийся монументальным описанием пребывания царской семьи на Костромской земле, а также многие работы по созданию Романовского музея Архивной комиссии. В этом качестве он собирает материалы по истории «коробовских белопащцев», потомков Ивана Сусанина, и публикует весьма сомнительное предание о народном герое.

Первая мировая война застала Н.Н. Виноградова в должности чиновника по особым поручениям при костромском губернаторе. Не ужившись с очередным своим начальником, в 1916 г. он уехал заканчивать образование в Москву, в университет, но диплом, кажется, так и не получил. В 1919 г. умер отец, — по преданию, по дороге с допроса в ЧК. По просьбе прихожан Н.Н. Виноградов принимает сан и занимает родительское место настоятеля Никольского храма в Сельце за Воржею¹⁰, зовет к себе А.А. Шахматова из голодного Петрограда: «Вероятно, у Вас в СПб жить оч[ень] плохо, приезжайте к нам в село. Будете читать лекции в Костромском Университете»¹¹. Продолжает публиковать свои работы в академических изданиях — и одновременно, не оставляя прихода, служит в Губполитпросвете.

Помнящие его прихожане в один голос утверждают: очень верующий, хороший был человек. Тем не менее — в середине 1920-х годов он сложил с себя сан, как говорят, сдал крест на «Доброхим», ушел в редакцию газеты губкома РКПб — «Красный мир», стал сотрудничать с Истпартобделом. При обыске у него нашли материалы из собрания Истпарта, пытались обвинить по политической статье, но со всей очевидностью удалось доказать только многочисленные кражи из государственных музейных и архивных собраний.

В этой связи к экспертизе изъятых у него вещей и были привлечены два члена Костромского научного общества по изучению местного края: его председатель Василий Иванович Смирнов (1882–1941) и член правления, архивист Евгений Федорович Дюбюк (1876–1942). Впечатление от увиденного и стало причиной написания письма.

Адресат письма — Алексей Александрович Апушкин (1877–1938). Ученый-лесовод, в 1914–1918 гг. он возглавлял Костромское научное общество по изучению местного края. В 1918 г. его перевели по службе в Москву, но, судя по переписке с В.И. Смирновым, сохранившейся в ОПИ ГИМ, он некоторое время поддерживал отношения с Костромой, интересовался делами Общества, собирал материал для биобиблиографического словаря костромичей.

А.А. Апушкин хорошо знал Н.Н. Виноградова, и в ответ В.И. Смирнову написал 21 ноября 1926 г.: «...надо сказать, что, несмотря на ярко обрисованный Вами его образ, все же я бы сказал, что личность его остается

загадочной. Я думаю, ни психолог, ни психиатр не разгадают его поступков и побуждений. С одной стороны он талантливый человек и с другой порядочный. Поскольку я считаю его преступным и беспринципным, постольку я и близко не хочу подходить, и тем более пользоваться его литературными материалами».

Протокол Особого совещания при коллегии ОГПУ от 9.1У. 1926 г. содержал постановление: «заключить в концлагерь, сроком на ТРИ года»¹². Н.Н. Виноградов был отправлен на Соловки. Участвовал в работе Соловецкого общества краеведения, а после досрочного освобождения стал его ученым секретарем. Спас многих представителей интеллигенции, предоставив им работу в СОК. Это спасало от непосильной работы на дальних командировках, позволяло сохранить себя как личности. А помогал ему в этом молодой заключенный Д.С. Лихачев, посвятивший Н.Н. Виноградову в своих воспоминаниях несколько строк.

Предвидя окончательную ликвидацию краеведческого общества, Н.Н. Виноградов уехал в Петрозаводск, стал одним из основателей Карельской Академии наук. В 1937 г. последовал новый арест, а 8 января 1938 г. эта бурная жизнь оборвалась.

Репутация — слово, практически вышедшее из обихода. Между тем репутация исследователя существенно влияет не только на восприятие его трудов, но и на доверие к публикациям источников, им подготовленным. Строить исследование на сомнительных источниках — все равно, что, используя евангельское сравнение, строить дом на песке.

Письмо В.И. Смирнова А.А. Апушкину. Кострома, 1926, 8 ноября.

Государственный архив Костромской области. Ф. р-550. Оп. 1. Д.1 10. Л.л. 1–5 об.

Черновик. Машинопись с правкой (автограф). Текст приведен в соответствие с современными правилами правописания.

Дорогой Алексей Александрович.

Позволю себе занять Ваше внимание историей одного нашего современника, может быть, более подробной, нежели следовало бы.

На днях мне пришлось участвовать в довольно-таки грязном дельце — в качестве консультанта присутствовать при отобрании книг и рукописей по распоряжению ГПУ из собрания Н.Н. Виноградова¹³. Для меня несколько отчётливее выяснилась эта любопытная фигура, но не настолько рельефно, чтобы не осталось более никаких вопросов.

Видите ли — каждый человек, думается мне, представляет из себя порядочное месиво добродетелей и пороков, а потому огульные характеристики вроде — этот подлец, а тот хорошим человек, — редко бывают справедливы. Фигура Н.Н. так же крыта не одними черными тонами. История с Ламанским¹⁴, с божком из собрания архивной комиссии, с Яновичем¹⁵, с собраниями архива кн. Тенишева¹⁶ и т. д., его собственное признание, что он не чист на руку — «я не могу не украсть», говорил он, указывая при этом на Барсова¹⁷ и Шляпкина¹⁸, не очень-то чисто плотно составивших свои собрания книг и рукописей.

Всё это хорошо известно. Но как-то мало обращается внимание на то, что в основе этой kleptomании лежит отчасти благородная страсть коллекционирования.

Совершенно недопустима мысль, чтобы он собирал эти и другие материалы для продажи, скажем, или наживы. Для меня ясно, что он скорее бы расстался с последними штанами, нежели с дублетом какой-нибудь благоприобретенной им книги.

Его беспринципность в общественном смысле так же очевидна. Учёный, оставленный при кафедре Университета, секретарь почтенного журнала «Живая старина», член Рус[ского] Географич[еского] Об[ществ]а, сильно потом подмочивший свою репутацию, так как не мог не положить охулки на руку, чиновник особых поручений при губернаторе, сотрудник редакции «Русское Слово», священник, едва не расстрелянный красными во время Саметского восстания¹⁹, позднее снявший рясу и пожертвовавший крест свой на «Доброхим»²⁰, сотрудник редакции органа РКП — «Северная правда» и «Истпарта»²¹, ссыльный на 5 лет на Соловецкие острова²². Он далеко ещё не закончил свою бурную карьеру. Недавно в Ленинграде мне попался в руки журнал «Соловецкие острова» №7, в котором я прочёл статью «Железные изделия Соловецкого монастыря» Н. Виноградова. Жив курилка! Он занимается здесь в музее, занимается по призванию любимым своим делом — краеведением, которому посвятил в своё время очень много сил. Для меня совершенно ясно, что музей, архив и б[ibliote]ку краеведческую он сумеет здесь обокрасть в лучшем виде, как это сделал с архивом и б[ibliote]кой б[ывшей] Архивной комиссии в Костроме. Между прочим, начальник острова Заведующий ГПУ расположен к краеведению и покровительствует краеведам²³. Всякие бывают краеведы! А так как Н.Н. ведет там антирелигиозную пропаганду, и полагаю — не без успеха, как бывший семинарист и священник — он пользуется особыми привилегиями. Одним словом, он не тонет при любых обстоятельствах жизни.

Несколько слов о его литературных работах. Он умеет хорошо, толково писать. Эрудиция богатая, метод работы правильный. Его области интересов широки: история, этнография, библиография, история древней и новой рус[ской] литературы, народная словесность и т. п.

Его перо не чуждо беллетристики: будучи семинаристом он помещал свои стихи в «К[остромских] Епарх[иальных] Ведомостях», позднее, помнится, в «Поволжском Вестнике» печатались во время рус[ско]-герм[анской] войны его патриотические частушки за подписью Н. Селецкий; в «Сев[ерной] Правде» ещё позднее — агитационные и комсомольские частушки. Отдельным изданием вышли его агит-пьесы, к одной из которых он приложил собственный авторский портрет («Курица птица и баба человек»²⁴). Владея пером, которое могло бы иметь лучшее применение, он брался за такие вещи, как описание празднования 300-летия Дома Романовых в Костроме, большое дорогое с массой иллюстраций издание. И если он не описал такого же торжественного въезда Ленина в Кострому, так только потому, что последнему не пришлось этого сделать.

Его историко-литературные работы весьма высоко ценил акад[емик] Шахматов²⁵, устраивавший статьи Н.Н. в «Известиях 2-го Отд[еления] Академии Наук», и это после того, как Н.Н. потерпел на научном поприще кораблекрушение: был исключен из действ[ительных] членов Р[усского] Геогр[афического] Об[ществ]а, отставлен от Унив[ерсите]та, когда, казалось, его учёная карьера раз навсегда закончилась. Но и тут в одной из самых крупных своих работ

«Царь Максимилиан»²⁶ он напечатал вариант драмы (костромской, самый похабный), в подлинности которого некоторые исследователи сильно сомневаются. Конечно, доказать подлинность текста трудно, так как подлинник этого текста «представляет собственность автора и хранится в его собрании». Но это не единственный подозрительный случай в отношении добросовестности его работ. Б.М. Соколов²⁷ как-то мне рассказывал однажды: после доклада Н.Н. в этнографической комиссии О[бщества] Л[юбителей] Е[стествознания] А[нтропологии и] Э[тнографии] о частушках, его поприжали, указывая, что некоторое из частушек его доклада не народные, а сочинены им; он и не отрицал этого, а возразил будто бы такими словами: «Разве я не народ?» Сомнительна весьма подлинность песни о спасении царя М.Ф. Романова Сусаниным, несколько раз перепечатанная им в разных изданиях, равно как и подлинность «сказания» о том же, записанная будто бы им где-то в Буйском у²⁸. Возникает подозрение на счет некоторых текстов заговоров, напечатанных им²⁹, из которых одни, б[ыть] м[ожет], тронуты его редакторской рукой, другие составлены им, потому что он — народ. По крайней мере, в отношении нескольких записанных им текстов заговоров эти сомнения особенно настойчиво возникают, так как он не может указать точно, где и от кого они записаны — «ветер случайно разнес листочки записной моей книжки», — примерно такими словами оправдывает он отсутствие точного указания. Между тем, Н.Н. знает хорошо, насколько подобного рода штуки понижают ценность работ. В свое время он шибко разделал Ончукова³⁰ за изданные им с редакторскими поправками сказки в Жур[нале] Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения] в какой-то рецензии, точно не помню сейчас, он не преминул уколоть В.А. Андроникова³¹ подобным же сомнением по адресу песен, изданных последним.

При всем этом у него есть отличные работы, напр[имер], «Галевонские алеманы»³², «Послеконечное “ы”»³³, «шунгенские говоры»³⁴, «почему чухломичи акают»³⁵, и ряд очерков о Потехине, Писемском³⁶ и т. д. — все это работы, касающиеся Костромского края. Я не знаком с его большой работой о «Париже и Вене»³⁷, напечатанной также в «Изв[естиях] 2-го Отд[еления] Ак[адемии] Наук».

Трудно понять, как все это укладывается в одном человеке. Может быть, причиной нечистоплотности, помимо общих недомоганий его в этом отношении, является и то обстоятельство, что он необыкновенно славолюбив. У него потребность везде быть первым, везде играть роль, отличиться. И.А. Рязановский³⁸, близко его знающий, говорил как-то, что «достаточно Николе Виноградову узнать, что Вы интересуетесь таким-то вопросом или коллекционируете в таком-то направлении, как он, не медля, устремляется сюда же, стараясь во что бы то ни стало приобрести побольше материалов и затмить Вас окончательно». Он не терпит около себя славы и искренно ненавидит Е.Ф. Дюбука³⁹, хотя не за одно это, а также, вероятно, и за то, что тот не допускал его к архиву.

Можно было бы еще отметить несколько слабостей Н.Н., если бы всё это не казалось желанием вылить на него побольше помой, выставить себя не в пример ему в лучшем свете — смотрите, мол, вот они какие бывают грешники и мытари. Но я не могу удержаться, чтобы не живописать этот образ полностью. Мне известны его нетоварищеские поступки. И еще: в эротомании он не имеет соперников. Сальный анекдот, скабрзная частушка не покидают его, но это же отражается и в его печатных статьях, в которых остроумие его

в этом направлении не редко можно встретить. Будучи чиновником особых поручений, он издавал для внутреннего употребления канцелярии совершенно непристойный журнал. Я видел собранный им объемистый словарь народных похабных слов, добросовестно обработанных в смысле требований, предъявляемых к изданиям народных словарей.

Казалось бы, что Н.Н. совершенно морально потерянный человек. Однако вот что я услышал последний раз в сельце Никольском. В голодное время Н.Н. много раздавал хлеба, «ссудный был человек», — говорила про него прислуга. «Жил в книгу, а сам в сапожонках без подметок бегал». С большим чувством сожаления и подъёмом бабы рассказывали о пережитых им несчастьях. Во время Саметского восстания Н.Н. приставили к стенке церковной ограды, даже стреляли, но оказалось — холостыми зарядами. Четыре или 5 дней его продержали вместе с другими заложниками в темной кладовой, где он всех исповедовал, готовясь к смерти⁴⁰. В это время старая прислуга его отца, жившая в доме, обворовала его; жена уехала с каким-то солдатом и жила с ним неделю в Оганине. Тащила всё из дома, «гуляла». Так по крайнее мере рассказывают. Вообще с женой (внукой фабриканта Сосипатра Сидорова⁴¹) жил он плохо, «был неприветлив», «по другим шатался». Она ушла от него. Для него, тогда священника, это должно было явиться большим несчастьем. Семейный позор — брат Борис — шалопай, вор, по профессии хлебопёк: «ночь пеку, день кучу». Ходит рваным. Зато, когда продал свою долю в отцовском доме брату, приехал в село «нарядный, в желтых сапогах» и все-таки не преминул обокрасть брата, утащивши у него отцовскую рясу, чемодан, юбку жены и т. д. В деревне, где Н. Н-чу «был почет», все это было известно, конфузило батюшку.

Так вот: когда происходила процедура отбора книг и рукописей, во мне боролись самые разнообразные чувства. Мне казалось, как будто я обирую человека. Мне представлялась вся боль нового удара для него, собирателя этих сокровищ, и я по временам не мог взглянуть в глаза этим женщинам, которые сокрушенно вздыхали, считая всех нас, в том числе и меня, виновниками этой истории и даже ссылки, для которых, может быть, добро Н.Н. было не просто хозяйское добро, но и их имущество. У меня уже не поднялась рука на горшочек керченской керамики, можно думать, из костромской музейной коллекции, на глиняные игрушки, на старый фарфор, хотя все остальные музейные его собрания прошлым летом при таких же обстоятельствах переданы в наш музей. Прислуга Н.Н. так и сказала: «сослали его из-за Музея». И я думаю, что такую версию причины ссылки, как наиболее простую, мог пустить в оборот сам Н.Н. Обстоятельства первого отбора были таковы. Вызывают меня в ГПУ как-то. Думаю — очередной допрос! «Мы хотим, — говорят, — показать вам музей...» Открывают комнату — на полу лежат бисера, старинные одежды, рукописи, книги и т. д.⁴² Я сразу узнал это собрание, и первая рукопись, которую я взял в руки, была «Краткое историческое описание г. Костромы» Сумарокова из Богоявленского монастыря, рукопись, о которой я знал, что она у него, что он решительно отвергал⁴³. Далее под руку попались книги Архивной Комиссии. Мне предложили тогда быть консультантом на предмет определения, из какого архива или библиотеки — архивные материалы и книги его собрания в с[еле] Сельце — Никольском. Вместе с Е.Ф. Дюбюком мы были там и претерпели уж раз эту муку⁴⁴. Причем тогда оказалось до 800 книг и много архивных материа-

лов и рукописей, частью, несомненно, выкраденных, частью в этом отношении возбуждавших наши сомнения. По сообщению агента ГПУ, сопровождавшего нас в этой экспедиции, Н.Н. будто признался на 75% в том, что из представленного материала, действительно, таковая часть была им «благоприобретена».

Меня неотступно теперь мучает мысль, — не происходило ли при допросе дело так, что, когда он запырлся, ему просто и определенно говорили: «а музей (или имярек) говорит вот так». У Н.Н., конечно, могло создаться очень преудбежденное на счет меня мнение.

И теперь для меня неясно, — рассматриваем ли мы это собрание как переданное нам, или смотрим, как на временно переданное. Когда во время Саметского восстания в 1919 (или 1920 году) к нам в Музей привезли целый грузовой автомобиль его книг из Сельца, мы возвратили их ему за исключением книг из библиотеки быв[шей] Архивной Комиссии и бумаг из различных архивохранилищ. В настоящее время он не лишен права владения, и через 5 лет будет домогаться получить все, по крайней мере, несомненно ему принадлежащее. И, если будет приказ из таких же высоких сфер, которые предложили нам в данном случае принять эти материалы (подобного рода истории в практике музея были), мы, разумеется, отдадим, за известным исключением. А в настоящее время как быть с его личными рукописями, можно ли пользоваться ими без согласия автора?..

Все это протяженно-сложенное письмо, с множеством фактов, которые почти все Вам известны, ведет к последнему неразрешенному мною вопросу, как быть с его материалами по био-библиографическому словарю. Можно было бы решить вопрос так — черт с ними, с его материалами, можно обойтись и без них, зато не придется ковыряться в грязи, но дело такого рода: эти материалы представляют из себя не только рукописные заметки, и даже в оч[ень] незначительной степени, по крайней мере, — насколько я успел убедиться в этом, мельком взглянув на часть материалов, и вырезки из газет, но главным образом — выданные из книг листы и портреты. Кто бы ни был на моем месте, самый мягкотелый человек задумается — возвращать ли ему эти материалы, как и материалы по ист[ории] г. Костромы, представляющие из себя папку исключительно выданных из книг листов (м[ежду] пр[очим], я узнал листы из одной книги б[иблиоте]ки б[ывшей] 1-й гимназии). Вообще его отношение к книге, несмотря на то, что он библиоман, у которого можно встретить по 15, по 40 экз[емпляров] одной книги, возмутительное: небрежно скомканные, брошенные, драные. Мне кажется, что в то же время он не любил книгу. Обыски, отборы (и все же там осталось еще пудов на 70 кн[иг]), небрежность прислуги, перетаскивавшей книги туда и сюда, создали кашу, но и в мирное время это все было в небрежном состоянии.

И это еще вопрос — что для Вас копировать. Многое у вас есть, Вам не нужно. Я полагаю, — это Вы могли бы решить, только посмотревши материалы, что легко сделать, выехавши в субботу вечером и в воскресенье вечером уехав отсюда, — то теряете воскресный день. Приезжайте-ка, потолкуем.

О выезде предупредите, п[отому] ч[то] буду уезжать тут на разные съезды в Ярославль, Вятку и т. д.

Будьте здоровы

Вас. Смирнов

8/XI 26.

¹ Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. 130. Оп. 10. Д. 1088; Ф. 432. Оп. 1. Д. 3701. Л. 3 об.—4; Костромской объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее — КИАХМЗ). КОК 4346.

² Государственный архив Новейшей истории Костромской области (далее — ГАНИКО). Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413. С. Л. 4—5.

³ Архив СПб филиала РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 279. Л. 1.

⁴ История о Париже и Вене. Переводная повесть в стихах Петровского времени / Подгот. к изд. Н.Н. Виноградов. СПб.: тип. ИАН, 1913; *Виноградов Н.Н.* Народная драма Царь Максимилиан. — СПб.: тип. ИАН, 1914.

⁵ КИАХМЗ. КОК 42005.

⁶ Архив Гос. музея этнографии (далее — ГМЭ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 70.

⁷ ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2415-С. Л. 5 об.

⁸ ГАКО. Ф. 130. Оп. 10. Д. 1088.

⁹ Воля народа (Кострома). 1917. 18 окт., № 92.

¹⁰ КИАХМЗ, н/в 13376.

¹¹ Архив СПб филиала РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 279. Л. 37.

¹² ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2415-С. Л. 60.

¹³ ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413-С. Т. 2.

¹⁴ **Ламанский Владимир Иванович** (1833—1914) славяновед, академик, сотрудник этнографического отделения Русского географического общества, основатель и редактор журнала «Живая старина».

¹⁵ **Янович Даниил Тимофеевич** (1879—1940) ученый-этнограф, ученик Д. Анучина, профессор. Ученый секретарь Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК РСФСР. Этнографические коллекции, собранные Яновичем, хранятся в фондах Музея этнографии, Кунсткамеры (Санкт-Петербург). Сотрудник этнографического отдела Русского музея императора Александра III. В апреле 1909 г. опознал в коллекции Н.Н. Виноградова, представленной на выставке кружка этнографов в залах императорской Академии наук, собранные им для музея предметы. История стала причиной исключения Н.Н. Виноградова из университета. См.: Архив ГМЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 70. Л. 6.

¹⁶ **Тенишев Вячеслав Николаевич** (1843—1903) князь, этнограф. В 1898 г. создал Этнографическое бюро в Санкт-Петербурге, в архиве которого были собраны уникальные материалы.

¹⁷ **Барсов Елпидифор Васильевич** (1836—1917) — историк, секретарь Общества истории и древностей российских, собиратель и исследователь фольклора и памятников древней письменности.

¹⁸ **Шляпкин Илья Александрович** (1858—1918) — историк литературы, археограф, чл.-корр. Академии наук, собиратель документов по истории России и русской литературы.

¹⁹ Восстание «зеленых» — крестьян, уклонявшихся от призыва в Красную армию, в селе Саметь Костромского уезда произошло летом 1919 г. и было жестоко подавлено. В связи с эти Н.Н. Виноградов был арестован и допрошен 11 июля 1919 г. — ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413-С. Т. 1. Л. 2—2 об. О саметском восстании см.: М.А. Лапшина. Гражданская война в Костромской губернии (1918—1919 гг.) // Костромская земля. Вып. 4. Кострома, 1999. С. 207—209.

²⁰ Доброхим, в 1924—1925 гг. — Авиахим, с 1927 — Осоавиахим, предшественник Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ).

²¹ Истпарт — Истпартоотдел ЦК РКП б, комиссия по истории партии (1920—1928). В Костроме имелось ее отделение.

²² Соловецкие острова — Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН) был организован в 1923, в 1931 г. на его базе был создан Беломоро-Балтийский исправительный трудовой лагерь. В 1933 г. СЛОН был окончательно расформирован и передан в ведение Беломоро-Балтийского ИТЛ. В 1936—39 гг. название лагеря обозначалось аббревиатурой СТОН.

²³ С момента организации и, с перерывами, до мая 1930 г. начальником лагеря был А.П. Ногтев, способствовавший созданию Соловецкого общества краеведения (СОК). Выходили Труды Соловецкого общества краеведения. Подробнее см.: Десталинизация сознания. Соловки, 1989. Среди высоких покровителей Н.Н. Виноградова Д.С. Лихачев называет председателя СОК Эйхманса.

²⁴ *Виноградов Н.Н.* И курица — птица, и баба — человек: Комедия-агитка в 2-х д. для деревенского театра. Кострома, 1925. 32 с.

²⁵ **Шахматов Алексей Александрович** (1864—1920) — академик, историк, языковед.

²⁶ *Виноградов Н.Н.* Материалы по Истории, Археологии, Этнографии и Статистике Костромской губернии. Вып. IV: Народная драма Царь Максимилиан: Три варианта, записанных в Костромской губернии. Кострома, 1914; *Он же.* Царь Максимилиан и его непокорный сын Одольф: Старый текст и несколько слов по поводу текста // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук (далее — ОРЯС РАН). 1905. Т. X. Кн. 2. С. 301–338; *Он же.* Народная драма царь Максимилиан: тексты, собран. и приг. автором // Сборник ОРЯС РАН. 1917. Т. XC. № 7. С. II, 1–188.

²⁷ **Соколов Борис Матвеевич** (1889–1930) — фольклорист, этнограф, историк литературы, профессор Московского университета.

²⁸ *Виноградов Н.Н.* Сказание о спасении от поляков Михаила Феодоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина // Костромская старина / КГУАК. Вып. 7. Кострома, 1911. С. 117–124; *Она же.* Народные сказания о Михаиле Феодоровиче Романове. Отчего захудал город Буй // Костромская Старина и Новизна: Бесплатное приложение к газете «Поволжский Вестник». № 2. 1914, Май. С. 7–8; № 3. С. 7–10.

²⁹ *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.: По старинным рукописям и современным записям. Посвящается четвертому Областному Археологическому съезду в г. Костроме. — СПб., 1909 (Отд. отт. из журнала: Живая Старина. 1908. Вып. 1–4).

³⁰ **Ончуков Николай Евгеньевич** (1872–1941) — исследователь и собиратель фольклора на Урале, в Сибири, в Архангельской обл., и Олонецкой губернии.

³¹ Вероятно, имеются в виду: *Андроников В.А.* Народные песни, сказания и легенды Махловской волости, Юрьевецкого уезда, Костромской губернии // Костромская старина / КГУАК. — Вып. 7. — Кострома, 1911. С. 35260 и др. публикации Владимира Алексеевича Андронникова (1874–1961), краеведа, этнографа и фольклориста.

³² *Виноградов Н.Н.* Галивонские Алеманы: условный язык Галичан (Костромской губернии) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук (далее — ОРЯС ИАН). 1915. Т. XX. Кн. 1. С. 209–260.

³³ *Виноградов Н.Н.* Послеконечное «ы» в народном говоре Шунгенской вол., Костромского уезда. Пг., 1917. (Отд. отт. из: Известия ОРЯС РАН. 1917. Т. XXII. Кн. 2).

³⁴ *Виноградов Н.Н.* О народном говоре Шунгенской волости. Ч. 1: Фонетика. СПб., 1904 (Отд. отт. из: Сборник ОРЯС ИАН. Т. LXXVII. № 8).

³⁵ *Виноградов Н.Н.* Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. Пг., 1918 (Отд. отт. из: Известия ОРЯС РАН. 1917. Т. XXII. Кн. 2).

³⁶ *Виноградов Н.Н.* Мелочи для библиографии А.Ф. Писемского и А.А. Потехина // Известия ОРЯС ИАН 1908. Т. XIII. Кн. 3. С. 322–327; *Его же.* Алексей Феофилактович Писемский: Материалы для его биографии и выяснения процесса творчества // Известия ОРЯС ИАН. 1916. Т. XXI. Кн. 2. С. 123–151.

³⁷ *Виноградов Н.Н.* История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени // Сборник ОРЯС РАН. Т. 90. 1917. С. I–VII, 1–329.

³⁸ Рязановский Иван Александрович (1869–1927) искусствовед, архивист, один из создателей Романовского музея Костромской ученой архивной комиссии.

³⁹ Дюбюк Евгений Федорович (1876–1942) — статистик, архивист, поэт, экономист, краевед.

⁴⁰ ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 1. Л. 2–2 об.

⁴¹ Сидоров Сосипатр Дмитриевич — владелец текстильной фабрики в с. Яковлевском Нерехтского у. Костромской губернии.

⁴² См. список предметов, изъятых при обыске: ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 2. Л. 12–14.

⁴³ ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 2. Л. 34: «В ГПУ. Правление Костромского Научного Об[щест]ва просит временно предоставить рукопись бывш[его] Богоявленского монастыря, находящуюся в настоящее время в ГПУ «История г. Костромы» для снятия копии. Председатель Вас. Смирнов. Секретарь Е. Слободская». Л. 34 об. — расписка Ф.А. Рязановского о том, что он принял рукопись. Копия, сделанная В.И. Смирновым, хранится в архиве Государственного музея этнографии (Ф. 2. Оп. 2. Д. 78).

⁴⁴ ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413–С. Т. 2. Л. 17–20 об.

Ю.Э. Шустова

**«ОПИСЬ МУЗЕЯ СТАВРОПИГИЙСКОГО ИНСТИТУТА ВО ЛЬВОВЕ»
И.С. СВЕНЦИЦКОГО КАК ПЕРВЫЙ ОПЫТ
КОМПЛЕКСНОГО ОПИСАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ
СОБРАНИЯ ЛЬВОВСКОГО СТАВРОПИГИОНА**

Музей Ставропигийского Института во Львове был создан после проведенной в 1888–1889 г. археологическо-библиографической выставки, организацию которой инициировал сеньор Ставропигийского института, профессор Львовского университета, историк И.И. Шараневич. Экспозиция развернулась в 10 залах. Над входом была помещена надпись-девиз выставки: «Соберите избытки укрух, да не погибнет ничтоже (Иоанн. VI: 12)». Было выставлено свыше 700 предметов изобразительного искусства (ткани, гобелены, тунки, иконы, начиная с XV в., портреты членов и благодетелей Львовского братства XVII–XVIII в., лампы, подсвечники, церковная утварь, колокола); 57 рукописей XII–XVIII вв.; 180 старопечатных книг и почти 500 документов из архива братства¹. Особо ценные предметы были размещены в 14 отдельных витринах. Устройством библиографической части выставки занялся почетный член Ставропигийского института А.С. Петрушевич, который представил на выставку книги из своего собрания². Библиографическая часть выставки была размещена в 14 стеклянных витринах, а архивные документы — в трех витринах и шести медных коробках³.

К открытию выставки были изданы каталог предметов изобразительного искусства на русском и польском языках, в создании которого принимали участие лучшие ученые археологи и искусствоведы, а также каталог книг, составленный А.С. Петрушевичем⁴.

Каталог А.С. Петрушевича содержит описание экспонировавшихся на выставке рукописей и печатных книг. В разделе «Церковно-славянские рукописи»⁵ представлено описание 47 рукописей XII–XVIII вв.; 9 факсимильных изданий рукописей XI–XIII вв., в том числе Остромирово Евангелие 1056–1057 г., Изборник Святослава 1073 г., Галичское Четвероевангелие 1143 г., Холмское Евангелие XIII в., 1 грамота XVIII в. (Устав Саноцкого младшего братства) и печатное издание (Анамнисис. Львов: Тип. братства, 1695). Важным в каталоге Петрушевича является то, что почти по всем позициям имеются указания, из какого собрания рукопись поступила на выставку. В разделе «Церковно-словенские старопечатные книги» имеется описание 183 изданий, представленных по алфавитно-топографическому и хронологическому принципам. Значительное число книг было выставлено из собрания Ставропигийского института и Онуфриевского монастыря⁶.

Выставка получила широкий резонанс, о ней писала не только вся львовская украинско- и польскоязычная пресса, но и краковские, и киевские издания. Она должна была проходить в течение трех месяцев, но так как за это время не все желающие смогли с ней ознакомиться, ее продлили еще на месяц⁷.

Выставка была открыта ежедневно, в том числе в выходные и праздники. Билеты были недорогими (20 крон), за исключением субботних дней, предназначенных для специалистов-профессионалов (40 крон). Для желающих посмотреть экспонаты поближе открывали витрины и шкафы, 5 студентов университета ежедневно следили за порядком на выставке. Всего выставку посетило около 2900 человек⁸.

Среди собрания рукописных книг музея были такие, как «Кристинопольский Апостол» (XII в., на пергамене, переписчик которого был знаком с кириллическим и глаголическим письмом⁹), Бучацкое Евангелие (XII в., пергамен), Послание Антиоха черноризца 1307 г. из Афона, грамоты князя Льва 1291 и 1301 гг., Четвероевангелие XV в., Печерский Патерик XV в., Стихарь XV в., Минеи и Кормчая книга и Номоканон XV в., Книга «Иоанна мниха Вишенского, от святых Афонских горы, в напоминание всех православных христиан» (XVII в.) и др. Среди старопечатных книг — Псалтирь Франциска Скорины (Прага, 1517), львовское издание «Апостола» Ивана Федорова (1574), первая печатная славяно-греческая грамматика «Адельфотис» (Львов, 1591), «Апокрисис» Христофора Филарета (Острог, 1598) и другие львовские, киевские, виленские, московские издания XVII–XVIII вв.

Среди экспонатов музея была Библия Острожского издания (1581), которая принадлежала настоятелю львовской Успенской церкви Василию Боярскому, человеку образованному, пользовавшимся большим авторитетом у членов братства, и была в его личной библиотеке, о чем свидетельствует запись: «Смежи книг Василия Боярского, священника. Року Божия 1599». Отец Василий подарил ее своему сыну: «Сия книга, глаголемая Библия словенская в вечную память отдана мне отцем моим Василием Боярским»¹⁰. Но сын священника рано умер и Василий Боярский передал эту книгу братству в память о нем, чтобы имя его сына было занесено в братский Помянник: «Дал за спасение свое отец Василий Боярский, настоятель нашей церкви, при погребе сына»¹¹. Впервые эта книга встречается в инвентаре библиотеки братства в 1619 г. Среди рукописей был уникальный сборник Михаила Гунашевского, включающий знаменитое полемическое произведение «Пересторогу», Львовскую летопись, медицинские рецепты, заметки по астрономии, апокрифические статьи¹².

После выставки предоставленные частными лицами экспонаты были возвращены владельцам, но многие обладатели ценных раритетов подарили их музею Ставропигийского института, большое число предметов было куплено специально для музея. Член Ставропигийского института Владислав Федорович подарил 400 гульденов на фотографирование экспонатов, Институт добавил еще 200 гульденов и были сделаны фотографии большинства наиболее ценных экспонатов, представленных на 60 картонах¹³, на каждом из которых помещались изображения нескольких или нескольких десятков предметов¹⁴, большинство из которых вернулись в частные собрания, и в музее экспонировались фотографии этих памятников старины. В том числе были представлены фотографии 29 рукописей¹⁵, 11 старопечатных изданий¹⁶ и 13 документов¹⁷ (грамоты XII–XVII вв., в т. ч. князя Льва Даниловича 1291 и 1301 гг., 4 грамоты — восточных патриархов, 4 — польских королей и 2 — московских царей¹⁸).

После закрытия археологическо-библиографической выставки экспозиция музея стала постоянно действующей. Музей состоял из трех отделов, которые

отражали издавна функционирующие структурные подразделения Львовского Ставропигиона. Первый отдел включал архив Львовского братства: собрание грамот, в том числе на пергамене, актов и делопроизводственных документов, общим числом 871 экспонат и 248 копий (в основном переводы греческих и других написанных на иностранных языках грамот, осуществленных членами Львовского братства или учениками братской школы). Не все документы из архива вошли в собрание музея, а только те, которые «имели историческую ценность» с точки зрения архивариуса и библиотекаря братства, занимавшихся систематизацией архива¹⁹. Второй отдел музейного собрания состоял из рукописных книг, всего было представлено 148 книги, а третий — из старопечатных книг общим числом 291 экспонат. Музейное собрание также включало предметы из сокровищницы Успенской церкви: предметы церковного обихода, одежду священнослужителей и иконы. Гордостью ставропигийского собрания была коллекция портретов членов и благодетелей Львовского братства XVII–XVIII вв. Кроме того, в музее были выставлены ценные собрания светских портретов, коллекции гербов, ковров, риз, нумизматические и археологические памятники, предметы декоративно-прикладного искусства, в т. ч. изделия из драгоценных металлов. Книги, выставляемые в музее, были частью библиотеки, которую Львовское братство собирало с конца XVI в.²⁰

В 1905–1909 г. И.С. Свенцицким и И. Кривецким²¹, были опубликованы обстоятельные описи Музея Ставропигийского института которые не утратили научной значимости и сегодня. Свенцицкий в предисловии к «Описанию Музея Ставропигийского института» отмечал, что этот музей является продолжателем древних братских традиций с одной стороны и сосредоточил в себе «известную часть культурно-национальной жизни Галицкой Руси», с другой²².

О составе музейного собрания в начала XX в. мы можем судить по обстоятельному описанию, составленному и опубликованному в 1908 г. И.С. Свенцицким. Его «Опись Музея Ставропигийского Института во Львове» состоит из восьми частей: описание рукописей (138 кириллических манускриптов и 10 — латиницей); печатных книг (291 издание); архива (248 документов); памятников живописи (203 иконы на доске, 26 — на холсте, 21 печатная гравюра, 61 произведение живописи мирского содержания, портреты и гербы, 45 фотографий и планов); тканей (103 предмета); резьбы по дереву, металлу и камню (всего — 96 изделий), медальонов и монет (103 предмета); предметов, найденных во время археологических раскопок (522). Эта структура полностью соответствует многообразию представленных в Музее памятников. Причем если памятники письменности (рукописи, печатные книги, архив) в большинстве своем — наследие, формировавшееся на протяжении всей истории Львовского Ставропигиона, то остальные собраны во многом стараниями И.И. Шараневича.

При описании рукописей И.И. Свенцицкий отмечал материал для письма (пергамен, бумага), фиксируя иногда качество бумаги (шероховатая бумага, неглаженная бумага, глаженная бумага) и качество чернил («бледными чернилами», «густыми чернилами, прожегшими местами строки»); тип письма («устав», «крупный красивый полуустав», «средний полуустав», «толстый полуустав», «красивый полуустав», «крупный тщательный полуустав», «мелкий полуустав», «кудрявый полуустав», «скорописью»), иногда отмечал особенности

почерка, характерные начертания отдельных букв; объем в листах; формат; филигранные, нередко указывая на номер соответствующего водяного знака по альбому Н.П. Лихачева; языковые особенности, указывая извод; в некоторых случаях раскрывал содержание книги. В основном рукописи Свенцицкий не датировал.

Он отмечал особенности художественного оформления (мотивы и цвета заставок, инициалов, миниатюры), например, «некрасивые заставки в три плохие краски» (№ 5); «неуклюжие заставки, начальные буквы сделаны тщательнее» (№ 6); «перед евангелиями изящно исполненные хорошими яркими красками изображения евангелистов Матфея и Луки; заставки и орнамент по полям из ветвей и цветов, начальные буквы обычного рисунка из сплетенных линий» (№ 10); «В начале евангелий изящные заставки и начальные буквы из перевитых линий; с цветочным орнаментом-рамою 15 л., цветочные заставки с птицами и змиями 92, птицами и виноградом 144 и 229; золото в орнаменте только 15 и 229 лл.» (№ 24); «Рукопись украшена несколькими изящными заставками» (№ 47); «в начале гласов заставки красками из кружков, отдельных или сплетенных; начальные буквы цветочным орнаментом» (№ 90).

Иногда давал описание переплета, чаще всего отмечая: «переплет — доски в коже», «в габлоте», более подробно: «доски в темный аксамит с металлическими украшениями (на 1-й доске: 5 звезд, дубовый венец, 2 наугольника, рама; на тыльной доске: 2 наугольника, 4 полушария, 2 застежки» (№ 31); «папка в красной коже с металлическими застежками» (№ 12); «доски в коже с золотыми тиснениями и массивными металлическими застежками» (№ 36); отмечал иногда степень сохранности или повреждения («в разбитом переплете», «немного порванный», «разбитый», «осталась только тыльная папка»).

Свенцицкий воспроизводил текст многих записей, часто отмечая их тип письма и датируя по палеографическим признакам. Иногда записи зафиксированы в унифицированном виде. Например, при описании Четвероевангелия (№ 7), написанного «крупным тщательным полууставом, русско-болгарским правописанием», он отмечает: «На 10 об. скорописная вкладная в Прислопскую церковь», а следующую датированную запись воспроизводит полностью: «Рок 1754 м(еся)ца септевриа дня 16 земля тряслася въ субботу вечер. А так же возы ривъной зели перевертася. Горци в пещу зводовъ. Албо где колек двере незкнути албо ворота Сами ся отворяли и заперали»²³; в описании Четвероевангелия (№ 25), написанного «четким полууставом, русско-болгарским правописанием» указано, что на л. 322 об. имеется «выходная летопись писца Григория диакона «1590 года м(еся)ца августа 19»»²⁴; в описании Четвероевангелия (№ 32), написанного крупным полууставом, русско-болгарским правописанием говорится: «Верхом 2—8 лл. полууставная вкладная Домитрия и его жены Марьты, купивших Евангелие “за 3 гривны и за полумерок жита до места до Круни ко храму с(вя)того Богоявления”»; из дальнейшей выходной записи осталось только начало, остальное пропало с листами»²⁵.

Иногда Свенцицкий сообщает некоторые обстоятельства бытования рукописей. Так, в описании Кристинопольского Апостола (№ 39) он отмечает, что рукопись описана и издана проф. Е. Калужняцким (*Actus epistolaeque aoiistorum palaeoslovenice*. Вена, 1896), но в публикацию не вошли многочисленные толкования на полях рукописи, написанные мелким уставом начала

XV в. Также Свенцицкий указывает, что 8 листов этого Апостола, приобретенные каноником А.С. Петрушевичем у вдовы Белёвской, находятся в библиотеке Киевского университета²⁶.

Описания старопечатных книг весьма неоднородны. Чаще всего дается унифицированное название книги. Не всегда указывается формат и объем издания. Иногда сообщается о посвящении или гербе, помещенных в начале изданий, факкультативно описание переплетов. Встречается указание на дефектность экземпляра. Редко приводится оценка сохранности книги («Экземпляр очень вытрепанный по нижним полям»²⁷, «Экз. очень обрезанный»²⁸, «Экз. прекрасной сохранности»²⁹ и т. п.). Свенцицкий воспроизводит записи, отмечая их тип письма.

При описании архивных документов И.И. Свенцицкий воспроизводит на языке оригинала (латинском, греческом, польском, славянском) имя, от кого исходит грамота (послание) или начало документа; дату; краткое содержание акта, письма или дела; отмечает сведения о публикации документа; часто указывает объем единицы хранения и наличие переводов; отмечено, на чем написан документ, — пергамене или бумаге.

Описание архива состоит из двух частей: «Грамоты, акты, оригинальные письма» (всего описан 871 документ) и «Копии» (248 позиций). Так, грамота антиохийского патриарха Иоакима³⁰ в первом разделе описана: «Іоакима патріарх. антїох. 1586 г. янв. 1. — учредительная грамота Успенскому братству. Monum. ст. 113³¹; греческий текст в Dipl. Stat. 3—5 ст.³² Габл. н-р 13»³³, и во втором: «Іоакїм тої патр. 1586 г. янв. 1. учредительная грамота Успенскому братству: 2 л. пол[ьский] перев[од] XVI в.; 2 л. лат[инский] пер[евод] кон. XVIII в.; соврем. списки»³⁴. Однако иногда наличие копий указывалось при описании документа и эти сведения имеются только в первом разделе. Так, при описании грамоты константинопольского патриарха Иеремии³⁵ указываются все сделанные с нее копии: «Іереїїоу патр. цареград. 1587 г. в ноябре — увещание епископу Гедону Балабану, чтобы не притеснял Братство. Monum. ст. 148³⁶. К подлиннику приложены 1 л. копии-перевода рус. и 3 л. польс. — все XVI в.»³⁷. В этом же разделе описываются и полученные выписки из гродских и земских актов. Так, при описании пергаменной грамоты польского короля Сигизмунда III³⁸, Свенцицкий указывает и наличие извлечения из гродских актов: «Sigismundi III. 1592. окт. 15 — подтверждение прав м-ря св. Онуфрия. Monum. 389 ст.³⁹ В габл. 11: выпис из городских актов на 2 л.»⁴⁰. Здесь же описаны и извлечения из Львовских земских актов, например: «Ex actis terrestr. leopol. 1772 апр. 24 — oblata решения кор. Станислава Августа 1771 г. нояб. 26 по делу спора Братства с Почаевской печатней. 8 л. с печ.»⁴¹.

В некоторых случаях фиксировались особенности удостоверительных подписей документов. Так, описывая письмо молдавского воеводы Василия с благодарностью братству за присланные типографские шрифты⁴², Свенцицкий отмечает, что «Текст по-польски, подпись по-славянски»⁴³. Иногда уточняет, чьи именно подписи имеются в документе, написанном от имени братства: «Bractwa Lwowskiego 1730 г. мая 30 — подорожная для беспошлинного провоза бумаги, киновари и большого паникадила (паука). 2 л. с печатью и подписями Ф. Папары и Якова Русяновича»⁴⁴.

При описании грамот Свенцицкий отмечал нетипичные внешние особенности. Это сведения о формате, внешнем виде вислых печатей. Так, при

описании грамоты александрийского патриарха Мелетия⁴⁵ особо отмечен формат: «Μελετίου τοῦ Αλεξ, πατρ. 1587 г. июля 24 — письмо львовскому Братству. Большой лист белой бумаги»⁴⁶. Чаще всего фиксируются особенности вислых печатей. Например, при грамоте польского короля Августа III⁴⁷: «Augusti III. 1735 г. ноября 26, подтвердительная грамота Успенскому братству. С большой печатью в жестянке без вешка и с печатью короля»⁴⁸. Отмечены особенности печатей и способы их крепления на жалованных грамотах московских царей Креховскому монастырю: «Алексея Михайловича 1667 г. апр. 30 жалованная грамота монахам Креховской пустыни на проезд в Россию за милостынею. С печ. в жестянке. В габлоте»⁴⁹ (грамота ошибочно датирована, выдана она была 30 апреля 1657 г.⁵⁰); «Ивана и Петра Алексеичей 1690 г. окт. 15 жалованная грамота монахам Креховского м-ря на свободный проезд в Россию. Бум. с китайкой и печатью в жестянке. Габл. н-р 13. Крылов. — Акты 366 ст.⁵¹»⁵².

Описывая пергаменную грамоту киевского митрополита Михаила Рогозы⁵³, Свенцицкий отмечает печать: «Михаила митроп. киев. 1591 г. янв. 26 — учреждение св.-Троицкого Братства во Львове. Печать в дерев. коробке. Monum. 282 ст.⁵⁴»⁵⁵. Следует отметить, что при описании этого документа была допущена ошибка. Это привилей на основание братства при Богоявленской церкви, а не при Свято-Троицей. Таких ошибок и неточностей при описании архивных документов довольно много. Так, неточно И.С. Свенцицкий описал и ошибочно датировал печатную разрешительную грамоту иерусалимского патриарха Нектария⁵⁶: «Нектария, иерусалимского патриарха, разрешительная грамота: “Свну Василию” 1670 г. в июне напечатанная во Львове по славянски; заголовок между двух ксилоритов греческий; внизу одна строка греческой вязанной скорописью. В габлоте»⁵⁷. Это привело к тому, что в библиографии утвердилась именно эта ошибочная датировка⁵⁸. Неточности в описании имеются и при характеристике еще одной печатной разрешительной (а не с просьбой о милостыне) грамоты иерусалимского патриарха Парфения⁵⁹: «Парфения Кумилы, иерус. патриарха 1743 г. печатная славянскими буквами (львов. печати) по-румынски, грамота с греческой дереворитной вязанной записью, содержащая просьбу о милостыне»⁶⁰.

Некоторые документы Свенцицкий не мог описать с точностью, так как при описании содержания документа он руководствовался архивным заголовком документа, составленным либо сразу после поступления его на хранение в архив в братства, либо в XVIII в. во время ревизии и описания архива организации. Примером такого неточного описания может быть следующее: «Греческое письмо, кажется от патриарха — без надписи, львовскому еп-пу о том, чтобы Слѣзка не вредил своей печатней Братской печатне, подтвержденной от вселенских патриархов, 1640 г. в июне. Без подписи. Срв. Голубев = op. cit. 185 ст.⁶¹»⁶². Здесь речь идет о грамоте константинопольского патриарха Парфения I Львовскому братству⁶³.

Несмотря на многочисленные ошибки и неточности при описании документов архива Львовского братства, И.С. Свенцицкий предпринял первую попытку дать системное описание части архивного фонда. Как определил сам Свенцицкий, он описывал только грамоты, акты и письма. Делопроизводственные документы, хранившиеся в архиве, не являлись предметами экспонирования в музее, поэтому и не были описаны.

В «Описи музея» Свенцицкого нет единообразия в статьях описания рукописных и печатных книг, архивных документов, много неточностей, ошибок. Сам Свенцицкий осознавал это, завершая предисловие словами: «В предлагающей описи предметов находящиеся пробелы и фактические ошибки просят пополнить и исправить»⁶⁴. Но это было первое комплексное описание всей коллекции музея.

Во время первой мировой войны (1915 г.) фондовые собрания Ставропигийского музея были вывезены сначала в Киев, а потом в Ростов-на-Дону — место наибольшего скопления беженцев из Галиции⁶⁵. В 1924 г. Ставропигийский Институт начал переговоры с советской Россией о реэвакуации экспонатов своего музея. В апреле 1929 г. собрание музея вернулось во Львов. Эвакуированная из Австро-Венгрии в Российскую империю, коллекция музея вернулась из Советского Союза в Польшу. К сожалению, часть экспонатов назад не вернулась, а многие были испорчены.

Музей возобновил свою работу летом 1931 г., развернув выставки рукописных и старопечатных книг. В 1936 г. была подготовлена специальная выставка, посвященная 350-летию Львовского Ставропигиона. Музей продолжал функционировать и после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу в 1939 г., а также во время войны. В 1946 г. Ставропигийский музей был ликвидирован. Его экспонаты частично оказались в Национальном музее, частично во Львовской картинной галерее и Львовском историческом музее, а также в Государственном архиве Львовской области. В 1947–1952 гг. архивные документы были переданы в Центральный государственный исторический архив Украины в г. Львове, где они хранятся сегодня, составляя фонд «Ставропигийского института». Часть собрания Ставропигийского музея сегодня хранится в Национальном музее во Львове им. Андрея Шептицкого. Во Львовском историческом музее хранится 301 рукопись, 344 старопечатные книги, 194 издания церковных книг, а также коллекция портретов членов львовского братства, которые принадлежали Ставропигии и составляли фонды Ставропигийского музея⁶⁶.

История Ставропигийского музея является одной из самых ярких завершающих страниц в 350-летней истории Львовского Ставропигиона. Музейные экспонаты весьма красноречиво свидетельствовали о большой роли, которую сыграла организация в национальной, политической, общественной, религиозной, культурной жизни украинского народа в XVI–XX вв. Этот музей можно назвать первым украинским народным музеем на территории Западной Украины. Несмотря на рассредоточенность по разным архивохранилищам некогда единого собрания, наследие Львовской Ставропигии позволяет современной исторической науке изучать человека в том его конкретном социальном и ментальном облике, которые он обретал в разные эпохи своего существования, ощущая свою принадлежность к единому национально-культурному сообществу даже в условиях доминирования иных национальных, культурных и религиозных традиций.

¹ Шараневич И.И. Отчет из Археологическо-библиографической выставки в Ставропигийском Институте, открытой 28 сент. (10 окт.) 1888 г., закрытой 16 (28) февр. 1889 г., и опись фотографически снятых предметов из той же выставки. Львов, 1889. С. 7.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 8.

⁴ Каталог археологическо-библиографической выставки Ставропигийского Института во Львове открытой дня 10 октября 1888, а имеющей быти закрытою дня 12 януария 1889 по н. ст. продолжается до дня 28 февруария 1889, по указаниям знатоков составил д-р Исидор Шараневич. Львов, 1888; *Петрушевич А.С.* Каталог церковно-словенских рукописей и старопечатных книг кирилловского письма, находящихся на Археологическо-библиографической выставке в Ставропигийском заведении. Львов, 1888.

⁵ *Петрушевич А.С.* Каталог церковно-словенских рукописей и старопечатных книг кирилловского письма. С. 1–16.

⁶ На выставке были представлены из собрания Ставропигийского Института — 4 рукописи и 75 изданий, из собрания Онуфриевского монастыря — 4 рукописи и 4 старопечатных книги.

⁷ Центральный государственный исторический архив Украины во Львове (Далее — ЦГИА Украины во Львове). Ф. 129 «Ставропигийский Институт». Оп. 2. Д. 746, 747; *Аристов Ф.Ф.* И.И. Шараневич: К 100-летию со дня рождения. Львов, 1929. С. 4.

⁸ *Шараневич И.И.* Отчет из Археологическо-библиографической выставки. С. 13.

⁹ *Петрушевич А.С.* Краткое историческое известие о введении христианства в предкарпатских странах, во времена свв. Кирилла и Мефодия, тех же учениками и проповедниками. Львов, 1882. С. 73.

¹⁰ *Крип'якевич І.П.* Каталог бібліотеки Львівської Ставропігії з 1619 р. // Українська книга. 1937. № 7–8. С. 159.

¹¹ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1050. Л. 7 об.

¹² *Исаевич Я.Д.* Бібліотека Львівського братства // Бібліотекознавство та бібліографія: Республіканський міжвідомчий науково-методичний збірник. Харків, 1966. Вип. 3. С. 131.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Описание фотографически снятых предметов из археологическо-библиографической выставки в Ставропигийском Институте, открытой 28 сентября (10 октября) 1888, закрытой 16 (28) февраля 1889 // *Шараневич И.И.* Отчет из Археологическо-библиографической выставки. С. 17–94.

¹⁵ Там же. Табл. ХLI–ХLV, ХLVII, ХLVIII. С. 70–76, 78–79, 80–81.

¹⁶ Там же. Табл. ХХIV, ХLVI–ХLVIII. С. 52–53, 77–78, 79–81.

¹⁷ Там же. Табл. L–LI. С. 84–87.

¹⁸ Грамоты царя Алексея Михайловича от 30 апреля 1657 г. и царей Иоанна и Петра Алексеевичей были выданы Креховскому монастырю и хранились в его архиве, после выставки перешли в собрание Ставропигийского института, сегодня хранятся в ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 614, 728.

¹⁹ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 2. Д. 856, 857.

²⁰ *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): историко-ведческое исследование. М., 2009. С. 511–566.

²¹ *Свенцицкий И.С.* Описание музея братства. Львов, 1905; *Он же.* Описание музея Ставропигийского института во Львове. Львов, 1908; *Кревецкий І.* Нові видання по бібліографії українсько-білоруських стародруків // Записки Наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка. Т. 88. Львів, 1909. С. 181–197.

²² *Свенцицкий И.С.* Описание музея Ставропигийского института во Львове. Львов, 1908. С. V.

²³ *Свенцицкий И.С.* Описание музея Ставропигийского института. С. 4. № 7.

²⁴ Там же. С. 9. № 25.

²⁵ Там же. С. 11. № 32.

²⁶ Там же. С. 13. № 39.

²⁷ Там же. С. 64. № 129.

²⁸ Там же. С. 68. № 160.

²⁹ Там же. С. 78. № 223.

³⁰ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 71.

³¹ *Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis: Diplomata et epistolae Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis ab anno 1518 usque ad annum 1600.* / Edit. Milkowicz W. Leopoli, 1895. P. 113–119.

³² *Diplomata Statutaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitati Stauropigianae Leopoliensi a. 1586–1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice.* / Kristiniacki I. Leopoli, 1895. T. 2. P. 3–15.

- ³³ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 94. № 63.
- ³⁴ Там же. С. 160. № 36.
- ³⁵ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 89.
- ³⁶ Monumenta Confraternitatis Stauropigianaе Leopoliensis. P. 148–149.
- ³⁷ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 95. № 77.
- ³⁸ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 205.
- ³⁹ Monumenta Confraternitatis Stauropigianaе Leopoliensis. P. 387–389.
- ⁴⁰ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 103. № 172.
- ⁴¹ Там же. С. 155. № 833.
- ⁴² ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 550.
- ⁴³ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 127. № 468.
- ⁴⁴ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 146. № 713; ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 914.
- ⁴⁵ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 86.
- ⁴⁶ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 95. № 75; ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1008.
- ⁴⁷ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 939.
- ⁴⁸ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 148. № 732.
- ⁴⁹ Там же. С. 134. № 540.
- ⁵⁰ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 614.
- ⁵¹ Архив Юго-Западной России. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 10. С. 366–367.
- ⁵² ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 728; *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 139. № 614.
- ⁵³ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 157.
- ⁵⁴ Monumenta Confraternitatis Stauropigianaе Leopoliensis. P. 279–281.
- ⁵⁵ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 99. № 129.
- ⁵⁶ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 628.
- ⁵⁷ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 133. № 535.
- ⁵⁸ *Шустова Ю.Э.* География изданий разрешительных грамот восточных патриархов в XVII в. // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 января 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 463–467.
- ⁵⁹ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 959. Об атрибуции этой грамоты см.: *Шустова Ю.Э.* Разрешительные печатные грамоты 40-х гг. XVIII в. иерусалимского патриарха Парфения: проблемы изучения и атрибуции // Каптеревские чтения. Вып. 9. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2011. С. 215–243.
- ⁶⁰ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 149. № 743.
- ⁶¹ *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1898. Т. 2. Приложения. С. 185–186.
- ⁶² *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. 127. № 466.
- ⁶³ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 549. О этом грамоте см.: *Фонкич Б.Л.* Палеография греческих грамот Львовского братства // Palaeoslavica. X/2002. № 2. P. 291.
- ⁶⁴ *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института. С. X.
- ⁶⁵ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 2. Д. 759.
- ⁶⁶ *Козак У.* Історія бібліотеки Ставропігії // Успенське братство і його роль в українському національно-культурному відродженні. Львів, 1996. С. 76.

С.В. Зинченко

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ЕВАНГЕЛИЙ ИЗ СОБРАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВО ЛЬВОВЕ ИМЕНИ АНДРЕЯ ШЕПТИЦКОГО

Собрание кириллических рукописных книг Национального музея во Львове имени Андрея Шептицкого (далее НМЛ) является одним из наиболее ценных и малоисследованных в Украине. Особое место в нем отведено коллекции рукописных Евангелий и их фрагментов XII–XVIII вв., как наиболее репрезентативным памятникам с точки зрения художественного оформления и насчитывающей 209 единиц хранения.

Изучением этой коллекции в разные периоды занимались такие выдающиеся исследователи, как: А.С. Петрушевич¹, И.С. Свенцицкий², В.И. Свенцицкая³, Л.П. Жуковская⁴, Я.П. Запаско⁵, П.Н. Жолтовский⁶, Г.Н. Логвин⁷, А.А. Турилов⁸, В. Фрыс⁹, М. Боянивская¹⁰, Г. Чуба¹¹.

История формирования коллекции Евангелий неразрывно связана с судьбой музейного собрания. На призыв первоиерарха Украинской греко-католической церкви — митрополита Галицкого Андрея графа Шептицкого — об организации 23 февраля 1905 г. Церковного музея откликнулось множество приходских священников, передавших для этой цели рукописные памятники из местных церквей. 11 июля 1911 г. музей получил новый статус и новое название — Национальный музей во Львове, а 13 декабря 1913 г. митрополит Галицкий — Андрей Шептицкий передал его в дар украинскому народу.

Ядро музейной коллекции составили манускрипты митрополичьей библиотеки при соборе св. Юра. Датой ее основания принято считать 12 сентября 1858 г., когда известный библиофил митрополит Галицкий Михаил Левицкий¹² передал свое собрание для создания митрополичьей библиотеки. Однако следует отметить, что архивную часть библиотеки¹³ начал собирать еще Михаил Гарасевич¹⁴. Первоначально библиотека М. Левицкого была размещена в Уневском монастыре, где ее изучением в течение 12 лет занимался А. Петрушевич¹⁵. Ее удалось выделить благодаря наличию экслибриса М. Левицкого (красная овальная печать с текстом «Ex libris MM»). В собрании НМЛ она представлена 22 кириллическими рукописями, среди которых есть три Евангелия XV–XVII вв. Самым ценным из них является Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского на Евангелие от Иоанна (Ркк-773), переписанное во Львове при Успенской церкви 1493 г. московским дьяконом Ивашком. После анализа языковых особенностей колофона И.З. Мицко предположил, что по происхождению это грек-эмигрант, который в 1472 г. прибыл в Москву в свите Софьи Палеолог. После двадцатилетнего пребывания в Москве он уже подписывается как московский дьякон, именуя себя «чужеземцем» и «москвитинном»¹⁶. Не менее ценным является Евангелие-тетр (Ркк-18), переписанное в Галиче во второй половине XVI в. Своим высокохудожественным оформлением оно неоднократно привлекало

к себе внимание исследователей¹⁷. Третья рукопись — Евангелие учительное, скопированное известным писцом и переплетчиком перемышльским дяконом Игнатием Гостиславским¹⁸ в 1615 г. (Ркк-95)¹⁹. Оно написано народным разговорным украинским языком и содержит тексты поучений на евангельские и праздничные, а также катехизисные чтения. Еще пять Евангелий-тетр XVI—XVII вв. (Ркк-112, Ркк-123, Ркк-126, Ркк-135, Ркк-138) в книге поступлений экспонатов в Национальный музей значатся как переданные непосредственно из капитульной библиотеки.

В течении 1907—1912 гг. собрание НМЛ пополнилось книгами из частной библиотеки митрополита Андрея Шептицкого. Среди прочих были переданы и четыре Евангелия. Первым поступило Четвероевангелие, переписанное 17 июля 1605 г. жолковским дяком Симеоном (Ркк-86). В 1908 г. митрополит передал Евангелие апракос полный второй четверти XVI в. (Ркк-110) и Евангелие-тетр середины XVI века из церкви св. Николая на предградии города Каменка-Струмилова²⁰ (Ркк-79). Еще одно Евангелие-тетр 1564 г. (Ркк-573) из так называемой «Белорусской коллекции» митрополит подарил музею 20 июня 1912 г.

Значительная часть рукописей была собрана им во время проведения канонической визитации церковью Львовской епархии 1909 г. Тогда в музей поступили два Евангелия Учительных: одно конца XVI в. из церкви св. Николая села Оравчик Скольского деканата (Ркк-257), а другое конца XVII в. — из церкви св. Василия села Росточки Болеховского деканата (Ркк-265). Таким же образом были приобретены еще два Четвероевангелия. Первое, переписанное в 1598 г. «многогрешным, одним из семи дяконов» Федором²¹ при церкви Воскресения в городе Жидачиве, выявленное митрополитом в селе Дубки Городенковского уезда (Ркк-261), а второе — в 1570 г. в селе Слобода Долинского уезда (Ркк-263). Митрополит постоянно пополнял музейное собрание новыми поступлениями. За период с 1908 по 1926 г. он подарил ряд рукописей, в том числе еще четыре Евангелия-тетр XIV—XVII вв. (Ркк-5, Ркк-462, Ркк-687, Ркк-594).

Начиная с 1909 г. по инициативе митрополита Андрея и директора музея Иллариона Семеновича Свенцицкого организуется несколько экспедиций. Одной из первых состоялась поездка Антона Вышинского в марте-июле 1909 г. по Дрогобычскому, Ярославскому и Яворовскому уездам. Оттуда были привезены 6.03.1909 г. — Евангелие конца XVI в. из Бакоцинського монастыря²² Стрыйского деканата (Ркк-208); 3.07.1909 г. Евангелие, переписанное Яковом в 1579—1580 гг. из села Рогижно Яворовского (Ркк-197) и Евангелие XVI в. из села Пелкини Ярославского уезда (Ркк-221). Не все закупленные в этой экспедиции рукописи А. Вышинский передал в музей, поскольку 2.03.1912 г. согласно судебного решения от 29.02.1912 г. у него было изъято изрядное количество книг с доплатой в 250 корон, в том числе — Учительное Евангелие середины XVII в. (Ркк-359) и три Евангелия XV—XVII вв. (Ркк-360, Ркк-361, Ркк-566). Кроме того, 26.02.1936 г. в Кракове за 75 злотых за счет Союза читателей НМЛ закуплено еще одно Евангелие начала XVII в. (Ркк-445), найденное А. Вышинским во время экспедиции 1909 г.

В том же 1909 г. состоялась поездка известного историка и журналиста, доктора Александра Сушка²³ в Закарпатье, откуда он привез Евангелие Учительное начала XVII в. из церкви арх. Михаила села Флоринка Мушинского

деканата (Ркк-292) и Евангелие-тетр XVI в. из села Никльова (Ркк-294). Суммарно доктор А.Сушко подарил НМЛ 1 588 предметов, в том числе и рукописи (Евангелие²⁴ Ркк-182).

Третью экспедицию 1909 г. возглавил известный ученый Вадим Михайлович Шербакивский²⁵, который по приглашению митрополита Андрея Шептицкого с декабря 1907 г. работал в (тогда еще Церковном) музее. Путешествуя по Галиции, Закарпатья и Буковине, он описывал украинские деревянные церкви при случае находил немало художественных предметов старины. Наиболее ценными среди них были приобретенны за 40 корон и привезенны 7.07.1909 г. уникальное по своему художественному оформлению Евангелие конца XVI в. из села Волков (Ркк-198) и плащаница XV в. из села Жиривка под Львовом.

Несколькими экспедициями в поисках рукописных книг руководил первый директор НМЛ И.С. Свенцицкий. Первая состоялась 30.01.–1.02.1911 г. в район Крывчи над Саном. Из церкви Рождества Богородицы села Кривче были привезены: Евангелие, переписанное в 1572 г. попом скоповским Мацинком поповичем кравцом (Ркк-333); Четвероевангелие первой половины XVI в., скопированное писарем и иереем Андреем Гулябцовом сыном Яцка родом из Рыботич (Ркк-339), и три пергаменных фрагмента Евангелия первой половины XIII в. (Ркк-1277)²⁶, извлеченные из переплета рукописной Триоди постной XVI–XVII вв. (Ркк-338). Во время второй поездки 7.06.1912 г. в Ивано-Франковскую область было приобретено из Воскресенской церкви с. Сварычив Долинского уезда роскошно украшенное ренессансными миниатюрами и заставками Четвероевангелие третьей четверти XVI в. (Ркк-557). Третья поездка состоялась 8.08.–14.08.1912 г. в Самборский район Львовской области (села Ильных, Сухой Поток, Лыбохора). Среди прочих рукописей И.С. Свенцицкий выявил в церкви арх. Михаила в Сухом Потоке Евангелие (Ркк-453), переписанное в 1624 г. известным писцом Георгием²⁷ поповичем трушовским в Вознесенском монастыре села Явора Старосамборского деканата. Убранство нижней крышки переплета этой рукописи выполнено в редкой для переплетного искусства технике масляной живописи. Две последующие поездки в Перемышльский регион состоялись в июне и декабре 1923 г. Село Торки под Перемышлем (уезд Медыка) управляющий музея посетил 1.06.1923 г. и привез из местной церкви Успения Богородицы Евангелие третьей четверти XVI в. (Ркк-377). Во время поездки (11.12.1923 г.) в Бирчанський деканат перемышльской епархии И.С. Свенцицкий приобрел в с. Воля Коринецкая в окрестностях городка Бирча Евангелие начала XVII в. (Ркк-384). На серебряном среднике нижней доски его переплета выгравировано: «Року 1644 сіе Євангеліє справися коштом і накладом р[аба] б[о]жия]. Васи́лія з Кореня...»²⁸. Из этой экспедиции поступило в НМЛ еще одно Евангелие середины XVI в. (Ркк-661) из церкви св. Николая с. Березки того же деканата.

В декабре 1934 г. был основан «Союз почитателей НМЛ»²⁹. Согласно музейным отчетам на деньги Союза в 1932–1936 гг. было закуплено 16 рукописей XVI–XVII вв. за 134 злотых. Из приобретенных тогда манускриптов 10 были Евангелиями, привезенными из поездки 21.10.1932 г. литературоведом Николаем Гнатышаком³⁰. Это была одна из наиболее плодотворных музейных экспедиций. В обмен на Октоих и Требник и с доплатой в 40 злотых

М. Гнатишак закупил в Устриках Долишних Евангелие учительное XVIII в. (список с Рохмановского издания 1619 г.) (Ркк-429) и Евангелие конца XVI в. (Ркк-3177). Тогда же были привезены Евангелие учительное середины XVI в. из села Ясеница Замковая Старосамборского деканата (Ркк-431); Евангелие учительное XVII в. из церкви Введения Богородицы села Кремьяна (Ркк-441) и Евангелие, переписанное иереем Георгием Кулик (Куличок) попом Дыновским в 1552 г. (Ркк-440). Он переписал три Евангелия, хранящиеся в НМЛ. Согласно припискам на полях и колофонам переписанных им рукописей, мы можем проследить его творческую деятельность с 1542 по 1564 г. Над первым Евангелием он трудился в городе Саноке в 1542 г., еще не имея духовного сана, и на л. 257 об. подписался «р.б. Георгием прозванным Куличком» (Ркк-426). Следующее Евангелие (Ркк-440) переписал в 1552 г. в городе Дынов Бирчанского деканата и в записи на лл. 10–26 именовал себя уже попом дыновским Георгием. В колофоне Евангелия 1564 г. указывает, что рукопись переписана «при городе Дынове писарь, поп Кулик» (Ркк-301³¹, л. 271 об.).

Согласно Акту 1933 г. № 236/33 из второй экспедиции Н. Гнатишака поступили следующие памятники рукописного искусства: Евангелие середины XVI в. из села Деревня возле Жовквы (Ркк-430); Евангелие второй половины XVI в. из церкви Рождества Богородицы села Бахур Бирчанского деканата (Ркк-435); Евангелие первой половины XVI в. из Богоявленской церкви села Семушова, филиал прихода села Тирава Сольная Лиского деканата (Ркк-437); Евангелие, переписанное Симеоном в последней четверти XVI в., в иконописном переплете из села Витрылов под Саноком (Ркк-438); Евангелие конца XVI в. из церкви св. чудотворцев Космы и Дамиана села Яблонца Русская Бирчанского деканата (Ркк-439). В 1933 г. из очередной поездки Н. Гнатишак на средства Союза привез Евангелие начала XVII в. (Ркк-443).

Последним приобретением Союза приверженцев НМЛ стал пергаменный фрагмент Евангелия апракос полный первой четверти XV в. (Ркк-709)³², приобретенный 9.05.1939 г. у господина Фольданга за 10 злотых.

В межвоенный период в музейное собрание влились книжные коллекции различных львовских светских и религиозных организаций, которые функционировали во Львове в первой половине XX в. и имели собственные книжные собрания.

В 1913 г. с депозита Товарищества «Просвита» было передано шесть Евангелий-тетр XVI в., происходящих из Галиции (Ркк-466, Ркк-467, Ркк-618, Ркк-619, Ркк-669, Ркк-670).

Согласно отчету НМЛ³³ за 1936 г., из фонда товарищества «Днистер» в 1914–1919 гг. закупили 48 рукописей: 12 кириллических — середины XVI в. (одна 1545 г.), 12 — конца XVI в., 12 — начала XVII в. (датированные — 1602, 1603, 1604 гг.), один манускрипт 1697 г. и 4 греческие нотные книги середины XVII в., одна рукопись XVII–XVIII в., шесть — начала XVIII в.

Тогда же, 11.07.1914 г., закуплены из фондов товарищества «Днистер» три Евангелия, которые в свою очередь были приобретены за 315 руб. 50 к. у известного антиквара Матфея Вострякова³⁴ в Москве в составе целой коллекции: Евангелие толковое XV–XVI вв. (Ркк-684), Евангелие 1603 г. (Ркк-516) и Евангелие XVI в. (Ркк-626). Евангелие учительное начала XVII в. из села Яксманичи Перемышльского деканата, в том же году приобретенное музеем из фондов

«Днистра», было передано товариществу о. каноником Ю. Гумацким из села Гойско Добромльського деканата (Ркк-514). Еще одно Евангелие, переписанное многогрешным Захарием в 1604 г. (Ркк-503), закупили в 1914 г. из фондов «Днистра» как «предметы приобретенные в Комарно» за 80 корон. Следующее Евангелие, закупленное из этих же фондов за 20 корон, передал Ю. Триндак из села Боратын Сокальского уезда Белзкого деканата (Ркк-519).

Иным источником пополнения собрания НМЛ стали покупки книг у частных лиц и антикваров. Таким образом 22.10.1912 г. было приобретено в селе Недильна Старосамборского р-на за 20 корон Евангелие (Ркк-457); 21.05.1914 г. — в городке Мосты Великие Жолковского уезда в обмен на Службник и 54 корон Напрестольное Евангелие (Ркк-501); в 1927 г. за 25 злотых — Евангелие второй половины XVI в. (Ркк-396); 22.11.1928 г. — за 65 злотых у польского искусствоведа, профессора Ярослава Константиновича³⁵ Четвероевангелие конца XVI в. из церкви Константина и Елены села Солонско под Трускавцом (Ркк-403); а 16.11.1931 г. за 50 злотых закупили из села Хорасткив под Тереховлей Евангелие конца XVI в. (Ркк-425).

Отдельную страницу в истории формирования собрания занимает покупка в 1910 г. за 345 руб. коллекции книг у московского антикара М. Вострякова, в числе которых Евангелие, переписанное иереем Иоанном 1584 г. (Ркк-305), и два южнославянских Евангелия середины XVI в. (Ркк-315, Ркк-316).

Ценным приобретением для НМЛ стала коллекция рукописей и старопечатных изданий Владимира Пещанського³⁶. Музей закупил ее в 1923 г. за сравнительно небольшую сумму в 500 рублей. Еще во время Первой мировой войны В. Пещанського привлекли к работе в Киевской комиссии охраны памятников старины и искусства и Археологической комиссии в Петербурге. Тогда он много путешествовал по Киевской и Полтавской губерниями, наблюдая за состоянием художественных памятников древности, попутно собирая редкие книги. В 1922 г. по приглашению митрополита Андрея Шептицкого переехал во Львов, где работал реставратором НМЛ. 26 сентября 1922 в НМЛ открылась выставка коллекции В. Пещанського, на которой экспонировались 16 рукописных книг и старопечатных книг XV — начала XVIII в. Тогда в музейное собрание поступили 8 рукописей, из которых две были Евангелиями соответственно первой половины XVI в. из села Баранов Луцкой епархии (Ркк-383) и второй половины XVI в. восточноукраинского происхождения (Ркк-2831).

Пополнялась коллекция Евангелий НМЛ и дарами от частных лиц. В 1908 г. епископ Луцкий Иосиф Боцян³⁷ передал Сернивское Евангелие конца XV — начала XVI в. (Ркк-174), а 30 сентября 1918 г. — еще одно Четвероевангелие XVI в. (Ркк-585). После его смерти, согласно завещанию в 1939 г. с депозита покойного было передано несколько книг, в том числе три Евангелия (Ркк-446, Ркк-447, Ркк-448).

Литературовед доктор Ярослав Гордынский³⁸ передал 13.10.1913 г. восемь рукописей, среди которых было Евангелие конца XVI в. из села Папарова Коломыйского уезда (Ркк-484).

В 1920 г. прелат Исидор Дольницький³⁹ подарил двенадцать кириллических рукописей, из них — два Евангелия середины XVI в. (Ркк-633) и конца XVI в. (Ркк-634), а также фрагмент Евангелия апракоса краткого последней четверти XV в. (Ркк-587).

Коллекционер Владимир Толочко передал в 1924 г. из собственной коллекции несколько пергаменных фрагментов Евангелий-апракос XIII — первой половины XIV в. (Ркк-1143⁴⁰, Ркк-706⁴¹).

В начале XX в. начал свою коллекционерскую деятельность по селам на территории Перемышльской и Львовской епархий известный собиратель рукописных книг доктор Юлий Яворский. В 1917 г. большая часть коллекции Ю.А. Яворского была приобретена Российской публичной библиотекой в Санкт-Петербурге (ныне РНБ)⁴². Он подарил несколько листов из рукописных Евангелий второй половины XVI в. (Ркк-2837, Ркк-2838) Национальному музею во Львове в 1924 г.

Простые сельские приходские священники также внесли свой неоценимый вклад в формирование коллекции рукописных Евангелий НМЛ. 20.03.1905 г. два Евангелия подарил о. Клозинский: одно, переписанное Иоанном, иереем Подъярковской церкви св. Бориса и Глеба Бобрецкого деканата в 1558 г. (Ркк-50), другое, конца XVI в., в иконописном переплете (Ркк-42).

В 1907 г. у священника Андрея Бенцика из села Балычи за 10 корон куплено Евангелие XVI в. (Ркк-165). Отец Вахляник из Суловиц передал Евангелие учительное первой половины XVII в. (Ркк-44). Священнослужитель села Глыняны (Львовской обл.) Филимон Решетилович подарил иллюминированное Евангелие, переписанное многогрешным Савкой 20 января [1498 г.?] (Ркк-37). В дар музею священник Иванусов из с. Лопенка передал Евангелие, завершённое Матвеем пресвитером церкви арх. Михаила в селе Должица Перемышльской епархии в день Рождества Иоанна Предтечи 1647 г. (Ркк-66). Отец Сингалевич из церкви Перенесения мощей св. Бориса и Глеба села Подъярков неподалеку Рогатына (теперь Ивано-Франковской обл.) подарил переплетенное в зеленый бархат Евангелие конца XVI в. (Ркк-75).

За два овалных образа с изображениями Богородицы и Распятия работники музея в 1908 г. выменяли у о. Ивана Билынкевича из Брюхович под Львовом Евангелие, переписанное в 1602 г. священником Благовещенской церкви на Краковском предместье во Львове — Григорием (Ркк-171).

7.11.1908 г. от о. Л. Гриневича из церкви св. Романа и Давида в селе Шумляны Подкаменецкого деканата поступило Евангелие конца XVI в. (Ркк-183).

Несколько рукописей передал 11.03.1909 г. о. Бодревич из с. Порохника, среди них уникальное Евангелие, переписанное в 1571 г. иереем из церкви св. Димитрия села Тыневычи Игнатием Федынкою для церкви соседнего села Угорка Перемышльской епархии (Ркк-206). Учитывая время возникновения, стиль и уровень художественного исполнения, особого внимания заслуживает фрагмент верхней доски переплета этого манускрипта с темперным изображением Распятия, датируемым тридцатыми годами XV в.⁴³. В том же году священник церкви Пресвятой Троицы села Устье Зелене Тернопольской области о. Темныцкий подарил Евангелие XVI в. (Ркк-228), а о. И. Тиндюк из прихода Покрова Богородицы села Ялынковатое Тухлянского деканата — Евангелие середины XVI в. (Ркк-281).

5 февраля 1909 г. в дар от доктора о. Василия Масцюха⁴⁴ из Перемышля поступило Евангелие начала XVII в. (Ркк-205) в роскошном иконописном переплете. Стилистические особенности исполнения живописи позволяют утверждать, что его автор принадлежал к перемышльско-саноцкой иконописной школе.

14.05.1912 г. от о. каноника Адама Василевского из львовской Пятницкой церкви в числе других двенадцати рукописей из львовской Преображенской церкви поступило Евангелие, переведенное священником Иоанном Дашковичем «в училище Братском» при львовской церкви Успения Богородицы в сентябре 1604 г. и переписанное не позднее 18 марта 1605 г. Дионисием Березныцким, настоятелем Преображенской церкви на предградии Львова (Ркк-552).

Евангелие учительное, переписанное 18 мая 1659 г. (Ркк-555), подарил Национальному музею 29.05.1912 г. о. Иван Грыныцкий из церкви арх. Михаила с. Поляны Суровычни Яслиського уезда. В этом же году поступило от о. Иоанна Мустияновича Евангелие XVI в. (Ркк-363). Два Четвероевангелия музею подарил 17.06.1912 г. о. Михаил Бачинский из села Грыгорив Ходоровского деканата (Ркк-558, Ркк-559). В ноябре 1912 г. были переданы: священником Гоцким из Конева передано Евангелие, переписанное 29 июля 1628 г. Григорием родом из Перемышля (Ркк-614), от о. Бучко из церкви св. Георгия в Ладанцях Перемышлянского уезда — Евангелие 1695 г. (Ркк-613).

В 1913 г. семь рукописей (из них три Евангелия) передал о. Донарович из церкви Собора Богородицы села Корманычи Ныжанковского деканата: Евангелие учительное второй половины XVI в. (Ркк-489); Евангелие, переписанное в 1596 г. писцом Иоанном Товаренским за 8 золотых (Ркк-488) и Напрестольное Евангелие конца XVI в. (Ркк-581). 27 февраля 1913 от о. Федора Онышкевича поступило одно из самых ценных в коллекции Евангелий, более известное как Хышевицкое (Ркк-577). Оно создано «трудом и усердием ученого мужа малого и меншаго в диаконах Иеремии окаянного и грешного и недостойного ...» в Городке Солоном в предместье при обители св. Иоанна Крестителя 1546 г. и неоднократно привлекало внимание исследователей истории рукописной книги своим декоративным убранством.

В 1914 г. богослов III года обучения Львовской духовной семинарии Евгений Коленский подарил Евангелие конца XVI в. (Ркк-679), найденное им 7 мая 1914 г. в церкви Непорочного зачатия Богородицей села Смеречна Добромильского уезда. В том же году 15 июня о. каноник Иосиф Машак из села Корманычи Перемышлянского уезда передал Евангелие XVI в. (Ркк-584). Священник с. Цетулы (Яворовского деканата) о. Иван Дуткевич в 1917 г. подарил Евангелие середины XVI в. (Ркк-627).

3.07.1918 г. от о. каноника В. Громницкого из Тернополя поступило Евангелие, которое переписал в 1582 г. иеромонах Савва Мальяркевич гусаковлянин в Уневском Успенском монастыре (Ркк-523). Паньковский Илья, священник из Стрилок Старосамборского деканата, в 1919 г. передал Евангелие конца XVI в. с приходской печатью «Украинского греко-католического правительства в Стрилках» (Ркк-628).

В обмен на новое Евангелие 29.08.1923 г. о. Черневич из церкви св. Дмитрия села Делеив Устийского деканата отдал рукописное, созданное 26 апреля 1562 г. (Ркк-382). Дважды Национальному музею дарил рукописи о. Теодозий Грушкевич из Смильна (уезд Дрогобыч): в 1925 г. — Евангелие учительное конца XVI в. (Ркк-392) и 24 ноября 1927 г. — Евангелие второй половины XVI в. из церкви св. Николая соседнего с. Жджанна (Ркк-400). Евангелие XVII в. (Ркк-398) с печатным титулом из издания Львовского Ставропигийского братства 1644 г. передал в 1927 г. о. Иван Хвалко из церкви св. Николая села Хмильно

Лопатынского деканата. Священник исаивской церкви Турковского района Иван Крыса в 1929 г. Евангелие XVI в. подарил (Ркк-407) и два пергаменных фрагмента Евангелия апракос второй половины XIV в. (Ркк-708), извлеченные из переплета подаренного им же Ирмологiona XVIII в. (Ркк-1111).

В музейное собрание рукописи дарили не только непосредственно священники, но и церковные общины. Например, в 1929 г. передали Евангелие XVI в. прихожане церкви Рождества Богородицы с. Коростно Добромьльського уезда (Ркк-414), а 10 августа того же года Евангелие начала XVII в. (Ркк-597) — церковный комитет с. Ныкловычи неподалеку от Судовой Вышни.

В 1930 г. от о. К. Кунцевича из села Гологоры Воляньские Унивского деканата поступило Евангелие начала XVII в., переписанное Петром Бочовичем и украшенное им фронтисписными и текстовыми миниатюрами⁴⁵ (Ркк-419). Роман и Леонтий Дьяковы по завещанию отца о. Григория передали в музей ценное пергаменное Евангелие середины XV в. из Жеребквив Шляхоцких Скалатского деканата (Ркк-599).

Помимо лиц духовного сана и приходских общин в музей различными путями попадали предметы из частных коллекций и от светских лиц. У госпожи Домбчанской в 1908 г. сотрудники музея выменяли Евангелие начала XVII в. (Ркк-175). От профессора Академической гимназии доктор Михаил Пачовский⁴⁶ поступило Евангелие конца XVI в., переданное ему в 1888 г. Адамом Витвицким из церкви св. Параскевы села Бережница Стрыйского деканата. Господин Граблинский из села Лосынець Высочанского деканата 19.02.1912 г. подарил Евангелие XVII в. (Ркк-455). Фрагмент Евангелия Учительного конца XVI в. передал 11.05.1912 г. Николай Демчук, хозяин в Балынцах (Ркк-664), а доктор В. Лавривский⁴⁷ из Скалата — Евангелие, переписанное многогрешным Гаврилой в с. Викторове Галицкого уезда между 1587 и 1607 гг. (Ркк-554). Иосиф Конек из Станиславова (ныне Ивано-Франковск) передал музею Евангелие XVI в. (Ркк-663). Возможно, от советника санитарного госпиталя Эразма Баронча 20.06.1914 г. поступило Евангелие начала XVII в. (Ркк-502). Четвероевангелие, переписанное Иоанном поповичем в селе Калынская Деражня в дому иерея Димитрия при Воскресенской церкви в 1589 г., передал доктор Юрык из Золочева 31.06.1914 г. (Ркк-681). Три пергаментных фрагмента Евангелия апракос первой половины XIV в. (Ркк-1269) были извлечены из переплета киевского издания 1631 «Триодь цветная», поступившего в 1918 г. из библиотеки о. Льва Шумского в Стрилках. Иван Лушпынский из села Товстенського Гусятинского уезда 25.12.1928 г. передал Евангелие первой половины XVI в. (Ркк-1110) вместе с двумя латинскими рукописями (Ркл-482 и Ркл-483). Петр Орышкевич из Олеська подарил 4.07.1932 г. три рукописи, среди них Евангелие второй половины XVI в. (Ркк-428).

Такой представляется общая картина формирования коллекции Евангелий из собрания НМЛ на этапе до 1939 г.

После второй мировой войны Национальный музей во Львове переименовали во Львовский музей украинского искусства. За этот период фактически не было значительных поступлений в фонды музея рукописных книг сравнимых с предыдущим этапом. В 1948 г. в НМЛ по книгообмену поступило из московского Музея изобразительных искусств имени А. Пушкина Евангелие-тетр 1589 г., скопированное переписчиком (по меньшей мере с

25-летним опытом работы) Прокопием⁴⁸ поповичем из села Дубровка пореченым Малярчиком из Рыботич в селе Ялын Сяноцкого деканата при церкви св. Георгия (Ркк-694). При проведении реставрационных работ из его переплета извлекли два пергаментных фрагмента Евангелия апракоса краткого середины XIII в. (Ркк-710).

Библиотека греко-католической Богословской академии, сформированная на базе библиотек Богословского научного товарищества и греко-католической Духовной семинарии, в 1947 г. в основном была передана во Львовскую национальную научную библиотеку Украины им. В. Стефаника⁴⁹. Однако часть библиотеки Богословского товарищества во Львове поступила в 1957 г. в НМЛ (тогда Львовский государственный музей украинского искусства), среди этих книг — два Евангелия (Ркк-698, Ркк-701) и особо ценный манускрипт XII–XIII в. — Бучацкое Евангелие (Ркк-702).

В советский период музей приобрел только одно рукописное Евангелие XVI в., переписанное «худым и молоумным» писарем Василием (Ркк-704) у редактора газеты «Закарпатська молодь» В.С. Радовского из Ужгорода за 50 руб. по Акту закупки № 2 от 8.06.1961 г.⁵⁰

Только с середины 60-х гг. XX в. возрождается традиция проведения экспедиций. Новые поездки в поисках рукописных сокровищ проводились по инициативе В.И. Свенцицкой. Так, в 1965 г. она и В. Линьинский из экспедиции в Камяно-Буский район привезли Евангелие-тетр (Ркк-716), переписанное Лукой в Каменке-Струмиловой 1554 г. и дописанное «старанием и трудом» Стефана Мичевича из Стрепетова в 1584 года. Из экспедиции, проводившейся в сентябре 1966 г. по Лисскому и Добромьльскому деканатам, сотрудники музея (В. Свенцицкая, П. Линьинский, Н. Бартыш, Н. Батиг) привезли из села Михова Добромьльского деканата Евангелие (Ркк-717), переписанное Иоанном в селе Горыславичи (Мостыского р-на, ныне с. Скеливка) (Ркк-717).

Традицию дарения книг музею продолжил известный искусствовед Павел Жолтовский⁵¹ (08.12.1904–30.08.1986), подаривший 15.01.1975 г. музею Евангелие XVI в. (Ркк-724).

Отметим, что коллекция Евангелий НМЛ представляет собой уникальный пласт рукописной традиции XII–XVII вв. в украинской культуре, которая формировалась тщательно и целенаправленно согласно идейного замысла митрополита Андрея Шептицкого и многими поколениями сотрудников НМЛ.

¹ *Петрушевич А.С.* Каталог церковно-словенских рукописей и старопечатных книг кирилловского письма, находящихся на археолого-библиографической выставке в Ставропигийском заведении. Львов, 1888.

² *Свенцицкий И.С.* Прикраси рукописів Галицької України XVI ст. Жовква. 1922. Т. 1–3; *Он же.* Опис рукописів: І. Кириличні пергамини XII–XV вв. Збірки Національного музею. Львів, 1933; *Свенцицкий И.* Бучацьке Евангеліє // ЗНТШ. Львів, 1911. Т. 105. Вип. V. С. 5–17.

³ *Свенцицкая В.И.* Художественное оформление Бучацкого Евангелия // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 113–120.

⁴ *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976; *Жуковская Л.П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 199–322; *Жуковская Л.П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса нерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968.

⁵ *Запаско Я.П.* Орнаментовані рукописи XI–XVI ст. в книгосховищах Української РСР // Матеріали з етнографії та художнього промислу. Київ, 1957. Вип. III. С. 145–159; *Запаско Я.П.* Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960; *Запаско Я.П.* Рукописна книга як попередник української друкованої книги // З історії книги на Україні. Київ, 1978. С. 76–94; *Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995; *Запаско Я.П.* Ошатність української рукописної книги. Львів, 1998; *Запаско Я.П.* Ренессансные мотивы в украинском рукописном искусстве середины XVI в. // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Вторая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения: Секция рукописной книги. Тезисы докладов. М., 1974. С. 13–16.

⁶ *Жолтовський П.М.* Мініатюра XIV — першої половини XVII століття // Історія українського мистецтва: У 6 т. Київ, 1967. Т. 2. С. 319–336.

⁷ *Логвин Г.Н.* Зглибин: Давня книжкова мініатюра XI–XVIII ст. Київ, 1974; *Логвин Г.Н.* Украинское искусство X–XVIII вв.: Очерки истории и теории изобразит. искусств. Москва, 1963.

⁸ *Турилов А.А.* Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. 374 с.

⁹ *Фрыс В.* Галицько-волинська книга XIII ст. // Княжа доба. Історія і культура. Львів, 2007. Вип. 1. С. 211–232; *Фрыс В.* Збережені кириличні книги із земель Галицько-волинського князівства // Історія: Част. 2. (Матеріали V конгресу МАУ). Чернівці, 2004. С. 594–600; *Фрыс В.* Кирилична півустанна книга в Україні XVI — першої половини XVII ст.: особливості письма й оформлення та їх залежність від функціональної диференціації // Збірник праць і матеріалів на пошану Лариси Іванівни Крушельницької / Ред. кол. М.М. Романюк (відп. ред.) та ін. Львів, 1998. С. 303–309; *Фрыс В.* Зі спостережень над репертуаром, історією створення і розвитком української рукописної книги XVI — першої половини XVII століть // Записки НТШ імені Шевченка. Львів, 1997. Т. ССXXXIII (233): Праці Історично-філософської секції. С. 215–238; *Фрыс В.* Сербсько-українські книжкові зв'язки XIV–XVIII ст. (За матеріалами Львівських книгозбірень) // Проблеми слов'язознавства. Збірник наукових праць. Львів, 2004. Вип. 54. С. 173–178; *Фрыс В.* До історії кириличної рукописної книги Перемишльської землі XVI — XVII ст. // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2003. Вип. VII. С. 130–135; *Дольницька [Фрыс] В.Я.* До питання про книгу писання в Рогатині та його околицях у XVI–XVII ст. // Записки Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника. Львів, 1998. Вип. 6. С. 6–8; *Фрыс В.* До питання про книгописання в Рогатині та його околицях // Рогатинська земля: історія та сучасність. Львів, 1995. С. 175–177.

¹⁰ *Боянівська М.* Світські переписувачі книжок в українській книгописній культурі XV — середини XVII століть // Записки НТШ імені Шевченка. Львів, 1997. Т. ССXXXIII (233): Праці Історично-філософської секції. С. 239–250.

¹¹ *Чуба Г.* Текстологическая классификация украинских Учительных Евангелий второй половины XVI века // Славяноведение, № 2. 2002. С. 82–97; *Чуба Г.* Українські учительні Євангелія // Рукописна україніка у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України та проблеми створення інформаційного банку даних. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції 20–21 вересня 1996 р. Львів, 1999. С. 294–302; *Чуба Г.* Зі студій над українськими учительними Євангеліями другої половини XVI–XVII ст. (Генеза та особливості стилістичної організації текстів проповідей) // До джерел: Зб. наук. пр. на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів, 2004. Т. 1. С. 59–79.

¹² *Левицкий Михаил* (1774–1858 гг.), церковный и общественный деятель, первый кардинал — украинец, много сделал для развития украинского школьного образования в Галиции. Как перемишльский епископ (с 1813 г.) возродил Перемишльскую капитулу, подготовил епархиальный синод 1818 г., где приняли постановление о создании парафиальных школ с преподаванием украинского языка. Также издал народный катехизис «Наука християнская», Буквар (1816 г.); принимал участие в Венском Конгрессе 1815 г. С 1816 г. избран Галицким митрополитом, а с 1848 г. — примасом Галиции. В 1856 г. был номинирован кардиналом. Умер в 1858 г. и похоронен в Уневе. [ЕУ. Львів, 1994. Т. 4: Крушельницький — Місто. С. 1268–1269.]

¹³ *Сидор. О.* Національний музей у Львові в історії музейництва Галичини кінця XIX — початку XX ст. // Літопис НМЛ. Львів, 2004. Вип. 3 (8). С. 6.

¹⁴ *Гарасевич Михаил* (1763–1836 гг.), барон, историк, выдающийся церковный деятель, архипреспытер Львовской капитулы. Активно содействовал возрождению Галицкой митрополии

и утверждению Львовской капитулы. Автор труда про истории украинской церкви — «*Annales Ecclesiae Ruthenae*».

¹⁵ *Сидор. О.* Національний музей у Львові в історії музейництва Галичини кінця ХІХ — початку ХХ ст. // Літопис НМЛ. Львів, 2004. Вип. 3 (8). С. 6.

¹⁶ *Мицько І.* Святоуспенська Лавра в Уневі (кінець ХІІІ — кінець ХХ ст.). Львів, 1998. С. 63.

¹⁷ *Петрушевич А.С.* Каталог церковно-словенских рукописей и старопечатных книг кирилловского письма, находящихся на археолого-библиографической выставке в Ставропигийском заведении. Львов, 1888. С. 7; *Sokolowski M.* Studja i szkice z dziejow sztuki i ciwilizacji. Krakow, 1899. Т. I. С. 485; *Владимиров П.В.* Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от IX до XVII ст. // Чтения в Обществе Нестора Летописца. Киев, 1890. Кн. 4. Отд. 2. С. 20. № 71; *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. С. 570; *Свенцицкий І.* Прикраси галицьких рукописів ХVІ в. Жовква, 1912. Вип. 2. № 18 а, б, в, г, д; *Логвин Г.Н.* З глибин: Давня книжкова мініатюра ХІ—ХVІІІ ст. Киев, 1974. С. 138. Табл. XXXI; *Запаско Я.П.* Рукописна книга як попередник української друкованої книги // З історії книги на Україні. Киев, 1978. С. 85; *Розов Н.Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 64; *Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995. № 89. С. 363–364.

¹⁸ **Игнатий попович Гостиславский**, позже — перемышльский дьякон, был «работником книжным» и переплетчиком: переписал и переплел Евангелие-тетр 1590 г. (Biblioteka Narodowa w Warszawie, Акс. 2595, к. 16zw.–17, 291zw.), переплел Триодь постную 1592 г. (Biblioteka Narodowa w Warszawie, Акс. 2554, к. 344), переплел Евангелие-тетр 1612 г. (Biblioteka Narodowa w Warszawie, Акс. 2720, к. 286zw.) и переписал и украсил инициалами Евангелие учительное 1615 г. (НМЛ, Ркк-95, арк. 63в.).

¹⁹ *Мицько І.* Святоуспенська Лавра в Уневі (кінець ХІІІ — кінець ХХ ст.). Львів, 1998. С. 63; *Чуба Г.* Текстологическая классификация украинских Учительных Евангелий второй половины XVI века // Славяноведение, № 2. 2002. С. 86; *Фрыс В.* Зі спостережень над репертуаром, історією створення і розвитку української рукописної книги ХVІ — першої половини ХVІІ століть // Записки НТШ імені Шевченка. Львів, 1997. Т. ССXXXIII (233): Праці Історично-філософської секції. С. 233; *Боянівська М.* Світські переписувачі книжок в українській книгописній культурі ХV — середини ХVІІ століть // Записки НТШ імені Шевченка. Львів, 1997. Т. ССXXXIII (233): Праці Історично-філософської секції. С. 245.

²⁰ До этого его передал в митрополичий архив о. Цегельский.

²¹ До этого, будучи еще просто дьяком, в 1593 г. переписал Евангелие-тетр. (Львовская национальная научная библиотека Украины имени В. Стефаняка: АСП-81).

²² Бакоцинский монастырь в результате ликвидации был присоединен к Добрянскому в 1744 г. [[*Мацневський М.*] Шематизм провинції св. Спасителя Чина св. Василя Великого в Галиції, уложений по капитулѣ отбувшойся въ монастырѣ св. Онуфрейскомъ во Львовѣ дня 24, и 25 Липця 1866 и короткій поглядъ на монастыри и монашество руске отъ заведеня Руси вѣры Христовой аж по нынѣшное время. Львів, 1867. С. 135].

²³ **Сушко Александр** (1880–1966), историк, журналист и общественный деятель, родом из Галиции; учитель гимназии во Львове и автор ряда трудов по истории Церкви XVI в. 1912–1919 гг. в Виннипеге (Канада), редактор газеты «Канадійський русин» и издатель-редактор научно-литературного журнала «Україна» (2 ч. 1918–1919). Переехал в Чикаго, где был преподавателем истории славянских народов в университете. Умер в Чикаго. [ЕУ. Львів, 2000. Т. 8: Сигаревич-Тимковські. С. 3110–3111].

²⁴ Евангелие списано в 1608 г. Григорием Тымковичем дидакалом училища Яворовского. В 1595 г., будучи еще дьяком церкви соседнего села Лелехивка, он переписал еще одно Евангелие (Институт рукописи Национальной библиотеки им. В.И. Вернадського НАН України, № 2789). [см. *Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995. С. 92].

²⁵ **Шербаківський Вадим Михайлович** (17.III.1876, с. Шпычинци, ныне Житомирской обл. — 18.III.1957, Лондон) — археолог, этнограф и музейщик, выдающийся исследователь средневекового искусства. [*Шудра Є.С.* Дослідники народного мистецтва: Біобібліографічні нариси. Зошит 3 / За ред. д-ра мистецтвознавства М.Р. Селівачова. Київ, 2008. С. 44–48.]

²⁶ *Свенцицкий І.* Опис рукописів І. Кириличні пергамини ХІІ—ХV вв. збірки Національного музею. — Львів, 1933. — С. 7; Предварительный список славяно-русских рукописей ХІ—ХІV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца ХІV в.

включительно») // АЕ за 1965 год. М., 1966. № 389; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия. М., 1984. № 324.

²⁷ В музейном собрании хранится еще одно рукописное Евангелие Учительное (Ркк-456), переписанное ним в 1650 г., которое поступило в музей 22.10.1912 г. из села Воскресная Старо-самборского деканата. Возможно он же переписал Апостол начала XVII в. из Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника: (НД-84), где подписался Юрием поповичем трушовским.

²⁸ Церковь в с. Коренец филиал прихода церкви городка Бирча.

²⁹ Літопис НМЛ за 1934 р. / Неперіодичне видання Союзу прихильників Нац. музею. (перевидання). Львів, 2001. С. 11.

³⁰ **Гнатишак Николай** (5.12.1902–8.11.1940 гг.) — украинский литературовед. Родился в Перемышле. Окончил Бродовскую и Станиславовскую гимназии, а в 1922 г. факультет славянской филологии Карловского университета в Праге. Проживал во Львове (1921–1926 гг.). Защитил докторат по философии в Украинском научном институте в Берлине. С 1930 г. член Украинского историко-литературного общества во Львове. В 1931 возвратился во Львов, работал редактором в украинских изданиях «Мета», «Христос — наша сила». Перподавал украинский язык и литературу в Греко-католической семинарии (1931–1939) и Львовской Богословской Академии. В 1939 г. выехал в Чехословакию. В 1940 г. был лектором славянского семинара в Венском университете. Умер в г. Либерштадт под Дрезденом (Германия). [*Сирота Л., Гнатишак М.* // Энциклопедія Львова. Т. 1 / За ред. Козицького та І. Підкови. Львів, 2007. С. 527.]

³¹ Четвероевангелие поступило в музей 8 февраля 1910 г. из села Ивановка возле Теревовли от о. Песцьоровского.

³² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия. М., 1984. № 438.

³³ Закупна для збірок Національного Музею з фонду «Дністра» 1914–1919 рр. // Літопис НМЛ за 1936 р. / Видання Союзу прихильників НМ. (перевидання). Львів, 2001. С. 49.

³⁴ Отец Анисии, жены И.С. Свенцицкого.

³⁵ **Константинович Ярослав** (1893–?) — исследователь и критик церковного искусства. Автор труда по западноукраинским иконам и иконостасам («Ikonostasis», 1939 р.) [ЕУ. Київ, 1996. Т. 3. С. 1111].

³⁶ **Пещанский Владимир Павлович** (28.10 (10.11) 1873, село Добре — 26.08. 1926, Львов) — кадровый офицер, инженер-архитектор, реставратор архитектуры, живописи и декоративного искусства, коллекционер, исследователь икон и ковров. [*Шудря Є.С.* Дослідники народного мистецтва... С. 37–40.]

³⁷ **Боцян Иосиф** (1879–1926 гг.) — писатель, украинский греко-католический епископ Луцкий, высеченный митрополитом Андреем Шептицким в 1914 г. в Киеве, не допущенный к своей кафедре и епархии польским правительством. Перевел на украинский язык труд Фомы Кемпинского «Наслідвання Христа»; сотрудник различных богословских и научных журналов [ЕУ. Київ, 1993. Т. 1: А–Г. С. 168].

³⁸ **Гординский Ярослав** (1882–1939) — литературовед и педагог, родом из Галиции; профессор Академической гимназии во Львове, Украинского Тайного Университета, действительный член НТШ. Автор трудов по истории украинской литературы. [ЕУ. Київ, 1994. Т. 2: Г–З. С. 411].

³⁹ **Дольницький Исидор** (1830–1924) — украинский греко-католический священник, прелат. Преподаватель Коллегиума св. Атанасия в Риме (1857–1877 гг.) Духовник и преподаватель в Греко-Католической Духовной Семинарии во Львове (1877–1924). Автор многочисленных новых богослужений греко-католической Церкви, «Типіка Церкве руско-католическая», «О священних обрядах гр.-кат. Церкви». [ЕУ. Київ, 1994. Т. 2: Г–З. С. 560].

⁴⁰ *Свенцицький І.* Опис рукописів І. Кириличні пергамені XII–XV вв... С. 6, табл. № 7–8; *Жуковская Л.П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 321; *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 364; ПС № 207; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия. М., 1984. № 235.

⁴¹ *Свенцицкий И.* Опис рукописей И. Кириличні пергамені XII–XV вв... Львів, 1933. С. 5, 11, табл. № 5–6; ПС № 198; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. / АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия. М., 1984. № 245.

⁴² *Фетисов И.И.* Українські рукописи збірки Ю.А. Яворського // Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. Київ, 1931. Т. 3. С. 17–31.

⁴³ *Зінченко С.* Розп'яття XV ст. на оправі Євангелія 1571 р. із с. Угорок. (Унікальний вид інтролігаторства) // Сакральне мистецтво Бойківщини: Третє наукове читання пам'яті Михайла Драгана: Матеріали виступів на конференції 19–20 листопада 1998 р., м. Дрогобич / Музей «Дрогобиччина». Дрогобич, 1998. С. 132–136.

⁴⁴ **Масцюх Василь** (1873–1936) — церковный деятель; греко-католический священник родом с Лемковщины. Доцент канонического права Львовского университета и профессор Греко-Католической Духовной семинарии в Перемышле, основатель и действительный член Богословского научного товарищества во Львове (1912–1916). С 1934 г. первый апостольский администратор Лемковщины. [ЕУ. Львів, 1994. Т. 4: Крушельницький — Місто. С. 1488.]

⁴⁵ Прототипом этих иллюстраций стали текстовые гравюры известного краковского издания Николая и Станислава Шарфенбергов 1561 р. Библии Яна Леополиты (Biblia Leopoldy. Kraków: Mik. i Stan. Szarffenberger, 1561 р. НМЛ: Сдл-296.).

⁴⁶ **Пачовский Михаил** (лит. псевдоним. Михань Лопач; 1861–1933) — педагог и писатель; преподавал во Львове, Коломые, был директором частной гимназии в Долине (1911–1922); Член «Украинской Национальной Рады ЗУНР». Автор исследований «Про руські биліні і думи» (1895), «Похоронний обряд на Русі» (1903), «Віймки з українського письменства XI–XVIII ст.» (1911), «Ілюстроване укр. руське письменство в життєписах» (1909); автор-составитель учебников. [ЕУ. Львів, 1996. Т. 5: Місто — Перемишлянинь. С. 1965.]

⁴⁷ **Лавровский Владимир** (1850–1934) — сын Юлиана Лавровского, общественный деятель, один из основателей и первых членов украинского Сокольнического общества 1892–1898; подготовил учебник по пожарной обороне, устав Сокольнического общества, составитель учебных пособий проведения соревнований [ЕУ. Львів, 1994. Т. 4: Крушельницький — Місто. С. 1251.]

⁴⁸ Переписал в 1564 г. Евангелие, ныне хранится в собрании рукописей Львовского исторического музея (Рук. 5).

⁴⁹ Кириличні рукописні книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаніка НАН України: Каталог. Т. 1: XI–XVI ст. / Уклад.: М.М. Кольбух (голов. ред.), Т.М. Гуцаленко, О.О. Дзьобан, І.Я. Патер, І.Р. Сус, Г.В. Чуба; Передм. М.М. Кольбух; Уклад. наук.-довідк. Апарату: М.М. Кольбух, Я.П. Сенік; НАН України. ЛНБ ім. В. Стефаніка. Львів, 2007. С. IV.

⁵⁰ Акт приёма № 38 от 7.08.1961 г.

⁵¹ **Жолтовский Павел** (08.12.1904–30.08.1986 гг.) — украинский искусствовед, историк. Лауреат Государственной премии им. Т. Шевченко (1971), премии Академии наук им. И. Франко (1984). С октября 1946 г. сотрудник Львовского музея этнографии и художественных промыслов, с 1951 г. преподаватель истории искусств во Львовском полиграфическом институте (ныне «Українська академія друкарства»). Член Союза художников Украины, Общества охраны памятников истории и культуры. Похоронен на Лычаковском кладбище во Львове. [Янчак Я. Жолтовський Павло // Енциклопедія Львова. Т. 2 / За ред. Козицького. 2008. С. 338–339].

В.Я. Фрыс

ФОРМИРОВАНИЕ В УКРАИНЕ НОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КИРИЛЛИЧЕСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ (60-е гг. XX — начало XXI вв.)

При исследовании древних рукописных кодексов приходится постоянно обращаться к старым, давно сложившимся, коллекциям и это является обычной практикой. Информация о наиболее интересных книгах таких собраний опубликована с XIX в., сами коллекции имеют более-менее приличные, рукописные же, каталоги, а в некоторых библиотеках и музеях идет работа над изданием печатных каталогов. В частности в Национальной библиотеке Украины им. В. Вернадского (далее НБУВ) ведется активная работа над полным описанием наиболее древних кириллических рукописей, и вышло уже два выпуска «толстых» подробных каталогов рукописей XIV и XV вв.¹ В этих изданиях представлены научные археографические описи и кодиколого-орфографические исследования славянских кириллических рукописных кодексов и фрагментов из фондов Института рукописи НБУВ с расширенным научно-исследовательским аппаратом, приведены палеографические альбомы с иллюстрациями образцов текста и почерков писцов из всех рукописей. При описании рукописных кодексов в названных каталогах были учтены современные достижения археографии, палеографии, кодикологии и кодикографии, а также исследованы средневековые южно- и восточнославянские графико-орфографические системы, проведены новые атрибуции, в каталоги внесены еще не зафиксированные ранее кодексы. Ведется работа над следующими выпусками: рукописей XIII и XVI вв. Интенсивная работа ведется и в старейшем книгохранилище Украины — Львовской национальной библиотеке имени В. Стефаника НАН Украины: в 2007 г. — там вышел первый том каталога кириллических рукописных книг². Этот каталог не содержит таких глубоких научных изысканий как каталоги НБУВ, но он достаточно полон и на его страницах приведены писцовые и вкладные записи из описанных рукописей, готовится к печати том второй.

Однако тем, кто постоянно собирает информацию обо всех известных рукописных кодексах, довольно часто приходится сталкиваться с новообразованными коллекциями. Тут мы имеем ввиду не те собрания, которые создавались из национализированных частных собраний в 20–30-е годы XX в. на территории, вошедшей в состав Советского Союза, и не собрания из западноукраинских земель, где после Второй мировой войны на основе старых частных коллекций и библиотек укрупнялись уже существующие, также старые, и формировались государственные собрания³. Мы обратим внимание на собрания, которые начали формироваться со второй половины XX в. Они практически не вызывают интереса исследователей, упоминания о них появляются в отдельных докладах при информации о нововыявленных рукописях и каталогах новых собраний⁴, а также в путеводителях по музеям.

Появление новых коллекций имеет свою предисторию: на Украине в 60–70-х гг. XX в. остро ставится вопрос о сохранении культурных ценностей, которые находились на грани уничтожения, в основном в недействующих храмах, прекративших свою деятельность, а по сути закрытых властями уже в начале 60-х годов как оплоты чуждой идеологии и мракобесья. Храмы на новых территориях, которые вошли в состав СССР после Великой Отечественной войны, фактически не имели драгоценностей, поскольку калейдоскоп смены властей, прокатившийся по западноукраинским землям с начала Первой до окончания Второй мировой войны не оставил шансов простым приходским церквям на обладание утварью из драгоценных металлов с дорогими камнями или жемчугом. Однако они обладали огромным богатством в виде старых иконостасов, икон, кованых изделий и т. п., на которые военные власти не обращали внимания. Ряд львовских музеев, в частности Львовская картинная галерея под руководством Б.Г. Возницкого, поставили себе целью в первую очередь сохранение культурно-художественного наследия, которое начало исчезать практически у них на глазах, а потому уже в начале 60-х годов начали организовывать первые экспедиции. Сначала это были одиночные поездки в закрытые храмы, о которых поступала информация, что их должны переделать в автобусную станцию, склад или снести, а там по сведениям искусствоведов находился уникальный иконостас, иконы или скульптура (речь идет не только о церквях восточного обряда, но и о католических костелах, которые с эмиграцией поляков на запад утратили своих прихожан и прекратили функционировать). Со временем поездки стали регулярными, музеи разделили территорию между собой и начали систематическую работу, ухитрившись при этом заручиться поддержкой управления культуры при облисполкоме и отдела культуры при обкоме КПСС. В ходе регулярной поисковой работы, среди икон, крестов и иконостасов в поле зрения музейщиков попали и старые церковные книги. Сначала из экспедиций, в первой половине 60-х годов, во Львовскую картинную галерею стали привозить старопечатные книги, а первая рукопись попала в собрание, ставшее основой Музея Ивана Федорова, в 1966 г.⁵ Разные музеи относились к обнаруженным книгам по-разному: сотрудники Музея украинского искусства, основанного в 1900 г. митрополитом Андреем Шептицким, для которого специально собиралась коллекция раритетных рукописей и старопечатных книг, будучи ограниченными в площадях, выбирали единичные экземпляры старопечатных изданий, но рукописи брали все, которые попадали в поле зрения (хотя их было не так уж много, и они присоединялись к старой коллекции). Сотрудники Львовской картинной галереи брали все подряд, не имея сил оставить на верную гибель иконы, кресты и старые книги в разрушающихся храмах, четко понимая, что это «не их профиль». Оставим в стороне вопрос возникновения маленьких разнопрофильных музеев при Львовской картинной галерее, которые открывались на материалах, привезенных из экспедиций. Но один музей — Ивана Федорова, для нас интересен тем, что он не только был создан на основе коллекции привезенных из экспедиций рукописных и старопечатных книг, но, открытый в конце 1977 г., сумел стать организатором ежегодных книговедческих конференций. Они проходили под названием «Федоровский семинар», поскольку по каким-то чиновничьим меркам,

маленькому музейчику, отделу Львовской картинной галереи, «не положено» было проводить конференции. Музей стал своеобразным центром, который не только стимулировал исследовательские работы над старой книгой, но и в самом музее, проводилась исследовательская работа, описывались привезенные из экспедиций, закупленные или подаренные кодексы; при описывании коллекции подбирались термины и формировались языковые обороты, которые наиболее точно и сжато отображали параметры, необходимые для музейной описи, например, рукописей. В то время для украинского языка это было проблемой, поскольку не только не существовало послевоенных наработок, но и почти не было доступа к книговедческой довоенной литературе на украинском языке, поскольку вся она (за исключением разве что каталогов И. Свенцицкого) была признана буржуазно-националистической и упрятана в спецхран, а более старая (XIX в.) устарела и не всегда соответствовала современным требованиям и научным стандартам. Сейчас наработками музея, сами того не замечая, пользуется много книговедов на Украине, дорабатывая, улучшая и приспособляя их к своим потребностям. С 70-х годов активную поисковую работу ведет и Львовский музей народной архитектуры и быта — сотрудники ездили в экспедиции по разным регионам Западной Украины с целью выявления новых экспонатов и сформировали небольшую (более 10), но очень интересную коллекцию рукописных кодексов из отдаленных районов украинских Карпат.

У львовских музейщиков в экспедиционной работе появляются последователи, в частности в Воынской, Ривненской, Ивано-Франковской и других областях. В конце XX в. возникают новые коллекции при государственных музеях в Ивано-Франковске, Луцке, Остроге, Ривно. Об экспедиционной работе музеев начинаются разговоры как в среде музейщиков, так и местной интеллигенции. Тут нам важно подчеркнуть момент стимуляции интереса к древностям среди музейщиков и общественности.

На протяжении 60–80-х гг. на Украине активно пополняются и формируются новые коллекции (они так и остались небольшими собраниями при государственных музеях), но почти каждый год приносит новые интересные находки с уникальными вкладными записями и пометами на полях. Появляются и частные коллекции. Они, в основном, являлись собственностью лиц, которые много ездят по селам, в том числе по Карпатским и в других малодоступных районах, в связи со своей служебной деятельностью (землемеры, операторы кинопередвижек и т. п.). Они-то и стали основными частными собирателями и коллекционерами. Приезжая на день-два в отдаленную горную деревню по служебным делам, останавливаясь на ночлег, можно было и разговор пустить в нужное русло, и напроситься посмотреть церковь — действующую или закрытую для богослужений (ключи в таком случае были у председателя сельсовета или бригадира), и выпросить или купить выявленную там рукопись (в крайнем случае, украсть, когда сопровождающий зазевается).

Общей особенностью новых собраний того времени было то, что пополнялись они, в основном, богослужебными книгами, и то, что в коллекции оказывались практически все рукописные кодексы и фрагменты, которые попадались в экспедициях, поездках, путешествиях или приносили заинтересованные лица.

В 90-е годы наблюдается некое затишье в пополнении коллекций, собрания, которые возникли в 60–80-х гг., расформируются после смерти коллекционеров. Тут, наверное, стоит вспомнить, что современные частные коллекции, в отличие от старых родовых библиотек XVII–XVIII вв., — это довольно недолговечные образования, которые, обыкновенно, расформируются после смерти владельца — дети, как правило, не интересуются увлечениями отца и распродают коллекции по частям или оптом. Книги из этих собраний, казалось бы, пропадают навсегда.

Однако с возникновением большого и среднего капитала в конце XX — и начале XXI в. возникает потребность вложить часть денег в валюту, которая не подвергается обесцениванию и, среди прочего, проявляется интерес к художественно-культурным ценностям. Со временем, с ростом знаний у таких коллекционеров появляется интерес к предмету накопления, азарт собирателя. Это время характеризуется ростом частных коллекций, в том числе и рукописных кодексов. Новые коллекционеры книг предъявляют более высокие требования к рукописям, чем музейщики, но и возможности у них значительно больше, чем у государственных учреждений.

Насколько мне известно, сейчас на Украине, особенно в Киеве и крупных городах, работает целая индустрия, включающая в себя антикваров и агентов-собираателей, реставраторов и экспертов, которые предлагают интересные экземпляры для коллекций. Тут и начали появляться рукописи из, казалось бы, навечно пропавших коллекций. Какое-то время распространяются распечатанные на принтере «каталоги» коллекций известных в прошлом собирателей, в которых указаны лишь основные параметры кодексов, а уже при интересе конкретных лиц к конкретным позициям предоставляются для осмотра экспертные заключения и сами рукописи. Вследствие такой деятельности появились довольно интересные собрания. По данным львовских букинистов только во Львове существует, как минимум, семь собирателей старопечатных кириллических книг, коллекции которых насчитывают от 20 до 200 и более книг, но только двое из них собирают и кириллические рукописи. Что же касается Киева и других, более «богатых» городов, то там, очевидно, их значительно больше.

Хочу подчеркнуть, что возникновение новых коллекций — явление отнюдь не уникальное, и Украина не исключение: только в каталоге церковнославянских рукописей, хранящихся в Польше, мне удалось насчитать около двенадцати частных коллекций кириллических рукописных кодексов, не считая новых коллекций, сформированных сотрудниками государственных музеев⁶. С большой долей достоверности аналогично можно говорить, и о новых коллекциях книг в России, сведения о которых время от времени проскальзывают в разных сообщениях об открытиях выставок или меценатской деятельности.

¹ *Гнатенко Л.* 1) Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. Каталог. Київ, 2003; 2) Слов'янська кирилична рукописна книга XIV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. Каталог, кодиколого-орфографічне дослідження, палеографічний альбом. Київ, 2007.

В.Я. Фрыс. Формирование в Украине новых коллекций...

² Кириличні рукописні книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України. Каталог. Т. I. XI–XVI ст. / Укл. М.М. Кольбух та ін. Львів, 2007.

³ Имеются ввиду такие библиотеки как современные НБУВ, Харьковская Научная библиотека им. В. Короленко, Одесская научная библиотека, Львовская научная библиотека им. В. Стефаника НАН Украины и др.

⁴ *Фрыс В.Я.* 1) Собрание рукописей Музея Ивана Федорова во Львове // Федоровские чтения 1981. Москва, 1985. С. 215–219; 2) Рукописи музею Івана Федорова: Каталог. Львів, 1993.

⁵ См.: *Фрыс В.Я.* Собрание рукописей Музея Ивана Федорова во Львове. С. 215–219;

⁶ *Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce. Katalog / Opracowali A. Naumow, A. Kaszlej. Kraków, 2004. 571 s.*

Т.Г. Казанцева

ПЕВЧЕСКИЕ РУКОПИСИ ЗАБАЙКАЛЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ КНИЖНОГО КОМПЛЕКСА СТАРОВЕРОВ-СЕМЕЙСКИХ*

Среди собранных сибирскими археографами коллекций крюковых певческих рукописей наиболее объемной следует назвать Забайкальскую, репрезентирующую одну из важнейших составляющих книжной культуры староверов-семейских. Певческие рукописи семейских находятся в двух хранилищах Новосибирска — Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (44 ед. хр.), Секторе археографии и источниковедения Института истории СО РАН (5 ед. хр.); в фондах нескольких учреждений Улан-Удэ — Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (12 ед. хр.), Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (7 ед. хр.), Государственном Архиве Республики Бурятия (1 ед. хр.); а также в научных библиотеках, архивах и музеях Улан-Удэ, Читы, Иркутска, Кяхты.

Тот факт, что книги оказались в разных хранилищах, обусловлен разновременной и первоначально нецентрализованной собирательской деятельностью на территории Забайкалья. Целенаправленная археографическая работа в районах компактного проживания староверов-семейских началась только в 1959 г., когда в ряд районов Бурятии была направлена экспедиция Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР совместно с Бурятским комплексным научно-исследовательским институтом СО АН СССР (участники — В.Б. Павлов-Сильванский, А.И. Рогов, Г.И. Охрименко). За три последующих года полевых исследований экспедицией была собрана довольно объемная коллекция рукописей и старопечатных книг¹, которая первоначально находилась в Археографической комиссии, а затем была передана на хранение в ГПНТБ СО РАН.

В конце 1960-х г. в обозначенном регионе началась самостоятельная работа сибирских археографов. Совместные и параллельные изыскания ученых Новосибирского государственного университета (при участии сотрудников ОРКиР ГПНТБ СО РАН) и Института истории СО РАН привели к формированию двух автономно существующих собраний².

Другие региональные фонды складывались, по-видимому, в более ранний период, и их пополнение носило несистемный, зачастую случайный характер, далеко не всегда фиксировались время, место и условия приобретения тех или иных памятников. Остается лишь предполагать, что возможными источниками поступления книг и рукописей были первоначально монастырские, церковные и общинные библиотеки различных религиозных конфессий, конфискованные советской властью в первые послереволюционные десятилетия, и библиотеки

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект «Рукописные и старопечатные книги Забайкалья», № 08-01-00348 а).

частных лиц, которые организации приобретали в последующее время. Так, основу фонда Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова составляют книги, переданные ему в начале 1930-х г. в процессе ликвидации церквей, а также книги из личных библиотек А.П. Борисова и Н.А. Ефимова, приобретенные музеем в 1980-х годах³. Известно также, что часть собрания ИМБиТ СО РАН составили книги и рукописи из библиотеки епископа Иркутско-амурского Афанасия⁴, конфискованной при аресте Владыки.

Таким образом, книжный комплекс забайкальских певческих рукописей является раздробленным, рассредоточенным по разным фондам, находящимся на значительном удалении друг от друга. Каждая из его частей, несомненно, информативна, однако эта информация фрагментарна и не обладает системными качествами.

Кроме того, разрозненность коллекций вступает в явное противоречие с типом культурной среды, в контексте которой функционировал данный вид книжности. Как отмечалось выше, интересующие нас памятники музыкальной письменности ранее принадлежали староверам-семейским, которые (наряду с «поляками» Алтая) имеют уникальную историю переселения в Сибирь, отличную от других старообрядческих сообществ. Они являются потомками ветковских старообрядцев, этапированных в 60-е годы XVIII в. из Польши в Сибирь целыми населенными пунктами и общей численностью до 20 тысяч человек. На Алтае и в Забайкалье они также образовали компактные поселения, сохранив прежний религиозный, бытовой и культурный уклад⁵.

Книжная (в том числе и певческая) традиция семейских обладала изначальной целостностью, и задача современного исследователя состоит в реконструкции этой со временем утраченной целостности. Единственно возможное решение данной задачи на начальном этапе — выявление в указанных фондах всех экземпляров принадлежавших семейским рукописных певческих книг, их полное палеографическое описание, то есть формирование базы источников, необходимой для дальнейших научных разработок проблемы типологии богослужебно-певческой традиции данной старообрядческой деноминации.

В ходе работы над описанием и составлением каталогов рукописей собраний ГПНТБ СО РАН, ИИ СО РАН, Музея истории Бурятии, ИМБиТ СО РАН, Национального архива Республики Бурятия нам удалось найти подтверждения в целом очевидного предположения о принадлежности изучаемых списков староверам-семейским и их бытовании на территории Забайкалья. Об этом свидетельствуют многочисленные владельческие записи, содержащие упоминание местных топонимов (села Бичура, Куйтун, Надеино, Мотня, Тарбагатай, Никольское, Новый Заган, Исток-Котокель, Хонхой, Шаралдай, Мухоршибирская почтовая станция, Окино-Ключевская область, Прибайкальский район — поселения, до настоящего времени являющиеся местами компактного проживания староверов) и распространенных среди семейских фамилий (Афанасьевы, Варфоломеевы, Ефимовы, Ивановы, Павловы, Перелыгины, Савельевы, Утенковы, Чебунины и др.). В некоторых случаях имя одного и того же человека встречается на листах книг, находящихся в разных хранилищах. Так, «лужковский мещанин» Авраамий Бобров был владельцем устава «Око церковное» 1633 г. издания, хранящегося ныне в Музее истории Бурятии, и ру-

кописного крюкового сборника (Октоих с Обиходом), находящегося в собрании ГПНТБ СО РАН; имя И.И. Слепенкова упоминается на полях двух певческих рукописей собрания ИИ СО РАН и крюкового Ирмология, принадлежащего ИМБит СО РАН.

Помимо установления территориально-конфессионального единства коллекции работа над каталогами позволила создать более или менее целостное представление о ее содержательной стороне, характере бытования старообрядческой музыкальной книжности в Забайкалье и, шире, о церковно-певческой традиции семейских в целом. Приведем основные наблюдения.

По времени и месту приобретения крюковые книги семейских делятся на несколько категорий. Первую, немногочисленную, составляют рукописи, привезенные старообрядцами с прежнего места жительства. К ней предположительно можно отнести списки, созданные до 60-х годов XVIII в., то есть до времени переселения ветковских староверов в Сибирь.

Следует, однако, иметь в виду, что книги этого периода могли быть приобретены семейскими и в более позднее время. Более надежными свидетельствами могут выступать немногочисленные владельческие записи. Так, упомянутый выше Сборник Авраамия Боброва (10-е годы XIX в.), согласно именованию владельца «лужковским мещанином», по своему происхождению, очевидно, относится к одному из наиболее известных старообрядческих центров на западных рубежах России — Ветковско-Стародубскому (ныне Брянская область), среди старообрядческих населенных пунктов которого упоминаются, в том числе, и Лужки. На одном из листов Праздников, переписанных в 40-е годы XVIII в. (ГПНТБ СО РАН) имеется запись о том, что в свое время эту книгу переплетал Федор Быстров, «из купцов», житель Дубовского посада города Царицына Саратовской губернии.

Вторую, наиболее многочисленную категорию составляют рукописи так называемого «гуслицкого письма», которые безошибочно атрибутируются по характеру оформления переплетов, заставок и инициалов, выдающих руку мастеров подмосковных Гуслиц с их приверженностью к богатой, насыщенной и яркой палитре красок, обилию золота, характерному орнаменту заставок и букв⁷. Вероятнее всего, «гуслицкие» рукописи приобретались в Москве, что подтверждается владельческой записью, помещенной на форзацном листе одного из списков: «Сия Книга Глаголемая Октай певчий Тарбагатайской слободы крестьянина Ивана Чебунина. Куплена въ царствующемъ граде Москве въ 1812 году февраля 15 числа отдано за труд двадцать рублей». Аналогичная запись размещена на форзаце другой певческой книги XIX века: «Сия книга Праздники Романа Мироновича Аленникова куплена в Москве за 22 рубля. С. Бичура 1889, декабрь».

Некоторые из них выписывались по почте, как об этом свидетельствует, например, почтовый штемпель на л. 1 Октоиха с Обиходом рубежа XIX–XX вв.: «В Забайкальскую область, [Мухорши]бирская почтовая станция / село Новый Заган / Ивану Савельевичу Иванову». Почтовые штемпели есть и на других книгах. Судя по датам изготовления рукописей, контакты семейских с Москвой были налажены уже с начала XIX в., но особенно широко «гуслицкая» продукция стала распространяться в Забайкалье в первые десятилетия XX в., когда часть семейских примкнула к Белокриницкой иерархии.

Третью категорию составляют рукописи уральского происхождения. В отличие от «гуслицких» книг, принадлежность того или иного списка уральским скрипториям не очевидна и устанавливается лишь методом сравнительного анализа ряда палеографических примет.

Прежде всего, нами были выявлены книги, владельческие и писцовые записи в которых точно указывают на уральский регион: Демественник начала XIX в. (ГПНТБ СО РАН), принадлежавший черноризцу Бударинской обители⁷ Иоилю, и один из кодексов собрания Музея истории Бурятии, переписчик которого оставил запись следующего содержания: «Писана сия с[вя]тая книга, охтай въ лето [7331] (1723)-го, прирожденцомъ Екатеринбургскимъ Козмою Павловичомъ». Эта рукопись, имеющая точную географическую привязку, характеризуется особым стилем внутреннего декора, значительно отличающимся от гуслицкого: заставки и инициалы в ней выполнены в строгой, аскетичной и даже суровой манере, в цветовой гамме преобладают темно-синие холодные тона.

Аналогичное оформление, а также использование бумаги фабрик, находящихся на пограничных с Уралом территориях Вятской и Tobольской губерний, позволил причислить к данной группе еще шесть списков, рассредоточенных по хранилищам Улан-Удэ и Новосибирска. Показательно также, что все «уральские» памятники ограничиваются временем не позднее 40-х годов XIX в. Вероятно именно в это время семейские поддерживали наиболее тесные контакты с беглопоповцами (софонтиевцами) Урала; впоследствии эта связь оказалась утраченной по причине сознательного перехода уральских часовенных на позиции беспоповства и постепенной самоизоляции.

Наконец, изучаемые собрания располагают образцами, созданными непосредственно в местных скрипториях. Часть из них характеризуется примитивной трансформацией «гуслицкого» стиля орнаментики и невыработанным почерком, другая — вполне сопоставима с продукцией знаменитых подмосковных мастерских.

В последнем случае речь идет о списках, принадлежащих семейскому мастеру И.И. Слепенкову, приобретшему профессиональные навыки крюковой каллиграфии непосредственно в Гуслицах. Его руке принадлежат две рукописи из собрания Института истории СО РАН — «Стих пророка Исаии о последних днях» (нач.: «Уже пророчество совершися пророка Исаии») и сборник праздничных песнопений, созданный «в назидание и добрую память Леонтию Архиповичу Толстову», а также Ирмологий из собрания ИМБиТ, о чем свидетельствует запись еп. Афанасия. Другие списки, принадлежащие перу Слепенкова, пока точно не установлены, хотя нельзя отрицать, что они могут существовать среди многочисленных экземпляров, хранящихся в фондах разных учреждений.

Так, обращает на себя внимание «Стих пророка Исаии о последних днях». Это единственный нотированный духовный стих, встретившийся в семейских крюковых рукописях и, как отмечалось ранее, его запись принадлежит И.И. Слепенкову. Кроме упомянутой рукописи ИИ СО РАН списки стиха содержатся в Сборнике из Забайкальского собрания ГПНТБ СО РАН и на листах, вклеенных в печатное издание Л.Ф. Калашникова певческой книги Праздники из фондов Музея истории Бурятии. Возникает естественный вопрос, не является ли столь настойчивое тиражирование именно

этого текста, как в виде отдельных списков, так и в качестве составной части певческих рукописей богослужебного содержания, проявлением личного пристрастия к нему одного и того же писца, и не является ли И.И. Слепенков создателем всех трех списков, а, следовательно, других песнопений, находящихся в этих сборниках?

Однако строго доказательных ответов на эти вопросы пока не существует. Для установления принадлежности указанных рукописей руке Слепенкова требуется более тщательный, в том числе и почерковедческий анализ. К сфере гипотез можно отнести и предположение о том, что у семейского мастера были ученики, косвенным свидетельством чему являются записи в одной из рукописей. Естественно, на основании столь скудной информации невозможно говорить о местной школе книжного письма, однако она дает возможность хотя бы поставить вопрос о ее существовании.

Что касается содержательного аспекта изучаемого комплекса певческих книг, то все входящие в него памятники однородны и относятся к единой традиции музыкальной письменности, условно определяемой как «поповская». Гимнографический текст в них является дореформенным, но содержит новоистинноречную фонетическую редакцию. Звуковысотное положение неум музыкального текста уточняется при помощи как киноварных помет, так и тушевых признаков, введенных Александром Мезенцем в 1668 г. Все эти «новации» на раннем этапе были восприняты только староверами беглопоповского направления, приверженцами которого до настоящего времени остается большинство забайкальских старообрядцев⁸. Впоследствии данная традиция оказалась общей как для поповцев (белокриничников и, позже, «новозыбковцев»), так и для часовенных, что позволяло семейским активно пользоваться книгами, созданными в среде их «идеологических оппонентов».

Наличие же в собрании всех типов книг, сложившихся в русской богослужебной практике к периоду раскола Церкви, включая книги демественного пения (с соответствующей формой невменной записи), а также музыкально-теоретических руководств (певческих азбук) позволяет утверждать, что свод песнопений, составляющий ядро канонической системы, был востребован у семейских в полном объеме. Судя по тому, что в собрании преобладают книги позднего написания (включая первые десятилетия XX в.), можно предположить, что певческая традиция вплоть до указанного времени поддерживалась на достаточно высоком уровне и сохраняла не только простые, но и наиболее сложные формы культового пения, которые оказались катастрофически утраченными всего за какие-то несколько десятков последних лет.

¹ О результатах экспедиций Археографической комиссии АН СССР см.: Павлов-Сильванский В.Б., Рогов А.И. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 216–221; Павлов-Сильванский В.Б., Рогов А.И. Рукописные и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1960 году // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 206–214; Костина Р.В., Павлов-Сильванский В.Б. Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1962 году // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 422–424.

² О результатах данных экспедиций см.: Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1965 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274; Алексеев В.Н. Археографические экспедиции

Сибирского отделения АН СССР и комплектование фонда сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Вып. 14. Новосибирск, 1973. С. 5–16; *Чернышова Т.Н.* Об археографической работе в Бурятии в 1972 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 164–166.

³ *Очирова Ц.-Х., Бородихин А.Ю.* Книги кириллической печати в собрании Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова: Каталог. Новосибирск, 1999. С. 3–7.

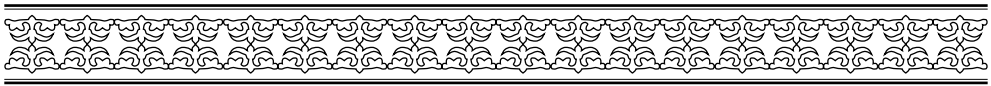
⁴ Афанасий, епископ Иркутско-амурский, в миру Амвросий Феофанович Федотов (1879–1938), житель с. Тарбагатай Верхнеудинского уезда Забайкальской обл., первый священник из среды семейских, принявший Белокриницкую иерархию; возведен в духовную степень иерея в 1923 г. еп. Дальневосточным Иосифом, занял архиерейскую кафедру в 1929 г. после смерти еп. Иосифа; арестован в 1936 г., погиб в 1938 г. См.: Священномученик Афанасий, епископ Иркутско-Амурский: Житие. Улан-Удэ, 2002.

⁵ Об истории семейского старообрядчества см.: *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920; *Покровский Н.Н.* К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Известия СО АН СССР. 1975, № 6, вып. 2. С. 109–112; *Болонев Ф.Ф.* Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1992; *Лобанов В.Ф.* Старообрядческие общины Забайкалья и самодержавие первой половины XIX века: Дис. ... канд. исторических наук. Новосибирск, 1982.

⁶ О рукописях «гуслицкого» письма см.: *Бобков Е.А.* Певческие рукописи гуслицкого письма // Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. Л., 1977. С. 338–394.

⁷ Бударинская обитель — один из крупных центров староверов-часовенных на Урале.

⁸ В настоящее время догматическая ситуация в семейском старообрядчестве далеко не однозначна. См. об этом: *Казанцева Т.Г.* Семейские как этноконфессиональный феномен // Народная культура Сибири: Материалы XIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2004. С. 184–188.

А.Ю. Бородихин

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НИЖНЕГО ЕНИСЕЯ*

Археографическое изучение старинных книжных памятников как традиционного пласта русской духовной культуры в Сибири продолжает оставаться актуальной проблемой, а археографические экспедиции, открывшие «Сибирь много- и древнекнижную», — главным способом пополнения уникальных коллекций старопечатных и рукописных книг новосибирских фондохранилищ. Наличие книг древнерусской традиции в том или ином районе Сибири связывается именно с их старообрядческим прошлым. Старообрядческая среда бережно хранит драгоценные экземпляры книжных памятников и целые собрания древнерусских рукописей и старопечатных книг в «живом» обращении.

Начиная с 1965 г. и по сей день отдел редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН ведет археографическую работу на территории Сибири и Дальнего Востока, в общем плане предполагающую обнаружение, фиксацию и приобретение старинных книжных памятников; а также работу по выявлению и описанию не введенных в научный оборот книжных собраний сибирских хранилищ (библиотек, музеев, архивов); научное их описание; комплексное изучение полученных в экспедиции памятников средневековой русской культуры.

* * *

Полевые исследования старообрядческих поселений ведутся по методикам, выработанным многолетней совместной экспедиционной работой учреждений Сибирского отделения РАН и Новосибирского государственного университета с учетом опыта археографических экспедиций различных образовательных, академических и библиотечных учреждений Петербурга, Москвы, Екатеринбурга. Основу наших методик составляет комплексный подход к книге, в процессе поисков учитывающий ее «культурно-бытовое, историческое окружение»¹, что позволяет вести полноценную экспедиционную работу в условиях современной Сибири, с учетом большого количества старообрядческих согласий и толков.

* * *

Летне-осенний экспедиционный сезон 2009 г. был насыщен поездками по старообрядческим поселениям, расположенным в таежной зоне нижнего течения Енисея, Подкаменной Тунгуски и ее притоков. Были обследованы поселки старообрядцев титовского согласия и так называемых антониевцев, или обительских. Последняя группа верующих, проживающая в этом традиционно старообрядческом районе с начала XX в., в настоящее время представляет зна-

* Полевые работы выполнялись при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-18068е, «Книжные и певческие традиции старообрядцев Верховья и Среднего течения Енисея»).

чительный интерес для археографов. Результатом работы в этой общине стало приобретение для дальнейшего исследования и введения в научный оборот рукописного сборника, созданного основателями согласия, отцом Антонием и его единомышленниками.

Составленный в 70–80 г. XIX в. настоящий сборник представляет собой важнейший документ, отражающий характер и содержание усилившихся к этому времени острых разногласий в далеко уже не едином старообрядческом мире. В Цветнике Антония, на добрую треть состава включающем только библиографические указания на авторитетные источники, обсуждаются вопросы хронологии ветхозаветных и новозаветных событий, исторической оправданности троеперстия (!), достоинства церковных иерархов, отношений старообрядцев с императорской властью, их клятв и присяг и мн. др. Через руки авторов-составителей Цветника прошло множество книг, рукописных и печатных, на родном языке (русском) и латинском (!), изданных в Москве и Вильно, Варшаве и Остроге. Большинство цитируемых книг сопровождается точными указаниями на место и время выхода книги, нахождение в ней приводимого фрагмента, в случае с рукописными книгами указывается ее владелец, например, Кузьма Степанович Плотников, житель г. Казани, купец и почетный гражданин, обладатель «древлеписменной харатейной» Кормчей. Источниковедческий анализ и историческая оценка этого не простого по своему содержанию Цветника, конечно же, дело будущего. Но уже сейчас необходимо обратить внимание на важное место, которое занимает Цветник Антония в реконструкции истории братства («обительских»), а также репертуара и состава общинной библиотеки, остатками которой обладают нынешние представители этой группы верующих.

В обиходе общины до настоящего времени обретаются великолепные экземпляры печатных изданий, многие из которых представляют собой ценнейшие книжные памятники, созданные в типографиях Ивана Федорова, на Московском Печатном дворе первой трети XVII в. и др. Кроме того, мы обладаем сведениями о хорошо поставленной в прошлом книгописной деятельности в общине, традиции которой сегодня пробуют возрождать.

* * *

Из вновь открытых районов «живого» бытования книжных памятников древности отметим старообрядческие поселения Туруханского района, административно подчиненные поселкам Ворогово и Индыгино. Во второй половине XX в. этот регион пережил две крупные миграционные волны, определившие состав и современный характер сложившегося в этих местах «сельского мира». С одной стороны, это первопоселенцы и их потомки, пришедшие в эти края еще в 60-е гг. и наиболее активно их осваивавшие, развивая лесозаготовочный, охотничий и рыболовный промыслы. Появившиеся здесь уже в то время отдельные представители сибирского старообрядчества еще не составляли значительное большинство, которое, с другой стороны, мы наблюдаем сегодня после мощного переселения в 90-е годы в эти края старообрядческих семейств с верховьев Енисея (республика Тыва), рек Тея и Абакан (республика Хакасия), Кизир и Казыр (юг Красноярского края). Результатом такой миграции стало появление новых и укрупнение старых поселков в северных районах Красно-

ярского края (Туруханском и Северо-Енисейском), а также в Эвенкии (Байкитском районе). В конечном счете, это обстоятельство привело к необходимости заново пересматривать планы и направления археографических маршрутов в будущем, особенно в перечисленных районах, давно находящихся в поле зрения новосибирских археографических экспедиций.

Многочисленные родственные связи старообрядческих семейств, с которыми нам удалось в нынешних поездках установить контакты, позволяют надеяться на плодотворное и результативное сотрудничество с ними ученых-археографов в будущем. В абсолютном своем большинстве подобные контакты затрагивают конфессиональные и родственные связи, пожалуй, самой распространенной в этих краях группы — староверов-часовенных. Несмотря на в целом довольно однообразный круг древнерусской и старообрядческой книжности, бытующий в рамках этого согласия, относящийся к удовлетворению, прежде всего, служебных (церковных) потребностей, в общинном обиходе часто используются довольно древние (XVI–XVII вв.) книжные экземпляры, прежде всего печатные, издания московского Печатного двора, типографии Киево-Печерской лавры, редкие старообрядческие издания: Апостол (печатника А.Т. Невежи), Минея общая и Октоих (печатников Н.Ф. Фофанова и П.В. Федыгина), Минеи служебные (печатника Иосифа Кириллова), Учительное Евангелие Кирилла Транквиллиона Ставровецкого (Рохманово, 1619), Катехизис Лаврентия Зизания (Гродно, 1783 г.), и др.

Из традиционной рукописной книжности стоит отметить разнообразие певческие (крюковые) сборники, Октоихи, Обиходы, относящиеся к XVIII–XX вв., богато иллюминированные и простые, мало украшенные книги. Насколько нам удалось выяснить, в последнее время трудно найти людей, владеющих этой грамотой, способных петь «по крюкам», и этот пласт духовной книжности становится слабо востребованным.

Любопытная часть некоторых семейных библиотек — современные, зачастую составленные в ученических общих тетрадах подборки духовных стихов, традиционных и новых, созданных совсем недавно сочинений, разного рода духовных рассуждений, ответов на вопросы, волнующие нынешнее сообщество староверов. Материалом для подобного творчества служат не только авторитетные в этой среде произведения отцов и учителей церковных, но и выдержки, цитаты из сочинений или просто ссылки на произведения классиков русской литературы: Ф.М. Достоевского, А.М. Горького; диалектико-материалистические произведения Ф. Энгельса; газетные публикации 60-х гг. XX в. («Литературная газета», «Известия»).

Успех археографических поездок прошлых лет, получение информации об истории, объеме и составе частных и общинных старообрядческих библиотек, об их новых владельцах, закономерно влечет за собой новые находки из числа редких рукописей и печатных изданий в будущем. Ранее полученные сведения позволяют не только эффективно выявлять и фиксировать оригинальные и редчайшие памятники древнерусской письменности и печати у старообрядцев Сибири, но и некоторые из них приобретать, получать на хранение в государственное учреждение или во временное пользование. При наличии современных способов копирования и перевода книжных документов в цифровую форму последнее обстоятельство увеличивает возможности археографов

в материальной фиксации результатов их чрезвычайно трудоемкой работы, в основном состоящей из долгих разговоров и бесед с носителями традиций древнерусской культуры.

Детальное описание и изучение литературного и источниковедческого богатства вновь поступивших в собрание ГПНТБ СО РАН книжных памятников еще впереди. В целом экспедиционные поездки 2009 г. можно считать результативными, их итоги положительными, демонстрирующими высокую степень перспективности обследованных районов для продолжения археографического поиска в будущем.

Ниже помещаем сведения о наиболее интересных рукописях и старопечатных книгах XVI — нач. XX вв. из числа 60 находок археографического сезона 2009 г.:

1. **Пролог.** Сводной редакции (сентябрь — февраль). — Полууставная рукопись конца XVI в. (начало реконструировано в XVIII в.). — II ф. + 397 лл. Бумага с водяными знаками конца XVI в. («Гроздь винограда под короной»), бумага рукописной реконструкции нач. XVIII в. («Голова шута»)

(Красноярский край, Эвенкийский АО)

2. **Сборник с апокалипсисом.** — Рукопись-конволют 2-й половины XVII в. — V ф. + 242 лл. Бумага рукописей отливная, западноевропейская, с водяными знаками: а) «Голова шута» (*Хивуд, № 2020, Амстердам, 1688 г.*); б) «Герб Амстердама» (*Хивуд, № 436, Амстердам, 1685 г.*); в) «Seven Provinces» (*Хивуд, № 3142, Лондон, ок. 1689 г.*). Некоторые записи на книге свидетельствуют о бытовании настоящего сборника в среде бегунов-странников. В составе: «Житие Моисея [угрина] (*колонтитул*)». Без начала и окончания; «Слово в н[e](д)[e]лю мясопустную Кирила, архиеп[и](с)[ко]па Александрийска(го), о исходе д[у]ши о(т) тела и о втором пришествии»; «Книга Апокалипсис ... Святаго Андрея, архиепископа кесария Каппадокийския»; [Слово Паладия мниха о втором пришествии Христове, о Страшном суде и о будущей муце, (*без начала*)]; [Слово Ипполита, папы римского, о скончании мира и о антихристе, (*без начала и окончания*)].

(Красноярский край, Эвенкийский АО)

3. **Сборник старообрядческий четий со статьями полемически-догматического характера.** — Рукописный конволют 1870-х — 1900-х гг. — II ф. + 143 + 2 печ. лл. Бумага писчая со штемпелями: а) «Кордяжской Платунова // № 4 // фабрики» (*в справочной литературе сведений нет*); б) «Уральской фабрики // № 6 // Ятесъ и К°» (*Пермская губерния, 1908 г.*); в) «Косинской фабрики // № 3 // Рязанцевых» (*Вятская губерния, Слободской уезд, 1887 г.*); «Кордяжской // Платунова // фабрики» (*Вятская губерния, Слободской уезд, Средн. волость, 1869 г.*). Владельческая запись Павла Андреевича Ужегова (конец XIX в.). В составе: «Выписано ис книг пр[e]п[о](д)[о]бнаго о[т]ца нашего Ефрема Сирина на окончание выхода» (*послесловие книги Слов и Поучений Ефрема Сирина, изданной в Москве в 1647 г., 29 августа*); «Того же с[в]я[т]аго и преподобнаго о[т]ца нашего Ефрема о антихристе»; «Выписано ис книги Пролога ... Слово Иоанна Златоустаго о злых женах»; «М[е](с)[я]ца того же в 31 д[е]нь. В той же день слово о черноризце от Патерика, давшем ризу свою нищему, и яко самому Хр[и](с)ту впаде»; «М[е](с)[я]ца августа в 4 д[е]нь. В той же день слово от Патерика о ядущих мнисех на трапезе»; «М[е](с)[я]ца июня

в 5 день. В той же день слово от премудрости о наказании чад»; «В той же день Слово с[вя]таго Василия о смерти»; «Книга Маргарит, Слово 13 (*вязью*). Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константина града, слово о лже пророках и ложных учителях, и о безбожных скверных еретицех, и о знамениях скончания века сего»; «Моление 4 февраля. Кирила Белоезерскаго и взирая ко иконе»; «Слово о втором Законе и о перво(м) ... Златоуст древлеписменной»; «Выписано из рукописной минеи Четию Макарьевской, м[е](с)[я]ца марта в 3 д[е]нь, Слово с[вя]таго Симеона Новаго Б[о]г[о]слова»; «Из Зеркала великаго о прелестных женских нарядах, ими же беси смеются»; «Книга Омега ... Кирил И[е]р[у](с)[а]лимский»; «Книга Анастасия синайскаго и патерик Иер[у](с)[а]лимский, Слово 7»; «Книга патерик Египетский Кирила Философа»; «Выписано из книги Старчества печати краковской друкарни ... Слово инока Захария ко ученику своему Ефимию»; «М[е](с)[я]ц июль, 27 д[е]нь, слово с[вя]таго Василия о пьянстве»; «М[е](с)[я]ц октябрь, 7 д[е]нь. Слово с[вя]таго Антиоха о пьянстве» и др. сочинения.

(Красноярский край, Эвенкийский АО)

4. **«Сборник отца Антония».** — Рукопись второй половины XIX в. Бумага писчая со штемпелями: а) «Косинской фабрики Рязанцевых», (*Слободской уезд Вятской губернии, 1887 г.*); б) «Медянс. фаб. Первушина в Вятке», (*г. Вятка, 1871 г.*); в) «Фабрика Демидова Вязники», (*Владимирская губерния, 1874—1877*). — XVI ф. + 316 лл. В составе: выписки из Великих Миней Четых, Пролога, Апокалипсиса, Евангелия Учительного, Кормчей, сочинений отцов и учителей церкви, западных иерархов, исторических произведений, сборников актов и документов и др.

(Туруханский район Красноярского края)

5. **Сборник старообрядческий историко-догматического характера.** — Рукопись начала XX в. — 120 лл. Бумага писчая со штемпелем «ФАБРИКЪ / ЯТЕСЪ / № 5» (*1866—1891, 1910 гг.*). В составе: выписки из исторических трудов Н.И. Ивановского, П.С. Смирнова, «Истории церкви» А. Рудакова, сочинения Ивана Алексея против поповцев, «Истории русского раскола» К. Плотникова, старообрядческого журнала «Церковь»; «Собрание свидетельств от Божественнаго Писания по некоторым нужным вопросам»; «О Порфириевом согласии»; «Жалоба старообрядцев Висимскаго завода Пермской губернии на своего наставника в лето 7410 (1908)» и мн. др.

(Красноярский край, Эвенкийский АО)

6. **Сборник старообрядческий полемический.** — Рукопись первой трети XX в. — I ф. + 156 лл. Бумага белая писчая, без штемпелей и водяных знаков. Писец завершающей части сборника, предположительно Григорий Иванович Санников, один из основателей титовского согласия. В составе: [Беседа А.М. Запьянцева с К.А. Кузнецовым, «отрицанцем»]; «Письмо к нарочитому проповеднику и главному учителю отрицанцев Андрею Афанасиевичу Коновалову Слепцу послано чрез купца Акинфия Гавриловича Лаптева ... 7414-го (1905) года, м[е](с)[я]ца ноя(б)[р]я, 30-го дня»; [Замечания Григория Ивановича Санникова на книгу, именуемую «Цветник» В.Г-ча].

(Красноярский край, Эвенкийский АО)

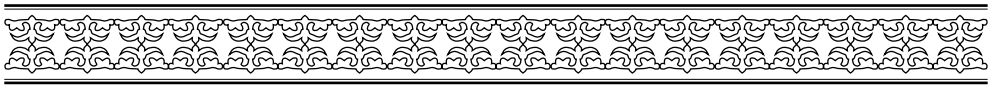
7. **Апостол.** — Москва, Печатный двор, 1638 (6.VI.7146—I.XI.7147). — Печатник — Василий Федоров Бурцов.

(Красноярский край, Эвенкийский АО)

8. **Службы и житие Николая чудотворца.** — Москва, Печатный двор, 7.VIII.1643 (22.III.—7.VIII.7151).

(Красноярский край, Эвенкийский АО)

¹ *Покровский Н.Н.* Методика комплексных археографических экспедиций (опыт экспедиций Сибирского отделения АН СССР) // Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 22–27.

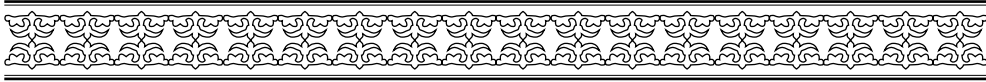

СПИСОК АВТОРОВ

- Бахтина Ольга Николаевна*, Томский государственный университет, Томск
- Беляева Ирина Михайловна*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Белякова Елена Владимировна*, Институт Российской истории РАН, Москва
- Бородихин Андрей Юрьевич*, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск
- Бубнов Николай Юрьевич*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Вознесенская Ирина Александровна*, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург
- Герд Лора Александровна*, Санкт-Петербургский Институт истории РАН
- Добрынина Элина Николаевна*, Государственный институт искусствознания, Москва
- Есипова Валерия Анатольевна*, Научная библиотека Томского государственного университета, Томск
- Зинченко Светлана Владимировна*, Национальный музей во Львове рукописей им. А. Шептицкого, Львов
- Иванова Мая Васильевна*, Кирилло-Мефодиевский научный центр, София
- Казанцева Татьяна Генриховна*, Государственная публичная научно-техническая СО РАН, Новосибирск
- Карначев Александр Евгеньевич*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Корогодина Мария Владимировна*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Лебедева Ирина Николаевна*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Лифшиц Александр Львович*, Археографическая комиссия РАН, Москва
- Макеева Ирина Ивановна*, Институт русского языка РАН, Москва
- Мартин Расселл*, Вестминстерский колледж, Нью-Вильмингтон, США
- Мудрова Наталия Александровна*, Центральная научная библиотека УрО РАН, Екатеринбург
- Найденова Десислава*, Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской академии наук, София
- Панченко Флорентина Викторовна*, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
- Подковырова Вера Григорьевна*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Поздеева Ирина Васильевна*, Археографическая лаборатория Исторического факультета Московского государственного университета, Москва
- Полетаева Елена Альбертовна*, Центральная научная библиотека УрО РАН, Екатеринбург

Список авторов

- Попова Татьяна Георгиевна*, Филиал Санкт-Петербургского морского технического университета в г. Северодвинске
- Рамазанова Джамия Нуровна*, Российская государственная библиотека, Москва
- Романова Анастасия Анатольевна*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Савельева Наталья Вячеславна*, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
- Сергеев Алексей Геннадьевич*, Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- Сизинцева Лариса Ивановна*, Костромской государственный технологический университет, Кострома
- Сиренов Алексей Владимирович*, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
- Смирнова Энгелина Сергеевна*, Государственный институт искусствознания, Московский государственный университет, Москва
- Темчин Сергей Юрьевич*, Институт литовского языка, Вильнюс
- Фрыс Вера Ярославна*, Украинский католический университет, Львов
- Чеснокова Надежда Петровна*, Институт всеобщей истории РАН, Москва
- Чистякова Марина Владимировна*, Институт литовского языка, Вильнюс
- Шибяев Михаил Алексеевич*, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
- Шустова Юлия Эдуардовна*, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Российская государственная библиотека, Москва

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	—	Археографический ежегодник
Алекс.-Свир.	—	собр. Александро-Свирского монастыря, БАН
Арх. Д.	—	собр. Архангельского Древлехранилища, БАН
Арх. Красног.	—	собр. Красногорского монастыря, БАН
Арх. С.	—	собр. Архангельской семинарии, БАН
БАН	—	Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург
Белокр.	—	Белокриницкое собр., БАН
Брике	—	Briquet С.М. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu' en 1600. Genève. 1907. V. 1—4
Бурц.	—	собр. А.Е. Бурцева, БАН
ВВ	—	Византийский временник
Волок.	—	собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, РГБ (ф.113)
ВХНРЦ	—	Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря, Москва
ГБЛ	—	Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ныне РГБ), Москва
Гильф.	—	собр. А.Ф. Гильфердинга, РНБ
ГИМ	—	Государственный исторический музей, Москва
ГПБ	—	Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ), Санкт-Петербург
ГПНТБ	—	Государственная Публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск
Греч.	—	собр. греческих рукописей, РНБ
ГРМ	—	Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
Груић	—	собр. Груича, Музей на Срѣбската православна църква, Белград
Десн.	—	собр. В.А. Десницкого, РГБ (ф.439)
Дмитр.	—	собр. А.А. Дмитриевского, БАН
ДРВ	—	Древняя российская вивлиофика
Егор.	—	собр. Е.Е. Егорова, РГБ (ф. 98)
ЕУ	—	Энциклопедія українознавства
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЗНТШ	—	Записки НТШ
Зогр.	—	собр. Зографского монастыря св. Георгия, Афон
ИМБит СО РАН	—	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ИР НБУ	—	Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, Киев

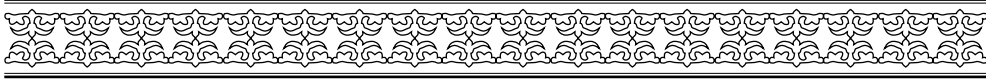
Список сокращений

ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
КГУАК	—	Костромская губернская ученая архивная комиссия
Кир.-Бел.	—	Кирилло-Белозерское собр., РНБ
КМНЦ	—	Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской АН, София
Лихачев	—	Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1–3
МГУ	—	Московский государственный университет
МДА	—	собр. Московской духовной академии
Мошин	—	Mošin V. A., Traljić S. M. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka. Zagreb, 1957. V. 1–2
МСПЦ	—	Музей на Срѣбската православна църква, Белград
НБ	—	Научная библиотека
НБИВ	—	Народна библиотека «Иван Вазов», Пловдив
НБКМ	—	Национална библиотека «Св. св. Кирил и Методий», София
НГМ	—	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НТШ	—	Наукове товариство ім. Шевченка, Львов
ОИДР	—	Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОИМ	—	Окръжен исторически музей, Шумен
ОИРК ГЭ	—	Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
ОЛДП	—	собр. Общества любителей древней письменности, РНБ
ОННБ	—	Одесская национальная научная библиотека им. М. Горького
ОПИ	—	Отдел письменных источников, ГИМ
ОР	—	Отдел рукописей
ОРК	—	Отдел редких книг
ОРКП НБ ТГУ	—	Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета
ОРРК	—	Отдел рукописной и редкой книги
ОРЯС	—	Отделение русского языка и словесности АН
ОСРК	—	Основное собрание рукописной книги, РНБ
ПГХГ	—	Пермская государственная художественная галерея
ПДП	—	Памятники древней письменности
ПДПИ	—	Памятники древней письменности и искусства
Пиккар Архив	—	Hauptstaatsarchiv Stuttgart, Wasserzeichensammlung Piccard — http://www.piccard-online.de
ПКНО	—	Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник
Поп.	—	собр. А.Н. Попова, РГБ (ф. 236)
ПЭ	—	Православная энциклопедия
РАИК	—	собр. Русского археологического института в Константинополе, БАН

РАН	—	Российская академия наук
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГБ	—	Российская государственная библиотека, Москва
РГИА	—	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РК	—	Редкая книга
РНБ	—	Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
Рогожск.	—	собр. Рогожского кладбища, РГБ (ф. 247)
Рум.	—	собр. Н.П. Румянцева, РГБ (ф. 256)
Рыл.	—	собр. Национального музея «Рыльский монастырь», Болгария
Син.	—	Синодальное собр., ГИМ
Син. тип.	—	собр. Московской синодальной типографии, РГАДА (ф. 381)
СККДР	—	Словарь книжников и книжности Древней Руси
СО РАН	—	Сибирское отделение РАН
Солов.	—	собр. Соловецкого монастыря, РНБ
СПб ИИ РАН	—	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбДА	—	собр. Санкт-Петербургской Духовной академии, РНБ
ТГУ	—	Томский государственный университет
Тим.	—	собр. Н.В. Тимофеева, БАН
Тит.	—	собр. А.А. Титова, РНБ
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы
ТОКМ	—	Томский областной краеведческий музей
Трц.	—	Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры, РГБ (ф. 304/1)
Увар.	—	собр. А.С. Уварова, ГИМ
УрГУ	—	Уральский государственный университет, Екатеринбург
Успен.	—	собр. М.И. Успенского, БАН
ХАЗУ	—	Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Загреб
Хлуд.	—	собр. А.И. Хлудова, ГИМ
Цет.	—	собр. Цетиньского монастыря Государственного музея Цетинье, Черногория
ЦИАИ	—	Национален църковно историко-археологически музей при Св. Синод, София
Чертк.	—	собр. А.Д. Черткова, ГИМ
ЧОИДР	—	Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
Чуван.	—	собр. М.И. Чуванова, БАН
Чуд.	—	собр. Чудова монастыря, ГИМ
Шварц	—	Шварц Е.М. Новгородские рукописи XV века. Кодикологическое исследование рукописей Софийско-новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989

Список сокращений

ЯОБ	—	Ярославская областная библиотека
Яцим.	—	собр. А.И. Яцимирского, БАН
CDS/ISIS	—	Computerized Documental System / Integrated Set of Information System
Cod.	—	codex
Кор.	—	собр. Е. Копитара (Kopitar), Narodna in Univerzitetana knjižnica, Любляна
Par.	—	Bibliothèque Nationale de France, Париж
RSBN	—	Rivista di studi bizantini e neollenici, Рим
Vat	—	Biblioteca Apostolica Vaticana, Рим
WZMA	—	Wasserzeichen des Mittelalters: http://www.ksbm.oeaw.ac.at

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора 5

Часть 1

Научное описание рукописей и создание Сводных каталогов

<i>Беляева И.М.</i> К вопросу о сохранении рукописных памятников (на примере БАН)	8
<i>Бубнов Н.Ю.</i> Систематическая серия описания рукописей в Библиотеке Академии наук: замысел и воплощение	14
<i>Добрынина Э.Н.</i> О двух греческих рукописях X в. (РНБ, СПбДА Б I 5 и Греч. 89): материал для Сводного каталога греческих иллюминированных рукописей в российских хранилищах....	22
<i>Поздеева И.В.</i> Московская печатная книга второй половины XVII в. в Ростово-Ярославском регионе.....	33
<i>Панченко Ф.В.</i> Сводный каталог славяно-русских нотированных певческих рукописей: предварительные замечания	43
<i>Белякова Е.В.</i> О задачах составления сводного каталога канонических памятников.....	50
<i>Найденова Д.</i> О работе над каталогом славянских юридических рукописей из собраний болгарских библиотек.....	55
<i>Бахтина О.Н.</i> Томская коллекция рукописей на бересте (проблемы реконструкции, изучения и описания)	64
<i>Есипова В.А.</i> Палеографические особенности сибирской старообрядческой книги (по материалам ОРКП НБ ТГУ)	72
<i>Иванова М.В.</i> Собрания микрофильмов и фотокопий рукописей — проблемы научного сохранения и описания	82

Часть 2

Изучение разрозненных собраний и реконструкция библиотек

<i>Сергеев А.Г., Шибяев М.А.</i> Кирилло-Белозерский писец первой трети XV в. Мартирий.....	92
<i>Смирнова Э.С.</i> Книжные мастера Великого Новгорода времени архиепископа Геннадия (1484—1504). Новое в работе миниатюристов и орнаментаторов (по материалам новых атрибуций).....	109

<i>Корогодина М.В.</i> О происхождении Мерила праведного	125
<i>Темчин С.Ю.</i> Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500—1532 гг.): новые данные	131
<i>Полетаева Е.А.</i> Библиотека Кожеозерского монастыря (вопросы реконструкции).....	138
<i>Мудрова Н.А.</i> Рукописные книги в библиотеках Строгановых XVI — начала XVIII вв.	153
<i>Рамазанова Д.Н.</i> «Школа письма» Луки Бозеу: выявление, описание и изучение рукописей, принадлежащих одной писцовой школе (по рукописям РНБ и БАН).....	165

Часть 3

**Изучение рукописной традиции
средневековых памятников**

<i>Лифшиц А.Л.</i> О дате написания Архангельского Евангелия из собрания Румянцевского музея	180
<i>Карначев А.Е.</i> Латинские пометы в списке Бесед Иоанна Златоуста на Апостольские деяния БАН, РАИК 112.....	187
<i>Герд Л.А.</i> Покаянные главы в поствизантийских номоканонах (некоторые предварительные замечания).....	199
<i>Макеева И.И.</i> Сказания о чудесах Николая Мирликийского и литературный цикл святого в русской рукописной традиции	207
<i>Чистякова М.В.</i> Измарагд в составе новгородской редакции Простого пролога	228
<i>Мартин Р.Э.</i> «Государева радость» — новые источники и текстологические загадки рукописных сборников, включающих в себя описания царских свадеб XVI—XVII вв. (по материалам Библиотеки РАН)	236
<i>Чеснокова Н.П.</i> «Хрисмологион» Паисия Лигарида в рукописных собраниях ГИМ и РНБ: предварительные замечания.....	247
<i>Попова Т.Г.</i> Рукописи Лествицы Иоанна Синайского в собраниях Библиотеки РАН	255
<i>Романова А.А.</i> Проблемы поиска и описания агиографических памятников XVII в., посвященных местным святыням	264
<i>Подковырова В.Г.</i> Изображения монашеского подвига по «Лестнице» преп. Иоанна Синайского в лицевых рукописях БАН. К вопросу об источниках и типах иконографии.....	269
<i>Савельева Н.В.</i> К вопросу о печатных источниках поздних рукописных сборников	289
<i>Вознесенская И.А.</i> Рукописная книга о Петре Великом из собрания ВИМАИВиВС	298

Часть 4

**История формирования коллекций
и археографические экспедиции**

<i>Сиренов А.В.</i> Петербургский список Окладной книги Сибири 1697 г. — рукопись из библиотеки В.Н. Татищева	304
<i>Лебедева И.Н.</i> Опыт изучения двух личных библиотек: Петра I и М.В. Ломоносова	309
<i>Сизинцева Л.И.</i> «Разве я не народ?...» Письмо В.И. Смирнова о Н.Н. Виноградове	317
<i>Шустова Ю.Э.</i> «Опись Музея Ставропигийского Института во Львове» И.С. Свенцицкого как первый опыт комплексного описания памятников письменности собрания Львовского Ставропигиона	327
<i>Зинченко С.В.</i> История формирования коллекции Евангелий из собрания кириллических рукописей Национального музея во Львове имени Андрея Шептицкого	336
<i>Фрыс В.Я.</i> Формирование в Украине новых коллекций кириллических рукописных книг (60-е гг. XX — начало XXI вв.)	349
<i>Казанцева Т.Г.</i> Певческие рукописи Забайкалья: к проблеме восстановления целостности книжного комплекса староверов-семейских	353
<i>Бородихин А.Ю.</i> Перспективы археографического исследования старообрядческих поселений Нижнего Енисея	359
<i>Список авторов</i>	365
<i>Список сокращений</i>	367

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ

Сборник статей по материалам конференции,
проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г.

Редактор *О.Г. Юдахина*

Корректор *Ю.С. Гоцман*

Художественное оформление *А.В. Ухвалова*

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Тираж 171. Заказ №